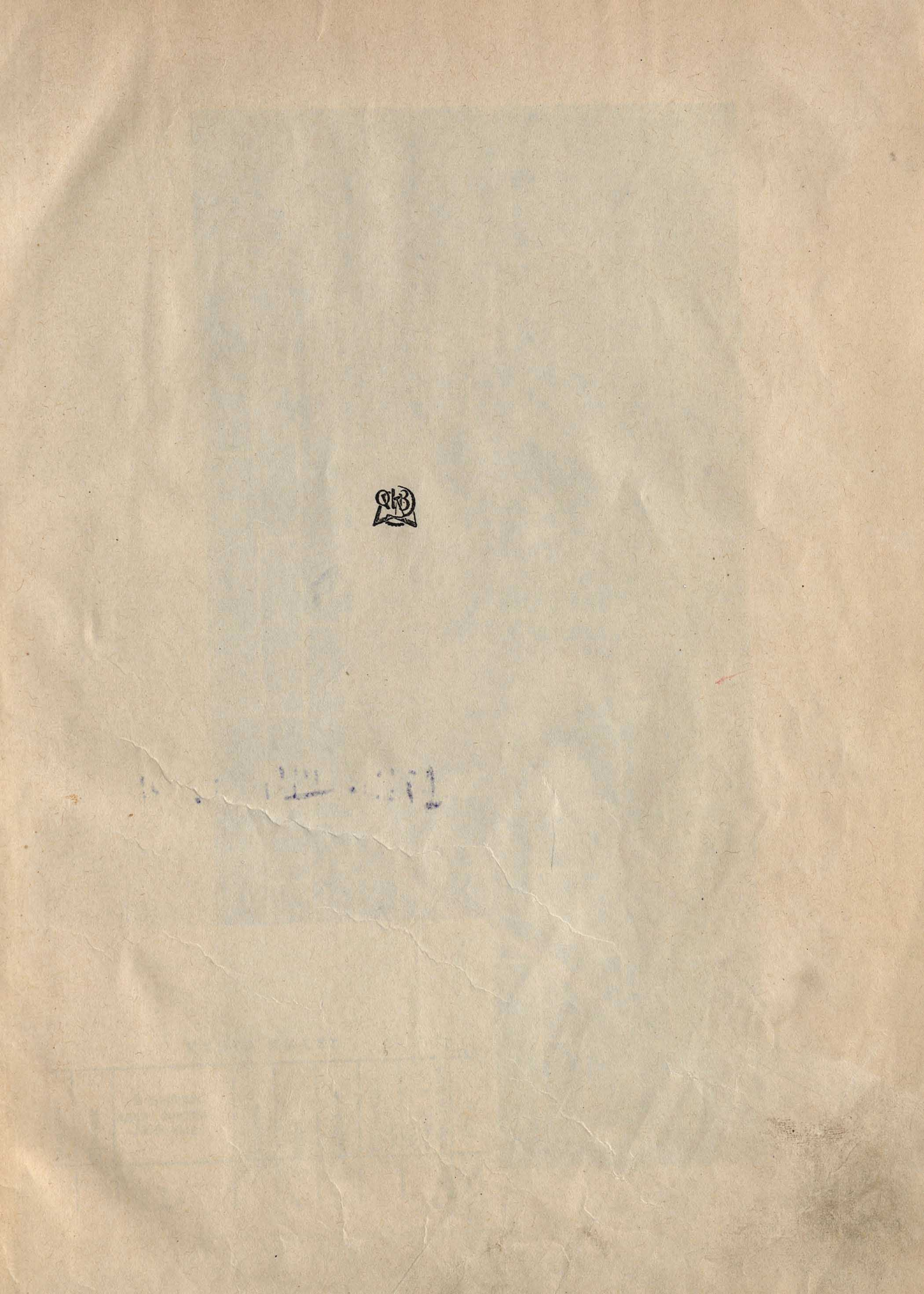
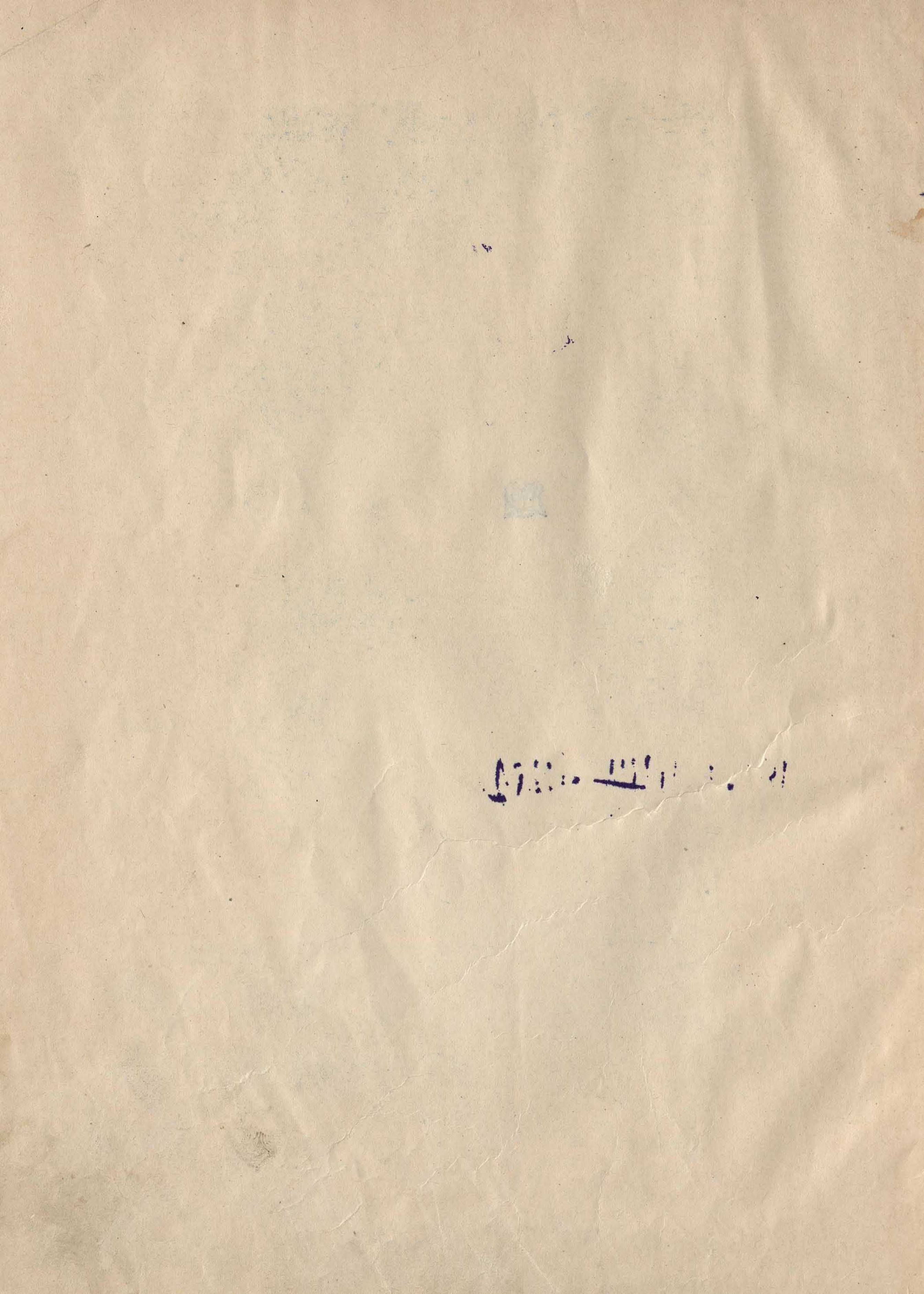
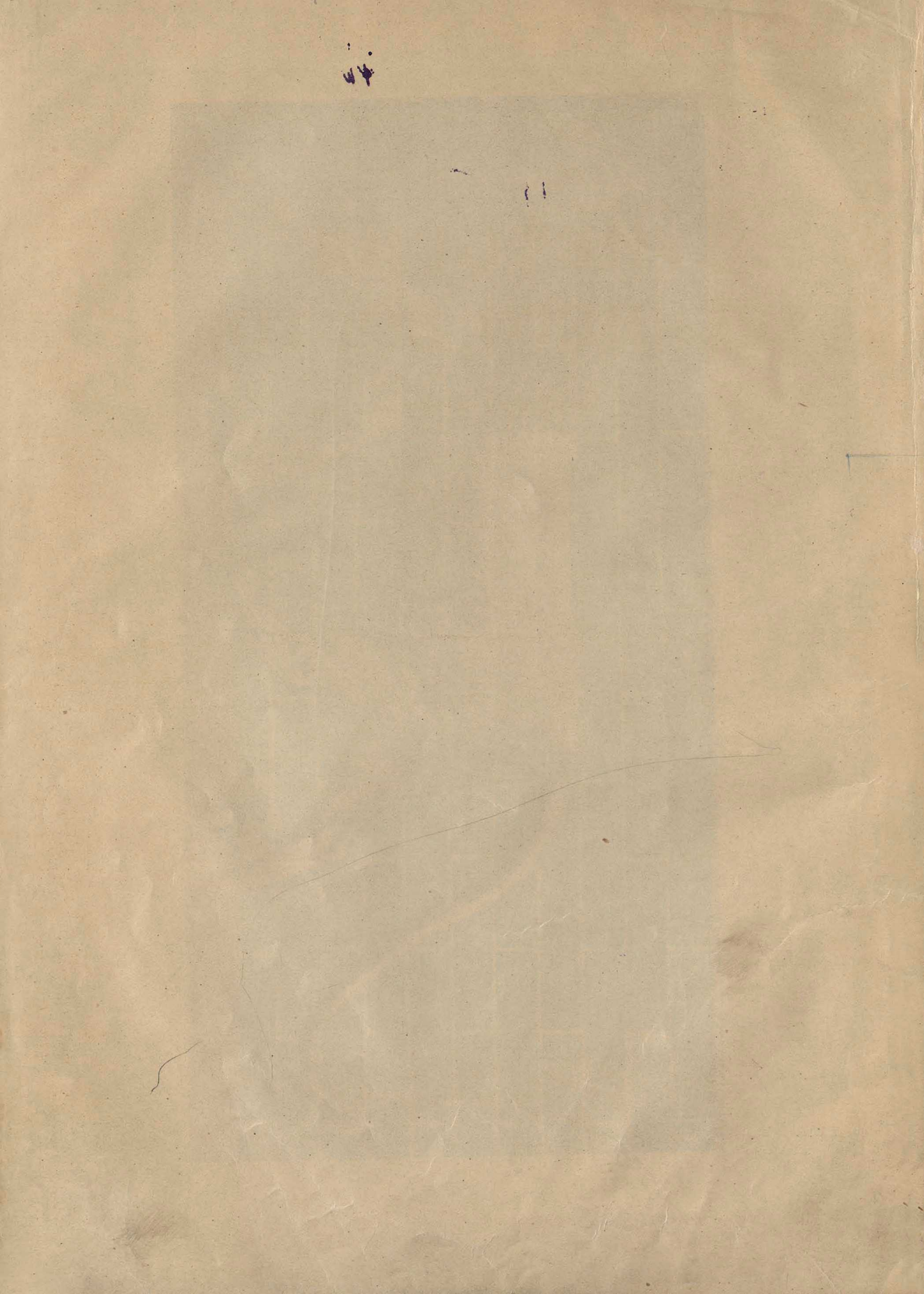




96

КНИГА ИМЕЕТ

печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	197 г.
		Т2		1	5		и	[illegible]/27



Б. А. ТУРАЕВ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

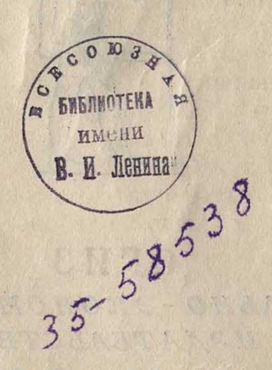
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. СТРУВЕ и И. Л. СНЕГИРЕВА

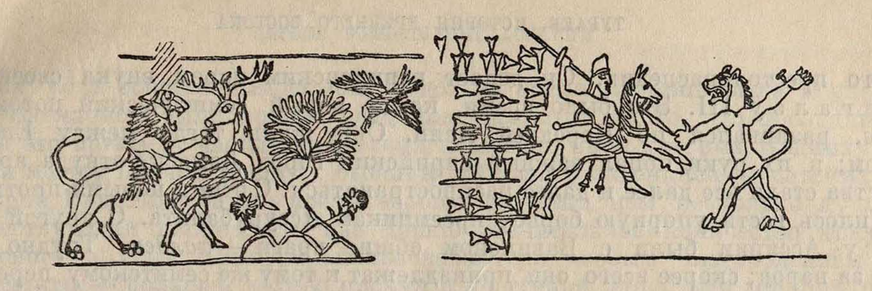
ТОМ II

ОГИЗ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ленинградское Отделение
1935

Книга является подробным курсом по истории Древнего Востока и охватывает материалы древнейших обществ Египта, Вавилонии, Ассирии, Палестины, Сирии, Малой Азии и Ирана. Книга снабжена большим количеством переводов с оригиналов различных литературных памятников и письменных документов социально-экономического характера, рисующих нам различные стороны жизни древне-восточных обществ. Предисловие акад. В. В. Струве и И. Л Снегирева посвящено определению значения работы акад. Б. А. Тураева в развитии исторического изучения народов Древнего Востока и характеристике социально-экономической формации Древнего Востока.

Книга рассчитана на учащихся старших курсов вузов и преподавателей.





ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ПРЕОБЛАДАНИЕ АССИРИИ

ПЕРВОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ АССИРИИ

Находясь в треугольнике между Тигром, Нижним Забом и горами Загра, Ассирия подвергалась постоянным нападениям Митанни и других окрестных народов. Успешно боролся с ними Самсиадад III (нач. XVII в.), «обладатель страны между Тигром и Евфратом», сообщивший в посвященной сооружению храма Энлиля в Ассуре и найденной германской экспедицией надписи следующее: «я принял дань царей Тукриша (вероятно, у озера Урмия) и царей верхней страны; мое великое имя и мою надпись на камне поместил я в стране Ливана, на берегу великого моря». Однако эти успехи были непрочны. Мы знаем из богазкеойских документов, что прадед Тушратты, Шаушатар около 1430 г. даже овладел Ассуром, последствием чего были вассальные отношения Ассирии к Митанни. Даже Ниневия входила в состав владений еще Тушратты. Против этих врагов, а также для освобождения от вавилонской опеки, ассирийские цари, пока они были слабы, старались опираться на Египет. В Телль-амарнском архиве сохранилось два письма ассирийского царя Ассурубалита к Аменхотепу IV. Он припоминает, что сношения с Египтом начались еще при его предке Ассурнадинахи, вероятно современнике Тутмоса III, от которого он получил 20 талантов, может быть, в ответ на упоминаемые в анналах Тутмоса под 23-м годом дары ассирийского царя — «три больших куска настоящего ляпис-лазури и три куска голубого камня из Вавилона». Он и теперь посылает фараону подарки — не только лазоревый камень, но и коней с колесницами, и усиленно просит золота, необходимого ему для постройки дворца, с обычным припевом, что его в Египте столько же, сколько песку. Мы знаем, как на самостоятельные сношения Ассурубалита с фараоном посмотрел вавилонский царь Буррабуриаш. А между тем положение Вавилона в это время было далеко не таково, чтобы повелевать, особенно Ассирией.

Ассурубалит был освободителем Ассирии от ига Митанни. Он выдал свою дочь за наследника вавилонского престола, Караиндаша II. Сын последнего, К а д а ш м а н - Х а р б е II старался провести дорогу через Сирийскую пустыню, и с этой целью копал там колодцы и основывал колонии, может быть, желая пробиться к морю, минуя Месопотамию, но в самый разгар своей деятельности был убит касситами, вероятно недовольными его ассирийскими связями. Они посадили своего царя Шузигаша (или Назибугаша), который был вскоре свергнут Ассурубалитом. Этот царь, таким образом, из вассала сделался как бы блюстителем законности вави-

лонского престолонаследия. Он делает вавилонским царем внука своей дочери, Куригалзу III. Это было время, когда новый семитический поток, в виде *арамеев*, разливался по Передней Азии. Они жили тогда между Евфратом и Хабором; в их руки попал важный сирийский город Дамаск, откуда арамейские княжества стали все далее и далее распространяться. С этими новыми противниками приходилось вести упорную борьбу преемникам Ассурубалита. С другой стороны, на юге у Ассирии были с Вавилоном общие враги — *халдеи*. Трудно сказать, что это за народ; скорее всего они принадлежат к тому же семитскому переселению, что и арамеи. Целый ряд халдейских княжеств (Бит-Якин и др.) стал обходить земли вавилонских царей с севера и с запада, а с востока попрежнему грозили эламиты. История вавилонских и ассирийских царей долгое время заполнена войнами с Эламом, халдеями и друг с другом. Уже при Куригалзу III (1351—27) эламский царь Хурбатила вторгся в Вавилонию, но был разбит; Куригалзу преследовал его, кажется, до самых Суз. Кроме того ему пришлось воевать с ассирийским царем, победителем Каспиев Энлиль-Нирари, который его разбил. Результатом было равноправие Ассирии, как великой державы, и стремление ее к расширению владений. Обстоятельства отчасти благоприятствовали: старый враг Митанни был унижен, хеттам было много дел с Египтом; последний едва мог удержать Южную Сирию. И вот, Салманасар II (нач. XIII в.) начинает собою ряд ассирийских царей-воителей. Он покоряет лежащие к северо-западу горные страны: Уруатри (вероятно, более позднее Урарту), Химме, Луха и т. д., вторгается в Митанни и разбивает на-голову царя этой страны Сатуара, имевшего союзниками хеттов и арамеев. Вся область до Кархемиша попадает в его руки. Затем он проник на север, в Армению и настроил здесь ассирийских колоний. Столицей расширившегося государства он сделал Калах по ту сторону Тигра. Такая могущественная держава, конечно, должна была стремиться к расширению и на юг — к господству над священным Вавилоном. Салманасар удачно воевал с вавилонским царем Кадашман-Буриашем. Найденные Винклером в Богазкеое хеттские документы проливают свет и на вавилоно-ассирийскую историю этого времени. Хаттушиль переписывался и с вавилонскими царями Кадашман-Тургу и Кадашман-Буриашем, он был с ними в союзе, как и с Египтом, и имел общего врага — Ассирию. Кадашман-Буриаш вступил на престол еще мальчиком и не без затруднения. Его первый министр Итти-Мардук-балату содействовал его воцарению и затем захватил дела в свои руки. Хаттушиль во время смут вмешался и пригрозил вавилонянам, что если сын его союзника не получит престола, он откажется исполнять свои союзные обязательства. Министр пришел в гнев и написал ему в письме: «ты не пишешь, как брат, а приказываешь, как вассалам», он даже прервал сношения; тогда Хаттушиль написал самому царю письмо с объяснениями и с жалобами на министра, между прочим извещал его о заключении мира с Египтом и напомнил, что о войне с последним он также своевременно известил его отца. Здесь же он касается жалобы вавилонского двора на ограбление каравана, направлявшегося в Северную Финикию. Виновным выставляется аморейский князь Бантишинни, хеттский вассал. Хаттушиль обещается привлечь его к ответственности в присутствии вавилонского посла. В конце письма он говорит: «я слышал, что мой брат созрел до мужества и имеет склонность к охоте. Я рад, что Тешуб благословил сына моего брата Кадашман-Тургу. И вот, иди и разгроми землю врага... не медли, ступай на врага, разбей врага... выступи против страны, сильнее которой ты в два, три и четыре раза»... Само собой разумеется, что этот враг — общий — Ассирия. Мы знаем, что Кадашман-Буриаш последовал этому совету, но не к добру — он был разбит Салманасаром. Преемник последнего, Тукультининиб уже в первый год своего царствования (ок. 1260) покорил племена Киту и Шубару на севере и востоке, разбил коалицию из 40 царей Наири (у оз. Вана), наконец овладел самим Вавилоном и даже увез в Ассирию царя Каштилиаша и печать его отца. Вавилонянам скоро удалось освободиться: Тукульти-

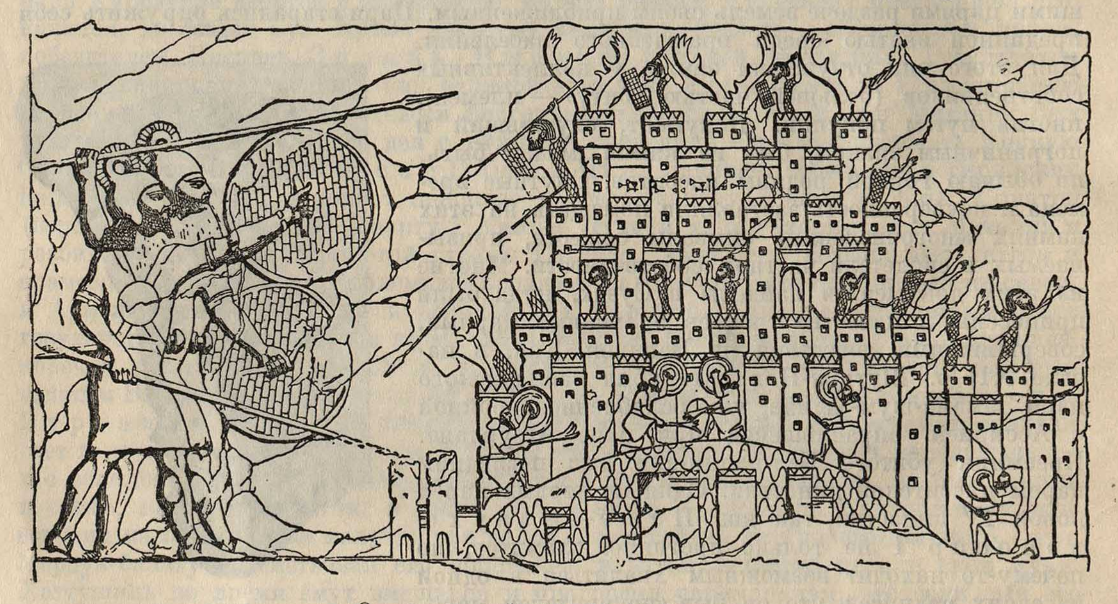
ниниб был убит собственным сыном, и долгое время Ассирия была в упадке; ее войны с Вавилоном были крайне неудачны, несмотря на то, что последний тоже страдал в это время от частых нашествий эламитов, царь которых Кидинхутрудаш разграбил между прочим Ниппур, бывший любимой резиденцией касситских царей.

История Вавилона за это время вообще известна нам несколько лучше, чем в предшествующий период. До нас дошло значительное количество документов из храмового архива Ниппура, пользовавшегося особым благоволением царей. Эти документы — большей частью письма и донесения царю, как земному представителю Энлиля и покровителю его храма. В них царь называется обыкновенно «господином» почти в божеском значении. Другими важными источниками для внутренней истории Вавилонии являются многочисленные «кудурру», обязанные своим происхождением широко практиковавшейся касситскими, а равно и последующими царями раздаче земель своим приближенным. Цари старались окружить себя преданной знатью среди враждебного населения. Для этого они отчуждали землю у коллективных собственников (большей частью «биту» — племен), иногда путем покупки. Документ, служивший и пограничным знаком, был из камня, может быть, по обычаю горной родины касситов. Смутные времена и неуверенность заставляли помещать на этих камнях многочисленные символы божеств, призываемых в свидетели частной собственности. Многие из этих документов найдены в Сузах, куда были принесены в качестве трофеев эламскими царями, совершившими нашествия на Вавилон. Так, в начале XII в. Шутрук-Наххунте убил вавилонского царя Замама-шум-эддина, уже ослабленного войной с Ассирией, оправившейся при царе Ассурдане. Преемник убитого Бел-надин-ахи был последним царем касситской династии. Один из первых царей новой IV династии, так наз. Паше — Навуходоносор I не только прогоняет эламитов, но почему-то находит возможным хвалиться в одной из своих надписей, что он был «покорителем могучей страны Лулубеев», «покорил страну Амурра (Сирию) и разграбил касситов». Возможно, что он решился воспользоваться параличом Египта при Рамессидах и напомнить времена Хаммурапи. Хеттское царство еще существовало (преемники Хаттушиля — Дудхалия и Арнуанта), но уже не имело прежней силы — передвижения племен подточили его. Но подъем Вавилона продолжался недолго. В Ассирии современником Навуходоносора был Ассур-реш-иши, не только отразивший нашествие вавилонян, но и нанесший им поражение. В конце XII в. в Ассирии царствовал Тиглатпаласар I. К его времени из ассирийцев под влиянием постоянных войн выработалась крепкая солдатская нация, которая уже не довольствовалась землями своей родины. Тиглатпаласару I в нескольких походах удалось победить врагов Ассирии на севере, где он совершил трудные походы в горных странах Наири (Армении), и на западе, где он разгромил последнего хеттского царя, сражался с хеттскими племенами мосхов и др., явившихся как результат большого движения народов. Арамейские орды (Ахламу ассирийских текстов) он прогнал за Евфрат и покорил области: Нухашше, Ни, Катну, северную часть Ливана; всего в первые пять лет своего царствования он подчинил 42 страны с их царями, от Нижнего Заба, дальних гор до берегов Евфрата, страны Хатту и Верхнего моря, где заходит солнце. Он дошел до Финикии, плавал на арадских кораблях по Средиземному морю и, что

Ассириец.

весьма важно, получил почетные дары от царя Египта, в том числе крокодила и гиппопотама — это был поворотный пункт в истории Древнего Востока. Но вавилонские дела его были неудачны. Сначала он даже, кажется, покорил Вавилон, но потом царь последнего Мардукнадинахи не только прогнал его назад, но даже сам вторгся в Ассирию и увез оттуда статуи богов, которые через 418 лет удалось вернуть Синахерибу. Вавилонский царь принял титул царя Сумира и Аккада, Ассирия же потеряла на три века свое значение.

Однако и Вавилонское царство переживало тяжелые времена, будучи постоянно под угрозой арамеев и халдеев. Повидимому, узурпатор Ададплуиддина (исх. XI в.), свергший преемника Мардукнадинахи, был арамейского происхождения; халдейского происхождения была, повидимому, следующая пятая династия (три царя — 21 год, в полов. XI в.). Один из последующих царей, уже VIII дин., Набуаплуиддин, по



Осада ассирийцами горной крепости.

поводу реставрации храма Шамаша в Сиппаре, в вводной части своей надписи упоминает об этом смутном времени: «Суту (арамейское племя) враждебные злые люди во время опустошений Аккада разорили Ибарру (храм Шамаша), что в Сиппаре, уничтожили его изваяние. Закон Шамаша был забыт, его изображение исчезло». Основатель пятой династии Шильмаш-Шипак не нашел его; при его втором преемнике Кашшу-надин-ахи были голод и неурядица, и храм не мог быть восстановлен. Частичная реставрация была произведена только при основателе шестой династии («дом Бази») Э-ульмаш-шакин-шуме. Но эта династия дала тоже трех царей при 20 годах, уступив престол узурпатору эламиту (конец XI в.). После него до конца IX в. правили 13 царей VIII династии; нам неизвестны даже имена их. В царствование первого из них, Набу-мукин-апла (его грубое, но характерное изображение на одном из кудурру воспроизведено в начале этой главы), набеги арамеев были особенно дерзки, доходили до Вавилона и Борсиппы, так что царь не всегда мог в день нового года совершить обычную церемонию и статуя бога Набу не могла быть доставлена по Евфрату в Вавилон.

Итак, в Вавилоне в то время цари так же не были могущественны, как и в Египте; Хеттского государства уже не существовало. Таким образом, в Перед-

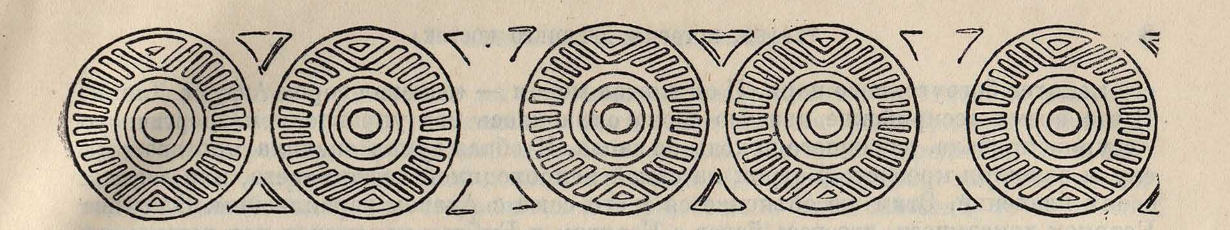
ней Азии не было сильной державы; это благоприятствовало процветанию ряда мелких царств: *еврейского*, где тогда царствовали Давид и Соломон, городовых царств *Финикии* (Хиром в Тире) и арамейских княжеств, из которых главное было в *Дамаске*. Арамеи в это время окончательно осели в Северной Месопотамии до Балиха; там они, между прочим, образовали царство *Битадини*. Обломки хеттской державы еще существовали: так, на правом берегу Евфрата находилось царство *Самаль*, состоявшее из отдельных княжеств; оно сильно обарамеилось; в надписях его мы встречаем семитический язык с многими хананейскими формами; древнейшие из них семитологи прямо называют финикийскими. Религия здесь также была близка к ханаанской; главный бог носил имя, известное в Финикии и Вавилоне — Адад, его огромный грубый каменный идол, найденный в Зендширли, находится в Берлинском музее. Полу-хеттами, полу-арамеями были также *патинеи* (может быть, Падан-Арам библии), жившие на границе Сирии и Малой Азии, в то время как соседний *Мараш* был уже представителем чисто-хеттской культуры. Но в других пунктах, напр., в Кархемише, хетты удержались еще против арамеев. Вероятно к этому времени относятся также открытые Оппенгеймом в 1899 г. на Хабуре в Месопотамии у Телль-Халафа остатки «дворца царя Капара, сына Ханпана», как гласит клинообразная надпись ассирийского письма на обломках скульптур несомненно хеттского стиля. В числе их следует указать на барельеф бога Тешуба, на единственный в своем роде бюст Астарты под покрывалом, на каменные плиты с рельефными изображениями льва, грифона, охоты на оленя и т. п. Все они крайне интересны в археологическом отношении и указывают (особенно удивительный грифон) на влияние как вавилоно-ассирийского, так и египетского искусства. В архитектуре хетты Северной Сирии выработали своеобразный тип постройки «хилани». Это — монументальные части дворцовых сооружений с толстыми стенами и башнями, заключавшие в себе прямоугольные залы для приемов и аудиенций, но служившие и целям защиты. Тиглатпаласар II говорит, что он заимствовал в стране Хатти идею этих бит-хилани для своего дворца в Калахе. Саргон соорудил в Хорсабаде «аппати по образцу дворца страны Хатти, называемого на языке Запада бит-хилани». Эта хорсабадская постройка по плану напоминает одно из хилани раскопанного германскими археологами дворца в Самале.

Много новых сведений об *Ассирии* за древний период ее истории рассеяно в мало доступных публике отчетах (Mitteilungen) немецкого Orientgesellschaft; здесь же (в 35 выпуске) предварительный отчет Винклера о богазкеойских документах. Надписи, найденные немецкими археологами в Ассуре, изданы по бумагам пок. Мессершмидта — Delitzsch, Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, I (Wissenschaftliche Veröffentlichungen d. Deutsch. Orientgesellschaft, 16). Изданы пока одни тексты, без переводов и исследований. См. заметку Weidner'a в журн. Memnon VI.

Документы из Ниппура см. XVII т. I серия The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Letters to Cassite Kings from the temple archives of Nippur. Philad., 1908. Тексты изданы, снабжены переводами и исследованиями. Кудурру Британского музея изданы (факсимиле), переведены и объяснены King, Babylonian Boundary-Stones and Memorial tablets. Lond., 1912. Юридическая работа о кудурру принадлежит E. Cuq, La propriètè foncière en Chaldée d'aprés les pierres — limites (koudourrous) du Musée du Louvre (Nouvelle Revue historique du droit, XXX, 1906, 701—739). Автор сравнивает представляемое в этих памятниках землевладение с общинным, между прочим, у славян, доказывает, что они создавали отдельные случаи частной и наследственной земельной собственности, ограждая ее от возвращения и избавляя от повинностей в пользу царя (право требовать людей у городов общины для ирригационных работ, для сооружения мостов и дорог, право пастбищ), начальника племени (право выбирать из сборов жатвы, право требовать подводы и ослов и т. п.), соседей. Существование общинного землевладения на ряду с частным, засвидетельствованным законами Хаммурапи, автор склонен объяснять частью как явление вторичное, обязанное происхождением чуждым племенам, осевшим на окраинах (напр., Хаббан в

Намаре), частью в центре страны, как остаток древности, удержавшийся особенно на берегах каналов, где сложные работы не могли быть предприняты отдельным собственником и поддерживали связь фамилий.

Об *арамеях*, *хеттах* и др.: П. К. Коковцев, Надписи из Нираба. Зап.-Вост. отд. Р. арх. общ. XII. Sanda, Die Aramäer. D. Alte Orient. IV, 3. M. Streck, Ueber d. älteste Geschichte der Aramaer. Klio VI. — Ausgrabungen in Sendschirli. Mitteil. a. d. Orientalischen Sammlungen K. Museen. Oppenheim, Der Tell Halaf. D. Alte Orient. X, 1. Puchstein, Die Saüle in der assyrichen Architecktur. Jahrb. d. Archäol. Instituts, 1892. Lidzbarski, Die stele v. Ordek-burnu (Ephemeris f. Semitische Epigraphik III), издание и попытка объяснения плиты с изображением в хеттском стиле и надписью семитическим алфавитом на непонятном языке с отдельными семитическими словами, вероятно происходящей из эпохи самого начала проникновения семитизма в хеттскую среду (X в.). Тураев, К истории хеттского вопроса (история Мараша). Зап. клас. отд. Р. арх. общ.



ФИНИКИЯНЕ В X—IX ВЕКАХ

Время упадка Египта и взаимных междоусобий возрастающей Ассирии и Вавилона было единственно возможным для появления в Сирии царств с самостоятельной политикой и некоторым могуществом. Менее, чем о евреях при Давиде и Соломоне, осведомлены мы о финикиянах, с которыми уже неоднократно приходилось встречаться, но и о них мы знаем, что единственный момент в истории, когда они были вполне независимы (ср. Закарбаал в отчете Унуамона) и близки к созданию крупного политического целого, был именно X век. Этому естественному совпадению мы обязаны тем, что Иосиф Флавий сохранил для нас драгоценные, хотя и прошедшие чрез греческие руки, отрывки тирских летописей той эпохи, когда евреи играли вместе с финикиянами историческую роль и находились с ними в наиболее оживленных сношениях.

Если верить Юстину, филистимляне, поселившись во время Рамсеса III в южной части сирийского берега, во время своих разбойничьих нападений разрушили Сидон. Это обстоятельство было выгодно для вечного соперника его — Тира, который завладел морской торговлей и извлек пользу из выгод исторического момента. Мы встречаем во главе его царя Х и р о м а I (или Хирама, 969—936), о котором летописи, в изложениях Менандра и Дия, повествуют как о государе с замашками деспотов великих держав; с этой же стороны знает его и библия, которая говорит об его экспедициях вместе с Соломоном в Офир и Тарсис. Он был и великим строителем. Восточную часть островного Тира он расширил, присыпав целую часть, в греческое время называвшуюся Еврихором и служившую, может быть, площадью для базаров и народных собраний. Раскопки действительно обнаружили насыпной песок вместо скалы древних частей. За этой грандиозной работой последовали постройки, столь любимые восточными царями. Ливанские кедры и сокровища Офира дали ему материал, и он снес древние храмы и вместо них соорудил в честь Мелькарта и Астарты новые, более соответствовавшие величию разбогатевшего города. Стоявший на особом островке храм Ваала небесного он соединил с городом, засыпав пролив, и пожертвовал в этот храм золотую колонну. Кроме того о нем сообщают, что он ходил против африканской Утики, не желавшей платить податей. Это указывает на подчиненное отношение колоний и на то, что тирский царь был действительно владыкой огромной морской державы. После его смерти царствовал сын его В а л е а з а р (936—919), о котором мы ничего не знаем, а после него — А б д а с т а р т (919—910), убитый сыновьями своей кормилицы, которые затем царствовали один за другим (Астарт, Астарим, Фелит) до 878 г., когда основал новую династию, убив Фелита, известный из библии отец Иезавели И т о б а а л. Летопись сообщает, что при нем было бездождие, известное из истории пророка Илии, и что народ приписывал прекращение

его молитве богоугодного царя. И он владел морем — «основал город Авзу» в Ливии. В это время ассирийское царство снова оправилось под управлением энергичного Ассурнасирабала, начавшего походы на запад. Итобаал думал сначала противостать ему и заложил крепость Ботрий на самой непроходимой части берега, для защиты своих владений. Этим же объясняется и его союз с Ахавом израильским. Владение Ботрием доказывает, что весь берег с Беритом и Библом находился под гегемонией тирского царя, который носит титул «царя сидонян», да и для Ахава союз был скорее похож на вассальную зависимость. Но такое великодержавное положение не могло продолжаться долго: борьба с Ассирией была не по силам, и Ассурнасирабал упоминает царя Тира в числе признавших его гегемонию и принесших ему дары.

Итак, финикийские поселения в Ливии, а следовательно и на других берегах Средиземного моря, существовали уже в X веке. Когда и при каких условиях они возникли, мы не знаем. Вопрос этот один из самых жгучих; он касается истории Западной Европы в глубокую древность и связан с вопросом о влиянии финикиян на европейскую культуру. Данных для его решения у нас нет, так как финикийские источники относятся к очень позднему времени, а классические — тенденциозны или являются результатом искусственных синхронизмов, домыслов и комбинаций. Этимологиями географических имен следует пользоваться крайне осторожно, иначе можно зайти так же далеко, как Моверс. В недавнее время на этот опасный путь встал Bérard в своем остроумном и увлекательном труде «Les Phéniciens et l'Odyssée». Некоторые из его сопоставлений соблазнительны, особенно где географические имена сохранились в двух формах. Напр., Ιεράκων νῆσος у о. Сардинии у Плиния назван Enosim, что по-финикийски действительно может значить «остров коршунов». Имя Скилла сопровождается иногда Πετραίη; по-семитически skl значит «побивать каменьями». Нет недостатка в финикийских этимологиях имени «Испания». Интересны заимствованные греками слова из финикийского языка: χρυσός (hrus); παλλακίς — pellex — pelleges; σικέρα — skr; χιτών — ktan; λῖτα (покрывало) — lot, ὀθόναι — aton, ξίφος, μάχαιρα, σάκος, nectar (от katar — курить благовониями), вино — oin — слово, вошедшее во все языки, и т. п. О торговле финикиян с Италией свидетельствуют богатые пренестинские клады с серебряными блюдами, содержащими восточные изображения и финикийскую надпись. Пурпурные ловли Южной Греции, Сицилии и т. п. привлекали финикиян; они эксплоатируются только до весны и после жаров, следовательно нуждались в факториях, стоянках для ожидания. Отсюда Bérard производит многочисленные поселения с именем «Миноя» — «отдых». Конечно, все это требует более солидных доказательств.

Трудность изучения *культуры* финикиян, кроме недостатка источников, восходящих к древности более солидной, чем последнее тысячелетие до н. э., обусловливается множеством позднейших наслоений и иностранных влияний. Особенно это можно сказать о финикийской *религии*. Что из почерпаемых нами сведений относительно этого предмета можно считать исконным и национальным, что отнести на счет вавилонского влияния посредственного, т. е. чрез более древнее население Сирии, найденное уже финикиянами при их переселении, что придется признать непосредственными заимствованиями финикиян с востока и из Египта, что отнести к эллинистическому влиянию, что, наконец, можно признать, хотя и общеханаанским в основе, но принявшим, благодаря своеобразным географическим и историческим условиям, специально финикийский характер? Вот вопросы, с которыми необходимо считаться при разработке того хаоса данных, которые нам сохранили классическая древность, библия и финикийские надписи. То, что мы знаем из этих источников, заставляет видеть в финикийской религии странное сочетание ясно и рельефно выраженного обоготворения воспроизводительных или разрушительных сил природы с именами и культами, общими с астральной религией вавилонян.

Некоторые данные делают возможным заключить, что финикийские и вообще хананейские божества вышли из пустыни. Бык, символ верховного божества в

Тире и Карфагене, указывает на покровителя стад; почитание отдельно стоящих деревьев или скал — на религиозное настроение жителя однообразной равнины, где каждый предмет, обращавший на себя внимание, заставляет предполагать в себе присутствие сверхестественной силы; кроме того, для финикиян характерно то, что функция божеств, как покровителей моря, если и была известна, то занимала в их представлениях далеко не первое место. Равным образом и роль их, как божеств света и тепла, не была первоначально заметна. Имена божеств крайне просты, нарицательны и исключают всякую мифологическую фантазию; это «владыки» (Ваал), «господа» (Адон), «цари» (Мелек-Молох), «владычицы» (Баалат) или просто «боги» (Эл). С переходом к оседлому состоянию и переменой образа жизни должны были перемениться и представления о божествах. Они сделались покровителями земледелия, богами плодородия. Каждый город называл своих богов различно, но сущность их была одна и та же. Везде чтили мужское божество «Ваала», владыку своего народа, проявлявшего себя в небесной природе — в громе, молнии, буре и т. п., почитавшегося на высоких горах. Рядом с ним стояла богиня, Мать земля, именуемая «Владычицей» или Астартой, олицетворение земного плодородия. Кроме этой пары, мы видим еще юное мужское божество природы, поскольку она выражается в жизни растительного мира, ежегодно возрождающегося и ежегодно умирающего. Скорее умирание олицетворено в юности божества, рано сходящего в могилу насильственной смертью, и затем снова возвращающегося к жизни. Близость этих представлений к свойственным другим народам, вавилонской и даже хеттской религиям, очевидна. Астарта даже по имени напоминает Истар, а юный бог мифологически тожественен с Таммузом вавилонян, Аттисом хеттов и даже Осирисом египтян. В разных городах Финикии эти божества носили часто разные имена и иногда получали некоторые особенности. Так, в Тире юный бог стал Мелькартом, «царем города», и как будто отожествился с местным Ваалом в форме «Мелькарт, Ваал (владыка) Тира». В Сидоне упоминаются Ваал и Астарта, равно как и в Араде; юным богом в Сидоне и Берите был Эшмун, получивший здесь характер бога не только возвращенного к новой жизни, но и исцеляющего и оживляющего других; он сделался богом-целителем, почему греками сопоставлен с Асклепием. В Библе на первом месте стоял древний бог Ил или Эл, но его культ отступил пред почитанием местной владычицы «Баалат Гебал» и ее любимца Адона, Адониса греков, тожественного с вавилонским Таммузом, со спутником Иракла, Иолаем. Последнее может быть объяснено из существования его храма в Карфагене вместе с храмом Мелькарта, которого греки называли Ираклом.

Кроме Мелькарта и Эшмуна, Карфаген чтил еще местную Астарту под именем Танит, перешедшей к грекам в форме Дидоны. Здесь она получила, повидимому, окончательно характер лунного божества и носила имя Танит «Пенэ Баал», т. е. «Танит лик (проявление) Ваала», а также «Цалам-Ваал» (Саламбо) — «образ Ваала», подобно тому, как в Тире Астарта иногда называлась «Шем-Баал» — «имя Ваала». Здесь, во-первых, мы видим стремление теснее сблизить оба члена божественной двоицы, а следовательно известный прогресс религиозного сознания. Если, с другой стороны, тиро-карфагенский Мелькарт сделался божеством солнца, то его женское дополнение получило характер лунного божества, его подобия ночью, и в то же время покровителя рождения, виновника животворной росы. Интересно также, что женское божество считается проявлением не Мелькарта, а именно Ваала, «господа» вообще. Невольно приходит на мысль апулеева «deorum dearumque facies universa».

Кроме этих верховных и всеобщих божеств, кое-где выступают и другие, значения, происхождение и функции которых не всегда ясны. Каждый финикийский корабль был украшен изображением бога-карлика. Одно из этих божеств носило имя «Пуам» — «бог молотка», переделанное греками в «пигмей», «бог с кулак», и вошедшее в состав имени Пигмалиона. Конечно, подобные божества уже вторичного

происхождения; значение свое они могли получить только после развития культуры. Трудно сказать что-либо о боге Сакуне, имя которого встречается в сложениях с собственными именами, переводится греками как Гермес и значит «доверенный», «близ стоящий». Что за божество Цед, имя которого также попадается в собственных именах в финикийских надписях в Египте?

Телль-амарнские документы из Финикии поражают нас полным отсутствием упоминания о Ваале даже в виде составной части теофорных имен; зато обильно встречаются в них имена, сложенные с «Адду» или «Адди»; даже царь Библа именуется Риб-Адди. Этот Адду — бог, почитавшийся и в Ассирии и у арамеев под именем Раммана или Адада; его функция, как бога бури и грома, известная из вавилонской литературы, видна из одного места переписки, в котором о царе египетском говорится, что он «возглашает свой глас с неба, подобно Адду, и вся земля трепещет от его голоса». Что культ этого бога существовал в Тире, можно заключить из упоминания у Филона библского трех тирских богов: Астарты, Зевса Димарунта (т. е. Мелькарта) и Адода. Но вообще в более позднее время о его культе в Финикии мало слышно. О распространенности почитания его среди других хананеев свидетельствуют хотя бы имена идумейских царей, Ададезер цованский и бог Ададриммон у пророка Захарии. Другое божество молнии с военным оттенком почиталось на Кипре: это — Решеп, перешедший в Египет вместе со своим женским дополнением Анат, известной и в Палестине (города: Бет-Анат и Анатот).

Для полноты обозрения финикийского пантеона следует еще упомянуть те божества, которые частью найдены в Сирии финикиянами, но пользовались меньшим почитанием, частью были заимствованы у других народов уже на глазах истории.

Так, о культе среди финикиян ассиро-вавилонских богов Салмана и Нергала говорят поздние надписи, найденные в Афинах, но эти божества могли быть усвоены еще в древнее время: культ Нергала на Кипре известен еще из телль-амарнских документов. Многочисленны были заимствования финикиян из египетского пантеона. Этому способствовали древние сношения Библа с Египтом, затем египетские завоевания и финикийские поселения в Египте. Кроме египетских символов, обильно украшающих финикийские надписи религиозного характера, и кроме египетского облика финикийских божеств в более позднее время, финикияне переняли и культ некоторых божеств: например, Пта, Тота, особенно же Осириса. Последнее обстоятельство объясняется тем, что культ Осириса и миф его напоминали финикиянам их представления об Адонисе и Эшмуне и обряды, совершавшиеся в честь этих божеств природы. Последние, как и вообще мифы и культы, лучше всего могут выяснить нам свойство финикийских божеств, а потому к рассмотрению их мы теперь и обратимся.

Ритуал — самая устойчивая часть религиозной жизни: культы переживают представления и, во всяком случае, остаются позади прогресса или вообще движения религиозного миросозерцания. Если они и видоизменяются, то все же под новым всегда можно распознать первоначальное. Нередко культы переживают и создавшие их религии. Вот почему здесь мы имеем полное право черпать наши сведения не только из библии, но и у таких поздних классических писателей, как Лукиан, автор трактата о Сирийской богине, и Дамаский. Первый по личным впечатлениям расскажет нам следующее об обрядах, справлявшихся в Библе:

«Видел я в Библе великий храм Афродиты библской, в котором совершают обряды и в честь Адониса. Они говорят, что злодеяние относительно Адониса совершено свиньей в их земле, и в память его страдания они ежегодно бьют себя в грудь, плачут и устраивают оргии, и у них в стране устанавливается великий траур. После же биения в грудь и плача они приносят жертву Адонису, как мертвому, а на другой день рассказывают, что он жив, и провожают его в воздух. Они бреют голову, как египтяне по смерти Аписа. Женщины, не желающие стричься, подвергаются следующим наказаниям: один день они выставляются на продажу, и рынок предоставляется одним иностранцам, плата поступает на жертвоприношения Афродите.

Некоторые из библян говорят, что у них погребен Осирис египтянин и что траур и мистерии справляются не в честь Адониса, а в честь Осириса. Скажу, откуда они считают это достоверным. Каждый год из Египта в Библ приплывает глава, совершая путь в семь дней; ее приносят ветры божественным плаванием. Она никуда не уклоняется, но проходит прямо в Библ. Все это чудесно и случается ежегодно, и во время моего пребывания в Библе случилось. И главу библскую я видел. Есть и другое чудо в земле библской: река, вытекающая из горы Ливана, в море, имя ее — Адонис. Каждый год река делается кровавой и, потеряв свой цвет, впадает в море, окрашивая его на далекое пространство и подавая библянам знак к трауру. Рассказывают, что в эти дни Адонис уязвляется на Ливане, и кровь его, стекая в реку, изменяет ее цвет и дает ей ее имя. Так говорит толпа, а один библянин, убежденный в истине своих слов, указывал мне на другую причину явления. Он говорил следующее: «Река Адонис, пришлец, идет чрез Ливан, а Ливан весьма песчаный. Свирепые ветры, поднимаясь в те дни, гонят в реку землю в высшей степени окрашенную, и земля сообщает ей кровавый цвет, так что причина явления не кровь, на которую указывают, а сама страна». Так мне говорил библянин. Если он и прав, то все же для меня весьма чудесна роль ветра».

Эти мистерии в честь Адониса в Библе пользовались известностью во всем древнем мире. Другие писатели дают нам возможность пополнить сообщения Лукиана. Так, мы узнаем, что семидневный праздник распадался на две части: ἐφανισμός καὶζήτησις и εὕρεσις. Деревянное изображение убитого бога скрывали. Приготовляли так наз. «адонисовы сады». Это были корзины или сосуды, наполненные жирной землей и засеянные хлебными злаками или латуком. Женщины выставляли их у дверей на солнце, и скорое увядание их символизировало судьбу юного бога плодородия, сраженного зноем. Когда его изображение находили, начинались ликование и излишества. «Сады Адониса» вошли в пословицу: их считали синонимом всего поверхностного, скоропреходящего.

Известия об этих мистериях прежде всего наглядно доказывают хтонический характер библского культа, его родство с малоазиатским (Аттис), египетским (Осирис) и, конечно, вавилонским. Пророк Иезекииль говорит о женщинах, которые «плакали по Таммузе», а один египетский писатель, если только остроумная конъектура Макса Мюллера удобоприемлема, знал семитическое имя морской птицы, которое значит «плакальщица по боге». Даже «Сады Адониса» находят себе подобие в абидосских фигурках Осириса, засеянных злаками и известных нам по изображениям на стенах храмов. Характерна также жертва, которую должны были приносить женщины. И ее можно объяснить из хтонического свойства божеств плодородия. Согласно основному представлению всех первобытных религий, человек, всецело завися от божества, может избежать его гнева или стяжать его милость, принося ему в жертву, с одной стороны, самое для себя дорогое, а с другой — самое ему приятное. Жертва девством, да еще для иностранцев, как нельзя более соответствовала божествам плодородия. Наконец, это жертвоприношение как бы соответствовало принесению начатков и освобождало девиц от рабства богине, которой до тех пор одной принадлежали они и духом, и телом. Этот дикий обычай, представляющий одну из отталкивающих сторон ханаанской религии, был свойственен не только Библу. Так называемая священная проституция тоже шла из Вавилона, где ее видел Геродот, она была известна у евреев в периоды их увлечения языческими культами, в Малой Азии, на Кипре, во всей Сирии. — Аналогичный миф сообщает Дамаский о беритском Эшмуне. Этот прекрасный юноша возбудил любовь Астарты (у него Астронои), но не отвечал ее страсти. Преследуемый ею, он сам изувечил себя и умер от раны. Богиня с помощью Пэана (по Тилэ — олицетворение магических изречений) воскресила его и поместила в число богов. И здесь юный бог — олицетворение жизненной теплоты весны и растительной силы, умирающий, но оживающий и оживляющий других, откуда его сопоставление с греческим Асклепием.

Несколько иного порядка мифы и культы Тира и Карфагена. Если известные сказания о путешествиях Мелькарта и Ираковых столпах могут быть мифическим олицетворением тирского мореходства, а вычитанные Саллюстием из Гиемпсала рассказы о подвигах и смерти Иракла в Испании и происхождении от него нумидов и ливийцев выдают евгемеристическое происхождение, то известное нам о культе Мелькарта указывает на его солнечный характер. Иосиф Флавий приводит известие Менандра, что царь Хиром впервые отпраздновал «пробуждение Мелькарта в месяце перитии». Последний приходился на зимнее солнцестояние, следовательно праздник по времени соответствовал римскому Natalis Solis invicti. Что Хиром «впервые» отпраздновал в это время, может указывать на то, что к этой эпохе тиряне признали окончательно Мелькарта солнечным божеством, а может быть на какую-нибудь реформу календаря. На солнечный характер его указывает также сопоставление с Ваал-Хаммоном и сооружение в честь его так наз. хамманим. Первый — карфагенское божество, встречающееся неукоснительно на пунических надписях вместе с Танит; имя его обыкновенно производят от корня ḥammaḥ — «пылать» и объясняют как «знойный» — эпитет знойного божества. Хамманим — это камни или столбики — обелиски, ставившиеся у жертвенников бога и, судя по своему названию, были посвящены ему как божеству солнца. Может быть, это было что-либо вроде канделябров, изображенных на лилибейской надписи, но вообще ими назывались символы Ваала или Мелькарта, который часто представлялся в виде колонн или обелисков. Кроме того, на одном позднем африканском памятнике Ваал-Хаммон изображен с лучами вокруг головы. Во всяком случае, ни к одному божеству древности не шла так роль владыки солнца, как к покровителю Тира и Карфагена, который находил себе почитателей от восточного берега Средиземного моря не только до самых западных его пределов, но и за последними: Ликс на Атлантическом океане в Африке славился его храмом, а женское дополнение его — Астарта оставила свои следы даже в Англии, где в нортуберландском Корбридже найдена надпись, начинающаяся словами: «Ἀστάρτης βωμόν». Солнечный характер Мелькарта отразился и в мифе. И он был убит Тифоном, силой мрака, и ожил при помощи Иолая-Эшмуна.

Подобно библской Баалате, Мелькарт или вообще Малк, Молох, как показывает уже его имя, был царем и владыкой человечества, которое всецело от него зависело. Проявлением рабских чувств и были те страшные человеческие жертвоприношения, которые являются другой мрачной стороной ханаанских религий. При всяких важных политических событиях, при общественных бедствиях, умилостивляли бога-деспота, принося ему в жертву самое дорогое для человека — детей. В случаях крайней опасности царь собственноручно закалывал своего первенца, а иногда, как мы, напр., знаем в Карфагене, происходили целые гекатомбы из детей знатных фамилий. Подобные ужасные празднества впрочем происходили и без внешних причин, а ежегодно в главный праздник алчного божества, для напоминания о зависимости от него и для его умилостивления. Равным образом и благодарность за успех, напр., в войне выражалась в заклании или всесожжении пленных, из которых для этой цели выбирались лучшие в физическом отношении, свободные от каких-либо телесных недостатков. Таким путем жертвователь лишал себя дохода от продажи их в рабство и совершал, следовательно, сугубую жертву. Человеческие жертвоприношения совершались не только как всесожжение, хотя это вообще считалось самым совершенным способом направления дара к божеству: огонь пожирал все и в виде дыма нес к самому небу. Тирские и карфагенские мореплаватели находили необходимым умилостивлять покровителей водной стихии человеческими и другими жертвами. Так, Гамилькар, отплывая с флотом, бросает в море жертвенных животных, а осажденные Александром тиряне рубят на куски на стенах города пленных солдат и бросают в море. Подобные обряды мы находим у многих народов древности. Так, на знаменитых балаватских вратах изображены ассирияне, бросающие куски животных в воду озера Ван. Но человеческих жертвоприношений

в том размере, как это мы встречаем у финикиян, не было ни у вавилонян, ни у ассириян, ни у египтян. Зато они в изобилии попадаются у других семитических, особенно ханаанских народов, не исключая и евреев.

Жертвы в честь моря указывают нам на то, что с течением времени у финикиян явилось представление о его божествах. Иначе, конечно, не могло быть, но вопрос этот для нас весьма темен. Кроме глухих намеков у Филона библского, мы располагаем таким же поздним источником — монетами, на которых иногда изображаются божества, большею частью в греческом облике, и с признаками покровителей моря. Так, например, на беритских монетах божество стоит с трезубцем на четырех дельфинах, на библских — морской гений в виде крылатого коня с хвостом дельфина, на тирских — Мелькарт, сидящий на морском коне, и т. д. Специально водный характер однако никогда не приобрели финикийские божества; в этом отношении гораздо дальше пошли ханаанский Дагон и арамейская Деркето, изображавшиеся с рыбьим хвостом вместо ног. Эти божества особенно чтились у филистимлян; они были известны и финикиянам, но играли у них менее заметную роль.

Сведения о финикийских *храмах* мы почерпаем, кроме литературных и эпиграфических указаний, из археологических данных и из изображений на монетах. Хотя все эти свидетельства относятся ко времени очень позднему, хотя они идут со всех местностей вокруг Средиземного моря, населенных финикиянами, но они удивительно подтверждают друг друга, доказывая, что и в этой стороне культа первоначальное было весьма устойчивым и мало изменилось под внешними влияниями. Это первоначальное финикийских храмов также отсылает нас в пустыню, как и почитавшиеся в них божества. В основе их лежит священный предмет, фетиш, окруженный двором. Этими фетишами, последним представителем которых является существующий до сих пор «черный камень» в Мекке, были у финикиян конусообразные или столпообразные, а то и круглые камни или колонны, считавшиеся носителями божественной силы и называвшиеся «вефилями» — «домами божиими». Среди них могли находиться и аэролиты, но вообще такое благоговение к большим камням могло явиться только у жителей пустыни, для которых все, выделявшееся из однообразия равнины, возбуждало священный трепет. Еще Геродот повествует о двух στῆλαι в храме г. Тира: золотой и смарагдовой; Иосиф Флавий и Плиний говорят, что золотая была круглой, а смарагдовая — четырехугольной. Их значение как символов бога солнца видно уже из того, что, по Геродоту, смарагдовая колонна «μεγάλως» светила ночью. По всей вероятности, этот смарагд был фальшивый — стеклянная лазурь. Греческие химики сообщают, что в древности были известны средства сообщать благородным металлам и стеклянным сплавам фосфорические свойства, и что эти способы были записаны в храмовых книгах. Возможно, что эти тирские στῆλαι были первообразами знаменитых Воаза-Яхина, воздвигнутых тирскими мастерами в преддверии Соломонова храма. По весьма остроумной и правдоподобной конъектуре М. В. Никольского, их имена представляют финикийскую надпись «jakun Baal oz» — «да будет Ваал силою», Лукиан передает о ξόανα в Иерапольском храме, а Тацит, рассказывая о посещении Титом древнего храма в Пафе на Кипре, останавливается на происхождении культа и на совершавшихся в храме обрядах, под которыми чествуется богиня. «Последняя представляется не в человеческом образе, но под видом камня с круглым основанием, который, поднимаясь вверх, в виде конуса, уменьшается от основания к вершине». «Форма эта, — добавляет он, — не встречается больше нигде; причина ее неизвестна». Далее он, между прочим, говорит, что алтарь не омочается дождем, хотя и стоит под открытым небом. Точно также и о горе Кармиле, где Веспасиан, принося жертву, получает предсказание о своем возвышении, говорит Тацит: «Кармилом называют и гору, и бога. Здесь нет ни храма, ни изображения — так передали предки, — но только жертвенник и благоговение». Таким образом, культ совершался под открытым небом на жертвеннике. Если в Пафе последний стоял пред фетишем богини, то на Кармиле

было налицо само божество в более грандиозном виде — это сама гора Кармил, которая, подобно другим высотам, сама по себе считалась жилищем божественной силы. Из жизни пророка Илии, согласно библейскому повествованию, мы знаем, что Кармил был избран Илией для посрамления жрецов Ваала, конечно, как место, наиболее для них священное в пределах Израильского царства. Если 450 «студных пророков Вааловых и 400 пророков дубравных, ядущих трапезу Иезавелину» не могли дозваться своего бога на горе, считавшейся его любимым местопребыванием и находившейся наиболее близко к нему, а один служитель истинного бога низвел именно здесь огонь с неба на жертву, то конечно для всех было наиболее ясно бессилие Ваала даже там, где он считался хозяином. Филон библский также считает эпонимов гор Касия, Ливана, Антиливана и Брафия в числе праотцев и относит их к разряду существ высшего порядка. Действительно, финикияне знали Ваала Ливанского, а имя мыса Рас-эш-Шакка, Феупросопон, вероятно, по-финикийски Фануил — «лицо божие», указывает еще раз на веру финикиян в горы, как обиталища божества. Горы были только большими вефилями. Служение под открытым небом, на высотах, столь свойственное ханаанским и вообще семитическим религиям, и одно время широко распространенное среди евреев, объясняется стремлением молиться божеству природы среди этой природы, там, где божество неба ближе всего к земле, где они как бы соединяются, где молитвам, каждению и жертвенному дыму ближе всего дойти по назначению. Этот первобытный культ, впоследствии запрещенный у евреев в Финикии и ее колониях, удержался, как это видно из приведенных свидетельств, до последних времен существования язычества. В подкрепление этим литературным показаниям в недавнее время выступили данные археологии и нумизматики.

На монетах г. Библа римского времени с греческими легендами «ἱερᾶς Βύβλου» встречается иногда вполне ясное изображение знаменитого храма, в котором был Лукиан. Здесь конический фетиш местной богини, огражденный для охранения баллюстрадой с «рогами» для убежища, изображен стоящим под открытым небом среди четыреугольного двора, окруженного стеной с колоннадой. Рядом находится крытое пространство с жертвенником и с фронтоном у входа, вероятно, представляющее позднейшую пристройку. Изображение ступенек, ведущих как к главному храмовому двору, так и к боковой жертвенной постройке, указывает на то, что храм находится на возвышении. Другой храм собственной Финикии оказалось возможным восстановить на основании археологических изысканий. Ренан во время своей экспедиции исследовал в окрестностях Амрита, древнего Марафа в области Арада, развалины памятника, который современные жители справедливо назвали «маабед», «храм». Среди обширного квадратного двора в 48 м шириной и 55 м длиной, высеченного в живой скале, была оставлена прямоугольная каменная глыба, в $5^1/_2$ м длиной и 3 м вышиной. На ней, как на основании, выстроен наос из четырех камней. Плоский монолит, составлявший крышу, был украшен выступом, карнизом, который, может быть, в древности опирался на металлические колонны. Все здание имеет 7 м вышины и производит впечатление простоты и вместе с тем, благодаря монолитным частям, силы. Общий характер как будто указывает на египетское влияние. Еще более оно заметно в двух других богослужебных зданиях, остатки которых открыты экспедицией Ренана также в окрестностях Амрита, близ источника Аин-эль-Хаят. Члену экспедиции Тобуа удалось произвести полную реставрацию памятников на основании сохранившихся остатков. Они оказались такими же наосами, водруженными на прямоугольные монолиты. Они стояли друг против друга, повидимому в воде, будучи обращены передними сторонами. Последние были снабжены карнизами, украшенными орнаментом из египетских змей-уреев. Таким образом, здесь тоже служение под открытым небом пред символом божества, помещавшимся однако уже в наосе египетского стиля. Для финикийского искусства характерна монолитность не только самого наоса, но и двора, в котором был помещен маабед. Экспедиция Ренана обнаружила следы портика, шедшего вокруг природных стен монолитного

двора. По углам оказались основания каменных столбов, которые вместе с многочисленными несохранившимися деревянными поддерживали перекрытие галлереи; балки упирались в скалу, где также обнаружены отверстия для их помещения.

О других храмах финикийского побережья мы не можем составить себе такого же ясного представления. Геродот и Лукиан с удивлением упоминают о храмах Сидона и Тира, но какой вид имели они, и особенно последний, привлекавший к себе взоры со всех берегов и островов Средиземного моря, об этом мы ничего не знаем, равно как и о святилищах Берита. В Тире, по Иосифу Флавию (Менандр), еще Хиром выстроил храм Мелькарту, вместо прежнего, пришедшего в ветхость. Сидонский храм, по свидетельству Ахилла Тация, был украшен впоследствии произведениями греческого искусства. Но что и в Сидоне, несмотря на изображение богинь в греческом стиле, главным предметом культа был все-таки фетиш, на это указывают многочисленные монетные изображения.

Кроме камней и колонн, в качестве фетишей иногда выступают деревья, также носители божественной силы, ее проявления среди пустыни. Культ деревьев с высот и священных рощ проник и в храмы. Здесь, под открытым небом святилищ, они могли так же свободно произрастать, как и на высотах. В Берите была известна священная роща Эшмуна. Астарте их было посвящено несколько на Кипре. В культе этой богини деревья играли особенно видную роль. Астарта, почитавшаяся в деревьях, даже получила особое имя Ашеры, и с этим именем была известна с древних времен во всей Сирии. Впоследствии, на ряду с культом настоящих деревьев, появляются условные — их воспроизведения, или просто священные колья, иногда украшенные лентами, называвшиеся также ашерами и ставившиеся в храмах, подобно хамманим, как имитации вефилей, в честь божества солнца. Эти ашеры были известны и в Ассирии, и даже в Эламе.

Таким образом, финикийский культ далек был от антропоморфизма. Только под влиянием вавилонской, египетской, а потом греческой религии, появляются человекоподобные идолы. На название храмового изображения, предназначенного для культа и, может быть, заменявшего фетиш, может претендовать пока, как я думаю, только колоссальная статуя, найденная в кипрском Амафунте в 1873 г. и находящаяся в Оттоманском музее. Кого представляет этот грубый колосс в 4 м 20 см? Этот бородатый по-ассирийски, скотообразный идол, терзающий львицу, имеет большое сходство с вавилонским Гильгамешем или Эабани, египетским Бесом, греч. Гераклом и, может быть, представляет того бога-охотника, которого Филон библский называет Усоос, который основал Тир и плавал по Средиземному морю до Иракловых столпов. Мелкие изображения этого божества, тип которого идет из Вавилона, попадаются на финикийских геммах и в виде финикийских терракот весьма нередко. Точно также нередки и глиняные статуэтки Астарты в виде нагой или одетой женщины, стоящей или сидящей на троне, часто с руками у грудей — признак материнства. Иногда (на статуэтке, найденной в Триполии) она изображена с тимпаном в руках, иногда — с младенцем на руках, что роднит ее с египетской Исидой. С египетскими аттрибутами она вообще изображалась нередко, но совершенно египетский облик имела «Владычица Библа»: и на барельефах, и на бронзе она имела тип и аттрибуты Исиды-Хатор, что еще раз убеждает в связи религии Библа с Египтом. Эти библские изображения, сработанные туземными мастерами по египетским образцам, выгодно выделяются из других скульптурных изображений финикийских божеств, которые вообще поражают невероятным варварством. Конечно, все они малы и служили, вероятно, или как приношения, или в качестве домашних идолов. Карфагенские божества, повидимому, чтились и в человеческом виде, и тип их менее зависим от вавилонских и египетских оригиналов. Ваал-Хаммон, как это видно из терракот, иногда представлялся в виде сидящего старца с рогами овна между двумя стоящими баранами. Танит — в виде крылатой женщины, с лунным диском в руках, прижатых к груди. Впрочем, на пунических

стелах весьма часты и грубые фетишеобразные изображения божества, представляющие египетский иероглиф жизни (анх), переделанный в истукана с головой и руками, а то и просто лишь стилизованный. На монетах Библа встречается иногда бог Эл с шестью крыльями, как его изображает Филон библский. Здесь также несомненно вавилонское влияние. Следует еще сказать об одной фигуре, подобно Бесу, особенно часто встречающейся в финикийском мире. Это младенцы-уроды, известные в египетской археологии под именем «Пта-Эмбрионов» и представляющие, может быть, тех «патеков» и пигмеев, которых, по словам Геродота, финикияне изображали на своих судах в качестве, вероятно, апотропеев.

При храмах существовали многочисленные коллегии жрецов. Уже в библии мы читаем о сотнях служителей Ваала, культ которого был организован на тирский лад Иезавелью. Из Юстина можно заключить, что верховные жрецы Мелькарта были из царского рода, а из Менандра — что верховные жрецы Астарты достигли в Тире одно время престола. Что то же самое бывало в Сидоне, следует из поздних надписей Табнита и Эшмуназара. Первый называет себя и своего отца Эшмуназара I «жрецом Астарты, царем сидонян», а второй уже приписывает жреческий титул только своей матери, а себя называет лишь царем. На Кипре существовали наследственные жреческие роды Кинирадов и Тамирадов. Куски надписи, представляющей счет храма Астарты в Китии, сообщают о различных классах его жрецов: приставленных к завесам, привратниках, закалывателях жертвенных животных, певицах и танцовщицах.

В числе литературных свидетельств о финикийском культе можно отметить известие Иродиана (V, 3—6) о попытке императора Элагабала ввести в Риме культ своего эмесского бога. Историк называет этот культ финикийским, и действительно, религиозные центры Келесирии обыкновенно считаются хананскими. Это интересное описание попытки азиатского деспота ввести в западной столице культ сирийского бога в его подлинном виде изображает пред нами знакомые картины — тот же финикийский идол — каменный конус, да еще везомый на колеснице, как в Сидоне, те же процессии из города в предместье, как это бывало в Вавилоне и Борсиппе, та же дикая пляска, которая нам известна из описания в книге Царств жертвоприношения Илии на горе Кармиле, когда вааловы жрецы плясали вокруг жертвенника, били себя бичами и наносили раны ножами. Илиодор также говорит о финикийских купцах из Тира, которые во время благодарственного жертвоприношения в честь Мелькарта на пристани то прыгали легкими прыжками под звуки флейт вверх, то «подобно одержимым» катались всем телом по земле. Хорошей иллюстрацией к этим литературным свидетельствам может служить бронзовая чаша, найденная в Италии, служившая вероятно для возлияния и имеющая на себе изображение праздничных обрядов. Богиня сидит на троне в египетской позе с цветком лотоса в руке, пред ней треножник с сосудом, наполненным плодами (?); далее — лицом к богине — жрецы с систром в одной руке и какой-то лентой — в другой. Потом на столе два кувшина, может быть, для возлияний, за ними ряд лотосокапительных колонн, изображающих галлерею храма, а в ней ряд женщин, которые пляшут, взяв друг друга за руки. С другой стороны, позади богини — три женщины: одна играет на флейтах, другая — на струнном инструменте, третья ударяет в тимпан.

История финикийской религии представляется нам в следующем виде. Ваалы и Астарты с фетишистскими культами делаются богами — покровителями культурных морских городов, находящихся в близких сношениях и объединенных общностью исторических условий. Они принимают новый характер: божества природы делаются и божествами охотниками, потом царями и владыками городов, наконец, принимают астральный, а потом и морской характер. Происхождение всех этих функций из одного божества было забыто, и вместо одного Ваала в городе появляются несколько богов различного характера и разных наименований. К этому присоединялись заимствования извне и иностранные влияния. Первые делались частью невольно, вслед-

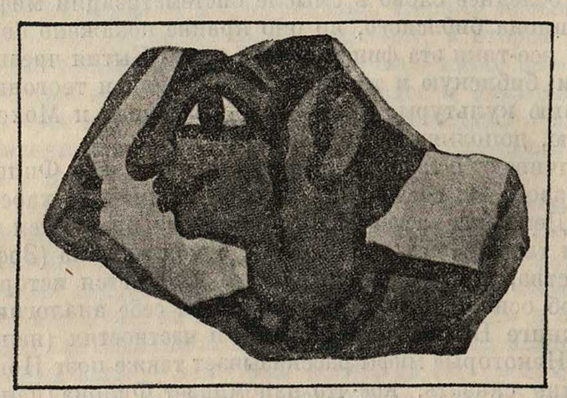
ствие сношений, частью — сознательно, из желания выставить свой культ более древним и высшим и поставить соседнего бога в подчиненное положение к своему. Развитие пантеона, как и везде, дало работу богословской мысли и вызвало появление систем и классификаций божеств. Необходимость их видна уже, напр., из договора Асархаддона с Ваалом тирским — в нем приводится в свидетели шесть тирских богов: Ваал-шамим (Ваал небесный), Ваал-малак, Ваал-цафон, Мелькарт, Эшмун (сб. сидонский бог), Астарта. Можно ли усмотреть здесь систему, сказать трудно; во всяком случае интересно, что сначала упоминаются Ваалы, потом уже национальный бог Мелькарт, как юный бог солнца, потом Эшмун, считавшийся в Тире и Карфагене спутником Мелькарта (Иолай). Еще более системы в договоре Аннибала с Филиппом. Он клянется «божеством карфагенян, Ираклом, Иолаем, Ареем, Тритоном, Посидоном, божествами, взятыми в поход, солнцем, луной, землей, реками и водами и всеми богами, обитающими в Карфагене». «Божество карфагенян» — конечно Танит; в триаде с нею Мелькарт и Эмшун; потом идут божества войны и моря, необходимые в военной и морской республике. Последнее слово в смысле систематизации мифов и культов представляет творение Филона библского, но оно крайне искажено евгемеризмом и укорочено Евсевием. И все-таки эта финикийская книга Бытия чрезвычайно интересна. В ней мы находим библскую и тирскую космогонии и теогонии, а также мифы и мифическую историю культуры. Кроме того, Евдемова и Мохова сидонская космогония, по Дамаскию, дополняют эти сведения.

Эти космогонии намеренно умалчивают о творце, которого не признавал Филон. Вероятно, дело обстояло таким образом. Из соединения духа с материей — хаосом происходит мировое яйцо — Мот. Демиург рассекает это яйцо, и образуются из его половин небо и земля. Потом он творит небесные светила, знаки зодиака (Зофасамин), далее следуют живые существа, наконец, люди. Далее излагается история патриархов-изобретателей и мифы об основаниях. Все это находит себе аналогии в вавилонских представлениях и в книге Бытия, иногда даже в частностях (напр., 7-й праотец — маг и прорицатель). Некоторые мифы рассказывает также поэт Нонн; сколько в них финикийского, трудно сказать, кое-что напоминает Филона (напр., об основании Тира).

Обще-ханаанским является также представление о Рефаимах. Евреи называли так частью гигантов-аборигенов, частью (в поэзии) — обитателей преисподней. Финикияне также знали о них: Эшмуназар заклинает, что осквернивший его гробницу «не найдет места упокоения у Рефаимов». Вероятно, и представление о загробной жизни было у финикиян такое же, какое у древних евреев о шеоле. Впрочем, здесь были довольно сильны египетские влияния. Так, были попытки, при невозможности приготовить мумии, замедлить разложение путем закрытия трупа слоем гипса, а отверстий его — золотыми пластинками, лица — золотой маской. Хоронили в гробницах, в пещерах или искусственных склепах сначала на носилках, потом в саркофагах («дома вечности»), часто египетского типа и даже приобретавшихся в Египте. С покойниками клали, как и в Египте, амулеты, домашнюю утварь, светильники, идольчики. К узкой части саркофага приделывали иногда заупокойный жертвенник, иногда (в Африке) гробницы сообщались с поверхностью земли наклонными трубами, служившими для возлияний. Над кладбищами иногда воздвигали род башни («мелгациль» у Амрита). Как и везде, с культом мертвых соединены были различные суеверия: колдовство, магические заклинания, пластинки с заклинательными надписями против личных врагов и т. п. Существовал специальный бог смерти «Мут»; за гробом ждали душу чудовища; об одном демоне в образе льва, опасном для души, упоминает одна поздняя метрическая греческая надпись, найденная в Афинах на могиле финикиянина.

Красноречивым дополнением к литературным свидетельствам служат богатые результаты раскопок в Палестине, где слои, относящиеся к до-еврейскому времени, пролили много света на мрачные религиозные обряды хананеев. Зеллин в Тааннаке

нашел у алтаря, вырубленного в скале, 20 больших кувшинов, горлышко которых было закрыто другим кувшином или глиняной тарелкой, и которые содержали просеянную землю и скелеты младенцев, большею частью новорожденных, но иногда и возраста нескольких месяцев, не свыше двух лет. Подобные же находки делались и в других местах (напр., Макалистером в Гезере). Думают, что перед нами страшное кладбище принесенных в жертву первенцев, которые были исторгнуты из рук родителей, частью немедленно после рождения, частью некоторое время спустя после того, как их не удалось скрыть. Кроме этого, найдены доказательства существования у хананеев общего весьма многим (напр., древне-американским) народам обычая человеческих жертвоприношений при постройках, основаниях городов, зданий и т. п. Одни объясняют их как жертвы духу местности, другие — как средство создать новому сооружению духа-покровителя. В библии встречается долго не бывшее понятным известие об основании Иерихона Ахиилом (Цар. III, 16, 34); «с Авирамом, первенцем своим, он положил ворота его». В Таанназе у ворот кремля найден скелет



Хананейцы.

мальчика с диковинными глиняными предметами, и под плитой из такого же материала, что и стены. В Гезере найдены женщина и ребенок замурованными, а также в Мегиддо и т. п.

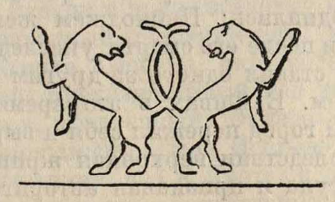
В Таанназе найден большой алтарь из скалы с высокой ступенькой и тремя отверстиями для возлияния начатков (елея, вина). Весьма многочисленны каменные столбы, найденные в разных местах и представляющие так наз. маццебы — фетиши, пред которыми или непосредственно на которые совершали возлияния. Иногда они стоят рядами и даже образуют улицу, храм, иногда — у частных домов как объекты домашнего культа. Как предметы колдовства, найдены бобовидные камешки, змеиные головы, золотые кольца в форме луны, амулеты египетского и туземного происхождения; одна из клинописных табличек в Таанназе упоминает об оракуле — дереве.

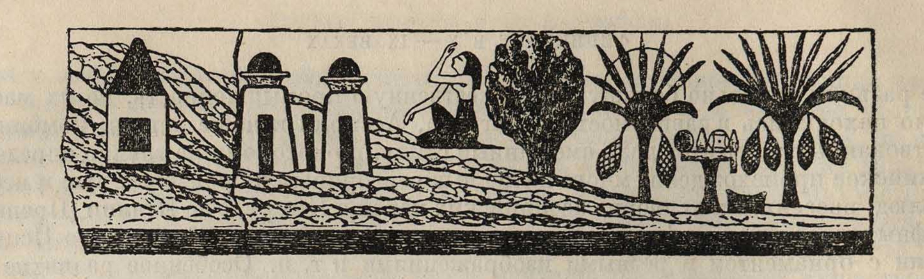
Чрезвычайно много света на заупокойный культ пролили раскопки Делятгра в карфагенских некрополях. Но здесь замечается достаточное количество местных особенностей и своеобразных элементов, свойственных пунической культуре и позднему времени.

Религия финикиян, чуждая изящества и допускавшая антропоморфизм лишь отчасти, с ее культом фетишей, справлявшимся под открытым небом, весьма мало могла содействовать развитию туземного *искусства;* промежуточное положение страны и характер народа обусловили его эклектизм и подражательность. То, что сохранили нам побережья Сирии и берега Средиземного моря, доказывает, что фини-

кияне развили довольно большую художественную промышленность, но их мастера всецело находились в зависимости от Египта, Ассирии и даже хеттов; комбинация заимствованных элементов дала смешанный стиль, по которому не трудно определить финикийское происхождение многочисленных серебряных и бронзовых чаш и небольших блюд, рассеянных от дворца ассирийских царей в Нимруде до Италии (Пренеста), рельефных пластинок из слоновой кости, также находимых от Ниневии до Испании, раковин с орнаментом и резными изображениями и т. п. Особенное развитие этой техники падает на XIII в., когда финикийские мастера ценились даже в странах древних самостоятельных культур и когда их влияние было велико не только в Сирии (храм Соломона), но и на море и за ним — тогда после крушения великой эгейской цивилизации наступило греческое «средневековье» и начавшие новый период культуры греки были многим обязаны финикиянам. Несамостоятельное искусство последних, познакомив греков с египетским и передне-азиатским, не могло однако иметь на них такого глубокого и длительного влияния, как, напр., монументальное искусство египтян. Греки поэтому легче выработали свое национальное искусство, и уже к VI веку финикийское влияние и первенство отступает пред развитием эллинского гения.

Полный обзор литературы о финикиянах (до 1893 г.) см. в моей статье «Очерк истории изучения финикийской древности» — Историческое обозрение, т. VI — и в статье «Финикия» в словаре Брокгауза и Эфрона. Русский перевод тирских летописей и космогоний Филона библского и Дамаския сделан мною с введениями и комментариями в «Сообщениях православного Палестинского общества», 1902. Из новейших пособий: Eiselen, Sidon. A Study in Oriental history, New York, 1907. Baudissin, Adonis und Esmun. Eine Untersuchung zur Geschichte des Glaubens an Auferstehungsgötter und an Heilgötter. Leipz., 1911. По *искусству*, кроме III т. Perrot, Chipiez см. Poulsen, Der Orient und die frühgriechische Kunst. Leipzig, 1912. — Bérard, Les Phéniciens et l'Odyssée. Некоторые из приписываемых финикийскому языку слов в греческом языке Spiegelberg выводит из египетского в 41 т. Zeitschrift für vergl. Sprachforschung. Положение *Офира* и вопрос о пределах морских экспедиций финикиян все еще не решены. Peters в многочисленных статьях (Goldland d. Altertums. Münch., 1902. Ophir nach d. neuesten Forschungen. Berl., 1908 и др.) пытается доказать, что Офир — Южная Африка, Родезия у Замбези. Некоторые якобы египетские находки вызвали сомнение о тожестве этих местностей с Пунтом. Все это не выдерживает критики и не опровергает старых теорий, искавших Офир в Индии или отожествлявших его с египетским Пунтом. Moore, Carthage of the Phoenicians. New York, 1905. (Популярный обзор раскопок и находок в *Карфагене*). О *религии семитов* вообще: Robertson Smith, Lectures on the Religion of the Semites, 1889; нем. пер. Stübbe, 1899. Böthgen, Beiträge zur Semitischen Religionsgeschichte. Berl., 1888.





ЕГИПЕТ ПРИ XXI И XXII ДИНАСТИЯХ

Папирус с отчетом Унуамона ясно указывает на развал, происшедший в Нильской долине в конце XX династии: в Танисе сидит почти независимый владетель севера Несубанебдед, в Фивах — полновластный первосвященник Амона Херихор, унаследовавший работу многих поколений своих властолюбивых жреческих предшественников; рядом с ним еще держится тень власти последнего Рамессида. Совершенно такое же впечатление мы получим, если обратимся к рассмотрению надписей и рельефов ипостиля, двора и пилона храма Хонса в Карнаке. Уже в первом, выстроенном при Рамсесе XII, царь совершенно отступает на задний план пред наглым жрецом, который берет на себя царскую прерогативу говорить с богом от своего имени и изображать себя, а не фараона, совершающим обряды. Но уже на дверях из ипостиля на двор этот «верховный жрец Амона-Ра, царя богов, начальник войск юга и севера» пошел еще дальше. Здесь он изобразил какое-то чудо, очевидно содействовавшее его дальнейшему возвышению. Он просит у Хонса «жизни, здравия, благоденствия и всяких хороших вещей»; идол бога кивает в знак согласия; сообщают Амону, и тот согласен, и от себя еще прибавляет, что гарантирует Херихору 20 лет, а также высказывает волю, чтобы «чудо» было начертано на камне. Очевидно, еще раз проделали фокус с Амоном, заставив его решить вопрос о престолонаследии, и после смерти ничтожного Рамессида возвести на трон того, кто фактически занимал его.

Однако, долго сидеть ему не пришлось. Он скоро умер, и мы опять видим Египет объединенным под властью северного царя Несубанебдеда (Смендес Манефона). По крайней мере, мы встречаем его в Фивах, реставрирующим Луксорский храм после катастрофы — обвала части стены Тутмоса III. Но верховное жречество со всеми его унаследованными прерогативами осталось в роде Херихора, перейдя к его сыну Пианхи, затем к внуку Пайноджему. Обе фамилии поняли, что им выгоднее действовать сообща, и породнились: Пайноджем женился на дочери преемника Несубанебдеда Псебханена I и после его смерти унаследовал престол. Первосвященником Амона вместо себя он ставил одного за другим своих сыновей, и с этих пор это надолго делается обычаем. В Фивах в это время водворились удивительные порядки. Дряхлый жреческий город пережил себя и выродился в уродливую теократию. Верховный жрец, а впоследствии верховная жрица («супруга бога»), большей частью не нося царского титула и признавая авторитет фараона, были хозяевами Фиваиды, но управляли при помощи оракулов и божьего суда, другими словами, ввели в обиход практику чудес, раньше применявшуюся в исключительных случаях. До нас дошло несколько рассказов о подобных чудесах, так как теперь, за неимением другого материала, а также во славу божества, об них составлялись обстоятельные надписи. Так, один из жрецов, Тутмос Менхеперра, при третьем сыне Пайноджема

был обвинен в растрате. И вот утром праздничного дня, во время процессии, пред идолом Амона в барке положили два свитка с надписью, или оправдывающей, или осуждающей. Бог, дважды «взяв» первый свиток, оправдал обвиняемого. На другой день идол бога при помощи движения оправдал Тутмоса и в других обвинениях, уже по устному докладу первосвященника, и Тутмос был не только реабилитирован, но, опять-таки по оракулу, возведен в целый ряд новых храмовых должностей. Другая длинная надпись повествует, как сын Пайноджема, верховный жрец Менхеперра, прибыв в Фивы в день нового года, испросил у бога согласия на отмену его постановления об изгнании каких-то лиц (неизвестно, были эти изгнанники политическими преступниками, или религиозными еретиками) в великий оаз и вообще на отмену ссылок в оаз на будущие времена, но вместе с тем бог дал свой оракул на казнь лиц, которые будут «умерщвлять живущих». Даже частные документы жрецов и их семей являлись результатами оракулов и составлялись в форме определений божества. Кроме этих надписей и документов, ценные сведения об этом времени дают нам гробницы фиванских жрецов XXI династии, найденные в Дейр-эль-Бахри в 1891 г. Гребо. Деревянные расписные саркофаги (в числе 13), не только обогатившие Каирский музей, но и посланные в дар в Европу (напр., и к нам, в музеи университетских городов), дали возможность составить представление о жреческих фамилиях Амонова храма, установить их генеалогии и глубже войти в религиозное миросозерцание эпохи. Найденные в некоторых гробах на мумиях папирусы оказались своеобразными указами верховного идеального царя Египта — Амона-Ра в пользу своих почивших служителей. В начале этих документов приводится полная титулатура божественного царя, представляющая в то же время как бы исповедание веры ее авторов; собственно текст указа содержит в себе перечисление загробных благ, назначаемых усопшему. Приводим документ, найденный в гробе верховного жреца Пайноджема II:

«Бог священный, владыка всех богов Амон-Ра, владыка престолов обеих земель, глава Карнака, священный сын Хепры, предвечный бог великий, живущий правдой, изначальный, первородный, после которого произошли все боги, непостижимый рождениями, многообразный, неведомый явлением, священный образ, возлюбленный, страшный, могучий при появлениях, великий обилием и властью, Хепра, ради бытия которого существует всякое бытие, первый по бытию, лик которого не открыт. Сияние его освещает обе земли — он диск лучезарный; он дает лучи, и живут все люди. Он плывет по небу неутомимо. Его предначертания неотменимы. Старец, он утром — юноша и отменяет пределы вечности, проходит небо, обтекает преисподнюю, чтобы озарить земли, созданные им. Бог божественный, создавший себя сам, сотворивший по воле своей небо и землю, царь царей, вельможа вельмож, царь величайший из богов, телец возрастающий с острыми рогами, при имени которого трепещут все земли... Его правая и левая плоть — солнце и месяц; небо и земля соединены с его красотой... Вышли люди из очей его, боги из уст его... Он основал железную стену неба, что на воде его; никто не бежит по его пути. Он приходит к взывающему к нему, он милостив к молящемуся, близок к призывающему имя его, дает долголетие своему возлюбленному; он — превосходный защитник того, кто полагает его в своем сердце. Царь Верхнего и Нижнего Египта Амон-Ра, царь богов, владыка неба, земли, воды, двух горных цепей, великий, превознесенный над всеми первобытными богами. — Говорит Амон-Ра, царь богов, предвечный: «Я издаю мой священнейший указ относительно обожествления Пайноджема, сына Исет-ем-хеб, моего служителя в преисподней (на западе). Я обожествляю его в Дуате, я обожествляю его в Хернетре, я обожествляю его на всяком месте, где обожествляются духи. Я даю ему принимать воду запада, жертвенные дары Хернетра. Я обожествляю его душу и тело на западе... подобно всем богам и богиням, что в Хернетре, подобно всем духам и всему, что обожествлено в Хернетре. Я не дам разрушить его дух во веки, но дам ему быть принятым хорошо всяким богом, богиней, всяким духом и вообще всем, обожествлен-

ным на западе, в Дуате и Хернетре. Я сделаю их благосклонными к нему. Я дам, чтобы они обратились к нему с доброй речью, как это бывает между людьми... Да дадут ему принять воду и жертвы, да дадут ему принять его хлебы. Я дам его душе выходить. Я дам ей входить по желанию сердца его, без задержки. Я дам ей летать куда угодно; я дам ей ходить куда она хочет, я дам ему плавать по всем путям во всякое время, по желанию, и не будет никого, кто бы вернул его назад... Я не дам похитить душу его... Я обожествляю его душу, я защищаю его тело. Я избавляю его от того, что угрожает человеческому телу на полях Ири. Я прославляю дух его на западе, в Дуате, в Хернетре. Я обожествляю души всех сугубо праведных, я даю им добрую память на западе, в Дуате, Хернетре и защищаю их. Что до злодея, то я отдаю на съедение его дух»... Говорит Амон-Ра:... «Всякая хорошая речь, которую произнесут относительно Пайноджема... да будет действительна для его обожествления. Да обожествит она душу его, да защитит тело его, да прославит дух его, да даст ему получить воду и дары, да даст ему получить хлебы, каждение, да даст ему получить воду, пиво, молоко, плоды, вино, мед, да даст выходить душе его, да даст входить по желанию сердца, беспрепятственно, да сообщит ему всякий вид обожествленности»...

Таковы были официально догматы веры и загробные чаяния фиванских жрецов времени XXI династии. Они немногим отличались от известных нам, но приведенный текст имеет большой интерес как документальное свидетельство и как указание не только на религиозное настроение, но и на политические приемы, выставлявшие Амона царем Египта и превращавшие обычный заупокойный текст в его царский указ.

О танисских фараонах и фиванских жрецах мы знаем немного. Известно нам только, что они бесплодно боролись с беспорядками и хищениями в некрополе, что власть была бессильна оберечь великих фараонов XVIII—XIX династий от грабителей и капитулировала, перенося их с места на место из гробниц, пока их не заделали в мрачную расселину в Дейр-эль-Бахри.

Такое бесславное время тянулось около 150 лет (до половины X в.) — совершенно достаточно для того, чтобы заставить Сирию позабыть об Египте и расцвесть в виде самостоятельных держав Хирома и Давида. На сцену выдвинулись новые силы, теперь уже не исконно национальные. Мы видим, как были отражаемы ливийские нашествия, сделавшиеся особенно грозными в конце XIX дин. Победы фараонов доказали, что Египта не завоевать нестройным ливийским ополчениям. Тогда они перешли к другой тактике и начали завоевывать Египет, особенно Дельту, мирным путем. Помогли им в этом сами фараоны, охотно принимавшие к себе на службу предводителей ливийских дружин, отводившие им земли и окружавшие себя наемной гвардией из ливийцев-максиев (машаваша) и полицией из ливийцев маджай. Таким путем в северной части Нильской долины образовался ряд ливийских поселений, предводители которых, быстро восприняв египетскую цивилизацию, почувствовали себя египетскими вельможами и действительно сделались таковыми, став в близкие отношения к крупным городам и их культам и напомнив таким образом номархов Среднего царства. Среди них особенно выдавался род, поселившийся у Ираклеополя и начатый ливийцем Буювава. Сын его Мусен был уже жрецом местного бога Хершефи и князем; правнук Мусена Шешонк уже был женат на родственнице фараона. От него дошла огромная надпись из Абидоса, в которой повествуется, как он испросил оракул Амона на отправление в Абидос статуи своего умершего сына Намарата и на учреждение ей культа, а затем, как была доставлена на место эта статуя. Целое войско и «корабли без числа» сопровождали ее, вестники готовили все для ее водворения и культа. Последний оплачивался из доходов 100 мер земли (67 акров) с 25 крепостными одного сада; множество меда, ладана, мирры, зерна пошло на заупокойные празднества. (В надписи приводятся и интересные для экономической истории цены: 10 мер — $6^3/_4$ акров земли — стоило 1 фунт — 1,4 г —

серебра; цена рабов между 14 и 20 фунтами). Оракул Амона наложил проклятие на нарушителей культа и грабителей. Все это указывает на чрезвычайное богатство и влияние рода, и мы не удивимся, если увидим, что сын этого Намарата, опираясь на мемфисское жречество, вероятно недовольное союзом танисских фараонов с фиванскими первосвященниками, ок. 950 г. восходит на престол под именем Шешонка I. Первым делом его было обеспечить за своим родом царство женитьбою своего сына Осоркона на дочери последнего танита Псебханена II; другого сына Аупута он сделал фиванским первосвященником. Резиденцией новой XXII дин. был Бубаст в Дельте, отчего и эпоха называется *бубастидскою*. Ливийское происхождение и варварские имена царей и их родни дают некоторое право также на название ее ливийской.

Новый царь был крупной личностью, подобных которой давно не было на престоле фараонов, и он на один момент даже напоминает Египту былое величие. Он следит за палестинскими делами, роднится с Соломоном и даже дарит ему вновь завоеванный египетскими войсками Гезер, но в то же время готовит ему Адада и Иеровоама, а когда с его смертью призрачность еврейского великодержавия обнаружилась, Шешонк немедленно решился воспользоваться временем как для того, чтобы напомнить в Сирии об египетском владычестве, так и для того, чтобы пополнить свою казну на счет сокровищ, накопленных Соломоном. Библия повествует, что в 15-м году Ровоама (около 928) «Сусаким с несметным войском напал на Иудею, взял Иерусалим, разграбил храм и дворец, унеся золотые украшения, устроенные Соломоном». Это известие находит себе подтверждение в колоссальном изображении на внешней стороне южной стены Карнака. Амон вручает Шешонку меч и связку из пяти рядов имен покоренных последним в Азии местностей. Вверху то же делает богиня Фив; сам Шешонк поражает коленопреклоненных азиатов. Каждое из имен заключено в овал, помещенный под бюст пленника семитического типа. Таких овалов было более 150; из них сохранилось в целости около половины, но отожествить с известными нам из географии Палестины можно не более 20. Прежде всего бросается в глаза, что Шешонк, в погоне за длиннотой списка, включил в него все незначительные местности и урочища, нигде более не встречающиеся; в этих же видах он из двойных наименований (напр., Хакель-Абрам — Поле Авраама) делал два разных имени и т. п. Далее, отожествленные имена, напр., Раббат, Тааннак, Сунем, Бетсеан, Рехоб, Хафараим, Маханаим, Гаваон, Бетхорон, Аялон, Мегиддо, Адама и др., указывают, что поход был направлен не только против Иудеи, но и захватил территорию царства Иеровоама, зайдя несколько за Кисонскую долину. Список начинался с севера и заканчивался филистимскими городами Экроном и Рафией. Имени Иерусалима не сохранилось, но есть, кажется, имена Иордана, Ливана и странное Иудхамелек — может быть, «рука царя» (?). Почему Шешонк не пощадил Иеровоама, неизвестно. Может быть, тот не выполнил своих обязательств, стал вести себя самостоятельно и не платил дани. Во всяком случае последняя играет в этом предприятии роль: в одной карнакской надписи Шешонк вручает Амону дань Сирии и Нубии. Таким образом, как будто снова наступили времена Тутмосов и Рамсеса II. Последний все еще продолжал служить образцом. Шешонк нарочно поместил свой победный памятник рядом с его рельефами и над изображением Амона начертал длинную трескучую надпись — обращенную к нему речь бога в стиле известных нам торжественных од XIX и XX дин. Кроме того, бубастидская династия любила принимать тронные имена Рамсеса II: Усермара (Осимандий), Мериамон. Стремление и в строительстве сравняться с великими фараонами выразилось главным образом в сооружении огромного «двора Бубастидов» и пилона, завершивших Карнакский храм к западу — Нилу и давших ему цельность.

На одном из дворов Карнака лежит также несколько огромных каменных плит — кусков большой надписи Шешонка I в честь Амона, частью начертанной на обратной стороне анналов Тутмоса. Впервые обратил внимание на эти остатки недавно

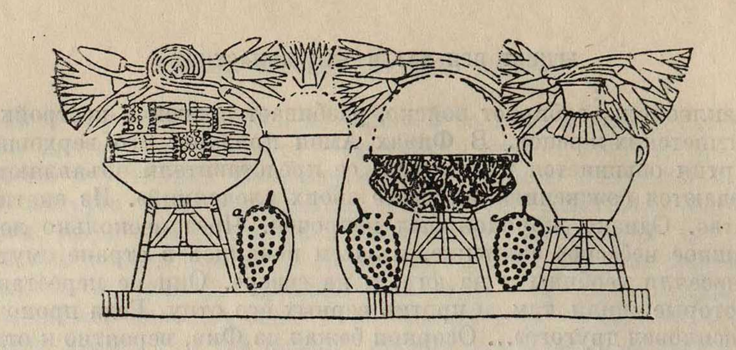
М. Мюллер, но и ему из обрывков не удалось составить связного текста. Можно лишь уловить общее содержание. Это — молитва в теплом, благочестивом тоне этого позднего времени и указания на заслуги пред Амоном. Взывания к богу имеют значительный интерес для изучающих египетскую религию; иногда они напоминают псалмы. Царь между прочим упоминает о своих дарах из палестинской добычи и о произведениях Эфиопии: возможно, что он совершил поход и на юг. В 1907 г. в Ираклеополе нашли от времени Шешонка I большой каменный жертвенник с длинной надписью, повествующей о восстановлении ежедневных жертвоприношений в местном храме. Как мы видели, предки династии были здесь владетелями и жрецами, и тем не менее повсеместный упадок не миновал и этого города, и когда Шешонк достиг престола, «его величество изыскивал способы сделать угодное своему отцу Харшефи Ираклеопольскому». Его сын Намарат, бывший «генералом» в этом важном для династии городе, доложил ему: «Храм Харшефи нуждается в быках для ежедневных жертвоприношений; я нашел, что они пришли в забвение, между тем как до меня существовали со времен предков — следовало бы их восстановить». Фараон издал указ, облагавший население области Ираклеополя специальным налогом в пользу храма. Все обязывались поставлять в год известную часть 365 быков, начиная с самого «генерала», которому предписывалось жертвовать 60 быков, его жены (3 быка), высших военных и духовных сановников (по 10 быков) и кончая чиновниками второго ранга, городскими общинами области и рабочими. Вероятно, и в других местах Египта принимались подобные же меры и учреждались «вакуфы» для поддержания благолепия культа, которое уже не могло теперь зависеть исключительно от щедрот обедневшего двора. Надпись имеет большой интерес и для знакомства с составом и профессиями населения египетских номов этого времени.

Подъем Египта продержался недолго.

Вмешательств фараонов в дела евреев мы больше не видим; только во времена ассирийских завоеваний фараоны робко пытаются отстоять свое наследие. Это было спустя два века, а пока ближайшие преемники Шешонка (Осоркон I, Такелот, Осоркон II, Шешонк II, Такелот II, Шешонк III, Пимай, Шешонк IV) хотя и царствовали нередко подолгу, но подверглись общей участи египетских родов — упадку. Мы не слышим об их внешних предприятиях; внутри кое-что известно об их строительстве. Напр., Осоркон II ремонтировал фиванские храмы после того как «случилось наводнение во всей этой земле, затопившее оба берега, как было в начале мира, и земля стала достоянием воды, подобно морю, а люди, как птицы... все храмы Фив — как болота». Он же воздвиг в Бубасте залу для празднования своего юбилея; но наряду с действительными постройками и сооружениями то и дело начинают встречаться присвоения себе чужих памятников, что отчасти объясняется недостатком средств для строительства в прежних грандиозных размерах — источники доходов великих фараонов прошлого, Сирия, а затем Нубия, были утрачены; бубастиды располагали ресурсами одного только Египта. Однако и при них появлялись изящные произведения искусства, особенно скульптуры. Гораздо больше мы узнаем о семейных и иных смутах бубастидов. Мы уже знаем, что они удерживали в своих руках Фиваиду, облекая своих сыновей саном верховного жреца Амона. Оказалось, однако, что сан этот обладает такой силой, что едва не дал в Фивах водвориться снова наследственной династии, когда сын Осоркона I, Шешонк, как верховный жрец Амона и главнокомандующий армией (странное сочетание, известное со времени Херихора), принял царский овал и передал сан своему сыну, не заботясь о Бубасте, ревниво оберегавшем право назначения; однако, эта династия или скоро прекратилась, или вообще не удержалась, и мы видим Осоркона II ремонтирующим фиванские храмы. При Такелоте II, его сын Осоркон сделался верховным жрецом в Фивах, где оставил несколько надписей на стенах бубастидских врат Карнака. Здесь мы, между прочим, узнаем, что некогда он был военачальником у своего отца, жил в Технэ, а в Фивах господствовала враждебная ему партия. Найдя повод вмешаться.

он идет в Ираклеополь, собирает войско, разбивает врагов и постройками привлекает верхне-египетских жрецов. В Фивах Амон признает его верховным жрецом; противная партия обвиняется в нечестии, ее представители объявляются «врагами Амона» и предаются сожжению «на месте своих злодеяний». Из знати набирается новое жречество. Однако, порядок был непрочен. Чрез несколько лет случилось какое-то страшное небесное знамение, и затем начались в стране смуты; «враги и бунтовщики посеяли усобицы и на юге, и на севере. Они не переставали воевать против тех, которые жили там, и против верных его отцу. Года проходили в ненависти; один насиловал другого»... Осоркон бежал из Фив, вероятно к отцу в Бубаст. Наконец порядок был водворен, и он с войском и флотом подступил к Фивам. Здесь его приняли, но Амон изрек оракул, по которому он обязывался «не поступать с фиванцами так, как поступил с теми», т. е. простить их. Очевидно в политику Осоркона и его отца не входило мстить Фивам, или они к этому были вынуждены обстоятельствами; иначе трудно было бы объяснить такую наивность в устах человека, который сам ближе всех стоял к «оракулам» этого странного времени. Распри и смуты происходили также между Фивами и местом происхождения бубастидов — Ираклеополем, жречество в котором принадлежало другой ветви этой фамилии. Третья ветвь ее, начиная с Такелота, внука Осоркона II, получила верховное жречество в Мемфисе после захудания прежнего жреческого рода, бывшего в союзе с династией Но и эта ветвь уже в четвертом поколении пришла в полный упадок: ее члены занимают низшие должности при храме. Среди этих неустройств центральная власть слабела и на счет ее усиливались местные правители Северного Египта. Прекращение XXII дин. застало страну в состоянии разложения, и основатель следующей династии, Петибаст уже не был в состоянии объединить под своею властью весь Египет. Так наз. XXIII дин. представляет начало эпохи, названной греками «додекархия», времени, когда даже еврейские пророки находили возможным говорить не о фараоне, а о князьях Египта, времени, когда за право быть объединителями его начали бороться внешние силы — эфиопы и ассирияне.

Новый материал (после Брестеда): L e g r a i n, Une branche de Scheschonqides en decadence. Recueil de travaux, 29. A h m e d-B e y-K a m a l и M a s p é r o, Un monument nouveau de Scheschonq I. Там же, 31. D a r e s s y, Le decret d'Amon en faveur du grand prêtre Pinozem. Там же, 32. Е г о ж е, Notes sur les XXII—XXIV Dynasties. Recueil de travaux, 35. W. M a x M ü l l e r, The list of Palestinian cities by Scheshonq I. Egyptological Researches I. II. Inscriptions of Scheshonq I, Karnak. Там же, II. Отрывок нового документа об оправдании Амоном чиновника-жреца: The ordeal of a priest. Там-же, II. E r m a n, Eine Inschrift d. Hohenpriesters Osorkon. Aegypt. Zeitschr. 45 (1908). От времени XXII династии, особенно ее конца — царей Шешонка III и IV дошло несколько плит с иератическими надписями, представляющими дарственные акты на участки земли в пользу храмов. Жертвователями большей частью являются ливийские князья с необычайными именами; этому соответствует и безграмотность текста. См. о них отчасти статью S p i e g e l b e r g'a в Recueil de travaux, т. 25 и 35. Ср. Т у р а е в, Несколько египетских надписей. Спб., 1912.



СИРИЯ

Распадение давидовой монархии имело ближайшим последствием потерю евреями всякого политического значения. Мы видели, что Египет немедленно вступил в свои права; однако, внутренние дела снова отвлекли его от внешней политики. На смену явились другие кандидаты в гегемоны, и прежде всего с ними пришлось столкнуться северному царству. Иеровоам (933—912), сделавшись царем, должен был пойти по тому же пути, что до него Гедеон и Давид и вообще все ханаанские владетели, — ему предстояло заняться организацией национального культа, необходимого для самостоятельного государства, в особенности же теперь, когда ковчег завета остался в Иерусалиме, в пределах враждебного царства. Мы знаем, что Иеровоаму не могло быть в этом отношении затруднений — территория Израиля усеяна древними местами культа, чтившимися ранее Иерусалима и давно уже усвоенными Иегове. Выбор его остановился на Вефиле и Дане, — на юге и севере государства; здесь Иегову чтили в виде золотого тельца. Этот культ был объявлен государственным, и вместе с тем приобрели общественное значение местные праздники, соединенные с ярмарками, конечно в подрыв Иудее, не только религиозный, но и экономический, но вместе с тем и к усилению ханаанизации израильской религии и ослаблению национального сознания. Иеровоам стремился и политически обессилить Иудею, по крайней мере III книга Царств говорит: «война была между Ровоамом и между Иеровоамом во все дни жизни его».

Однако, несмотря на численное превосходство сил, израильское царство повидимому не имело успеха; по крайней мере, мы знаем, что Иеровоам из Сихема, который избрал столицей, должен был переселиться в заиорданский Пенуэль. В связи с этим, вероятно, стоит и то, что Иеровоаму не удалось основать династию. Уже сын его Надав был через год свергнут. Война продолжалась и после свержения Иеровоамовой династии: царь Вааса прямо против Иерусалима стал строить в Раме пограничную крепость, желая очевидно вести наступательную политику. Слабое царство едва ли могло ее выдержать, и внук Ровоама, Аса решился на последнее средство. «И взял Аса все серебро и золото, оставшееся в сокровищницах дома господня и в сокровищницах дома царского, и отдал его в руки слуг своих, и послал их царь Аса к Бенададу, сыну Таб-риммона, сына Хозионова, царю Арама, жившему в Дамаске, и сказал: «союз между мною и между тобою, вот я и посылаю тебе в подарок серебро и золото: расторгни союз твой с Ваасою, царем израильским, чтобы он отошел от меня»... (III Цар. 15, 18—19).

Это было не чем иным, как поступлением в вассалы к наиболее крупной державе Сирии того времени — арамейскому царству в *Дамаске*. Занимая необыкновенно выгодное географическое положение на пересечении торговых путей из Египта

к Евфрату и от последнего к финикийским гаваням, а также караванных путей из Вавилона чрез Сирийскую пустыню, на границе пустыни и в задней части страны с приморскими гаванями, Дамаск скоро сделался центром культуры, торговли и политического могущества для завладевших им арамеев, царь которых Резон, как мы видели, почти одновременно с Давидом и подобно ему, основал свое государство в месте прежнего царства Сувы или Цобы. Торговые интересы Дамаска повелительно требовали обладания караванным путем к Средиземному морю, у Акки мимо Галилейского озера через Иордан и область израильских колен Завулонова и Иевфраимова, а потому отношения к еврейским царствам были для него далеко не безразличны.

Бенхадад или Бир-Идри был, кажется, третьим преемником Резона, и с именем его соединена лучшая пора царства. По просьбе Асы он разгромил Израильское царство и отторг от него столь важный для торговли Дамаска север. Эти неудачи обусловили падение дома Ваасы и внутренние смуты, причем один царь зверски убивал другого. Около 887 г. на престол сел энергичный Амврий (Омри), может быть, арабского происхождения, оставивший по себе такое имя, что позднее ассирияне, может быть, при нем вступившие впервые в непосредственные сношения с Израилем, называли Израильское царство «Бит-Хумри» — «дом Амврия». При нем и его сыне Ахаве Израиль переживал время своего второго расцвета. Иудейское царство в это время также покорило еще раз Эдом и владело до Эланитского залива; Иосафат даже пытался было возобновить морские экспедиции в Офир, но буря разбила его корабли. Отношения его к Израилю были вассальные, оба царя действовали сообща и находились в родственных отношениях. В родстве состоял Ахав и с тирским царем Итобаалом.

Новая династия основала себе и новую столицу — Самарию (Шемрон — «Сторожевая башня»), которой была предназначена видная роль в истории. Оплот этой расположенной в самой плодородной части Ефремовых гор, в средоточии страны и с удобными путями сообщения твердыни делает честь способностям Амврия. Недавние американские раскопки обнаружили здесь на самой высшей точке скалы цитадель, с видом на далекое море, стены дворца строителей и храма с финикийскими культами, которым они покровительствовали. Здание, сначала скромное, было затем расширено; оно состояло, как вообще на Востоке, из небольших закрытых помещений и больших открытых дворов прекрасной постройки. Была найдена египетская алебастровая ваза с именем Осоркона II и около нее куча черепков с еврейскими курсивными надписями чернилами — это квитанции на получение вина и елея от такого-то такому-то, может быть, для потребностей культа.

Удачные войны вел Амврий, а за ним Ахав, и с восточным врагом — *моавитянами.* Об этом нам повествует не только библия, но и один из интереснейших эпиграфических памятников древности — большая надпись моавитского царя Меши, найденная в 1868 г. Клейном в Дибоне. Оба свидетельства счастливо пополняют друг друга. «Амврий, царь израильский, теснил Моава долгое время, ибо гневался Кемош (бог моавитский) на страну свою. Ему наследовал его сын, и он также говорил: «я буду теснить Моава». В мои дни говорил он это, и мог видеть мое удовлетворение на нем и доме его... Амврий занял область Мадебу, и там сидел во дни свои и во дни сынов своих 40 лет»... Из библии мы знаем, что Меша платил дань Ахаву скотом и был его вассалом. При таких условиях было неестественным для Израиля оставаться в подчиненных отношениях к Дамаску, и мы видим, что Ахав ведет ряд удачных войн с Бенхададом, но все-таки не может избавиться от вассальной зависимости, и в конце концов геройски падает в битве при Рамофе галаадском. Два преемника его, Охозия и Иорам, не могли спасти его династию ни от внутренних неурядиц, ни от недовольства со стороны руководимой пророками патриотическо-религиозной партии, гнушавшейся влияний извне и небрежения культом Иеговы. Внешние условия также изменились к худшему. Прежде всего отпал Меша моавитский и немедленно

перешел в наступление, желая вернуть Моаву его отторгнутые области. Без особого сопротивления возвратил он знаменитую в настоящее время христианской мозаикой Медебу и выстроил для ее защиты крепость, затем покорил область Атарофа, в которой «издревле жили мужи Гадовы». Все население было перерезано для услаждения Кемоша и Моава и на его место поселены моавитские колонисты. Затем, по велению оракула Кемоша, Меша ночью идет на г. Небо и после упорной битвы берет его. Заклятое Аштар-Кемошу население в количестве 7 тыс. человек было перебито, унесены алтари Иеговы; далее с 200 человек Меша взял г. Иассу, опорный пункт израильтян. Сделавшись таким образом хозяином всей спорной области до северной части Мертвого моря, Меша приступил к устроению ее. Он восстановил старые крепости и выстроил новые (Восор, Ароир, Медебу, Кариафаим и др.). Израильские пленные должны были работать по укреплению Кархо в г. Дибоне. Везде были выкопаны цистерны в каждом доме. Вновь приобретенная территория была связана с ядром государства «дорогой при Арноне». Наконец, в последней сохранившейся части своей надписи он повествует о новых предприятиях, на этот раз против юга, кажется, Иудеи и стоявшего от нее в зависимости Эдома. По предположению Клермон-Ганно, до нас дошла только половина надписи; дальнейшее дополняется библией, которая подробно повествует о коалиции против Меши из Иорама израильского, Иосафата иудейского и эдомского царя (?). После утомительного, сопровождавшегося чудесами похода по эдомской пустыне, союзники разбили встретивший их отряд, вторглись в страну и подвергли ее страшному опустошению. Меша заперся в крепости Кир-харесет (ныне Керак). Попытка пробиться не имела успеха. Тогда Меша, доведенный до отчаяния, решается на последнее средство, которое давала ему его мрачная религия. Он, в виду врагов, на городской стене принес Кемошу во всесожжение своего первенца и наследника. Осаждавшие, такие же семиты, увидели, что совершен величайший акт умилостивления разгневанного божества. Ими овладел ужас, и они сняли осаду. Меша был спасен, и в благодарность воздвиг в Кархо «Высоту спасения», надпись с которой попала в руки науки, представив один из интереснейших памятников, параллельных ветхому завету. Он указывает на сравнительно высокую цивилизацию этого пограничного с пустыней царства и, вместе с тем, является для нас едва ли не древнейшим свидетельством появления семитического *алфавита*, родоначальника греческого, а следовательно и всех европейских.

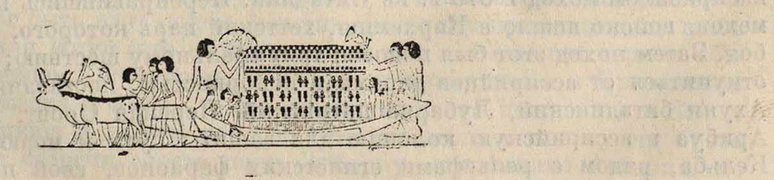
Это время может быть названо золотым веком еврейской литературы, особенно историографии. В библейских книгах мы находим включенными части первоклассных писаний, указывающих на превосходство еврейского гения перед другими более культурными народами. История Саула и Давида почерпнута священными дееписателями не только из творений официальных летописцев, упоминаемых уже и при Давиде, но и из произведений частной инициативы, удовлетворявших потребности сообщить и излагать с известным прагматизмом сведения о прошлом. История Соломона является первым примером историографии в высоком стиле, перешедшей от эпического рассказа к прагматической переработке материала. Она относится ко времени около Иосафата. Несколько позже возникли истории пророка Илии, затем Елисея, Ахава, а в конец библейской письменности этой эпохи Ягвист и Элохист. Киттель называет первого одновременно собирателем, повествователем, поэтом, философом и религиозным учителем своего народа. Он с любовью и терпимостью собирает сказания, будь то вавилонского или халдейского происхождения. Он художник слова, обладающий тонким психологическим чутьем; он интересуется величайшими проблемами бытия и религии. Это — высокоодаренный иудей не из среды духовенства, вероятно из круга древних пророков, полный глубоких мыслей и исканий, монотеистического и универсального миросозерцания. Элохист — по-видимому ефремлянин, бывший в половине VIII в. представителем более развитой духовно эпохи, менее терпимой и оригинальной, уступающей Ягвисту и в художественности и в силе.

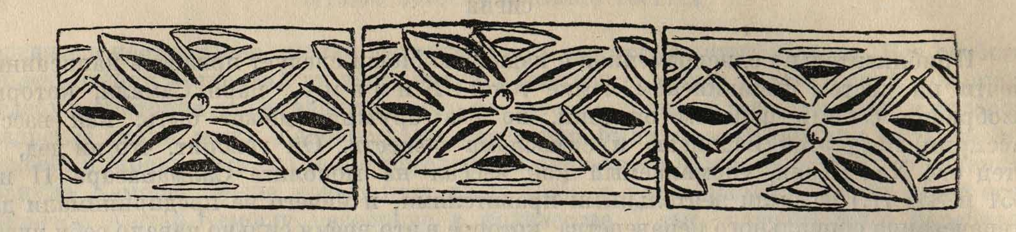
Приблизительно одновременной с надписью Меши следует признать написанный почти на чистом финикийском языке текст Киламу, царя Самаля, который изобразил себя в царском одеянии, но без оружия (может быть, как вассал Ассирии) пред этой надписью и символами божеств. Он говорит, что ни дед, ни отец его Хая (Хаян, упоминаемый как вассал на монолите Салманасара II под 851 и 854 гг.) не были деятельными правителями, и ничего не предпринимали для уврачевания социального неравенства, которое в это время сильно давало себя чувствовать и в еврейских царствах, и при них народ бедствовал; соседи подкупали против них ассирийского царя, «деву отдавали за овцу, мужчину — за одежду». Он же, вступив на престол, стал «отцом, матерью и братом для оседлого (вероятно, хеттского) населения». «Не видавший никогда овцы стал обладателем стада, стал владеть серебром, золотом. Кто никогда не видал полотна, облекался в виссон». Такими же красками и в тех же выражениях, как мы видели, и египетские писатели рисовали время мудрых правителей, боровшихся с обострением социального неблагополучия. Но здесь о себе это говорит сам царь, презрительно упомянув своих предков.

Дворцовый переворот в Дамаске, жертвой которого пал Бенхадад, свергнутый царедворцем Азаилом, дал повод Иораму израильскому начать войну с целью вернуть, в союзе с Иудеей, свои владения в Галааде. Во время похода он был ранен и его полководец Ииуй стал во главе руководимого пророком Елисеем движения против династии. Иорам был убит и с ним истреблены все его родственники. Ииуй вступил на престол и начал новое направление во внешней и внутренней политике. Первое выразилось в сношениях с Ассирией. Израиль признал верховенство новой грозной силы; возможно, что и самый переворот совершился не без влияния последней.

Ф. Я. Покровский, Разделение Еврейского царства. Киев, 1885.

Литература о надписи Меши огромна; и на русском языке имеются прекрасные исследования Д. А. Хвольсона, Гаркави, наконец Соловейчика. Исследования о надписи Меши. Журн. мин. нар. просв., 1900, 10 и 11. (Здесь указаны и разобраны главнейшие труды западных ученых, а также изложена история вопроса). Предварительное археологическое обследование местности Дибона произведено D. Mackenzie в 1910 г. См. отчет Dibon, The city of King Mesa and of moabite stone, с планом площади города, дворца и остатков укреплений (Palestine Exploration Fund Stat, 1913, 57—79). — О раскопках на месте столицы династии Амврия, Самарии см. предварительные сведения в Revue Biblique с 1909, а также Kittel, Merkwürdige Funde in alten Samaria. Theol. Literaturblatt, 1911. Thiersch в Zeitschrift d. Deutsch. Palaestinaverein, 1913. К этой же, а может быть немного более поздней эпохе относятся найденные в Иерусалиме и в Южной Палестине (Шепеле) ручки кувшинов из красной глины с древне-еврейскими штемпелями — грубо исполненным крылатым солнечным диском или летящим скарабеем и надписями. Последняя состоит из двух слов: «царю» и имя одного из четырех городов: Хеврон, Сохо, Зиф и Мареса (?). Вероятно, в этих городах, окрестности которых обильны глиною, были царские заводы посуды, представлявшей, может быть, и проверенные меры емкости; может быть, они служили для доставки ко дворцу натуральных повинностей. См. П. К. Коковцева в Сообщ. прав. Палест. о-ва, 1901, XII, 20. Семитической эпиграфике посвящен специальный орган Ephemeris für Semitische Epigraphik, издаваемый с 1900 г. Lidzbarski; здесь кроме оригинальных статей помещаются разборы работ, касающихся семитических надписей. Между прочим о надписи Киламу: Eine phönizische Inschrift aus Zendschirli в III т. этого издания (1912); иначе ее понимает Littmann в Sitzungsberichte Прусской академии, 1911.





ВТОРОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ АССИРИИ

С X века история ассирийских царей снова становится известна. С третьего царя новой династии, Ададнирари III (911—890) начинается список «лимму», чем как бы отмечается начало нового периода истории царства. Этот царь окончательно справился со смутами, укрепил столицу Ассур и двумя победами над царями Шамаш-мудаммиком и Набу-шуми-шкуном решил в свою пользу пограничные споры с Вавилоном. Сын его Тукультининиб II (890—885) уже совершил поход на север и у истоков Тигра поставил свою победную надпись. При сыне его Ассурнасирабале III (885—860) Ассирия возвращает себе прежнее значение. Этот энергичный царь начал с победоносного похода на север, куда ходил его отец, затем он принялся за исполнение главной задачи своего царствования — за борьбу с арамеями, которые, пользуясь слабостью Ассирии, все более и более распространялись по Месопотамии и оттесняли на восток ассирийских колонистов. Уже в первый год своего царствования Ассурнасирабал усмирял мятеж арамейского вассального княжества Бит-Хадиппи на р. Хаборе, которое, поддерживаемое царством Битадини между Евфратом и Балихом, возмутилось против Ассирии. Ассурнасирабал одержал победу, и массовыми страшными казнями, а также посадив ассирийского наместника — водворил спокойствие. В 879 г. он предпринял туда новый поход за сбором дани. Все арамейские князья уплатили ее, кроме Шадудусухского; его город был покорен, а он сам бежал на правый берег Евфрата. Восстание поддерживал вавилонский царь Набуаплуиддин, но его войско тоже было разбито. Тогда правобережные арамеи, с Битадини во главе, начали против Ассирии войну; племена Лаки, Хиндану, Сухи двинулись в Месопотамию. Ассурнасирабалу удалось победить их, и, перейдя Евфрат, он вторгся в земли этих племен; начальник их бежал в Битадини. Решив наказать этот источник смут, ассирийский царь предпринял в 877 г. поход против него; поход увенчался успехом: арамейские князья покорились и заплатили дань; а самый опасный из них, Ахуни, поставил царю войско. Перечень даров указывает на развитие к этому времени у арамеев культуры и роскоши. Теперь ассирийцам была открыта дорога к Средиземному морю. Туда был совершен Ассурнасирабалом поход в 876 г. из Битадини. Переправившись при помощи надуваемых мехов, войско пошло в Кархемиш, хеттский царь которого, Сангара, покорился без боя. Затем поход этот был подобен триумфальному шествию; цари и князья спешили откупиться от ассирийцев дарами и покорностью, поставляя войско. Так поступил Ахуни битадинский, Лубарна патинский. Перейдя Оронт, царь превращает город Арибуа в ассирийскую колонию для защиты пути к морю и ставит у Нахр-эль-Кельба, рядом с рельефами египетских фараонов, свой победный памятник. «Я прошел вдоль Ливана. Я пошел к великому морю страны Амурру. В великом море

омыл свое оружие. Принес моим богам жертву. Я принял подать царей морского берега: Тира, Сидона, Библа, Махаллата, Маица, Каица в Амурри, и Арада внутри моря, из серебра, золота, свинца, меди, сосудов бронзовых, пестрых тканей, полотна, большого и малого зверя «пагуту», деревьев кедровых и кипарисовых, зубов морского зверя» — повествует царь в своей летописи. О Дамаске и сфере его влияния (напр., Израиле) Ассурнасирабал не упоминает: он прошел северным путем, не касаясь его владений, и, может быть, умышленно сделал это, не желая вступать в борьбу с могущественным гегемоном Сирии.

Энергия и страшная жестокость возымели свое действие — почти все царствование Ассурнасирабала после этого похода прошло в мире. Он жил чаще всего в Калахе, в большом дворце, который он заново отстроил и развалины которого открыты Лэйярдом. Здесь же найдена обстоятельная летопись его царствования и барельефы, часть которых попала в Эрмитаж: на них начертана в нескольких экземплярах надпись, повествующая суммарно об его деяниях.

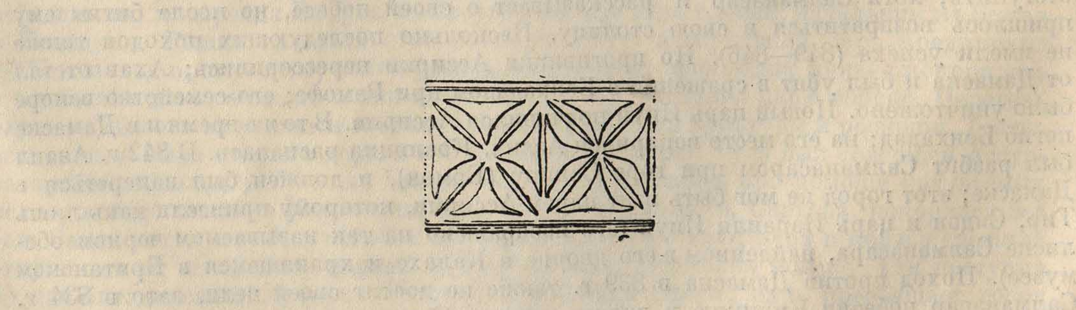
Ассурнасирпал III с гением-хранителем. Ассирийский рельеф из Нимруда.

Преемником Ассурнасирабала был Салманасар III (860—825). Уже в 859 г. ему пришлось идти походом против возмутившегося Ахуни битадинского, в союзе с которым был царь Самаля и другие цари. Понадобилось 4 похода (859—856) для того, чтобы победить этого царя; в конце концов он был взят в плен, и царство Битадини перестало существовать. Затем (854) царь переправился через Евфрат, и здесь его встретили с дарами: Сангара кархемишский, Кундаспи коммагенский, Лалли мелитенский, цари Самаля, Патина и Гургума. Алеппо тоже подчинился добровольно. Теперь Салманасар нашел благовременным обратиться против наиболее серьезного противника на западе — Дамаска, в котором царствовал известный нам Бенхадад. Под его командой стояли: царь Хамата Ирхулина, царь Израиля Ахав, царь Арада Матинваал, Адониваал, царь Сианы из Северной Финикии; г. Арка, царь арабов Гиндибу (с 1000 верблюдов), Васа, царь аммонитов, царь киликийский и др. Они встретили Салманасара в 854 г. при Каркаре, и повидимому заставили его отступить; хотя Салманасар и рассказывает о своей победе, но после битвы ему пришлось возвратиться в свою столицу. Несколько последующих походов также не имели успеха (849—846). Но противники Ассирии перессорились; Ахав отстал от Дамаска и был убит в сражении с Бенхададом при Рамофе; его семейство вскоре было уничтожено. Новый царь Ииуй подчинился Ассирии. В то же время и в Дамаске погиб Бенхадад; на его место воцарился Азаил. Коалиция распалась. В 842 г. Азаил был разбит Салманасаром при горе Саниру (Ермон), и должен был запереться в Дамаске; этот город не мог быть взят царем Ассирии, которому принесли дань лишь Тир, Сидон и царь Израиля Ииуй (это изображено на так называемом черном обелиске Салманасара, найденном в его дворце в Калахе и хранящемся в Британском музее). Поход против Дамаска в 839 г. также не достиг своей цели, зато в 834 г. Салманасар победил Киликию и лишил царя ее Ките престола в пользу его брата Кирре. В 832 г. патинеи свергли своего царя Лубарну, сторонника Ассирии, но

скоро были усмирены полководцем Салманасара и получили нового царя — ассирийского ставленника. Остальное время царствования Салманасара на западе все было спокойно. Вавилон стал в вассальные отношения к царю Ассирии; сыновья царя Вавилона, Набуаплуиддина, воевавшего с Ассурнасирабалом, перессорились между собою и один из них призвал Салманасара; тот посадил его на вавилонский престол и при этом случае принес жертвы в вавилонских храмах, подчеркивая свои сюзеренные права. Были также войны на востоке; оттуда Салманасар получил богатую дань, среди которой находились, кажется, произведения Индии и Афганистана (конечно, посредственно).

Азаил скоро оправился от поражения, а благодаря упадку Ассирии после Салманасара III, Дамаск стал снова хозяйничать в Сирии. Азаил отторг от Израиля всю заиорданскую область, разрушил филистимский Геф, и только принесенные ему в дар последние сокровища Иерусалимского храма избавили от погрома Иудею. Сын Азаила, Бенхадад III, также теснил Израиля и во главе большого союза решился овладеть Хаматом. Об этом сообщает нам следующая интересная, недавно найденная Поньоном, надпись тогдашнего хаматского царя Закира, дополняющая недостающие ассирийские сведения: «Памятник, воздвигнутый Закиром, царем Хамата и Лагиша, (богу) Алуру. Я Закир, царь Хамата и Лагиша. Ваал небесный услышал меня, помог мне и поставил меня царем над Хадраком. Бар-Хадад, сын Азаила, царь Арама соединил против меня... царей: Бар-Хадада и его войско, Бар-Хаша и его войско, царя Киликии (Куэ) и его войско, царя Амка и его войско, царя Гургума и его войско, царя Самаля и его войско, царя Мализа (?) и его войско. Их было семеро с их войсками, и все они окружили окопами Хадрак. Они возвели стену, более высокую, чем стена Хадрака, и вырыли ров, более глубокий, чем его ров. Я воздел мои руки к Ваалу небесному, и он меня услышал. Он (помог мне) чрез пророков и чрез... (Он сказал мне): «не бойся, я возвел тебя в цари; я с тобой и освобожу тебя от всех осаждающих и (уничтожу) всех этих царей»... Я отстроил вновь Хадрак, присоединил к нему всю округу... соорудил укрепления, выстроил храмы всем богам... и поместил пред богом Алуром эту надпись»... Таким образом, последняя попытка дамасского царя образовать великую державу не удалась — Израиль нашел себе избавителя (IV Цар. 13, 5), и когда Ассирия оказалась в состоянии вспомнить о западе, она там нашла разрозненные царства. Теперь же на целое столетие развитие ее могущества было задержано появившимся в тылу опасным противником — Ванским царством.

Памятники Ассурнасирабала, находящиеся в Эрмитаже, описаны В. С. Голенищевым, в связи с историей этого царя, в книжке: Императорский Эрмитаж. Описание ассирийских памятников. Спб., 1897. — О Дамаске между прочим см. Winckler, Die Könige von Damascus. Alttestamentl. Untersuch., 1892. — О надписи Закира: Lidzbarski, König Zkr von Hamath. Ephemeris für Semitische Epigraphik, III, 1909.



ВАНСКОЕ ЦАРСТВО

Самыми опасными врагами Ассирии, значительно задержавшими рост ее могущества и препятствовавшими укреплению на западе, были ее северные соседи. Ассирияне называли их страну общим именем «Наири» (речная область), потом «Урарту» (библ. Арарат, у Геродота Αλαρόδιοι), относя сюда страны, лежавшие к северу от верховьев Тигра и Евфрата, т. е. соответствовавшие нынешней Армении. Населявший эти страны народ, родственный хеттам, обладал культурой, которая находилась в связи с хеттской и в некоторой зависимости от ассирийской. Надписи его царей писались даже сначала на ассирийском языке; позже клинопись была приспособлена к туземному языку, кажется, обнаруживающему родство с языком Митанни. Надписи эти, очень содержательные, ставились обыкновенно на малодоступных местах, с целью лучшего их сохранения. Их известно пока до 180; из них около 30 найдены в пределах Закавказья и изданы М. В. Никольским. Главным божеством народа был Хальд, бог неба; кроме него чтились: его супруга Багбарту (арийское имя?), Ардин, бог солнца, Тешуб, бог бури и грома, как у Митанни. По имени главного национального божества народ называл себя халдами; страну свою он называл Биайна, откуда происходит современное имя озера Ван; в древности оно носило имя Тушпа от бога бури. Вероятно, что имя Халда вошло в состав национального имени грузин «Картвел». В другой форме «Кат» это слово обозначает святыню, большей частью языческую, а также икону. Еще у Ксенофонта (Ανάβ. IV, 3, 4 и др.) есть упоминание о понтийских «халдеях», как об ἐλεύθεροί τε καὶ ἄλκιμοι». Ванские племена образовали среди гор и речных долин множество мелких княжеств; эти княжества соединились в большие союзы или монархии, представлявшие большую опасность для Ассирии. Еще Салманасару II (XIV—XIII вв.) приходилось с ними бороться; Тиглатпаласар I одержал победу над коалицией из 23, потом из 60 наирских князей; во главе их тогда стоял Сини, царь страны Даяени (вероятно, в долине Арзания). Он был разбит и взят в плен; ассирийский царь у нынешнего Мелазгерда оставил надпись, в которой хвалится, что покорил страны Наири от Тумми у Даяени и страну Кирхи до Великого (Черного) моря». В другой надписи, у истоков Тигра, он повествует, что покорил области от великого моря Мурру (Средиземного) до моря Наири (Вана). Ко времени Салманасара III гегемония на севере перешла к царству *Урарту*, находившемуся, кажется, у верховьев малого Заба: здесь был город Мусасир (по-ассир.) или Ардини (по-вански) с национальным храмом бога Хальда. Как полагает Леман-Хаупт, только незадолго до этого, в X—IX в. урартийские халды осели в этих местах, явившись с запада, в связи с фракийским движением. Вся страна у Вана теперь является единым могущественным государством под властью царя А р а м а, имевшего столицу в Арзашкуне, место которой Бельк определяет около Адельджеваза

на западном берегу Вана. Этот царь оставил по себе память в преданиях; может быть, Армения = «Армена» = страна Арама. Против него Салманасар III предпринял несколько походов (860—857, 844). Хотя ассирийский царь и говорит о взятии крепости Сугунии, Арзашкуна и Арамалы, и изображает эти подвиги на барельефах своих знаменитых балаватских врат, тем не менее он не мог справиться ни с Арамом, ни с его преемником Сардуром I. Последний называет себя сыном Лутипри (может быть, происходил из другой династии?); он построил г. Ван с его неприступной, прекрасно защищенной от нападений с юга непроницаемой частью дуги Иранских гор цитаделью, и оставил там ассирийские надписи, в которых называет себя «царем Наири» с титулатурой, заимствованной у ассирийских царей.

Последние годы царствования Салманасара прошли в междоусобиях, возбужденных его старшим сыном Ассурданинабалом; царю остались верными лишь Вавилон и Калах. Волнения были прекращены сыном Салманасара III, Самсиададом IV (825—812). Этому царю пришлось бороться с *маннеями*, пришедшими с востока и образовавшими около половины IX века государство у озера Урмии, уничтожив существовавшие здесь раньше государства Замуа и Киррури. Они, кажется, в значительной части принадлежали арийскому племени (главный бог — Багмашту), хотя известные нам имена царей — не арийские. Столицей их была Изирта; царство доходило на севере до Хой, на западе до Хотур-Дага. Оно упоминается еще у прор. Иеремии (51, 27) рядом с «Араратским» (Ванским) и Ашкеназским (Скифским).

Область, занятая маннеями, отличается цветущим плодородием, вследствие чего постоянно была предметом борьбы и ассириян и халдов. У последних царем был тогда сын Сардура I Испуина, от которого дошли первые надписи на ванском языке. В одной из них (пока двуязычной) он говорит, что вместе с сыном и внуком посетил Мусасир-Ардини и молился в национальном святилище; из других мы видим, что близ новой столицы, города Вана, был устроен пантеон всех халдских божеств; таким образом, Испуина считал себя верховным государем всех урартийцев. Самсиадад IV почти каждый год совершал против северо-востока походы, стремясь, при невозможности одолеть Испуину, исторгнуть из-под его влияния маннеев и другие восточные страны, включая Мидию. Борьба шла с переменным успехом. Раз ассирийский царь хвалится, что его полководец отнял у «Ушпины» две крепости и 200 городов, в другой раз — Испуина в надписи в Хараконисе говорит, что он отнял у царства Ниневийского область Парсуа на юго-западном берегу озера Урмии, непосредственно примыкавшую к царству маннеев. Во время смут для Ассирии был утрачен Вавилон; Самсиадад употребил конец царствования на его возвращение; его преемник, Ададнирари IV (812—783) достиг этого и увел в плен вавилонского царя Бауахи-иддина. В это время неоднократно упоминается царица Шаммурамат, жена Самсиадада и мать Ададнирари. Она занимала необычайное для ассирийской царицы положение, была вавилонянкой, под ее влиянием в Ассирии был введен культ бога Набу. Статуи его найдены в Калахе с надписью, повелевающей не признавать никакого другого бога. Это делалось, вероятно, для более тесного сплочения державы. Шаммурамат, вероятно, прототип Семирамиды. Она — единственная царица с самостоятельным положением и политикой; в ее время были частые войны с мидянами и севером. Мидяне впервые увидали блеск ассиро-вавилонской культуры, и у них сложились легенды о Семирамиде, записанные потом уже в позднем виде Ктесием. Точно так же и халды запомнили это имя, и Моисей Хоренский относил к Семирамиде все доармянское в стране. Борьба Ассирии с халдами однако была попрежнему неудачна. Сын Испуины, Менуа подчинил маннеев (надпись на Таштепэ у Урмии с упоминанием о завоевании и сооружении дворцов) и, зайдя, таким образом, в тыл Ассирии, стал отнимать у нее одну землю за другой. Преемник Ададнирари, Салманасар IV (783—773) чуть не каждый год ходил против Урарту, но не имел успеха. Следовавшие за ним цари Ассурдан II (773—755) и Ассурнирари II (754—745) были государями слабыми, они не могли и думать о серьезной борьбе с севером, потому что в самой

Ассирии постоянно происходили смуты. Тем временем Менуа совершил ряд завоеваний на западе и юге. Он в своих победных надписях хвалится, что подчинил часть Ассирии (Ашурини), область Даяени, Урмени, разбил хеттов и присоединил к своему царству область до самой Мелитены (Малатия; надпись у г. Палу на Евфрате). Преемник Менуа, Аргишти, совершил против Ассирии 14 победоносных походов, о которых повествует его огромная надпись — летопись на скале Хорхор у Вана. Эти анналы могут быть сопоставлены с аналогичными памятниками Египта и Персии и являются осязательным свидетельством значения Ванского царства как великой державы. Он сделал также своими вассалами малоазийских хеттов. Таким образом, хеттская раса была снова объединена и выступила претендентом на гегемонию в культурном мире.

Завоевания Аргишти распространились и на наше Закавказье. М. В. Никольский, исследовавший в 1893 г. по поручению Московского археологического общества следы этих завоеваний, нарисовал нам ясную картину их направления, и мы считаем необходимым познакомить с его выводами.

Движение на север начал еще Испуина, открывший дорогу из Вана к Эрзеруму и оставивший недалеко от последнего свою надпись. Менуа проник в Эриванскую низменность, вероятно через Чингильский перевал, и у нынешнего Ташбуруна завоевал город Лухиуни, центр мелкого царства Эридуахи, резиденцию царя Иркуахини. Город был переименован в Менуахинили (резиденция Менуа), и три клинообразные надписи в окрестностях Ташбуруна увековечили событие. Аргишти продолжал дело отца: он перешел Аракс, и в самом центре Эриванской низменности, на Армавирском холме, основал город Аргиштихинили. Ряд клинообразных надписей, найденных здесь, и другие остатки, в связи с армянскими преданиями, свидетельствуют о важности этого пункта. Отсюда Аргишти направился дальше по естественным путям к горным странам Малого Кавказа. Ближайшая область на пути — система реки Зангу с центром в Эривани, которая в то время случайно носила почти тожественное имя — Эриайни. Клинообразная надпись, найденная к сев.-вост. в километре от города, говорит о сооружении здесь царем Аргишти крепости, остатки которой сохранились на холме Ганли-тапа. Далее, следы движения Аргишти находятся на подъеме, параллельном Зангу и ведущем к сев.-зап. берегу оз. Гокчи. Этот подъем находится в связи с путями к Большому Кавказу; он был традиционным для движений народов и завоеваний. В 15 километрах от Эривани, близ деревни Эйляр, найдена клинообразная надпись, в которой Аргишти повествует о покорении страны Улуани, вероятно, соответствовавшей плодородной и цветущей долине Крхбулак (40 источников). Отсюда Аргишти двинулся на север по той же дороге, которая и теперь служит трактом из Эривани в Тифлис. Последним, отмеченным клинообразною надписью, пунктом его завоеваний был сев.-зап. угол оз. Гокчи, где (теперь у армянского селения Ордаклю) он начертал на скале надпись, повествующую о покорении области Киехуни (Кегахуни в армянский период). Вблизи найдены древние остатки, вероятно, упомянутого в этой надписи центра области — города Иштикуни. Повидимому здесь был предел царства Аргишти, и он не проникал в долину Куры, хотя, владея перечисленными областями, мог бы легко это сделать. Но мы знаем, что он ходил из Вана на север и по другому пути, намеченному еще Испуиной. Найденная в Сарыкамыше, на русско-турецкой границе, клинообразная надпись свидетельствует, что он двигался от нынешнего Эрзерума по направлению к Карсу; об этом же говорят и обследованные А. А. Ивановским в долине Карс-Чая остатки укреплений. В сарыкамышской надписи Аргишти говорит о завоевании страны Этиуни — наименование это повидимому было общим для провинции, соответствующей южной части Закавказья; в упомянутой выше эйлярской надписи страна Улуани также оказывается частью Этиуни. Следы Аргишти имеются у Александрополя (надпись на полигоне), на сев.-зап. склоне Алагеза (надпись при сел. Гулиджан в ущелье, повествующая о покорении страны Кулиани и г. Дурубани), в Эразгаворне (поселения) и в

Мармашене, где найдена надпись о покорении страны Эрах и города Ирдануxи «от страны Ишкигулов внутренней».

Таким образом, в северной части Передней Азии, вблизи Европы, образовалось крупное по объему культурное государство с широко идущею политикой и завоевательными стремлениями. Едва ли оно, впрочем, распространилось далеко на север и дошло до большого Кавказского хребта. Вирхов, Бельк и Леман-Хаупт указывают, что в культурном отношении Закавказье резко делится на две области, границей между которыми служат горы, до которых на севере простирается долина Аракса. К северу от нее — область так наз. «калакентской» культуры с характерными для нее каменными гробами и богато украшенными изображениями животных бляхами поясов; к югу — культура, тесно примыкающая к той, которая характерна для древнейшей турецкой и персидской Армении, т. е. урартийская. Цари халдов проникали в горную страну к северу от этой границы, но они не спускались с этих гор в долину Куры, да и в самой горной стране они не могли коренным образом изменить этнографический состав и культурные особенности.

Какова эта *урартийская культура*, об этом мы можем в настоящее время составить некоторое представление, благодаря трудам Н. Я. Марра и его школы, экспедиции в Ван, предпринятой во время войны, и, к сожалению, все еще не вполне опубликованным результатам экспедиции Лемана и Белька. Обыкновенно полагали, опираясь на клинообразные надписи, что в культурном отношении халды вполне зависели от Ассирии. Теперь приходится несколько ограничить это, казавшееся бесспорным мнение, и представляется возможным усмотреть как другие культурные связи, так и самостоятельные элементы. Находят культурные аналогии в Малой Азии и Эгейском мире, в хеттской культурной сфере, признают, что в металлургии халды достигли больших успехов и даже были учителями самих ассириян. Выдвигаются четыре области, в которых халды успели оставить выдающиеся произведения своеобразного характера; это — постройки в скалах, обделка камня, водяные сооружения, металлическая техника. Из числа первых останавливает внимание высеченный в скале ванский дворец, лестницы, устроенные в живых скалах, крепость царя Русы II у Мазгерта, которую с ее сводчатым входом Леман считает прототипом гробниц понтийских царей, и вообще все подобного рода сооружения сравнивает с древнейшими в Элладе и Малой Азии. Постройки из камня были частью циклопическими, как, напр., замок Менуа в Анзаффе. Храм в Ване (Топраккалэ) также был выстроен без цемента, хотя уже частью из обделанных камней. Характерно, повидимому, для ванской архитектуры было чередование светлых и темных каменных глыб и квадратов, как это замечается и теперь в армянских церквах, а также своеобразные полы с мозаикой из разноцветных каменных концентрических кругов. Изображение ванского храма в Мусасире и крепости сохранилось на одном из барельефов Саргона в Хорсабаде. Форма построек — четыреугольная, с фронтонами и столбами, напоминающая понтийские templa in antis и греческие храмы. Столбы увешаны пожертвованными по обету бронзовыми щитами, фронтон увенчан наконечником копья, символом бога войны, у входа два копья и две статуи, вне храма — два бронзовых водоема. Все это не похоже на соседние образцы. Но зато кое-какие остатки каменных статуй выдают несомненное ассирийское влияние, каковое весьма заметно на бронзовом грифоне (вероятно, части трона) и крылатом быке, а также на попавшей в Берлинский музей из Топраккалэ статуэтке «евнуха». Но здесь выступает уже и характерная особенность халдской техники — соединение камня с металлом. Фигура сделана из бронзы и была позолочена; голова из белого камня, глаза, вероятно, были из драгоценных камней. В Топраккалэ найден небольшой каменный предмет, вероятно весовая гиря, с интересным вырезанным изображением религиозного характера: жрец в молитвенной позе пред священным деревом, пред которым стоит сосуд для возлияний и за которым три столба — фетиша на пьедестале. Изображение довольно грубо. Вероятно, к области урартийской культуры

и религии относятся удивительные огромные каменные фигуры рыб и стелы, найденные Я. И. Смирновым на вершинах Гехамских гор в б. Эриванской губернии. Эти фигуры носят теперь у армян название «вишапы» — слово, которым армяне и грузины называют драконов; они являются до сих пор как бы покровителями гор. Пока найдено и зарисовано до 18 таких вишапов.

В металлургии халды были специалистами. Прор. Иезекииль (27, 13) говорит о медной посуде северных народов, и до нас дошли как бронзовые сосуды, так и чрезвычайно интересные ручки их, представляющие изображения крылатой богини в стиле египетского крылатого диска или ассирийского летящего Ассура. Возможно, что перед нами общемалоазийская «Великая мать». Другое изображение женского божества найдено Леманом на круглой золотой пластинке — медали. Богиня в роскошном одеянии сидит на троне и держит в руке лист; пред нею в молитвенной позе женщина, может быть, царица, также в богатом одеянии. Эта замечательная, единственная в своем роде вещица также обнаруживает некоторое ассирийское влияние. Возможно, что урартийского, хотя и гораздо более раннего происхождения замечательный серебряный сосуд, найденный Н. И. Веселовским в Майкопе. Здесь ассирийское влияние, может быть, заметно в изображении в верхнем поясе горного пейзажа (может быть, Арарата). Ниже изображены вытекающие отсюда две реки, затем — различные животные; наконец, на дне сосуда — море, куда впадают обе реки. Трудно сказать, не идут ли из Вана и удивительные золотые вещи (оружие), найденные еще в 1763 г. в Херсонской губ., а затем недавно в Кубанской области и поступившие в Эрмитаж. Изображения на них чудовищ и сложных фантастических животных, а также древа жизни, идут из Ассирии. В числе находок немецкой экспедиции и в европейских музеях имеются различные металлические вещи из Урарту, напр., изящный бронзовый канделябр, бронзовая ножка трона, бронзовые щиты из числа жертвовавшихся царями в храмы и изображенных на барельефе Саргона привешенными к стене храма. В серебряных вещах Леман-Хаупт находит следы техники, которой прославилась наша Тула. Что касается и самой «калакентской» культуры, то быть может и ее нет оснований резко отделять от урартийской или, лучше сказать, обще-хеттской культурной области. Б. В. Фармаковский весьма убедительно указал на то, что металлические пояса с орнаментом и изображениями по форме совершенно тожественны с поясом на богазкеойском изваянии царя, и что орнамент на поясе, найденном А. А. Ивановским, состоит из спиралей и завитков, обычных на хеттских цилиндрах и встречающихся на предметах, найденных И. А. Орбели в Ване. Наконец, в Урарту раньше, чем в других местах, появилось и вошло в широкое употребление железо; множество железных вещей (оружия, ножей, гвоздей и т. п.) найдено в Топраккалэ; возможно, что множество найденного во дворце Саргона железа, частью необработанного, было получено из Урарту, как военная добыча. Описание этой добычи, взятой во дворце и храме Мусасира в 714 г. Саргоном, занимает в недавно изданном Тюро-Данженом тексте 56 строк. Им взято во дворце 34 таланта 18 мин золота, 167 тал. 27 мин серебра, бронзы и дорогих камней, жезлы из слоновой кости и эбенового дерева в золотой оправе, царские регалии, сосуды разного наименования, оружие из драгоценных материалов, 13 бассейнов из бронзы, 120 предметов из бронзы местного производства, 130 разноцветных одежд и льняных рубах из Урарту и Кильху. В храме бога Хальда найдено, кроме золота, серебра, бронзы, меди, 6 золотых круглых щитов, прибитых к стенам и издававших ослепительный блеск; среди них были с изображением собачьих голов; весом от 5 тал. 12 зол. мин; 12 серебряных щитов с головами драконов, золотые замки, ключи, мечи, копья (96), 33 серебряных колесницы, 394 серебр. сосуда ассирийского, урартийского и кильхийского производства, печать богини Багбарту с драгоценными камнями, 9 позолоченных облачений, ложе из слоновой кости, 139 жезлов из слоновой кости, корзины для цветов, столы, кинжалы с позолотой, драгоценности Хальда и Багбарту, 25 212 бронзовых щитов, 1 514 бронзовых копий, 305 412 бронзовых мечей,

607 бассейнов для омовений из бронзы, огромный куб, вмещавший 80 мер воды, употребляемый царями Урарту для возлияний вина пред Хальдом, 4 бронзовых статуи божеств-охранителей, каменная статуя Сардура, статуя Аргишти, в тиаре со звездами, весом в 60 тал., статуя царя Русы с надписью: «с двумя конями и возницей, мои руки покорили царство Урарту», и мн. другое, обозначаемое часто непереводимыми терминами.

Остается еще сказать об обширных и многочисленных водяных сооружениях халдов. Каналы, искусственные озера и т. п. были постоянной заботой ванских царей, увековечивавших эти культурные деяния в надписях. Так, Аргишти, основав Армавир, провел для орошения Эриванской равнины канал, о чем сообщил в найденной в 1895 г. у Каракалы надписи. Руса I устроил озеро для своего города у Топраккалэ. Но особенно много проводил каналов Менуа; из них наиболее известен грандиозный канал, снабжавший столицу — Ван питьевой водой (вода из озера негодна для питья). Он действует и в настоящее время, нося имя канала Семирамиды, которая еще у Моисея Хоренского является олицетворением урартийского прошлого — к ней возводили и основание Вана, и каналы, и клинописные ванские тексты.

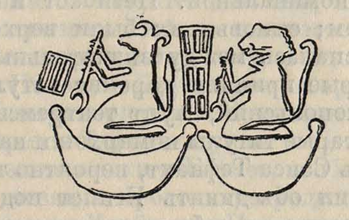
Этот замечательный факт пользования древним каналом наводит Лемана-Хаупта на интересные мысли и заставляет его сопоставить отношение отдаленной старины к современности, здесь и в Вавилонии. Там каналы иссякли и засыпаны, города оставлены, древняя культура не находит отклика у современников — здесь на местах древних исторических городов стоят новые, иногда с теми же именами; древние сооружения в скалах и теперь служат крепостями; даже клинообразные надписи не являются мертвыми немыми памятниками, напротив, они пользуются почитанием, как нечто таинственное, как талисманы местности или стражи сокровищ; их охотно помещают в церквах, которые также нередко стоят вблизи древних мест культа. Несомненно, в жилах современных, арийских по языку, армян не мало древней халдской крови.

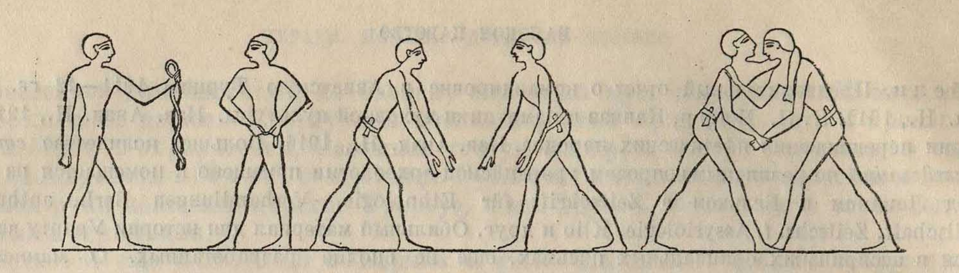
Надписи изданы и переведены: S a y c e, The cuneiform inscriptions of Van. Journ. of the Royal Asiatic Society XIV, XX. М. В. Н и к о л ь с к и й, Клинообразные надписи Ванских царей, открытые в пределах России. Древности восточные I. (Здесь же история вопроса и очерк истории царства Урарту). Клинообразные надписи Закавказья. Материалы по археологии Кавказа, т. V (результаты экспедиции, многочисленные фототипии надписей и видов местностей). Новооткрытая в Эриванской губернии клинообразная надпись. Известия Имп. археологич. комиссии, 37 (1910). Клинообразная надпись из Мелазгерда. Зап. классич. отд. Р. арх. общ. VI (1910). В. С. Г о л е н и щ е в, Надпись древне-ванского царя Русы II. Зап.-вост. отд. Р. арх. общ., XIII (1901). B e l c k, Die Kelischin Stele. Anatole, 1904. Перечень всех известных до 1899 г. надписей, как проспект изданного Corpus inscriptionum Chaldicarum, в связи с кратким *отчетом* об экспедиции: C. F. L e h m a n n, Bericht über die Ergebnisse d. v. Dr. W. Belck und Dr. C. F. Lehmann 1898—9 ausgeführten Forschungsreise in Armenien. Sitzungsberg, Berl. Akad., 1905. Другой отчет помещен в Wiener Zeitschrift für Kunde d. Morgenlandes XIV. Н. Я. М а р р, Халдская клинообразная надпись из села Леска, Ванского округа. Изв. Акад. Н., 1915; Материалы по халдской эпиграфике. Обломки Делибабинской надписи. Зап.-бост. отд. Р. арх. общ., 24 (1917). Надпись Сардура II, с. Аргиштия на Чалдирском озере. П., 1919.

Вещественные памятники и друг. следы: C. F. L e h m a n n-H a u p t, Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens Abhandl. Königl. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen. N. F. IX (1907). Armenien einst und jetzt. I. Berl., 1910. А. А. И в а н о в с к и й, По Закавказью. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. М., 1911. (Материалы по археологии Кавказа, VI). Автор, спутник М. В. Никольского, обследовал остатки и планы крепостей, камеры в скалах и барельеф у Баязета, множество погребений в каменных ящиках, которые он также склонен относить к ванской культуре. Н. М. Н и к о л ь с к и й, Древняя страна Урарту. Землеведение, т. I. См. еще Х а л а т ь я н ц, Очерк истории Армении. Москва, 1910. Литограф, изд. в XXX вып. «Труды по Востоковедению» Лазаревского института. И. А.

Орбели, Предварительный отчет о командировке в Азиатскую Турцию 1911—12 гг. Изв. Акад. Н., 1912. Н. Я. Марр, Кавказ и памятники духовной культуры. Изв. Акад. Н., 1912; К истории передвижения яфетических народов. Изв. Акад. Н., 1916. Большое количество *статей и исследований* по различным вопросам урартийской археологии помещено и помещается из года в год Леманом и Бельком в Zeitschrift für Ethnologie, Verhandlungen Berl., anthropol. Gesellschaft, Zeitschr. f. Assyriologie. Klio и друг. Обильный материал для истории Урарту заключается в ассирийских официальных письмах, еще не вполне разработанных. О *маннеях* C. Belck, Das Reich d. Mannäer, Verh. Berl. anthropol. Gesellsch., 1894.

О золотых вещах Эрмитажа из Херсонской губ., вероятно, из гробницы скифского царя, см. Е. М. Придик, Мельгуновский клад, 1763. Материалы по археологии России, № 31. Спб., 1911. Объяснение Майкопского сосуда принадлежит Б. В. Фармаковскому. Издан в Отчете археолог. ком. 1897 и в Альбоме рисунков, из Отчетов комиссии, стр. 206. О разграничении сфер культур на Кавказе см. R. Virchow, Ueber die kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. Abhandl. Берлинской академии, 1895.





ЭФИОПСКИЕ ФАРАОНЫ В ЕГИПТЕ

В то время, как на крайнем севере культурного мира появилась сила, угрожавшая могуществу Ассирии, крайний юг также сорганизовался в политическое целое, принявшее на себя руководство в судьбах Египта, а затем выступившее и против всепоглощающих завоеваний ассирийских царей.

XXIII династия была номинальной. Петибаст и преемник его Осоркон III владели Танисом и Бубастом; сыновья их были верховными жрецами в Фивах. Остальная часть страны распалась между значительным количеством (до 15) владетелей, из которых некоторые приняли царские титулы и заключали свои имена в овалы, напр., Немарт ермопольский, Аупт тентремский, Пефнифдибаст ираклеопольский; другие приняли старые титулы номархов и назывались князьями. В числе их был энергичный владетель Саиса Тефнахт, вероятно также ливийского происхождения, который твердо решил объединить Египет под своею властью и основать свою новую династию. Он подчинил себе многих князей и сделался жрецом Нейт в Саисе и Птаха в Мемфисе. Предприятие это удалось его потомкам, сам же он встретил отпор со стороны новых претендентов на Египет — эфиопских фараонов.

Когда и при каких условиях отпала от египетского царства Нубия, нам неизвестно. Еще при XXI династии фиванские первосвященники носили титул наместников Куша и при Такелоте II располагали нубийским золотом. Теперь мы видим здесь обширное самостоятельное царство, со столицей в древней Напате, расположенной у величественного Джебель-Баркала, наименованного «священной горой» Амона. Государство покоилось на египетской культуре. Цари составляли надписи египетскими иероглифами и долгое время на египетском языке носили фараоновский титул «царя Верхнего и Нижнего Египта». Строили храмы египетским богам, особенно Амону, главному богу царства, храм которого в Напате носил имя такое же, как фиванский Карнак, но с добавлением «Золотой». Теократия была здесь еще более последовательная, чем в жреческих Фивах, и жрецы имели огромное влияние на дела, так что и царь находился у них в подчинении. Это, а также имена царей, указывающие иногда на фамилию Херихора (напр., Пианхи), дают некоторое право ставить их в связь с этой фамилией; может быть, цари XXII дин., передавая жречество своим сыновьям, вынудили старую жреческую фамилию выселиться в Нубию, с которой у нее всегда были связи.

Около 740 г. напатским фараоном делается Пианхи. Пользуясь бессилием бубастидов и развалом Египта, он решается осуществить притязания на владение «Верхним и Нижним Египтом». Он выступает против Тефнахта, своего опасного соперника, и, как представитель благочестивого, угодного богам царства, находит в Египте приверженцев. О своих деяниях он оставил нам большую надпись на горе Баркале,

составленную гораздо интереснее, содержательнее и вразумительнее многих из египетских лучшего времени. Она датирована 21-м годом царствования и, после обычного вступления, повествует: «пришли доложить его величеству: начальник запада, великий князь Нетера (Бехбейт в центральной части Дельты), Тефнахт находится уже в Ксоисе, в Нилополе, в Аяне, в Пернубе и в Мемфисе. Он овладел всем западом от задних областей до Ит-тауи. Он идет на юг с многочисленным войском, ибо обе земли соединились под ним, все князья и правители укрепленных городов — у ног его, как собаки. Ни одна крепость не закрыла (пред ним) ворота в номах юга: Мейдум, Пер-Сехемхеперра, Крокодилополь, Оксиринх, Таканаш и все города запада открыли пред ним ворота из страха. Он обратился на восток и там открыли ему ворота Хатбенну, Таджи, Алавастронполь. Он обложил Ираклеополь, не пуская никого ни туда, ни оттуда, и сражаясь каждый день. Он отмерил всю округу; каждый князь знает свою стену». Пианхи как будто не сразу откликнулся на известие, может быть, желая, чтобы Тефнахт еще больше отдалился от своей главной базы. Наконец Пианхи доложили, что Немарт срыл свою Ермопольскую крепость и подчинился Тефнахту. Тогда Пианхи велел командирам своей египетской армии покорить Ермопольскую область. Очевидно, он уже раньше завладел южною частью Верхнего Египта с Фивами и поместил там войско. Кроме того, он посылает новые войска. Надпись приводит интересную речь его к ним и приказание, проходя мимо Карнака в Фивах, выкупаться, одеться в лучшее платье и смириться пред Амоном, «который превращает слабого в сильного, так что толпы бегут от него. Окропитесь водой с алтарей его, падите пред ним и скажите: дай нам, посланным тобой, путь, чтобы сражаться под сенью меча твоего». Войско отвечает восторженной речью. У Фив произошла первая встреча с неприятельским флотом, который был разбит, и много пленных было отправлено в Напату. Другое речное сражение произошло с таким же успехом у Ираклеополя. Немарт заперся в Ермополе и был осажден. Узнав о том, что он ускользнул, и что армия Тефнахта ушла в Дельту, Пианхи пришел в гнев, что ему дали уйти, и решился сам идти в Египет, чтобы поспеть в Фивы к годовому празднику Амона в третий месяц и проводить процессию в Луксор. Между тем его войско взяло Оксиринх, Технэ и Хатбенну. Пианхи прибыл в Фивы, отпраздновал, затем отправился к осаждаемому Ермополю, накричал на свое войско и усилил осаду. Наконец, город решил сдаться. Был отправлен вестник с дарами, кроме того жена и дочь Немарта отправились упрашивать жен, дочерей и сестер Пианхи. Приводятся речи Пианхи и Немарта. Последний принес в дар «много серебра, золота, ляпис-лазури, малахита, бронзы и драгоценных камней. Он привел коня правой рукой, держа в левой систр из золота и ляпис-лазури. Его величество вышел из своего дворца (конечно, палатки) и направился в храм Тота, владыки Ермополя. Он заклал быков, телят и гусей отцу своему Тоту, владыке Ермополя, и Огдоаде в храме Огдоады. Солдаты Ермопольской области ликовали и радостно восклицали... Потом его величество пошел в дом царя Немарта. Он вошел в каждое помещение дворца, его казну и склады. Подвели к нему царских жен и дочерей; они приветствовали его величество, как это делают женщины. Не обратил на них внимания его величество и пошел в конюшню жеребцов и стойла кобыл. Он заметил, что они заморены голодом, и сказал: «Клянусь любовью Ра, для моего сердца самое отвратительное — так морить лошадей. Это хуже всех преступлений, которые ты совершил. Разве ты не знаешь, что тень бога на мне и он не даст погибнуть судьбе моей... Клянусь духом его, я не делаю ничего без него: он повелевает мне делать». После этой торжественной речи, произнесенной по поводу лошадей, любителем которых очевидно был эфиоп, была сосчитана казна Немарта и конфискована; хлебные запасы его отданы Амону в Карнак. В это же время явился Пефнифдибаст иракдеопольский с дарами (серебро, золото, драгоценные камни, отборные кони) и, пав ниц, изъявил покорность. Его примеру последовали города у Фаюма и древняя столица XII дин. Ит-тауи. Везде Пианхи приносил жертвы местным богам, вступая этим в права фараона, конфиско-

вал местную казну, а хлебные запасы отчислял в пользу Карнака. Подойдя к укрепленному природой и людьми Мемфису, он издал манифест к жителям, приглашая их пустить его в город принести жертвы в местных храмах и гарантируя безопасность. «Граждане Мемфиса будут целы и невредимы, даже ребенок не будет плакать,— посмотрите на номы юга: никто в них не был убит, кроме врагов, которые хулили бога и были приравнены к бунтовщикам». Однако жители не послушались и даже сделали вылазку. К тому же ночью к ним явился Тефнахт с 8 тысячами отборных солдат и, убедив их не сдаваться, в виду хороших укреплений и естественной защиты со стороны реки, удалился на север собирать подкрепления. Мемфис, действительно, подавал мало надежды на взятие. Часть офицеров Пианхи стояла за медленную осаду, но сам он, уповая на Амона, решился на штурм и ударил в гавань. Неожиданным нападением он овладел ею и стоявшим в ней флотом, затем ударил на самый город. Произошли резня и грабеж, но Пианхи запретил касаться храмов и немедленно принес жертву в храме Птаха. Вся Мемфисская область сдалась; за ней последовали мелкие князьки Дельты. Разделив казну и закромы Мемфиса между Амоном и Птахом, Пианхи пошел молиться в так называемый египетский Вавилон (Хериаха) и в Илиополь; здесь он проделал обычные церемонии; сюда же явился с покорностью и номинальный фараон, Осоркон III, а Педиисе, князь Атриба, сам пригласил Пианхи к себе в город, предлагая ему принести жертвы и взять казну. В Атриб собрались все князьки приносить присягу с дарами, в числе которых неукоснительно упоминаются и любезные для Пианхи лошади. Затем князья были, по своей просьбе, распущены по домам. Педиисе помог еще Пианхи усмирить какое-то восстание где-то на сев.-зап. Дельты, вероятно, бывшее в связи с пребыванием там Тефнахта. Последний, видя Мемфис взятым и себя изолированным, решился покориться и послал к Пианхи вестника просить его привести его к присяге в одном из ближайших храмов чрез специального уполномоченного. Пианхи, не желая предпринимать в жаркое время трудный путь на север в болота, согласился на эту форму покорности. Вслед за этим подчинились все остальные, еще державшиеся мелкие князьки. «Рано утром два правителя с юга и два с севера с царскими диадемами явились пасть ниц пред его величеством... Но они не вошли во дворец, ибо были нечисты и ели рыбы, а это мерзость для дворца. Только один царь Немарт вошел во дворец, ибо он был чист и не ел рыбы». Египет был покорен и Пианхи с флотом, нагруженным добычей и дарами, уехал домой. Изображение этого флота он поместил на стене храма Мут в Карнаке; на одном из кораблей, названном саисским, командует сам Тефнахт.

Хотя он старался закрепить за собой Египет, особенно Фивы, еще и тем, что заставил фиванскую «супругу бога», дочь Осоркона III, Шепенопет удочерить его жену Аменердис, но управлять Нижним Египтом из Напаты все-таки было трудно. Мы узнаем, что Тефнахт, не смотря на присягу, по удалении Пианхи принял царский титул и изобразил себя царем на надписи, в которой он жертвует саисской богине Нейт участок, и которая находится теперь в Афинском музее.

Тефнахт спокойно просидел на севере Египта до конца жизни и передал престол своему сыну Бекнеранфу — Уохкара, который под именем Бокхориса пользуется громкой известностью у классических писателей и у Манефона один составляет XXIV династию. После его шестилетнего царствования, вероятно, простиравшегося только на Дельту и часть Среднего Египта, произошло вторжение брата (?) Пианхи, эфиопского царя Шабаки, который уже носит не египетское имя; он также подчинил Нильскую долину, но поступал при этом далеко не так мягко: Манефон говорит, что он сжег Бекнеранфа заживо. Это может быть объяснено тем, что он казнил его как нарушителя присяги, хотя возможно, как полагает М. Мюллер, что дело идет о смерти фараона при пожаре осажденного города. Около личности несчастного царя сложился целый цикл легенд, из него делали мудрого законодателя, покровителя бедняков, который наложил узду на ростовщиков и по-

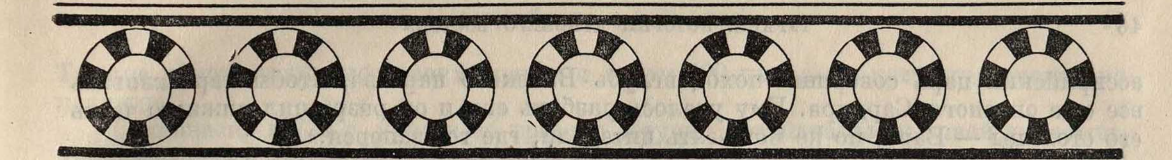
зволил частным лицам приобретать поземельную собственность и заключать о ней акты, нанесши этим ущерб храмам и жрецам, бывшим до тех пор, вместе с фараоном и номархами, единственными земельными собственниками и крупными капиталистами. О нем рассказывали как о мудром судье, и приговоры его, подобные соломоновым, нашли себе изображения даже на помпеянских фресках. Действительно, несколько позже этого времени появляются контракты, написанные новым демотическим письмом и касающиеся сделок на землю, но при чем здесь Бокхорис, мы сказать не в состоянии. Демотическое письмо, крайняя степень приспособления иероглифов к скорописи, доведенной почти до степени стенографии, начинает теперь развиваться и входить в употребление; чрез несколько поколений оно будет широко распространено и оставит нам множество документов частно-правового характера. Оно ответило возникшей в это время, особенно в Дельте, потребности, благодаря сношениям с финикиянами и греками, в документах торгового и имущественного характера.

Фараон Тахарка. Голова бронзовой статуэтки (увеличено) из собрания Эрмитажа.

У Манефона кроме того сохранилась о Бекнеранфе заметка, что при нем заговорил человеческим голосом ягненок. Кралль нашел в Вене демотический папирус от 34 г. Августа, в котором рассказывается, как некий египтянин Пасангор получил предсказание от священного агнца о грозящих Египту несчастиях от азиатов и Ниневии: 900 лет будет он плакать, пока не явятся цари, которые водворят порядок внутри и возвратят славу извне и вернут из Азии отнятые изображения богов. Сказав это, ягненок умер. Пасангор доложил царю Бекнеранфу, который велел почтить ягненка божескими почестями. 900 лет от Бокхориса приведет во II столетие н. э. Египтянин времени Августа, видя, что период истекает, ожидал исполнения пророчества от предстоявшей войны римлян с парфянами. Почему это пророчество приурочено к Бокхорису? Морэ полагает, что к его времени относятся первые столкновения с Ассирией. Датируя его царствование 722—716 гг., он думает, что именно Бокхорис оказал содействие Ганнону, царю Газы, восставшему против Саргона. Он послал своего военачальника Сибе, который был разбит при Рафии. Это поражение, бывшее предвестником покорения Египта ассириянами, сделало Бекнеранфа удобным для приурочения к нему пророчества агнца. Что Бекнеранф был известен в Азии и, может быть, подавал там надежды, указывает найденный в Италии у Корнето интересный глиняный сосуд финикийской работы с его именем и изображением пленных негров. Весьма возможно, что этот или подобный золотой сосуд хотели поднести царю, от которого ждали спасения от ассирийского ига и которому, в свою очередь, желали избавиться от кошмара эфиопских нашествий. Если это так, то характерно для саисского фараона, предка Псаметиха, что он сейчас же думает о Сирии, очевидно с целью вернуть старые времена. Момент был выбран неудачно; не мог удержаться Бекнеранф и против южных претендентов.

Последние, завладев Египтом, начали XXV династию. Шабака был признан повсеместно; в Фивах номинально правила его сестра Аменердис. Сирии он также не упускал из вида и послал прибывшего с ним в Египет молодого сына Пианхи Тахарку сражаться с ассириянами при Эльтаку. Около 700 г. Шабака умер, и на престол вступил Шабатака, кажется, его сын. О нем мало известно. Повидимому, он был свергнут Тахаркой, при котором началась борьба за независимость с Ассирией.

W. M. Müller, Aethiopien. Der alte Orient 6, 2, 1904. Ed. Meyer, Ein neues Bruchtück Manethos über das Lamm des Bokhoris. Aegypt. Zeitschr. 46. Krall, Vom König Bokchoris (папирус об агнце). Festgabe zur Ehren M. Büdinger. Wien, 1898. Moret, De Bocchori rege. Par., 1903 (указана вся литература). О фиванских царицах см. между проч. Erman в Abhandl. Königl. Preuss. Akad., 1885. Надпись (дарственная) с царским именем Тефнахта: Mallet, Quelques monuments égyptiens du Musée d'Athénes. Recueil de travaux XVIII. Spiegelberg, Die Tefnachtosstele des Museums von Athen. Ibid. 25. Время раздробления Египта было известно и библейским пророкам (Исаия, 19) и грекам («додекархия»); оставило оно надолго память и в Египте. В эпоху Птолемеев возник цикл сказаний о фараоне Петубасте, вероятно, современном ассирийскому завоеванию царе Таниса. До нас дошли два больших демотических папируса (в Вене и Страссбурге), содержащих исторические романы о смутах при этом царе и об участии в них между проч. «13 азиатов», которых удается изгнать из Египта только после упорной борьбы и при особенной помощи Амона. Так как папирусы позднего, частью римского времени, то Шпигельберг склонен видеть здесь уже смешение с евреями — Иаковом и его 12 сыновьями. См. Spiegelberg, Der Sagenkreis des Königs Petubastis. Lpz., 1910 (Demotische Studien 3). Недавно в развалинах Мендеса найдены две надписи местных князей ливийцев Смендеса и Горнахта, относящиеся к этой эпохе и содержащие датировку по 10-му году танисского фараона, имя которого не вписано в овал (может быть, по Псаммуфу, т. е. пред Бокхорисом). Князья, по случаю торжественного входа в свой город, приносят жертву и молятся местному овноголовому божеству. Горнахт упоминается в сказаниях о Петубасте. См. Daressy, Inscriptions historiques Mendésiennes. Recueil de travaux XXXV (1913).



АССИРИЙСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

При Ассурдане II и Ассурнирари II государство дошло до полного упадка извне, внутри были смуты и недовольство. Восстание в Калахе посадило на престол сторонника энергичной внешней политики Тиглатпаласара IV (745—727), уже самое имя которого указывает, каким традициям он решил следовать. Этому царю удалось возвратить Ассирии ее прежнее значение и начать эпоху ее всемирного владычества. У халдов тогда царствовал Сардур II, достойный сын Аргишти, создавший грандиозный план отрезать Ассирию от Средиземного моря путем покорения или привлечения на свою сторону и соединения в одно могущественное целое западных и северных врагов ее. Найденная еще знаменитым Мольтке надпись его у Изоли, близ Евфрата, в Мелитене свидетельствует, что он зашел на запад еще дальше Менуа. Он повествует о завоеваниях по ту сторону Евфрата в области Софенэ (Сасини). В самом Ване русская экспедиция 1916 г. нашла огромную надпись, повествующую о 23 его завоевательных походах, между прочим на Ионию, может быть, греческие колонии берега моря (Трапезунт). В другой надписи, также в Ване, он говорит о походе против Ассурнирари, вероятно к Арпаду (754), этому важному стратегическому пункту, ключу к Сирии. Кажется, ассириянам удалось удержать этот город,—он был базисом, когда в 743 г. Тиглатпаласар разбил у него Сардура и его союзников. Но победа была неполная. Арпад оказывается в руках врагов (вероятно, халды скоро оправились); потребовалась продолжительная осада города, который только чрез три года был взят, и его округ обращен в провинцию. Однако, чрез год (740) оказался необходимым еще поход на Арпад. За Арпадом лежали мелкие арамейско-хеттские царства, представлявшие как бы связь между Сирией и Малой Азией: Унки (или Амк), Яуди, Самаль, Гургум; последний занимал область нынешнего Мараша (Маркаси асс.). Отношения их к Ассирии были различны. Самаль был лойялен, остальные держались Сардура и теперь не желали уступать и следовать примеру Дамаска и финикийских городов, номинально покорившихся Тиглатпаласару под впечатлением арпадского поражения. В Яуди появился царь Азария, также возмечтавший о великодержавии и привлекший на свою сторону царя Унки и 19 городов Хаматской области. Верный вассал, Панамму самальский, позвал Тиглатпаласара, который в 738 г. быстро сокрушил своих противников и уничтожил их царства. Панамму был награжден частью из владений Азарии, частью на счет Тархулара гургумского. Он умер в лагере ассириян у Дамаска (вероятно позже, в 733 г.); сын его Баррекуб оставил нам интересную арамейскую надпись, найденную немецким Восточным комитетом и повествующую о милостивом отношении Тиглатпаласара. 19 хаматских городов были превращены в новую ассирийскую провинцию, доходящую до моря у Библа, с центром в Симире. Первым наместником был назначен сын царя и наследник престола — Салманасар. В 735 г.

ассирийский царь совершил поход вглубь Ванского царства, чтобы парализовать все еще опасного Сардура. Ему удалось разбить его, и он разрушил нижнюю часть его столицы — Вана, но не мог взять цитадели, где тот заперся.

Таким образом, на севере враги Ассирии были отражены; теперь Тиглатпаласар снова обратился на запад, где против него образовалась коалиция с царем Дамаска Рацоном и израильским царем Факеем во главе; на их стороне стоял Ганнон, царь Газы и Эдома, но к ней не присоединился иудейский царь Ахаз, который поспешил донести Тиглатпаласару. Последний явился в 734 г. Ганнон бежал в Египет, но потом вернулся и принес покорность. Израильское царство было сведено на одну Самарию — весь север был отторгнут и часть населения уведена в плен. Дамаск пал в 732 г., Рацон был казнен, Факей пал жертвой бунта, на его место посажен сторонник Ассирии — Осия; финикийские цари (Хиром II тиро-сидонский, за ним Маттон II), цари Моава, Эдома и Аммона покорились, равно как и аравийские царства арабов, Муза, Тейма, Савейское и др., принесшие дань золотом, серебром, верблюдами и всякого рода благовониями. Уничтожение некогда могущественного Дамасского царства имело чрезвычайно важное значение. Прежде всего, это был конец арамейских государств в Сирии, а также предвестие конца для еврейских царств, которые теперь были и беспомощны и окружены ассирийскими владениями. Газа и Аскалон покорились. Ассирийский царь стал теперь сюзереном всего запада и ему был открыт путь к морю.

Ассирийский конный воин.

На юге Тиглатпаласар также имел успех. В Вавилоне царствовал Набунасар (Набу-насир), который призвал в 744 г. ассирийского царя против халдеев и эламитян. Тиглатпаласар помог ему, но принял титул царя Сумира и Аккада и стал сюзереном вавилонского царя. После смерти Набунасара (734) в Вавилоне началась полная анархия. Его сын, Набунадинзир был свергнут патриотами, не желавшими иметь царем вассала Ассирии, но вскоре Вавилон был покорен халдеем Укинзиром, который правил 3 года. В 729 г. Тиглатпаласар двинулся против него, победил и сделался сам царем Вавилона; чтобы не раздражать вавилонян, он принял другое имя, как бы в подтверждение самостоятельности Вавилона, и правил там под именем Пулу (Фул в библии, может быть, прежнее имя его). Таким образом, Ассирия возвратила себе первенствующую роль в культурном мире.

Преемником Тиглатпаласара IV был его сын С а л м а н а с а р V (727—722), называвший себя в Вавилоне «Улулай». Он при жизни отца был наместником в Северной Финикии и знал хорошо, что там замышляется восстание, душой которого был энергичный Элулай тирский, находившийся в союзе с Осией израильским. Он владел и Сидоном и ходил на Кипр усмирять восставших киттийцев. В 725 г. Салманасар успел предупредить вспышку восстания и заставил Элулая и Осию заплатить дань. От Тира тогда отпали Сидон, Акра и даже береговой город. Однако, стоило Салманасару удалиться, как Осия и Элулай снова восстали, опираясь на Египет. В 724 г. ассирийский царь предпринял новый поход и осадил Самарию и островной Тир. Осады затянулись, несмотря на содействие со стороны других финикиян, соперников Тира.

Тиряне уничтожили флот своих врагов и взяли 500 пленных, которых немедленно казнили.

Салманасар в 722 г. умер и на престол вступил родоначальник новой династии, знаменитый С а р г о н II. Его старались поставить в связь с древнейшими царями и, вспомнив об одноименном царе Сиппара, называли его «арку» — поздний, т. е. второй; имя же его толковали как «Шарру-кену» — царь законный. Конечно, эти ухищрения лишь с большею ясностью указывают, что Саргон был узурпатором. Он постоянно старался подчеркивать свою роль, как блюстителя традиций и законности, якобы попиравшихся предшественниками, как угодного богам благочестивого царя; он умел ладить с жрецами, но и как воитель был на высоте положения. В первый год его царствования ему сдалась Самария. Осия был отведен в плен, Израильское царство перестало существовать и сама нация уничтожена, так как 27 290 наиболее видных израильтян было переселено в Мидию и Месопотамию, а на их место пригнаны арамеи и колонисты из Вавилона, Куты и др. Страна обращена в провинцию и в Самарии посажен ассирийский наместник. С Тиром было справиться труднее. Попытки Саргона лишить город воды не имели успеха: тиряне стали копать колодцы на острове. Только в 719 г. осада кончилась миром: Тир не был взят, но, вероятно, Элулай согласился заплатить дань. В союзе с Самарией был царь Хамата Илубиди или Яубиди (что указывает на культ в Хамате Иеговы!); вместе с Симиррой, Арпадом и Дамаском он у Каркара был разбит, взят в плен и казнен, а при Рафии потерпели поражение Ганнон филистимский и пришедшие ему на помощь египтяне. Почти вся Сирия сделалась ассирийской провинцией, за исключением Иудеи, Финикии, Филистимской области и страны патинеев. Самаль в 720 г. также прекратил существование в качестве царства. Теперь дошла очередь до Малой Азии, где еще была возможна оппозиция Ассирии. В 713 г. был уничтожен первый ее пункт — Гургум-Мараш, где верный Ассирии Тархулар был свергнут Муталлу, что вызвало вмешательство Саргона и присоединение маленького царства к Ассирии. Подобное же произошло и в остатке хеттского царства — Кархемише, бывшем до сих пор верным вассалом. В 717 г. царь его Писирис вступил в союз с энергичным Митой (Мидас греков), царем нового Фригийского царства, основанного пришедшим из Фракии индо-европейским племенем и развившего широкую политику. Кархемиш был сделан провинцией, а поползновения Миты на Киликию были отражены.

Саргон II—ассирийский с придворным.

На севере Саргону попрежнему пришлось бороться с халдами, цари которых также возбуждали против Ассирии царей севера, как фараоны — царства юга. Он победил царя Р у с у I и его преемника А р г и ш т и II. Со времени Тиглатпала-

сара ванские цари, оттесненные на север, не владели даже Мусасиром, где утвердилась собственная династия. Маннеи также вышли из повиновения и находились под влиянием Ассирии. Энергичный Руса пытался вернуть в Урмии верховенство, и Саргону пришлось в 719 г. ходить на помощь тамошнему царю Иранзу. Тогда Руса, в союзе с двумя соседними царями, побеждает и убивает преемника его Азу; преемник последнего Уллусун перешел на сторону Русы, равно как и Дейок мидийский. В 715 г. Саргон разгромил коалицию; Дейока переселили в Хамат, Руса потерял 22 крепости, а в 714 г. подвергся новому нашестию Саргона, который обошел Урмию с востока, где разбил Русу, затем прошел опустошительным походом по южной части Урарту, спустился чрез Наири в Мусасир, который разграбил за подчинение его царя Русе. Богатая добыча досталась ему в Мусасире и его знаменитом храме, откуда были унесены статуи ванских царей. Барельефы Хорсабада изображают разграбленный храм, а вновь найденный текст подробно перечисляет добычу, описывает опустошения, произведенные Саргоном, и говорит о взятии у Русы 430 городов в семи областях. После этого похода ванские цари были уже обессилены и не могли быть страшны для Ассирии; скоро их роль перешла к более свежим народам. От самого Русы дошла до нас между прочим надпись на скале у озера Гокчи (у Закалу), снятая в 1893 г. экспедицией М. В. Никольского. Из нее мы видим, что это был все-таки могущественный царь и завоеватель, но завоевания его теперь были направлены по линии наименьшего сопротивления — на север. Он перечисляет 23 побежденных «царя» и говорит о завоевании их областей в нашем Закавказье, говорит о постройке нового города Русахинили и храма богу Тешубу. В числе покоренных земель есть и такие, которые были раньше покорены Аргишти. Очевидно, неудачи в борьбе с Ассирией отразились и на севере и вызвали отпадения. В одной двуязычной надписи, найденной в Топзави, Руса повествует о том, что он утвердил на престоле Мусасира Урзану и 15 дней приносил в этом храме жертвы.

На юге Саргон должен был употребить много усилий для сохранения в своей власти Вавилона. Из-за него ему приходилось бороться с халдеями и Эламом, которые нередко соединялись против Ассирии. Воспользовавшись революцией, сделавшей Саргона царем, халдейский царь Бит-Якина Меродах-Баладан, в союзе с эламским царем Хумбанигашем, покорил Вавилон и даже в 721 г. при Дере разбил Саргона. Но для удовлетворения союзников и собственных войск Меродах-Баладану нужны были деньги: он грабил вавилонские храмы, а возмущавшихся этим вавилонян и граждан других привилегированных городов, вопреки договорам, ссылал или заключал в тюрьмы. Поэтому, когда Саргон в 710 г. двинулся против Меродах-Баладана, вавилоняне приняли его, как освободителя. Саргон стал царем Вавилона, но носил титул «наместника», частью по невозможности совершать ежегодную церемонию у идола Мардука, частью из угождения жрецам, а потому и не носил особого имени в Вавилоне. Меродах-Баладан бежал к халдеям в «Приморскую страну» «Дур-Якин», но был там разбит Саргоном, который наказал за союз с ним также и эламского царя; поэтому, когда Меродах-Баладан бежал в Элам, то его там не приняли; куда он скрылся — неизвестно.

Таким образом, Саргон справился со всеми своими врагами. К нему пришли даже послы с Кипра («Яданана», может быть, «остров Данаев») и с острова Дильмуна (в Персидском заливе) с почетными дарами; найдена на Кипре стела этого царя; она хранится в Берлине. Здесь Саргон в торжественной надписи говорит, что семь царей кипрских, обитающие за 7 дней пути среди моря, неизвестные даже по именам его предкам, услыхав об его подвигах, ужаснулись и принесли в Вавилон ему дары: золото, серебро, мебель из дорогих пород деревьев. На стеле было помещено изображение Саргона и символы божеств.

Столицей Саргон сделал себе новый город к северу от Ниневии — Дур-Шаррукин, описанию построения и освящения которого отведено много места в царских летописях. Между прочим, характерно признание царя: «сообразно значению моего

имени охранять право и справедливость, руководить слабыми и не давать в обиду беззащитных, я давал плату за участки в этом городе их владельцам по нормальной цене, а чтобы не обидеть тех, которые не брали денег, давал им участок, расположенный против их прежнего участка». В качестве строителей и художников были привлечены «люди стран, от востока до запада, покоренных владыке Ассуру». В Хорсабаде найдены развалины этого великолепного дворца и барельефы доставлены в Лувр. Долго наслаждаться пребыванием в нем и плодами побед, однако, Саргону не пришлось; он был убит при неясных для нас обстоятельствах.

Ему наследовал его сын Синахериб (705—681). Предыдущее царствование завещало ему решение вавилонско-эламского вопроса. Положение его, однако, было более трудно, так как на горизонте мировой политики появился Египет, вновь объединенный эфиопской династией, которая, хотя и не была достаточно сильна, все же имела возможность внести в азиатские дела серьезные осложнения. Узнав о гибели Саргона, Меродах-Баладан немедленно приступил к действиям. Он возвратился в Вавилон, склонил на свою сторону Элам и западных семитов; в коалицию с ним вступили: Арад, Тир, некоторые из филистимских городов, напр., Аскалон, и иудейский царь Езекия. Последний был душой западной коалиции; граждане Экрона низложили своего царя Пади, державшегося Ассирии, и выдали его Езекии. Египет также стал на их сторону. Синахериб обратился прежде всего против юга. При Кише, недалеко от Вавилона, он в 703 г. разбил Меродах-Баладана и его эламских союзников и овладел Вавилоном; затем был совершен победоносный поход по стране халдеев и по вавилонской области. Было сожжено и разграблено много городов Меродах-Баладана; уведено множество пленных. Халдеи, поселенные в древних городах, к ущербу вавилонян, были прогнаны, и земли отданы прежним владельцам. Меродах-Баладан бежал в приморские болота; на его место был посажен в Вавилоне царем Белибни, воспитывавшийся при ассирийском дворе. В 701 г. Синахериб обратился против западной коалиции. При его приближении тиро-сидонский царь Элулай бежал в море (на Кипр). Тир был осажден ассириянами, но не был ими взят; зато Синахериб постарался возвысить вечного врага Тира, город Сидон, где он посадил царем Итобаала. Прочие финикияне и частью филистимляне покорились Ассирии. Цидка аскалонский, за попытку сопротивляться, потерял престол и был уведен в плен. Еще худшая участь ожидала Экрон, оскорбивший ассирийского царя низложением Пади. При Альтаку (около Экрона) Синахериб разбил египетские и аравийские войска, состоявшие из пехоты, конницы и колесниц и пришедшие к Экрону на помощь; были взяты в плен сыновья египетского царя. Виновники свержения Пади были частью перебиты, частью уведены в рабство. Иерусалим был осажден, но не был взят; иудейский царь заплатил Ассирии богатый выкуп в 30 тал. золота и 300 серебра. В Куюнджике, в развалинах дворца Синахериба, сохранился барельеф, изображающий этого царя перед иудейским городом Лахишем, где, как известно из библии, велись переговоры с послами Езекии. Здесь был найден обломок глиняной печати с именами Шабаки и Синахериба, указывающий на установление между ними дипломатических сношений.

Такой благополучный для Иерусалима исход объясняется тем, что Синахериб должен был возвратиться домой, где тем временем произошли осложнения. Синахериб всячески старался подорвать значение Вавилона, историческая слава и привилегированное положение которого препятствовали последовательному проведению провинциальной системы и даже угрожали безопасности государства, в виду постоянных эламских вмешательств и союзов, поддерживаемых из Египта; далее, его желание завоевать Египет объясняется тем, что он хотел направить через эту страну торговый путь на восток, лишив таким образом Вавилон значения торгового центра древнего мира. Конечно, вавилонские патриоты ответили возмущением. Белибни под их влиянием должен был отложиться от Ассирии, вступив в союз с халдеями. В 700 г. союзники были разбиты Синахерибом, который затем взял Вавилон. Понимая,

что Белибни был лишь орудием в руках вавилонских патриотов, он не казнил его, а отправил обратно в Ассирию; в Вавилоне царем он посадил своего старшего сына Ассурнадиншума, а сам пошел против Меродах-Баладана в Бит-Якин, который был еще раз опустошен. Меродах-Баладан бежал в Элам и получил на вассальных правах г. Нагиту на Персидском заливе. Синахериб решил доканать его здесь и в 694 г. выстроил для этой цели на Тигре флот, заставив работать пленных финикиян. Флот этот был спущен и через канал Арахту переведен на Евфрат, а затем в залив, и прибыл к устью Евлея, где уже ждали враги. Несмотря на трудности необычного путешествия, неприятель был побежден, но Меродах-Баладан опять ускользнул из рук. Область его снова была опустошена и город разрушен. Сам Меродах-Баладан скоро умер. Мстителем за него явился его сюзерен, эламский царь Халлудаш. Он вторгся в Вавилонию, взял Сиппар, пленил посаженного Синахерибом его сына, посадил на его место вавилонянина Нергалушезиба и даже осмелился вторгнуться в Ассирию. Синахериб скоро прогнал его, затем двинулся против Нергалушезиба, который тем временем присоединил к себе Эрех и Ниппур. У последнего произошла битва. Вавилонский царь был разбит и взят в плен. Однако, лишь только Синахериб удалился, в Вавилоне появился новый претендент, халдей Мушезиб-Мардук. Синахериб решил предупредить его союз с Эламом и наказать последний за вторжения. В 693 г. он пошел на Элам. Царь Кудурнахунди даже не пытался сопротивляться, бежал из своей резиденции Мадакты, которая была разграблена. Сам он также был свергнут, и на престол возвели Умманменану, который немедленно вошел в соглашение с Мушезиб-Мардуком вавилонским. К ним присоединились еще различные иранские и халдейские племена. Синахериб выступил в поход, и в 691 г. при Халулэ на Тигре произошло сражение, хотя и окончившееся победой ассириян, но причинившее им такой урон, что от похода против Вавилона пришлось пока отказаться, и Мушезиб-Мардук еще год оставался царем.

В это время произошли новые осложнения на западе. Благодаря затруднениям Синахериба в Вавилоне, Езекия и северо-арабские царьки снова оказались под влиянием египетского фараона. Тахарка только что вступил на престол, и его энергия подавала надежды. К тому же и чувство самосохранения должно было проснуться: Синахериб несомненно лелеял планы покорения Египта. Во всяком случае, около 690 г. мы видим его, после покорения арабского племени Адуму, опять у стен Иерусалима. Приближение Тахарки и мор в собственном лагере заставили его уйти и, отказавшись от грандиозных предприятий, заняться более настоятельными делами — Вавилоном. Союзника Мушезиб-Мардука, Умманменану поразил удар; эламиты отказались помогать Вавилону. Предоставленный самому себе, Мушезиб-Мардук, конечно, не мог противостоять Синахерибу. Вавилон был взят и его постигла страшная кара. Ассирийский царь, чуждый уважения к традициям и равнодушный к религии, враг жрецов и ставивший выше всего государственные соображения настоящего, решился на неслыханную меру — совершенное уничтожение Вавилона. Храмы были разрушены, идолы частью разбиты, частью увезены в Ниневию, каналы засыпаны, чтобы местность превратилась в болото. Такой радикальной мерой Синахериб думал раз навсегда покончить с вопросом о Вавилонском царстве и халдейско-эламских притязаниях и вмешательствах. Все последующие 8 лет вавилонская хроника отмечает отсутствие царя. Однако, такая расправа оттолкнула от Синахериба даже многих из благочестивых ассириян и в его собственном семействе не нашла сочувствия. Сын его Асархаддон, назначенный наместником Вавилонии, уже стал отстраивать город, когда в 681 г. Синахериб был убит, по библии, своими сыновьями Адрамелехом и Шарезером во время молитвы в доме своего бога Ницроха. По данным клинописи и Беросу убийцей был действительно сын, повидимому старший, Арад-Белит, обиженный предпочтением, оказанным его брату Асархаддону. Думают, что Шарезер — вельможа и эпоним 681 г. Набу-шар-уссур, сообщник преступления, и что Ницрох — исковерканное евреями имя Мардука. Так погиб этот свирепый деспот ,не остановившийся даже

Голова Ламассу. Ассирийская скульптура из Нимруда.

перед разгромом священного города и культурного центра Азии. Ему нельзя отказать ни в энергии, ни в широте замысла, ни в последовательности политики, но он переоценивал свои силы: история и действительность были сильнее его, его предприятия не имели успеха.

Убийцы царя бежали в Ванское царство, где нашли поддержку, и с войском явились в Мелитену. Здесь их разбил третий сын Синахериба Асархаддон (правильнее Ашур-аха-Иддин — «Ассур даровал брата», 681—668). Новый царь, сын вавилонянки, был раньше вавилонским наместником; он был другом жрецам и, как человек очень религиозный, стал отстраивать Вавилон. Он не успел там короноваться и поэтому не называл себя царем Вавилона, а только «наместником Бела». Этот царь был вполне достойным своих предшественников, таким же энергичным политиком, как и прочие Саргониды.

Политическое могущество Ассирии при Асархаддоне еще более возвысилось. Смирив восставших в начале его царствования халдеев, он обратился на запад, где противником ассириян оказался возвышенный ими за счет Тира Сидон: восстал преемник Итобаала, царь Абдмилькот в союзе с киликийским царем Сандуарри. Сидон был взят, разрушен, на месте его выстроена крепость и центр новой провинции Кар-Ашурахиддин (т. е. «град Асархаддона»); оба царя были пойманы и обезглавлены. Из Сидона унесена богатая добыча; на место уведенных пленных в новый город были переселены халдеи с берегов Персидского залива. Соседние владетели поспешили выразить Асархаддону покорность; в числе их был царь Тира Ваал, царь Иудеи Манассия, цари кипрских городов, носившие частью уже греческие имена — Акестор (царь Идалия), Пилагор (царь г. Хитры), Дамис (царь Кития — Карфагена кипрского), Етеандр (царь Пафа), Адмит (царь Тамиса) и др., всего 23 царя Сирии и Кипра. Последний именуется уже не только устаревшим «Яданана», но и «Яман» — «Иония». В следующем году (675) вавилонская хроника отмечает вторжение эламского царя в Сиппар и говорит, что было большое кровопролитие, а затем вскоре царь Хуммахалдаш (Хумбан-Халдаш) II «умер, не будучи болен, в своем дворце». Очевидно его устранили по ассирийским интригам. Преемник его Уртаки сидел спокойно, и во все время Асархаддона новых осложнений с Эламом не было. Для окончательного водворения спокойствия в Сирии Асархаддон должен был смирить Египет и тем завершить завоевательную политику Саргонидов. Там царствовал Тахарка. Ему удалось получить в Сирии влияние; так, он считал себя виновником снятия осады с Иерусалима во время второго похода Синахериба в Сирию. В надписях, оставленных Тахаркой, он хвалится тем, что победил Сирию, хеттов, даже Ассирию, но все дело в том, что в 673 г. Тахарке удалось временно одержать верх над ассириянами и не пустить их дальше Египетского потока. Этим он склонил на свою сторону Ваала тирского. Однако, в 671 г. Асархаддон, подчинив еще в 675—4 гг. аравийские племена и приказав им поставить себе верблюдов для трудного похода по пустыне, послал войско к границам Египта. Путь по пустыне описывается фантастическими чертами. После ряда побед взят Мемфис — через 15 дней по вступлении в Египет. Тахарка удалился к себе в Эфиопию; Египет подчинился Асархаддону, который поставил в нем своих чиновников, наложил дань и установил культ Ассура; из египетских храмов было отослано в Ниневию 55 царских статуй. В то время Египет все еще был разделен на 20 владений, которые раньше были вассалами эфиопского царя, а теперь стали в такие же отношения к царю Ассирии. На ряду с вассальными князьями, потомками тех, которые перечисляются у Пианхи, мы встречаем в Египте еще владетеля Фив Монтуемхета, который уже не был верховным жрецом Амона и занимал в иерархии лишь четвертое место, но почему-то называет себя «главным жрецом всех богов юга и севера». Таким образом, фиванский первосвященник утратил свое и светское и даже духовное значение, и власть стала принадлежать новому роду номархов, о происхождении которых мы ничего не знаем, кроме того, что уже отец Монтуемхета—Несуптах был «жрецом Амона, правителем Фив». Надписи Монтуемхета найдены на стенах храма Мут в Карнаке:

*

кроме того найдена его статуя и гробница в Ассасифе. К мелким египетским князькам были приставлены ассирийские наместники; египетские города получили новые, ассирийские названия; вассальные князья также давали своим сыновьям ассирийские имена.

Одновременно с покорением Египта шла осада Тира. Участие Ваала тирского в войне вполне понятно: его положение было безвыходно. На материке его стеснила до крайности новая ассирийская провинция, возникшая на месте Сидона, на Кипре греки сделались теперь господами и даже вытеснили финикиян из Кития, где водворилась греческая династия. Между тем энергичный Тахарка опять пробудил надежды на Египет. И вот, в 671 г. Асархаддон повествует: «в моем десятом походе пошел я против Ваала тирского, который положился на своего друга Тарку, царя Куша, сверг иго Ассура и стал вести себя дерзко. Укрепления воздвиг я против него и преградил ему пищу и воду». Но и теперь осада была безуспешна, и Тир взят не был. Пришлось опять заключить мир, причем царь Тира обязался заплатить дань в том же размере, что и раньше. Были урегулированы его отношения к ассирийскому наместнику и составлен договорный акт, который, к сожалению, дошел до нас в крайне испорченном виде. Зато немецкая экспедиция в 1886 г. открыла в Зендширли прекрасно сохранившуюся громадную победную стелу с изображением Асархаддона, держащего на веревке у ног своих Тахарку и Ваала. Этим памятником ассирийский царь утешил себя и, вместе с тем, наводил страх на северные племена. Ассирийская надпись внизу и сзади барельефа претенциозно именует Асархаддона царем «Мусура (Нижн. Египет), Патроса (Верхн. Египет) и Куша (Нубия)». Изображение Тахарки на этом памятнике, как и голова его статуи, находящаяся в Каирском музее, дает ему негрские черты — очевидно династия за несколько поколений переродилась в антропологическом отношении.

Едва ушло из Египта ассирийское войско, как Тахарка, собравшись с силами, вновь появился на сцене и уже овладел Мемфисом. Асархаддон немедленно лично отправился против него, но на дороге умер (кон. 669). Поход продолжался. На границе, у Карбаниты войско Тахарки было разбито, сам он бежал в Фивы. Усилившись войсками и флотом мелких владетелей, ассирияне преследовали его, и через месяц и 10 дней настигли. Тахарка покинул Фивы и укрепился на противоположном берегу Нила. Все мелкие владетели восстановлены были в своих правах; ассирияне ушли с богатой добычей.

Асархаддон, может быть, желая, чтобы центром новой всемирной монархии был Вавилон, отдал его своему любимому сыну Шамашшумукину, рожденному от вавилонянки. Этим неосторожным шагом он подготовил большие и роковые для царства осложнения. Еще при его жизни ассирияне, раздраженные оказываемым Вавилону предпочтением, бунтовали, опираясь на недовольные элементы. Вавилонская хроника под 670 г. говорит: «царь убил мечом в Ассирии многих из вельмож». Старший сын Асархаддона, Ассурбанипал (668—626) возвратил коренным ассирийским областям их прежнее значение. Он короновал Шамашшумукина в Ниневии, дав тем понять, что считает его своим вассалом, и обращался с ним сообразно с этим.

После ухода ассирийского войска, Нехао саисский, потомок Тефнахта, и два других князя, видя, что они разочаровались в своих патронах и единоплеменное эфиопское господство променяли на совершенно чуждое, которое также не сделало их владыками Нильской долины, решили снова завязать сношения с Тахаркой: «да будет мир между нами... разделимся, и пусть никто не будет над нами господином». Ассирийские наместники перехватили их гонцов, а самих заковали в кандалы и отправили в Ниневию; города, стоявшие на их стороне, были жестоко наказаны. Но Ассурбанипал, понимая, что без преданной себе партии ему не удержать Египет, поступил с ними милостиво: «разноцветной одеждой облек я Нехао и возложил на него диадему, приличествующую царю; на пальцы его надел золотые перстни... Пожало-

вал ему колесницы, коней для езды его высочества и отправил с ним моих наместников для союза с ним туда, где мой отец посадил его на царство — в Саис, а Набушизибани (так был переименован на ассирийский лад Псаметих), его сына, посадил в Атриб», который был назван по-ассирийски Лимир-патеси-Ассур («да сияет наместник Ассура»). Тахарка скоро умер. Преемником его в Напате был его племянник, сын Шабаки Тануатамон. От него дошла интересная надпись на горе Баркале. Она повествует, что перед коронацией новый царь видел сон: две змеи, став по обе стороны, сказали: «тебе принадлежит юг, возьми себе и север». Немедленно после коронации царь отправился покорять Египет и, после небольшого сопротивления у Мемфиса, подобно Пианхи, покорил его и принял подданство от мелких династов. Ассирийский гарнизон был осажден в мемфисской цитадели. Получив об этом известие, Ассурбанипал немедленно послал войско (661), которое заставило бежать Тануатамона сначала из Мемфиса, потом из Фив в Кипкип (в Нубии). Фивы были страшно опустошены и разграблены; в Ниневию отправлено, между прочим, два обелиска, «стоявшие у врат храма». Впоследствии Монтуемхету фиванскому пришлось реставрировать поруганные храмы; он с гордостью приводит перечень своих работ в своей надписи и упоминает о «божьем наказании», во время которого он защищал юг, «когда вся страна была повержена». В связи с разгромом Египта Ассурбанипал упоминает о новой осаде Тира; и на этот раз город не был взят — Ваал отделался данью, а также дочерью и племянницей, взятыми в гарем царя. Сына, «никогда не переезжавшего моря» (так как власть Ваала простиралась на один остров), Ассурбанипал вернул назад отцу и не взял в заложники.

С Нехао считается XXVI *Саисская династия.* Его сын Псаметих (652—611) осуществил, наконец, традиционные стремления саисского рода: с помощью карийских и ионийских наемников ему удалось освободить Египет от ига Ассирии. Сделать это оказалось возможным во время отчаянной борьбы между Ассирией и Вавилоном.

Шамашшумукин долго собирался с силами для войны с Ассурбанипалом: он составил против него обширный союз, в который вошли между прочим мидяне, Элам, финикийская Акко и Ушу — береговой Тир и, кажется, даже Лидия, заменившая разгромленное ок. 675 г. киммерианами Фригийское царство; ее царь Гиг, основатель династии Мермнадов, сначала державшийся за почтительный союз с Ассирией, стал союзником Псаметиха в деле освобождения Египта от ассириян. Вавилоняне мечтают о славной старине, о возвращении к эпохе Хаммурапи; они обращаются к глубочайшей древности, и при Шамашшумукине снова появляются сумерийские тексты.

Война началась при неблагоприятных для Вавилона условиях. Естественный союзник его, эламский царь Теумман (Теп-Хумбан), вторгнувшийся в Ассирию из-за невыдачи бежавших туда членов эламского царского дома, был разбит и убит в битве при Туллизе (ок. 655) на Евлее. Шамашшумукин, мрачно настроенный, обращался от магических обрядов к заклинаниям. 18—19 июня 653 г. в Вавилоне было наблюдаемо лунное затмение. Шамашшумукин счел это за дурное предзнаменование и был в ужасе. Сохранилась плитка со следующей его молитвой к Истар по этому поводу:

«О Аннунит, предстательствуй за меня пред моим богом, чтобы он отвратил свои судьбы, предназначенные за грехи и позор страны. Да отомстит он и спасет мою землю, владычица вышних, мать милосердая, ибо ты царица бесчисленных звезд, тебе поручаю владыку богов, да поступит он со мною, как должно. Я — Шамашшумукин, великий царь, несчастный, несмотря на то, что Мардук — мой бог и Зарпанит — моя госпожа. Зловещим знамением и предзнаменованием беды, павшими на мой дворец и страну, наполняющими меня ужасом, я потрясен, я напуган. Несчастие мне и моей стране, несчастие трону, несчастие короне, несчастие жрецам, несчастие жертвам. Дай мне одежду веселия и отними траур. Моему богу и моей богине в искупительную жертву я заколю овна из моих имений. Мать милосердая, пред-

знаменованиями и сновидениями подвигни владыку богов, чтобы он посетил страну врага моего и поступил с нею по приговору, от которого нельзя уклониться».

Преемник Теуммана, Хумбанигаш II, продолжал его политику. Ассурбанипал, чтобы одолеть всех своих противников, прибегал к интригам, особенно в Эламе; благодаря борьбе партий и постоянным дворцовым революциям, Вавилон лишился всех владений и союзников и был осажден; доведенный до крайности, город был взят и его жители жестоко наказаны. Шамашшумукин сжег себя в своем дворце; Ассурбанипал объявил себя царем Вавилона под именем Кандалану (647). Таким образом, выиграл один Египет, освободившийся навсегда от ассирийского владычества.

Справившись, таким образом, с главными врагами, Ассурбанипал посылал еще несколько карательных экспедиций против союзников Вавилона: в Финикию, Аравию и Элам. Последний должен был быть наказан и за то, что царь его Хумбанхалдаш III отказался выдать нового претендента на вавилонский престол, внука Меродах-Баладана, халдея Набубельшумате. Около 642 г. были взяты и разгромлены Сузы, причем унесены в Ниневию эламские трофеи и даже статуи божеств и гробницы царей, «чтобы лишить их духи покоя, заупокойных жертв и возлияний». Даже прах городов был перенесен в ассирийскую столицу. «В один месяц», говорит Ассурбанипал, «я покорил Элам целиком, я лишил его поля голоса людей и скота и радостных восклицаний; я сделал его пустыней, населенной зверями». С северными соседями — ванскими царями Русой II и Сардуром IV—Ассурбанипал был в хороших отношениях. Против маннеев был поход (еще ок. 660), так как царь Ахшери перестал платить дань. При приближении ассириян он был убит своими подданными.

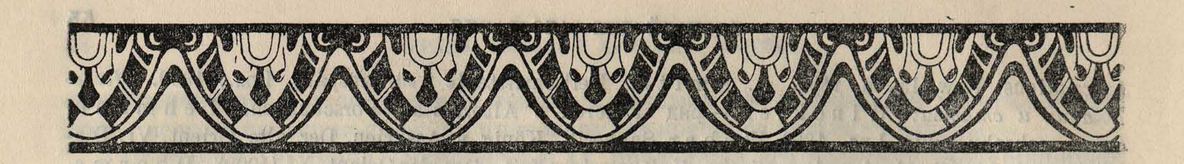
Ассурбанипал сам редко покидал свою столицу, войны свои он вел уже большей частью чрез генералов. Этого требовали и интересы огромного государства и личные склонности царя. Он интересовался еще с детства литературой и искусством. Вавилонское влияние к этому времени успело сказаться и на его окружающих. В барельефах, относящихся к его времени, много художественного вкуса; по его приказанию, были собраны памятники вавилонской и ассирийской литературы; сумерийские тексты переводились на ассирийский язык. Такая атмосфера не могла не сказаться и на литературных памятниках того времени; в них мы встречаем хорошо разработанный, сложный синтаксис; бывшие раньше сухими летописи приобретают литературное значение. Собранные по приказанию Ассурбанипала клинописные литературные памятники (так называемая библиотека Ассурбанипала) найдены в развалинах Куюнджикского дворца Лэйярдом и являются главной сокровищницей сведений об ассирийской культуре. Ассирия была на вершине своего не только политического могущества, но и культурного развития.

При Ассурбанипале был момент, когда Ассирийское царство простиралось от снеговых вершин Армении до порогов Нубии, от Кипра и Киликии — до восточных границ Элама. Ассирийский царь ездил на колеснице, запряженной четырьмя пленными царями, его народ проходил по улицам мимо клеток с посаженными в них царями. Блеск двора, великолепие построек, богатство, стекавшееся в столицу всемогущего властелина, превосходная армия, казалось, были симптомами крепости и несокрушимости. И тем не менее Ассирия уже была накануне беспримерного в истории падения.

После Ассурбанипала царствовали один за другим его сыновья Синшумлишир, Ассурэтильиланиукинни и Синшаришкун. При последнем произошла катастрофа — царство сделалось добычей соседей.

Тексты: Rost, Keilschrifttexte Tiglat-Pilesers III. Lpz., 1893. Winckler, D. Keilinschriften Sargons., 1889. Thureau-Dangin, Une relation de la 8-me campagne de Sargon. Par., 1912. Издание и перевод поступившей в Лувр прекрасной глиняной таблички с редактированным в форме письма к богу Ассуру повествованием о походе 714 г. на север. Издание снабжено воспроизведением памятника и картой. Smith, History of Sennacherib. Lond., 1878. Ponon, L'inscr. de Bavian. P., 1879. Budge, Hist. of Esarhaddon. L., 1880. Harper, Esarhaddon

inscriptions. New-Haven, 1889. A. Smith, Keilschrifttexte Asurbanipals. Lpz., 1889. *Исследования и статьи*: Winckler — ряд заметок в Altoriental. Forschungen. Lehmann, Schamaschschumukin. Lpz., 1892. Weber, Sanherib, König v. Assyrien. Der alte Orient, VI. Delitzsch, Asurbanipal und assyrische Kultur seiner Zeit. Der alte Orient, XI (1909). Dhorme, Les pays Bibliques et l'Assyrie. Par., 1911.

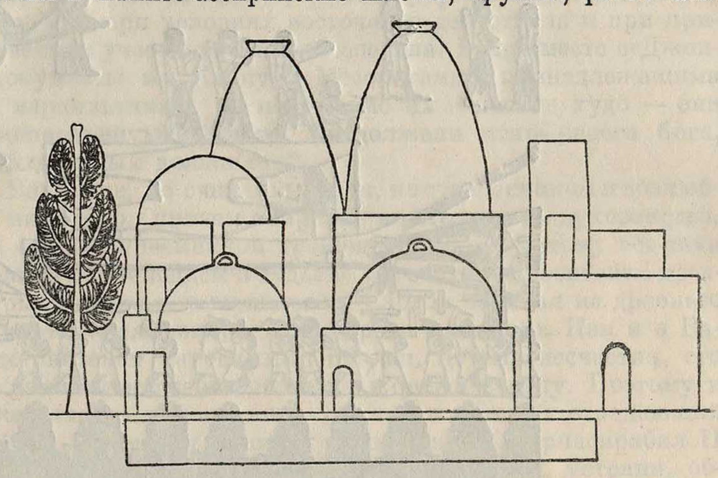


КУЛЬТУРНЫЙ ОЧЕРК АССИРИЙСКОГО ЦАРСТВА

Ассирия была первой в истории действительно универсальной монархией, покоившейся на военном начале и объединившей в конце концов, хотя и на короткое время, весь древне-восточный мир с его культурными очагами: Вавилоном и Египтом. Общность этнографического происхождения и исторические связи сделали Ассирию областью вавилонской культуры. Прежде всего это сказалось в *религии*. Ассирияне чтили все святыни юга и признавали всех вавилонских богов, особенно Мардука и Набу при Саргонидах; у них был тот же культ, жречество и наука. Но в Ассирии был кроме того свой национальный бог, не признававшийся в Вавилоне, — бог города Ассура, сделавшийся потом покровителем всего царства и называвшийся Ассур (вернее Ашур). Он — бог солнца, но не Мардук; он был мало связан с первоначальным местом культа, стоял отдельно от древних богов, взошел на небывалую высоту могущества, благодаря ассирийским завоеваниям. Он — «вождь богов», их «отец» и даже «царь». Цари — его наместники и даже рабы. Воинственная история ассирийского народа сообщила и ему характер бога войны по преимуществу; мало того — и древние боги (Истар, Адад, Нергал) также получили свойства военных божеств. Именем его цари ходили в походы, для увеличения его могущества делали завоевания, для умножения его богатства собирали подати. Жестокие казни, которым они подвергали бунтовщиков, были в их глазах законным возмездием за мятеж против бога. Военный характер Ассура выразился и в его изображении на знамени в виде крылатого диска с воином, натягивающим лук, внутри. Представления о богах, поскольку они отразились в культе, были крайне наивны. Так, 4 Ияра начинался годовой праздник Набу свадьбою этого бога и богини судеб Ташмет. Богов вносили в храм; на другой день давали им пир на счет царя. Никто не входил в помещение, кроме верховного жреца; вне справлялись различные магические обряды. 11 числа Набу оставлял помещение, чтобы, подобно ассирийским царям, пойти на охоту.

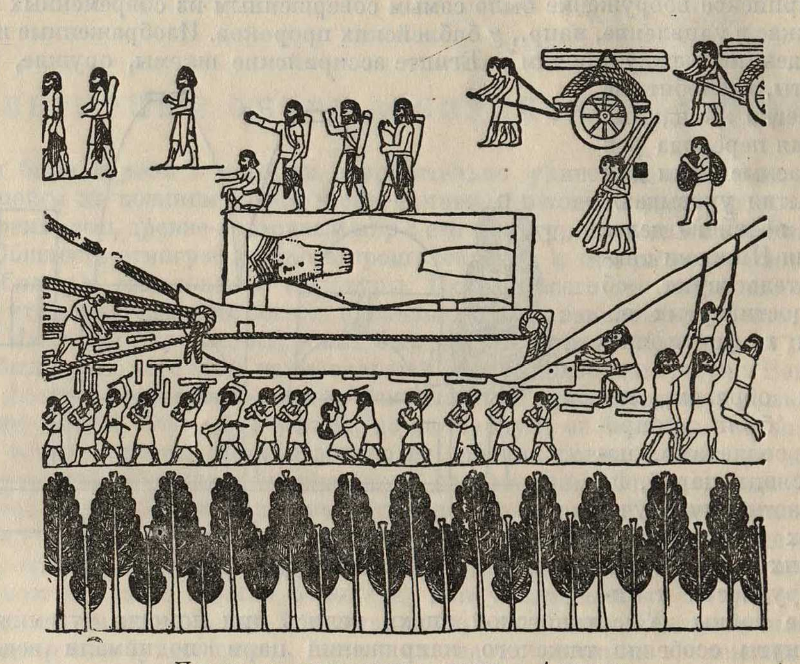
В государственном устройстве Ассирии та же близость к древнему Вавилону в элементах и частностях, но различие в общем духе. В Ассирии более строгая централизация, большая прочность государственной идеи, большая последовательность в ее проведении. Государство опиралось здесь не только на духовенство и знать, но главным образом на войско и чиновничество. Военный характер Ассирии обусловили и ее природа и ее история. Население здесь не было поставлено в необходимость употреблять все свое время на водяные сооружения и земледельческие работы — частые дожди и обильные реки избавляли его от этого, но зато примыкающие горы с их богатой фауной, с их дикими быками и, особенно, львами, бичем скотовода, выработали из ассирийцев неустрашимых охотников, и их цари

оставили нам не мало изображений, указывающих, что они ставили свои охотничьи подвиги едва ли много ниже военных. Ассирийская тактика указывает на то, что военной школой у них была охота: они действовали натиском, старались окружить неприятеля, могли вести только наступательную войну. Она была необходима и для присоединения лежавшей спереди Месопотамии, и для того, чтобы пробиться к морям, и для того, чтобы смирять как некогда сильные хеттские государства, так и опасные племена севера и востока. Поэтому в те периоды, когда наступательная тактика не могла иметь места и приходилось обороняться, Ассирия находилась в упадке. Это было в эпоху господства Митанни, во время нашествия арамеев (XI—IX вв.), в период могущества Ванского царства и, наконец, при наплыве арийских орд и переходе в наступление Мидии. Тогда наступила для Ассирии окончательная гибель. Ассирийское вооружение было самым совершенным из современных ему и возбуждало ужас и удивление, напр., у библейских пророков. Изображенные на барельефах и найденные между прочим в Египте ассирийские шлемы, оружие, равно как броня, щиты, стенобитные машины, легко наводимые понтоны для перехода рек или надуваемые мехи для их переплытия указывают на высоту военного дела. Укрепления Ниневии также свидетельствуют об успехах, достигнутых ассирийнами в фортификации.


Архитектура ассирийских домов.

Таким образом, все ассирияне были прирожденными солдатами, начиная от своих царей, по большей части лично участвовавших в походах и разделявших со своими воинами трудности и лишения. Все войны до саргоновской эпохи велись при помощи туземных ополчений; в минуты особенно тяжелого напряжения цари «поднимали всю страну». Но когда, со времени Тиглатпаласара IV, Ассирия превратилась в империю, все больше и больше разраставшуюся и включавшую в себя множество разнообразных элементов и областей, то малочисленного ассирийского народа оказалось недостаточно и, начиная с Саргона, мы имеем ряд сведений о том, что воинская повинность была распространена на все государство и местные ополчения поставлены под начальство областных правителей. Они состояли не только из ассирийских колонистов, но и из покоренных народностей, из контингентов, поставлявшихся вассальными царями, и т. п. При таких условиях, для предотвращения возможности отпадения наместников и распадения государства, царь должен был иметь свое собственное постоянное войско, и таковое действительно появляется, и притом настолько многочисленное, чтобы служить надежной опорой царю. Оно в значительной мере, если не преимущественно, состояло из покоренных народов, принудительно включенных в «царскую армию»; даже в числе офицеров было не мало инородцев. Содержались эти полки главным образом из военной добычи, и это делало их надежными, так как служить всегда победоносным царям было выгодно. Но это, с другой стороны, само по себе делало необходимыми новые войны. Ассирийские цари стояли пред дилеммой: или постоянная победоносная война, или тяжелые налоги на население для содержания армии. Вместе с тем цари подходят и с другой

стороны к решению необычайной по трудности для государства задачи. Прежнее средство — ассирийская колонизация — теперь уже оказывается недостаточным; приходится прибегать к перетасовкам народов, к обращениям покоренных царств в провинции. Это возводится в систему Тиглатпаласаром IV, затем особенно Саргоном и Синахерибом, не остановившимся перед разгромом Вавилона, и в таком виде впервые появляется в истории, вызывая взаимодействие культур и наций (ср. Самаряне) и обусловив то смешение семитов, из которого к VI веку вышло арамейство. Таким образом, вместо того хаоса, который нам так знаком из Телль-Амарны, мы видим впервые попытки централизованной империи. Страшные жестокости и ужасающие казни грозили всяким поползновениям поколебать единство военного государства. Однако, эта политика оказалась неудачной, прежде всего, благодаря разно-



Перевозка каменного колосса в Ассирии.

племенности населения и малочисленности господствующего народа, который к тому же в культурном отношении уступал не только вавилонскому югу, но и финикийскому западу, где просвещенные и богатые классы с неудовольствием выносили солдатский режим, а простой народ стонал под бременем налогов. В Месопотамии арамейство уже давно было господствующим элементом, но и в собственной Ассирии оно успешно разлагало туземное население.

При Салманасаре V даже в Калахе официальные пометки делаются на двух языках, а потом оказалось достаточно и одного арамейского. Отсюда понятно быстрое исчезновение Ассирии, когда орды северных варваров смели ее государство, а обездоленный народ, уже давно потерявший от численного перевеса арамеев свой язык, не интересовался ниневийским чиновничеством. Видя недостаточность принимаемых мер, Асархаддон, а за ним Ассурбанипал начали осуществлять новый план сплочения государства, план более радикальный и как бы стремившийся превратить все завоеванные области в одну большую Ассирию. Они начинают переименовывать древние славные города, давая им ассирийские имена, даже в Финикии и Египте, давая и туземным царькам ассирийские наименования.

Однако, и при этой радикальной мере не вполне была окончательно забыта старая, осужденная историей система оставления на местах вассальных туземных династий, при условии контроля со стороны ассирийского наместника и исправного платежа дани. Последнее было обременительно для обессиленной страны; при дворах царьков образовывались партии крайних патриотов, желавших избавиться от ига и искавших опоры в соседних великих державах: Египте, Эламе, Урарту, халдеях. Победа этих партий над голосами благоразумия, убеждавшими хранить покорность, была сигналом к восстанию и, при слабости Египта и Элама, окончательному порабощению страны Ассирией. Примеры можно видеть в библейской истории. Страна обращалась в провинцию, жители частью уводились в плен (главным образом партия, противная Ассирии, причем бывали жестокие казни), на место царя высылался наместник «шакну» или «бель-пихати», облеченный гражданской и военной властью и обязанный поставлять дань из доходов провинции, часть которых шла на его штат чиновников, войско и прочие потребности управления. Не забывал он, конечно, и себя, тем более, что, при условиях восточного деспотизма и при придворных интригах, его собственная участь не была обеспечена. Если вместе с Джонсом и Шифлером считать документы из Канну в Месопотамии принадлежащими переселенным 10-коленным израильтянам, то положение их было не худо — они составляли правильно организованную колонию, продолжали чтить своего бога, некоторые достигли даже придворных должностей.

Царь Ассирии, как и в Вавилоне, не считался богом, но ставленником и возлюбленным бога и был божиею милостью, причем опирался не столько на духовенство, сколько на войско. Однако, он был преемником древних патеси, и потому все-таки был столько же жрецом, сколько полководцем и судьею. Он считался носителем древних традиций общей культуры Двуречья, в виду чего и Саргон намекал на древнего царя Аккада, и Синахериб именовался «внуком премудрого—Адапой». Как и в Вавилоне, царь считался представителем народа пред богами, почему несчастия, его постигавшие, признавались знамением гнева божия на народ и страну. Поэтому и здесь мы встречаем такие же «плачи» и покаянные тексты, в которых страдающий или больной царь обращается к богам со слезами и молитвами. Ассурнасирабал II (XI в.) слезно молит Истар: «утеснение, которое я вижу вокруг себя, устрани, обрати мысль к моим воздыханиям... призри на меня и пусть твое благоволение укрепит сердце раба твоего. Ведь я, Ассурнасирабал, твой скорбящий раб... непрестанно приносил тебе жертвы, любил твой праздник, украшал твое святилище... Я родился в неведомых горах, был несмыслен... а народ Ассирии не знал ничего и не служил твоему божеству, а ты, Истар... наставила меня в стремлении к власти, взяла меня с гор и призвала к владычеству над людьми... По твоему повелению обновил я сожженные изображения богов, восстановил разрушенные храмы... Чем я тебя прогневал, что ты поразила меня болезнью?.. Я всегда чтил твое божество и ходил пред тобой, но я наказан, как нечестивый... Я ослеплен относительно радостей жизни, мои очи закрыты, и я ничего не вижу. Доколе, владычица, непрерывная болезнь будет угнетать меня? Я касаюсь твоего праха и молю твое господство, призри на меня... и помилуй меня, умилостивись... прогони мою болезнь и мой грех»... Подобным же образом Ассурбанипал взывал к Истар, прогневанной разрушением ее храма в Арбелах и наславшей на царя тяжелую болезнь. Царь признавал те же законы, которые действовали в Вавилонии (списки кодекса Хаммурапи найдены между прочим в библиотеке Ассурбанипала), уважал древние обычаи и грамоты. Даже после усмирения мятежного Вавилона при Шамашшумукине, Ассурбанипал в своем манифесте обещается хранить вольности («кидинуту») Вавилона. Подобные же вольности были и у древнего священного Ассура. До нас дошел текст, влагающий в уста Саргона следующее:

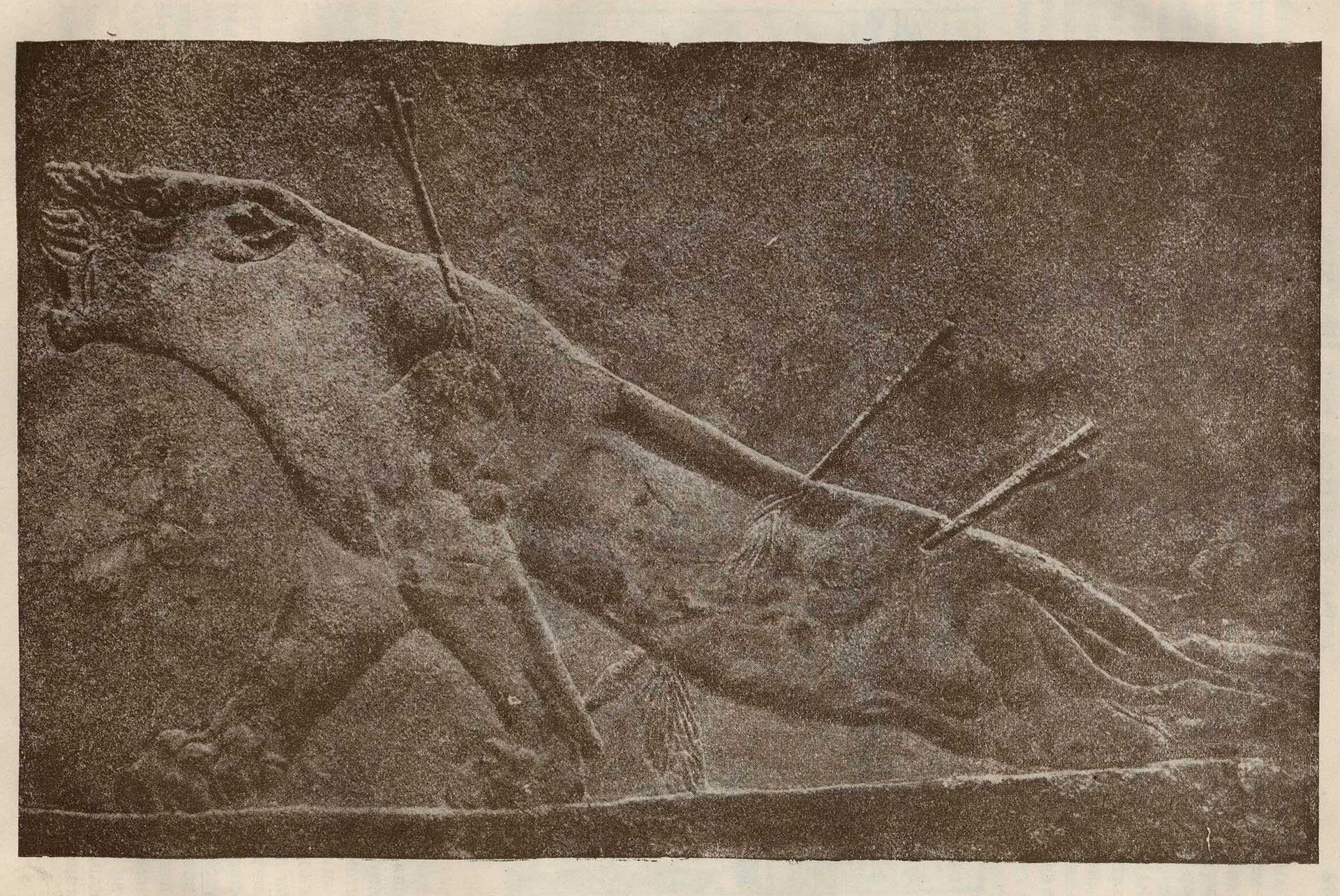
«На Ассур, город, имеющий вольности, древний, священный город, прославленный Ассуром, его владыкой, в целом мире... жители которого изначала не ведали

принудительных работ и повинностей, Салманасар, не боявшийся вседержителя, поднял к беде свою руку, наложил на его граждан барщину и повинности и обращался с ними, как с крестьянами. Когда владыка богов в гневе сердца своего низложил его царство, он меня, Саргона, призвал в цари, возвысил главу мою, даровал мне жезл, престол и венец... я освободил их от солдатчины, от команды десятника, сделал свободными от налогов и повинностей, подобно всем храмам Ассирии... Я изваял изображение Ассура, моего господина, написал на серебряной дощечке (эти постановления) и положил пред ним. Кто удалит это с места, да накажет его сурово великий владыка Ассур возмущением и смертью».

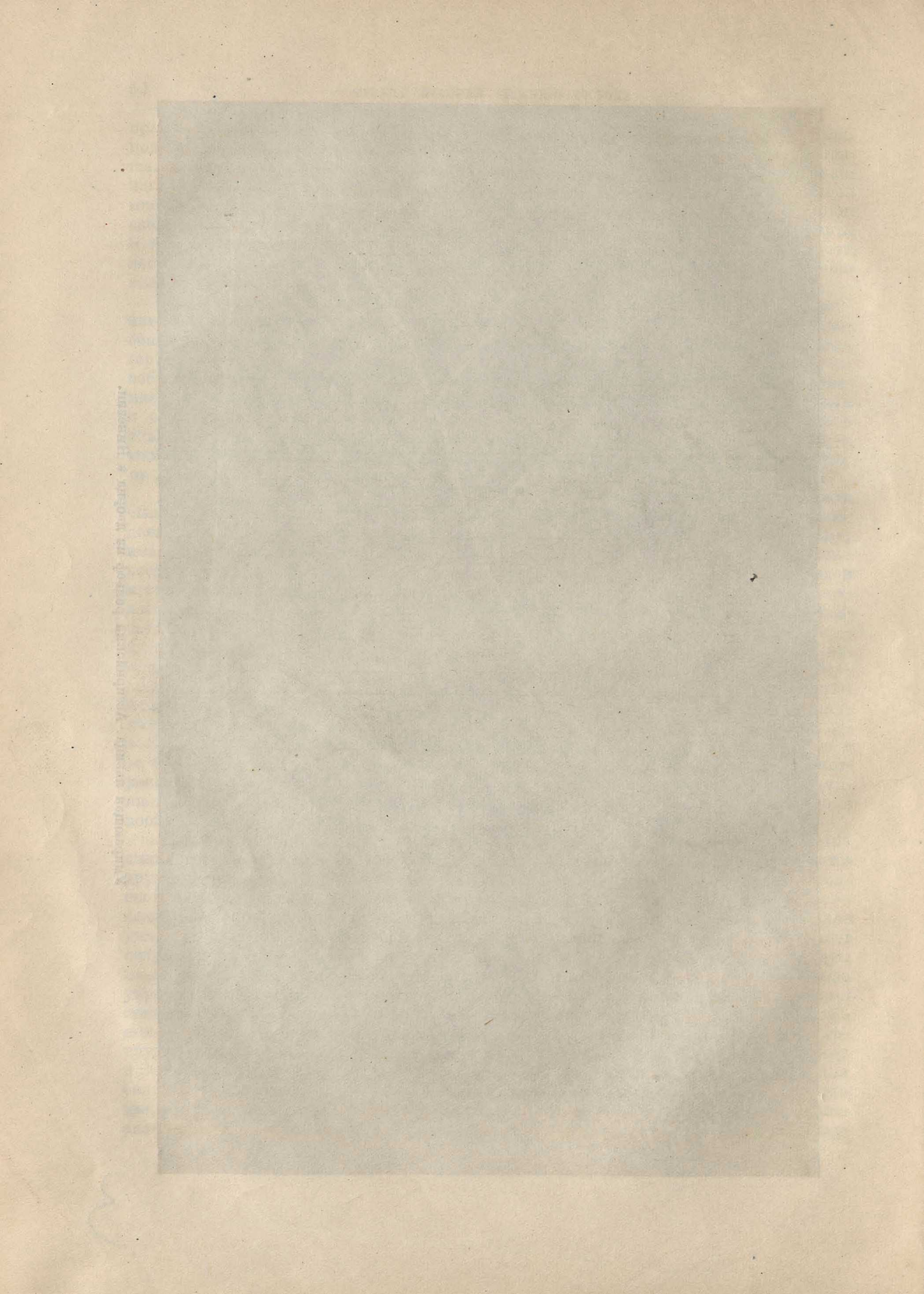
Таким образом, ассирийский царь восстановляет попранные его предшественником права и ставит свой документ под защиту религии. Мы знаем, что Саргон вообще любил выставлять себя блюстителем законности и противником произвола (ср. построение новой столицы); он даже как бы оправдывает бунт против царей, не соблюдавших договоров, и весьма возможно, что Салманасар V обязан своим падением отчасти и недовольству тех групп, льготы которых он попирал, в виду военных и общегосударственных соображений. Вероятно, не одна перемена на престоле объясняется тем же. И в Ассирии встречаются царские земельные пожалования и иммунитеты, но документов этого рода дошло до нас пока немного (главным образом, от времени Ассурбанипала).

Царя окружал многочисленный штат вельмож и придворных. Первым из них был тартан — главнокомандующий, часто заменявший царя в походах. За ним следовали по рангу: нагир-екалли — министр двора, и министры: раббилуб и абаракку, имевшие первоначально придворные должности, но впоследствии также получившие военный характер. Эти 4 вельможи друг за другом обыкновенно были эпонимами годов и следовали в таком порядке в списках «лимму», причем в первый полный год каждого царствования лимму был сам царь. Уже это последнее обстоятельство указывает, что эпонимат едва ли был соединен с какими-либо преимуществами власти — царской власти нельзя увеличить. После царя и 4 вельмож эпонимами делались наместники наиболее важных городов и провинций. Обыкновенно впереди стоял губернатор Рацапы — к югу от Евфрата, ключа Сирии, за ним часто следовал наместник Аррапахиты, Назибии, Калаха и т. д. Иногда в качестве эпонимов встречаются и другие важные чиновники, например, рабсак, командир царского войска, и великий суккаллу — род визиря. Конечно, функции должностных лиц здесь, как и вообще в деспотическом государстве, не могли быть строго разграничены и зависели от усмотрения царя; военные полномочия не отделялись от гражданских, судебные от административных. Большая армия писцов находилась в распоряжении сановников и вообще должностных лиц.

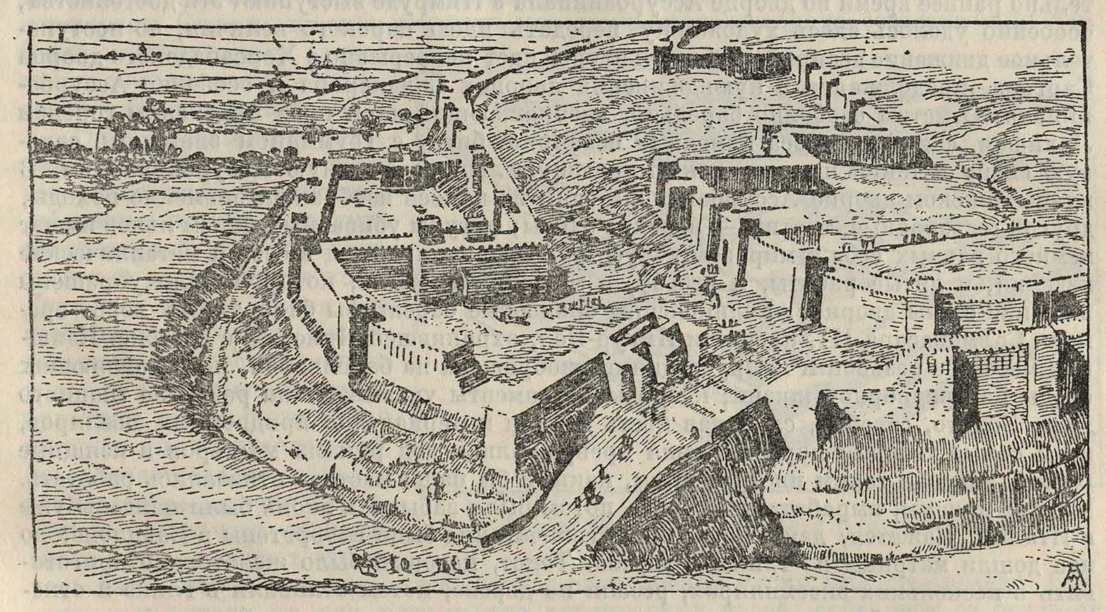
Центром Ассирии был треугольник между Тигром и Верхним Забом, где находились три царских города: Ниневия, Калах, Дур-Шаррукин, в близком расстоянии друг от друга, на протяжении около 50 верст, так что пророк Иона, говоря о громадности Ниневии, мог иметь в виду все три города вместе. Калах и Дур-Шаррукин — создания царей Ассурнасирабала и Саргона, на их искусственное происхождение указывает квадратный план. Ниневия, расположенная между ними, представляет неправильную продолговатую трапецию, около 12 верст в окружности, разделенную на две части рекой Хусуром. Кроме окружавшей ее со всех сторон стены, она была укреплена рвами с севера и востока, а также специальными высокими двойными стенами в виде полукруга и в виде прямой линии с севера на юг — с наиболее опасной восточной части города. Эти укрепления возвел Синахериб, который также соорудил в Ниневии грандиозный дворец, возведши из кирпичей огромную платформу в 30 м вышины и около 10 десятин площадью. Здесь, на высоте, недоступной для болотных испарений и докучливых насекомых, руками пленных халдеев, киликийцев, филистимлян, тирян и др. были воздвигнуты храмы, дворец и насажден великолепный парк из редких растений, для которых в кирпичной платформе делались глу-



Умирающая львица. Ассирийский рельеф из дворца в Ниневии.



бокие гнезда, заполняемые жирной землей. Проведенная на эту значительную вышину вода орошала парк и образовывала пруды с лебедями и другими редкими птицами. На этой же (теперь куюнджикской) террасе выстроил свой дворец (так назыв. северный) и Ассурбанипал и в нем поместил свою знаменитую библиотеку. Цари заботились о благоустройстве и красоте столицы. Синахериб хвалится о заботах по снабжению Ниневии водой, в которой нуждались жители, «не знали, что им пить, и обращали взоры к небесному дождю». Для удовлетворения их нужды он провел 18 каналов от области города Кисира; каналы получили его имя. Он же устроил в Ниневии широкие светлые улицы, главная из них «Царская», шириной в 15 саж., вела к «Садовым воротам» и была с обеих сторон украшена изваяниями и памятниками. У ворот цари насыпали победные холмы из взятой в разрушенных городах земли.



Северо-западная часть столицы Ассирии—гор. Ассура (реконструкция).

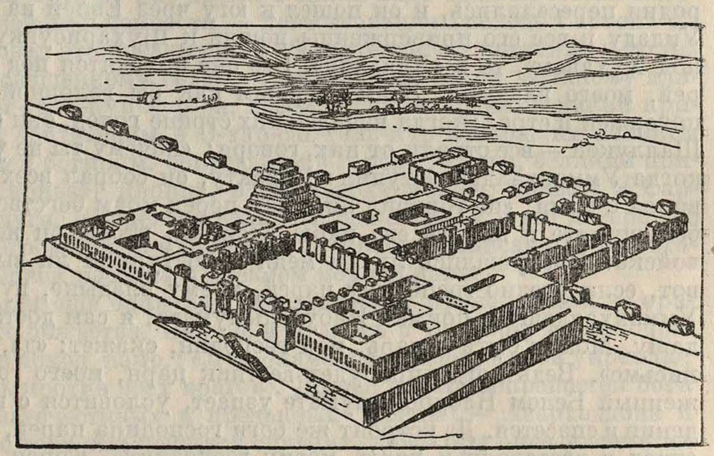
Как в Вавилонии, так и в Ассирии *хозяйство* было крайне интенсивное. Самыми крупными собственниками были храмы, которые большею частью отдавали свои земли в аренду. Арендаторы частью обрабатывали сами при помощи наемных рабочих или рабов, частью сдавали в новую аренду, нередко за известную часть урожая. Таким образом, храмовые магазины наполнялись зерном, финиками, пальмовым вином, сесамом, чесноком и держали в руках рынок. Сбыт мог быть только в города, так как об экспорте едва ли могла итти речь. Уже это одно указывает на рост городов, их населенность и богатство. Несомненно, в них кипела промышленная жизнь, и мы действительно имеем данные для суждения с этой стороны, по крайней мере, о столицах, давших нам в своих развалинах образцы славившихся во всем мире тканей, резных и чеканных изделий, работ из камня, металла и слоновой кости. Материал для них город должен был покупать у арамеев и др. окрестных народов, обменивая на предметы первой необходимости, которые таким образом должны были доставляться из деревень в города в громадном количестве. Производство было ремесленным и фабричным; фабрики держали храмы и богатые граждане; до нас дошли документы из них, между прочим, расчетные листы рабочих. Техника ассирийских

и вавилонских мастеров особенно поражает, если принять в соображение несовершенство инструментов. При всем солдатском характере Ниневии, ее дворцы дали удивительные произведения скульптуры, облицовывавшие стены чертогов царей и имевшие назначением прославлять их деяния. Это — памятники большого художественного значения, хотя и стоящие в некоторой зависимости от вавилонских, но обнаруживающие новые пути, оригинальность и новые достижения. Сохраняя известную условность, особенно в изображении человеческой и животной фигуры и в таких сценах, как нападения на крепости, несколько греша отсутствием перспективы и стремлением нагромождать изображения на небольшом пространстве, ассирийские художники ушли от крайностей вавилонского символизма и приблизились к реализму, сообщив больше жизни изображаемому; они с большим умением и вкусом располагают фигуры в группы, с удивительной точностью передают детали. Уже в сравнительно раннее время во дворце Ассурбанипала в Нимруде выступают эти достоинства; особенно удалось здесь художнику передать идею царского величия, но поступательное движение ассирийской скульптуры идет непрерывно с Хорсабадского дворца Саргона, продолжаясь в куюнджикских дворцах Синахериба и особенно Ассурбанипала. Отметим особенно барельеф, изображающий царя пред иудейским городом Лахишем, сцену переноса каменных изваяний, битву с Теумманом эламским, садовую сцену и такой шедевр, как умирающую львицу, раненую Ассурбанипалом. В куюнджикском дворце Ассурбанипала один из покоев изображал эламские походы, другой — западные, третий — царские охоты; фигуры убиваемых царем львов имеют немного равных себе в мировом искусстве. Дворцы хранили в себе и металлические изделия, и литые работы, и резьбу, и мозаику, и эмаль, которой были украшены внешние стены дворцов. Великолепны бронзовые барельефы балаватских ворот времени Салманасара III, крепости Имгур-Бел, охранявшей Ниневию с востока. Изящная мебель с резьбой и инкрустациями изображена на барельефах, представляющих сцены из придворной жизни; ковровые орнаменты указывают на развитие ткацкого дела. Золото, серебро, слоновая кость давали материал для придворных ювелиров, но и самые твердые породы камня превращались под руками мастеров в изящные геммы, уступая таким инструментам, какими бы наши мастера отказались работать. Многие приемы, выработанные здесь, потом были забыты и вновь были найдены уже в Италии. Кажется, даже начатки книгопечатания были изобретены в Вавилоне: до нас дошли матрицы из глины и дерева. Текст, который было желательно приготовить в нескольких экземплярах, резали на дереве, потом отливали в глине и отпечатывали на любом количестве глиняных плиток.

Ассиро-вавилонская держава уже перешла от натурального хозяйства к денежному, или, вернее сказать, к валюте. Меновыми посредниками служили металлы: золото, серебро и медь в определенной форме и определенного веса; их чеканили в виде брусьев и колец. Капитал уже приносит проценты, был известен вексель, колебание курса и отношение золота к серебру. Сравнительно с Вавилоном даже касситской эпохи, успех денежного хозяйства в новой Ассирии можно видеть, например, из того, что жалованье чиновникам выдается не только натурой, но и металлом. Жизнь вообще, кажется, не была дорога и труд ценился дешево. Впрочем, в Ассирии деньги были дешевле и цены на предметы выше, чем в древнем Вавилоне, уже в виду того, что постоянные походы и обильная дань всего мира способствовали небывалому до тех пор накоплению богатств. Мы можем видеть это на цене рабов, увеличение которой тем более поучительно, что его должен был парализовать приток рабов-пленных, устранивший прежний недостаток их, так что нередко в доме было более 4 рабов (а встречалось и более 20). Несмотря на это, цена на раба возросла в 4 раза. Положение рабов в Ассирии было такое же сносное, как и в древней Вавилонии — они имели семью (иногда даже несколько жен) и собственность.

Все ассирийское царство было описано для фискальных целей. До нас дошли от VII века куски такой описи — писцовой книги провинции древнего Харрана,

стоявшей в более тесных отношениях к короне, почему памятник и сохранился в куюнджикской библиотеке. Это документ ценза, который издатель Johns называет ассирийским «Doomsdaybook». Мы находим здесь перечни членов семейств с какими-то пометками, с обозначением количества земли (причем показано, сколько под посевом), скота, виноградников, садов, огородов, домов, цистерн. Для пастухов указано количество голов скота. Упоминаются семьи медников и железных дел мастеров: в таком случае показаны только дома — значит, дело идет о городском населении. Как видно из документов, сельское население уже находится большей частью в крепостном состоянии; крестьяне были «glebae adscripti». Бывали случаи, когда крестьянин выкупался и делался собственником поля или виноградника; иногда селился в провинции ассирийский солдат на правах мелкого собственника, иногда это делали и жители городов, раньше бывшие чиновниками, булочниками, мастеровыми. Может быть, они получали поместье от двора в пенсию — Харран был землей короны. Судя по спискам семейств, моногамия господствовала, семьи не были особенно многочисленны (редко вместе с родителями 7—10 человек, обыкновенно 4—6).


Дворец Саргона в Хорсабаде (реконструкция).

О *духовной жизни* Ассирии говорит лучше всего ассурбанипалова библиотека, собравшая в себя продукты литературной, ученой и богословской деятельности всего Двуречья за все время его исторической жизни. Свидетельствуя о просвещенности монарха и силе вавилонской культуры, давая богатейший материал для исследователей, это замечательное собрание наиболее красноречиво говорит об убожестве ассирийского духа и может указывать на то, что период творчества ассиро-вавилонской нации был уже позади. Старину воскрешали не для ученых или антикварных целей: собранием ее остатков думали заменить недостаток современности. Куюнджикская библиотека и вообще Ассирия дали нам немного произведений туземного происхождения, и в этих случаях возникновение их выясняется условиями жизни и истории: таковы пространные летописи царских походов, развитию которых не могла благоприятствовать вавилонская идея царя-пастыря и устроителя. Здесь все делается, чтобы прославить царя-воителя и затушевать его неудачи. Придворные историографы выработали схему этих творений, предваряя их высокопарными введениями, располагая историю царя по его походам и постройкам и заключая обычными заклятиями. Особенно богаты реторикой так называемые торжественные надписи. Со времени Саргонидов, под усилившимся вавилонским влиянием, летописи эти получают индивидуальный характер: раньше они крайне схематичны и стереотипны; местами летописи различных царей почти не отличаются друг от друга. Уже одно из первых произведений большого литературного возрождения при Саргоне — описание его восьмого, урартийского похода — представляет незаурядное явление: здесь чувствуется юный энтузиазм, еще не поддавшийся школьности; он составлен рифмическим стилем, содержит не мало блесток чистой поэзии, украшен цитатами из эпоса Гильгамеша, замечательными описаниями природы, гор, лесов, ледников, порогов. Уже самая форма его — письмо, адресованное богу Ассуру о победе царя — является необычайной.

Литературные достоинства имеет повествование Синахериба о битве при Халуле, а также летописи Ассурбанипала; здесь однообразие оживляется цитатами, собственными словами, описаниями сновидений. Повидимому, сам царь кое-где принимал личное участие в составлении.

Дошли до нас многочисленные (до 1 800, из них издана половина) письма и донесения, царские приказы, ноты послам, предписания чиновникам и наместникам, доклады о взятии городов, о пленных, о потерях, о восстаниях, деловая и частная переписка и т. д.

Приведем для примера одно донесение генерала Белибни о событиях в Эламе:

«К господину царей, моему владыке, твой слуга Белибни. Ашур, Шамаш и Мардук да даруют радость сердца, здравие тела, долголетие в царствовании господину царей, моему владыке.

Известие из Элама: Умманхалдаш, прежний царь, убежавший, но вернувшийся назад и севший на трон, оставил из страха г. Мадакту. Его мать, жена и дети и вся родня переселились, и он пошел к югу чрез Евлей на Талах. Нагиру Умманшибар Ундаду и все его приверженцы пошли к Шухарисункур, говоря то «мы поселимся под Хуханом», то в «Хаядалу». Все они находятся под страхом войск господина царей, моего владыки. Элам одержим как бы головной болью, попал в убожество, повержен в страх; когда начался в их стране голод, они ее покинули; Даххашауруи и Шаллукеи — все отпали от них, говоря: «почему ты не убил Умхулуму?» В тот день, когда Умманхалдаш вступил в Мадакту, он собрал всех своих приверженцев и условился с ними: «не говорил ли я вам перед моим бегством, что я хочу схватить Набубельшумате и выдать его царю Ассирии, чтобы он не высылал против нас своего войска? Послушались ли вы меня и поступили ли вы сообразно моим словам?» И вот, если угодно господину царей, моему владыке, пусть придет царский приказ к Умманхалдашу о поимке Набубельшумате; я сам доставлю его секретно Умманхалдашу. Может быть и царь, мой господин, скажет: «да, я пошлю секретно к вам мое письмо». Ведь когда прибудет вестник царя, моего господина, с солдатами, отверженный Белом Набубельшумате узнает, условится с вельможами о своем освобождении и спасется. Да устроят же боги господина царей, чтобы его поймали не пуская стрел и доставили к царю, моему господину». Конец мало понятен; кажется, дело идет о размолвке между эламским царем и Набубельшумате, который стал требовать бесплатного продовольствия, тогда как раньше за него платил. Письмо это относится к тому периоду войн Ассурбанипала с Эламом, когда в последнем скрывался изменивший ему халдейский князь, преемник Меродах-Баладана, Набубельшумате, выдачи которого он добивался.

Следующее письмо представляет донос: «Царю, моему господину, твой слуга Бел-икиша. Набу, Мардук да будут милостивы к моему владыке. Царедворцы моего господина, которых царь, мой владыка, сегодня отличил: Табала, сын Бел-харран-ахуссура, произведенный моим господином в чин «рабу», Набу-сакип, которого царь назначил третьим на свою колесницу (т. е. адъютантом), Эмур-илушу, назначенный в гвардию, — эти три человека — пьяницы; когда они пьяны, каждый из них не в состоянии отстранить кинжала от того, что попадается под руки. Сведение, известное мне наверное, я сообщаю моему господину царю; царь, мой господин, может поступить как ему угодно».

Подобного рода документов дошло несколько. Так, в одном жалуются на офицера, ограбившего дом автора письма, в другом — доносят на важных чиновников, уклонившихся от храмовых повинностей, и т. п. Целый ряд писем относится к самым разнообразным сферам жизни. Так, один жрец просит царя принять на службу его сына и жалуется на придворные интриги и отсутствие при дворе друга, который, приняв от него подарок, мог бы замолвить за его сына слово; некий подрядчик жалуется, что у него для сооружения канала мало рабочих, другой напоминает царю о следуемой ему плате за изготовление идолов; чиновник, не получающий жалованья,

умоляет, чтобы царь не дал ему умереть с голода; врач дает совет больному, царь осведомляется сердечно о здоровье своего приближенного и требует обстоятельного изложения хода болезни; царевна делает выговор своей дальней родственнице, что та осмелилась назвать ее сестрой и т. п. В одном письме суеверный царь (вероятно, Ассурбанипал) поручает адресату собрать для своей библиотеки списки магических и др. текстов в Борсиппе, перечисляя серии текстов по первым их словам. Есть много писем астрологического содержания. Эти документы, несмотря на свою трудность, благодаря разнообразию содержания, являются весьма ценным средством для проникновения в интимные стороны жизни ассирийского общества, а форма их дает возможность составить себе представление об обычаях вежливости. Так, к царю всегда писали: «к царю, моему господину»; царь отвечал: «воля царя», но при этом присоединял приветствие, напр.: «мой привет да будет приятен твоему сердцу». Всегда призывалось благословение богов, причем врачи любили призывать на адресата милость богов врачевания Нинибa и Гулы и т. п. Иногда сами цари оповещали о своих победах в форме писем и донесений. Так, до нас дошел в таком виде один из самых интересных памятников ассирийской письменности — повествование о походе Саргона на север в 714 г. Царь редактировал это чрезвычайно обстоятельное изложение в форме донесения богу Ассуру и его священному граду: «Ассуру, отцу богов, великому владыке, обитающему в Э-хар-саг-галь-кур-кур-ра, своем великом храме, великий привет! Богам судеб и богиням, обитающим в Э-хар-саг-галь-кур-кур-ра, их великом храме, великий привет! Богам и богиням, обитающим в городе Ассуре, великий привет! Городу и его населению привет! Дворцу, в нем находящемуся, привет! У Саргона, возвышенного жреца, слуги, боящегося великого божества, и в его лагере все благополучно»... Далее идет огромный, в 425 строк, прекрасно написанный и составленный обычным стилем летописи рассказ о восьмом походе царя.

Ассирийские войны вызвали еще один ряд литературных произведений — оракулы и вопрошения солнечного божества. Первые влагались в уста богу для ободрения войска, отправлявшегося в поход, напр.: «Лук Элама я сокрушу, а твой укреплю; твоему оружию я дам крепость против всех врагов». До нас дошли вопрошения бога солнца от царей, особенно благочестивых и преданных жрецам — Асархаддона и Ассурбанипала, делавшиеся во всех выдающихся случаях, даже при определении на службу чиновников: жрецы таким образом получили влияние даже на выбор царем своих приближенных. Эти тексты имеют для историка большую важность. Напр.:

«Царь Урарту или жители Гимирри двинутся к битве, войне и бою, чтобы убивать, чтобы грабить и брать добычу, к земле Шуприа, к г. Буму или к г. Куллимури или к другим укрепленным городам Шуприи, чтобы убивать, чтобы убить, чтобы грабить, что можно грабить, чтобы брать в добычу, что попадется, из укрепленных местностей Шуприи и уводить к себе много, или мало. Ты, великое божество, знаешь это. Повелено или определено это устами твоего великого божества, о Шамаш, великий бог? Узнаем ли мы и услышим ли об этом?»

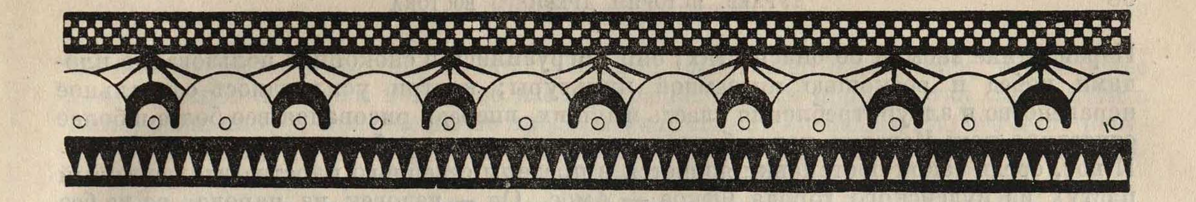
Вообще эти вопрошения имели стереотипную форму. Начинаясь с обычного: «О Шамаш, великий владыка, ответь мне надежным изречением на все, о чем я тебя вопрошаю», они содержали в себе ряд вопросов, на которые желательно получить ответ в определенный срок, затем ряд просьб, потом опять вопросы более кратко, потом предзнаменования и заключительную молитву. Кроме того, есть еще оракулы, обращенные к царю от лица Истар арбельской и других богов. Эти оракулы давались жрицами и стояли в связи с гаданиями по внутренностям животных. Они также касаются политики, войн и царского дома. Начинаются большею частью: «Я — Истар арбельская (или «воля Истар арбельской») к Асархаддону, царю Ассирии». Далее следует или простое обещание в одной фразе, или обращение. В одном вопрошении Истар арбельской Ассурбанипал подражает Гильгамешу, «искавшему жизни», и употребляет выражения, напоминающие его беседу с нимфой или с Утнапиштимом, напр: «Я жду от тебя подаяния жизни, посему я и бегу чрез пустыни, перехожу чрез

реки и моря, чрез горы и высоты; меня сокрушают страдания и скорби; они поразили мой прекрасный образ»... Это свидетельствует о распространенности и влиянии эпоса в ассирийское время. За знакомство с ним говорит также существование omina (предзнаменований) для гадания по подвигам Гильгамеша.

Другая характерная принадлежность ассурбанипаловой библиотеки — справочные книги и грамматические пособия — также объясняется из особенностей ассирийской жизни, слишком далеко стоявшей от созидательной древне-вавилонской эпохи и потому нуждавшейся в искусственном усвоении сумерийского языка и клинописи. Очевидно в Ниневии существовала школа с традициями. До нас дошли так называемые силлабары, служившие для учебных и справочных целей. В них знаки клинописи располагались в известной системе, в параллельных вертикальных столбцах помещались их силлабические значения, а также произношения на сумерийском и семитическом языках. Есть у нас и обрывки комментариев к священным текстам, а также своеобразные парадигмы, предназначенные для заучивания наизусть и состоявшие из форм и сочетаний, в которых встречается то или другое слово, — иногда приводятся различные слова, произведенные от общего корня. Часто эти примеры берутся из литературных текстов.

Ассирийское царство, объединив под своею властью, хотя и на короткое время, большую часть Передней Азии с Египтом, перетасовывая народы и сплачивая страны, продолжало дело сближения культурного человечества. Не может быть сомнения, что образованные люди того времени знали чужие страны не хуже, чем наши современники; можно думать, что вообще политический и географический горизонт даже у представителей среднего уровня не был так низок, как это принято думать. Торговые сношения, при отсутствии консулов, заставляли лично путешествовать, и не по железным дорогам, а пешком и караванами, останавливаясь много раз на пути, объясняться на туземном языке и изучать туземные условия. При известной всем склонности восточных людей к политиканству, при сложности политических условий и отсутствии газет, которые дают возможность без труда знакомиться, конечно, крайне поверхностно, с новостями всего мира, приходилось добывать сведения путем непосредственных сношений, приходилось близко знакомиться и глубоко проникать в жизнь и условия соседей. Пилигримства к святым местам, может быть, путешествия к центрам мудрости и знания, способствовали общению народов на почве духовной культуры, религии, литературы, науки. Таким путем переносились легенды, сказания и распространялись культурные приобретения, падали национальные преграды.

Peiser, Skizze der babylonischen Gesellschaft. Berl., 1896. Johns, The Assyrian Doomsdaybook, 1891. Manitius, Das stehende Heer der Assyrerkönige. Zeitschrift für Assyriologie. XXIV (1910). Hunger, Heerwesen und Kriegführung d. Assyrer. D. Alte Orient XII, 4. Knudtzon, Die assyrische Gebete an Sonnengott. Lpz., 1893. Geldern, Die ausgewählte assyrische Briefe. Lpz., 1902. Behrens, Assyrisch-Babylonische Briefe religiösen Inhalts. Lpz., 1905. Figulla, Der Briefwechsel Bêlibni's. Lpz., 1912. (Mitteil. d. Vorderas. Gesellschaft) — тексты и перевод писем генерала Ассурбанипала Белибни, касающихся эламских дел. O. Weber, Die Literatur d. Babylonier und Assyrer. Lpz., 1907. Zimmern, Gilgames — Omina und Orakel. Zeitschr. f. Assyriologie. XXIV. Pilter, A Hammurabi Text from Ashurbanipal library. (Proceed. Soc. Bibl. Arch. XXXIX). Klauber, Assyrisches Beamtentum. Leipz., 1910. Его же, Keilschriftbriefe. Staat und Gesellschaft in der babyl.-assyr. Briefliteratur. Der alte Orient XII, 2. Delitzsch, Assurbanipal und die assyr. Kultur. Ibid. XI, 1. Zeitlin, Le style administratif chez les Assyriens. Par., 1910.



ПРОРОЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Многим религиям, в особенности же семитическим, свойственно явление религиозного экстаза, овладевающего особенно настроенными натурами. Так, Унуамон в своем отчете говорит, что во время пребывания в Библе «божество овладело юношей» в свите царя и заставило его возвестить свое повеление относительно египетского пришельца. О прорицателях говорит и Закир хаматский. У евреев мы находим особенно сильное напряжение этой стороны религиозной жизни в годину общественных бедствий. Борьба с филистимлянами, хананизация религии Иеговы, культурная и социальная эволюция, происшедшая от перехода из кочевого состояния к земледельческому, были крупными моментами внешней и внутренней жизни; сочетавшись вместе, они в высокой степени могли оказать могущественное воздействие на умы. Мы видим при Самуиле и Сауле целые общины «пророков» (набиим, сб. вещатели, восклицатели). Это — патриоты-националисты, хранители чистоты моисеева учения, противники культурного влияния ханаанской среды, особенно в религиозной сфере, защитники неимущих и угнетенных. Податливость духовенства иноземным влияниям и терпимость к языческим культам ставила их часто во враждебное положение к официальным представителям религии.

Но в еврейской истории и религии все необычайно. Подобно тому, как религия Иеговы, очистившись от ханаанства, сделалась наиболее высокой верой в единого бога, так и из этих вещателей уже в X веке выделились могучие личности, сделавшиеся духовными вождями народа и религиозными индивидуалистами, причем элемент экстаза отступает, а то и совсем незаметен. Уже Давид окружен пророками (Натан, Гад), к голосу которых прислушивается, с которыми советуется, и которые дерзновенно обличают сильного царя. При Омридах, во время особенно напряженных сношений с Финикией, нового проникновения языческих культов и начала ассирийских культурных и политических влияний, из среды пророков выделяется Илия, а за ним Елисей, объявившие смертельную войну Ваалу и другим языческим влияниям, а также ставшие на защиту правосудия и обездоленных (история Навуфея). Хладнокровная последовательность, это неумолимое следование принципу: «или Иегова или Ваал», доходившие до того, что пророк готов был согласиться на гибель всего народа и всего мира во имя торжества идеи Иеговы, сделали из этих двух могучих ревнителей истинных предшественников следующего поколения религиозных деятелей.

Накануне своего крушения Израильское царство переживало последний проблеск политической славы и сравнительного спокойствия при Иеровоаме II (783—743), победившем Дамаск, подчинившем моавитян и имевшем влияние в Иудее и Эдоме. Ассирияне были далеко — заняты бесславными войнами с Ванским царством.

*

Израильтяне забыли об опасностях; они погрузились в спокойное пользование плодами побед и роскошью иноземной культуры; внутри усиливалось социальное неравенство и злоупотребления власть имущих, впереди рисовался все более и более отчетливо «день Иеговы», когда бог осудит язычников на рабство избранному народу. И вот, среди такой обстановки является в пределы северного царства вдохновенный пастух из иудейского города Фекоа — Амос. Он — человек из народа, но не без образования. Он знает историю своего народа и соседей, он знаком и с вавилоно-ханаанской мифологией (гл. 9, 3). Он обладает поэтическим талантом, но еще в большей степени верой в свое божественное посланничество: «Господь ничего не делает, не открыв своего определения рабам своим пророкам. Лев зарыкал, кто не содрогнется? Господь бог повелел, кто не будет пророчествовать?» Он видит видения, он говорит от имени Иеговы; когда жрец «царского» вефильского храма тельца хотел его выслать из пределов царств или запретить проповедывать, он, в сознании своего сверхестественного посланничества, ответил: «я не пророк и не сын пророка, я пастух и собираю смоквы, но Иегова взял меня от стад овец и сказал мне: «ступай, пророчествуй на людей моих Израиля». Теперь выслушай слово господне: ты говоришь: «не пророчествуй на Израиля»... На это вот что говорит господь: «Жена твоя будет распутствовать в городе, сыновья и дочери падут от меча, земля твоя будет разделена веревкой, а ты умрешь на земле нечистой, и Израиль будет непременно выселен из земли своей» (7, 10—17). Последнее было центром проповеди Амоса, и это было наиболее неприемлемым и даже кощунственным для его слушателей. Они веровали в избранничество Израиля, в его постоянную связь с Иеговой, в явление дня господня. Амос учит, что Иегова не только бог Израиля, но в равной мере и бог всех других народов: «Он устроил свою обитель на небесах, свод свой утвердил на земле, призывает воды морские и заливает ими поверхности земли, Иегова имя ему. Не таковы ли, как сыны эфиоплян, и вы для меня, сыны Израилевы? — глаголет Иегова. Не я ли извел Израиль из Египта, как филистимлян из Кафтора и арамеев из Кира?» (9, 6, 7). Он судит и казнит различные народы, смотря по их преступлениям (гл. 1 и 2). Израиль и Иуда среди этих народов занимают лишь по одному из равных мест, а грехи их едва ли не более тяжки (гл. 2). Они неблагодарны, отступники, утесняют бедных, мздоимствуют и приносят жертвы на то, что отняли у несчастных. За то они лишаются права на особое покровительство божие: для них «день Иеговы» будет днем суда. «Горе желающим видеть день господень, — он мрачен, а не светел. Возненавидел я праздники ваши и не обоняю жертв во время торжеств ваших... Удали от меня гул песней твоих, звуков гуслей твоих я не стану слушать. Пусть лучше течет, как вода, правосудие и правда, как неиссякающий поток»... (5, 18—25). Пророк видел, что отсутствие ассириян — временное. В лице их явится кара и руками их бог переселит Израиля «далеко за Дамаск» (5, 27) и разгромит, подобно другим народам: «пройдите в Кальне и посмотрите оттуда, перейдите в великий Хамат и спуститесь в Геф филистимский — лучше ли они этих царств, обширнее ли пределы их пределов ваших? Горе тем, которые день бедствия считают далеким и близко держатся седалища неправды, возлежат на одрах из слоновой кости, едят лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища, бренчат на гуслях, думая, что владеют ими, как Давид, пьют вино из больших кружек, мажутся лучшими мазями и не соболезнуют о несчастии Иосифа. За то ныне пойдут они в плен впереди пленных... (6, 2—7). Хотя бы они зарылись в преисподнюю, и оттуда рука моя возьмет их; хотя бы они взошли на небо, и оттуда изведу их. И хотя бы они сокрылись на вершине Кармила, и там отыщу их; хотя бы утаились от очей моих на дне моря, и там повелю змию уязвить их» (9, 2—3).

Итак, Иегова — бог всего мира и всех народов. Он требует не обрядов культа, которые иногда могут даже быть для него мерзостью, а правды. Этика выше культа; Иегова — не столько естественный защитник Израиля, сколько правосудный и благой владыка мира, который не остановится пред уничтожением своего народа, если по-

следний окажется недостойным его. Это были совершенно новые идеи, и тем более для нас непонятно, как мог Амос и следовавшие за ним пророки так смело итти с ними, повидимому, совершенно не предполагая, что они возвещают не что-либо разумеющееся само собой, а нечто неслыханное и неприемлемое. Проповедь Амоса может быть с полным правом названа ступенью к христианству.

Такой же характер носит и проповедь его младшего современника Осии (ок. 734 г.), но в ней заметны и другие мотивы. Если Амос указывает на правосудие божие, то Осия проповедует его милосердие. Пророк имел несчастие видеть не только блеск иеровоамова царствования, но и безотрадное время смут, следовавших за ним и начавшихся со свержения преемника Иеровоама II, последнего представителя дома Ииуя — Захарии. Теперь один царь свергал другого, в то время как на горизонте снова появились ассирияне с Тиглатпаласаром IV. Пророчество Амоса начало исполняться, а Израиль попрежнему оставался безучастен: «финикиянин, держа в руке неверные весы, обижает, и Ефрем говорит: я разбогател, накопил богатства, и во всех моих делах не найдут ничего незаконного, в чем бы я ни согрешил» (12, 8, 9). Пророк приводит на память неблагодарному народу всю его историю: «Когда Израиль был еще юн, я возлюбил его, и из Египта воззвал сына моего» (11, 1). «В благодарность за все благодеяния Израиль стал служить чуждым богам, ходить в «Дом ничтожества» (Бетавен, вместо Бет-эль-Вефиль), полагаться на ратников и поставил себе царей, а не меня; ставили князей без моего ведома» (8, 4). К этому пророк обращается неоднократно — вероятно карикатура монархической власти времен постоянных революций заставила его отнестись отрицательно к установлению ее вообще и сделаться убежденным сторонником теократии. Не безучастен он и к внешней политике — он осуждает заигрывание с Египтом и Ассирией (7, 11), вместо надежды на бога. Но особенно важно у Осии представление отношений Израиля к богу, как союза любви. Израиль неверен богу, как любимая, но распутная жена своему мужу, но бог все-таки любит свой народ: «Народ мой закоснел в измене против меня... Как поступить мне с тобою, Ефрем? Могу ли я поступить с тобою, как с Адамой, сравнять с Севоимом? Встревожено сердце во мне, возгорелась вся жалость моя. Не дам действовать пламенному гневу моему, не стану более истреблять Ефрема, ибо я бог, а не человек»... (11, 7—9). Пророк знает, однако, правосудие божие и хочет, чтобы народ его был достоин милости: «запаситесь добрыми делами и обратитесь к господу, скажите ему: прости всякое беззаконие, вместо тельцов принесем жертву уст наших, Ассур не будет уже спасать нас, не сядем на коня и не назовем богом рукотворенных, ибо у тебя только находит милосердие сирый». Таковы условия примирения с богом... «Милости хочу, а не жертвы, богопознания, а не всесожжений». Первая часть этого изречения имела великую будущность, а символизм союза бога и народа, перейдя затем, при изменившихся условиях, в представление о союзе бога с общиной верующих, живет и до сих пор в формуле: «аз же глаголю во Христа и во церковь».

Худшие ожидания Амоса и Осии исполнились: Израиль был разгромлен сначала Тиглатпаласаром, потом Саргоном; он был уведен в плен и погиб как нация. Быть свидетелями этого выпало на долю современным иудейским пророкам: Михею и великому Исаии. Первый «скорбит и рыдает, ходит бос и наг, стонет, как шакал, плачет, как страусы», потому что поражение Самарии «дошло до врат народа его, до Иерусалима» (1, 8, 9). Самария — пример для Иудеи. И Иудея «устраивала капища» (1, 5), и в ней те же социальные непорядки, которые привели к гибели соседнее государство: «горе помышляющим о неправде и на ложах своих придумывающим злодеяния... Пожелают коней и отнимают их, домов — и захватывают их... (2, 1, 2). Начальники судят за взятки, священники учат за плату, пророки проповедуют за серебро и говорят: разве не среди нас Иегова? Не случится с нами ничего дурного». Пророк отчаялся в будущности своего народа и бросает его руководителям страшное обвинение: «из-за вас Сион будет вспахан, Иерусалим превращен в развалины, гора-храм — в лесистый холм» (3, 12). В это безотрадное время, когда

внутренние неустройства осложнились формальным подчинением Тиглатпаласару царя Ахаза, который, уступая ассирийской партии, ограбил храм для дани ассирийскому царю и ввел в храме угодный ему культ, проходил свое пророческое служение пророк Исаия, призванный к нему в год смерти царя Осии (750). Это был представитель иудейской знати и образованных классов. Он вдохновенно начинает свою проповедь: «слушайте небеса и внимай земля, ибо Иегова рек: я воспитал и возрастил сынов, но они отпали от меня. Вол знает хозяина своего и осел ясли господина своего, а Израиль не знает... Горе народу грешному, племени, обремененному беззаконием, поколению злодеев, сынам губителям... они презрели господа» (1, 2—4). Подобно Амосу бичует Исаия любостяжательных и власть имущих, надменных и пышных. «Господь выступит на суд со старейшинами народа своего и с его начальниками: вы растоптали виноградник; награбленное у бедного в ваших домах (3, 14). Горе вам, присоединяющие дом к дому, поле к полю присовокупляющие, пока не будет места, чтобы вам одним жить на земле (5, 8). Горе мудрым в очах своих и разумным пред самими собою. Горе тем, которых доблесть пить вино и доблесть растворять сикеру, оправдывающим беззаконного за мзду и отнимающим у правого законное (5, 23). Дщери Сиона возгордились, ходят с вытянутою шеею, нескромным взором, сладострастными движениями, гремят цепочками на ногах. Господь сделает плешивым темя дщерей Сиона и обнажит срамоту их и отнимет украшения их»... (3, 16—18). Подобно тому же Амосу, он уверен, что богу угоден не столько культ, сколько правда: «Слышите слово Иеговы, начальники Содома, внемли закону бога нашего, народ Гоморры. К чему мне множество жертв ваших? говорит Иегова... не угодна мне кровь быков, и агнцев, и козлов... Курение — мерзость предо мною .. Моя душа ненавидит новомесячия и праздники ваши... Когда вы простираете руки, я отдаляю от вас взор мой; когда вы молитесь, я не слышу, ибо руки ваши полны крови. Омойтесь, очиститесь, удалите зло дел ваших от очей моих... Научитесь делать добро, стремитесь к правосудию, заступитесь за сироту, защитите вдовицу» (1, 10—17). Подобно Осии, он верует в союз любви между богом и его народом (напр., притча о винограднике — гл. 5), и эта вера спасла его от отчаяния. Он видел, что современное ему общество безнадежно развращено, и никакая вдохновенная проповедь не в состоянии обратить его в целом. И бог сказал ему во время его призвания: «Поди и скажи людям сим: слухом услышите и не уразумеете, видеть — увидите, но не поймете... Они не обратятся и не исцелятся» (6, 9, 10). Пророк спрашивает: «доколе, господи?» Бог отвечает: «доколе не опустеют грады, и земля не обратится в пустыню» (гл. 2). А дальше что? Пророк утешает себя и своих единомышленников, что не все погибнет, что останется благочестивый «остаток» (гл. 10, 22), который обратится к богу и сделается достойным орудием для обновления мира и водворения царства Мессии. «И взойдет отрасль от ствола Иесеева и ветвь произрастет от корня его, и почиет на нем дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и страха божия... И будет судить бедных по правде, смиренных по справедливости, и поразит землю железом уст своих и духом своим умертвит нечестивого. И волк будет жить вместе с агнцем, и леопард вместе с козленком, и телец и лев и вол будут вместе, и малое дитя поведет их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут вместе, и лев будет есть солому, как вол... Не будут делать зла и вреда на всей горе святой моей, ибо земля будет наполнена знанием господа. В тот день к корню Иесея, который станет знаменем для народов, устремятся племена, и будет покой его славою» (10, 1—11). В священном восторге провидел Исаия даже обращение язычников: эфиоплян (18, 7), египтян (19 гл.) и ассириян. «Израиль будет третьим с Египтом и Ассирией, благословение будет посреди земли, господь Саваоф благословит его, говоря: благословен Египет — народ мой, и Ассирия — дело рук моих, и Израиль — наследие мое». Эти великие идеи обращения язычников, впервые ясно формулированные, дали Исаии имя царя пророков и почетное место среди религиозных гениев человечества, которое редко поднималось до такого великого универсализма.

Он — пророк веры и надежды, и эти душевные свойства укрепили его в годину страшных бедствий — нашествия на Иудею сначала Рецина и Факея, потом Синахериба. Во время первого он явился к Ахазу с своим сыном, имя которого: «Остаток обратится» указывает на заветную идею пророка, которую он лелеял уже давно. Он уверял Ахаза, что Ефрем и Дамаск не опасны, так как они уже нежизнеспособны и сами сделаются добычей Ассирии, а с Иудеей бог («Эммануил»), ибо из нее уцелеет верный остаток и явится мессия, и прежде чем научится новый сын пророка, которому он дал предзнаменательное имя «Спешат на добычу, скоро грабежи», называть отца или матерь, богатство Дамаска и добычу Самарии понесут к царю ассирийскому. Последний, однако, является орудием гнева божия и против грехов народа божия (гл. 5, 25—30), и пророк наглядно рисует шествие войска завоевателей на пути к Иерусалиму (гл. 10, 27—32). Но он не сокрушит Иуды не только потому, что из «Иерусалима произойдет остаток и от Сиона спасенное», но потому, что «ревность господа Саваофа сотворит сие». Ассириец стал надменен и забыл, что он лишь орудие в руках Иеговы: «Горе ассирийцу, жезлу гнева моего... Я послал его на народ лицемерный... чтобы взять добычу и произвести грабежи и попрать его, как грязь на улице, но он не так мыслит — замыслы его ниспровергнуть и истребить не мало народов, ибо говорит: князья мои не все ли цари? Рука моя овладела царствами, у которых кумиров больше, чем у Иерусалима и Самарии, то не поступлю ли я так же и с Иерусалимом?.. уничтожаю границы народов... свергаю с престолов, как исполин... Может ли секира тщеславиться пред тем, кто рубит ею? Может ли пила гордиться пред тем, кто пилит ею? Посему Иегова, Иегова Саваоф пошлет сухощавость на тучных его, и зажжется пламя под славою его. А свет Израиля будет огнем и святый его пламенем, и сожжет и пожрет терновник его и колючий кустарник его в один день... И в тот день остаток Израиля и уцелевшие из дома Иакова не будут больше надеяться на поражающего их, но будут поистине уповать на Иегову, святого Израилева... И посему так говорит господь бог Саваоф: народ мой, живущий на Сионе, не бойся ассирийца» (гл. 10, 5—24). Эти слова были, очевидно, произнесены, когда под стенами Иерусалима стояли полчища Синахериба, и его полководец говорил хульные речи (гл. 36). Таким образом, у великого пророка политика была в тесной связи с религиозным миросозерцанием; с равной настойчивостью укреплял он сограждан при нашествии ассириян и упрекал их за сношения с Египтом: «горе тем, которые идут в Египет за помощью, надеются на коней, уповают на колесницы за их многочисленность, и на всадников за их силу, и не взирают на святого Израилева; и египтяне — люди, а не бог, и кони их — плоть, а не дух... Господь Саваоф низойдет воевать за гору Сион и за холмы его... защитит Иерусалим и избавит, и пощадит, и спасет» (гл. 31, 1—8).

Действительность показала, что Исаия был прав. Синахериб похоронил свою славу под стенами Иерусалима, Иудея была не только пощажена, но и прославлена, тогда как Израиль уже 20 лет не существовал. Вера в Сион, как избранное место, нашла себе убедительное подтверждение, ассирийская партия потеряла кредит, а вместе с ней пало и влияние иноземных культур. Царь Езекия до конца жизни слушается пророка Исаии и начинает очищать Иерусалим от языческих пережитков и наслоений — даже древний «медный змий» был уничтожен. Но очищать культ еще не значит очищать сердца, а что обращение было слишком поверхностно и не могло удовлетворить благочестивых и пророков, это доказали последующие события. Через немного лет Ассирия опять рассеяла иллюзии: при Асархаддоне было бы безумием предпринимать освободительные попытки, и мы видели сына Езекии Манассию (685—642) уже сразу после разрушения Сидона в числе его вассалов. Ассирийская партия овладела двенадцатилетним царем и победила; в политическом отношении эта победа обусловила для Иудеи еще полстолетия спокойного существования, хотя и на условии вассальных отношений. Но, как и всегда, влияние и успехи той или иной партии были в то же время победой той или другой культуры, и едва ли

когда-либо раньше Иудея подвергалась более сильному влиянию ассиро-вавилонской цивилизации, как именно в это время. А так как господство ее означало отсутствие национальной исключительности, то была открыта дверь и вообще всяким влияниям. Слабые результаты попыток Езекии были уничтожены, и в Иерусалимском храме водворено идолопоклонство и мерзости, худшие «всего того, что делали Амореи» (IV Цар., 21, 11). Самым ужасным было установление человеческих жертвоприношений в честь Молоха, и сам царь «провел чрез огонь» своего сына в долине «Сынов Хинномовых». Повидимому, эти страшные жертвы отвечали настроению не менее страшного времени, полного крови, переворотов и политических потрясений. Один из пророков этой эпохи (у Михея 6, 6 сл.) приводит слова, которые, вероятно, можно было неоднократно слышать: «с чем предстать мне пред господом, преклониться пред богом небесным? Предстать ли пред ним со всесожжениями, или дать ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего за грех души моей?» Напрасно пророк увещевает: «О человек, сказано тебе, в чем добро и чего требует от тебя господь — действовать справедливо, любить дела милосердия и быть смиренным пред богом твоим». Манассия пролил много неповинной крови младенцев, а может быть и пророков, по крайней мере предание говорит о мученической смерти Исаии в его время. Господствовала ассирийская партия и при его сыне Аммоне (642—640), но реакция с противной стороны теперь уже обозначилась, нашла себе доступ ко двору, и царь пал ее жертвою. На престол был возведен восьмилетний Иосия (640—609), попавший под влияние национальной благочестивой партии, опиравшейся на Египет, который теперь опять воскрес и, под водительством саисских фараонов, обещал сделаться великой державой, в то время как Ассирия казалась неопасной: хотя еще и царствовал Ассурбанипал, но уже орды северных варваров связали ему руки. Последовавшая после смерти его агония Ассирии еще более ободрила патриотов. Иосия перестал признавать себя вассалом, он даже считал себя владыкой территории бывшего Израильского царства. Казалось, наступили обетованные времена, снова пророки заговорили о «дне Иеговы», как о времени прославления Израиля, о превращении Иуды в царство Иеговы. Реформы, робко начатые при Езекии, теперь были произведены более энергично и последовательно. В 721 г. в храме была найдена «Книга Закона» (14 Цар., 22), повеления и угрозы которой устрашили царя и народ, очевидно, лишь впервые услыхавших о них. По совету пророчицы Хулды (Олда), царь объявил эту книгу государственным законником. Последствием ее принятия было истребление языческих наслоений и обрядов, уничтожение служения на высотах и на всех местах культа, кроме Иерусалима, и празднование пасхи, не справлявшейся до тех пор во все время существования царства. Все священники, служившие вне Иерусалима, были переселены в столицу и помещены при храме, где им давали содержание, но не подпускали к алтарю и употребляли на низшие должности. Все это напоминает Второзаконие и дает право большинству ученых видеть в найденной книге именно основную часть так называемой пятой книги Моисея, явившейся теперь как нечто новое. Кроме сакральных предписаний, в этой книге есть достаточное количество нравственных повелений в духе пророческой гуманности к бедным, сиротам, рабам, и таким образом идеи пророков восторжествовали, добились и государственной санкции. Последствия этого факта были неисчислимы. Прежде всего централизация культа облегчила контроль над религиозной жизнью и возвысила значение иерусалимского духовенства. Признание только иерусалимского, чуждого изображений божества, культа законным, а всех прочих — идолослужением, хотя бы объектом их был Иегова, было равносильно объявленному с законодательным авторитетом отделению Израиля от язычников, и это различие теперь резко проводится в жизнь. Эта религиозная особенность указывает на проникновение в сознание идеи церкви.

Реформаторы хотели видеть в себе тот благочестивый остаток, о котором говорил Исаия. Благочестие царя и крах Ассирии, казалось, делали их веру бесспорной.

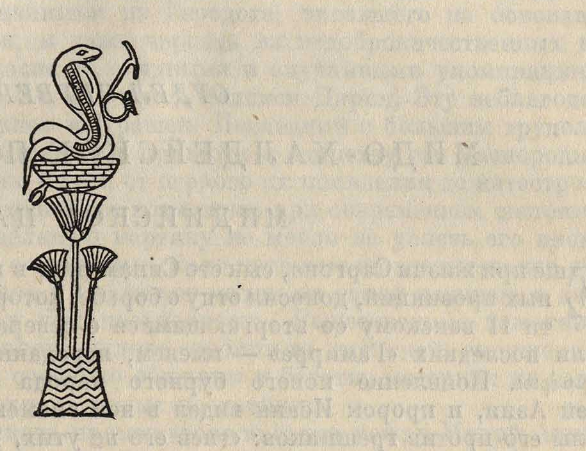
Когда падала Ниневия, ликованию не было границ, и оно довело до безумной попытки оказать сопротивление сыну Псаметиха — Нехао II (610—594), который захотел принять участие в дележе ассирийского наследства и вступил в Азию. Результаты были такие, каких следовало ожидать: встретив фараона при Мегиддо, Иосия был разбит и пал в битве (609), Иудея сделалась вассалом Египта. Чрез три года Нехао был разбит при Кархемише и прогнан домой великим сыном Набупаласара — Навуходоносором II, и на горизонте появился такой завоеватель, какого Иудея не видала уже 60 лет. Ликование сменилось отчаянием. Одни поняли событие таким образом, что Иегова бессилен, а потому нечего чтить его, другие — что ему неугодна реформа Иосии и лучше вернуться к старине, иные, непоколебимые в своей вере, считали все происшедшее последним испытанием, за которым уже последует обещанное царство божие — мировладычество Иуды. Преемники Иосии, его сыновья, царствовавшие один за другим: Иоаким с сыном Иехониею и Седекия были люди мало религиозные вообще еще при жизни отца (см. Софон, 1, 8) и легко примкнули к первым двум категориям, перестав считаться с религиозной реформой. Но они были в хороших отношениях и к людям третьей категории, которые верили многочисленным лжепророкам, предвещавшим погибель халдеев. Они не мешали царям сидеть спокойно и говорили им угодное. Между тем действительность была ужасна. Иоаким уже в 606 г. должен был подчиниться Навуходоносору. Его восстание повлекло за собою сначала вторжение соседей (эдомитян, аммонитян и др.), а затем самого Навуходоносора в 597 г. Иоаким умер, Иехония был уведен в плен с 10 тыс. знатных иудеев. Восстание Седекии было причиной разрушения Иерусалима 586 г. и «вавилонского плена». Во все это время, несмотря на ужасы осады и очевидную грядущую гибель, не переставали раздаваться голоса «пророков», поддерживавших царей в их безумных предприятиях, ослепивших сограждан и указывавших на Египет. Среди этого хора были одиноки голоса истинных патриотов и пророков, сознававших весь ужас положения, всю безнадежность спасти народ, слепо устремляющийся к гибели. Одним из таких немногих был великий И е р е м и я, человек образованный, происходивший из древнего рода в г. Анатоте. С проницательностью государственного мужа, для которого тесно в какой-либо партии, он видел, куда ведет народ светская и духовная политика его руководителей: «пастыри многие разорили виноградник мой, опустошили наследие мое, самый драгоценный участок мой обратили в пустыню непроходимую, и в запустении плачет он предо мною; вся земля разорена и некому позаботиться о ней» (гл. 7, 26). Он обличает его за те же преступления, что и его предшественники-пророки, но делает это еще более страстно и сильно, пользуясь при этом различными образами и прибегая к тем же уподоблениям (напр., подобно Осии, приравнивая отступничество к прелюбодеянию). Что особенно отличает Иеремию, это личный элемент его пророчеств, делающий его наиболее трагическим из пророков. Он убежден в безнадежности положения и видит единственное средство спасти то, что можно спасти, — покориться халдеям, — его не слушают, преследуют и едва не казнят, подобно пророку Урии. Даже сограждане его, анатотцы, «ищут души его и говорят: не пророчествуй о имени господа, а если нет, то умрешь в руках наших» (11, 21). Правительство сажает его в тюрьмы, военачальники обвиняют в измене и бросают в грязный ров; чуть ли не накануне катастрофы сам царь рад бы ему поверить, да боится окружающих (гл. 38). Пророк сильно страдает, видя бесполезность своей проповеди, испытывает душевные мучения, предвкушая гибель горячо любимого отечества: «Утроба моя, утроба моя! Внутри себя я чувствую боль, стонет сердце мое, не могу молчать, ибо ты, душа моя, уже слышишь боль, слышишь звуки трубы, клики сражения» (4, 19). «Дочь народа моего, опояшь себя вретищем, валяйся в пепле, оплакивай себя, как единственного сына, горько, ибо скоро придет губитель» (6, 26). «Ужас объял меня. О, если бы голова моя стала сосудом воды и глаза мои источником слез — день и ночь оплакивал бы я убитых из народа моего!» (8, 21—23). Эти и подобные места сделали Иеремию пророком плача по граде Сионе и соединили

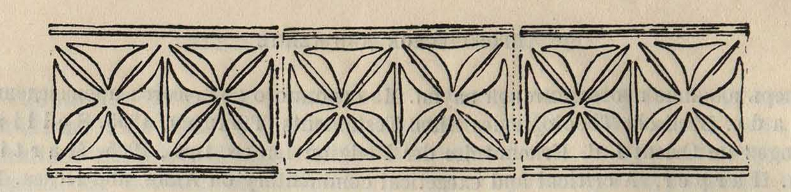
его имя с собранием печальных песен по поводу разрушения Иерусалима — так называемый «Плач Иеремиин». Особенно характерна 20-я глава его книги, — пророк здесь проклинает день рождения своего и говорит, что он пророчествует поневоле, по непреодолимому повелению божию. Он весь проникнут моральной проповедью Второзакония и вероятно был сотрудником Иосии при проведении в жизнь его богослужебных предписаний, но и здесь его ждала горечь разочарования — ему суждено было увидеть и обратную сторону дела: «не полагайтесь на обманчивые слова говорящих: здесь храм Иеговы, храм Иеговы, храм Иеговы... хорошо ли, что крадя, убивая, прелюбодействуя, ложно клянясь, кадя Ваалу и следуя за чужими богами, потом вы приходите и становитесь пред лицом моим в этом доме, который называется моим именем, и говорите: «мы спасены», чтобы снова совершать все мерзости? Разве вертепом разбойников стал мой дом? Подите же на место мое в Силом, где еще прежде избрал я жилище народу моему, и посмотрите, что я сделал над ним за злодеяния народа моего Израиля» (гл. 7, 4—12). Иеремия не мог иметь утешения даже в молитве за народ свой: «ты не молись за народ сей и не ходатайствуй предо мною — я не слышу тебя» (гл. 7, 18). Он не мог находить успокоения и в радостях семейной жизни— он отказался от них, зная, что дети его «от меча и голода погибнут, и трупы их будут пищею птицам небесным и зверям земным» (гл. 16, 4). Однако, без надежды жить нельзя. Иеремия тоже не может допустить мысли, чтобы народ его погиб, но он уже не говорит об «остатке», как Исаия, а об обращении в отдаленном будущем, о возвращении из плена и заключении с богом нового завета, который будет начертан не на камне, а на сердцах (гл. 31, 33). Он даже купил себе поле близ Анатота и составил купчую крепость для доказательства того, что «опять будут покупаемы дома, поля и виноградники на земле сей» (гл. 38, 8—15).

Таким образом, Иеремия еще ожидает царствия божия в Палестине (гл. 34), но его представления весьма духовны и чужды чаяния мировладычества. Истинный бог у него уже «бог всякой плоти», испытующий сердца и утробы, владыка мира, и это уже само по себе обрекло чуждых богов на небытие. Такие представления, развитые допленными пророками и внедренные ими в сознание народа, обусловили сохранение как его самого, так и его веры. Иегова, распорядитель судеб всего мира, казнит народ и наказывает Иуду, а не подчиняется Ассуру или Мардуку, оказавшись слабее их. Плен вавилонский — не унижение Иеговы, а торжество его правосудия и средство для очищения его народа. Уведенный в плен народ, поучаемый Иеремией и помнящий Исаию, не растворился среди язычников и не стал служить Мардуку, а вышел, как церковь, из горнила окрепшим в вере и национализме.

Литература о пророках громадна. Толкования на русск. языке: Юнгеров, Книга пр. Амоса. Казань, 1807. Книга пр. Исаии, 1909. Книга пр. Иеремии, 1909. Книга пр. Михея, 1900. Тюрнин, Книга пр. Софонии. Серг. пос., 1897. Якимов, Толкование на книгу св. пр. Исаии, 1884—93. Толкование на книгу св. пр. Иеремии, 1880. Фаддей, иером., Единство книги пр. Исаии, 1901. Бродович, Книга пр. Осии. Киев, 1901. Покровский, Библейский профетизм и языческая мантика. Серг. пос., 1909. Рыбинский, Ветхозав. пророки. Киев, 1907. Против единства кн. пр. Исаии впервые высказался Dödarlein в 1775, затем Duhm (Das Buch Jesaia, 1892) выделил главы 58—66 в виде особого «Тритоисаии». Эта теория, признающая по крайней мере двух пророков, теперь в науке господствует, и к ней начали склоняться даже латинские богословы (напр., иезуит Condamin, Le livre d'Isaïe, 1907), раньше горячо опровергавшие ее (напр., Ermoni в Dictionnaire de la Bible Вигуру). Значительные уступки в сторону критики делает и богослов, профессор в Лувэне Van Hoonacker в работе Les douses petits prophétes, Par., 1908. См. также работы Lagrange и других богословов в органе латинской библейской науки — Revue Biblique. Нельзя не отметить в последнее время оживления этой научной отрасли, пользующейся особым вниманием Ватикана, встревоженного успехами протестантской науки и рационалистической критики: за короткое время успело появиться несколько ценных работ, имеющих научное значение, но несмотря на осуждение модернизма, обнаруживаю-

щих уже теперь влияние протестантской науки. Из огромного количества произведений последней укажем: S t a d e, Biblische Theologie des Alten Testaments. Tübingen, 1905. S e l l i n, Der Ertrag d. Ausgrabungen im Orient f. d. Erkenntniss der Religion Israels. Lpz., 1905. M a r t i, Dodekapropheton, 1904. H a r p e r, A critical and exegetical commentary on Amos and Hosea. Edinb., 1905. C h e y n e, Micah. Cambridge, 1902. Introduction to the book of Isaiah, 1895. M a r t i, D. Buch Jesaja, 1900. D u h m, D. Buch Jeremia, 1901.





ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

МИДО-ХАЛДЕЙСКОЕ ПРЕОБЛАДАНИЕ

МИДИЙСКОЕ ЦАРСТВО

Еще при жизни Саргона, сын его Синахериб, в качестве наместника одной из северных провинций, доносил отцу о борьбе, которую приходится выдерживать Аргишти II ванскому со вторгающимися с севера врагами; другие наместники называли последних «Гамирра» — именем, переданным в библии «Гомер», у классиков Κιμμέριοι. Появление нового бурного народа произвело сильное впечатление во всей Азии, и пророк Исаия видел в нем знамение гнева божия и всесокрушающей силы его против грешников: «гнев его не утих, рука его еще простерта. И поднимет знамя народам дальним, и призовет одного от края земли, и он быстро и легко явится»... (5, 25—30). Аргишти удалось отразить их от своего царства; часть их ушла в Малую Азию, часть на юг, в Ман, где они осели, образовав скифское государство, слух о котором также проник в библию и оставил в ней след в имени Ашкеназа (из «Ашкуз»), сына Гомера; в клинописи они названы Ашкуза. Преемник Аргишти, Руса II, заботится об укреплении северных областей своего царства. Найденная в 1900 г. Хачиком близ Эчмиадзина большая клинообразная, чрезвычайно важная надпись повествует об его постройках, водяных сооружениях и насаждениях в этой местности, подвергшейся наиболее тяжелым испытаниям во время нашествия киммериян. Об этом же повествует и единственное дошедшее до нас из Ванского царства клинописное письмо на глиняной табличке, найденной немецкой экспедицией в Топраккалэ. Оно адресовано Русой вассальному царьку Ишкугулу (у Александрополя) и говорит о постройке «града Русы». Таким образом, ванские цари справились с нашествием, и на очереди оказалась Ассирия. Царствование Асархаддона было наполнено войной с северными арийцами, напиравшими на Ниневию, как германцы на Рим, и подготовлявшими крах ассирийской державы. Завоеватель Египта и повелитель всей Передней Азии трепетал перед ними и в страхе вопрошал богов. Сначала ему удалось одержать верх над разрозненными племенами и проникнуть победоносно до Демавенда, но скоро у арийцев появились коалиции и общие предводители. Некий Каштарит с толпами киммериян, маннеев и мидян, и со скифами под водительством Спаки угрожал центру области Парсуа, крепости Кишашу. С ним в союзе были: Дусанна, вождь скифского племени Сапарда (Сефарод у пр. Авдия, 20), и Мумитарши, князь мидян. Асархаддон одно время был не прочь даже вступить в мирные переговоры и отправлял к нему посольство. Вероятно Каштарит был слишком уверен в себе и отклонил переговоры, но время еще не пришло, и в 672 г. он был разбит. Союз

распался, так как Асархаддону удалось разъединить врагов, привлекши на свою сторону скифов, образовавших государство в Атропатене. Он согласился выдать за скифского вождя Бартатую (Прототий у Геродота) свою дочь. Поступив так подобно византийским императорам, он сделал из скифов оплот Ниневии и с их помощью отразил киммериян, которые, потерпев несколько поражений, должны были уйти в Малую Азию. Таким образом, в первой половине VII в. в северо-восточной части культурного мира обозначились государственные образования арийского племени: скифское и мидийское, первоначально действовавшие солидарно, но разъединенные ловкой политикой ассирийского царя, который таким образом отсрочил на некоторое время гибель своей державы.

Из всех государств Древнего мира, игравших в истории более или менее крупную роль, Мидия представляет для исследователей наибольшие затруднения. До сих пор приходится довольствоваться данными из Геродота, писавшего на основании преданий малоазиатских гарпагидов, и даже черпать из недоброкачественных писаний Ктесия, приводить их в согласие со скудными и случайными упоминаниями в военной литературе ассириян и в Бехистунской надписи Дария. Эту неблагодарную задачу исполняли Оппер, Винклер и Прашек. Последний с большим трудолюбием, остроумием и настойчивостью пытается привести к единству эти разнородные сведения и реконструировать историю мидян от первого их появления до катастрофы при Кире. В этом направлении он сделал все возможное при современном состоянии науки, но стремление его создать цельную картину не могло не увлечь его иногда на путь рискованных сближений. К сожалению, мало надежды на значительное увеличение нашего материала. До сих пор у нас нет от мидян ни одной надписи, и даже высказывалось сомнение, была ли у них письменность. Вещественные памятники также едва ли будут найдены в изобилии: мидяне строили из кирпичей, высушенных на солнце, города, вероятно, не были особенно обширны и богаты, материал их затем был употреблен в последующие эпохи на новые постройки.

Между тем, в Мидии следует искать промежуточное звено между Малой Азией, Ассирией и Персией, и различные явления в области, напр., искусства могли бы найти себе объяснение, если бы до нас дошли памятники мидийской культуры.

Некоторое время даже сомневались, где находилась столица мидийского царства Экбатана, основание которой у Геродота приписывается Дейоку, окружившему ее замок 7 концентрическими стенами с зубцами, окрашенными в 7 планетных цветов. Армянские историки, а в недавнее время Раулинсон, отказывались видеть в ней предшественницу нынешнего Хамадана, а помещали гораздо севернее — у Такши-Сулемана. Но де-Морган, производивший лично исследования в Хамадане, убедительно доказал ошибочность этого предположения и даже, на основании условий рельефа почвы, дал примерный чертеж 7 стен и выяснил все географические условия, благоприятствовавшие именно здесь возникновению политического центра, по справедливости названного «Сборным пунктом» (Hagmatana): «Хамадан расположен у подножия Эльвенда, в начале широкой плодородной равнины, по которой направляются воды из большой горы в Кара-чай. Равнина богата и плодородна, большое количество ручьев ее орошает, в то время как высота, на которой она находится, сообщает ей свежесть, а обильные воды Эльвенда дают развиться пышной растительности. Эльвенд — это гранитная масса, почти обособленная. Она соединяется к сев.-зап. с Загром — возвышенностью Асадабадом; с другой стороны его отроги спускаются далеко к равнине, продолжаясь в виде бесплодных и обнаженных холмов. К сев.-вост. от горы находится долина Хамадана, к югу и юго-зап. — Джамасаба и его притоков. Эти две долины, весьма богатые, заключают в себе многочисленное население и обильные остатки старины. Чувствуется, что здесь некогда был центр большой цивилизации и что важность современного Хамадана — только слабое отражение того, чем некогда была Экбатана. Расположенный на краю горного массива Курдистана, город господствует над всей иранской равниной: он — начало пути

из Месопотамии в Персию. Горы прикрывают его с юго-вост. стороны от нападений врагов. Климат его приятно свеж и окрестности весьма плодородны. Эти качества доставляют ему несравненные преимущества для возникновения столицы» (Mission en Perse, IV, I, 207—9). К сожалению, эти же преимущества привлекали к нему жителей во все времена персидской истории, и мидийская старина заслонялась и уничтожалась. Ахемениды имели здесь летнюю резиденцию, и немногочисленные древности (напр., база колонны), находящиеся здесь, относятся уже к их времени. Возможно, что более древнего происхождения фигура летящего льва; к мидийской эпохе относится еще гробница в скалах у Фахрака к югу от Урмийского озера, между Бехистуном и Кангаваром, в Дуккан и Дауде и др. Они обнаруживают аналогии с малоазийскими и древнейшими ахеменидовскими. Иногда они передают фасад дома и имеют древнейшие формы иранских колонн. Едва ли прав де-Морган, относящий к мидийскому времени дворец, описанный у Поливия (X, 27) — описание слишком обще, из него только видно, что колонны были из кедра и кипариса и обложены серебряными и золотыми пластинками, а кровельные дощечки — из чистого серебра. Это только объясняет, почему у нас так мало осталось — металл расхищен, дерево погибло. Следы пожаров достаточно заметны в нижних слоях современной Экбатаны; кроме того, персидское правительство имеет обыкновение давать кладоискателям концессии на поиски в почве древних городов. Благодаря этому, варварские раскопки ведутся в широких размерах, металлические вещи идут в сплав и безвозвратно гибнут. То, что случайно найдено и уцелело в Экбатане и ее окрестностях из мелких вещей, крайне ничтожно и принадлежит различным эпохам: здесь и вавилонские цилиндры, и бронзовые изделия восточного и греческого типа, и камеи времен Ахеменидов и т. п.

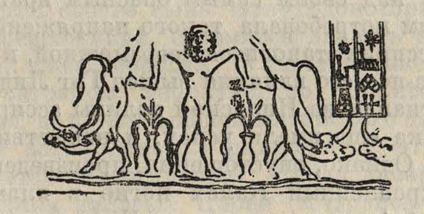
Рассказы Геродота, восходящие к семейным традициям Гарпагидов, имеют под собою некоторую реальную почву. Происхождение мидийского государства возводится к Дейоку; действительно, ассирийские летописи говорят не только о воевавшем с Саргоном маннее Даиукку, но и о стране Бит-Даиукку, названной вероятно по имени его деда, соответствующей Мидии и локализуемой у Эльвенда. Сын Дейока и отец Киаксара у Геродота назван Фраортом. Имя Фравартис носил мидийский самозванец при Дарии I, объявивший себя Кшатритой из рода Хувакшатры (Киаксара). Отсюда заключают, что источник Геродота, забыв настоящее имя отца Киаксара, воспользовался известным из Бехистунской надписи, но принял при этом частное имя за царское. Вероятно, как полагает Хюзинг, Кшатрита и было его настоящее имя; может быть, однако, он принял это имя в память древнего Каштариты, современника Асархаддона. Что касается имен мидийских царей, сообщаемых Ктесием, то многие из них также найдены в клинописной передаче: Саргон в числе своих данников упоминает и Арбака, и Артика, и Машдака; таким образом, это были не члены одной династии, а одновременные князья различных мидийских племен.

Около 626 г. Передняя Азия видела ужасы нового скифского нашествия. Царь Вана Сардур IV дружит с Ассурбанипалом, чтобы в союзе с ним сохранить свою страну, которая сильно пострадала, когда скифы прошли опустошительным потоком на юг. Иудейские пророки (Иеремия I, 14, IV, 7 и т. п.) оставили нам поэтические картины нашествия варваров, Геродот прибавляет к этому, что скифы сожгли Аскалон, а новый фараон Псаметих, вступивший в Сирию в качестве завоевателя, должен был уйти, откупившись дарами от неожиданных пришельцев. При таких условиях все пришло в движение, изменилась этнографическая карта, и на место ванских халдов двигаются современные индо-европейские армяне, прибывшие из Фракии и Фригии чрез долгое пребывание в хеттской Каппадокии. В Араратской области они были арийцами и завоевателями, что запечатлелось в грузинском языке, на котором «эри» означает — «воин». Пред напором армян халды отступали на север, в бассейн Куры и область Армавира, где найден, между прочим, кирпич с надписью, обнаруживающей позднее происхождение. Последними царями, сидевшими еще в Ване, были Эри-

мена и Руса III, который жертвовал еще в местный храм дошедшие до нас бронзовые щиты. Он царствовал, вероятно, уже в начале VI в.

Как отразились эти перевороты на ассирийской державе? Геродот повествует, что еще Фраорт пытался ее разгромить, но что, несмотря на отпадение всех ее союзников, время еще не пришло, так как ассирияне находились в хорошем состоянии, и Фраорт погиб. Сын его Киаксар прежде всего занялся реорганизацией армии, распределив ее по способу вооружения, затем снова напал на Ниневию, но и на этот раз неудачно. Теперь защитниками и спасителями ее оказались уже не собственные войска, а скифы под начальством Мадии, сына известного нам Прототии, породнившегося с царским домом. Геродот передает даже, что скифы перешли в наступление, покорили Мидию и сделали на 28 лет Киаксара своим вассалом. Вероятно, в действительности дело обстояло несколько иначе: скифы спасли еще раз Ниневию и опустошили Азию. Поражение, нанесенное ими Киаксару, приостановило на несколько лет развитие мидийского могущества. Геродот довольно обстоятельно рассказывает о договоре, заключенном между Киаксаром и скифами, о разрыве между ними и освобождении Мидии; насколько все это близко к действительности, мы не знаем; несомненно только, что, собравшись с силами, Киаксар продолжал свои подвиги, и первым делом ударил снова на Ниневию.

Oppert, Le peuple et la langue des Médes, 1879. Winckler, Zur medischen und altpersischen Geschichte. Untersuchungen z. altorient. Gesch., 1889. Dhorme, Les Aryens avant Cyrus. Conferences de St. Etienne 1910—11. De-Morgan, Ecbatane. Mission scientifique en Perse. IV. Par., 1896. Hüsing, Astuwega, Orient. Literaturzeitung, 1913. Остальная библиография приведена в книге Прашека. Н. Я. Марр, Надпись Русы II из Маку. Зап. вост. отд. Арх. общ. XXV.



ПАДЕНИЕ АССИРИИ

В первой половине VII века Ассирия находилась на вершине могущества. Египет был покорен, Лидия унижена, Элам разгромлен. Ванское царство лишено агрессивной политики и загнано в естественные границы. Параллельно с этим достигли небывалой высоты внутренний блеск и культурное развитие. Но напряжение, которое пришлось выдерживать сравнительно немногочисленному народу уже в продолжение пяти веков, надорвало его силы. Удерживать в повиновении множество разнообразных, не заинтересованных в поддержании общего государственного тела, культурных народностей, даже прибегая к ужасающим жестокостям, можно было лишь временно, и когда на горизонте появился новый свежий элемент, обветшавшее здание стало грозить падением. Мы видели, какое впечатление произвели арийские орды, заставившие Асархаддона прибегать к другим средствам обороны, кроме войск и походов. Ассурбанипал применял еще одно средство — интриги. Таким путем он лавировал в Египте, действовал в Лидии, облегчал разгром Элама, а следовательно и победу над своим самым опасным врагом — Шамашшумукином. Однако борьба с последним потребовала такого напряжения, что отныне всякая наступательная политика Ассирии становится невозможной, и Ассурбанипалу пришлось спокойно смотреть, как из-под его влияния вышел Гиг Лидийский и даже оказал содействие Псаметиху в изгнании из Нильской долины ассирийских гарнизонов. Оборонительные действия пока еще имели успех, и нашествие мидян было отражено, хотя и с помощью скифов. Однако, опустошения, произведенные ими, были серьезны, и древняя столица — укрепленный Калах погиб в пламени. Нашествие скифов 626 г., разлившееся по всей Азии, доказало, что Ниневия перестала играть роль твердыни культурного мира против северных варваров, что роль ее окончилась. Подчиненные народы, конечно, поняли это. В 625 г. умер Ассурбанипал, и с этого же года птолемеевский канон начинает царствование в Вавилоне Набупаласара, известного основателя халдейского вавилонского царства и одного из участников ассирийской катастрофы.

Это мировое событие известно нам далеко не с такой обстоятельностью, какой заслуживает. Долгое время мы знали о нем лишь по рассказам Геродота и цитатам, дошедшим чрез несколько рук из Бероса. Затем к этому прибавились две любопытные клинообразные надписи: так наз. хроника Набонида и найденный немецкими археологами в 1901 г. памятный цилиндр-бочка самого Набупаласара. Первая из этих надписей интересна как древнейший образец своего рода прагматической истории: благочестивый царь говорит о разгроме Ассирии, как о мщении Мардука за поругание его города Синахерибом, и рассматривает дальнейшие судьбы своего государства с точки зрения промысла божества. Если к этому присоединить пророка

Наума и несколько обломков, дошедших от последних ассирийских царей, то наш материал будет исчерпан и окажется недостаточным для того, чтобы представить с необходимой ясностью ход великой катастрофы.

Первым провозвестником ее был пророк Наум, может быть, сам родившийся на ассирийской почве и происходивший из плененных и переселенных израильтян (родом из Элькоша, может быть, Алькуш, к северу от Ниневии, на восточном берегу Тигра). Во всяком случае, его небольшое творение обнаруживает хорошее знакомство с современной ему столицей мира. Прекрасным поэтическим языком, образно и рельефно, но вместе с тем и с нескрываемой злобой и ненавистью, уверенно говорит еврейский пророк о неминуемой гибели «притеснительницы», расхищении ее богатства и совершенном уничтожении самого имени ее. Эту книгу называли даже политической брошюрой, и она дала полковнику Биллербеку, известному исследователю военной истории древности, материал для специальной работы о Ниневии, как крепости и объекте осады. Еврейский поэт ясно видел потерю жизнеспособности Ассирии, и надвигавшиеся орды арийцев делали ее падение только вопросом времени. Действительно, сын Ассурбанипала, А с с у р - э т и л ь - и л а н и - у к и н н и известен нам только тем, что пытался поддерживать боевую готовность укреплений и производил ремонты в калахском дворце. Лэйярд, обнаруживший его сооружения, был поражен их грубостью и убожеством сравнительно с постройками лучшего времени. От его брата С и н ш а р у к и н а (Сарака в греч. передаче; 620—607) дошли обломки надписей, рассказывавших о постройках и ремонтах, а также о врагах, от которых его избавляют боги. Между прочим, на одном обломке даже, кажется, было упоминание мидян: «Я боялся повелений великих богов, заботился об их храмах и молился их владычеству... Мидян поборoли они, милостивую помощь оказали мне, услышали молитву мою, ниспровергли врагов моих... моих супостатов связали, вымели вон врагов Ассирии, неприязненных моему царству»... Как понять эти известия — решить у нас нет данных. Эта неудача мидян во всяком случае была последней. Абиден сообщает из Бероса следующее: «Сарак (т. е. Синшарукин), получив известие, что войско, многочисленное, как саранча, вышедши из моря, готовится напасть, немедленно послал полководца Бусалоссора в Вавилон. Тот же, решившись на возмущение, сватает для своего сына Навуходоносора Амухею, дочь Астиага, князя мидян. Затем, поспешно уйдя, стремится напасть на Ниневию. Извещенный обо всем этом, царь Сарак сжег дворец»... (в тексте Синкелла из Александра Полигистора Астиаг назван сатрапом, вероятно, по принятой Беросом официальной ассирийской номенклатуре, не признававшей мидийского царства). Что это за войско, вышедшее из моря? По вавилонской терминологии «Приморская страна» — юг, Халдея. С этим согласуется и «отправка» Набупаласара в Вавилон. Вероятно, дело идет о новом восстании халдеев. Царем («сатрапом») мидян во всех версиях назван Астиаг. Конечно, здесь не может итти речь об известном последнем царе мидийском. Остается предположить или небрежность Бероса (может быть, компиляторов), или, вместе с Прашеком и Хюзингом, предполагать Астиага I, едва ли впрочем считая его тожественным с геродотовским Фраортом, — это затруднительно в хронологическом отношении.

Таким образом, по этому краткому экцерпту, Набупаласар, посланный ассирийским царем в Вавилон, отпал, вступил в союз с Мидией и был главным виновником гибели Ассирии. Геродот, напротив, разрушение и покорение Ассирии приписывает только мидянам. Выйти из затруднения помогает клинописный текст Набонида.

Исходным пунктом его служат неистовства Синахериба: «Он замыслил злое против Вавилона; он разрушил его храмы, уничтожил изображения, осквернил святилища. Он коснулся рук Мардука и увез его в Ассирию. Как божий гнев, поступал он со страной. Не смягчал своего гнева бог Мардук: 21 год пребывал он в Ассуре. Дни исполнились, время прошло, он утишил гнев, который царь богов, владыка вла-

дык, питал к Эсагиле и Вавилону. Царя Ассура, разрушившего страну во время гнева Мардука, поразил мечом его сын, отрасль его плоти... (потеряно). Помощника дал ему (Набупаласару) Мардук царя Умманмандов (мидян), не имеющего себе равного, подчинил он его своим повелениям и пришел ему на помощь. Сверху и снизу, справа и слева он поверг страну, как наводнение, отмстил за Вавилон... царь Умманмандос бесстрашный — он разрушил храмы всех богов Ассура и города в области Аккада, враждебные царю страны Аккада (очевидно, не подчинившиеся Набупаласару и еще державшиеся ассириян), не пришедшие к нему на помощь. Царя вавилонского удручало положение Мардука... он не наложил рук на святилища всех богов», — таким образом, погром ассирийских храмов приписывается лишь иноверцам-варварам.

Отсюда прежде всего следует, что в самой Вавилонии были города, «враждебные царю Аккада», т. е. вавилонскому, следовательно оставшиеся верными Ассирии. Это были те же древние привилегированные города, которые всегда стояли на стороне Ассирии против халдеев. Действительно, в Ниппуре, Сиппаре и в Эрехе найдены документы, датированные годами царствований Ассурэтильилани, Синтумлишира, а затем Синшарукина, по крайней мере до 613 г. Затем видно, что Набупаласар попал в какое-то затруднение, так что не мог даже наказать сам этих городов, враждебных себе в своей области, и должен был обратиться к «царю Умманмандов», т. е. мидян, чтобы тот «отмстил за Вавилон» как Ниневии, так и этим городам. Мессершмидт, впервые основательно обработавший эту интересную надпись, полагает, что вавилонский царь, пользуясь слабостью Ассирии и заручившись мидянами (может быть, к тому же желая предупредить фараона), пошел завоевывать Месопотамию (о чем повествует одна из его ранних надписей). Затем он встретил неожиданный отпор, отрезавший ему сообщение с базой, и должен был позвать мидян, которые и исполнили дело разрушения. Последнее было проведено настолько радикально, что Набонид счел себя обязанным очистить память Набупаласара от участия в нем: участие это было косвенное; главная роль принадлежала Киаксару, к сожалению, нигде не названному по имени. Разрушен был в это время и священный Харран; идолы богов мидяне отдали союзнику и они были перенесены в Вавилон. Сам Набупаласар, однако, в двух из своих надписей хвалится, что он «покорил Ассирию и превратил страну своих врагов в кучу мусора и груды развалин», но кроме этой общей фразы, понятной в его устах, он оставил нам и более обстоятельное свидетельство в своей надписи, повествующей о постройках в вавилонских храмах и найденной немецкой экспедицией осенью 1901 г.

«Набупаласар, царь правды, пастырь, призванный Мардуком... Так как я во смирении моем, будучи сыном ничтожного, постоянно чтил святилища Набу и Мардука, моих владык, и помышлял о непоколебимости их заповедей и исполнении их повелений, направлял мысль мою на правду и справедливость, то бог сердцеведец, ведающий сердца богов неба и земли и непрестанно следящий за стезями народов, проник в сердце меня, ничтожного, незаметного среди людей, и поставил меня во главе страны, в которой я родился, призвав меня к господству над страной и людьми. Он послал ко мне духа-хранителя сопровождать меня и споспешествовал мне во всех моих начинаниях. Нергала, могущественнейшего среди богов, он сделал моим спутником, покорил моих врагов, поразил моих супостатов. Ассириян, с давних дней господствовавших над всеми народами и подчинивших своему тяжелому игу людей (моей) страны, я, слабый и смиренный, чтущий господа господей, при помощи грозной силы Набу и Мардука, моих владык, отразил стопы от страны Аккада и сверг их иго»...

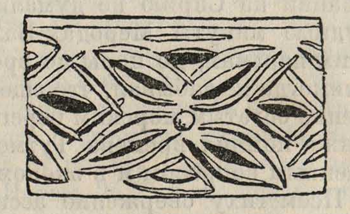
Эта прекрасная по тону и духу надпись, напоминающая манифест, ничего не говорит о наступательных действиях самого автора и ниневийском погроме. К сожалению, она не дает и никаких фактических подробностей, и представляется рискованным вместе с Вейсбахом заключать из упоминания помощи Набу и Мардука, что

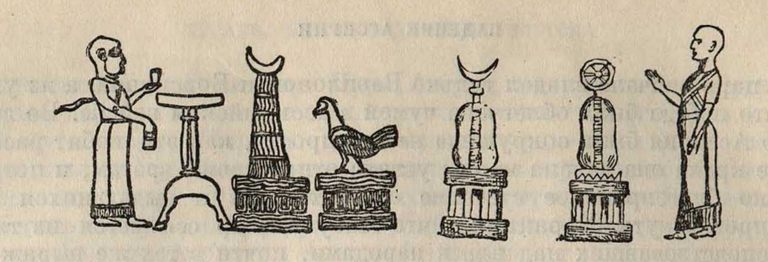
вавилонский царь вначале владел только Вавилоном и Борсиппой, а из упоминания Нергала — что победа была облегчена чумой в ассирийском войске. Во всяком случае ясно, что Ассирия была сокрушена не так просто, как это любят рассказывать; еще накануне краха она давала не без успеха отпор своим врагам, и потребовалось исключительно благоприятное стечение обстоятельств и выдающихся личностей, чтобы ее ниспровергнуть. Характерно, что Набупаласар ссылается на тяжелое иго ассириян, господствовавших над всеми народами, почти в тех же выражениях, что Геродот и библия. Земли Ассирии были поделены между союзниками, причем Вавилония получила область к западу от Тигра.

Ниневия и Ассирия не исчезли с лица земли, как это любят говорить, ссылаясь на поверхностные сообщения Ксенофонта, не упоминающего места Ниневии в Анабасисе. Ассирия, сохранив свое имя («Атуриа»), была персидской провинцией, а город Ниневия возник при римских императорах в виде военной колонии Niniva Claudiopolis. Ассирией называли часто классические писатели всю область Тигра и Евфрата, и в настоящее время мы называем ассириологией науку ассиро-вавилонской филологии. Но политической роли народ уже не мог играть. Литература и наука, повидимому, угасли, так как поддерживались искусственно двором, в то время как в народе давно уже господствовали арамейский язык и письмо. Отныне единственным носителем вавилонской культуры остается древний Вавилон, роль же великой державы пришлось ему разделить не только со своей союзницей Мидией, но и с возродившимся Египтом и Лидией.

Год падения Ниневии определяется Евсевием в 1-й год 43-й олимпиады — 609/8, Иеронимом — годом раньше. В библии в год смерти царя Иосии (608) Нехао еще идет сражаться с царем ассирийским. Набонид говорит, что он реставрировал храм Сина в Харране (в 553 г.) 54 года спустя после разрушения, — это приведет нас в 607 г., который, вероятно, и есть точная дата гибели Ассирии.

Надписи: Messerschmidt, Die stele Nabunaids. Mitteil. Vorderasiat. Gesellsch. I. 1. Weissbach, Babyl. Miscellen. 20. *Исследования:* Billerbeck und Ieremias, Der Untergang Ninives. Beiträge Z. Assyriologie, III. Winckler, Kimmerier, Ashguzäer, Skythen. Altorient. Forchungen. I. Zur medischen und altpers. Geschichte. Untersuch. Lincke, Assyrien und-Ninive in Geschichte und Sage. Berl., 1894. M. Streck, Assurbanipal und die letzte assyrisch. Könige bis z. Untergange Niniveh's. Vorderasiat. Bibl. VII, 1915.





ХАЛДЕЙСКАЯ ДИНАСТИЯ В ВАВИЛОНЕ

После разрушения Ниневии в истории Азии наступило переходное время. Арийская раса свергла семитическую империю и распространилась в областях алародийского населения, но вся западная и южная часть бывшей Ассирии пока еще оставалась в руках халдеев, теперь, наконец, достигших исполнения своих вековых стремлений и получивших великодержавное значение вместе с высокой ролью последних хранителей и носителей вавилонской цивилизации. На ряду с этими двумя силами первостепенного значения мы находим на политической карте рубежа VII и VI веков еще три других: возродившийся Египет, Лидию и Киликийское царство. Кроме того, в Палестине продолжали прозябать бывшие под ассирийским верховенством мелкие царства иудеев, филистимлян, идумеев, аммонитян, а также попрежнему развивался и богател оставленный еще Асархаддоном без соперника финикийский Тир.

Положение этих мелких царств после Ассурбанипала стало неопределенным: их ненавистный сюзерен погибал, а сами по себе они едва ли могли держаться, кроме Тира, который еще пока никем не был взят и которого блеск и богатство красноречиво и поэтично описывает пророк Иезекииль в 27 гл., близкой к этому времени. Филистимские и еврейские царства были слишком ничтожны, и их взаимная ненависть сдерживалась только ассирийским режимом. Но иудеи, только что пережившие религиозное обновление и увлекаясь чаяниями о наступлении царства Мессии, видели в неминуемой гибели Ассирии указание на конец их унижения. Поэтому они, фанатически настроенные, готовились к своей мировой роли. Между тем, от своих традиционных притязаний на Сирию не думали отказываться ни Вавилон, ни Египет. Первый, в трудные минуты Меродах-Баладана и Шамашшумукина, готов был видеть в сирийских царьках, до поры до времени, союзников для отвлечения ассирийских сил, но никогда не забывал, что еще со времен «дней Сина» запад был его провинцией, а владение богатым морским берегом было для него жизненной необходимостью. Египет также помнил времена Тутмосов и Рамсесов, и для него владение Сирией было жизненным вопросом и в экономическом и в стратегическом отношениях. Поэтому уже Псаметиху свержение ассирийского ига должно было напомнить изгнание гиксосов, и он, подобно Яхмосу, явился в Сирию и успел взять филистимский Азот после продолжительной осады. Скифы помешали продолжать начатое дело, но через 17 лет сын его Нехао, вскоре по вступлении на престол (610—594), за год до падения Ассирии, явился конкурентом на ее сирийское наследство. Неожиданным противником его оказался Иосия, царь иудейский. Раньше иудеи привыкли видеть в фараонах союзников против ассирийских царей, и египетская партия среди них всегда была национальной; теперь мы видим иное. Едва ли иудеи

вдруг прониклись лойяльностью к падающему сюзерену; причина их поведения, конечно, заключается в переоценке политической стороны переживаемого внутри момента и своих сил. Само собою разумеется, что безрассудное выступление кончилось катастрофой. Иосия, ожидавший фараона на том же месте, где некогда Тутмос III разбил сирийскую коалицию — у Мегиддо, был разбит египетским войском, заключавшим в себе африканских, лидийских, карийских и греческих наемников, и сам был смертельно ранен. Иудеи воцарили его второго сына Иоахаза, которого фараон потребовал в свой лагерь в Риблу и, как поставленного самовольно, желая подчеркнуть свои сюзеренные права, низложил. Низложенный царь был отправлен в Египет, а на его место фараон утвердил его старшего брата Елиакима, переименованного в Иоакима, наложив на страну дань. Таким образом, фараон считал себя владыкой до самого Оронта, а может быть и Евфрата; у Сидона найден обломок его памятника. Филистимские города были покорены и опустошены им на обратном пути в Египет, о чем см. у пророка Иеремии, гл. 47.

Вавилонский цилиндр-печать с изображением бога луны Сина.

Между тем Ниневия пала, Набупаласар завоевал Месопотамию, а Сирия стояла на очереди. Но старость и болезнь заставили его вернуться в столицу и поручить расправу с фараоном своему сыну Навуходоносору II (Набу-кудурри-уссур — Набу! защити мои пределы). Тот, во главе многочисленного войска, двинулся чрез Месопотамию, куда поспешил и Нехао. Встреча произошла у Кархемиша на Евфрате в 605 г., и египтяне были разбиты В ярких красках описывает Иеремия беспорядочное бегство египетской армии (гл. 46) и ждет, что вавилонский царь не остановится, а двинется и в самую Нильскую долину, но в это время умер Набупаласар, и Навуходоносор должен был немедленно отправиться в Вавилон, справедливо полагая, что для судьбы новой династии его отсутствие может быть опасно. Поэтому он удовольствовался тем, что «взял все от потока Египетского до реки Евфрата, что принадлежало царю египетскому» (Иерем. 24,7) и что последний «не выходит более из земли своей», может быть, в силу заключенного мира, может быть, и в силу фактической невозможности. Впрочем, Берос хочет видеть и Египет подвластным Вавилону и даже называет Нехао отложившимся сатрапом Египта, Келесирии и Финикии — это характерно для вавилонского официального третирования фараона, которое шло дальше ассирийского: в анналах Ассурбанипала Псаметих назван царем в самом рассказе об его отпадении.

Но это было только началом сирийских войн Навуходоносора. Ни Египет не мог легко отказаться от притязаний на Сирию, ни Иудея оставаться спокойной среди

двух борющихся сил и при постоянной внутренней борьбе религиозных, политических и социальных партий. Египет энергично реформировался и чувствовал последний подъем своей жизнедеятельности; еще в большей степени, чем при эфиопских фараонах, он агитировал при сирийских дворах и поддерживал преданные себе партии. Напрасно великий Иеремия указывал на безумие антивавилонской политики; находился целый ряд «пророков», льстивших народу и обещавших успехи мятежным царям. Иеремия видел неминуемую гибель и переживал тяжелые годы; его книга в своей значительной части — дневник потрясающих событий и настроений, что делает ее особенно драгоценной. Уже чрез три года Иоаким попал в руки египетской партии и перестал платить дань. Одушевление чающих скорого торжества было настолько сильно, что, несмотря на бездействие Нехао, борьба с великим царем могла продлиться не менее 5 лет. Сначала Навуходоносор надеялся справиться с Иерусалимом, наслав на него окрестные враждебные народы: арамеев, моавитян, аммонитян с отрядом своих халдеев, но это оказалось недостаточным, и пришлось отправиться самому. При его приближении Иоаким успел во-время умереть, а его сын Иехония чрез три месяца, в 597 г. сдался. Навуходоносор переселил его с семейством и с 10 тыс. наиболее влиятельных и богатых лиц в Вавилон. Храмовые сосуды были частью разбиты и увезены, и этим Иерусалим лишался значения столицы и религиозного центра. Однако, вавилонский царь считал возможным оставить Иудее еще тень самостоятельности, назначив царем третьего сына Иосии — Седекию. Слабохарактерный и недалекий правитель этот не оправдал его доверия и очень скоро пошел по пути брата, тем более, что соседи теперь стали действовать заодно с Иудеей — к ней примкнул Тир; Египет при фараонах Псаметихе II (594—589) и Априсе (Уахабра, 588—569) опять перешел к наступательной активной политике. Один из недавно найденных в El-Hibeh, среди семейного архива, демотических папирусов от времени Дария I представляет скрепленную документами жалобу жреца Петиисе, поданную персидскому правительству на жрецов, лишивших деда его места, когда тот, следуя вызову фараона, обращенному к храмам, сопровождал поход в страну Хару, т. е. в Палестину, в 4-й год царствования, т. е. в 590 г. Таким образом, уже чрез 14 лет после кархемишского разгрома, мы видим, фараоны снова в Азии. Преемник Псаметиха II, Априс, стал действовать и на море. По словам Геродота (2, 161), он «послал войско к Сидону и дал морское сражение Тиру и его царю». Диодор говорит еще более определенно о покорении им всей Финикии и большой морской победе над финикиянами и киприотами. Недавно Флиндерс Петри нашел близ египетского Леонтополя сидящую статую сподвижника Априса, некоего Гора, называющего себя, между прочим, командиром военного флота, а в Финикии еще Ренан находил значительное количество египетских памятников, несомненно, относящихся к этой краткой эпохе египетского господства. У Библа были египетские казармы и храм, построенный египтянами местной богине. Фараон действительно явился и на выручку Иерусалима, осажденного в 587 г. халдейскими войсками, которые даже отошли от города при его приближении. Иудеи ликовали, но преждевременно — Априс был разбит, а летом 586 г. Иерусалим пал после отчаянной обороны и подвергся всем ужасам наказания за неверность. Навуходоносор жестоко расправился с Седекией и его вельможами, храм и город были сожжены, жители переселены, прочая страна пощажена и разделена между беднейшими жителями, не уведенными в плен. Правителем назначен верный Вавилону, друг Иеремии, иудей Годолия. Но сносные условия, в которые поставили Иудею завоеватели, и возможность сравнительного благосостояния под руководством умного и доверенного царю человека и на этот раз не были использованы вследствие раздоров и личных счетов иудеев, не исправившихся даже после катастрофы. Годолия был убит по интригам царя аммонитян, опасавшегося развития благосостояния оставшихся иудеев, потомком давидова дома Исмаилом. После этого злодеяния влиятельная часть оставшихся, совершенно справедливо опасаясь мщения Навуходоносора, бежала в Египет,

увлекши за собой насильно пророка Иеремию, которому халдеи оказывали особое внимание. Априс поселил их в Дафнэ. Здесь великий пророк предвещал гибель беглецам и погром Египту от Навуходоносора, который придет сюда и поразит землю Египетскую (гл. 43 сл.). Действительно, до нас дошли обломки одного текста Навуходоносора, в котором он призывает богиню (вероятно Булу) в связи с описанием своего похода в 37-м году своего царствования (567) против фараона Яхмоса II (Амасиса), заручившегося, повидимому, помощью какого-то греческого (?) города. Египетские источники пока молчат об этом походе. В 1886 г. Флиндерс Петри производил археологические изыскания в Дафнэ, но и здесь не нашел ничего, кроме остатков кирпичной платформы, которая, может быть, соответствует упоминаемой у пророка Иеремии (43, 9). Кроме того, на Суэцком перешейке были найдены терракотовые цилиндры с надписями Навуходоносора, относящимися к вавилонским постройкам. Саисский Египет был крепче эфиопского, и Навуходоносору, если он и переступал его границы, едва ли удалось далеко зайти, а тем более удержать его в повиновении. И клинописный текст, при всей своей фрагментарности, все-таки, ограничиваясь общими выражениями и нагромождая синонимы, обозначающие смятение и ужас египтян, также подкрепляет это предположение.

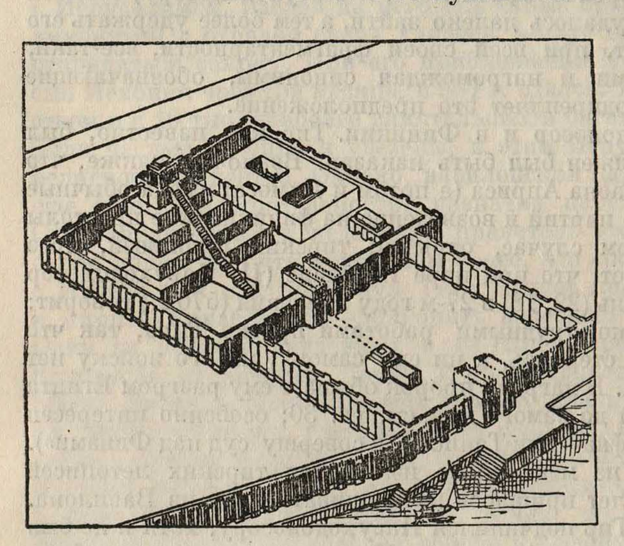
Не имел полной удачи Навуходоносор и в Финикии. Тир, как известно, был заодно с Иерусалимом, а потому должен был быть наказан. Возможно также, что наступательная политика в Азии фараона Априса (а потом и Яхмоса) имела обычные последствия — торжество египетских партий и возведение на финикийские престолы египетских ставленников. Во всяком случае, отрывки тирских летописей, чрез посредство Иосифа Флавия, сообщают, что при царе Итобаале (II) Навуходоносор осаждал Тир 13 лет. Пророк Иезекииль (29, 18) в 27-м году пленения (570 г.) говорит: «Навуходоносор отяготил свое войско трудными работами против Тира, так что все головы оплешивели и все плечи стерлись, а ни ему самому, ни его войску нет вознаграждения от Тира за работы»... В награду пророк обещает ему разгром Египта (пророчество на Египет, покоренный до самого юга, см. гл. 30; особенно интересен ст. 14: «разрушу Патрос, подожгу Дафнэ—или Танис — и совершу суд над Фивами»). Из дальнейших выдержек Иосифа из менандрова изложения тирских летописей видно, что тирянам чрез несколько лет пришлось выпрашивать царя из Вавилона. Отсюда следует, что в конце концов Тир подчинился Навуходоносору, хотя и не был им взят. Это ясно из того, что и после в нем были цари. Полагают, что условием было поставлено свержение Итобаала, как египетского приверженца, переселение его и семьи его в Вавилон и возведение ставленника Навуходоносора, каковым считают следующего царя, Ваала II. Насколько это верно, мы не знаем, но если мы правильно понимаем дату у пророка Иезекииля, то засвидетельствованная клинописным документом война с Египтом хорошо подходит к тирской осаде: до 570 г. Навуходоносор занят у Тира, а в 567 г. он воюет с Амасисом, желая искоренить источник азиатских осложнений в удобное время — после смены правительства (569).

Таким образом, западные дела причиняли Навуходоносору много забот почти во все продолжение его царствования, и успехи его не были полными, так как устранить Египет окончательно ему все же не удалось, и Яхмос II (Амасис), хотя и не мог продолжать наступательной политики на суше, но перенес операции на море. Он заботился об улучшении флота, и впервые в египетской истории присоединил Кипр. Впрочем, из Финикии и Палестины египтяне были изгнаны, Иерусалим лежал в развалинах, и Тир во все дальнейшее время признавал верховенство Вавилона. На градиционном месте завоевателей, рядом с памятниками фараонов и ассирийских царей, у Нахр-эль-Кельба, на проходной финикийской дороге, а также в узкой ливанской долине Вади Брисса, Навуходоносор оставил свои длинные, тщательно обработанные в литературном отношении надписи и барельефы, плохо сохранившиеся. Но мы напрасно будем искать в их описаний военных подвигов — это перечень деяний царя по реставрации и сооружению вавилонских храмов и укреплений.

Единственно, что имеет местный характер, это упоминание, что царь «собственноручно» рубил ливанские кедры для построек, а также следующие неясные слова о ливанской области: «в те дни Ливаном, вмещающим в себе в изобилии кедры, благовонные дары Мардука... и приличные для украшения дворца царя неба и земли, овладел чужой царь, унес его произведения. Жители его разбежались. Силой Набу и Мардука, моих владык, повелел я моим войскам двинуться к Ливану.

Врага его сверху и снизу я вымел и облагодетельствовал страну, рассеявшихся жителей собрал и вернул на их места». «Чужой царь», очевидно, — фараон. Действительно, современник Нехао, командир Ираклеополя Гор в своей надписи говорит, что при реставрации местного храма он для дверей употребил лучшие кедры из царского владения.

Стремление к Ливану было постоянно у египтян, откуда понятно, что Нехао остановился в Рибле и что этот пункт остался главной квартирой и для Навуходоносора, который здесь же, в Wâdi Brissa, и оставил свою надпись, свидетельствующую о том, что ливанская область и вообще запад имели для него интерес, особенно как необходимый источник строительного материала. Возможно, как полагает Винклер, что один обломок надписи содержит в себе упоминание об одном из его походов на запад. К сожалению, имени царя там не сохранилось, но указан 3-й год. Текст относится к ново-вавилонскому периоду: «жители страны Хатии (Сирии) в мес. 1-й яре 3-го года... царь вавилонский выступил с войсками... в 13 дней... людей, бывших на Амане... головы отрезал... поресил на кольях (?)... увел»... Таким образом, восстание началось у Антиливана в 602 г., в котором восстал и Иоаким. Навуходоносор двинулся в Келесирию и оттуда отправил в Иудею отряд халдеев и приказывал соседям Иерусалима напасть на него, будучи пока занят на севере.



Вавилонский храм в Ниппуре (реконструкция).

Союзнику Навуходоносора Киаксару в это время также было достаточно хлопот с соседями в его сфере влияния. К сожалению, об его деяниях мы осведомлены еще менее. Мы не в состоянии даже с уверенностью сказать, какая судьба постигла древний Элам во время этих этнографических и политических переворотов. Уважение, которое питали Ахемениды к эламским традициям и которое выразилось в редактировании царских надписей и на эламском языке, указывает на то, что они застали еще здесь туземную государственность и помнили ее еще в ту эпоху, когда ввели обыкновение увековечивать свои подвиги клинообразными надписями.

Обеспечив за собой восток, Киаксар мог сделать попытку увенчать созданную им великую державу присоединением богатого запада с Лидией и греческими торговыми городами. Стремление к Эгейскому морю было для него столь же естественно, сколько для Навуходоносора — к Средиземному. При Ассурбанипале Лидия вошла в соприкосновение с Ниневией, ассирийский царь претендовал на верховенство над Гигом и Ардисом, конечно, и Киаксар считал себя в этом отношении преемником ассириян.

История Лидии известна нам сравнительно недурно, благодаря Николаю Дамас-

скому, передавшему нам в извлечениях труд Ксанфа Лидийского, пользовавшегося лидийскими летописями. Геродот сообщает нам также не мало ценных сведений, как фактических, так и легендарных, к этому присоединяется ассириологический материал, а также результаты раскопок царских гробниц у Сард (Oelfers в Зап. Берл. акад., 1858). Все это использовано в трудах Шуберта, Раде и Перро-Шипье, и мы не будем останавливаться на изложении прошлой истории Лидии, тем более, что страна эта только отчасти входит в интересующую нас культурную область. Будучи первоначально населена племенами алародийской расы и принадлежа к хеттскому кругу, она скоро сделалась территорией наибольшего взаимодействия и смешения рас и культур. Приморское положение выработало в ее жителях отважных морских бродяг, нападавших между прочим на Египет и давших восточно-культурный элемент Этрурии, а богатство страны и выгоды сбыта на восток по торговым путям в Ниневию, Сузы и Кавказ и на запад — за море — сделали из Лидии торговый и промышленный центр и родину денег. Недостаточная сплоченность государства, состоявшего из нескольких племенных единиц и носившего феодальный характер, препятствовала Лидии сделаться великой державой и дать отпор греческим пришельцам, заселившим весь западный берег Малой Азии, но это последнее обстоятельство имело историческое значение первостепенной важности. Лидия еще в большей мере, чем Финикия, сделалась связью европейского и азиатского миров и первым этапом эллинизма. Лидийские цари, считавшие себя сюзеренами греческих городов, должны были войти в их мир, и мы знаем из Геродота, какие были у них с Элладой, ее святынями и оракулами, связи, необходимые для поддержания авторитета. Это были первые филэллины в истории, не забывшие однако ни своего восточного происхождения, ни интересов государства. Это особенно применимо к последней династии — Мермнадам (686—546), поставившим целью сделать из Лидии великую державу. Первым шагом к этому была централизация, достигнутая мало-по-малу путем привлечения феодальных владетелей из замков к придворным должностям. Затем постоянные заботы о торговых путях, особенно великом пути в Сузы и на запад, влекли за собою неизбежно агрессивную политику относительно греческих колоний. Действительно, мы видим, что и Гиг, и Ардис, и Саддиат, и Аллиат все время воюют с греками или заключают родственные союзы с тираннами, причем привлекают на свою сторону авторитетный голос Дельфийского оракула несметными дарами, стяжавшими им славу необычайных богачей. И в Элладе у них были сторонники, привлеченные частью деньгами, частью услугами. Двор их сделался убежищем многих знаменитых греков, выброшенных политическими неурядицами за пределы родины, он был радушно открыт и для греческих туристов. Широкую политику вели Мермнады и на востоке, и притом искусно. Гиг, приняв личину вассала, сумел втянуть Ассурбанипала в борьбу с киммериянами, и при первом удобном случае не только перестал посылать в Ниневию посольства и подарки, но даже, по словам Ассурбанипала, «понадеявшись на свои силы, осмелился послать свои войска Пишамилку, царю Египта, дерзновенно свергшему мое иго». На этот раз, впрочем, молитва ассирийского царя к богам об отмщении была услышана — киммерияне, по его интригам, снова явились в Лидию, перевернули страну вверх дном. Гиг был убит, а его сын Ардис, едва отстояв цитадель Сард, принужден был отправить в Ниневию посольства, якобы с изъявлением подчинения. Но Ассирия в это время была уже не опасна, а киммерияне были скоро прогнаны, и Лидия пошла быстро к возрождению. Ардису и его двум преемникам удалось объединить всю страну до р. Галиса, причем с Милетом, которого им не удалось взять, был заключен при царе Аллиате союзный договор, по совету Дельфийского оракула и при посредстве Периандра коринфского. Таким образом, Лидия сделалась грозной силой в Азии, опиравшейся и на хорошие войска (конница), и на деньги, и на сочувствие Европы и Египта. Само собою разумеется, что скоро река Галис ей показалась тесной границей, тем более, что по ту сторону ее происходили тревожные события. Киаксар покорил Армению и Каппадокию и также

довел свое царство до Галиса, стремясь распространить его еще далее. Война была неизбежна.

Поводом к ней Геродот выставляет опять тех же скифов, искавших защиты у Аллиата против Киаксара (1, 73). Обе державы располагали почти равными силами и средствами, а потому борьба длилась целых пять лет с переменным успехом. Наконец, на шестом году, во время сражения произошло солнечное затмение, предсказанное Фалетом Милетским. На сражающихся напал суеверный страх, и они прекратили битву, а затем был заключен мир при посредстве Свеннесия, царя Киликии, и «Лабинета» вавилонского. Этот интересный рассказ Геродота, любопытный по легко установимой дате события (солнечное затмение, видимое в М. Азии в нач. VI в., по вычислению Цеха, — 28 мая 585 г.) и первому свидетельству о греческой науке, имеет вполне правдоподобный вид и, вероятно, заимствован из лидийских летописей. Интересен он и для истории дипломатии. Вмешательство царей указывает, что политическому равновесию в Азии грозила опасность и что для постороннего наблюдателя становилась очевидной более или менее близкая победа Киаксара и распространение Мидии до берегов Эгейского моря. Этого не мог допустить ни, пока что, союзник Мидии — вавилонский царь, ни потомок хеттов, каким-то чудом уцелевший от ассириян и скифов — киликийский. Последнему торжество Киаксара прямо грозило поглощением. Таким образом был, при их содействии, заключен мир и даже союз, скрепленный браком Астиага, сына Киаксара, с дочерью Аллиата Ариэной. Само собою разумеется, что вавилонский царь, которого имеет в виду Гародот, — Навуходоносор, а не Набонид («Лабинет»). Имя Навуходоносора почему-то везде Геродот заменяет другими.

В этом же 585 г. умер Киаксар, названный у Эсхила «основателем владычества над Азией». Какого характера было это владычество и как была организована мидийская держава, нам неизвестно, но есть полная вероятность допустить, что она мало чем отличалась от Ассирии и едва ли была шагом вперед в смысле государственности. Упоминаемые в абухаббском цилиндре Набонида цари, помощники мидийского царя, могут говорить в пользу того, что у последнего были вассалы, как и у ассирийских. Косвенно подтверждает это и Бехистунская надпись, рассказывая о самозванцах у эламитян и сагартиев и прибавляя, что эти претенденты объявляли себя потомками туземных династий, вероятно, прекративших свое существование лишь при персидском господстве.

Сын Киаксара А с т и а г (585—550) был последним царем Мидии, и его трагический конец, сделавшись объектом легенд, в то же время соединил с его именем представление о восточном деспоте, со всеми отрицательными его сторонами, доводящими государство до крушения. Особенно содействовали этому сообщения Геродота, основанные на рассказах Гарпагидов, недовольных царем. Действительно, Астиагу выпал несчастный жребий не сохранить царство, которое передал ему отец великим и могущественным, но насколько виновна в этом его личность, мы не можем судить, будучи лишены объективных данных. Несомненно лишь одно, что Астиаг продолжал воинственную политику отца, насколько это было возможно при тогдашней группировке держав. Будучи в дружбе и родстве с лидийским царем и видя могущество лидийского царства при Аллиате и Крезе, он решился направить свои попытки в другую сторону и присоединить к своему царству область, непосредственно примыкающую к Мидии — Ассирию и Месопотамию. Но здесь было неизбежно столкновение с Вавилоном, и пока жив был Навуходоносор, о войне не могло быть и речи. Союз был прочен и в силу родственных связей, кроме того и в виду взаимных выгод, как мидянам было рискованно начинать войну с великим Навуходоносором, так и для последнего вызывать чем-либо осложнения было несвоевременно: ряд погромов нанес такие удары Вавилону, что он не был готов к обороне, и было необходимо заняться приведением его, и вообще всего государства, в боевую готовность.

Эти работы были у Навуходоносора на первом плане. И вообще строительная

деятельность до того занимала его, что в оставленных им довольно многочисленных надписях он повествует почти исключительно о ней, едва вскользь упоминая о военных подвигах. Мы видели, что даже победа над фараоном упомянута им как отражение «чужого царя» от ливанских кедров, потребных для вавилонских построек. О постройках Навуходоносора знают и Берос и даже Геродот, вообще хуже осведомленный о вавилонских делах и приписывающий сооружения какой-то царице Нитокриде. Для Навуходоносора эти постройки были не только связаны со стратегическими соображениями, но и являлись результатом его стремления украсить и возвеличить Вавилон как столицу мира. Он сам говорит в одной из своих надписей: «с давних дней, до царствования Набупаласара, моего родителя, многие цари, мои предшественники, строили дворцы в других городах, которые они избирали; там они устраивали себе место жительства, собирали сокровища, складывали дары и только в день праздника Загмук (Нового года) являлись к выходу бога Мардука. Когда же Мардук призвал меня к царскому сану, а Набу, его истинный сын, поручил мне свой народ, возлюбил я, как свою драгоценную жизнь, сооружение их чертогов. Кроме Вавилона и Борсиппы у меня не было резиденции. В Вавилоне, который я ставлю выше всего, который я люблю, (я заложил) дворец — удивление людей, связь живущих».

Еще Набупаласар залечивал раны, нанесенные Вавилону Синахерибом и Ассурбанипалом, хотя у него не было для этого еще ни времени, ни достаточных средств. Он нашел стены разрушенными, каналы засыпанными, здания пришедшими в ветхость. И вот, он очищает центральный канал Арахту, мостит священную процессионную дорогу, главную улицу столицы, реставрирует обе стены кремля — Имгур-Бел («Бел милосердовал») и Нимитти-Бел («покой Бела»), работает над каналом в Сиппаре, строит дворец в Вавилоне в кремле, несколько южнее дворцов древних царей, воздвигает и реставрирует храмы. Он немедленно приступил к ремонту и украшению вавилонских святынь и с гордостью стал называть себя восстановителем Эсагилы и Эзиды. В своих надписях он и с внешней стороны выступает воскресителем славной старины, употребляя для них архаические формы клинописных знаков эпохи Хаммурапи. Зиккурат Эсагилы «Этеменанки» — «Дом основания неба и земли», разрушенный еще Синахерибом и недостроенный Асархаддоном, теперь был заложен снова «на груди преисподней, так, чтобы его вершина достигла неба». В торжественной процессии сам царь и его сыновья несли на головах позолоченные корзины с кирпичами для нового основания знаменитой башни, которую имел в виду дееписатель вавилонского столпотворения.

Такова была строительная деятельность основателя халдейской династии. Если принять в соображение войну за независимость и недостаток средств, то нельзя не удивиться разносторонности и интенсивности этой строительной горячки. Само собою разумеется, что многое было только начато, другое, по необходимости, сделано на скорую руку. Так, царский дворец был построен из необожженных кирпичей и недостаточно высоко, вследствие чего при первом большом разлитии Евфрата был разрушен. Поэтому Навуходоносору оставалось еще сделать очень много, но он находился уже в гораздо лучших условиях. Он получал дань, которая раньше шла в Ниневию, а потому не имел недостатка в рабочих руках и не должен был бороться за независимость. Его войны только увеличивали его материальные средства и доставляли вереницы пленных — даровых работников. Поэтому он оставил Вавилон совершенно обновленным, и современные немецкие раскопки обнаруживают почти исключительно его следы.

«Обновитель Эсагилы и Эзиды» — его постоянный, вполне заслуженный эпитет... Длинные надписи в Вади Брисса перечисляют его деяния по украшению и обогащению главных столичных святилищ. Надписи эти чрезвычайно интересны в архитектурном и культурном отношении. Здесь также упоминаются храмы, построенные или реставрированные, в других городах государства: в Сиппаре Дильбате и т. п. Процессионную улицу он окончил мостить и украсил ее с обеих сторон

стенками из эмалированных кирпичей с изображениями, плоскими или рельефными, идущих львов и надписями, белым по голубому фону. «Кроме обновления городов, храмов богов и богинь, возложил я руки, чтобы выстроить дворец для жилища моего величества в Вавилоне», повествует царь в Вади Брисса относительно сооружения дворца на месте временного, построенного Набупаласаром и пришедшего в негодность. Он выстроил его теперь из такого материала, что, несмотря на постоянные разрушения и расхищения для построек современного города Хилле, большая часть фундамента уцелела до сих пор, и немецкая экспедиция обнаружила значительную часть, особенно восточной половины, соединенной с западной коридором, и составила ее план. Платформа была поднята на 10 футов над почвенной водой, а стена, окружавшая весь комплекс помещений, была в несколько сажен толщиной; и она имела на себе облицовку из эмалированных кирпичей с пестрыми орнаментами. Не довольствуясь этим дворцом, занимавшим пространство более четырех десятин, царь застроил еще прилегающий с севера участок такой же величины, употребив на это, по уверению его надписи и Бероса, всего 15 дней. Открытая немецкими археологами тронная зала имела стены, украшенные цветной эмалью — пальметками и изображениями колонн. Наконец, на самом севере Вавилона он выстроил на высокой платформе дачный дворец, по мнению некоторых с знаменитыми «висячими садами». Берос говорит о них: «он устроил каменные возвышения, придав им вид гор, и засадил всякого рода деревьями, устроив таким образом так называемый висячий парк (κρεμαστὸς Παράδεισος), по той причине, что его жена, воспитанная в мидийских местностях, скучала по родной природе». Рассам нашел здесь, под холмом Бабиль, остатки сооружений для подъема воды на искусственные террасы. Впрочем, Кольдевей полагает, что висячие сады были разбиты на сводах, обнаруженных в северном углу городского дворца, у ворот Истар.

Не менее грандиозны были работы для укрепления Вавилона. Кроме ограждавших древний город Имгур-Бела и Нимитти-Бела, не было стен для защиты городских частей, возникших вне их. Навуходоносор выстроил стену к востоку от города в прямом направлении с севера на юг. Но город рос при нем слишком быстро; пришлось отступить еще далее к востоку и заключить город в тройную стену, шедшую под углом от Евфрата к северу, от дачного дворца до Евфрата, против Борсиппского канала. Стена была выстроена из кирпичей с асфальтом и была «вышиной с гору»; вдоль ее по ту сторону был выкопан ров со скатами, обложенными кирпичами с асфальтом. «Дабы бранная буря не разразилась над Имгур-Белом, стеной Вавилона», говорит царь, «я повелел защитить Вавилон с востока в расстоянии 4 000 локтей большой стеной»... Общая толщина всех трех стен, с засыпанным землей промежутком, доходит до 30 метров. Длина сев.-вост. стороны — около 4 400 локтей: приблизительно на каждые 44 локтя была башня. Далее, надпись в Вади Брисса и Ксенофонт говорят еще о сооружении так наз. Мидийской стены. От берега Евфрата у Вавилона до Киша, а затем от Сиппара доОписа, т. е. от Евфрата до Тигра, были насыпаны валы, обложенные кирпичами с асфальтом. Целью этой работы было, по словам Навуходоносора, «на расстоянии 20 двойных часов от города собрать воды, подобные волнам моря, вокруг города», т. е., по объяснению Винклера, в случае неприятельского нашествия, затопить всю окружающую местность, среди которой вавилонская область могла бы выдаваться, подобно острову. Так как Навуходоносор мог ждать в то время нашествия только с одной стороны — с Мидии, то ясно, что он не верил в постоянство хороших отношений с северным соседом и готовился к обороне. Устроенные им сооружения имели целью сделать Вавилон недоступным или, по крайней мере, на время задержать неприятельское войско.

Все эти работы, в связи с долголетним славным царствованием, еще раз доставившим Вавилону роль мировой столицы, сделали имя Навуходоносора особенно популярным и затмили имена его предшественников так же, как его постройки заставили забыть древних соорудителей вавилонских святынь.

Навуходоносору выпало на долю совершить расправу над Иерусалимом в то время, когда носители пророческих идей ждали торжества Израиля. Разрушение храма и «вавилонский плен», конечно, сообщили великому царю в предании иудеев, а затем и христиан, облик, с одной стороны, завоевателя по профессии, с другой — жестокого, надменного деспота, «царя неправедна и лукавнейша паче всея земли» (Дан. 3, 22). Навуходоносор — тип богоборца и гонителя не только в книге Даниила и в сказании Иудифи, но и в христианской агиографии. Но автор книги Даниила считает Навуходоносора достойным вразумления божия и заставляет его «хвалить и превозносить и славить царя небесного» (4, 34) и «исповедывать его пред всем народом своим» (3, 100). Мы уже видели, что Навуходоносор не был завоевателем по ремеслу и не дорожил военной славой, не был он и сумасбродным деспотом. Так, он не покарал Иехонию за преступления отца и долго надеялся уладить с иудеями, не доводя дела до окончательной катастрофы. Но и наказав Иерусалим, он все же испытывает последнее средство — назначает туземного правителя и старается водворить среди оставленных возможное благосостояние. И уведенных в плен он поставил в такие условия, что они могли многое заимствовать из вавилонской культуры, сорганизоваться в общину, жить своею национальною жизнью и даже надеяться на скорое избавление из плена. Что он не был влюбленным в себя, надменным богоборцем, доказывают оставленные им памятники его религиозного настроения — многочисленные молитвы, которыми он сопровождал свои надписи о постройках. Мы уже видели образец таких надписей в тексте, оставленном его отцом Набупаласаром — смирение и покорность воле божией, выражаемые там, могли бы послужить образцом для любого христианина. Навуходоносор в этом отношении не уступает своему отцу — и его надписи выражают подобные же чувства. Напр., при своем вступлении на престол он обращается с такой молитвой к Мардуку:

«Превечный владыка, вседержитель. Подай, чтобы имя царя, которого ты возлюбил, которого имя ты возвестил, преуспевало, согласно воле твоей. Направи его на путь истинный. Я — государь, покорный тебе, создание рук твоих. Ты сотворил меня и доверил мне власть над людьми. По милости твоей, господи, всех обнимающей, да будет твое высокое владычество милосердым. Страх пред божеством твоим вложи в сердце мое́. Подай мне то, что благоугодно тебе, ибо ты — создавший жизнь мою».

Здесь и высокое смирение, и достойное великого и благочестивого царя сознание ответственности своего звания, как доверенного богом, который один только и может помочь ему в его несении, руководствуя на правый путь. Навуходоносор и вообще последняя вавилонская династия — действительно благочестивые люди. Ни один царь не выстроил и не обновил столько храмов — до 40 святилищ перечисляется в его надписях; его преемники старались подражать ему в этом. Если в этом отношении халдейская династия совершенно не похожа на ассирийских царей, для которых главными заботами были дворцы и военная слава, то относительно теплоты религиозного чувства они вообще представляют новое явление, имеющее, правда, корни в прошлом (ср. Хаммурапи), но еще более объяснимое из духа этого времени, отмеченного углублением религиозности и в Иудее и в Египте.

По окончании работ в храме Шамаша в Сиппаре царь обратился к богу солнца со следующей молитвой, намекая на функции его как бога правосудия:

«Шамаш, великий владыка, вступая в твой лучезарный храм Э-барру в ликовании, воззри на мою драгоценную работу, и пусть уста твои изрекут мне милость. По твоему справедливому приговору да буду я награжден потомством. Даруй мне жизнь в долготу дней и утверди престол мой. Да будет царство мое (т. е. династия) долговечно до века, с жезлом правости, с мудрым правлением. Укрась во веки царство мое законным скипетром, благодетельным для людей. Огради мои войска на поле брани мощным оружием. О Шамаш, дай мне ответ, как судья, приговором и во сне. Твоим возвышенным и неотменяемым повелением да преуспевают мои изощренные

оружия и да повергнут они оружия врагов». Подобным же образом, по окончании дворца в Вавилоне, молился Навуходоносор Мардуку: «да существует по твоему повелению вечно дом, выстроенный мною, да насыщусь я его великолепием, да достигну в нем глубокой старости, имея многочисленное потомство, получая обильную подать от царей всех стран света, от всех людей. Да не будет у меня врагов от основания неба до высоты неба, от восхода солнца до запада, да не устоит никакой супостат мой. Да будут потомки мои во веки в нем управлять человечеством».

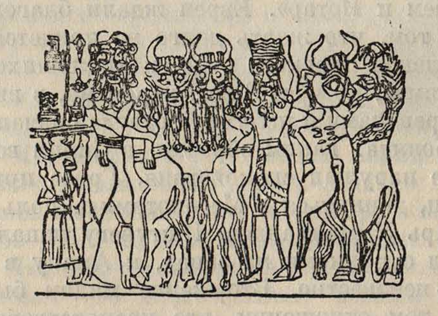
Этому желанию не суждено было исполниться. Едва умер Навуходоносор в 561 г., после 43-летнего царствования, как начались смуты, доказавшие очень скоро, что блеск халдейского царства был мишурой, и величие Вавилона держалось только личностью великого царя. За преобладание внутри боролись партии, извне стали угрожать враги. Навуходоносор был халдей, его отец — человек, выдвинутый военной партией, но он был личностью выдающейся; внешней славой он удовлетворил вавилонян, а постоянным храмоздательством и благочестием — жрецов. Сын его Эвиль-Меродах (Амель-Мардук) известен нам из библии (IV Ц. 25, 27—30) тем, что он «в год своего воцарения вывел Иехонию, царя иудейского, из темницы, беседовал с ним ласково и поставил престол его выше престола других царей, что у него в Вавилоне»... Таким образом, иудеи добились теоретической реставрации своего царства чрез какие-нибудь тайные пружины при дворе. Очевидно, новый царь был доступен посторонним влияниям, которые при отце его не могли добиться успеха, но сейчас же нашли осуществление своих планов после его смерти. Влияния эти во всяком случае не имели в виду интересов вавилонского царства и его прочности, а потому царь потерял кредит у националистов и жрецов, тем более, что о храмах он не заботился — по крайней мере нет следов его благочестивых работ. Жрец Берос сообщает о нем: «он правил беззаконно и надменно, а потому убит Нериглиссором, женатым на его сестре, после двухлетнего царствования». И Набонид в своей хронике говорит, что он «преступил завет» своего отца и деда. К сожалению, о закулисной стороне истории этого времени мы можем только догадываться; вероятно дело обстояло еще сложнее, чем говорят наши скудные источники. Например, Нериглиссор, вероятно, метил на престол уже давно. Еще при Навуходоносоре он занимает совершенно исключительное положение, упоминаясь в документах рядом с царем. Вероятно, тожественен с ним и упоминаемый у пророка Иеремии (39, 3, 13) генерал «раб-муги» Нергалшарецер. В своих надписях он упоминает своего отца Бел-шум-ишкуна и даже называет его один раз царем вавилонским. Достигши престола, Нериглиссор пошел по стопам Навуходоносора и все краткое время своего мирного царствования (559—555) провел в строительных работах в храмах, на каналах, во дворце и т. п. Надписи составлены в том же стиле, что и принадлежащие Навуходоносору. Перечисляет его благочестивые деяния и хроника Набонида. Он умер своею смертью, к сожалению, преждевременно, и малолетний сын его Лабаши-Мардук был убит «друзьями» чрез 9 месяцев, ибо, как говорит Берос, «проявлял во многих отношениях дурные наклонности», или, по словам Набонида, «не умел править и против воли богов сел на престол». Очевидно, юный царь стал проявлять самостоятельный характер, вопреки ожиданиям жрецов — «друзей» его отца; он «не умел править» в их духе, а потому был ими устранен. На престол возвели одного из участников заговора, не принадлежавшего к царской фамилии вавилонянина Набу-нахида (Набонида, 555—538), который сам таким образом повествует о своем воцарении: «меня ввели во дворец; все бросились мне в ноги, целовали их, приветствовали мое царство. По повелению Мардука, моего господина, возведен я на царство над страною. Они восклицали: «отец страны, нет ему подобного». Я — могучий посланник Навуходоносора и Нериглиссора, царей, бывших до меня. Их люди доверены мне, против их повелений я не буду погрешать, их духу я буду угождать. Эвиль-Меродаху и Лабаши-Мардуку (я не буду подражать), ибо они преступили их заветы». Недавно найденная Pognon близ Харрана клинообразная

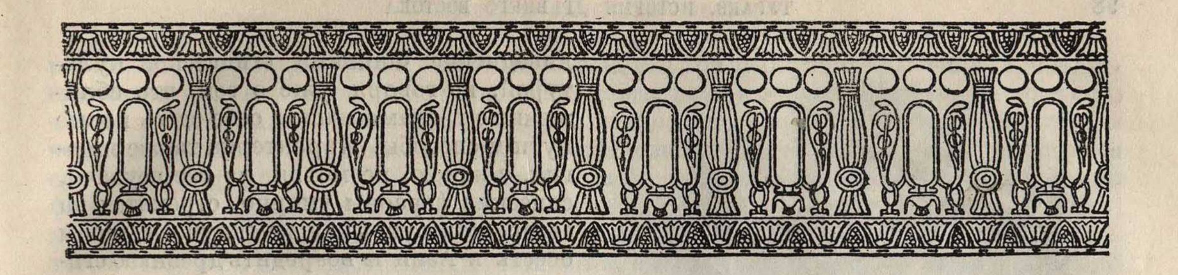
надпись дает надгробную автобиографию отца Набонида. В ней он называет себя достигшим возраста 104 лет от времен Ассурбанипала до 6-го года своего сына Набонида, называет себя жрецом Сина Харранского и упоминает различных ассирийских царей; говорит, что имя его (Набу-балатсуикби) было дано ему уже в царствование сына, вместо прежнего, вероятно, ассирийского. Langdon ставит это в связь с известием Ассурбанипала о назначении им в харранские первосвященники своего брата. Он думает, не был ли отец Набонида тожественен с ним или, по крайней мере, его преемником. И в последнем случае его родство с ассирийским царским домом весьма вероятно. При таких условиях, с одной стороны, понятно тяготение Набонида к Харрану, с другой — пред нами еще более запутанная картина происхождения и связей Набонида. Несомненно, что Набонид был человек с повышенным религиозным настроением и с большим литературным вкусом — его многочисленные длинные надписи стоят в этом отношении еще выше оставленных Навуходоносором. Винклер полагает, что на Набониде сошлись партии в грозную годину и что он должен был угрожать обеим, и потому оттолкнул обе и был обеими покинут. Трудно сказать, насколько это верно, но 17-летнее царствование Набонида доказало, что при более благоприятных внешних обстоятельствах он мог бы оказаться пригодным правителем, теперь же, в виду грозных врагов, он был неуместен. Он постоянно подчеркивает свое благоговение к Навуходоносору и даже получает от него откровения во снах, когда по поводу какого-то необычайного и грозного астрономического явления тот явился к нему на колеснице с жрецом и, кажется, удостоверил его законность, но он совершенно оказался не в состоянии, подобно великому предшественнику, оценить важность исторического момента и совершающихся событий.

Вавилонская империя, несмотря на отсутствие прочного правительства, еще держалась в полном своем объеме, и Набонид еще мог призывать на свои харранские постройки своих людей «от Газы на границе Египта, Верхнего моря по ту сторону Евфрата, до Нижнего моря — царей, князей, широко разбросанных людей, доверенных ему Сином, Шамашем и Истар». Евреи ждали благоприятного исхода своего дела, будучи уверены в том, что ждать долго не придется. Тиряне, после смерти Ваала, за отсутствием членов царского рода, находившихся в вавилонском плену, стали управляться «судьями», но чрез 8 лет, вероятно, в виду неудачи этого опыта, послали в Вавилон за царевичами и получили оттуда сначала Мервала, а чрез 4 года Хирома III, уже от Набонида. Таким образом, в Сирии все обстояло как следует; фараон Амасис также не нарушал спокойствия. Гроза пришла с другой стороны. Астиаг решился, наконец, двинуться в Месопотамию, пользуясь очевидно вавилонскими неурядицами. «Царь Умманмандов» Иштувегу напал на область священного Харрана. Набонид ходил с полками на запад, к Аману в Финикии. Доходило ли дело до столкновений — неизвестно. Вторжение мидян было особенно неприятно благочестивому царю в том отношении, что препятствовало ему исполнить свое намерение — реставрировать Эхульхуль, древний храм Сина в Харране. Набонид с особенною любовью рассказывает в своих надписях, как ему являлось во сне то или другое божество и повелевало начать работу в том или ином храме страны, как он, следуя ритуалу и обычаю, с усердием искал памятных цилиндров древних царей в фундаментах зданий, тщательно отмечал находки или тщетность поисков и т. п. Таким образом, накануне крушения Вавилона пред нами проходит в его текстах вереница имен древних царей, начиная с Саргона и Нарамсина, Дунги и Хаммурапи. И теперь «в начале моего вечного царствования боги послали мне сон: Мардук, великий господин, и Син, свет неба и земли, стояли по обе стороны. Мардук сказал мне: «Набонид, царь вавилонский, достав кирпичи, отстрой Эхульхуль и дай Сину, великому господину, поселиться там». Благоговейно сказал я Мардуку, владыке богов: «храм, на который ты указываешь мне, окружает Умманманда и многочисленные войска их». Мардук ответил мне: «Умманманды, о которых ты говоришь, больше не существует, ни его земли, ни царей, его помощников». В третьем

году они навели на его войну, и Кир, царь Аншана, его (Мардука?) юный слуга, рассеял со своими немногочисленными силами полчища Умманмандов. Иштувегу, царя Умманмандов, взял он в плен и отправил в свою страну». Несчастный царь радовался такому неожиданному союзнику, облегчившему ему путь к харранским святыням.

Надписи: Die Inschriften Nebukadnezars II im Wâdi Brissa und am Nahr-el-Kelb. Herausgegeben. v. F. Weissbach. Lpz., 1900. Langdon, Die neubabylonischen Königsinschriften; Vorderasiatische Bibliothek. Lpz., 1901. Вавилонские *постройки:* Koldewey, Die Pflastersteine in Babylon. Lpz., 1901. R. Koldewey, Das wieder erstehende Babylon. Die bisherigen Ergebnisse der deutschen Ausgrabungen. 3 Aufl. Leipz., 1914. Billerbeck, Nebuchadnezzars Befestigungen. Mitteil. Vorderasiat. Gesellschaft III. *Лидия:* v. Oelfers, Ueber die lydischen Koenigsgräber. Abhandl. Берл. акад., 1858. Choisy, Notes sur les tombeaux lydiens de Sardes. Rev. Arch. XXXII. Gelzer, Das Zeitalter des Gyges. Rhein.Museum, XXX. Schubert, Geschichte der Könige von Lydien. Breslau, 1884. Radet, La Lydie et le monde grec au temps des Mermnades, 1893. Perrot-Chipiez, Histoire de l'art V. 1890. *Статьи:* Winckler, Zur Medischen und altpersischen Geschichte. Untersuch. zur altorient. Geschichte. Zur inneren Politik. Altorient. Forschungen II. Alt, Psammetich II in Palästina. Zeitschrift f. alttestamentl. Wissenschaft 30 (1910). Ed. Meyer, Untersuchungen... über Nebukadnezars Befestigungsanlagen Sitzungsber. Preus. Akad., 1912, считает водный бассейн сооруженным не столько для военных, сколько для ирригационных целей.





ЕГИПЕТ В САИССКУЮ ЭПОХУ

Энергичные владетели Саиса, боровшиеся с половины VIII века за престол фараонов с эфиопами, балансировавшие между ними, мелкими династами и ассирийскими завоевателями и временно достигавшие цели, в лице Псаметиха I начали XXVI династию и открыли новый период истории Египта, называемый в науке временем реставрации или египетского возрождения, периодом последнего, предсмертного блеска.

При исключительно трудных условиях пробивала себе путь к власти и к объединению страны эта династия: на севере была великая завоевательная держава Асархаддона и Ассурбанипала, борьба с которой была невозможна; с юга на роль объединителей претендовали фараоны единокультурного и единоверного царства, считавшие себя более законными и богоугодными носителями египетских начал и имевшие в жреческих кругах, и отчасти в народе, многих приверженцев. Если принять в соображение общий упадок Египта, обнаружившийся к этому времени и вследствие естественной дряхлости трехтысячелетнего государства, и в виду смут, потрясавших его уже несколько поколений, то нельзя не признать, что задача саисских фараонов была не легче освободителей XVII—XVIII дин., и много труднее, чем у основателей Среднего царства. Только братоубийственная война с Шамашшумукином, ослабление Ассирии и отдаленность Эфиопии сделали возможным ее благоприятное разрешение, и Псаметих считает свое царствование со смерти Тахарки, хотя в то время (664) Фивы находились еще во власти Тануатамона и признавали власть последнего по крайней мере 8 лет; по Геродоту Псаметиху пришлось бежать в Сирию от «Эфиопа», убившего его отца Нехао, конечно, не «Сабакона», а Тануатамона. Теперь бывший ассирийский вассал и даже переименованный Ассурбанипалом в Набушезибани, свергнув ассирийское иго при содействии Лидии и греческих наемников, выступает против Тануатамона (у Полиэна против Теменфа); пользуясь теми же карийскими наемниками, побеждает его и довершает дело своих предков. Опять появляется цельный Египет, способный играть активную роль в политике, и этот факт произвел как на туземцев, так и на иностранцев большое впечатление, обусловившее создание легенд, каковы геродотова додекархия (между прочим, в связи с толкованием имени Псаметиха — «человек сосуда»), венский демотический папирус и т. д.

О дальнейших отношениях Псаметиха и его преемников к Азии и о попытках возродить там египетскую власть мы говорили. Они имели лишь временный успех, хотя несколько лет фараон и мог гордиться своими угодьями на Ливане и владычеством на Кипре. Последнее было даже совершенной новостью в египетской истории. Но если на этой почве борьба с Навуходоносором и оказалась сверх силы, все же положительным результатом ее было создание флота на Средиземном море, а также

Скульптурная голова царя Саисской эпохи.

наводнение Финикии египетской культурой, не говоря уже о том, что сближение с греками нашло себе здесь новые пути и способы. Характерна также энергия, с какою, несмотря на все неудачи, саисские фараоны упорно стремятся на север, пользуясь каждым случаем, чтобы осесть в Азии и возродить древнюю египетскую империю.

Одновременно с Сирией, объектом империалистической политики фараонов всегда бывали Нубия и Пунт. И в этом отношении саисские фараоны старались не отставать от Яхмосидов и Рамессидов, хотя и здесь их положение было гораздо труднее: против них стояли не мелкие полудикие племена, а организованное Напатское царство, само еще недавно не раз покорявшее Египет. Мы не знаем ничего о столкновениях с этим царством, но до нас дошли некоторые сведения о попытках фараонов пробраться в Нубию. При Псаметихе I мы знаем только о мирных сношениях. Так, в храме Мут в Фивах было найдено пять каменных плит с изображением кораблей, спускающихся из Нубии в Фивы и нагруженных продуктами Нубии: золотом, быками, пальмовыми орехами и др.; во главе одного из них стоит известный нам современник Псаметиха I, «начальник кораблей» Самтауи Тефнахт. Макс Мюллер недавно нашел на первом дворе Карнака надпись, весьма попорченную и мало понятную, в которой говорится о проникновении войск Псаметиха II (594—589); определенно говорят и Геродот (II,161) и Аристей. К этому походу относятся знаменитые надписи греческих, финикийских и др. наемников, начертанные в Абусимбеле на ногах сидящих колоссов Рамсеса II и принадлежащие к числу древнейших памятников греческой и финикийской эпиграфики. Одна из греческих надписей гласит: «когда царь Псаметих прибыл в Элефантину, люди, бывшие с Псаметихом, сыном Феокла, написали это. Они поднялись выше Керкиса до места, где перестает река. Потасимто командовал наемниками, Амасис — египтянами» (далее следуют подписи солдат: один из них, между прочим, говорит, что это был первый поход Псаметиха). Таким образом, экспедиция проникла до 2-го катаракта («где река перестает»). То обстоятельство, что во главе стоит, между прочим, грек, уже носящий имя Псаметиха, также заставляет относить экспедицию к Псаметиху II. Были ли встречи с войсками напатских фараонов и удалось ли саисским удержать в своих руках область «до Керкиса»—мы не знаем; нельзя доказать также мнения Брестеда, будто этот поход заставил напатских фараонов перенести резиденцию в более далекое Мероэ. На продолжение операций в Нубии в последующее время намекает надпись генерала Яхмоса, вероятно, современника одноименного царя. Он говорит, что «исполнял волю фараона» в Нубии. Возможно, впрочем, что он тожественен с Амасисом абу-симбельских надписей.

О сношениях с Пунтом нельзя сказать ничего определенного кроме того, что старинный путь в него пригодился для более грандиозного предприятия, сведениями о котором мы обязаны Геродоту. Он сообщает, что Нехао производил колоссальные

работы по соединению Нила с Чермным морем, что при этих работах погибло 120 тысяч египтян и что они были приостановлены, когда царю сообщили изречение оракула, что он работает для азиата (т. е. Дария). Конечно, цифра невероятно преувеличена, а причина прекращения работ придумана позднее. Еще интереснее другое сообщение Геродота (IV, 42) о предпринятом по приказанию этого царя путешествии финикиян (т. е. финикийских матросов египетского флота) вокруг Африки, продолжавшемся три года и окончившемся успешно, но не имевшем практических результатов. Несмотря на многочисленные сомнения, высказывавшиеся с древности вплоть до нашего времени, большинство ученых принимает это известие (особенно характерно, чему Геродот не верит, что финикияне «имели солнце с правой стороны», т. е., обогнув незаметно юг, увидали, что восток направо) и полагает, что предприятие имело целью создать конкуренцию греческой торговле, захватившей Средиземное море, а может быть и проникнуть в богатые страны дальнего запада, открытые карфагенянами. Само собою разумеется, что первая часть пути была совершена по старой, проторенной дороге в Пунт.

Наконец, еще одна область египетской культуры, лежащая вне собственного Египта, — оазы Ливийской пустыни также входили в состав государства; по крайней мере, в самом ближайшем из них, Бахриэ («Северном»), лейпцигская экспедиция обнаружила два небольших храмика, построенные местными князьями: Уах-аб-ра (Априс) и Джед-Хонс-иуфонхом в царствование — один — Априса, другой — Амасиса.

Таким образом, оазы удержали своих князей. В собственном же Египте были произведены внутренние реформы в интересах централизации. Городские наследственные князья и мелкие царьки заменяются царскими чиновниками, причем восстановляется древнее административное деление на номы. Верхний Египет, начинавшийся теперь к югу от Ермополя, управлялся «начальником Юга», как некогда при VI династии. До нас дошло несколько памятников от царских номархов; мы видим их и в Ираклеополе, и в Фарбейте, и в Эдфу, и в Бехбейте (повидимому, княжество в этом городе, родине династии, было почетным титулом — оно встречается часто). Интересная статуя одного из них, современника Псаметиха I, Неснауиоу находится в Берлинском музее и имеет на себе надпись с перечислением девяти областей, полученных одна за другой в управление этим чиновником. В Фивах теперь были самые запутанные условия. Еще со времени XXIII дин. древний град Амона превратился в духовный лен, управляемый жрицей, заключавшей свои имена в царские овалы и носившей титулы: «супруги бога», «служительницы бога», «руки бога». При ней состоял огромный штат чиновников,

Голова статуи начальника царских работ Псаметих-Нейт. Саисская эпоха.

и значительные владения ее были разбросаны по всему Египту. На ряду с ней мы встречаем при XXIV и XXV дин. и настоящих фиванских номархов: Несупта и его сына Монтуемхета; последнего Ассурбанипал даже называет царем Фив. Он носил тоже жреческий титул: был 4-м жрецом Амона, тем не менее титуловался «верховным жрецом всех богов юга и севера», оставляя в тени «первого жреца Амона». Таким образом, Псаметиху пришлось считаться с этими силами. Монтуемхета и его преемника (может быть, младшего сына) Петигора мы потом встречаем и при нем в качестве «князей Фив, начальников юга»; очевидно, они подчинились саисскому объединителю. Что же касается «супруги бога», то относительно ее ему пришлось прибегнуть к приему, испытанному еще Пианхи, который заставил тогдашнюю «супругу бога», дочь Осоркона III Шепенопет, удочерить его сестру Аменердис. Теперь «супругой бога» была Шепенопет II, дочь Тахарки, удочеренная, в свою очередь, упомянутой Аменердис. Таким образом эти царицы, не имея естественного потомства, были принуждены делаться игрушкой в руках борющихся сил и отдавать свое влияние победителю, удочеряя его царевен. Псаметих должен был, конечно, следовать примеру своих предшественников и заставить Шепенопет II удочерить его дочь Нейтикерт (Нитокрис). Это произошло уже в 9-м году его царствования (654), и по этому поводу составлена длинная интересная надпись, описывающая торжество:

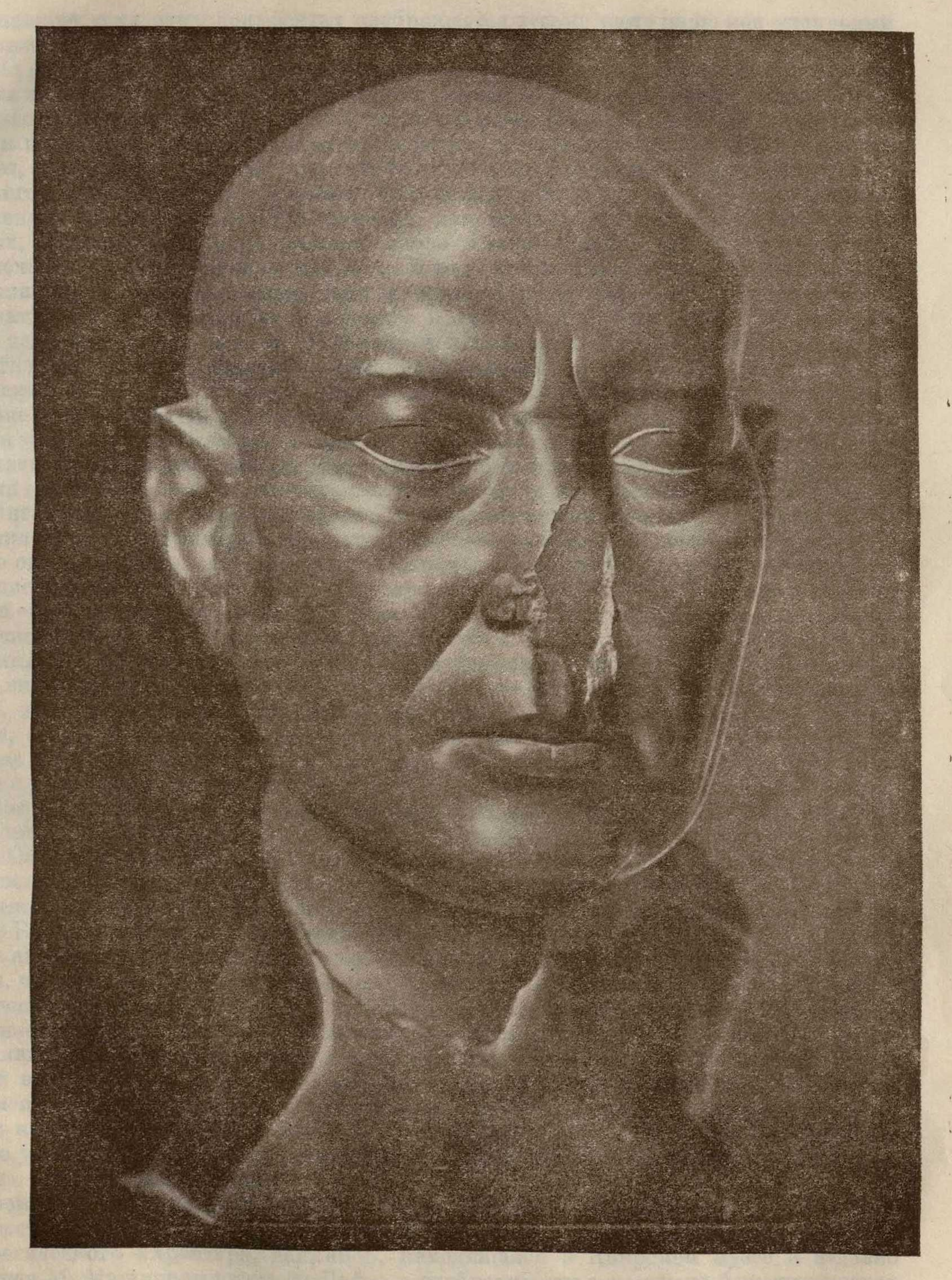
«Год 9-й, первый месяц, 28-й день. Выход из дворца его старшей дочери, облаченной в виссон, украшенной малахитом заново. Слуги ее с нею в большом количестве. Свита исправляла путь. Принят путь прекрасный к пристани, чтобы направиться к югу, в Фивы. Корабли с нею в большом количестве; матросы — силачи. Нагружены корабли всякими хорошими вещами дворца. Офицер, приставленный сюда — единственный семер, ираклеопольский номарх, великий начальник солдат, начальник пристани Самтауитефнахт. Вестники плыли к югу, чтобы улучшить приношения пред нею. Все номархи — над своими приношениями, снабженные всякими прекрасными вещами: хлебом, пивом, быками, гусями, финиками, травой, всякими хорошими вещами. Один передавал ее другому, пока не прибыла она в Фивы.

Год 9-й, месяц 2-й, 14-го. Причаливание к городу Фив, граду богов. Принятие ее туда. Нашла она Фивы в виде толпы мужчин и депутаций женщин, стоявших с восклицаниями при ее приближении, окружая (ее) быками, гусями, дарами великими, обильными числом. Говорят они, восклицают они: «идет царевна Нейтикерт к дому Амона, чтобы он принял ее и был доволен ею. Идет царевна Шепенопет в Карнак, чтобы боги, находящиеся в нем, почтили ее. Непоколебимы и прочны все памятники царя Псаметиха, живущего вечно во веки веков. Принял Амон, владыка неба, царь богов, то, что сделал для него сын его Гор, великий сердцем».

Затем приблизилась она к царице Шепенопет. Та взглянула на нее, и была ею довольна. Полюбила она ее более всего. Поручила ей имущество, которое поручили ей отец и мать и ее великой дочери Аменердис».

Инвентарь этого имущества приводится целиком в надписи; в нем перечислены владения «супруги бога» в различных частях Египта, ее доходы от пожертвований фиванского номарха Монтуемхета, его сына Несупта, его жены, первого жреца Амона, третьего жреца Амона, фараона и различных египетских храмов. Когда Нейтикерт, в свою очередь, достигла старости, она должна была удочерить дочь Псаметиха I Анхнес-нофер-иебра, о чем у нас также имеется обстоятельная надпись. В ней она титулуется, между прочим, даже как «верховный жрец Амона». Ей пришлось пережить персидское завоевание и едва ли не быть последней носительницей странного титула.

Номархи — чиновники, кажется, теперь имели большие права и обладали большим достатком. Их гробницы нередко поражают роскошью, саркофаги — сложностью и тщательностью отделки, дороговизной материала. Они непосредственно строят храмы и ставят свои статуи, что, повидимому, теперь вообще перестает быть безусловной привилегией фараона; до нас дошло много документов частных лиц, жертвовавших богам поземельные участки и сооружавших священные здания. Конечно,



Портрет неизвестного жреца. Скульптура саисской эпохи.

традиционно, и на этих документах изображается весьма часто царь, как идеальный правоспособный жертвователь.

На ряду с номархами Египта этого времени нам известно достаточное количество других чиновников. Есть у нас несколько визирей, немало придворных и т. п. Совместительство практиковалось в самых широких размерах: одно и то же лицо могло быть и верховным жрецом, и адмиралом флота, и начальником врачей. Должности и чины, повидимому, смешивались. Любили возрождать старые чины древнего мемфисского двора. Приводим, например, титулатуру одного доверенного лица Априса, посланного им, как некогда Схотепиебра, для ревизии абидосского храма: «князь номарх, единственный друг, министр двора, главный врач, заведующий казной, вельможа залы, почитаемый во дворце»... В виду военного характера эпохи, большое внимание обращалось на армию, флот и охрану страны. На ряду с ливийскими наемниками теперь появляются карийские, ионийские и вообще греческие, финикийские, даже иудейские и т. п. У Мемфиса появляются «лагери» греков и тирян; в Дафнэ на сев.-вост. границе — военное поселение греков из Кипра, на запад на ливийской границе, в Марее, также был значительный форт, равно как и в Эл фантине стоял гарнизон для защиты юга. Нередко встречаются упоминания о «врата юга» и «двух вратах» севера, о «вратах Средиземного моря» и о начальниках их — комендантах крепостей или номархах прилегающих областей. Встречаются также должности «начальников юга», «начальников северных стран», «начальников греков».

Интересна с этой стороны надпись элефантинского коменданта Несугора, современника Априса. Он говорит, что «его величество поставил его на важную должность своего старшего сына, губернатора врат южных стран, чтобы отражать племена, восстающие против него. Когда он распространяет страх перед ним на юге, все скрываются в своих долинах от ужаса»... Таким образом, Несугор приводит на память древнего «царевича Куша» в титуле наместника Нубии. Возможно, что ему подчинен был и южный оаз, по крайней мере в надписи он упоминает, что снабжал храмы местных богов вином из него. Полная титулатура Несугора напоминала древность: «номарх, князь, хранитель печати, единственный семер, великий в должности, высокий в чине, стоящий во главе народа, губернатор врат южных стран». Во Флоренции и Париже есть статуи другого «губернатора южных стран и начальника врат юга», также с титулами номарха, но кроме того «начальника храмов богини Нейт» — чрезвычайно важным жреческим титулом этого времени. Имя его — Уахабра (Априс); вероятно, он был современником Амасиса. Совмещал ли он фактически свой, связанный с Саисом жреческий титул, или он отправлял соединенные с ним обязанности до или после назначения на юг, или, наконец, одно из важных наименований было простым титулом и чином — мы не знаем. Интересно также частое упоминание о генералах. В Берлинском музее есть богатый каменный гроб одного из них, Петисе, бывшего родом из номархов, именовавшего себя «первым великим военачальником его величества, правителем Верхнего и Нижнего Египта, вельможей, главой людей» и жрецом различных святилищ. Возможно, что обилие чиновников с титулатурой номархов объясняется как архаизмом, так и тем, что многие потомки князей «додекархии» получили право сохранить номинально свое княжеское звание. Что касается двух частей войска в это время, называемых Геродотом ермотибиями и каласириями, и размещенных — первые на севере в количестве 160 тысяч, вторые на юге (250 тыс.), то два корпуса египетской армии существовали уже давно. Ермотибии — первоначально кавалерия (ермехтове); каласирии — нубийское слово, которое значит «молодцы» — нубийская пехота.

Наемники, конечно, приносили с собою и свои верования и культы. Нам известно о существовании храмов финикийских и эллинских божеств, дошли изображения синкретического характера, например, находящаяся в Каирском музее и недавно изданная М. Мюллером плита из Дафнэ с изображением азиатского божества светил на льве, с совершающим пред ним обряд жрецом. Конечно, эти инородцы поддава-

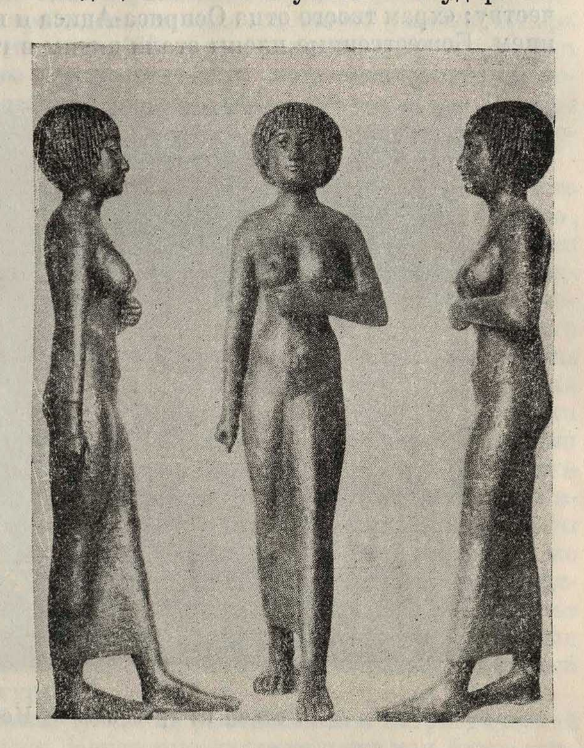
лись египетскому влиянию — уже это изображение достаточно обнаруживает его. Но влияние шло и дальше: иностранцы начинали принимать египетские культы, частью сопоставляя их со своими, частью непосредственно. Финикияне не хуже египтян ходили молиться в Абидос и оставляли там свои надписи; пред плаванием нередко посвящали египетским богам вотивные статуэтки с финикийскими надписями и т. п. О том, как относились греки к египетской религии, достаточно видно из Геродота.

Содержание большой армии и флота, составляя едва ли не главную заботу фараонов саисской династии, требовало огромных затрат. Для страны, разоренной вековыми смутами, они конечно были тяжелы, и отсюда стремления отыскать источники доходов, что было одной из причин, заставивших Амасиса наложить руку на храмовые доходы и тем обусловить себе у жрецов плохую память, а своей династии гибель.

Этот беглый обзор саисского государства может заставить думать об этой эпохе как о наиболее космополитической в египетской истории, о такой, когда, по вкоренившимся представлениям, Нильская долина якобы впервые была открыта для иностранцев, чтобы быть народненной и перерожденной ими, когда фараоны не могли ни в чем обойтись без греков и семитов, когда они едва ли не превзошли лидийских царей в филэллинстве, жертвуя доспехи в греческие храмы, вопрошая греческие прорицалища, строя греческие колонии, принимая депутации по поводу олимпийских игр и, в свою очередь, давая грекам материал для подражания, доходившего до распространения в Элладе египетских имен. Однако мы глубоко ошибемся, если будем считать эту эпоху космополитической или недостаточно национальной. Редко в истории можно встретить более поразительный пример несоответствия идеалов с действительностью, чем в данную эпоху. Она была прежде всего реакцией против космополитического направления Нового царства, наиболее ярко выразившегося в эпоху Телль-Амарны, а затем при Рамессидах. Крах, последовавший за мишурным блеском империи последних, заставил египтян обратиться к своей истории и разобраться в ней так же, как это пришлось сделать иудеям. Излишнее внимание, уделявшееся Азии и Европе (Микенам), их искусству, семитическим языкам и религиям, космополитические идеи в представлении о божестве — все потеряло кредит, было признано греховным и непатриотичным, может быть, даже обусловившим подчинение этой же Азии в лице Ассирии. Египет времен империи был бесповоротно осужден. Пришлось взойти дальше, к той эпохе, когда Египет был ближе к богам, к тому времени, о котором красноречиво говорили древние тексты, как о поре сверхестественных откровений, и видимые свидетели его — пирамиды Древнего царства, область которых — Нижний Египет опять сделался местопребыванием династии. Итак, вместо Рамсеса идеалом является Хеопс и его время. Усердно справляется культ древних царей, ремонтируются их пирамиды и уцелевшие от их эпохи здания. Стараются редактировать официальные тексты архаическим, едва ли понятным для многих языком, тщательно изгоняя иностранные слова. Возрождаются забытые чины и должности; надписи этого времени, даже у частных лиц, с первого взгляда можно принять за произведения Древнего царства. На ряду с этим все больше и больше замечается укоренение семейных традиций и интерес к генеалогиям, мало-по-малу приведший к условиям, которые Геродоту показались кастами. Так, один жрец на памятной доске (Берл. муз.) перечисляет 17 поколений своих предков, также бывших жрецами Амона; некий архитектор Хнумабра оставил в Хаммамате надпись с перечислением 22 предков, также бывших архитекторами; среди надгробных надписей есть много с перечислением отдаленных предков, «занимавших ту же должность» и т. п. Национальная и религиозная исключительность шла рука об руку с семейной и профессиональной, и египтяне не замечали, что Древнее царство было чуждо последней.

Само собою разумеется, что архаистический ригоризм в высокой степени коснулся религии. Семитические и вообще иностранные божества были изгнаны из пантеона. Древние, давно забытые тексты пирамид снова всплывают на поверхность,

появляясь на саркофагах и папирусах. Фиванский новый бог Амон, бог Нового царства, отходит на задний план и продолжает царствовать, кроме Фив, в оазе и далекой Нубии; Дельта, сделавшаяся теперь главной областью, вспоминает своих древних богов — Осириса, Ра илиопольского, Пта мемфисского и, в особенности, богиню столицы и покровительницу династии — Нейт саисскую. Эта богиня неба, имевшая некогда военный характер и фетиш в виде щита с перекрещивающимися стрелами, теперь получает глубокое, космогоническое значение. Она всегда изображается в человеческом виде (в древности часто в виде своего фетиша), в короне Нижнего Египта; ее храм в Саисе делается религиозным и умственным центром страны; жрецы ее составляют богословскую школу, занимаются медициной и пользуются в государстве огромным влиянием, занимая видные должности, не только духовные, но и придворные и военные. О своей богине они говорили, что она «великая, мать всех богов, родившая Ра первородно, когда еще не было рождений». К этому греки, сопоставлявшие ее с Афиной, прибавляли, что в ее храме была надпись: «я — сущее, грядущее и бывшее; моего покрывала никто не открывал; плод, рожденный мною, — солнце». В честь ее справлялись мистерии, доступные только для посвященных, которым открыто «величие Саиса, града всех богов», «величие Нейт, величие храма Нейт и величие обители Нейт — неба».



Бронзовая статуэтка Такушит. Саисская эпоха.

Несмотря, однако, на высокие умозрения, клонившиеся к углублению религиозных представлений, последние в народных массах развивались не в глубину, а в количественном отношении, пополняясь новыми божествами, новыми предметами культа, новыми формами богопочитания и суеверия. Тот самый Пта, с именем которого соединялись богословские умозрения, получил в нашу эпоху сына в виде обожествленного древнего мудреца, советника царя III династии Джосера, Имхотепа, бывшего архитектором и автором древних писаний. Его слава, как мудреца, всегда жила в народе; его изречения постоянно цитировались, и на его гробнице в мемфисском некрополе справлялся его заупокойный культ. Теперь его канонизуют, объявляя, что сам Пта родил его от его матери Хротионх, и что он — бог медицины. Появляются его идольчики: он изображается в виде жреца, сидящего с папирусом в руках. Подобным же образом несколько позднее попали в полубоги: мемфисский жрец Джегор, отожествленный с богом Тотом, и знаменитый Аменофис, сын Паапия, мудрец, сподвижник Аменхотепа III, а также фиванский врач Ноферхотеп, объявленный одной из форм Хонса, как бог врачевания. Но египтянам этого времени было мало обожествлять людей. Внешнее благочестие делается весьма интенсивным и мелочным и доводит до крайности культ животных. Теперь уже чтут не один избранный экземпляр священного животного, а весь род; Египет начинает покрываться кладбищами кошек, обезьян, ибисов, кобчиков, которых бальзамируют, кладут в саркофаги или другие вместилища, сопровождая надписями и росписями, как на человеческих

гробах. Погребать животных считалось богоугодным делом. С этого именно времени и датируется та мелочность, которая поражала классических писателей и которой были чужды более древние времена. Что касается культа Аписа, подобия и воплощения Пта, то это время было для него особенно благоприятным, и ни от одной эпохи до нас не дошло столько текстов из усыпальниц аписов в Серапее, как от этой. Здесь и официальные надписи с указаниями, когда тот или другой Апис родился, сколько лет жил, из какого города происходит и т. п., и памятные доски многочисленных паломников, приходивших поклониться странному божеству. Для примера приведем один из официальных текстов:

«В год 52-й при величестве этого бога Псаметихе I, пришли сказать его величеству: «храм твоего отца Осириса-Аписа и все, что находится в нем, грозит разрушением. Божественные члены стали видны в гробнице, ветхость коснулась его гроба».

Рельеф из гробницы За-Нефера. Саисская эпоха.

Его величество распорядился обновить храм, чтобы он был прекраснее, чем прежний, и приказал, чтобы для бога было сделано все, как в день погребения. И все чиновники исполнили свои обязанности. Тело было бальзамировано благовонным маслом, повито пеленами из тончайшего полотна, саркофаги сделаны из лучшего дерева». Или при Нехао: «Год 16-й, 4-й месяц, 16-й день... День погребения этого бога. Этот бог доставлен в мире в некрополь, чтобы получить место в своем храме в западной пустыне Анхтауи, после того, как для него совершено все, что подобает в чистом доме издревле. Он родился в 53-м году, 6-й мес., 19-й день при его величестве Псаметихе I. Он принят в дом Пта в 54-м году, в 3-й мес., 12-й день. Он оставил жизнь в 16-м г., 2-й мес., 6-й д. Жизни его было 16 л. 7 м. 17 дней. Величество царя Верхнего и Нижнего Египта Нехао приготовил все саркофаги и все прекрасные вещи для этого почтенного бога. Он выстроил для него это место упокоения в некрополе из чистого аянского песчаника прекрасной работы. Ничего подобного не было изначала. Да будет ему дарована жизнь, непоколебимость, мир, здравие и веселие сердца, подобно Ра, во веки».

От фараонов не отставали в попечениях о культе и номархи, а затем и простые люди, стараясь чем можно выразить усердие к богам и их символам, строя храмы, жертвуя поземельные участки и давая вклады. Ни от одной эпохи до нас не дошло столько дарственных надписей с изображениями символических поднесений богам участков земли. Точно также ни от одной эпохи мы не имеем столько статуэток божеств и идольчиков из бронзы, пасты, камня и т. п. разных величин и художественных достоинств. Что касается погребального культа этого времени, то прежде всего обращают на себя внимание огромные каменные саркофаги, часто сплошь покрытые тонко исполненными надписями и изображениями, дающими почти целиком известную «Книгу о преисподней», как, напр., один берлинский саркофаг, на котором до 3000 изображений. Гробничный инвентарь сделался еще сложнее; ушебти теперь кладутся десятками и даже сотнями, а часто по 400 — для каждого дня года и для каждой недели. Книга Мертвых в это время получила свою окончательную редакцию, так сказать, каноническую; состояние текста ее доказывает, что даже жрецы того времени, несмотря на пристрастие к архаическому стилю, уже не понимали многого в древних литературных памятниках.

Искусство этого времени соответствует общему направлению эпохи, но вместе с тем обнаруживает замечательный подъем. Цари строили много, но, к сожалению, до нас сохранилось мало; во всяком случае, замечательные колоннады со сложными капителями птолемеевских храмов коренятся в саисской эпохе и представляют реакцию против архитектуры Рамессидов. Скульптура, взявшая за образец статуи Древнего царства, выработала особый стиль в трактовке голов из твердого темнозеленого камня; некоторые из них поражают изяществом и реализмом, равно как тонкие работы из камня и пасты, представляющие идольчики и фигурки. И здесь замечается реакция против фиванского искусства: в барельефах фигуры не нагромождаются друг на друга в виде силуэтов, а изображаются рядом. В этом отношении особенно характерно для данной эпохи появление на стенах гробниц знакомых нам из Древнего царства изображений полевых работ, сельских сцен и т. п. Это иногда простые копии эпохи пирамид (например, гробница некоего Аба у Фив, скопировавшего для себя барельефы с гробницы вельможи Древнего царства в Сиуте, носившего то же имя), но сейчас же выдающие свое саисское происхождение большим реализмом и отсутствием надписей. В храме у пирамиды царя V дин. Сахура в Абусире уже давно справлялся культ богини «Сохмет царя Сахура». Теперь прекрасные скульптуры этого храма служили образцами; на них учились, что доказывается нанесенными на барельефы сетками и гипсовыми слепками с больших фигур.

Таким образом, саисской эпохе не были чужды ни религиозный и патриотический подъем, ни энергия, ни культурный блеск. Некоторые явления даже как будто указывают на жизнеспособность нации и возможность дальнейшего развития, и мы, действительно, увидим еще не раз доказательства того, что Египет пока еще не изжил себя в культурном отношении. Но крупная политическая роль в настоящее время и соперничество с такими деятелями, как Навуходоносор, а потом Кир и Камбиз, были ему не по силам, и вмешательство в азиатскую политику только осложняло его внутренние условия, заставляя иметь дело с разношерстной наемнической армией. Что она поглощала значительную часть ресурсов страны, это мы уже видели; но у нас есть свидетельства и о том, что она не всегда была надежна. Геродот (2, 30) сообщает о бунте и дезертирстве в Эфиопию элефантинского гарнизона при Псаметихе I. Хотя его рассказ и невероятно преувеличивает цифры и повидимому искажает факты, но возможность явления прекрасно доказана более поздним и менее удачным его повторением, документально засвидетельствованным надписью известного нам коменданта Элефантины при Априсе — Несугора. Он составил свою интересную надпись в память своих усердных деяний по отношению к местным богам и в благодарность за то, что они «избавили его от бедствий от наемников ливийских (?), греческих, азиатских и вообще иностранцев, имевших в сердцах своих (бунт) и замысливших

уйти в Шас-херет». Он продолжает: «Его величество был в страхе вследствие зла, учиненного ими. Я не позволил им уйти в Нубию, но доставил их в резиденцию его величества, и он предал их наказанию». Но если на этот раз «страх» Априса был устранен благодаря Несугору, то следующий аналогичный факт, происшедший на западной границе и рассказанный Геродотом (2, 161 сл.), стоил ему трона. Всем известно повествование Геродота о вмешательстве Априса в ливийско-киренские дела, о бунте разбитых киренскими греками египетских войск, о посольстве Амасиса, которому против воли пришлось стать во главе бунта, о поражении, низложении, а затем и насильственной смерти Априса. Египетские источники дают возможность дать надлежащее освещение некоторым из этих рассказов, и еще раз доказывают, что у Геродота, на ряду с верным, многое не так понято, или заимствовано из предания, уже подвергшегося порче. Уже давно стали известны различные памятники, в которых Амасис, заключая свое имя в царский овал, все еще продолжал носить старые придворные титулы, сделав это даже на саркофаге своей матери. Этот саркофаг находится теперь в Стокгольмском музее, и из надписей на нем видно, что Амасис не был простолюдином, каким его выставляет Геродот, а чрез мать имел какое-то отношение к Апрису. Известна была печать с именами Априса и Амасиса вместе, а также сцена закладки храма в Мемфисе, где главную роль играет первый, а второй изображен в меньшем масштабе и позади. Наконец, в 1900 г. Дарესси издал интересную длинную надпись, найденную на Элефантине и датированную третьим годом Амасиса. К сожалению, она весьма плохо сохранилась и трудна для понимания; во всяком случае ясно, что дело идет о дальнейшей стадии отношений между двумя царями и об окончательном устранении Априса. Амасису доложили, что Априс (имя помещено в царский овал, но без титулов) наступает с флотом и бесчисленное множество греков наводняет Дельту. Царь созывает совет; решено немедленно выступить. «Все в строй». Амасис производит смотр пехоте и кавалерии, садится в боевую колесницу, направляется к Андрополю, где расположились враги. «Его величество сражался, как лев, он произвел резню среди них; число их неизвестно. Множество кораблей унесло их, падая в воду; их видели опускающимися, подобно рыбам». Однако эта победа не была окончательной. Чрез пять месяцев опять докладывают Амасису: «враги наводнили дороги: их тысячи; они блуждают повсюду». Произошла новая битва, и на этот раз Априс был убит, спасаясь на корабле. Надпись выражается об этом таким образом: «Царь увидел своего друга падающим... у воды. Он похоронил его сам, как (?) царя, ибо его величество решил забыть то, что мерзость пред богами. Он установил ему заупокойные дары в большом количестве». Таким образом, Амасис (сб. Яхмос II), дальний родственник династии, добился при Априсе высокого положения, доведшего его до положения второго царя с правом заключать имя в овал. Произошло ли это путем бунта или иначе, т. е. относится ли рассказ Геродота к этому возвышению, сказать трудно. Затем Априс, желая избавиться от его опеки, становится, как и у Геродота, во главе наемнической греческой армии и флота, но сначала терпит поражение, а потом и находит себе в битве смерть. Амасис называет убитого царя своим другом и, как и у Геродота, погребает по-царски.

Несмотря на то, что, по Геродоту, Амасиса возвело на трон недовольство филэллинской политикой Априса, 44-летнее царствование его (569—525) было временем наибольшего распространения по Египту греков и наиболее тесных связей с Элладой и Киреной. При Амасисе окончательно сорганизовался и настоящий греческий город на египетской территории — Навкратис, существовавший еще с VII века и выросший из незначительной фактории милетян, а теперь превратившийся в колонию девяти малоазиатских городов, с городским устройством и великолепными храмами, главный из которых Эллений представлял обширную площадь, окруженную стенами и могущую вместить до 50 тысяч человек. Права монополии Канопского русла и порто-франко, дарованные городу, привлекли в него огромное население, обусловили его расцвет и значение в средиземноморской торговле. У нового торгового центра, ко-

нечно, скоро наблюдались связи со всем греческим миром — даже на нашем юге постоянно находят египто-греческие скарабеи навкратийского типа; другие египетские вещи, находимые у нас вплоть до Киева, также, вероятно, обязаны своим появлением посредничеству Навкратиса.

Греческие симпатии, дошедшие до того, что одной из жен Амасиса была гречанка из Кирены, несмотря на обильные храмовые постройки, перечисленные Геродотом и частью засвидетельствованные памятниками, обусловили для Амасиса дурную репутацию у жрецов и правоверных египтян. К тому же он и по внешности не особенно считался с традициями и вел образ жизни, мало подходящий для фараона, особенно правоверной и архаистической саисской эпохи. Про царя стали слагаться различные сплетни, частью сообщаемые Геродотом (2, 174), частью рассказываемые в парижской демотической хронике. Он раньше был атаманом воров, потом, будучи царем, продолжал пьянствовать, предаваться грубым забавам и т. п. Демотическая хроника представляет его, между прочим, во время увеселительной прогулки по озеру, напившимся до потери сознания и заставляющим рассказывать себе эротические истории и т. п. Но у Геродота (2, 177) есть и следы предания, благосклонного к Амасису; говорится, что при нем Египет пользовался наибольшим благосостоянием, и что он был автором мудрого закона о контроле над средствами к существованию. Эти сведения, очевидно, обязаны происхождением греческому элементу. Правда, многочисленные постройки, особенно в Саисе и Мемфисе и вообще в Дельте, а также гробницы в Фивах, указывают на художественную высоту эпохи и на ресурсы, которыми располагали строители. Внешняя политика Амасиса сначала была направлена к поддержанию равновесия в Азии путем союзов против новой грозной силы — Персии; благодаря этому произошло примирение с прежним соперником — Вавилоном. Конец Лидии и Вавилона заставил уже думать о собственной безопасности и предчувствовать неотвратимую катастрофу. Агрессивная политика таким образом могла быть в это царствование направлена на море, благодаря хорошему состоянию египто-финикийского флота и отсутствию его у вавилонского царя; она увенчалась присоединением Кипра. Затем упоминается о походе Амасиса на арабов, наконец и стремление по линии наименьшего сопротивления на запад, но и здесь дело обошлось без войны, так как киренские греки, вмешав его в свои смуты, сами стали к нему в вассальные отношения.

Итак, «эпоха реставрации и египетского ренессанса» полна противоречий. В ней глубокий национализм и патриотизм опираются на греческие войска и финикийский флот, религиозная исключительность и дошедшее до последних пределов внешнее благочестие уживаются с филэллинством, высокие идеи — с ребяческим суеверием, художественность отделки — с пустотой содержания, внешний блеск — с внутренним упадком, привязанность к национальной культуре — с изменой туземной династии; широко захватывающие стремления и необычайная энергия тщетно ищут себе простора и разбиваются о внешние препятствия. Все это условия, мало обещавшие в будущем, которое сделалось грозным в виду появления новой завоевательной империи, поставившей на очередь покорение Нильской долины и даже всей культурной Африки.

Кроме *надписей*, переведенных и снабженных комментарием и указаниями на литературу в последней части указанного труда Breasted'а, см. еще: Piehl, Saitica. Aegypt. Zeitschrift XXXI—XXXII. Wiedemann, Die Saitische Monumente des Vaticans. Recueil de trav. VI (1885). Turajeff, Einige inedierte Saitica in russischen Sammlungen. Zeitschr. f. Aegypt. Sprache, 48 (1911). Между прочим статуя Несугора, вероятно тожественного с усмирителем бунта, но именующего себя «начальником врат моря». Тураев, Египетские заметки. Зап. клас. отд. Р. арх. общ. III. Остатки дворца Априса в Мемфисе найдены Fl. Petrie, 1909; Memphis II. The palace of Apries (British School XV). В 1896 Flinders Petrie нашел в Фивах некоторые надписи саисской эпохи, а также бронзовый шлем и железные орудия ассириян. См. Six tempels at Thebes.

L., 1899. Надписи Монтуемхета еще раз издал Wreszinski (Oriental. Literaturzeitung 1910), а все памятники, относящиеся к его фамилии, собирает Legrain в последних выпусках Recueil de travaux. *Исследования:* Mallet, Le culte de Neit à Sais, 1888. Les premiers établissements des Grecs en Egypte, 1893. Sethe, Imhotep, ein vergötterter Mensch, 1902 (Untersuchungen II 4). Тураев, Начальники греков. Журн. мин. нар. просв. 1901. Willi Müller, Die Umsegelung Africas durch phönizische Schiffer. Rathenow (1894). Все еще считает рассказ о плавании легендарным Webb в статье, помещенной в English Historical Review, 1907. О наделавшем много шума фальшивом скарабее с надписью об объезде Африки см. между прочим Erman, Der angebliche Bericht über die Umschiffung Africas Sitzungsber. Берл. акад., 1908. XXXIX. Touraieff, Les objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie meridionale. Revue Archeol. 1911. Тураев, Скарабеи с о. Березани. Известия археолог. комиссии 40. Статуэтка Имхотепа, найденная в Кубанской области. (Там же). Alt, Psametich II in Palestina und in Elephantine. Zeitschr. f. d. Alttestam. Wiss., 1910.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ПЕРСИДСКАЯ ЭПОХА

ПЕРСЫ. КИР. «ЦАРСТВО СТРАН»

Вопрос о первоначальной истории персов принадлежит к труднейшим в науке. Некоторые ученые, например, Раулинсон, Гоммель, Прашек, с большей или меньшей определенностью ставят персов в связь с сереро-иранской страной Парсуа, лежавшей к югу от оз. Урмии и упоминаемой в ассирийских текстах с IX века. При Саргоне это упоминание прекращается, с тем, чтобы в 691 г. появиться снова; в битве при Халулэ эламскому царю помогают: Парсуаш, Анзан, Эллипи. Прашек полагает, что здесь пред нами переселившиеся из страны Парсуа арийцы, перешедшие в Южный Иран и получившие имя по месту своего первого пребывания, причем имя это передано в форме эламского множ. числа. Переселение из Парсуа в позднейшую Персиду допускается некоторыми учеными. Запутан вопрос и об отношении персов к Эламу, особенно благодаря титулатуре Кира и его предков в вавилонских текстах.

Мы уже видели, что еще Набонид титуловал Кира царем Аншана, это же делали и вавилонские жрецы, составлявшие так наз. хронику Набонида и Кира. Сам Кир называл царями Аншана своих предков: «Я — Кир... сын Камбиза, великого царя, царя города Аншана, внук Кира, великого царя, царя города Аншана, потомок Шишписа, великого царя, царя города Аншана». Было время, когда это давало повод некоторым ученым указывать на эламскую область Аншан, упоминаемую в вавилонских текстах с древних времен, и объявлять Кира эламитом, не арийцем. В настоящее время эти теории опровергнуты; арийское и персидское происхождение признано за великим Ахеменидом, и остается только найти объяснение для титула. Винклер делал это просто и остроумно. Кир явился с востока, из государства, заменившего Элам, поэтому в официальной торжественной надписи он и именуется царем Аншана. И сам он ухватился за этот, освященный древностью термин, который сообщал ему в глазах вавилонян больше почтенности, да, кроме того, заключал в себе программу наступления на запад — ведь некогда цари Элама владели Вавилоном и даже Сирией. Нося титул царя Аншанэ, владыка новоявленной монархии делался наследником древних эламских царей со всеми традициями и другими выгодными последствиями этого наследства. Однако, дело осложняется тем, что трудно доказать употребительность понимания Аншана в общем смысле, как и вообще точно локализировать его, а также тем, что в хронике Набонида — Кира последний, после покорения Мидии, титулуется уже царем Персии (Parsa). Это обстоятельство дало некоторым повод прямо отожествлять Аншан с Персией, как якобы безразлично употребляемые,

другим — наоборот, указывать на различие этих терминов, считая упоминание в титулатуре персидских царей Аншана отражением более древней стадии развития их могущества, а титул царя Персии — следующей его ступенью. Вейссбах полагает, что из двух линий Ахеменидов предки Кира сидели в Аншане, а предки Дария до Кира — в Персии; Кир, подчинив себе Персию, лишил власти Гистаспа, отца Дария, и сам принял титул царя Персии, что отразилось в надписи Набонида. Наконец, современные Киру памятники искусства указывают на влияние в древнейшую пору Персидского царства эламской государственности и художества.

Кир — Ахеменид, род его в продолжение поколений до него царствовал в Персии, подготовляя ее к будущей великой роли. Но для потомков, свидетелей великого переворота, объединившего под его властью всю Азию и начавшего новый порядок вещей, это было слишком просто. Личность Кира стояла на рубеже двух эпох, она возвела на первую роль дотоле неизвестный народ, она была виновницей многих небывалых перемен в жизни азиатских народов. Поэтому она не могла не стать предметом легенд, целый цикл которых образовался относительно происхождения Кира. Всем известны легенды, сообщаемые у Геродота и Юстина, приводящие его в связь с последним мидийским царем и рассказывающие о нем сходное с тем, что повествуется о различных основателях династий или центральных личностях новых исторических эпох. Здесь налицо все мотивы. Рождению будущего великого человека предшествуют сновидения, затем он выбрасывается, спасается чудесным образом, воспитывается животными, наконец, несмотря на все препятствия, достигает того, что ему предназначено судьбой. Подобного рода легенды и мотивы свойственны всем индоевропейским народам (у персов еще сказания о Кайхосраве и Дарабе, у римлян о Ромуле и Реме, у греков — о Телефе, Амфионе, Персее, у германцев — о Вольфридитрихе, рыцаре-лебеде и др.), отчасти и семитическим (напр., о Саргоне древнем). Характерно также, что эти легенды перенесены самими персами с Кира на основателя династии Сасанидов Ардашира: он — сын пастуха из Персиды, величие его возвещено родителям сновидениями, изъясненными снотолкователями; в юности он приходит в Мидию, где исполняет рабские обязанности, потом бежит домой; по предвещанию астрологов он, не будучи до определенного срока пойман, сделается царем, что действительно и случается. Эта версия легенды весьма близка с сообщенной о Кире Ктесием, изложившим ее в форме, отличной от Геродота для полемики с ним. Но и сам Геродот не выдавал свою версию за единственную — он говорил, что существует еще четыре других. Его версия действительно была не только не единственной, но и не первоначальной, — он допустил рационализм (напр., превращение собаки, вскормившей Кира, как у Юстина и в аналогичных рассказах, в жену пастуха, по имени Кино или Спако), а также привнес из других источников подобные сказания (напр., роль Гарпага из преданий потомков этого деятеля в Малой Азии). Ктесиева версия весьма интересна, она дошла до нас чрез Николая Дамасского и, обнаруживая несомненные признаки большей первоначальности, является одной из немногих ценных страниц у Ктесия. Кир не имеет ничего общего с мидийской династией. Он — родом мард, его отец Атрадат по бедности разбойничает, мать Аргоста — пастушка. Сам он пришел в столицу и поселился у придворного служителя, который заставил его мести дворец. Затем он поднялся до должности виночерпия, был усыновлен влиятельным евнухом Артембаром, оставившим ему свое состояние, заслужил милость и доверие Астиага. Тогда он выписал своих родителей. Мать видит сон, подобный рассказанному у Геродота. Вавилонские толкователи предвещают Киру, на основании его, владычество над Азией. Астиаг посылает Кира против восставших кадусийцев, и Кир решается воспользоваться этим для того, чтобы поднять персов против Астиага и самому завладеть царством. В походе Кир встречает некоего Гобрия (Ойбара), отъявленного плута, который делается ближайшим его пособником и советником и, между прочим, предательски убивает вавилонского снотолкователя, боясь, чтобы он не донес Астиагу о сновидении. Восстание сначала идет неудачно — Астиаг имеет верх,

и победа при Пасаргадах одержана только благодаря вмешательству женщин. Астиаг попадает в плен. Кир чтит его, как отца, и женится на его дочери, а когда Гобрий, из политических соображений, устраняет его, то его тело стерегут в пустыне львы. Близость этой редакции к сказанию об Ардашире очевидна и убеждает в его туземном происхождении, но несомненна в нем и мидийская рука, унизившая Кира и персов и возвысившая Астиага. Последний осыпает Кира и его родных благодеяниями и доверяет им. Когда раненый отец Кира попадает во время восстания в плен, он не только не казнит его, но после смерти почетно погребает. Борется Астиаг храбро и не раз разбивает персов. Различные племена Ирана только потому подчиняются Киру, что тот чтит Астиага, как отца. Наконец, телу изменнически убитого последнего мидийского царя оказывают уважение даже дикие звери. С этой стороны ктесиев рассказ носит тенденцию, противоположную Геродоту. Последний восходит к гарпагидам, враждебным Астиагу.

Геродот и Ктесий называют войну персов с мидянами восстанием, успех которого (особенно по Геродоту) в значительной мере был обусловлен существованием в Мидии партии, недовольной Астиагом, и изменой. Если мы будем признавать вместе с Прашеком полную независимость персов, то должны будем видеть в этой войне результат пока сокрытого от нас процесса развития персидского народа, мощь которого искала выхода из тесных границ. Падение Мидии, кроме недовольства и измены, было облегчено и династическим кризисом: по обоим доступным нам источникам, у Астиага не было наследника-сына. Ктесий называет наследником его зятя Спитаму, который повидимому давал пищу недовольной партии и против которого как будто и действовали мидийские приверженцы Кира. Мидия пала не без борьбы; Ктесий даже говорит о наступлении и победах Астиага, Геродот, во всяком случае, об его храбрости, дошедшей до вооружения стариков. И вавилонские, единственные наши современные событиям документальные данные, косвенно подтверждают это. В приведенной нами выдержке из текста Набонида говорится, что в самом начале царствования последнего «Умманманды» завоевали Харранскую область. Таким образом, почти накануне краха государство ведет наступательную политику и проявляет полную жизнеспособность. Под третьим годом своего царствования, т. е. 553-2 г., Набонид говорит о войне, вспыхнувшей дома у Астиага, и о Кире; под этим же годом хроника в испорченном месте упоминает о походе царя на запад, к горе Аману и Средиземному морю. Походы начались еще с первого года, насколько можно судить по остаткам текста, но до столкновения, по крайней мере победоносного, с Астиагом дело не дошло. В первый год царь снарядил свое войско, во второй был отдых в области Хамата, в третий упоминается уже о каких-то битвах, кажется, в Сирии, во всяком случае не в Месопотамии; здесь же говорится о деревьях Амана, конечно, для многочисленных построек и реставраций Набонида. Наконец, под шестым годом читаем: «Он (Астиаг) собрал свое войско и пошел против Кира, царя Аншана, чтобы победить его. Но против Иштувегу взбунтовалось его войско и, взяв его в плен, выдало Киру. Кир пошел в Экбатану, его столицу. Серебро, золото, сокровища всякого рода страны Экбатаны они разграбили, и он унес это в Аншан»... К несчастью, перед этим потеряно около 19 строк, содержащих текст о 4 и 5-м годах и о предшествующих действиях Астиага. Но из этого остатка для нас ясно, что война с Киром длилась три года (до 550 г.) и окончилась в его пользу только благодаря измене, причем Астиаг находился в наступлении. Где разразилась последняя битва, и прав ли Ктесий, помещающий ее у самых Пасаргад, мы не осведомлены. Ктесий ссылается при этом на персидское предание, возводившее к Киру и к этой войне установление, чтобы каждый царь при каждом посещении Пасаргад давал всем женщинам города по золотой монете, якобы в вечную благодарность за то, что благодаря их вмешательству была одержана победа, решившая исход кампании и судьбу Персии. Такой обычай, кажется, действительно существовал, — говорят, что Александр Великий ему последовал, — но он мог иметь и другое происхождение. Плененный Астиаг содержался

в почете, по Ктесию, ему дали в управление область Парканию (может быть, Париканию). Из близких к нему лиц, по словам того же Ктесия, пострадал только Спитама, как законный наследник и опасный конкурент Кира, во всем же остальном переворот был лишь переменой династии, подобной, напр., смене саксонской династии франконской в Германии. Мидия и мидяне и при Ахеменидах не были унижены и считались равноправными с народом и страной господствующего племени. Экбатана продолжала сохранять значение столицы, деля эту роль с Персеполем, Пасаргадами и Сузами. Здесь царь проводил летнее время. Все это обусловило в глазах окрестных народов взгляд на Персию, как на продолжение Мидии; отсюда приведение Ахеменидов в родственную связь с Дейокидами, отсюда терминология, выразившаяся, между прочим, в наименовании τὰ Μηδικά = Персидские войны. И в Вавилоне полагали, что появление Кира ничего не изменит в политической карте, что Персидское царство, заменив Мидийское, станет к Вавилону в былые отношения, нарушенные Астиагом, что враг и победитель последнего не будет держаться его опасной для целости Вавилонского царства политики. Набонид даже называл Кира слугою Набу и Мардука, облегчивших ему доступ в Харран. Но чрез несколько лет ему пришлось раскаяться.

Три года Кир употребил на присоединение мидийских провинций, частью мирным путем, частью путем военных походов (Юстин). Несомненно, в это время вошли в состав Персидского царства Ассирия, Армения и Каппадокия. Дойдя до р. Галиса, Кир неминуемо должен был следовать примеру Киаксара и стремиться к захвату Лидии, поглощение которой Ираном было лишь отсрочено. Хорошо понимал и современный ему лидийский царь Крез, что со свержением его родственника и союзника Астиага, в политике должна наступить перемена, и старался образовать против Кира коалицию, состав которой намечался сам собой. Это были исконные друзья Лидии — греки и Египет, а также Вавилон, который уже начал беспокоиться развитием Персидского царства. Что касается Сиеннесия киликийского, то Прашек высказал остроумное предположение о привлечении Киром на свою сторону этого царя, владевшего горными проходами из Малой Азии в Сирию, этими средствами сообщения между Лидией и Вавилоном. Это вполне возможно, так как мы знаем, что Кир действительно готовился к войне, приобретая, между прочим, и союзников. Так, он старался привлечь на свою сторону греческие города Малой Азии, но успел только относительно Милета, который согласился заключить с ним договор на тех же условиях, что и с лидийскими царями. Большую услугу ему оказала также измена грека Еврибата, который, получив от Креза поручение вербовать наемников в Пелопоннесе, бежал к Киру с доверенными деньгами и открыл ему планы лидийского царя. Впрочем, последний и сам мало заботился об их тайне, и его далеко шедшие дипломатические переговоры с Египтом, Вавилоном, греками и посольства ко всем возможным храмам и оракулам едва ли были для кого-либо неизвестны. О ходе войны мы осведомлены Геродотом, и она достаточно всем известна. Крез не имел достаточно выдержки; кроме того, его союзники не оказались на высоте положения: только одни спартанцы явились с каким-то флотом, да и то, когда все уже было потеряно.

Под 9-м годом Набонида (547-6) вавилонская хроника сообщает: «в месяце Нисане (весной в марте — апреле) повел Кир, царь Персии, свое войско и перешел Тигр ниже Арбел. В месяце Ияре он двинулся к стране Луди (?), убил ее царя, расхитил его имущество, поместил свои гарнизоны». В таких кратких словах рассказывается о занятии персами Ассирии и, кажется, о покорении Лидии, причем говорится об убийстве ее царя. Из разукрашенного легендами, сдобренного нравоучительной тенденцией и перемешанного с анахронизмами (Солон) рассказа Геродота известно иное о судьбе Креза — костер, помилование, почет. Помилование было общим убеждением древности и соответствовало вообще поведению Кира; вероятно, сообщение вавилонской хроники основано на недоразумении.

За покорением Лидии и усмирением восстания некоего туземца Пактии, обманувшего доверие Кира, который поручил ему заведывать имуществом Креза, после-

довало покорение малоазиатских греков, также хорошо известное из Геродота. Некоторые из греков (напр., фокейцы, теосцы и др.), не желая подчиняться персам, оставили родину и переселились; другие оказывали жестокое сопротивление, но в в конце концов должны были подчиниться на более тяжких условиях, чем в лидийские времена.

Покорение их, а равно Лидии и Карии, было совершено известным Гарпагом, который и получил Лидию в наследственное управление. Таким образом, Персидское царство было первой из мировых восточных монархий, дошедшей до Эгейского моря и Геллеспонта и включившей в свой состав часть греческого мира.

Дальнейшим шагом Кира могло быть только наступление на Вавилон, т. е. продолжение прерванного его появлением дела, начатого Астиагом. Условия как нельзя более ему благоприятствовали. Благочестивый, но слабый и близорукий Набонид вооружил против себя все части населения, которое наконец поняло нависшую опасность. Начиная с 7-го года, хроника упорно повторяет из года в год: «год такой-то. Царь в Теме, сын царя, его вельможи и войско — в Аккаде. Царь не приходил в Вавилон, Набу не приходил в Вавилон, Бела не выносили, праздник Нового года не справлялся. В Эсагиле и Эзиде боги Вавилона получили жертвы по обычаю». Что это значит? Винклер, Иеремиас и др. полагают, что неспособный царь был устранен, его отправили в заключение в какую-то Тему, а власть фактически вручили его сыну Валтасару (Белшаруссур), о котором Набонид принужден был упомянуть вместе с собой в официальной надписи из Ура: «защити меня, Набонида, царя вавилонского, от преступления против твоего божества, и подай мне долголетнюю жизнь, и вложи в сердце Валтасара, моего перворордного сына, моей отрасли, почтение к твоему высокому божеству, и да не сотворит он греха, но да насладится полнотою жизни». Стараются даже приурочить к заключению Набонида известную грандиозную картину помешательства Навуходоносора (также отца Валтасара) у пророка Даниила. Валтасар был, кажется, энергичный солдат и проявил себя таковым в критическую минуту. К сожалению, в надписи, служащей главным источником для уяснения этих событий первостепенной важности, утрачено все о 12—16-м годах Набонида, и только под 10-м годом, следовательно, год спустя после покорения Лидии, находится какое-то темное и опять-таки попорченное упоминание об эламитах в Аккаде и о наместнике в Эрехе. Полагают, что дело идет о первой попытке нападения Кира, направленной из Элама и окончившейся назначением в Эрех персидского наместника. Это вполне возможно, и нам хорошо известно, что в это время у Кира были в Вавилоне многочисленные союзники, во-первых, из недовольных существующими беспорядками и Набонидом, во-вторых — из иудеев, скоро понявших и оценивших последствия для себя успеха персидского царя. Подобно тому, как над трупом Ниневии поднялся орел — Наум, так близость гибели Вавилона воспел великий пророк, высоко-поэтическое творение которого дошло до нас в книге древнего великого пророка Исаии. Еще при нашествии мидян он явился выразителем чаяний своих единоплеменников, предвкушавших гибель Вавилона, и возгласил пророчество, помещаемое в 13 и 14-й главах книги Исаии... «Господь сам обозревает свое войско. Приходит из дальней земли от края неба господь и орудия гнева его... Каждый встреченный будет пронзен, и пойманный падет от меча. Я воздвигну на них мидян, которые не ценят серебра и не любят золота... И Вавилон, краса царств, слава величия халдеев, никогда не будет населен и обитаем во веки. Арабы не поставят там шатров своих, и пастухи не будут обитать там... но шакалы будут выть в опустошенных чертогах его и змеи во дворцах его... потому что господь помилует Иакова и опять изберет Израиля и поселит в земле их... и они сделают пленниками пленивших их и будут господствовать над притеснителями своими»... (Далее следует известная картина свержения в ад вавилонского царя).

Когда Кир покорил Лидию и угрожал греческим островам, Девтероисаия опять выступает с восторженной речью: «Утешайте, утешайте людей моих, говорите к сердцу

Иерусалима и благовествуйте ему, ибо время наказания его кончилось и загладился грех его... (гл. 40—47). В безмолвии слушайте меня острова... Кто воздвиг с востока того, которого называют праведным, куда не ступит нога его? Он передал ему народы и низложил царей пред ним, он обращает их меч в прах, их лук — в солому. Он будет преследовать их, пройдет с миром по дороге, по которой ничьи ноги не проходили. Кто сделал и совершил это? Я — господь первый, и с последним тот же самый. Острова видели и ужасались... Кого я воздвиг с севера, тот и пришел; от восхода солнца он прославлял имя мое; он попирает правителей, как смесь для кирпича, и, как горшечник, топчет глину... вот раб мой, которого я держу за руку, избранный мой, которому благоволит душа моя. Я возложил на него дух мой, он принесет правду народам... он будет производить суд по истине, не утомится и не удалится, пока не утвердит правосудие на земле, и его ожидают острова»... Таким образом, Киру усвояются качества Мессии; пророк даже называет его по имени (гл. 45): «Так говорит господь помазанному Киру: я держу его за правую руку, чтобы повергнуть народы пред ним, и я распояшу чресла царей, чтобы двери были открыты пред ним и ворота были не заперты. Я пойду пред тобою и сравняю холмы, сломаю медные двери и сокрушу железные запоры. Я отдам тебе хранимые в темноте сокровища и скрытые богатства, чтобы ты узнал, что я — господь, называющий тебя по имени, бог израилев. Ради Иакова, раба моего, и ради Израиля, избранника моего, я называю тебя по имени. Я величаю тебя, хотя ты меня не знаешь. Я — Иегова, и нет другого, кроме меня, нет бога. Я препоясал тебя, хотя ты меня не знаешь, чтобы узнали у восхода солнца и на западе, что кроме меня нет»... Последние слова были в то же время в устах пророка доводом против тех, которые не могли понять, каким это образом избавителем является иноплеменник, почему Иегова не избрал своим орудием правоверного. Пророк дальше обращается к таким иудеям: «Я, господь, творю все это. Горе препирающемуся с создателем своим... Скажет ли глина горшечнику: «что ты делаешь?» Горе тому, кто говорит отцу: «что ты рождаешь?». Вы спрашиваете у меня о будущем, хотите давать мне наставления... Я создал землю и сотворил в ней человека. Я рукою моею распростер небеса и устроил силы их. Я воздвиг его (т. е. Кира) для правды и уравняю все пути его; он построит город мой и отпустит пленение мое не за выкуп, и не за дары, говорит господь Саваоф... Низвергся Бел, пал Набу, идолы их будут носимы зверями и скотами, ваша ноша, которою вы тяготили себя, сделалась бременем для животного (намек на процессии из Борсиппы в Вавилон — идолы не будут больше носимы, а увезены победителем на вьючном скоте). Призываю с востока орла, из далекой страны исполнителя моих определений... Я приблизил мою правду... И мое спасение не замедлит, и я дам спасение Сиону, славу мою Израилю».

В Вавилоне почва для Кира была подготовлена. К сожалению, о самом ходе завоевания им Вавилонского царства мы осведомлены менее, чем о настроении элементов, на которые он мог опереться. К полному недоразумений рассказу Геродота и краткому повествованию Бероса новая наука прибавила неоднократно приводившуюся нами клинописную хронику, и она является нашим главным источником, несмотря на все свои недомолвки, поврежденность и непонятные места. Кроме того, у нас еще есть знаменитая пятая глава пророка Даниила, с пиром Валтасара и видением таинственных «Мани, Факел, Фарес». Все эти тексты, на первый взгляд, противоречат друг другу. Геродот говорит, что Кир, «покорив» все народы материка, напал на ассириян, т. е. на вавилонян, при Лабинете, сыне царицы Нитокриды, т. е. Набониде, названном сыном царицы, заменяющей у Геродота Навуходоносора, подобно тому, как у Даниила сыном того же Навуходоносора назван Валтасар, что и понятно при эфемерности трех промежуточных царствований. Подойдя к Гинду, т. е. Диале, Кир проявляет необычные для него инстинкты сумасбродного деспота, наказывая реку за потонувшую в ней лошадь тем, что, приостановив поход, в течение целого лета занимает свое войско рытьем 360 каналов для осушения реки. Следующей весной поход возобновляется. Вавилоняне разбиты у самой столицы. Начинается осада

последней, безнадежно затянувшаяся вследствие крепости стен и обилия припасов. Тогда Кир отводит русло Евфрата в болото, а затем внезапно вторгается по безводному руслу в город, жители которого, захваченные врасплох, да еще во время праздника, не могли оказать сопротивления. Рассказ Бероса краток: «В царствование Набонида, стены Вавилона, расположенные у реки, были прекрасно выстроены из жженого кирпича и асфальта. В 17-й год его царствования явился Кир из Персиды с большим войском и, покорив всю остальную Азию, вторгся в Вавилонию. Набонид, узнав об его нашествии, встретил его с войском и сразился, но, будучи побежден в битве, бежал с немногими и заперся в городе Борсиппе. Кир же, взяв Вавилон, приказал разрушить внешние стены города, так как считал его склонным к смутам и трудным для взятия, а затем отправился к Борсиппе осаждать Набонида. Так как тот не выдержал осады и сдался, то Кир обошелся с ним человеколюбиво и, дав ему в жительство Карманию, выслал из Вавилона. Набонид умер, проведя там остаток жизни». По рассказу у пр. Даниила, Валтасар, сын Навуходоносора, пирует с вельможами и женами, употребляя сосуды иерусалимского храма. Является рука. Даниил истолковывает написанное ею и предрекает раздел царства мидянами и персами. В ту же ночь царь убит, на престол вступает 62-летний Дарий Мидянин.

Послушаем теперь официальную вавилонскую хронику. Как и Берос, она начинает драму с 17-го года Набонида. В этот год Набонид, наконец, оказался в Вавилоне, «чтобы Набу вышел из Борсиппы». Упоминается, кажется, о каком-то восстании у «Нижнего моря» (?). В день Нового года «Набу прибыл в Вавилон, Бела выносили, праздник Акиту справлялся по обычаю». Далее говорится, что до месяца элула идолы богов были снесены в Вавилон из Марада, Киша, Хурсагкаламы и вообще из страны Аккада, кроме Борсиппы, Куты и Сиппара. «В месяце таммузе (июнь—июль) Кир у Описа, на берегу канала Залзалата, дал битву войску Аккада и победил жителей Аккада; сколько бы они ни собирались, он их разбивал. 14-го Сиппар взят без боя. Набонид бежал. 16-го (вероятно тишри — сентябрь) Угбару (Гобрий), наместник Гутия, и воины его без боя вступили в Вавилон. Вследствие медлительности, Набонид в Вавилоне попал в плен. До конца месяца щиты Гутия окружили врата Эсагилы, и ничье копье не проникло туда и в святилище, никакое знамя не было внесено туда. 3-го мархешвана имел Кир въезд в Вавилон... Городу была дарована неприкосновенность; Кир объявил всему Вавилону мир. Назначил Угбару наместником. С месяца кислева до адара возвращались боги, принесенные Набонидом в свои города. В ночь 11 мархешвана пошел Угбару и умертвил сына царя. С 27 адара до 3 нисана был траур в Аккаде»...

Таким образом, решительный поход Кир предпринял только через 7 лет после первой попытки. Чем это объясняется — неизвестно. Прашек полагает, что он был занят в это время покорением восточных областей Ирана; возможно также допустить, что он сначала отрезал Вавилонию от запада. Берос и частью Геродот дают понять, что Кир вторгся в Вавилонию после того, как «покорил всю Азию». Наконец, Винклер полагает, что Кира задерживали гидравлические сооружения Навуходоносора, приведенные теперь в действие, в виду наставшей в них надобности: вода была спущена и залила пространство от Описа и Сиппара к югу. Набонид теперь сам явился в Вавилон умилостивлять богов и готовить войско. Его распоряжение перенести богов, может быть, стоит в связи со спуском шлюзов, а может быть, просто было актом суеверия царя, желавшего собрать у себя палладии всей Вавилонии и чувствовать себя спокойно под их защитой. Но это переполнило чашу неудовольствия: как вавилонские жрецы, ревновавшие к славе Мардука, были оскорблены, так и жители городов, из которых были увезены боги, негодовали на Набонида за унижение их святынь и лишение их палладиев. Покорение всей Передней Азии персами делало положение Вавилона безвыходным, и «Мидийская стена» могла лишь отсрочить его гибель; эта отсрочка вероятно и измеряется семью годами кажущегося бездействия Кира. Долго продержаться среди затопленной области, отрезанной от всего мира,

*

Вавилон, конечно, не мог. И вот Кир начинает наступление и подходит к Диале-Гинду. То, что Геродот выставляет как самодурство, было, очевидно, вполне обдуманным предприятием — снова спустить воду с затопленной местности и сделать ее проходимой. Доказательством этого является, что первая битва произошла у Описа и что вслед за нею пал Сиппар — два конечные пункта «Мидийской стены». Прашек приводит в связь с этим глухое упоминание у Плиния (IV, 30): «Некоторые передают, что Евфрат отведен наместником Гобаром, чтобы не наводнил Вавилонию внезапным разливом». Это ближе подходит к известию Геродота о другом отводе воды из русла Евфрата пред самым взятием Вавилона. Очевидно, оба автора не поняли приготовлений Кира к наступлению. Набонид, при всей своей нерешительности, пытался вступить в бой, и бежал только после неоднократных поражений. Известие Бероса о сдаче его в Борсиппе не подтверждается хроникой, которая говорит, что вслед затем Вавилон сдался без боя не Киру, а Гобрию, бывшему одним из семи вельмож, наместнику области Гутиум — горной страны между Ассирией и армянскими озерами. Персидское войско вело себя в завоеванном городе образцово и могло бы служить примером для многих европейских армий: храмы, особенно Эсагила, охранялись, грабеж и осквернение их не были допущены. Когда прибыл Кир, он назначил Гобрия наместником. Но чрез неделю, как рассказывает хроника, Гобрий умертвил «сына царя». Возможно, что Валтасар оборонялся за стенами Имгур-Бел и Нимитти-Бел в старом Вавилоне, и что Гобрий наконец овладел этим укрепленным местом, причем погиб последний царь вавилонский, и даниилово повествование имеет в виду именно этот заключительный акт трагедии.

Так пала последняя семитическая держава Азии. Победитель проявил свое обычное великодушие, гуманно обошелся с Набонидом и «даровал городу мир». Жрецы не остались в долгу и составили интересный документ обращения к народу от себя в связи с манифестом нового владыки. Здесь, в этом так наз. кировом цилиндре, характерна как манера жрецов, ублажавших Кира и поносивших официально своего последнего туземного царя, так и роль Кира, скоро приспособившегося к новым условиям. Этот документ, относящийся к одному из важнейших моментов истории человечества, дошел до нас сравнительно в сносном виде, интересен и в целом и в частях и заслуживает быть приведенным.

В начале, в нескольких плохо сохранившихся строках, перечислялись вины несчастного Набонида: «слабый был поставлен властвовать над своею страной... Он так же поступил и с Эсагилой... в Эрех и другие города издал бесчестное приказание, ежедневно замышлял он и, как враг, отменил ежедневные жертвы... почитание Мардука, царя богов (небрег)... и постоянно делал то, что было ко злу для его града... его жителей довел он до погибели, наложив на них тяжелое иго. Владыка богов разгневался грозно из-за стона их; он оставил их область; боги, жившие в них, оставили свои жилища из-за гнева за их перенесение в Вавилон — Мардук... да обратится ко всем жилищам, обратившимся в развалины, и к жителям Сумира и Аккада, уподобившимся трупам... Он обратился и умилосердился о них. Он обозрел все страны, исследовал их, искал праведного царя по своему сердцу, чтобы взять его за руку. Кира, царя Аншана, воззвал он по имени и призвал его к владычеству над вселенной. Гутиев, всех Умманмандов поверг он под ноги его, черноголовых людей, которых он дал победить рукам его, взял он под свое покровительство в правде и справедливости. Мардук, великий владыка, защитник людей своих, радостно воззрел на его (Кира) благословенные деяния и его праведное сердце и повелел ему шествовать к своему граду Вавилону, дал ему направить свой путь к Вавилону, сопутствуя ему как друг и товарищ. Его широко растянувшиеся войска, неисчислимые, подобно воде реки, шли вооруженные с ним. Без боя и битвы дал он ему вступить в Вавилон и пощадил свой град от утеснения. Набонида, царя, не почитавшего его, Мардука, он предал в его (Кира) руки. Все жители Вавилона, весь Сумир и Аккад, вельможи и наместники склонились пред ним ниц и целовали его ноги; они ра-

довались царству его и сияли их лица. Владыку, силою своею воскрешающего мертвых и пощадившего всех от гибели и беды, радостно благословляли они, поминая его имя».

Далее приводится подлинный манифест Кира.

«Я — Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Сумира и Аккада, царь четырех стран, сын Камбиза, великого царя, царя города Аншана, внук Кира, великого царя, царя г. Аншана, потомок Теиспа, великого царя, царя г. Аншана, отрасль вечного царства, которого династия любезна Белу и Набу, которого владычество приятно их сердцу. Когда я мирно вошел в Вавилон, и при ликованиях и веселии во дворце царей занял царское жилище, Мардук, великий владыка, склонил ко мне благородное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлял об его почитании. Мои многочисленные войска мирно вступили в Вавилон. Во весь Сумир и Аккад я не допустил врага. Забота о внутренних делах Вавилона и о всех его святилищах тронула меня, и жители Вавилона нашли исполнение своих желаний, и бесчестное иго было с них снято. Я отвратил разрушение их жилищ и устранил их падение. Моим благословенным деяниям возрадовался Мардук, великий владыка, и благословил меня, Кира, царя, чтущего его, и Камбиза, моего сына, и все мое войско милостью, когда мы искренно радостно величали его возвышенное божество. Все цари, сидящие во дворцах всех стран света, от Верхнего моря до Нижнего... и в шатрах живущие цари запада, все вместе принесли свою тяжелую дань и целовали в Вавилоне мои ноги. От... до Ассура и Суз: Агаде, Эшнунак, Замбан, Метурну, Дери, вместе с областью земли Гутиев, города по ту сторону Тигра, основанные с древних дней, богов, живущих в них, вернул я на их места и дал им обитать там навеки. Всех их жителей собрал я и восстановил их жилища. И богам Сумира и Аккада, которых Набонид, к гневу владыки богов, перенес в Вавилон, дал я, по повелению Мардука, великого владыки, невредимо принять обитание в их чертогах «Веселия сердца». Все боги, возвращенные мною в свои города, да молятся ежедневно пред Белом и Набу о долготе дней моих, замолвят за меня милостивое слово и скажут Мардуку, моему владыке: да будет Киру, царю, чтущему тебя, и Камбизу, его сыну»... (дальше сохранились лишь отдельные слова в 10 строках, повествовавших о сооружении святилища, в развалинах которого найден «цилиндр»).

Прежде всего поражают тон и язык этого глубоко интересного документа. Можно подумать, что вавилоняне встретили Кира, как освободителя от какого-то ненавистного тиранна и утеснителя их религии. Между тем, мы знаем Набонида именно как религиозного царя; возможно, что действительно он недостаточно чтил Мардука и отдавал предпочтение другим богам; впрочем, жрецы жалуются еще на его «слабость». Отдельные выражения отчасти напоминают приведенные нами слова Девтероисаии: и там и здесь Кир назван праведным царем, по сердцу божеству, которое назвало его по имени, взяло за руку... Мы указывали, что пророк вещал до прибытия Кира, а потому совпадения эти еще знаменательнее и являются интересным свидетельством настроения двух элементов вавилонского населения. Но если в устах иудея необычайные прославления Кира естественны и понятны — он надеялся получить свободу, то для вавилонского жреца они являются недостойной лестью завоевателю родного города. Впрочем, Вавилон уже привык к завоевателям и к смене владык, и в этом отношении переход под власть Кира пока немногим отличался от еще недавнего нахождения под ассирийским владычеством. Да и персидский царь был прежде всего для них царем Элама, а эламские цари не раз, и притом в глубокой древности, бывали владыками Вавилонии и «запада». И их ожидания оправдались вполне. Кир, понимая политическое и культурное значение древней столицы Азии, сохранил существование Вавилонского царства и придал завоеванию характер личной унии. Он принял древние царские титулы, присоединив потом к ним новый — «царь Стран», как указание на господство над Азией, представляющей комплекс древних царств, из которых одни признавались существующими, другие получили

некоторые меньшие права. Это «Царство Стран», под верховенством персидского царя, было переходной ступенью в истории Востока к более централизованной империи Дария и Ксеркса. В надписях на кирпичах Кир выступает и почитателем вавилонских богов, и украсителем Эсагилы и Эзиды. Спустя несколько месяцев после взятия города, за несколько дней до ближайшего новолетия, Кир объявил траур по Валтасаре, а затем 4 нисана приказал отпраздновать по традиционному ритуалу коронацию нового вавилонского царя, каковым назначил своего сына Камбиза. Начиная с этого времени, появляются документы, датированные именами Камбиза и его отца, иногда вместе, но это продолжалось всего 8 месяцев (538); уже в декабре датировка идет по одному Киру. Что побудило Кира назначить сына царем, и притом временным, мы не знаем; возможно, что он это сделал в виду предстоящей отлучки для новых войн (ср. Герод. I, 208). От октября 4-го года Кира в Вавилоне дошел до нас документ, в котором Камбиз просто назван царевичем и владельцем капитала, положенного в вавилонский банк Эгиби; дела свои он вел чрез поверенного, следовательно, мог и не жить сам в Вавилоне. Если Вавилон не лишился своих прав, то другие города и народы, благодаря мудрой и гуманной политике Кира, вернули многое из утраченного и даже частью были реабилитированы. Манифест ясно говорит о возвращении богов в их города, причем не обойдены даже древний Ассур и затигрские города; возвращение иудеев было частным случаем этой общей меры Кира. Книга Ездры (6, 3—5) сохранила нам подлинный указ Кира, данный в Экбатане в первый же год его вавилонского царствования, т. е. в зиму, следовавшую за коронацией Камбиза; в этом указе разрешается строить храм по предписанным размерам и повелевается вернуть похищенные Навуходоносором храмовые сосуды. Таким образом, было продолжено начатое Эвиль-Меродахом возрождение Иуды в связи с общей политикой Кира. Вместе с храмом и сосудами Иерусалим получил и туземного правителя, потомка давидовой династии Шешбацара, которому однако не дали полного царского титула, а только княжеский, и который подчинен наместнику «Заречной области». Вероятно, Киром был реабилитирован и финикийский Сидон, разжалованный еще Асархаддоном и с тех пор не восстановленный, по крайней мере теперь снова в нем появляются цари. Привлекая на свою сторону иудеев и финикиян, Кир готовил себе преданное население западных областей, имевших первостепенное значение как база для операций против единственного оставшегося государства — Египта, а также для создания флота, который мог стоять только в Финикии и наполняться финикийскими матросами.

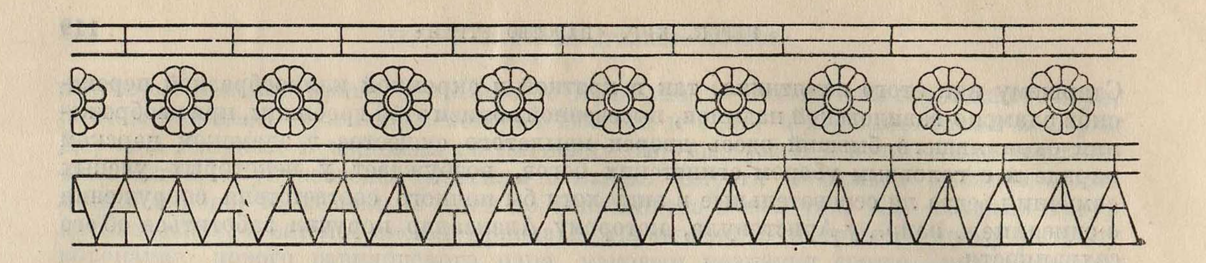
Войну с Египтом при энергичном Амасисе Кир, очевидно, считал преждевременной и обратился против северных кочевых племен Ирана. Неизвестно, теперь ли вошли в состав Персидского государства те области Ирана, которые перечисляются в списках Дария (Парфия, Дрангиана, Ария, Хорасмия, Бактрия, Согдиана, Гандара, Саки, Саттагида, Арахозия и Мака), или они были присоединены еще до завоевания Вавилона. Из Геродота, как будто, следует (I, 153), что бактрийцы и саки в порядке присоединения следуют за Вавилоном. Во всяком случае, несомненно, что один из походов Кира на север Ирана был для него роковым, и что он нашел себе смерть в битве с кочевниками средне-азиатских степей, к северу от Маргианы, в области р. Яксарта. Геродот называет это племя массагетами и рассказывает одну из легенд, которые сложились по поводу смерти великого человека. Берос (стр. 12) говорит, что он пал в битве с дахами после девятилетнего царствования в Вавилоне (530). Ктесий сообщает о войне с дербиками (кажется, на границах Индии) и опять-таки не обходится без легенд, совершенно отличных от геродотовых. Во всяком случае, место смерти Кира везде указывается на крайних пределах государства, вероятно, требовавших особенного наблюдения и поставивших в необходимость престарелого царя лично вести войну.

Погребен Кир в Пасаргадах, где до сих пор сохранился памятник, считающийся его гробницей и напоминающий по стилю малоазиатские. Принадлежность Киру

Старшему как этого памятника, так и краткой и скромной клинообразной персидской эламско-вавилонской надписи, высеченной вблизи этой гробницы, при изображении охранявшего бывший здесь дворец крылатого существа в эламском царском наряде и с головным убором египетских богов, возбуждает у некоторых ученых сомнения, едва ли основательные в виду хотя бы полного соответствия сооружения с описанием, напр., у Аристовула, которому Александр поручил заботиться об его сохранности.

Кир был первым великим арийцем в истории, создавшим универсальную монархию, не только отличавшимся большим политическим умом и дипломатической дальновидностью, но и пользовавшимся удачей, которая отдала в его руки Мидию и Вавилонию, раздираемые внутренними распрями и видевшие в нем не столько чуждого завоевателя, сколько освободителя. Его всеми признанная гуманность, коренившаяся как в личном характере, так и в более чистой религии, окружила его личность ореолом и составила в истории Передней Азии светлый момент между ассирийскими зверствами и позднейшим персидским деспотизмом. Он явился желанным для народов и ушел, обновив Азию и начав собою новый период ее истории. Персы называли его отцом, греки — образцом государя и законодателя, иудеи — помазанником Иеговы.

Надписи Кира переведены и разработаны Hagen в Beiträge zur Assyriologie II (1891); последний перевод — Weissbach в Keilinschriften d. Achämeniden Vorderasiatische Bibliothek III (1911). Контракты его времени см. у Strassmeier, Inschriften v. Cyrus, König v. Babylon. Lpz., 1890. Легенды о Кире: Bauer, Die Kyrossage, Sitzungsberichte Венской академии. C. Schubert. Herodots Darstellung der Cyrossage. Breslau, 1890. Клингер, Сказочные мотивы в истории Геродота. Киевск. университ. изв. 1902. Мургабский *барельеф*, *гробница* Кира и *надпись* исследованы Herzfeld'ом. Он подверг топографическому и археологическому изучению местность Пасаргад и пришел к решительному выводу, что пред нами памятники, восходящие к великому Киру; малоазийское влияние объясняется мидийским посредством, к которому восходит, может быть, и «ахеменидовская» клинопись. Обширная статья Pasargadae. Untersuchungen zur persischen Archäologie (Klio, 1908, т. VIII). Соловейчик, О значении загадочных слов: Мани, Факел, Фарес. Журн. мин. нар. просв. 1904.



КАМБИЗ. ПОКОРЕНИЕ ЕГИПТА

Еще отправляясь в свой роковой поход, Кир сделал соправителем Камбиза (Герод. I, 208), своего старшего сына от Кассанданы. После гибели отца последний вступил на престол летом 530 г.; младший брат его Бардия, если верить Ктесию, был назначен правителем в Бактрию. По автору последней главы Киропедии, после Кира «немедленно началась смута между его детьми, отложились города и народы, и все склонилось к худшему». Полагают, что имеется в виду смута между Камбизом и Бардием, внесшая раздвоение в поведение покоренных народов и закончившаяся гибелью младшего брата, убитого тайно, так что смерть его, очевидно, пользовавшегося популярностью и имевшего известные достоинства, осталась неизвестной даже большинству приближенных и родных царя. Геродот передает (III, 30), что Бардия (у греков Смердис) участвовал в египетском походе и был удален из Египта в Сузы по подозрению, а затем тайно убит подосланным убийцей, но Бехистунская надпись ясно говорит, что убийство произошло до египетского похода.

В лице Камбиза на престол новой империи вступил государь, бывший свидетелем и участником покорения Азии, падения древних престолов, необыкновенных переворотов, совершившихся благодаря персидскому оружию. Ему самому, еще юношей, даже пришлось посидеть на древнейшем и славнейшем престоле столицы мира. Вполне понятно, что он был проникнут сознанием величия Персии и ее царя; он был прирожденным государем и повелителем, в противоположность отцу, еще помнившему традиционную патриархальность двора небольшой национальной Персиды. Эта перемена была в особенности подмечена греками, чуткими к автократизму, и удачно формулирована Геродотом (II, 1): «Камбиз смотрел на ионян и эолян, как на рабов, полученных по наследству». Но и сами персы почувствовали разницу, и тот же Геродот (III, 89) влагает им в уста наименование Камбиза δεσπότης в противоположность Киру, которого называли отцом.

При таком настроении политика Камбиза была вполне определенна, тем более, что ход ее уже был намечен его отцом или, лучше сказать, самой историей. Империя Кира обнимала, с одной стороны, больше ассиро-вавилонской, включив в себя Лидию, но в то же время и меньше ее в период наибольшего распространения — еще не был покорен Египет, единственное из древних царств, еще продолжавшее самостоятельно существовать и могущее попрежнему быть опасным, благодаря связям с греческим миром и интригам в Азии; уже за прежние интриги и союзы он подлежал уничтожению. Для Камбиза это наследство было кстати, давая выход его славолюбию, и что он не тотчас по вступлении на престол двинулся на Египет, объясняется как предполагаемыми смутами, так и трудностью и серьезностью предприятия, потребовавшего продолжительных приготовлений.

Камбизу прежде всего удалось лишить фараона всех его союзников. На его сторону перешли кипряне и Поликрат Самосский (Геродот этому подыскивает легендарные объяснения), а это значило обеспечение перевеса на море. Арабский царь также вступил с ним в союз и обязался снабжать войско водой во время прохода его по пустыне. Греческие наемники были на обеих сторонах, но предводитель стоявших на египетской службе — галикарнасец Фанет изменил Амасису и бежал к Камбизу. Еще более ценным для последнего было недовольство значительного количества египтян Амасисом; в числе их наверное были и приверженцы Априса, и жрецы и т. п. Ктесий прямо говорит, что победа Камбиза была обусловлена изменой вельможи, евнуха Комбафея, желавшего получить пост наместника Египта и открывшего Камбизу «мосты и прочие дела египтян». Таким образом, получается картина, вполне аналогичная той, которую мы видели в Сардах, Экбатане и Вавилоне: отпадение союзников, неблагонадежность греков, внутренняя измена. Но здесь положение еще осложнилось тем, что уже во время похода Камбиза умер Амасис, оставив престол своему сыну Псаметиху III. За этим тяжелым, неблагоприятным и зловещим обстоятельством последовало редкое метеорологическое явление в Верхнем Египте — в Фивах выпал дождь, что на суеверных египтян не могло не произвести тягостного впечатления. Однако египетские патриоты решились храбро сопротивляться.

Битва произошла при Пелусии. Для представления об ожесточенности солдат характерен рассказ Геродота, что греческие и карийские наемники, видя изменника Фанета, проведшего чрез пустыню персидское войско, вывели оставшихся в Египте его детей и, зарезав их пред глазами неприятелей и отца, напились их кровью, смешанной с вином. Однако, несмотря на отчаяние и ожесточение, они были разбиты и бежали к Мемфису, где и заперлись. Полиэн (III, 9) рассказывает еще об осаде Пелусия, затянувшейся вследствие отчаянного сопротивления египтян, запасшихся множеством орудий, кидавших из пращей камни, горящие головни и стрелы. Приводится анекдот, будто Камбиз овладел городом, выставив впереди войска египетских священных животных, что повлекло будто бы сдачу со стороны гарнизона, опасавшегося ранить кошек, ибисов и собак. Во всяком случае, взятие Пелусия было необходимо, как приморского пограничного пункта; вероятно, осада шла и с суши и с моря. Пелусий и в древности имел важное значение, как крепость, и назывался «печатью» Египта. Греки также звали его «ключом Египта и для выхода и для входа». Понятно также, что Камбиз и по Геродоту не сразу идет на Мемфис, а посылает (очевидно, во время осады Пелусия) предварительно предложение сдачи и мира. Но ожесточенные египтяне разбили корабль, а послов изрубили в куски. Тогда Камбиз явился лично. Началась осада, окончившаяся сдачей города и пленом царского семейства. Остальной Египет, вероятно, был покорен без больших затруднений.

Таковы сведения, сообщаемые классическими писателями. По счастливой случайности до нас дошла находящаяся в Ватикане статуя важного современника катастрофы с надписью, содержащей его автобиографию и являющейся пока единственным современным египетским рассказом о событии. Приводим часть ее, относящуюся к Камбизу.

«Достойный у Нейт, великой матери богов, у богов Саиса наследственный князь, царский казначей, единственный семер, царский знакомый воистину, которого царь любит, писец, начальник писцов в судилище, начальник писцов, начальник дворца, начальник царских кораблей при царе В. и Н. Египта Амасисе, начальник царских кораблей при царе В. и Н. Египта Псаметихе III—Уджа-Гор-ресент, сын начальника храмов Гора-младенца (?), жреца Нейт, жреца, главы Саиса, Пефинейта. Говорит он: когда прибыл великий царь, государь всех стран, Камбиз в Египет, и с ним были азиаты всех стран, он царствовал над этой страной во всю широту ее, и поселил их там. Он был великим царем Египта, великим властителем всех стран. Приказал мне его величество быть в сане Великого Врачеванием, заставил быть рядом с ним в качестве семера, начальника дворца. Я составил его титулатуру

в имени ее, как царя Верхнего и Нижнего Египта Месут-Ра. Я дал познать его величеству величие Саиса, седалища Нейт, великой матери, родившей Ра первородно, когда еще не было рождений, вместе с учением о величии обители Нейт — неба, во всем объеме этого учения, вместе с учением о величии храма Нейт и всех богов и богинь, которые в них, вместе с учением о величии Хат-биоти — седалища царя небесного, вместе с учением о величии южного святилища и северного святилища храма Ра, храма Атума — это тайна всех богов... Я просил его величество царя В. и Н. Египта Камбиза относительно всех азиатов, которые осели в храме Нейт, чтобы прогнать их оттуда, чтобы вернуть храму Нейт его прежнее благолепие. Повелел его величество выгнать всех азиатов, которые осели в храме Нейт, разрушить все дома их, которые в этом храме. Унесли они... сами вне стены этого храма. Повелел его величество омыть храм Нейт, возвратил ему всех его людей, часовых жрецов. Приказал его величество давать дары и жертвы Нейт великой, матери великих богов, которые в Саисе, как и было прежде. Повелел его величество (справлять) праздники их все, выходы их все, как делалось издревле. Сделал его величество это потому, что я дал ему познать величие Саиса, града всех богов, пребывающих на своих престолах в нем во веки.

Когда царь В. и Н. Египта Камбиз прибыл в Саис, направился его величество сам к храму Нейт, простерся он перед величеством Нейт величайшей, как это делали все цари. Совершил он жертву великую из всех вещей в честь Нейт великой, матери богов, обитающей в Саисе, как делали все цари прекрасно. Сделал его величество это потому, что я дал ему познать величие величества Нейт, которая есть матерь самого Ра.

Его величество совершил все обряды в храме Нейт. Он установил возлияние владыке веков внутри храма Нейт, как делали все цари издревле. Сделал он это, ибо я наставил его всем церемониям в храме Нейт, совершаемым всеми царями, ибо велик храм этот, седалище всех богов, пребывающий во век.

Я достойный у отца, хвалимый братьями. Я укрепил за ними их должности жрецов, я дал им, по повелению его величества, удобные участки земли навеки. Я устраивал хорошую гробницу тому, у кого не было ее, я питал всех их детей, укрепил за ними все их дома. Я делал для них все полезное, как отец делает для сына, когда произошел в этой области ужас во время величайшего ужаса, происшедшего во всей стране... установил имущество Нейт великой, матери богов, по повелению его величества, во всем его объеме навеки. Сделал я сооружения для Нейт, владычицы Саиса, со всякими хорошими вещами, как делает исправный слуга своему господину. Я — человек хороший в городе моем; я спас людей его в величайшем ужасе, случившемся во всей стране, подобного которому не было во всей земле. Защищал я несчастного от рук сильного, избавлял я пугливого в нужное время, делал для них все полезное, когда делать это было благовременным».

Следует ли говорить о чрезвычайной важности этого текста, являющегося словами египтянина, которому суждено было сыграть наиболее видную роль во время катастрофы, разразившейся над его отечеством, и которого за эту роль, а также за последующую деятельность, многие называют египетским Ездрой. Мы удержимся от этого сравнения, которое может оказаться для него незаслуженным, оставляя в стороне слишком льстивые эпитеты, какими он награждает Камбиза, как дань официальному языку, мы все же не в состоянии снять с него подозрение в измене национальной династии и доказать, что менее правы ученые, сопоставляющие его с ктесиевым Комбафеем. Действительно, наследственный жрец верховной богини был в то же время и адмиралом при двух туземных царях, следовательно, имел полную возможность и обязанность принять активное участие в защите отечества, а потому слишком скорое и полное приобретение милостей завоевателя не может не показаться подозрительным. Но если и так, то дальнейшая деятельность Уджагорресента была к пользе его родины, и его надпись заставляет нас критически отнестись

к рассказам Геродота, почерпнутым им из враждебного Камбизу предания. Оказывается, что Камбиз поступил в Египте точно так же, как его отец в Вавилоне. Распространяя на Египет идею «Царства Стран», он и здесь придает покорению характер личной унии, принимая титулатуру фараона и египетское имя, дав посвятить себя в саисские мистерии и принеся жертву богине, тогда считавшейся верховной и династической, и стараясь, чтобы все происходило, «как делалось издревле». Датировка, однако, шла по годам от вступления Камбиза на персидский престол. Уджагорресент был советником и «духовником» Камбиза в египетских делах, его влияние было настолько сильно, что Камбиз выселил «азиатов» из саисского храма. Вероятно, здесь имеются в виду персидские солдаты; в таком случае у нас интересная параллель к утверждению вавилонской хроники о неприкосновенности Эсагилы во время нашествия персов. Таким образом, Камбиз посетил Саис, как тогдашнюю столицу и центр культа, где сделался законным фараоном. Между тем, Геродот говорит, что он явился в Саис исключительно затем, чтобы совершить поругание над мумией Амасиса (III, 16). В связи с этим описываются и другие зверства Камбиза. Рассказы эти, с одной стороны, напоминают греческие моралистические анекдоты о бренности всего земного и твердости в перенесении несчастий, с другой — египетские романы, слагавшиеся по поводу исторических лиц и событий; образцом их могут служить найденные в Берлине фрагменты коптского палимпсеста романа о Камбизе, в котором он смешивается с Навуходоносором, а также, повидимому, продолжение этих фрагментов в хронике Иоанна Никиусского. Впоследствии целый ряд разрушений и разграблений относился на счет Камбиза. По Страбону он сжег и Серапей и Мемфис; по Плинию пощадил Илиополь только из-за поразивших его обелисков; по Диодору разграбил Рамессей и т. п. В пользу Геродота можно привести ленинградский гранитный саркофаг командира стрелков Амасиса, сына «царской супруги» Нехт-Баст-ероу, следовательно, одного из членов царской фамилии. На этом великолепном саркофаге (найден в 1857 г. близ хеопсовой пирамиды герцогом Лейхтенбергским) повреждены имена и титулы покойного и его матери, так что оставлены только имена богов (Баст и Иах), которых не осмелились коснуться. Изглаживание имени — наиболее жестокая посмертная казнь по египетским представлениям, и конечно прежде всего является предположение, что оно совершено по приказанию завоевателя. Далее, в арамейских папирусах из иудейской колонии на Элефантине, о чем у нас еще будет речь впереди, говорится, правда, спустя 118 лет, в 408(7) г., что когда Камбиз покорил Египет, он разрушил «все храмы египетских богов», но не коснулся иудейского святилища, уже тогда существовавшего на Элефантине. Наконец, и Уджагорресент говорит о «величайшем ужасе, случившемся во всей стране, подобного которому не было». Мы, действительно, имеем основание верить, что через несколько месяцев отношения Камбиза к Египту изменились к худшему.

Геродот сообщает, что, покорив Египет, Камбиз решил присоединить затем всю известную тогда Африку, т. е. Карфаген, оазы и Эфиопию. От первого пришлось отказаться, так как финикийский флот не захотел итти против единоплеменников, а персидский царь не счел себя вправе настаивать, ибо финикияне присоединились добровольно. Экспедиция для завоевания оазов, вышедшая из Фив, по рассказу, переданному Геродотом, окончилась катастрофой — войско было засыпано песком пустыни. Исследователи говорят о невозможности этого с физической точки зрения; с другой стороны, нам известно, что потом оазы признавали власть персидского царя, и в Великом оазе сохранились постройки от имени Дария I и II. Что касается третьего культурного угла к западу от Египта — Киренаики, то тамошние греки, равно как ливийцы-туземцы, под впечатлением побед Камбиза, добровольно подчинились ему и прислали дань. Камбиз, в свою очередь, оказал африканским грекам внимание, отослав на родину вдову Амасиса, киренеянку Ладику. Таким образом, персидское царство включило в свой состав еще одну значительную область греческого мира.

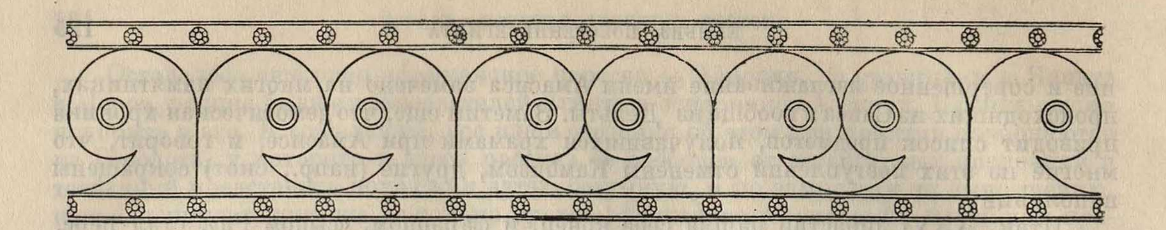
Оставалось еще одно африканское царство — Эфиопия, со столицами в Напате и Мероэ, родина бывших завоевателей Египта и соперников Ассирии. Камбиз решил покорить и его. К сожалению, все наши сведения об этом предприятии почерпаются из Геродота, у которого и здесь рассказ не свободен от легендарных наслоений и тенденций представить поход как затею безумную, и по замыслу и по выполнению, направленную к тому же не только против эфиопского государства, но и для проверки чудесных слухов о «долголетних эфиопах» и о «солнечном столе». Была талантливая попытка, сделанная египтологом Шефером, указать параллельный эфиопский рассказ о нашествии Камбиза — надпись эфиопского царя Настасена, упоминающую между прочим о победе над неким Камбесуденом (?), но этим выводам не удалось сделаться общепризнанными в науке, и мы также удержимся от привлечения этого, в других отношениях весьма интересного текста. По Геродоту, к эфиопскому царю были посланы элефантинские «ихтиофаги», понимавшие по-нубийски, с предложением покориться. По получении оскорбительного ответа, раздраженный Камбиз слишком поспешно, без достаточных приготовлений двинулся в поход вдоль Нила, но, уже пройдя едва пятую часть пути, почувствовал недостаток в съестных припасах. Но и это не остановило сумасбродного завоевателя, который решился вернуться только тогда, когда войско его дошло до каннибальства. На обратном пути начался мор, а затем пески пустыни погребли под собою много народа, и холмы с погребенными отрядами персов показывались в Нубии еще при Августе, а в окрестностях 3-го катаракта называли местность Καμβύσου ταμιεῖα, имя которой вовсе не указывает на непланомерность предприятия. Таким образом, поход был неудачен и имел результатом только протекторат над «эфиопами, пограничными с Египтом», которые даже не были обязаны платить персидскому царю дани, а приносили подарки. До Напаты Камбиз едва ли доходил, тем более покорение ее не может быть доказано, равно как и распространенная со времени Гутшмида гипотеза, будто разгром Камбизом Напаты был причиной перенесения столицы в Мероэ.

Поход начался зимой 524-3 г., а весной в Египет стали доходить из Азии тревожные слухи о появлении на персидском престоле самозванца лже-Бардии, по которому уже в месяце ияре стали датировать в Вавилоне. Вполне вероятно, что долгое отсутствие Камбиза в Эфиопии и слухи с севера произвели в только что покоренном Египте движение в сторону свержения персидского ига. Геродот сообщает, что Камбиз оставил в живых Псаметиха III, был готов даже сделать его вассальным правителем Египта, и погубил его только тогда, когда тот был уличен в возбуждении своих бывших подданных к бунту. Вероятно, это имело место именно теперь. Камбиз вернулся, расстроенный неудачей похода и тревожными известиями из Азии; неспокойствие египтян могло окончательно вывести его из себя, и не будет смелым предполагать, что «величайший ужас», на который намекает Уджагорресент, наступил как результат усмирения египетского бунта. Несомненно, Псаметих III пал одной из первых жертв ярости Камбиза, который теперь доверил управление Египтом уже не туземцу, а персу Арианду. Насколько верны сведения Геродота об его жестокостях по поводу празднества интронизации Аписа и его издевательстве над египетской религией, неизвестно; во всяком случае, рассказ об убиении им Аписа не оправдывается, на том основании, что луврские стелы, происходящие из Серапея, говорят о смерти Аписа в 6-й год Камбиза, следовательно в начале эфиопского похода (524), и затем о смерти следующего Аписа в 4-й год Дария, — следовательно, смена Аписов произошла во время эфиопского похода и нормальным порядком, причем на стеле от времени Камбиза изображен он сам коленопреклоненным пред священным тельцом. Нам не представляется доказанным, что Апис 4-го года Дария был непосредственным преемником умершего во время эфиопского похода Камбиза, и что изображение последнего помещено исключительно в силу традиции. Может быть, к этому же времени относится и повреждение имен на ленинградских саркофагах. По крайней мере, Геродот сообщает (III, 3), что Камбиз «в Мемфисе открывал древние гробницы». Подобное же поврежде-

ние и совершенное изглаживание имени Амасиса замечено на многих памятниках, происходящих из Саиса и вообще из Дельты. Заметим еще, что демотическая хроника приводит список предметов, получавшихся храмами при Амасисе, и говорит, что многие из этих поступлений отменены Камбизом, другие (напр., скот) сокращены наполовину.

Итак, XXVI династия нашла себе конец, и фараоном, «сыном Ра», стал перс. Это было тяжким испытанием для национального и религиозного чувства египтян. Уджагорресент старался, сколько мог, притти на помощь, сочинив Камбизу египетское, отвечавшее требованиям и соответствовавшее обстоятельствам, царское имя «Месут-Ра» — «Порождение Ра». Народная молва, однако, пошла еще дальше. Хотя она и сложила легенды, в которых Камбиз выводится сумасбродным деспотом, но факта начатой им XXVII династии, нашедшей себе место на памятниках и официальных документах, не могла замолчать и изобрела легенду, по которой персидский царский дом является не менее, если не более законным в качестве фараонов, чем последние саисские цари. Кирде имел в женах дочь Априса, Нитетис; сын его от последней, Камбиз, покорил Египет, как законный наследник, исторгший свою отчину из рук узурпатора — Амасиса. Еще Геродоту египтяне рассказывали эту легенду; впоследствии аналогичное повествовалось об Александре Македонском и Птолемеях. Таким образом, вавилонские жрецы выставляли своего последнего царя виновником гнева Мардука, Кира — его угодником, а египетский народ утешал себя, стараясь убедить в династической непрерывности своей истории. В этом наиболее рельефно отразились отличительные стороны государственных представлений этих двух народов.

Надпись Уджагорресента в последний раз издана с воспроизведением у Marucchi, Il museo Egizio Vaticano, 1899, стр. 79—102. Здесь указана и литература. Памятник этот найден в вилле Адриана в Тиволи, где он составлял часть египетской коллекции императора. К сожалению, неподходящая женская голова приставлена неумелыми реставраторами. Надпись Настесена: Schäfer, Die äthiopische Königsinschrift d. König Nastasen. Надписи Аписов изд. Brugsch, Thesaurus inscriptionum Aegyptiacarum, V. Ленинградские саркофаги: Golénissheff, Inventaire de la collection Egyptienne (Ermitage imperial). Перечень других поврежденных памятников в связи с другим материалом (между прочим демотической хроникой) см. у Griffith, Catalogue of the Demotic papyri in the S. Rylands library. III. 1909. Статья Prašek'a, Kambyses (Der alte Orient XIV) дает мало нового по сравнению с историей Персии того же автора. О смерти Псаметиха III медицинское исследование Apostolides, Le suicide Psametique, Bullet. Soc. Medicine Caire, V. 976. Роман о Камбизе: Schäfer, Bruchstük eines Koptischen Romans ü. d. Eroberung Aegyptens. Sitzungsber. Preus. Akad., 1899. XXXVIII. Ср. V Lemm в Изв. Акад. наук, 1900, XIII, 1. На конгрессе археол. в Каире в 1909 г. Radet высказал предположение, что Египет уже при Кире был в вассальных отношениях к Персии (Comptes rendus du Congrés, p. 278).



САМОЗВАНЦЫ И БУНТЫ

О событиях, последовавших за покорением Египта, сообщает нам уже не только Геродот, но и современный официальный источник первого ранга — Бехистунская надпись Дария I, огромный памятник в 420 строк, начертанный на трех языках. Приводим повествование этого текста, или, вернее, рассказ главного деятеля событий:

«Говорит царь Дарий: некто, именем Камбиз, сын Кира, из нашего рода, был здесь царем. Этот Камбиз имел брата, по имени Бардию, от одного отца и одной матери. Камбиз убил этого Бардию. Когда Камбиз умертвил Бардию, народу было неизвестно, что Бардия убит. Затем Камбиз пошел в Египет. Когда Камбиз пошел в Египет, народ возмутился, ложь распространилась в стране, как в Персии, так и в Мидии, равно как и в прочих странах. Был человек, маг, по имени Гаумата, возмутившийся в Пишиявада, у горы Аракадриш; оттуда он начал бунт. В месяце виякне, 14 числа (11 марта 522) он возмутился. Народу он лгал, говоря: «я — Бардия, сын Кира, брат Камбиза». Тогда весь народ отпал от Камбиза к нему, и Персия, и Мидия, и прочие страны. Он захватил власть; это было 9 гармапада (2 апр.). Тогда Камбиз умер, умертвив себя... Эта власть, которую маг Гаумата исторг у Камбиза, издревле принадлежала нашему роду. Затем Гаумата отнял у Камбиза и Персию, и Мидию, и прочие страны; он присвоил их себе и стал царем. Не было ни одного человека, ни перса, ни мидянина, ни из нашего рода, который бы отнял власть у этого мага Гауматы. Люди весьма боялись его: он мог казнить многих людей, которые некогда знали Бардию, «чтобы они не узнали, что я не Бардия, сын Кира». Никто не осмеливался что-либо сказать о Гаумате-маге, пока я не прибыл. Тогда я помолился Аурамазде о помощи. Аурамазда послал мне помощь. В месяце багаядише 10 числа (29 сентября 522) я, с немногими людьми, погубил этого Гаумату и его знатнейших приверженцев. Есть крепость Сикаяуватиш, в области, именуемой Нисая, в Мидии, — там погубил я его и исторг у него власть. Волей Аурамазды я стал царем; Аурамазда вручил мне царство. Власть, отнятую у нашего рода, я вернул и поставил ее на надлежащее место, как было раньше. Храмы, разрушенные магом, я возобновил, народу выгоны, стада и жилища — дома, отнятые Гауматой, я возвратил. Я вернул народу его прежнее положение, как в Персии, так и в Мидии, так и в прочих странах. Я вернул, что было отнято. Волею Аурамазды я все это совершил. Я трудился, чтобы вернуть нашему дому его прежнее положение, как было древле, я старался (продолжать) по воле Аурамазды, как если бы Гаумата не устранял нашего дома».

Таков рассказ официального документа. Приблизительно 70 лет спустя, Геродот записал известие об этом перевороте в том виде, в каком оно ходило тогда по Азии, а может быть и согласно передаче Зопира, правнука участника события —

одного из семи вельмож, сподвижников Дария. Впоследствии Ктесий сообщил еще одну версию, еще более далекую. Геродот (III, 61—87) самозванцем называет тоже мага, одного из двух братьев, оставленных Камбизом для управления дворцом и бывших в числе весьма немногих, знавших об убиении Бардии. Самозванец также назывался Бардией (Смердис) и был похож на него лицом; брат его Патизиф был главным виновником бунта, — он посадил лже-Бардию на престол и разослал повсюду глашатаев, особенно к войскам, с приказом присягать самозванцу. Слухи уже дошли до Камбиза («видел вещий сон»), который двинулся назад и находился в каких-то сирийских Экбатанах (может быть, Хамате), где ему было якобы предсказано найти себе смерть. И сюда явились глашатаи от имени самозванца. Камбиз допытывается у Прексаспа, которому было поручено убить Бардию, затем ловит глашатая, и у него узнает, что он самого Бардии не видал, а послан Патизифом. Прексасп и Камбиз догадываются, в чем дело. Камбиз яростно вскакивает на коня, чтобы ехать в Сузы, но при этом ранит себя в бедро и через 20 дней умирает.

В этом рассказе многое вполне совпадает с документальными данными. И в Бехистунской надписи и у Геродота лже-Бардия назван магом; и там и здесь дело начинается во время египетского похода Камбиза, который по обоим источникам «сам убивает себя» (по Геродоту нечаянно, но и надпись не дает более точных указаний). Убийство Бардии оба источника считают тайным. Дарий вполне мог назвать себя главным виновником гибели самозванца, так как и у Геродота он настоял на решительных действиях «после того, как прибыл». Слова «с немногими людьми» могут указывать на заговор, а даты Бехистунской надписи дают почти ровно 7 месяцев царствования лже-Бардии. Наконец, подчеркивание мидийского происхождения мага и характеристика смуты, как мидийской реакции против персидского владычества, противоречащие данным надписи, которая говорит о появлении его в Персиде и признании со стороны персов, может находить себе объяснение как в том, что сам Геродот называет магов в числе мидийских племен, так и в том, что, согласно надписи, самозванец имел резиденцию и нашел себе смерть в крепости мидийской области Нисайя. Заметим еще, что у Юстина событие передается согласно Геродоту, но кроме того, из какого-то хорошего источника сообщается имя самозванца в форме Коматис, близкой к персидской Гаумата. Имена семи участников заговора приводятся в конце Бехистунской надписи те же, что и у Геродота.

Хорошая осведомленность Геродота, дающая нам право, при известной осторожности, пользоваться его живым рассказом, как дополнением к официальной летописи, нашла себе в недавнее время оценку и объяснение в статье Wells, который доказывает, что своими сведениями греческий историк обязан перебежчику Зопиру, правнуку Мегабиза, участника заговора. Этот Зопир, поселившись в Афинах, делился с Геродотом сведениями из преданий своего рода, принадлежавшего к числу наиболее знатных и близких ко двору, а потому мог сообщить и многие интимные придворные подробности. Вполне возможно, что имя брата самозванца и его вдохновителя Πατιζείθης, сообщаемое Геродотом, является косвенным доказательством этому, — это не имя, а титул первого министра («пати-кшаятия», регент; отсюда турецкое падишах). Зопир назвал титул, а Геродот принял его за собственное имя. С другой стороны, семейные предания всегда тенденциозны, а у перебежавшего обиженного вельможи должны были быть и свои личные мотивы для окраски событий; наконец, Зопир хотел пощеголять западничеством. Все это отразилось на геродотовом рассказе. Прежде всего обращает на себя внимание представление его о личности Дария: он не говорит ни слова об его родстве с династией — Дарий только наместник Персиды и получил престол, сначала благодаря своему политическому исповеданию, отклонившему республиканские стремления Отана, потом вследствие хитрости конюха. Здесь Зопир дал волю своей тенденциозности. Он для греков рисует своих соотечественников настоящими эллинами, заставляет своих персов рассуждать об устройстве государства и влагает в их уста политические речи — что-либо более

невероятное трудно было представить. Его предок Мегабиз советует ввести управление лучших людей, т.е., другими словами, коллегию из семи вельмож, как раз именно то, о чем мечтали некогда равноправные царю персидские магнаты времен конца царствования Дария и Ксеркса, когда персидская власть перешла в деспотизм и заставила с сожалением вспоминать патриархальные времена Кира. Это недовольство Ахеменидами было причиной и того, что в данном рассказе Дарию отказывается в царском происхождении, и с этой стороны Геродот главным образом противоречит Бехистунской надписи. Мы уже видели в приведенной выдержке, что Дарий старательно подчеркивает свержение мага, как династическую заслугу своему роду. В первых строках надписи, до рассказа о Гаумате, он выражается еще определеннее: «Я — Дарий, великий царь, царь царей, царь стран, сын Вистаспа, внук Арсама, Ахеменид; мой отец — Вистасп; его отец — Арсам; отец Арсама — Ариарамн; отец Ариарамна — Теисп; отец Теиспа — Ахемен. Поэтому мы и названы Ахеменидами. Издревле мы испытаны, издревле род наш был царским. Восемь из моего рода были раньше, — я девятый. В двух линиях у нас девять царей». Это противоречие заставило некоторых ученых, особенно Винклера и Роста, отрицать единство ахеменидовской династии и считать Дария узурпатором, который для укрепления себя на престоле придумал и историю свержения самозванца и свою генеалогию, возводящую его к предкам Кира и Камбиза. Но с этим нельзя согласиться. Бехистунская надпись — первый персидский важный официальный текст — как бы нарочно составлен на трех языках для всеобщего ознакомления, на самой людной дороге царства, между двумя столицами, где он был помещен на высоте, доступной для чтения; кроме того, на папирусе он был разослан по всему государству на арамейском языке; это произошло чрез какой-нибудь десяток лет после рассказываемого события, когда все еще, как современники и очевидцы, помнили его. Едва ли узурпатор мог так бравировать сознательной ложью. Кроме того, в свите Дария мы видим таких заслуженных сподвижников Кира, как Гобрий; его главной женой, имевшей на него огромное влияние, была дочь Кира — Атосса, сначала бывшая за своим братом Камбизом. Мы не находим оснований сомневаться в принадлежности Дария к Ахеменидам, равно как и в других показаниях Бехистунской надписи.

Итак, Дарий сел на престол не по какому-либо избранию или хитрости, а по праву ближайшего родственника прекратившейся старшей линии, и его надпись составлена с целью, между прочим, сообщать подданным истинное положение дела и доказать, что сверженный Гаумата — не Бардия, убийство которого было известно лишь немногим. Дальнейшим его шагом было уничтожение мероприятий самозванца.

Здесь данные надписи, не бесспорные со стороны филологического понимания, дают повод к разнообразным толкованиям и с реальной стороны. Прашек полагает, что уничтожение магом «мест поклонения» и стеснения людей означает гонение на господствующую религию и персидскую нацию и характеризует самозванца как представителя не арийского туземного населения. Как согласить с этим его принадлежность к «магам» — непонятно. Винклер, видя во всех фактах восточной истории проявление классовой борьбы, считает Гаумату приверженцем строго проведенных иерархических начал, уничтожившим местные культы по требованию иерархии, возвысившейся над светскими стремлениями. Юсти считает его чистым фанатиком зороастризма, противного храмам, занесенным извне или удержавшимся, как пережиток, в виде алтарей огня, или вообще алтарей на высотах, в честь богов племен и т. п. Наконец, Масперо и пр. думают, что дело идет о домашних святилищах знати, напр., семи вельмож, не подчинившихся самозванцу и за это подвергнутых всякого рода стеснениям вместе со своими кланами. Можно высказать еще неопределенное количество предположений, но все они не могут быть доказаны как в виду малой обстоятельности текста, так и потому, что религия времени Ахеменидов нам малоизвестна.

Династический кризис был для молодого, еще не сорганизовавшегося «Царства Стран» большим бедствием и повлек за собою целый ряд мятежей и смут во всех областях. Он оживил надежды народов, потерявших политическую самостоятельность и даже сошедших с исторической сцены; для многих из них это был последний проблеск жизнеспособности. Всюду мы встречаем потомков древних династий или самозванцев, выдававших себя за таковых; все пространство огромного государства было охвачено одновременно бунтами и волнениями. Дарию пришлось завоевывать свое царство, и мы не можем не удивляться его успеху; были моменты, когда его родная область, Персида, ему изменяла, когда бунты происходили одновременно во всех концах Азии, и только одно войско оставалось ему верно. Кроме личной энергии и талантов царя, успех был обусловлен его сподвижниками, а главное тем, что персидская нация была еще здорова и могла выдерживать такие испытания. Перечень всех этих бунтов, самозванцев и усмирений их Дарий поместил в той же Бехистунской надписи, над которой велел изобразить пред своей фигурой, под эмблемой Ормузда, одного поверженного и девять связанных самозванцев. Этот текст является для нас чрезвычайно важным и почти единственным свидетельством о народах, вошедших в состав персидской державы за это время. Все события рассказаны в хронологическом порядке, с датами по персидским месяцам, но без обозначения годов. Теперь, благодаря сличению Кинга и Томпсона, окончательно выяснилось, что персидский календарь совершенно соответствует вавилонскому и что все описываемые события произошли «в одном и том же году», т.е. в следующем после воцарения Дария, вернее, в течение полутора года — с 29 сентября 522 по 10 марта 520 г.

«Говорит царь Дарий: следующее я совершил, сделавшись царем. Когда я умертвил мага Гаумату, некто, по имени Атрина (в эламск. Ашина), сын Упадармы, восстал в Эламе и говорил народу: «я — царь в Эламе». Эламиты восстали и перешли к этому Атрине: он стал царем в Эламе. И некто вавилонянин, по имени Нидинту-Бел, сын Аниры, восстал в Вавилоне и лгал народу: «я — Навуходоносор, сын Набонида». Весь вавилонский народ перешел к этому Нидинту-Белу, Вавилон возмутился, и он захватил в нем власть. Тогда я послал вестника в Элам. Атрина был связан и приведен ко мне; я казнил его. Затем двинулся я против Вавилона на этого Нидинту-Бела, назвавшего себя Навуходоносором. Его войско охраняло Тигр; там выстроилось оно и было с кораблями. Я переправил своих людей на кожаных мешках; других посадил на верблюдов, иных на коней. Аурамазда послал мне помощь. Волею Аурамазды я переправился через Тигр. Затем я нанес войску Нидинту-Бела жестокое поражение; 26 числа асриядия (13 декабря 522) мы сразились. Затем я двинулся на Вавилон. Когда я еще не дошел до Вавилона, на месте у Евфрата, называемом Зазанну, выступил против меня с войском тот Нидинту-Бел, называвший себя Навуходоносором, чтобы дать мне сражение. Мы сразились. Аурамазда послал мне помощь. Волею Аурамазды я нанес войску Нидинту-Бела жестокое поражение. Неприятель был загнан в воду, вода унесла его, 2 числа месяца анамака (18 декабря 522) произошло сражение. Потом Нидинту-Бел с немногими всадниками убежал в Вавилон. И я двинулся в Вавилон. Волею Аурамазды взял я Вавилон и пленил этого Нидинту-Бела. Затем я казнил этого Нидинту-Бела в Вавилоне».

Вавилоняне раскаялись, разочаровавшись в персидском владычестве. Теперь для них оказался пригоден и мнимый сын неугодного Набонида, из-за которого они некогда передались Киру; можно было теперь назваться его сыном и найти убежденных приверженцев. О восстании вавилонян говорит и Геродот (III, 150—160), но относит его ко времени более позднему и рассказывает такие подробности, которые едва ли совместимы с повествованием надписи. Вавилоняне крайне ожесточенны. Они убивают большинство женщин, как лишние рты; Дарий осаждает бесплодно Вавилон 20 месяцев, испытывая только издевательства осажденных. Не помогает и пример Кира (отведение реки), и Вавилон падает только благодаря самопожертвованию Зопира, изувечившего себя и перебежавшего к врагам, якобы из мести к Дарию,

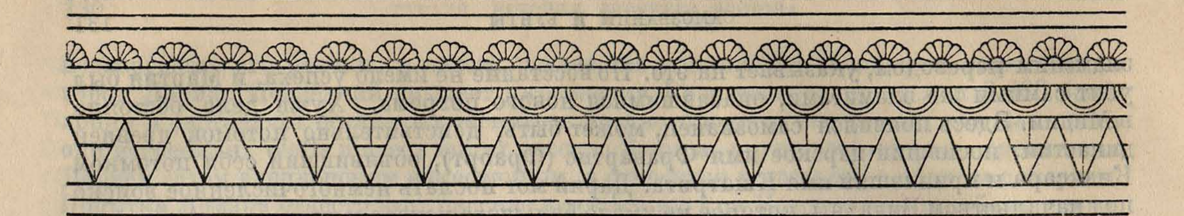
подвергшему его увечью, и затем, в качестве полководца вавилонян, передавшего город Дарию. Последний срывает укрепления Вавилона, садит на кол 3 000 вавилонян и заставляет остальных жениться на иногородных женщинах, так как своих они истребили. Wells и здесь видит рассказ Зопира, внука этого героя, сделанного Дарием затем вавилонским наместником, и относится к рассказу с полным доверием. Попытка Лемана отнести этот рассказ к восстанию при Ксерксе едва ли убедительна. Трудно приурочить его и к другим восстаниям Вавилона. В самой Бехистунской надписи упоминается дальше еще один бунт, поднятый каким-то армянином Арахой, сыном Халдиты, очевидно, алородийцем, который также выдавал себя за Навуходоносора (IV), сына Набонида. Но этот бунт был усмирен еще скорее, причем даже не потребовалось личного присутствия Дария. «Я послал войско в Вавилон. Перса, по имени Виндафарну, моего слугу, я сделал его командиром и сказал им: «ступайте, вы должны разбить в Вавилоне войско, которое не называет себя моим». Виндафарна (Интаферн) двинулся с войском на Вавилон. Аурамазда даровал мне помощь; по воле Аурамазда Виндафарна разбил вавилонян и пленил их. 22 числа мархешвана (27 ноября 521) был взят в плен Араха, назвавший себя Навуходоносором, и люди, бывшие его наиболее видными приверженцами. Тогда я издал приказ: «этот Араха и люди, бывшие его приверженцами, должны быть в Вавилоне посажены на кол».

Таким образом, вавилоняне готовы были итти даже за инородцем, и даже после примерного разгрома. Но и этот бунт не соответствует переданному у Геродота — он не мог длиться долго, и осада шла не под руководством самого Дария. Если мы обратимся к вавилонским источникам, то будем ожидать надписей, оставленных самозванцами. Таковых пока не найдено, но следы восстаний можно усмотреть в нескольких контрактах банкирской конторы Эгиби и сыновей. Они помечены именем «Навуходоносора, царя Вавилона» и именами свидетелей — сыновей Эгиби, тожественных с теми, которые подписывались на контрактах времени Камбиза, лже-Бардии и Дария, следовательно, не могут относиться ко времени великого Навуходоносора. Годом «начала царствования» Навуходоносора III датированы за подписью Итти-Мардук-балату таблички с 10 числа 7-го месяца до 21 числа 9-го месяца, следовательно, царствование самозванца Нидинта-Бела продолжалось не более 3 месяцев. Кроме того, еще есть две таблички от 1-го года Навуходоносора за подписью уже другого хозяина фирмы, Мардук-Насирпала, сына упомянутого Итти-Мардук-балату, сына Эгиби. Оба хозяина, отец и сын, упоминаются на табличке от первого года Дария, далее идет уже один Мардук-Насирпал. Очевидно, отец его умер в первый год Дария, может быть, даже был убит во время второго бунта, и, следовательно, контракты с именем его сына могут относиться только ко времени после воцарения Дария в Вавилоне, а потому две таблички с именем Навуходоносора и подписью Мардук-Насирпала имеют в виду Араху-Навуходоносора IV. Они датированы 6 и 7-м месяцем, что уже само указывает на кратковременность бунта: к тому же этими месяцами датированы и некоторые таблички с именем Дария, что еще больше увеличивает путаницу. Во всяком случае, от 20 числа 11-го месяца начинаются контракты, датированные Дарием, а в недавнее время немецкая экспедиция нашла в Вавилоне документ, датированный 6-м числом 10-го месяца «начала царствования Дария». Следовательно, уже через 4 дня после битвы при Зазанну Вавилон был во власти Дария, и о продолжительности осады не может быть и речи. Дарий еще несколько месяцев оставался в Вавилоне, об этом он сам говорит дальше в Бехистунской надписи, повествуя о дальнейших своих подвигах. Он говорит: «Пока я находился в Вавилоне, отпали от меня Персия, Сузиана, Мидия, Ассирия, Армения, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Скифия». В Эламе, уже раз усмиренном, снова появился самозванец Мартия, назвавший себя Умманишем, царем Сузианы. Сам он, повидимому, перс, принял древнее эламское имя и возрождал былые эламские традиции. Очевидно, еще не умерло древнее племя, и необходимость для самого Дария считаться с эламским элементом и сопровождать свои официальные тексты

эламским переводом, указывает на это. Но восстание не имело успеха, и Мартия был убит самими же эламитами, опасавшимися нового погрома. Хуже дело обстояло в Мидии. Здесь появился самозванец, может быть, действительно потомок древней династии, носивший царское имя Фравартис (Фраорт), объявивший себя потомком Киаксара и принявший имя Кшатрита. Дарий мог послать немногочисленное войско под начальством Видарны, которое не имело большого успеха и долго ждало прихода его самого. В это же время пришлось для усмирения Армении послать другой отряд под начальством армянина Дадаршиша, который, несмотря на троекратную победу, также не мог довести дело до конца и ждал прибытия царя. Третий полководец — Ваумиса дважды разбил инсургентов в Армении, но также не имел полного успеха. Наконец, двинулся Дарий. Фравартис бежал в Раги, где был пойман и казнен. В связи с этим бунтом было восстание у Сагартиев, где появился самозванец, выдававший себя за потомка Киаксара; кроме того, были волнения в Парфии и Гиркании, ставших на сторону лже-Кшатриты. Усмирением последних должен был заняться отец Дария Гистасп (Виштаспа), бывший наместником этих областей. Потом, справившись с Фраортом, Дарий сам прибыл ему на помощь и окончательно усмирил восстание. Далее, был подобный же бунт в Маргиане, в Персии, в области Ятутия, где появился новый самозванец лже-Бардия, по имени Вахияздата. Это восстание было особенно упорно; самозванец послал часть своего войска в Арахозию, и потребовалось много усилий со стороны дариевых полководцев, чтобы уничтожить самозванца и его войска в Арахозии. Между тем, сам Дарий был занят в Мидии, и в это время вспыхнуло восстание Арахи в Вавилоне, результат которого нам известен.

Мы видели, что слова Дария: «по воле Аурамазды случилось это в один и тот же год; сделавшись царем, я дал 19 сражений, по воле Аурамазды победил в них и пленил 9 царей», — близки к истине. Это было страшное напряжение сил, удачный выход из которого делает честь Дарию. Нельзя упускать из вида также и того, что и дальний запад государства не всегда был спокоен, — что не все перечисленные мятежи удостоились подробного рассказа (напр., в Ассирии) и что были волнения, не отмеченные в Бехистунской надписи, не находившиеся в связи с историческими и династическими традициями. Из Геродота, напр., мы знаем, что смуты были в греческой Кирене, изгнавшей подчинившегося Камбизу Аркесилая III за его жестокость. Когда он был убит в Барке, мать его Феретима с помощью персидского войска и флота, данного наместником Египта Ариандом, жестоко отомстила за его смерть. Потом сам Арианд был казнен по подозрению в стремлении к самостоятельности. Геродот сообщает также о замыслах сатрапа Лидии Оройта, не успевшего восстать только потому, что Дарий искусно предупредил его (519).

Последние переводы Бехистунской надписи: Weissbach, Die Keilinschriften der Achämeniden. Vorderasiat. Bibliothek. III. Lpz., 1911. Pereira, Inscriçao de Dario o Grande. Coimbra, 1913. Здесь обширные введения со статьями о хронологии, а также указана литература. В Эрмитаже имеется замечательный, происходящий из Керчи, резной камень с изображением Дария, карающего бунтовщиков. Изд. в Отчете Археол. комиссии за 1881 г., табл. 5.



ДАРИЙ I

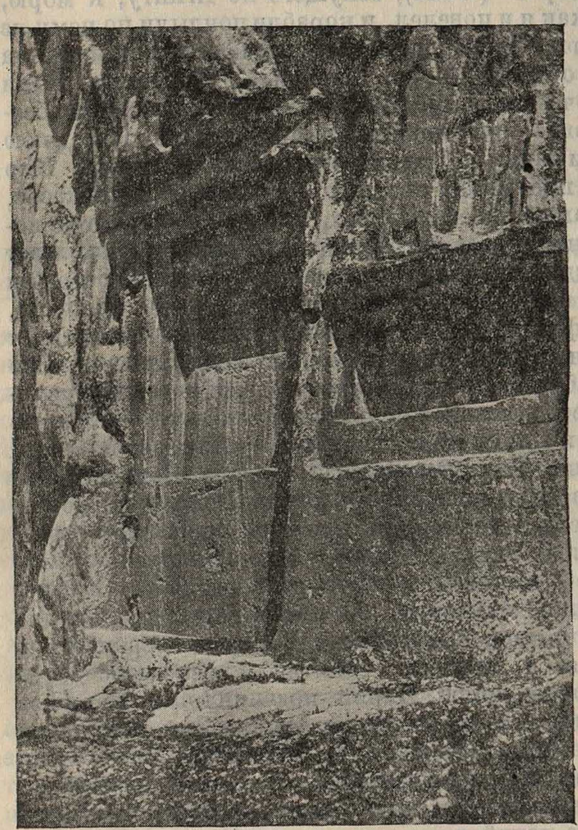
По умиротворении государства Дарию предстояло заняться его организацией. Его предшественники все время употребили на завоевания и даже редко бывали дома; к тому же они находились под таким сильным влиянием древних культур, что и не думали о замене того, что нашли. Теперь волей-неволей пришлось убедиться в недостаточности ассиро-вавилонского наследства: государство переросло все бывшие до него монархии, а национализм господствующего племени не мог мириться с преобладанием запада; наконец, новое мировое государство, простираясь от Эллады и Карфагенской области до Индии и Южной России, ставило новые вопросы экономической политики. И вот, реформы Дария имели задачей сосредоточить управление в руках персов, которые получали должности сатрапов в тех новых областях, на которые было разделено государство и которые были гораздо обширнее ассирийских провинций. Затем были урегулированы подати, заменившие прежние подарки, ставшие в организованной империи анахронизмом; наконец, был санкционирован переход к денежной системе хозяйства введением монетной единицы. Некоторые ученые считают, кроме того, Дария творцом персидской клинописи и проводником зороастрова учения.

Кроме внутреннего устройства государства, Дарий обратил внимание и на безопасность его границ, а также на их урегулирование, причем была отдана дань и завоевательным стремлениям. Невозможность покорить Карфаген финикийским флотом заставила войти с республикой в дипломатические сношения, особенно после нового подчинения персам Барки. Границы обеих великих держав соприкасались, так как Барка и Кирена еще раньше размежевались с пунийцами. Юстин сообщает, будто в Карфаген прибыли персидские послы и объявили требование великого царя не приносить в жертву людей, не есть собак и не хоронить покойников в земле. Карфагеняне согласились, но отклонили предложение о союзе против греков. Мы бы ожидали скорее обратного; вероятно рассказ является перенесением на более древнее время религиозной исключительности зороастризма более позднего. Трудно сказать, признал ли Карфаген до известной степени верховенство персов, может быть, желая избавиться от опасности вторжения со стороны Ливии. Во всяком случае его имя в форме «Карка» в накширустамском перечне подвластных народов, поставленное рядом с африканскими Кушем, Пунтом и Максиями, означает Карфаген. Во всяком случае, несомненно, что в программу Дария входили заботы о западной границе. Что касается восточной, то мы знаем, что еще Кир подчинил индийские племена у Гиндукуша и в долине Кабула; Дарий прошел еще дальше и сделал Инд естественной границей своего государства. Несметные сокровища и золото, добываемое в Тибете и долинах рек, с этих пор устремились на запад; различные культурные приобретения

последнего (мифы, зодиак, алфавит, арамейский шрифт в Кабуле и Пенджабе, греческая литература у грамматика Панини, монеты) шли ему взамен в Индию, которая теперь была связана с Средиземным морем и вошла в состав его культурной сферы. Морской путь должен был связать Индию непосредственно с Средиземным морем, минуя Вавилон. Скилак посылается в объезд Аравии; сам Дарий едет в Египет и распоряжается устройством канала от Нила к Чермному морю. Об этом повествуют оставленные им на Суэцком перешейке надписи, клинописная версия которых читается так: «Я повелел копать канал от р. Пирава (Нила), текущего по Египту, к морю, идущему из Персии. Он был выкопан, как я и повелел, и корабли поплыли по нему из Египта в Персию, как и была моя воля»... Еще более забот и беспокойств причиняла северная граница. Здесь культурные области (Мерв, Марканда, Хорасмия) были оазисами среди пустыни, по которой кочевали разбойничьи племена, грозившие безопасности государства и не раз делавшие опустошительные набеги на Переднюю Азию (скифы). Желая подчинить их и таким образом обезопасить границы, Кир погиб в Закаспийской области. Дарий продолжал его дело и подчинил Закавказье, образовав из него две сатрапии, уже самый объем которых, по своей незначительности, указывает на позднее происхождение и военную важность. Далее, он называет в своей надгробной надписи в числе подданных «Сака Хумаварка» и «саков с острыми шапками», «саков концов земли» — в суэцком иероглифическом тексте. Наконец, известен его поход на европейских скифов (512), о котором в древности существует столько рассказов и который несомненно имел целью не столько завоевание само по себе, сколько опять-таки устранение набегов. Незнакомство с географическими условиями было причиной его неудачи, но все же главная цель была достигнута — больше мы не слышим о скифских нападениях, и Дарий имел основание считать это победой, о чем он и повествует в своих надписях. Так, помещенный в конце Бехистунской надписи на одном персидском языке рассказ, повидимому, имеет в виду этот поход. К сожалению, именно здесь надпись пострадала; можно прочесть лишь следующее: «...я двинулся на землю Сака... (перешел) Тигр... к морю... переправился... убил; другого взяли в плен и привели ко мне связанным; я убил его... по имени Скунка, которого взял в плен... Другого поставил начальником, как и была моя воля. Страна стала моей». В связи со скифским походом стоят предприятия Дария на европейской северо-западной границе, развившиеся в мировое событие — греко-персидские войны. Возвращаясь после скифского похода домой, Дарий подчинил чрез Мегабиза фракийцев и греческие колонии во Фракии. Македонский царь Аминта сам покорился ему. Еще ранее был присоединен остров Самос (Геродот III, 139—149). Затем Отан подчиняет Византию, Халкидон, Антандр, Лемнос и Имброс с помощью лесбийцев. Таким образом, персидская монархия стала лицом к лицу с развивающейся Элладой, наседая на нее со всех сторон. Восстание ионийских греков, которое первоначально персидский двор едва ли считал событием другого порядка, чем те бунты, которые пришлось усмирять Дарию, доказало, что владеть западным берегом Малой Азии персы могут безопасно только в том случае, если подчинят себе и греческую метрополию, т. е. предпримут туда такой же поход, как на скифов. Но здесь-то и нашла себе предел монархия Ахеменидов. Последствия доказали, что опасения их были основательны, и что они даже не предвидели пока опасности, которая им грозила с запада: объединенная Эллада оказалась в силах разгромить их государство и открыть новый период истории Востока.

В отношении к подвластным народам Дарий, несмотря на свои централизационные реформы, был еще гуманен и придерживался идеи «Царства Стран». Мы знаем, что в его время оказывалось покровительство иерусалимскому храмозданию, и весьма вероятно, что им назначен для иудеев потомок Давида Зоровавель, как туземный князь. В Египте он выступает как фараон и с именем Сетету-Ра. Известный нам Уджагорресент и при нем пользовался влиянием и мог оказывать своему отечеству услуги. В своей автобиографии он говорит об этом следующее:

«Повелел его величество, царь Верхнего и Нижнего Египта Дарий, чтобы я отправился в Египет — его величество находился в Эламе, как царь великий всех чужих стран и великий государь Египта, — чтобы восстановить помещения Перанха (храма Нейт) после того, как они были разрушены. Азиаты доставили меня из страны в страну (ср. Ездры, 8, 22, Неемии, 2, 7) и проводили меня в Египет, согласно повелению владыки обеих земель. Я поступил согласно тому, как приказал мне его величество, и снабдил их (т. е. учреждения) всеми их книжниками, сыновьями особ; не было среди них сыновей простолюдинов. Я отдал их под (надзор) всех опытных... для всякой их работы. Повелел его величество дать им всякие хорошие вещи, чтобы они занимались своим делом. Я снабдил их всем полезным для них, всеми их инструментами, согласно книгам, как это было прежде. Поступил так его величество, ибо он знал пользу искусства, чтобы исцелить всякого больного, чтобы поставить непоколебимо имена всех богов, их храмы, их жертвы, справлять праздники их вечно».


Гробницы Ахеменидов в Дину.

Таким образом, так наз. «египетский Ездра» оказывается в Сузах («в Эламе» — единственное упоминание этой страны в египетской письменности); он, вероятно, отправился туда сам хлопотать по делам своего храма и добился указа о реставрации знаменитой саисской медицинской школы, пострадавшей, очевидно, во время «великого ужаса». Эта школа, на которую намекает еще введение к медицинскому папирусу Эберса («я вышел из Саиса»...), помещалась при храме Нейт, в отделении «Перанх» (соб. «дом жизни»—место для коллегии иерограмматов при всех египетских храмах). Мы знаем из греческих писателей, как персидские цари, в частности Дарий (Герод. III, 129—138), дорожили успехами медицины и хорошими врачами: понятно, что для Уджагорресента выхлопотать указ было еще легче, чем для Ездры. И вот он снабжает эту высшую школу «книжниками» — очевидно, учениками, заготовляет необходимые учебные пособия и заодно приводит в порядок храм, при котором она находилась. При этом он откровенно заявляет, что в число студентов принимались только сыновья персон, а бедняки не имели доступа — так далеко пошла в Египте в это время кастовая исключительность. Это был последний факт, записанный на статуе Уджагорресента. Мы знаем уже, что Дарий был лично в Египте, знаем также, что от его имени предпринимались храмовые постройки и в Нильской долине и в Великом оазе. Хаммаматские рудники деятельно эксплоатировались для этих построек в его царствование; заведывали ими частью туземные (напр., Хнумабра, возводивший свою генеалогию к обоготворенному Имхотепу), частью персидские архитекторы, настолько подвергшиеся влиянию египетской культуры, что они молились египетским богам, и надписи их сделаны египетскими иероглифами. Надпись Дария,

повествующая о великом деле проведения канала чрез Вади-Тумилат, поставлена в пяти экземплярах, причем три азиатских обычных текста были начертаны на одной стороне, а египетский — на другой. Здесь Дарий выступает настоящим фараоном: его изображение помещено под крылатым солнечным диском; божества двух половин Нила связывают под его именем оба Египта; здесь же, несколько применяясь к древне-египетскому стилю, символически изображен перечень подвластных персидскому царству народов. Это должно быть как бы фикцией того, что все эти народы — вассалы Египта и его фараона «Интариуша», более великого, чем древние туземные цари XVIII династии. Здесь нашли себе иероглифическое изображение такие страны, которые никогда, ни раньше ни позже не встречаются в египетских текстах. К сожалению, половина имен не сохранилась, и мы не знаем, были ли в их числе Пунт и Куш, упоминаемые в накширустамской надписи. Возможно, что притязание на владение первым вытекает из возобновления мореплавания по Чермному морю. Интересно отличие этих изображений от употреблявшихся фараонами — там каждый народ был представлен в виде бюста связанного пленника, приделанного к заключенному в зубчатый овал (крепость) имени страны или города; здесь изображать арийские страны в виде пленников фараона арийца было бы странно; поэтому представители племен помещены коленопреклоненными, в почтительной позе, над своими овалами. Первое место занимают Персия и Мидия, последнее из азиатов — «страна Сака, достигающая пределов земли». Египетский текст надписи совершенно отличается от клинописных и составлен в фараоновском стиле. Возможно, что автором его был тот же Уджагорресент; саисское происхождение во всяком случае несомненно. К сожалению, текст сохранился далеко не вполне. Можно прочесть следующее: «Дарий, рожденный богиней Нейт, владычицей Саиса, исполнил все, что бог начал... владыка всего, обтекаемого солнечным диском. Когда он был во чреве матери и еще не являлся на земле, Нейт признала его своим сыном... повелела ему... простерла ему свою руку с луком для повержения врагов его, как это она сделала для своего сына — Ра. Он могуч... Он повергает врагов своих во всех странах, царь Верхнего и Нижнего Египта, Дарий, живущий вечно, великий царь царей, сын Гистаспа, Ахеменид. Он — сын ее, могучий и расширяющий границы... все иностранцы идут к нему со своими дарами и работают для него»... Далее можно разобрать только отдельные слова. Царь созывает мудрецов и расспрашивает их; упоминается Кир (без царского овала) и какая-то страна Шаба (может быть, область Савеев в Южной Аравии), говорится о флоте, посылаемом для исследования моря... Предполагаемый последователь Зороастра, или, в худшем случае, Ормуздова монотеизма, оказывается «сыном Нейт, подобием Ра», настоящим правоверным саисским фараоном. Совершенно иначе редактированы клинообразные версии, далеко не представляющие перевода. Они, прежде всего, гораздо короче, начинаются с обычного исповедания царем Аурамазды; затем Дарий с гордостью говорит: «Я перс, и из Персии подчинил Египет». Последнее — вероятно, не фраза, а намекает на действительное усмирение волнения, возбужденного Ариандом. Этот сатрап вмешался в смуты киренских греков, по Геродоту (III, 166—205), желая покорить Ливию, может быть, чтобы расширить свою сатрапию и приготовить себе будущее царство. Геродот сообщает, что Дарий велел казнить его за то, что он хотел сравняться с царем, отливая такую же чистую серебряную монету, какую тот чеканил золотую. Дарию это не понравилось, и он выставил против него еще одно обвинение — в государственной измене. Действительно, сатрапы имели право чеканить серебряную монету, и этого одного было недостаточно для обвинения. Полиэн (VII, II), напротив, говорит, что сами египтяне восстали, негодуя на жестокость Арианда (у него «Ориандра»). Дарий отправился чрез Аравийскую пустыню в Мемфис и застал в Египте траур по Аписе. Он объявил 100 тал. награды за нахождение нового Аписа и этим привлек к себе египтян, которые оставили мятежников. Видеман полагает, что это произошло в 4-й год Дария, т. е. в 517 г., от которого у нас есть стела из Серапея с надписью о смерти Аписа. Но такая же

надпись есть и от 31-го года Дария, да и вообще это известие несколько похоже на анекдот. Диодор говорит (I, 5), что египтяне очень ценили Дария за то, что он старался загладить поступки Камбиза, и считали его одним из своих законодателей; говорит даже, что жрецы не позволили ему поставить свою статую рядом с Сесострисовой, ибо последний-де покорил скифов, а он нет. Вздорность этого рассказа очевидна уже из того, что скифы упоминаются в перечне подвластных народов, но он характерен для египетских преданий позднего времени. Во всяком случае, во все последующее время царствования Дария Египет оставался спокоен; у нас есть демотические документы, датированные еще 35-м годом его царствования. Только, если верить Геродоту (VII, 1), Египет восстал под впечатлением победы греков на четвертый год после Марафона (486), и Дарий умер, не успев подавить этого восстания. Известие это правдоподобно, так как аналогичное мы встречаем в Вавилоне.

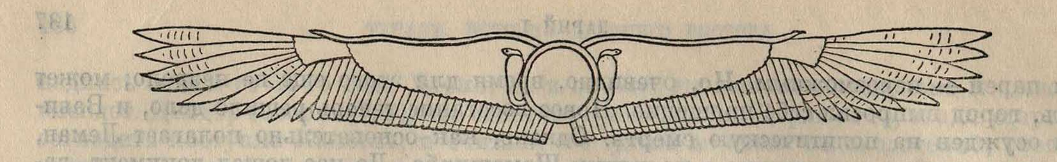
Несмотря на двукратный мятеж, Дарий все еще щадил Вавилон и оставил за ним значение столицы. Попрежнему документы датируются именем Дария, царя Вавилона, царя Стран. Официальные надписи, дублеты Бехистунской и др., ставились и здесь на вавилонском языке. (Часть Бехистунского текста нашла здесь немецкая экспедиция в 1899 г. у северного угла старого города). Но коронации и царские выходы в день нового года едва ли не были отменены. Геродот говорит даже, что Дарий имел намерение увезти из Вавилона его палладий — золотую статую Мардука, но «не посмел»; другими словами, только в силу какой-то неизвестной нам причины он не исполнил своего намерения покончить с Вавилоном как с царством. Во всяком случае, с Мардуком царь не считается: в копиях с Бехистунской надписи, оставленных в Вавилоне, он знает одного Аурамазду.

Среди находящихся в Берлине клинописных документов из Борсиппы Унгнад нашел два, датированные «началом царствования Бел-Шиманни, царя Вавилона и Стран». Свидетели, подписавшиеся на этом контракте, — те же, что встречаются на документах второй половины царствования Дария и первого года Ксеркса. Очевидно, Бел-Шиманни восстал против Дария и принял дерзновенный титул «царя Стран», на который не посягали еще лже-Навуходоносоры. Вероятно, это также произошло в самом конце царствования Дария, под влиянием Марафона, хотя не исключена возможность и более раннего времени. От того же времени идут документы с именами «царей» Шукушти (?) и Акшимакшу. Новому царю, сыну Дария и внуку Кира, К с е р к с у (485—465) удалось подавить восстание в Египте, который, по Геродоту, подвергся еще большему игу, чем раньше. Наместником был назначен брат царя, Ахемен. Затем пришлось усмирять Вавилон, снова решившийся на восстание. Ктесий сообщает, что это восстание вспыхнуло в начале царствования и было вызвано кощунственным открытием гробницы какого-то Белитана, а затем усмирено Мегабизом, отцом Зопира. Страбон (XVI, 1, 5), Арриан (VII, 17), Диодор (II, 9, XVII, 112) говорят также о святотатствах Ксеркса в вавилонских храмах, причем Арриан датирует их временем после возвращения Ксеркса из Греции. В пользу первой даты говорит единственное вавилонское свидетельство о восстании: до нас дошел документ из банка Эгиби, датированный 22 тишри (26 окт.), года вступления на царство Шамаш-Ирба, «царя Вавилона и Стран», причем свидетели сделки те же, что упоминавшиеся в документах из времен Дария; сын одного из них упоминается уже под 1-м годом Ксеркса. Эд. Мейер, на этом основании, полагает, что восстание произошло летом 484 г. Во всяком случае, восстание не было продолжительным — это видно уже из наличности одного документа от «начала царства». Не знает о нем ничего и Геродот, но сообщает, сам того не подозревая, интересное сведение, что Ксеркс увез из харма Бела (Эсагилы) колоссальную золотую статую бога, убив охранявшего жреца, и что уже Дарий хотел это сделать, но не решился. Конечно, греческий историк полагал, что причина — корыстолюбие. На самом деле, она, как мы знаем, более глубока. Дарий, после восстания Нидинту-Бела, хотел увезти статую и тем сделать Вавилон лишенным царя-бога и значения царской резиденции, а появление в

нем царей — невозможным. Но, очевидно, время для этого еще не назрело; может быть, город выпросил себе прощение. Новое восстание теперь решило дело, и Вавилон осужден на политическую смерть. Однако, как основательно полагает Леман, это восстание не тожественно с поднятым Шамаширба. До нас дошел документ, датированный 8-м месяцем первого года Хазии (может быть, Тарзии), «царя Вавилона и Стран» — этот документ можно отнести только ко времени Ксеркса. Вероятно, новое восстание произошло под влиянием Саламина и вспыхнуло в 480 г., который и был «годом начала царствования» Хазии. Усмирение бунта повлекло за собою крайние меры: увезение статуи и разрушение храма, причем погиб жрец, как последний защитник древнего Вавилона... С этих пор изменяется и титулатура царя на вавилонских документах: на датированных «годом вступления» Ксеркс называется еще «царем Вавилона, царем Стран»; на происходящих из первых 4 лет его царствования — «царем Персии и Мидии, царем Вавилона и Стран»; наконец, с 5-го года (480—479) начинается обозначение «царь Стран», которое остается за всеми преемниками Ксеркса. Таким образом, вавилонское царство было уничтожено и притом навсегда. Вавилонская культура и язык еще долго продолжали, бок-о-бок с надвигающимся эллинизмом, существовать в Передней Азии. Клинописные документы, памятники религиозной литературы, а также астрономические выкладки халдеев дошли до нас в изобилии и от селевкидов и от арсакидов, до самого начала н. э. Но Мардук сошел со сцены, уступив господство над миром Ормузду, и его город падал все больше и больше, даже в экономическом отношении. Что он перестает быть центром торговли и капитализма, понятно после прорытия канала в Египте; упадок его, кроме того, виден и из крайней немногочисленности дошедших до нас от времени после Ксеркса деловых документов, которые раньше считаются тысячами. Вместо него выступает опять древний Ниппур, а также Опис на Тигре — исходный пункт дорог в горы, указавший место Селевкии, Ктесифону и Багдаду.

Падение семитической столицы почти совпало по времени с разгромом воинственного семитизма на западе — при Имере, и с победой при Саламине новой силы, в лице которой выступила теперь на всемирное поприще европейская культура. Величайшая империя древне-восточного мира, располагавшая неисчерпаемыми ресурсами и опиравшаяся на огромные войска и флот, была побеждена афинянами и спартанцами в самом начале этих вековых войн, закончившихся ее гибелью и подчинением всего мира греческой культуре. Каковы бы ни были причины этого явления, несомненно, что Саламин и Платея были поворотными пунктами в истории Персии. Великий царь встретил неожиданный отпор своим завоевательным стремлениям; мало того, победоносные греки сами перешли в наступление; среди них все более и более делается популярной идея возмездия варварам за сожжение эллинских святынь, а потом идея подчинения всех варваров высшему элементу человечества — эллинам. Экономические условия тесной Эллады дают этим идейным стремлениям практическое основание, и только раздробленность и взаимные междоусобия греков откладывали осуществление их до той поры, когда во главе объединенной Греции стал македонский царь. Внутренние условия персидского государства, между тем, все более и более ухудшались и делались благоприятны для осуществления греческих чаяний.

Египетские отношения: Schäfer, Die Wiederaufrichtung einer Aerzteschule in Sais. Zeitschr. Aeg. Spr. 37. Golénischeff, Stéle de Darius aux environs de Tell el Maskoutah. Rec. d. trav. XIII (1890). Тураев, Скифия в иероглифической надписи. Сборн. в честь С. Ф. Платонова, 1911. *Вавилонские:* Weissbach, Babylonische Miscellen. X. XVI. Ungnad, Bel-Schimani. Orient. Literaturzeitung, 1907. Lehmann, Xerxes und die Babylonier. Wochenschrift f. Klass Philologie, 1900. Βηλιτανᾶς und Βελητάρας. Orientalische Studien Theod. Nöldeke gewidmet. II (1909). Считает Белитана «мертвым Белом», героем Этаной, в честь которого справлялись нарушенные Ксерксом мистерии и который почивал во время их в стеклянном, наполненном елеем саркофаге (Ктесий у Фотия. Элиан, Var. Hist. XIII. 3). Wells, The persian friends of Herodotes. Journal of Hellenic Studies XXIV (1907).



ПЕРСИДСКОЕ ЦАРСТВО ПРИ АХЕМЕНИДАХ

Персидское царство было разделено на большие области, называвшиеся, по титулу их правителей «кшатрапаван» — сатрапов («блюститель области»), сатрапиями. Число их у Геродота, сведения которого в данном месте (III, 89 сл.) идут из официального источника, 20; число это, однако, не было постоянным, так как бывали случаи, что управление двумя или более сатрапиями поручалось одному лицу (напр., Уштану — Вавилон и Заречная область) и, наоборот, одна область делилась, или, наконец, перетасовывались составные части сатрапий. В своих надписях — накширустамской и суэцкой (иероглифической) — Дарий приводит 24 имени: «волею Ормузда подчинены мне страны, которые я получил, кроме Персии. Я — их господин; они приносят мне дань. Что я им говорю, то они исполняют. Мой закон для них руководство; это — Мидия, Сузиана, Парфия, Ария, Бактрия, Согдиана, Хорасмия, Дрангиана, Арахозия, Саттагида, Гандара, Индия, Хумаваргские Скифы, Скифы с остроконечными шапками, Вавилон, Ассирия, Аравия, Египет, Армения, Каппадокия, Сарды, Иония, Скифы по ту сторону моря, Скудра, Ионяне с курчавыми волосами (м. б. «со щитами»), Пут, Куш, Максии, Карка». Этот список не имеет в виду перечисление сатрапий — это видно уже из того, что в нем народы помещены на ряду с областями, упомянуты «Скифы по ту сторону моря», т. е. европейские, Пунт, Ливия, Карфаген (Карка), никогда не управлявшиеся никакими сатрапами, зато не упомянуты Сирия и Палестина, если только они не считаются входящими в состав Ассирии или Вавилонии, и т. п. Пред нами не административная роспись, а историко-географический список, как и приличествовало надписи на царской гробнице. Как Геродот, так и Дарий исключают из списка персов, так как они не платили податей; отсюда видно, что деление преследовало, главным образом, фискальные цели, но считалось иногда с этнографией и историей. Сатрапы и начальники более мелких областей были не единственными органами местного управления. Кроме них во многих местах существовали наследственные туземные цари или владетельные жрецы, а также вольные города и, наконец, «благодетели», получившие в пожизненное, а то и наследственное владение города и округа. Цари и князья были в Киликии (до IV в.), Вифинии, Карии, Ликии, Пафлагонии, Согдиане (еще при Александре), индийских пограничных областях, Кипре, Финикии, Иудее. Последние страны, впрочем, скорее относятся к другим типам: Финикия и Кипр примыкают к вольным городам греческого запада; царь у них представляет тиранна, впрочем, на монетах чеканит свое имя, тогда как тиранны в греческих городах этого не делают, а городские монеты имеют только гербы городов. Иудея после Неемии уже не имеет князей; вероятно, во главе ее стоял первосвященник, подобно тому, как в некоторых сирийских и малоазиатских городах, например, в Бамбике, оставившей нам монеты с именами своих владе-

тельных жрецов. Эти цари, князья, первосвященники по положению отличались от сатрапов только тем, что были наследственны и имели историческую и национальную связь с населением, которое видело в них носителей древних традиций. Будучи вполне самостоятельными во внутреннем управлении, сохраняя туземное право, меру, вес, язык, налагая подати и пошлины, они находились под главным контролем сатрапов, которые имели часто повод вмешиваться, особенно при постоянных смутах греческих городов. Они решали пограничные споры, тяжбы по частным делам, когда в них были некомпетентны города, например, когда стороны были гражданами различных городских общин или различных вассальных областей; они регулировали политические отношения — например, после ионийского восстания Артаферн созывает конгресс в Сардах для объединения права и т. п. Династы, как и сатрапы и даже правители областей, имели право непосредственно сноситься с центральным правительством; мало того, цари финикийских городов, Киликии, греческие тиранны и некоторые другие имели свои войска и флот, которыми лично командовали, сопровождая персидскую армию в больших походах или исполняя военные поручения царя. Однако сатрап имеет право во всякое время потребовать эти войска на царскую службу, поставить в цитадели гарнизон и т. п. Главное командование над войсками провинции также принадлежит ему; он является, в полном смысле слова, генерал-губернатором своей сатрапии, что было необходимо для безопасности области извне и внутри, для прочности власти, и при обширности царства и затруднительности сношений. Сатрапы могли даже на свой страх и счет вербовать солдат и наемников; в известной степени это право стало предоставляться и губернаторам областей. Пока национальное единство и патриотизм персов были сильны, до тех пор сепаратистические стремления не были опасны, что видно на примере Оройта, когда же они ослабели, военная сила сделалась в руках сатрапов опасным орудием, и мы увидим постоянные мятежи и попытки вести самостоятельную политику. Высшее командование войсками принадлежало начальникам четырех или, во время зависимости Египта, пяти военных округов, на которые было разделено царство.

Серебряная статуэтка ахеменидского воина.

Кроме военной команды, сатрапам принадлежал суд, и это едва ли не было главной их функцией, что видно из арамейского технического термина для «провинция» — медине — «судебный округ». О том, какое внимание персы оказывали правосудию, достаточно известно, но нельзя не заметить, что деспотизм и произвол все-таки имели простор в судопроизводстве. Что касается жестоких казней, которыми так обильна персидская история и в которых они едва ли не превзошли даже ассириян, то они обычны на Востоке и до сего дня, а на западе Европы практиковались еще в начале XIX в. Во всяком случае заслуживает похвалы обычай персидских судов не наказывать жестоко за первое преступление и справляться с прошлым поведением. Интересно также уважение, оказывавшееся во многих случаях к туземному праву покоренных народов. Так, в Вавилонии вся масса документов из времен персидского владычества в юридическом отношении не отличается от тех, которые датированы царями халдейской династии; даже наследник престола Камбиз и сатрап Уштани, заключая сделки в Вавилоне, следуют местному праву. То же самое мы видим в Египте и Иудее (Ездра). Конечно, центральное правительство и сатрап во всякое время могли

вмешаться и решать дела по своему усмотрению, но большею частью для них было достаточно, если в стране спокойно, подати поступают исправно, войска находятся в порядке. В Египте персы оставили нетронутыми не только прежнее деление на номы, но и прежнее распределение войск и гарнизонов (Гер. II, 165 сл.) и, наконец, прежние владетельные фамилии в номах, а также податную неприкосновенность храмов и духовенства. Чрезвычайно характерно также, что все время персидской власти в Египте документы юридических частных отношений писались на местном языке демотическим шрифтом, что же касается официальных сношений с центральным правительством или с двором сатрапа, то здесь употреблялся тот же язык, который при персидском владычестве получил значение официального для всей западной половины империи, включая и Малую Азию — арамейский. Это был язык персидской канцелярии, на котором даже издавались для запада царские указы (например, сохраненные в книге Ездры) и на котором сносились с правительством даже персидские гарнизоны (страсбургский папирус) в Египте. Очевидно, персидская клинопись была только монументальным письмом и не годилась для скорописи; и действительно, впоследствии арамейский шрифт был приспособлен к пехлевийскому языку и распространился до Средней Азии и Монголии. Эта блестящая судьба его объясняется тем, что фактически он был общеупотребителен в Ассирии и Вавилонии еще в ассирийские времена; завоевания ассирийских царей и Навуходоносора, в связи с вавилонским пленом, еще более содействовали его распространению, и иудеи, вернувшись из плена, уже говорят, а частью и пишут по-арамейски. Язык этот заступил место клинописи в международных сношениях; он употреблялся даже на монетах малоазиатских сатрапов персидского царя.

Громадное государство нуждалось в средствах сообщения, необходимых и для контроля центральной власти над местными чиновниками. Много говорят о прекрасных персидских дорогах, описанных так обстоятельно и Геродотом и Ксенофонтом в рассказе о походе Кира и при перечислении остановок и расстояний; итинерарий Исидора Харакского по Парфии (σταθμοί παρθικοί) также, вероятно, дает право заключать о персидских временах. Эти дороги следующие: так наз. «Царская» от Ефеса на Сарды и Сузы чрез Евфрат, Армению и Ассирию вдоль Тигра; от Вавилонии чрез Загр мимо Бехистунской скалы на Экбатану, а отсюда к бактрийской и индийской границе; от Исского залива к Синопу поперек Малой Азии и др. Эти дороги едва ли были всецело созданием персов; большинство их существовало уже в ассирийское и даже более раннее время. Равным образом и хеттское царство, расположившись в Малой Азии на рубеже европейского и восточного миров, вероятно, положило начало той «Царской» дороге, которая была главной артерией персидской монархии. Уже в древности Сарды были соединены с Птерией, откуда дорога шла к Евфрату и пересекалась поперечным путем из Тарса к Синопу. Геродот, говоря о лидянах, называет их первыми κάπηλοι, т. е. лавочниками, что вполне соответствует их положению хозяев дороги между Европой и Вавилоном (Ардис, прогнанный Спермом с трона, делается лавочником). Персы только связали этот путь со своими столицами, усовершенствовали его и приспособили его не только для торговых целей (караваны), но и для государственных потребностей — почты. Геродот говорит, что дороги, разделенные на парасанги (5 км), имели на каждых 20 километрах царские станции с прекрасными гостиницами. На границах областей были укрепления и гарнизоны, равно как и там, где Вавилония примыкала к пустыне. День и ночь непрерывно мчались «скорее, чем журавли» курьеры с депешами ἄγγαροι (семитическое слово, перешедшее в лат. angariae). Полагают, что употреблялся и телеграф при помощи костров. Кроме курьеров, посылались важные чиновники для ревизий, большею частью из числа царских родственников, так наз. «очи царя». Доносы принимались и поощрялись, система шпионства и взаимного контроля (напр., секретарь проверял сатрапа и доносил на него, то же делал комендант гарнизона и т. п.) также была в употреблении.

Персидское царство при Дарии воспользовалось и другим изобретением лидян— монетой. До VII в. на всем Востоке господствовало натуральное хозяйство, денежное было лишь в зачаточном состоянии — ходили слитки металла известного веса и формы. Хаос был полный; слитки имели форму колец, пластинок, кружков и т. п., без чеканки и изображений. Вес везде был различен, а потому вне места происхождения слиток терял окончательно характер монеты и должен был каждый раз вновь взвешиваться, т. е. делался товаром. На рубеже Европы и Азии, у головы Царского пути впервые ощутили неудобство такого порядка, и лидийские цари перешли к чеканке настоящей монеты. Отсюда употребление ее распространилось по Малой Азии, на Кипр и даже в исходный пункт аравийской торговли — Газу. Древние торговые страны — Вавилон, Финикия и Египет сохраняли еще очень долго старую систему; они (кроме Финикии) начали чеканить уже после Александра Великого, и в них пока встречались монеты, чеканенные в Малой Азии. Зато на индийской границе чеканка появляется сравнительно рано, но самостоятельного типа. Дарий, устанавливая податную систему, не мог оставить дело в хаотическом состоянии; кроме того, потребности государства, державшего наемников, делали необходимой монетную единицу для возможности установления жалования; равным образом небывалый простор для мировых торговых сношений вызвал ту же необходимость. И вот Дарий, не уничтожая старых местных чеканок и систем мер, к которым привыкли веками, изобретает рядом с ними новую государственную монету— дарик (вероятно, отсюда драхма из «адархон», Ездр. 8, 27, «драхемон», 2, 69), несколько чище и тяжелее крезовской — $^{1}/_{3000}$ перс. таланта в 25,92 килогр., т. е. 8,4 г, около 10 руб. — серебро тогда относилось к золоту 1 : $31^{1}/_{2}$; мелкой монетой сделан персидский сикль, составляющий $^{1}/_{20}$ дарика — 5,6 г серебра, около 50 коп.; отсюда серебряный талант, 6 тыс. сиклей — вавилонский талант, серебряная мина — 100 сиклей — 5 дариков — 50 руб. Этими монетами вносились подати, они же служили для крупной торговли не только в Персии, но отчасти и за границей. Таким образом, в государстве введена золотая валюта, причем право чеканить золотую монету оставлено за правительством; местные царьки, города и даже сатрапы (для платежа наемникам) имели право чеканить только серебряную и медную монету, которая вне их области считалась обыкновенным товаром. Но денежное хозяйство пока туго прививалось.

Хороший знаток персидских условий Ксенофонт, сам прошедший внутренние области царства, влагая в своем сочинении «Экономик» в уста Сократа и Критобула разговор относительно значения земледелия (гл. 4), сообщает интересные сведения о той важности, какую придавали Ахемениды этому занятию, ставя его почти на одну ступень с военным делом:

«Мы согласны, что персидский царь чрезвычайно заботится о военном деле: каждому правителю каждого народа, с которого он собирает дань, он предписал, сколько всадников, стрелков, пращников и вооруженных щитами он должен содержать, сколько необходимо их для управления подчиненными ему и для защиты страны в случае нашествия неприятеля. Кроме того, он содержит гарнизоны в акрополях. Содержит их правитель, которому это поручено, а царь ежегодно производит смотр наемникам и другим войскам, которым предписано быть в полном вооружении. Всех, кроме гарнизонов, он собирает в одно место, где назначено собрание. Тех, которые вблизи резиденции, он смотрит сам, а смотреть живущих далеко посылает надежных людей. Те из комендантов, или хилиархов, или сатрапов, которые окажутся с полным комплектом и представят войска с хорошими лошадьми и оружием, получают повышения и обогащаются ценными подарками. А тех, которых царь найдет нерадивыми относительно гарнизонов, или недобросовестными из-за корыстолюбия, он подвергает тяжелым наказаниям и, отрешив от начальства, заменяет другими. Такое отношение его к военному делу, несомненно, доказывает его заботливость. Но кроме того, часть своей страны он объезжает и осматривает сам, часть — чрез

посылаемых надежных людей, и если заметит, что правители представят землю обитаемой, обработанной и обильной свойственными ей деревьями и плодами, то присоединяет к ним области и награждает подарками и почетными седалищами. Если же увидит, что земля не обработана и мало населена вследствие их суровости, или тяжелого нрава, или нерадения, то наказывает их и, сместив с должности, назначает других правителей. Неужели так поступая, он представляется менее заботящимся о том, чтобы земля обрабатывалась жителями, чем защищалась гарнизонами? Начальники, назначенные им для двух обязанностей, не одни и те же, но одни начальствуют над жителями и работающими — они же и собирают подати, другие командуют вооруженными гарнизонами. Если командир недостаточно защищает страну, начальник жителей и заведующий обработкой доносит, что трудиться нельзя, вследствие отсутствия охраны; если же комендант обеспечивает мир, а у начальника обрабатываемая земля мало населена и не обработана, то на последнего доносит комендант. И почти всегда те, которые плохо обрабатывают землю, не могут ни содержать гарнизонов, ни выплачивать податей. Там, где назначен сатрап, он имеет попечение о том и о другом... Далее. Где бы царь ни жил, куда бы ни отправлялся, он заботится, чтобы везде были сады, называемые парадисами, полные всем красивым и хорошим из того, что может производить земля. В них он проводит большую часть времени, если этому не препятствует время года... Некоторые говорят, что когда царь дает подарки, сначала вызываются отличившиеся на войне, ибо бесполезно много пахать, если некому защищать, а потом — наилучше обрабатывающие землю, ибо не могли бы существовать и сильные, если бы не было обрабатывающих... Говорят, что Кир (младший), когда к нему пришел Лисандр с дарами от союзников... показал ему, как он сам рассказывает своему гостеприимцу в Мегарах, сад в Сардах. Когда Лисандр изумлялся красоте деревьев и тому, что они все одинакового роста, посажены прямыми рядами, под прямыми углами, что их во время прогулки сопровождали приятные запахи, он сказал: «красоте всего этого я удивляюсь, Кир, но еще больше дивлюсь тому, кто все это для тебя размерил и распределил». Кир, услыхав это, был доволен и сказал: «сам я, Лисандр, все это и размерил и распределил, кое-что даже и сам посадил». Лисандр, посмотрев на него и видя красоту его наряда, слыша запах духов и смотря на изящество цепочек, браслетов и других украшений, говорят, сказал: «что ты говоришь, Кир, неужели ты что-либо из этого посадил своими руками?» Кир, как говорят, ответил: «ты удивляешься, Лисандр, клянусь Митрой, я никогда, будучи здоров, не принимал пищи прежде чем не потрудился до пота над какой-нибудь работой военного или земледельческого характера»...

Ручка ахеменидовского сосуда.

Если даже в этом рассказе отнести значительную часть на долю идеализации, которая, впрочем, особенно характерна в устах грека, лично видевшего и испытавшего слабые стороны персидской державы, и то в таком случае пред нами останется еще одна подробность общей картины персидского управления и интересный вклад

в характеристику представителей лучшей части персидских государственных людей. Конечно, Ксенофонт склонен объяснять заботливость царей о том, чтобы земля была наилучше обработана, экономическими соображениями, и может быть он прав. Но целый ряд, едва ли не большинство современных ученых будет склонно видеть в ней, а также и в поведении Кира младшего, мотивы еще более принудительные — религиозные, а именно следование предписаниям зороастровой религии, поставлявшей заботу о земле и ее культуре в число наиболее существенных заповедей для верного последователя Ормузда и пособника его в борьбе с Ариманом, владыкой зла, смерти и бесплодия. Насколько это верно, сказать трудно, как и вообще решить вопрос о *религии Ахеменидов*, к рассмотрению которого мы и переходим.

«Велик бог Аурамазда, создавший сию землю, создавший это небо, создавший смертного, создавший благодать для человека, поставивший царем Дария (или имя рек), единого для многих царя, единого для многих повелителя».

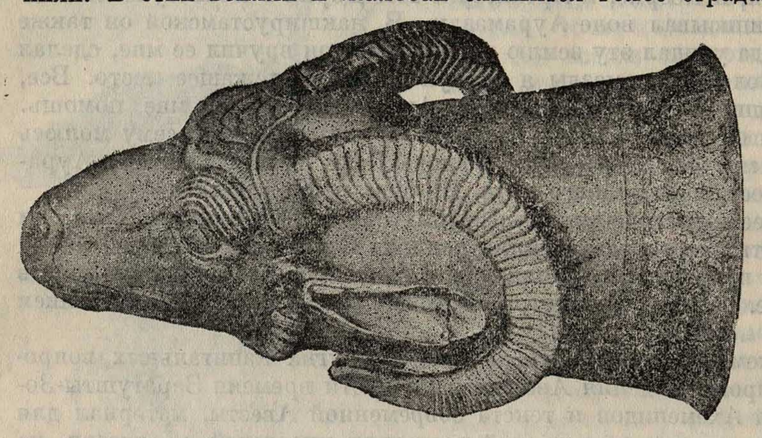
Такое торжественное начало многих надписей Ахеменидов — такое исповедание оставили нам и Дарий, и Ксеркс, и Артаксеркс III. Дарий в Бехистунской надписи все свои победы приписывал воле Аурамазды. В накширустамской он также говорит: «Когда Аурамазда увидал эту землю в восстании, он вручил ее мне, сделал меня царем — я царь. Волею Аурамазды я вернул ее на надлежащее место. Все, что я совершил, я совершил по воле Аурамазды. Аурамазда послал мне помощь. Аурамазда защитил меня от всякого зла, и мой дом, и эту страну. Посему молюсь я Аурамазде, да подаст мне сие Аурамазда. Человек! Не считай заповеди Аурамазды неприятными. Не оставляй правого пути. Не будь неправеден».

Эти тексты делают честь благочестию персидских царей и их смирению, но они еще не дают права считать их последователями религии Ормузда в том виде, какой она имела при парфянах и особенно Сасанидах, и в каком дожила до наших дней в Бомбее и Гуджерате, т. е. религии Зороастра, имеющей своим священным писанием Зенд-Авесту.

Вопрос о религии Ахеменидов тесно связан с рядом других капитальных вопросов: о времени и месте происхождения Авесты, о личности времени Заратушты-Зороастра. Кроме надписей Ахеменидов и текста современной Авесты, материал для решения этих вопросов черпается из известий греческих писателей и, отчасти, из позднейшей персидской религиозной литературы. Мнения ученых чрезвычайно разнообразны. В то время как одни из иранистов признают относительную древность многих частей Авесты и считают Ахеменидов и даже мидийских царей последователями религии Зороастра, другие высказывают самые радикальные взгляды. Так, Дармстетер считает современную Авесту подлогом, составленным во время реставрации при парфянах (Вологесе), не оставшимся без влияния гностицизма и филоновой философии. Исследователь семитических религий, не занимающийся специально иранской филологией, Лагранж также уверен в позднем происхождении Авесты и считает ее религию результатом национальной персидской реакции против эллинизма в эпоху селевкидов; Гаты были как бы манифестом новой реформированной религии, которая принимается рассудком и ведет пропаганду, пригодна для всех, но в то же время строго национальна и исключительна. Она вышла из кружка националистов-богословов магов, которые прикрылись авторитетом мифического мудреца древности Зороастра, подобно тому, как иудеи приписывали многое Моисею, Еноху и Сивилле. Автор довольно убедительно рассуждает, что Зороастра нельзя помещать в VII—VI в., как это делает персидское предание. Это время было на горизонте греческих писателей, и они не стали бы относить его за 6 000 лет и более (Плин. XXX, 1, 2 и др.), а персидские даты 272 или 300 л. до Александра Великого обязаны происхождением отожествлению царя Виштаспы, ученика Зороастра, с отцом царя Дария. Действительно, пророк и его ученики и сподвижники уже в древнейших текстах начинают делаться объектами легенд; впоследствии они были совершенно окружены ими, и Тилэ вполне прав, когда видит в Зороастре «олицетворение

школы или союза жрецов, пророков или мудрецов, произведших общими силами социальную и религиозную реформу». Впрочем он не отрицает возможности, что «существовал и Заратустра, как личность, великий реформатор, история которого в облаке легенд и мифов недоступна нашему взору».

Каковы бы ни были мнения ученых о времени религии Авесты, все согласны в том, что эта религия совершенно иного характера, чем, напр., египетская или вавилонская, бывшие результатами продолжительного естественного развития. Гаты, считающиеся древнейшей частью Авесты, не только говорят об Аурамазде, как о божестве этическом, стоящем превыше всего и не имеющем ничего общего с божествами природы, но и повествуют о проповеди нового учения со стороны Зороастра и других «пророков спасения» (саошьянтов), которых Аурамазда призвал, которым открыл свою волю, и которые далеко не всегда находили людей восприимчивыми к своей проповеди. Напротив, Гаты не раз говорят о неверии и неправде, господствующих в семи частях света, о противодействиях, о лже-пророках, даже о преследованиях. В этих воплях и жалобах слышится голос страдающих душ, чувствующих себя призванными к великому служению и принужденных, в силу этого, проходить обычный для проповедников новых религиозных доктрин скорбный путь. «В какую сторону мне обратиться и куда нести мою молитву? Родные и слуги меня покинули, соседи не желают мне добра... О, если бы я знал, когда придет царствие твое... Когда придет час, Мазда, в который все люди примут слова учеников моих?» Итак, религия ищет исповедников, она занята прозелитизмом и полемикой, а потому это религия не выросшая, а основанная или реформированная. Реформа, впрочем, касалась не только чисто-религиозной области. Она не только имела целью очищение богопочитания и придания ему ясно подчеркнутой этической стороны, но и стремилась к изменению социальных условий — постепенному переходу от пастушеского быта к земледельческому. Земледелие для последователя Авесты и для песнопевца Гат не только почтенное занятие — это почти добродетель, без которой следование «учению» не вменяется в заслугу. Уже это многими исследователями считается доказательством большой древности Авесты. Эта древность усматривается ими также из ее политического и этнографического горизонта. Авеста знает только арийцев, а не мидян, или персов, или парфян. В ней нет упоминания ни об Экбатанах, ни о Сузах или Персеполе, а только о весьма первобытных условиях жизни и, если эти места верно понимаются, о Ниневии и Вавилоне, причем последний является резиденцией мифического змея Ашидахака, олицетворения злого принципа или, как его иногда понимали, иноземного владычества. Язык близок к языку царских надписей Ахеменидов, представляя другой, вероятно, восточный диалект древне-персидского языка. Надписи поздних Ахеменидов уже обнаруживают безграмотность, доказывающую упадок в их время древнего языка; то же самое, вероятно, выпало на долю и авестийского диалекта. Действительно, Авеста, особенно Гаты, заключает в себе много мест непонятных и испорченных, вследствие того, что в то время, когда текст



Серебряный ахеменидовский ритон. Собр. Гос. Эрмитажа.

записывался, язык его уже не был живым и общепонятным. Метрические части написаны размером, напоминающим Веды, но еще более архаическим, что также обусловливало недоразумения. Наконец, ссылаются на форму, в которой в Авесте дается имя Ормузда — почти везде в виде двух самостоятельно употребляемых и отдельно склоняемых частей Ахура и Мазда (или наоборот), тогда как в надписях оно уже слилось в стереотипное Аурамазда, в каковом виде и перешло к греческим писателям. Это, по мнению некоторых, делает Авесту якобы более древней, чем ахеменидовские надписи. Между тем, если Авеста, как это весьма вероятно, возникла на востоке Ирана, где условия были более примитивны, то она может и не быть особенно древней, так как более первобытный колорит объясняется условиями среды, менее затронутой западной культурой. Равным образом и правописание имени Ормузда не имеет значения для суждения о древности. Редакция, во всяком случае, поздняя, и дошла она до нас в укороченном виде. Насколько близки к утраченным древним частям пехлевийские произведения — неизвестно. Во всяком случае, мы не имеем права изображать на основании их религию Сасанидов, а тем более Ахеменидов. Что касается последних, то, соглашаясь признать, что Авеста существовала в том или ином виде в их время, мы все-таки не можем по этому самому утверждать, что они были ее ревностными последователями, и что религия Зороастра была во всей ее строгости общепризнанной и государственной. Поэтому нам придется рассмотреть другие свидетельства о религии персов в эпоху Ахеменидов, как туземные (надписи, изображения), так и иностранные — известия греческих писателей. Авестой будем пользоваться постольку, поскольку она сохранила остатки первобытной религии, еще не подвергшейся реформе, носящей имя Зороастра. Самой этой реформированной религии мы излагать не будем, так как, с одной стороны, в своем окончательном развитии она лежит уже за пределами курса, с другой — для знакомства с ней существует не мало пособий, даже на русском языке.

Иранцы и индусы представляют резкий пример того, как два народа, находясь в тесном родстве, под влиянием географических и исторических условий могут сделаться не только не похожи друг на друга, но даже противоположными один другому. Обширный Иран, с бедной природой, неблагодарной почвой, неприветливым климатом, открытый с севера вторжениям диких орд, а с запада примыкая к культурным и завоевательным державам, не мог воспитать поэтов, аскетов и мечтателей, ушедших от исторической жизни, — он стал родиной неутомимых работников, трезвых борцов за существование и культурные блага, бдительных воинов и исторических деятелей, сплоченных и последовательных. Такими мы видим иранцев в истории — такими они были и в религии, и можно сказать, их религия как нельзя больше соответствовала природе их отечества, и сохранила это соответствие, даже будучи реформирована, и тем самым объявлена доступной для всех людей, без различия наций и, как «откровенная», получив универсалистические тенденции. Сравнивая национальные черты индусов и древних персов, трудно верить, что эти два народа — близкие родственники, говорившие в древности одним языком и жившие вместе. Точно так же сравнение их религий поражает, до какой степени самостоятельный путь развития, при различных внешних условиях, может привести к диаметрально противоположным результатам. Родство первобытной религии Ирана и религии Вед не подлежит сомнению. И там и здесь мы встречаем тожественные сходные мифы о борьбе бога неба с драконами мрака, и там и здесь были духи добра и зла, боги небесных светил и понятие о высшем мировом порядке (рта в Индии, аша в Иране), и там и здесь был культ огня и приобщение напитку бессмертия из сока опьяняющего растения — сома в Индии, хаома у иранцев, и там и здесь во главе мира стояло семь высших духов. Но все это получило у двух народов различный, а то и противоположный характер. Индийский бог ветра, победитель драконов, Индра Уртрахн, в Иране раздвоился: Индра попал в число демонов мрака, а Веретрагна занял его место. Индийские духи добра «дэвы» стали в Иране чертями, а наоборот —

индийские демоны «асуры» в Иране чтутся как Ахуры, боги. Рядом с ними появляются баги (отсюда слово «бог») и полубоги — язаты (греч. ἅγιος). Почитание хаомы не приняло в Иране таких чрезмерных форм, как в Индии, и не занимает такого центрального места; огонь в Индии — агни, в Иране — атар; характер культа различен, и в Иране огонь — сам по себе предмет культа, как великий очиститель. Предписания ритуальной чистоты играют в Иране гораздо большую роль, равно как и практический культурный характер благочестия, резко выделяющий эту религию из ряда всех прочих. Седмочисленные боги, с Варуной во главе, превратились в Аура-Мазду (премудрый господь) и в 6 Амеша-Спента («бессмертные святые»), первоначально, вероятно, божества природы, впоследствии — чистые абстракции и олицетворения свойств верховного существа. На ряду с Аурамаздой сохранил высокое положение древний общеарийский бог солнца Митра, в Индии, наоборот, не играющий особенно видной роли. Наконец, вся религия в Иране получила характер острого этического и практического дуализма еще, вероятно, до зороастровой реформы. В Индии к этому имеются лишь физическо-мифологические намеки в борьбе Индры.

И в своей дальнейшей судьбе религии двух народов диаметрально противоположны. Индийский реформатор Будда пришел к Нирванне, Зороастр вменил в обязанность и добродетельную жизнь и служение культуре. Буддизм выступил на универсальный путь и, на неблагодарной почве Тибета, Китая и Сибири, выродился в грубое идолопоклонство и суеверие. Зороастризм, после кратковременной успешной пропаганды в культурных странах (Митра) и катастрофы у себя дома, сделался религией нескольких десятков тысяч оставшихся верными ему иранцев и очистился до степени чистого монотеизма.

Плутарх, отчасти со слов Феопомпа, изучавшего по приказанию Александра Великого персидские религиозные книги, отчасти, может быть, и по другим источникам, говорит следующее о космогонии персов («Об Осирисе и Исиде», гл. 47):

«Они повествуют много баснословного о богах, между прочим следующее: Оромаз, происшедший от чистейшего света, и Ариманий — от мрака, борются между собой. Первый создал шесть богов: первого — благоволения, второго — правды, третьего — благозакония, и остальных — премудрости, богатства и творца наслаждения прекрасным, а второй — равное число богов противоположного характера. Затем Оромаз, трижды увеличив себя, на столько отдалился от солнца, на сколько оно отстоит от земли, и украсил небо звездами. Одну из звезд он поставил стражем и наблюдателем Сириуса. Затем он создал четырех богов и заключил их в яйцо. Ариманий создал столько же богов, которые разбили яйцо и открыли его, почему и смешано добро со злом. Наступит время определенное, в которое Ариманию необходимо будет погибнуть и исчезнуть от мора и голода, которые он сам причиняет, а людям сделаться блаженными и единоязычными, при одной жизни и одинаковом устройстве на земле, сделавшейся гладкой и ровной. Феопомп же говорит, что, по учению магов, в течение 3 000 лет они борются и взаимно уничтожают дела друг друга. В конце концов побеждается Аид, и люди делаются блаженными, не нуждаясь в еде, не бросая тени. Бог же, устроивший это, празднует и отдыхает в продолжение времени, незначительного для бога, соразмерно сну человека».

Об этих трехтысячелетних периодах говорит и поздний Бундегеш, прибавляя, между прочим, что Аурамазда создал мир во второй период, в шесть времен: небо, воду, землю, растения, зверей, человека; что в третий период после победы над Ариманом, уничтожившим дело творения, наступает золотой век в царствование древнего Иимы, спасшего в особой ограде людей от всемирной зимы, может быть, соответствующей всемирному потопу в других космогониях. Об этом упоминается и в Авесте, в форме, приводящей Ииму в соотношение с Зороастром. Последний выступает в четвертом периоде, принося свое учение. Затем каждые 1 000 лет должен появляться новый пророк, а затем — Мессия. В конце света будет воскресение мертвых. Ариман побеждается, происходит пожар, очищающий мир и уничтожающий грех. Из этого

видно, что в основе Бундегеша лежит древнее зерно, но насколько оно развито, нам неизвестно, и отсутствие многих из этих элементов в Авесте само по себе доказывает мало, так как Авеста главным образом книга ритуальная и не заботилась о полноте повествовательного материала, эсхатологическая же часть ее потеряна. Несомненно, что во время Плутарха (I в. н. э.) учение о шести Амеша-Спента существовало во всей его духовности и отвлеченности; эпитеты, прилагаемые к ним, соответствуют представлениям Авесты, и это заставляет отнестись отрицательно к теории Дармстетера о влиянии на них филоновой философии и неоплатонизма.

Таким образом, история человечества — это смена мировых периодов добра и зла, преобладаний двух, взаимно уничтожающих сил. Учение о мировых периодах и эонах встречается и у других народов, но дуализм Ормузда и Аримана чисто-иранский: сказание о шестичасном мироздании и катастрофе, подобной потопу, может, если угодно, напоминать Вавилон, но оно настолько приспособлено к иранским условиям, что получило вполне туземный характер. На Вавилон указывает, повидимому, еще один иранский миф, также относящийся к области дуализма и упоминаемый в древнейших частях Авесты: борьба Огня или Сириуса с драконом Аши-Дахакой из-за озера Вонракаша, космического резервуара всех вод. Аши-Дахака выставляется как сын Аримана, его противники — посланниками Ормузда. Аши-Дахака царствует в Вавилоне. На стенах дворцов Ахеменидов встречается изображение царя, борющегося с драконообразным чудовищем, напоминающее вавилонские изображения этого рода и, вероятно, имеющее в виду этот миф. Вообще, ассиро-вавилонское и отчасти египетское искусство повлияли на иконографию персов. Аурамазда изображался при Ахеменидах, подобно Ассуру, в центре крылатого солнечного диска; разница только в его типе, передававшем черты и головной убор персидского царя. Изображение крылатого гения в Пасаргадах носит, как известно, египетско-вавилонский характер. Культ, часто встречавшийся при Ахеменидах и позднее и нашедший себе широкое распространение, несомненно, семитического или вообще западного происхождения, это культ богини плодородия Анахиты, вполне соответствовавшей Истар, Астарте, Афродите и т. п. и имевшей тот же характер. Особенно он был распространен в Каппадокии и Армении. Это чуждый член иранской религии. О заимствовании его у семитов определенно говорит Геродот (I, 131). Тем не менее, Артаксеркс II в своих надписях говорит, что он поступал «по воле Аурамазды, Анахиты и Митры», и просит милости этих трех божеств вместе. По Беросу, этот царь и был распространителем этого культа. Уже это доказывает, что религия Ахеменидов не была монотеистической, каковой является парсизм в настоящее время. Даже Дарий I, столь торжественно исповедующий величие Аурамазды в Бехистунской надписи, в одной из персепольских говорит: «да поможет мне Аурамазда вместе со всеми божествами, да защитит он страну от злых полчищ, неурожая и лжи. Об этом молюсь я Аурамазде и всем божествам; сие да подаст мне Аурамазда вместе со всеми божествами». В другом месте он говорит «о других божествах, сколько их есть». Об отношении Кира, Камбиза и того же Дария и Ксеркса к вавилонским, египетским и греческим божествам мы уже имели неоднократно случай говорить. Они делали больше, чем позволительно для последователя реформированной религии, идущего на компромиссы из государственных соображений; терпимость, чтобы не сказать больше, Ахеменидов стоит в резком контрасте с фанатизмом Сасанидов и многих мусульманских правителей. Является большое сомнение в том, что Авеста и зороастризм в это время добились полного господства в империи и жизни; попытка прочесть слово «Авеста» в Бехистунской надписи, бывшая рискованной и раньше, в настоящее время, после сличений Томпсона и Кинга, должна быть признана окончательно неудачной. Остается признать, что Авеста в это время уже существовала, равно как и зороастровы предания — имя его упоминается впервые в диалоге Платона «Алкивиад», где говорится, что царевичи воспитывались в магизме Зороастра, последователя Ормузда, — а также дуалистическое направление религии с нрав-

*

ственным оттенком, но все это пока выходило из недр богословской школы, вероятно, из Восточного Ирана, чтобы мало-по-малу сделаться господствующей религией огромного государства, подчиняющего себе культурные страны и входящего в соприкосновение с самыми разнообразными племенами и религиями. Момент был весьма неблагоприятен для последовательного развития в одном определенном направлении.

О культе времен Ахеменидов мы располагаем драгоценными сведениями, записанными Геродотом и частью получаемыми из памятников. На гробнице Дария царь изобразил себя в молитвенной позе пред священным огнем; в Накши-Рустаме и частью в Пасаргадах сохранилось по паре алтарей для него; Геродот утверждает, что персы приносили жертвы еще другим стихиям, а также солнцу и луне. Это не противоречит Авесте — мы знаем, что стихии считались священными и что культ светил упоминается уже в древнейших Гатах, но все-таки для Геродота культ огня не является центральным. Равным образом не вполне точно его утверждение, что у персов не было храмов и жертвенников, — вероятно, он имеет в виду храмы, подобные греческим и вообще западным. Дарий в своей надписи упоминает «места поклонения». Зевс, которому приносят жертву на высоких горах, конечно — Аурамазда; интересно, что скала, на которой начертана надпись Дария, носит имя «Бахистана» — Божье место. Геродот сообщает также, что во время жертвоприношений маги поют песни теогонического характера; если он имеет в виду Гаты, то пред нами древнейший намек на Авесту. Постоянное подчеркивание любви персов к правде, встречающееся у многих классических писателей и находящее себе подтверждение в надписях, весьма характерно для религии Зороастра, равно как и заботы о земледелии и трудолюбии и ритуальные предписания о физической чистоте, об истреблении вредных, или отвратительных, или вообще ритуально-нечистых животных, засвидетельствованные начиная с Геродота (I, 138—140). Уже Геродот знает сохранившийся до наших дней обычай выбрасывать трупы на съедение хищным птицам и собакам, но считает его обязательным для магов — прочие персы хоронили еще в земле, намазав труп воском. Однако, цари династии Ахеменидов строят себе гробницы в скалах, следуя еще древнеиранским обычаям, еще долго державшимся на юге, напр., в Арахозии.

Итак, религия Зороастра уже в эпоху Ахеменидов была силой, но еще не столь могущественной, чтобы всецело поглотить все существо перса, проникнуть во все стороны и духовной и государственной жизни и предохранить своих последователей от влияния иноземных культов, особенно в эпоху эллинизма.

Авеста, будучи во многих своих частях несомненно древнего происхождения, дошла до нас записанной в позднее время. Поэтому памятниками персидской *литературы*, дошедшими непосредственно из эпохи Ахеменидов, за потерей нередко упоминаемых в библии и у классиков царских летописей (διφθέραι), остаются и, вероятно, навсегда останутся их надписи, начертанные клинообразным шрифтом. Вейссбах старается доказать, что инициатива их составления принадлежит Дарию. В 70-м параграфе Бехистунской надписи, сохранившемся полностью на эламском языке, и, в поврежденном виде, на персидском, он прочел: «милостью Аурамазды, стал я делать надписи иначе, по-арийски, чего раньше не было... было написано и мне прочтено... я послал эти надписи во все страны, и люди познакомились с ними». Он же привел в параллель к этому место в неподлинном письме Фемистокла к Темениду, в котором упоминаются «древние ассирийские письмена, а не те, которые ввел («написал») у персов Дарий, отец Ксеркса». С этим мнением едва ли можно согласиться уже в виду существования в Пасаргадах надписи с именем Кира, относить которую, следуя Вейссбаху, к Киру младшему нет оснований. Упоминание об арийском языке в тексте сомнительно; Герцфельд, Эд. Мейер и др. видят в нем свидетельство о введении Дарием арамейского шрифта для документов на коже и глине, для царских летописей и вообще для всего, помещаемого в царский архив. Самый упадок клинописи после Дария он ставит в связь с этим изобретением более удобного письма. Доказательство правильности этого понимания видят и в том, что действительно офи-

циальные списки надписей рассылались в провинции — так, отрывки арамейского перевода Бехистунской надписи найдены на папирусе на о. Элефантине. До сих пор не решен вопрос, какой шрифт послужил образцом для персидской клинописи. Попытки Оппера, Дееке, Сэйса вывести его из различных видов вавилонского не привели ни к чему. Гоммель находит в нем применение тех же принципов, которые послужили для составления индийского алфавита, и хочет выводить его из какого-либо западно-семитического алфавита, приспособленного для монументальных целей, к клинописи. Едва ли ему удастся доказать убедительно эту теорию. В последнее время стали раздаваться голоса в пользу мидийского происхождения этого письма.

Во всяком случае, шрифт, придуманный для надписей Ахеменидов, и после них не употреблявшийся, был исключительно официальным, придворным письмом, нашедшим себе применение, кроме царских надписей, только на печатях нескольких лиц из царской фамилии и знати. Будучи почти алфавитным, лишь с уклоном к силлабизму и с крайне незначительным числом идеограмм (всего 4), он является одним из лучших показателей рассудочной трезвости иранцев, покончивших даже в клинописи с традиционным балластом сотен силлабических знаков с несколькими значениями для каждого. Конечно, клинописная форма знаков, независимо от происхождения их, равно как и самая идея ставить надписи, является доказательством могущественного влияния вавилонской, а может быть и эламской культуры. Содержание надписей нам известно. Что касается литературной формы, то она также красноречиво говорит о рассудочности и прозаичности персидского народа. Текст прост, ясен и обстоятельно излагает дело, но совершенно лишен украшений и поэтических мест, свойственных в такой обильной мере, нередко к ущербу для ясности и содержательности, египетским и вавилонским, даже ассирийским надписям. Литературного значения эти тексты почти не имеют; это официальные бумаги; места, которым придавалось наибольшее значение, подчеркивались не средствами стиля, а утомительными повторениями, которые и без того попадаются на каждом шагу. Какая разница в литературном отношении между текстами, оставленными теми же Ахеменидами на других языках — Киром в Вавилоне, Дарием в Египте! Но для историка эти надписи дают весьма много и стоят больше трескучих текстов египетских фараонов. Дают они много и для лингвиста, во-первых, представляя современный памятник древне-персидского языка, который, до знакомства с ними, был известен только из нескольких слов, сохраненных греками, и из собственных имен, во-вторых, давая указания даже на историю этого языка, так как надписи более поздние обнаруживают такую безграмотность, которая способна убедить в том, что язык уже был в это время мертвым. Что касается Авесты, то она с литературной стороны производит почти такое же впечатление. «Язык Авесты вообще отличается простотой и безыскусственностью. Легенды, молитвы, гимны, содержащиеся в ней, по сущности их, можно было бы сравнить со священными песнями древней Индии, но с точки зрения литературной они совсем не похожи на последние. Напрасно было бы искать той живости воображения, того блеска поэтических картин, того величественного языка, которые характеризуют Ригведу. Автор «Вендидада», «Виспереда», «Ясны» не был поэтом... Он был жрецом, писавшим для потребностей культа, или реформатором, излагавшим основные мысли нового закона. Кроме того, составители этих текстов, желая быть ясными, определенными и точными, не удерживаются от длинных исчислений и повторений, которыми так изобилует Авеста», — такое свое мнение акад. К. Г. Залеман ограничивает в пользу Гат и отчасти гимнов Яштов. «Вполне доказано, что некоторые из эпических мотивов, встречающиеся в «Шах-Намэ» Фирдауси, относятся к глубокой древности и были известны уже древне-греческим писателям, особенно Ктесию». Акад. В. В. Бартольд, которому принадлежат эти слова, указывает на то, что благодаря недостаточной письменной истории, период эпического творчества был в Иране продолжителен и встречал большое внимание со стороны образованного сословия. «Литературная обработка эпоса закончилась созданием эпопеи,

какой нет ни у одного народа». Начиная с эпохи Ахеменидов эпическое творчество сосредоточивалось в восточной части Ирана, что заметно уже по передаче у Ктесия сказаний о Кире, его сыновьях, царице Соков Заринее и мидийском царевиче Стриангее. У современника Александра, Харета митиленского, передается рассказ о братьях Гуштаспе и Зарире, впоследствии вошедший в «Шах-Намэ», о женитьбе одного из них на дочери чужого царя, увидавшей его во сне. Таким образом уже при Ахеменидах части иранского эпоса вошли в народ.

Древнее персидское искусство, оставившее несколько изящных произведений архитектуры и скульптуры, нашло способ служить идее величия царя и царства и выражало ее в формах, которым нельзя отказать в художественности, изяществе и даже возвышенности. И в этой области персы были преемниками мидян и эламитов, находившихся в свое время под влиянием вавилонской культуры и здоровыми заимствованиями с запада семитического, хеттского и ионийского оплодотворивших туземное иранское творчество.

Искусство Ахеменидов не было эклектическим заимствованием из Вавилона, Ниневии, Экбатан и Суз. Художники, окружавшие Кира, Дария и Ксеркса, развивали и туземные элементы, перерабатывали и совершенствовали западные, искусно привлекая и египетские; кроме того, возможно, что работавшие у них и греческие мастера (напр., упоминаемый у Плиния Телефан фокейский) сумели придать произведениям, особенно скульптурным, то изящество и легкость, каких не имели памятники восточных народов.

У Ассирии и через нее из Малой Азии это искусство заимствовало сооружение дворцов на эспланадах, украшение их барельефами, помещаемыми в виде облицовки лестниц и нижней части стен. Отсюда идут крылатые колоссальные фигуры у входов, барельефы, представляющие борьбу бога (или царя) с чудовищами мрака, изображение Аурамазды в виде крылатой фигуры. Сюжеты барельефов: процессии с данью, царская гвардия — также, до известной степени, напоминают Ассирию, равно как и многие детали и технические приемы. Столь знаменитые персидские эмалированные фигуры, представляющие в Сузах ряды царской гвардии и фризы львов, также находятся в связи с вавилонскими, а может быть и эламскими художественными школами. Царские гробницы в более древнее время в башнях, потом в скалах, различные детали архитектуры (особенно карниз) и, самое главное, тронная зала («Ападана»), являющаяся наиболее типичным и величественным произведением древне-персидского искусства, заимствованы из Египта. Эти залы, найденные в Персеполе (Дария и Ксеркса — знаменитые залы в 100 колонн) и Сузах (Артаксеркса II, впрочем восходящая к тому же Дарию, о чем сам Артаксеркс II говорит в своей надписи), может быть, стояли на эспланадах и представляли обширные площади, покрытые лесом колонн; частью они были открыты, частью имели стены, украшенные барельефами. Главной частью их была знаменитая ахеменидовская колонна с колоколообразной базой, орнаментированной в вертикальном направлении листьями, и капителью в виде идущих в разные стороны передних частей двух быков или фантастических единорогов, помещенных частью непосредственно на канеллированном столбе, частью на промежуточной части колонны из завитков. Эта колонна самая высокая и тонкая в древнем искусстве, в ней отношение диаметра к высоте 1 : 12 (в аттич. - ионийск. 1 : 7 или $9^1/_2$); она первоначально была деревянной; ее происхождение — туземное иранское, равно как и различные орнаментальные ее элементы находят себе предшественников в древнем Иране и аналогии в Малой Азии; хеттам искусство Персии обязано и представляющим развитие того же bit hilani, уже в свое время заимствованного ассирийскими царями, через Ассирию проникшего в Иран. Открытые Ападаны, занимавшие пространство в 5—7 тысяч квадратных метров и расположенные на высоких эспланадах с далеким видом, были наилучшим выражением идеи всемирного величия царя, сидящего на троне в виду всех подданных, в великолепном, невиданном дотоле сооружении, и созерцающего все свои страны. Недаром Ксеркс назвал персепольские пропилеи

«Висадахью» — «назначенными для всех народов», «всемирными». На стенах и на лестницах все говорило о том же: шествия царедворцев и гвардейцев к трону, представители всех народов, изображенные в национальных одеждах и с национальными чертами, несут туда же разнообразную дань или поддерживают высокий трон своего повелителя. Последний изображается под заимствованным из Египта иероглифом неба, с опахальщиком и оруженосцами за троном, иногда под зонтиком, как на ассирийских барельефах. Образ Аурамазды неизменно парит над ним. На гробничном барельефе в Накши-Рустаме Дарий изобразил себя в молитвенной позе перед священным огнем, а над Бехистунской надписью попирающим самозванца и изрекающим приговор девяти бунтовщикам. Идея этой сцены навеяна древними барельефами, имеющимися поблизости Анубанини или находящимися на скале Сарпуле, но она не изображает реального факта — она символически представляет победу Дария при помощи Аурамазды. Такой отвлеченный характер носят все персидские барельефы, что и понятно, так как они все служат выражением идеи величия царской власти вообще, а не частного проявления ее в каком-либо определенном случае или событии. Надо признать, что искусство Ахеменидов с успехом выполнило свою задачу. Наиболее блестящее развитие его падает на время Дария I и Ксеркса, когда создавались памятники Персеполя; предшествующими стадиями являются Кировы Пасаргады с высокой гробницей, эламскими воспоминаниями более примитивной формы Ападаны с хеттскими ортостатами. Далее следуют бехистунский рельеф, а также рустамские гробницы. Несомненный упадок обнаруживают рельефы дворца Артаксеркса III в Персеполе.

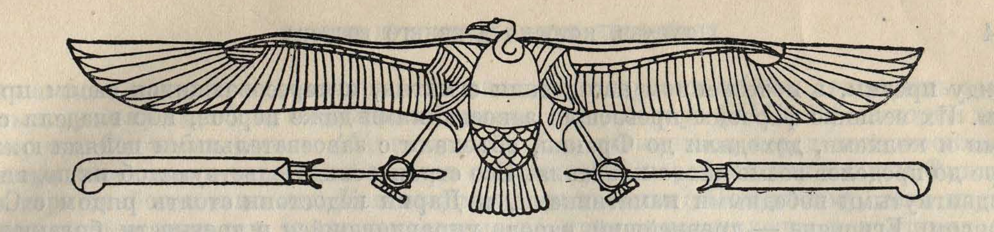
Мы рассмотрели все доступные нашему изучению стороны жизни и культуры народа Ахеменидов и их государства. Мы видели, что оно было последним словом древне-восточной государственности и отчасти религии. Прославленные слабость и распадение Персии, однако, не помешали ей, накануне краха, вызванного совершенно исключительными условиями, снова войти в пределы своего наибольшего распространения и предписывать законы миру; варварства азиатизма не помешали многим грекам смотреть с уважением на персидские порядки. Вообще, это интересное историческое явление представляет еще много загадочного, как и вообще необычайные судьбы персидского народа. Весьма интересно и то обстоятельство, что Ахемениды, постоянно пользуясь культурными и военными услугами греков, будучи не раз разбиты ими в войнах, все-таки смотрели сверху вниз на этих «ионян материка и моря», как на мелких политиканов. Они не были филэллинами, в противоположность саисским фараонам, лидийцам и своим преемникам, парфянским арсакидам.

Лучшим *общим обзором* государственного строя персидского царства все еще остается замечательная глава в III томе Geschichte d. Altertums Э д. М е й е р а. На ней отчасти основано и наше изложение. Сведения о персидской *религии* из классических писателей собраны R a p p 'ом, Die Religion der Perser und übrigen Iranier nach d. griech. und römisch. Quellen (Zeitschr. d. deutsch. Morgenl. Gesellschaft. XIX) и W i n d i s c h m a n n'ом в Zoroastrische Studien. О религии Зороастра вообще: T i e l e, Geschichte der Religion im Alterthum, II. J a c k s o n, Die iranische Religion (в сборнике Grundriss d. Iranisch. Philologie Geiger'a II— есть русский перевод проф. Погодина в «Образовательной библиотеке Поповой»). Очерк проф. Л е м а н а в сборнике Шантепи-де-ля-Соссай — русский перевод. М., 1899. Б е т а н н и-Д у г л а с, Великие религии Востока; рус. перев. Спб., 1899. Проф. В с. М и л л е р, Зороастр и его учение. М., 1892. L a g r a n g e, La religion des Perses (Revue biblique, 1904). A. J. C a r n o y, Iranian views of origines in connection with similar Babylonian beliefs. Journ. Americ. Orient. Soc. 36 (1916). Об *Авесте*. Проф. К о с с о в и ч, Четыре статьи из Зендавесты, Спб., 1861. Decem Sendavestae excerpta. Par., 1865. Gata Ahunavaiti, Petropoli, 1867. G e l d n e r, Awesta (в сборнике Geiger'a II). D a r m s t e t e r, Etudes Iranienns. Par., 1883. Le Zendawesta (полн. пер. Par., 1892). К. Г. З а л е м а н. История древне-персидской литературы. Всеобщ. история литературы Корша, I. Помещены в русск. переводе длинные выдержки из надписей и Авесты. W e i s s b a c h, Die

Keilinschriften der Achämeniden. Vorderasiat. Bibl. III, 1911. В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса. Зап. Вост. отд. Р. арх. общ. XXII (1915).

По *искусству:* Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité V, (сильно устарело). Herzfeld, Pasargadae. Klio, VIII. F. Sarre und E. Herzfeld, Iranische Felsenreliefs. Berl., 1910. В этом чрезвычайно важном издании впервые надлежащим образом оценены изображения подвластных народов с культурно-исторической и этнографической стороны, а также выяснены туземные иранские элементы и вообще источники.

По *нумизматике:* Babelon, Les Perses Achéménides, les satrapes et les dynastes tributaires, 1893.



ЕГИПЕТ ПРИ XXVIII—XXX ДИНАСТИЯХ

Персидское господство было для египтян ненавистно. Несмотря на старания правительства бережно относиться к традициям и религии народа, последний, привыкший издревле смотреть на господство азиатов как на божье наказание, не мог забыть «великого ужаса». Восстания были часты и начались немедленно после покорения страны. Дарий I сумел угодить своим египетским подданным, но и его царствование не обошлось без бунта, усмиренного только Ксерксом, подвергшим страну репрессиям. С этих пор участие туземцев в управлении страны еще более ограничивается — их допускают только на низшие должности; персидские цари не удостоивают своим вниманием египетских богов. Правда, в хаммаматских каменоломнях начертаны иероглифами имена Ксеркса и Артаксеркса I, но материал эти цари добывали не для египетских храмов, а для своих построек в Персии, доставляя его по морю. Действительно, при отсутствии плодов их строительной деятельности в Египте, в Сузах найдены остатки сооружений из хаммаматского материала. Не считали нужным эти цари принимать и фараоновских титулов — до нас дошли в картушах только написанные иероглифами их персидские имена. Интересным свидетельством вызванного всем этим настроения среднего класса египетского населения может служить небольшая, хранящаяся в Берлинском музее надгробная плита некоего 77-летнего старика Джед-Гор-ефонха, содержащая довольно безграмотно написанный текст, в котором покойный вменяет себе в заслугу, что он восстановил на свои средства домовый храмик бога Пта в мемфисском дворце, «когда никакого фараона не было в доме фараона, он пришел в ветхость, и на его месте играли дети и взрослые». Время этого памятника в точности неизвестно; археологические и филологические соображения указывают на персидскую эпоху вообще, безграмотность говорит за малую интеллигентность. Этот простой, нетитулованный и нечиновный старик является голосом многих тысяч египтян, сожалевших об отсутствии среди них «благого бога», сына и почитателя «великих богов». Восстание вспыхнуло немедленно после смерти Ксеркса, и на этот раз было более упорно, вовлекло Египет в участие в греко-персидских войнах и выдвинуло даже египетских «царей», пока еще не нашедших себе места в династиях. Несмотря на то, что персам, после нескольких поражений и значительных усилий, удалось подавить его, все-таки, по свидетельству Геродота, персы признали за Фанниром и Павсирисом, сыновьями Инара и Амиртея, власть над Ливией и Дельтой под главным начальством сатрапа, названного у Ктесия Сарсамом. Путешествовавший по Египту, вскоре после этих событий, Геродот оставил нам цельную и интересную картину вынесенных им из Нильской долины впечатлений европейца-туриста, настроенного благочестиво относительно богов и почтительно к египетской цивилизации. Лишение исторической роли сказалось,

между прочим, в повышенном настроении египтян, интересовавшихся своим прошлым. Их великие фараоны превзошли завоеваниями даже персов, ибо владели скифами и колхами, доходили до Фракии, объехали с завоевательными целями южное море до пределов возможного плавания. Все страны свидетельствуют об их подвигах воздвигнутыми победными памятниками, и Дарий недостоин стоять рядом с Сесострисом. Египтяне — древнейший народ, управлявшийся в древности богами, насчитывавший более 17 тыс. лет исторического существования и более 340 человеческих поколений; боги всех народов происходят от их божеств. К сожалению, Геродот мало касается политического состояния Египта в это интересное время. Кроме приведенного нами, брошенного мимоходом, упоминания об Инаре и Амиртее, а также и другого подобного (2, 140), он говорит, что видел в Папремисе поле битвы, на котором Инаром были истреблены персы вместе с Ахеменом (3, 12), и упоминает о персидских гарнизонах в Дафнэ и на Элефантине. От последнего дошли до нас и интересные подлинные документы. В Каирском музее находится плита на арамейском языке с посвящением какой-то богине со стороны начальника гарнизона «в Суане», от 7-го года царя Артаксеркса (I), т. е. от 458 г. Имени начальника не сохранилось, но он называет себя «сыном Марны», следовательно, был сирийцем. Еще важнее знаменитый страсбургский арамейский папирус, который представляет донос из иудейской колонии на Элефантине и, в переводе П. К. Коковцева, представляется в следующем виде:

«...Египтяне возмутились, мы господина нашего не оставили (?) и никакого вреда не было за нами замечено. В 14-м году царя Дария, когда наш господин Аршам пошел к царю, вот злое дело, которое учинили в крепости Иеб (Элефантины) жрецы Хнума... Серебро и драгоценности ему они дали. Есть некоторые из... царя, которые... крепость... подле стены... в проломе (?) крепости Иеб. И теперь эта стена выстроена в проломе крепости. Есть один колодезь, который сооружен внутри крепости и который доставлял всегда достаточное количество воды для питья войску, так что в случае, если люди бывали в осаде (?), они пили воду из этого колодца. Эти жрецы Хнума закрыли этот колодезь. Если дело будет разузнано судьями, тифтаями, гаушаками, поставленными в области Та-шет-рес, то господин наш узнает, что оно было так, как мы сказали, или как мы изложили».

Несмотря на испорченные и непонятные места, ясно, что дело идет о вспыхнувшем в Египте восстании, и что жрецы даже самого южного пункта Египта приняли в нем участие и позаботились заблаговременно поставить гарнизон в безвыходное положение, лишив его воды для питья. Семитологи, в силу лингвистических и палеографических соображений, относят папирус к Дарию II, следовательно, к 411-10 г., что вполне сходится и с другими данными. Восстание распространяется на весь Египет, а не только на Дельту; сатрапом, ушедшим к царю, вероятно, с докладом, назван Аршам, может быть Сарсам, упоминаемый у Ктесия. В ассуанских папирусах иудейского военного поселения есть еще самая поздняя дата Дария II — 17-й год, т. е. 408-7 г. до н. э. После долгого перерыва этот царь как будто снова снизошел до египетской религии и престола фараонов, может быть, надеясь таким образом удержать ускользавшую из его рук страну: от имени его еще редактированы религиозные тексты в Великом оазе, причем он именуется в картушах не только Интариушем, но и «Мериамон Ра». Однако было уже поздно: после него всякое упоминание о персидских царях в Египте прекращается. В списках Манефона Дарию II дается 19 лет царствования над Египтом, столько же лет он царствовал и в Персии, возможно, что окончательно Египет сделался независимым только после его смерти. После него Манефон называет А м и р т е я, делая из него одного XXVIII саисскую династию с 6 годами царствования. Вероятно, он был внук Амиртея и сын Павсириса. Видеман приводит начало его восстания в связи с бунтами Писсуфна и Аморга 415—402 гг. Действительно, дата страсбургского папируса делает вероятным это предположение; говорят за него и намеки у Фукидида и Диодора. Первый (VIII, 35) говорит,

что лакедемоняне, во время войны с афинянами и персами в 412 г., старались захватить «грузовые корабли, шедшие из Египта», а у Диодора (XIII, 46) находим известие, что Фарнабаз осенью 411 г. должен был извиняться перед лакедемонянами (теперь союзниками персов) в том, что отправил 300 кораблей для защиты Финикии «от царя арабов и египтян». Как понимать это известие? Повидимому, дело идет об одном царе, а если так, то он немедленно перешел в наступление и подчинил себе «арабов» Южной Сирии и стал угрожать Финикии. Таким царем мог быть только занесенный в манефоновы списки, т. е. Амиртей, не только возродивший царство фараонов, но и перешедший к его традиционной политике относительно Азии. Известие Фукидида указывает, что европейская политика его была повторением испытанной Инаром и его дедом — союз с афинянами, когда те были врагами персов. В 411 г. он, очевидно, сидел еще в Дельте и не успел подчинить Верхний Египет, где персидская власть держалась до смерти Дария II, хотя волнения уже начались. К сожалению, до нас не дошло ни одного туземного памятника от Амиртея, которому должно принадлежать в истории Египта место едва ли не более почетное, чем Яхмосу-освободителю; попытки отожествить его имя с некоторыми сходно звучащими оказались неудачны, и только, кажется, загадочная демотическая хроника знает его, и притом не с той стороны, с какой бы мы ожидали. Во всяком случае, полное отсутствие следов Амиртея в храмах, на скарабеях, документах и т. д. совершенно непонятно. Только в одном, последнем по времени иудейско-арамейском документе из Элефантины упоминается 5-й год Амиртея, вероятно, соответствующий 401/0 г. до н. э., если принять, что годы Амиртея считались со смерти Дария.

Эксцерпты Манефона дают после него следующую XXIX династию, называя ее Мендесской и перечисляя то 4, то 5 царей: Неферит I при 6 г., Ахорис — 13 л., Псамуф — 1 г., Муф (только у Евсевия, вероятно, дублет предыдущего) — 1 г. и Неферит II — 4 мес. Единственное хронологическое указание на Неферита (по-египетски Нефоруд) можно было бы почерпнуть из Диодора, который (XIV, 79) говорит, что, начав войну с Персией и переправив Агесилая в Малую Азию (следовательно, в 396 г.), лакедемоняне отправили посольство к Неферею, царю Египта, с приглашением к союзу. Он вместо помощи подарил спартиатам вооружение для 100 триер и 50 тыс. мер хлеба. От Неферита у нас уже есть достаточное количество туземных следов: две стелы о погребении Аписа (впервые после Дария), сфинкс, вероятно, портретный, найденный в Риме и содержащий надпись, в которой царь называет себя возлюбленным Пта мемфисским; даже в Фивах в Карнаке найдены рельефы, представляющие Неферита пред богами Монтом, Нехебт и др. Наконец, найдена погребальная статуэтка (ушебти) царя. Итак, пред нами уже настоящий фараон, владеющий и Мемфисом и Фивами, производящий постройки в их храмах, ведущий международную политику и, наконец, царствовавший до конца жизни.

Его преемник Акорис или Ахорис (Хакер) известен Диодору и Феопомпу как союзник Евагора Саламинского в борьбе с персидским царем. Феопомп даже указывает, что Акорис умер во время войны, и после Евагор старался заручиться содействием Спарты. Это отсылает нас к 380 г. Из того же Феопомпа мы узнаем, что Акорис поддерживал и писидийцев в войне с персидским царем, а Исократ намекает на отражение в начале восьмидесятых годов IV столетия египтянами персидского войска под начальством трех полководцев: Аброкома, Тифрауста и Фарнабаза. Таким образом, Артаксеркс II решил покончить с возродившимся царством фараонов и опять вступившим на тот же путь политики, что в ассирийские и халдейские, а затем Кировы времена. На этот раз персидский царь потерпел неудачу, а фараон оставил следы не только по всему Египту, где от него дошло много памятников, но и в Финикии: раскопки Ляндау в сидонском храме обнаружили кусок надписи с его именем и изображением. Итак, фараоны опять идут в Сирию, молятся семитическим богам и заключают союз с финикиянами, кипрянами, греками. Египет снова делается

силой, и энергия Ахориса не может не вызвать изумления, особенно, если мы вспомним, что он развил и чрезвычайно широкую строительную деятельность.

Менее известны остальные цари Мендесской династии, правившей Египтом в общей сложности всего около 20 лет. Псамуф, несмотря на краткое время (год или два) царствования, успел выстроить в Карнаке небольшой, носящий его имя храмик к югу от озера — здесь он упоминает об Ахорисе. Неферит II не оставил никаких следов. Славная династия окончилась быстро, разделив судьбу всех почти египетских династий, угасших в междоусобиях.

На престол вступила XXX династия в лице Нехт-Гор-Хеба, называемого в науке, на основании Манефона (Νεκτανέβης) Нектанебом I. Манефон называет династию Севеннитской, и действительно, в этом городе (теперь Самануд, др. Теб-Нутер) найдено несколько памятников забот этих царей, которые при этом особенно чтили Гора в форме Гор-Тема («Гор сильный рукою») и бога войны Анхур-Шу, почитавшихся в Севенните. Этот, соседний с Мендесом ном, уже давно был местом военного поселения ливийских наемников, командиры которых сделались князьями-номархами, и один из них, Акануаш, упоминается в надписи Пианхи, как «номарх Севеннита, Пахеби (Бехбейта) и Семадебхета (Дамиетты)». От времени Псаметиха I дошла до нас отсюда сидящая статуя «номарха, жреца Анхура-Шу, Акануаша», следовательно, прямого потомка, вероятно, внука современника Пианхи. Возможно, что и XXX дин. восходит к этому роду, но она уже окончательно объегиптилась и отказалась от традиционных имен ливийского происхождения. И город, и династия, и боги Севеннита имели военный характер, и редким фараонам пришлось вести такие постоянные трудные и сложные войны, как Нектанебам. Недаром они приняли в свою титулатуру имена, сближающие их с Сесострисами, Рамсесами и другими славными фараонами славной древности. Так, тронное имя Нектанеба I «Услаждающий сердце Ра, избранник Амона» напоминает «Утоляющий сердце Ра» у Аменемхета; 4-е имя его же «Устанавливающий законы» — то же у Аменхотепа III. Горово имя «Защитник Египта» у Нектанеба I — то же, что у Рамсеса II. Тронное имя Нектанеба II — Хепер-ка-Ра — тожественно с таковым же именем Сенусерта I.

Нектанеб I унаследовал от Мендесской династии отношения к Евагору и персам. К сожалению, наш главный, если не единственный, источник — Диодор путает имена фараонов и не дает нам возможности выяснить, что случилось при Акорисе, что при Нектанебе; выдержка из Феопомпа у Фотия слишком суммарна и указывает только на то, что смена династий произошла во время войны и что на Нектанеба Евагор не мог рассчитывать. Нектанеб, между тем, деятельно готовился к войне, будучи уверен, что, освободившись от кипрской войны и устроив малоазиатские дела, Артаксеркс должен будет, для восстановления империи Ахеменидов в полном объеме, двинуться на Египет. Так как тогда никто не обходился без греческих наемников, то он пригласил на свою службу искусного афинского полководца Хабрия. Но Фарнабаз, назначенный Артаксерксом в главнокомандующие, убедил царя сделать афинянам представление о несовместимости нахождения Хабрия в Египте с добрыми отношениями Афин к персидской державе. Великий царь был в это время распорядителем судеб Эллады, и афиняне не только, покорно подчинившись его повелению, отозвали Хабрия, но даже послали на службу к царю Ификрата. Египту грозила страшная опасность. Нектанеб старательно укрепил устья Нила, особенно Пелусийское. Персы тоже долго собирались с силами, и только в 374 г. из Акко выступило 200 тыс. персов, 20 тыс. греков и 300 военных судов. Укрепления Пелусийского русла оказались неприступными, и персы морем двинулись к Мендесскому. Здесь гарнизон в 3000 чел. вступил в отчаянный бой, но был истреблен превосходными силами неприятеля, который затем овладел городом, срыл его стены и обратил жителей в рабство. Это произошло довольно скоро, пока еще не успело прибыть все войско. Ификрат советовал немедленно, не дожидаясь его, итти на Мемфис, пока еще не защищенный. Фарнабаз был против и не дозволил Ификрату на свой страх попытаться взять Мем-

фис, боясь, что он потом не отдаст города персам. Между тем время тянулось, и египтяне успели укрепить Мемфис сильным гарнизоном и даже перешли в наступление к взятой персами крепости. В происходивших стычках они оставались часто победителями, но Фарнабаз, достояв до начала разлития Нила, решил уйти в Азию, а Ификрат бежал в Афины. В 373 г. Артаксерксу предложил услуги афинский полководец Тимофей, но на этот раз ничего не вышло, и Египет был спасен благодаря энергии фараона и несогласиям персидских генералов.

Следы строительной и художественной деятельности Нектанеба I рассеяны по всему Египту и имеются даже в Великом оазе; особенно ими украшена Дельта, в частности Мемфис и родные города династии — Бехбейт, где царь соорудил храм из дорогого цельного ассуанского гранита, и Севеннит, где был выстроен новый храм богу войны Анхур-Шу. Навилль предлагает читать имя царя в этом храме как Нехт-Гор-Неб, Мери-Анхур. Это вполне возможно и явится лучшим объяснением манефоновой транскрипции — царь изменил свое имя. Саркофаг и ушебти его известны давно и указывают, что он умер на престоле, пользуясь в остальное время своего, для этой бурной эпохи продолжительного царствования (18 лет, прибл. 379—361) миром для многочисленных деяний в пользу храмов и искусства. Найденная недавно на месте Мемфиса длинная надпись перечисляет его колоссальные дары храму живых Аписов. Здесь исчислены в тысячах фунтов драгоценные металлы, благовония, напитки (между прочим вина из Оаза), в сотнях быки, птицы и т. п.

Ему наследовал Дже-хор, по-греч. Тахос или Теос, человек энергичный, но самоуверенный. Примкнув к большому восстанию против Артаксеркса в Азии 361 г. и привлекши на свою службу не только снова афинянина Хабрия (приехавшего на свой страх), но даже царя Агесилая, он, однако, плохо воспользовался этими выгодными условиями. Хабрия он сделал адмиралом и ставил его высоко, слушался его советов не только в военных, но и в экономических вопросах. Так, по словам Полиэна (III, 11, где царь назван Фамос), он получил от подданных большую сумму заимообразно на военные нужды, простив взамен этого годичную подать. Псевдо-Аристотель говорит, что, по совету Хабрия, он обложил храмы и ввел ввозные и вывозные пошлины. Страбон говорит о городах, которые Тах назвал именем Хабрия. Агесилая встретили в Египте с большим энтузиазмом, но Тах не сумел оценить его и оскорбил насмешкой над его непредставительной наружностью, а также тем, что не слушался его советов и делал по-своему. Вопреки его убеждениям, он двинулся покорять Финикию, и успел в этом, но в это время в тылу у него вспыхнуло восстание. Его родственник, тоже Тах, оставленный им управлять в его отсутствие Египтом, восстал и вызвал из Сирии своего сына, завоевавшего азиатские города генерала, Нектанеба, занять престол фараонов. Тот согласился. Тогда Хабрий, видя положение Таха безнадежным и не желая изменять ему, уехал на родину, Агесилай же, получив от эфоров разрешение действовать по усмотрению, перешел на сторону Нектанеба. Тах, после двухлетнего царствования (361—360), бежал в Персию, где Артаксеркс принял его и назначил сейчас же главнокомандующим будущего завоевания Египта. Тах, конечно, надеялся таким путем вернуть престол, хотя бы на вассальных правах. Смерть от обжорства (о котором потом рассказывали анекдоты) избавила его от этого позора. Египет настолько чувствовал себя окрепшим, что решился перейти к завоевательной политике и энергично вести традиционное наступление в Сирии. К сожалению, внутренние смуты и теперь явились помехой, заставив прежде всего отказаться от сиро-финикийских завоеваний, так как Нектанеба требовали в Египет весьма сложные обстоятельства.

Вместо Таха у Нектанеба II (Нехт-Небеф) оказался новый противник в лице какого-то мендесского князя, очевидно, наследника прав свергнутой династии. У него оказалось большое войско, и он старался привлечь на свою сторону Агесилая. Последний не поддался ему и остался верен Нектанебу. Вопреки совету Агесилая, этот фараон не решился на открытую битву и был осажден в каком-то городе,

и только выручённый вылазкой Агесилая избавился от катастрофы. Посадив, таким образом, фараона на трон, Агесилай уехал, щедро одаренный благодарным царем. Как известно, он скончался на пути из Египта в Кирену.

Нектанеб II (360—342) был таким же энергичным фараоном, как и его предшественники. Он пригласил на свою службу талантливых греческих полководцев Диофанта-афинянина и Ламия-спартанца и отразил нашествие персов. По крайней мере, Исократ еще в 346 г. говорил: «прежде всегда следовало опасаться, что великий царь снова покорит Египет, но теперь он сам рассеял эти опасения: выступив в поход против Египта с таким огромным войском, какое он только мог собрать, он был принужден не только возвратиться, как побежденный, но оказался смешным и доказал, что недостоин ни быть царем, ни воевать». К сожалению, эти слова оказались преждевременными, и катастрофой Египет был обязан соотечественникам Исократа.

Успехи Нектанеба, как всегда, оказали свое действие в Финикии и на Кипре, где вспыхнули новые восстания, причем Египет и Сидон стали во главе коалиции. Вспыхнула ожесточенная война, подробно описанная у Диодора (XVI, 40—51). Мы позволим себе привести это повествование, как изображение последней драмы на Древнем Востоке пред македонским завоеванием.

«В Азии царь персов, в предшествующее время совершавший походы на Египет с огромными войсками, не имел успеха, а теперь снова начал войну с египтянами и, совершив достойные упоминания деяния, собственными усилиями присоединил Египет, Финикию и Кипр... Когда египтяне отложились, еще раньше этого времени, от персов, Артаксеркс, называемый Ох, не будучи воинствен, сидел спокойно и посылал войска и полководцев, вследствие чего часто терпел неудачи из-за недобросовестности и неумелости полководцев. Посему, презираемый египтянами, был принужден выносить это вследствие лености и миролюбия. В то же время (по Диодору 350 г.), когда финикийские и кипрские цари, подражая египтянам, из-за презрения решились на восстание, он, раздраженный, нашел необходимым воевать с бунтовщиками. Он решил не посылать полководцев, а самому начать борьбу за царство. Заготовив большие запасы оружия, стрел, продовольствия и войск, он собрал 300 тыс. пехоты и 30 тыс. всадников, 300 триер, 500 грузовых и торговых кораблей. Начал он войну с Финикией по следующему поводу. В Финикии есть примечательный город, называемый Триполь, имя которого соответствует его свойству, ибо в нем три города, отстоящие друг от друга на стадий; один из них называется городом Арадян, другой — Сидонян, третий — Тирян. Он имеет наибольшее значение среди финикийских городов, так как в нем обыкновенно финикияне сходятся на синедрий и совещаются о важнейших делах. Когда сатрапы и полководцы находились в сидонском городе и надменно и дерзко вели себя с сидонянами, делая распоряжения, оскорбляемые, не перенося надменности, решились отложиться от персов. Убедив и остальных финикиян добиваться свободы, они отправили посольство к Нектанебу, царю египетскому, враждебному персам, и, убедив принять их в союз, стали готовиться к войне. Так как Сидон отличался благосостоянием и частные лица в нем торговлей составили себе большие состояния, то скоро было настроено много триер и собрано наемническое войско. Вместе с тем в короткий срок заготовлено было оружие, стрелы, продовольствие и все остальное, необходимое для войны. Начали враждебные действия тем, что, вырубив, уничтожили царский парадис, в котором обыкновенно развлекались персидские цари; затем сожгли собранный сатрапами для войны корм лошадям, наконец, схватили и наказали персов, позволивших себе оскорбления. Таким образом началась война с финикиянами. Царь, узнав о том, что они осмелились сделать, пригрозил всем финикиянам, в особенности сидонянам. Собрав в Вавилоне пешие и конные войска, немедленно устремился против финикиян. Когда он двигался, Велесис, сатрап Сирии, и Мамзай, начальник Киликии, вместе начали войну с финикиянами. Тенн, царь Сидона, получил от египтян 4 тыс. греческих наемников, командиром которых был Ментор-родосец. Напав с этими и городскими солдатами на вышеназван-

ных сатрапов, он победил их и выгнал неприятеля из Финикии. Когда это происходило, возникла еще кипрская война... Царь персидский из Вавилона двигался на Финикию. Тенн, сидонский династ, узнав о многочисленности персидского войска и считая восставших не равными по силам, решил искать собственного спасения. Поэтому он послал тайно от сидонян к Артаксерксу наиболее верного из своих слуг, Фетталиона, обещая ему предать Сидон и вместе воевать против Египта и оказать ему в этом отношении большое содействие, вследствие своего основательного знакомства с топографией Египта и доступа в него по Нилу. Царь, выслушав отчасти Фетталиона, чрезвычайно обрадовался и обещался освободить Тенна от всех обвинений по поводу восстания, а если он исполнит обещанное, то и щедро наградить его подарками. Когда же Фетталион сказал, что Тенн потребовал правой руки, то царь, обидевшись, что ему не верят, передал слугам, чтобы ему отрубили голову. Фетталион, будучи уводим на казнь, сказал: «делай, царь, что хочешь, но Тенн, который может все сделать, ничего не исполнит из обещанного, потому что ты не дал поручительства». Тогда он, услыхав это, раздумал, позвал слуг, велел отпустить его и дал Фетталиону правую руку — это у персов считается самым надежным поручительством. Вернувшись в Сидон, он тайно от сидонян сообщил о происшедшем Тенну. Царь же, придавая большое значение, в виду прежней неудачи, покорению Египта, послал посольства в важнейшие города Эллады, вызывая для войны на сторону персов против египтян. Афиняне и лакедемоняне обещали сохранять с персами дружбу, но отказались от союза, фивяне же, выбрав полководцем Лакрата, послали его с 1 000 гоплитов. Аргивяне выслали 3 000 солдат; полководца не выбрали, а согласились по требованию царя назначить Никострата — это был человек способный в деле и совете, но у него благоразумие соединялось с безумием. Отличаясь телесной силой, он подражал Иераклу в войне и носил львиную шкуру и дубину. Подобно им и греки, населяющие приморские части Азии, послали 6 тыс. солдат, так что всех греческих союзников набралось 10 тыс. До прибытия их царь, пройдя Сирию и прибыв в Финикию, расположился лагерем недалеко от Сидона. Сидоняне, так как царь запоздал с приготовлениями, позаботились о заготовке оружия, стрел и продовольствия, а также окружили город тройными большими рвами и высокими стенами. Было у них и достаточное количество солдат из граждан, упражнявшихся в гимназиях и трудах, отличавшихся телосложением и силой. Богатством и всякого рода издержками город значительно превосходил прочие финикийские города, и, что самое главное — триер и пентер у него было более 500.

Тенн, посвятив в предательство Ментора, командира прибывших из Египта наемников, оставил его защищать часть города и содействовать предательству, а сам с 500 солдат удалился из города, делая вид, что отправляется на общий съезд финикиян. С собою он увел, как бы в качестве советников, 100 знатнейших граждан. Когда они приблизились к месту, где был царь, он схватил их и передал Артаксерксу. Царь, приняв его, как друга, расстрелял этих 100, как виновников восстания. Когда же явились 500 «первых» сидонян с умилостивительными знаками, он позвал Тенна и спросил, может ли он передать ему город, ибо весьма опасался получить Сидон по договору, чтобы, наказав сидонян непоправимыми бедствиями, устрашить наказанием другие города. Когда Тенн подтвердил, что передаст ему город, царь, оставаясь верен неумолимому гневу, расстрелял всех 500, имевших умилостивительные символы. Тогда Тенн, подойдя к египетским наемникам, убедил их ввести за стены его и царя. Вследствие такого предательства, Сидон достался персам. Царь, полагая, что Тенн больше для него не нужен, казнил его. Сидоняне же до прибытия царя сожгли все корабли, чтобы никто из граждан не был в состоянии искать на них личного спасения. Когда же увидели стены занятыми многими мириадами солдат, сожгли себя, запершись в домах с детьми и женами. Говорят, что погибло от огня, включая домашнюю прислугу, более 40 тыс. После этой гибели Сидона и исчезновения города вместе с жителями, царь отдавал (для эксплоатации) пожарище за много

талантов; вследствие богатства жителей, было найдено много сплавившегося от огня золота и серебра... Царь персов, по взятии Сидона, когда прибыли союзники из Аргоса, Фив и греческих городов в Азии, собрав все войска, двинулся на Египет. Натолкнувшись на большое болото, где находятся так называемые Варафры, потерял часть войска из-за незнакомства с местностью... Пройдя Варафры, царь прибыл в Пелусий — это первый город на первом устье, где Нил вливается в море. Персы расположились лагерем в 40 стадиях от Пелусия, а греки у самого города. Египтяне, так как персы дали им много времени для приготовлений, тщательно укрепили все русла Нила, особенно же Пелусийское, как первое и особенно благоприятно расположенное. Гарнизон состоял из 5 тыс. солдат под командой Филофрона. Фивяне, спеша оказаться лучшими из греческих союзников, первые и одни смело решились перейти чрез какой-то узкий и глубокий ров. Когда они перешли, пелусийский гарнизон сделал вылазку и завязал бой с фиванцами. Произошла горячая борьба, вследствие большого соперничества с обеих сторон; прошел целый день в опасной битве, и только ночью они разошлись. На другой день царь разделил греческое войско на три части; каждая имела командиром грека, к которому был приставлен начальник перс, назначенный за доблесть и благонамеренность. Первый ряд занимали виотийцы под командой Лакрата-фивянина и перса Росака, потомка семи персов, погубивших магов, сатрапа Ионии и Лидии; за ним следовала многочисленная конница и немалая пехота варваров. Вторая часть была аргивян, под начальством Никострата и перса Аристазана, царского докладчика и самого верного, после Багоя, друга. У него было 5 тыс. отборных солдат и 80 триер. Третьей частью командовал Ментор, предавший Сидон, имея под собой прежних наемников; с ним вместе начальствовал Багой, которому особенно доверял царь; он отличался смелостью и беззаконием. У него были царские греки, значительное количество варваров и немалое число кораблей. Сам царь, начальствуя над остальною частью войска, руководил всем. Таково распределение было у персов. Египетский же царь Нектанеб не испугался ни количества неприятелей, ни общего расположения персов, хотя у него было значительно меньше войска. У него было 20 тыс. греческих наемников, столько же ливийцев; египтян, называемых «воинами», 60 тыс., при этом речных судов для сражений и стычек на Ниле, хорошо устроенных, невероятное количество. Часть реки, обращенная к Аравии, была укреплена частыми крепостями, вся изрезана стенами и рвами. Имея и все другие приспособления для войны, он в короткое время, благодаря собственному неблагоразумию, был низвергнут с власти. Причиной поражения была более всего неопытность его, как полководца, а также то, что он победил персов в прежнем походе. Получив известных в то время полководцев, отличавшихся доблестью и военным талантом, — Диофанта-афинянина и Ламия-спартиата, он с их помощью удачно вел дело. Затем же, вообразив себя искусным полководцем, он ни с кем не разделял команды и вследствие неумения не мог сделать в войне ничего пригодного. Заняв укрепления значительными гарнизонами, сам с 3 тыс. египтян, 5 тыс. греков и половиной ливийцев стал у входов, наиболее удобных для вторжения. Таково было расположение с обеих сторон. Никострат, полководец аргивян, имея против себя египетских вождей, дети и жены которых были заложниками у персов, переплыл с флотом чрез какой-то ров в место, скрытое от взора. Рассадив солдат и укрепив место, стал лагерем. Когда узнали о прибытии врагов, охранявшие ближайшее место наемники египтян немедленно бросаются на них в количестве 7 тыс. Начальствовал над ними Клиний из Коса; он поставил их в боевой порядок. Прибывшие также выстроились. Произошла жаркая битва, в которой греки, наемники персов, блистательно сражаясь, убили полководца Клиния и более 5 тыс. солдат. Нектанеб, царь египетский, услыхав о гибели своих, испугался, полагая, что и остальная часть персидского войска легко перейдет чрез реку. Думая, что неприятели со всеми силами двинутся к Мемфису, решил более всего позаботиться о нем; поэтому, вернувшись со своим войском в Мемфис, приготовился к осаде. Между тем Лакрат-фивянин, предводитель первой

части, двинулся для осады Пелусия. Отведя течение рва в другое место и сделав на высушенном месте насыпь, пододвинул к городу машины. Так как большая часть стен обрушилась, гарнизон скоро выстроил вместо них другие и поставил хорошие деревянные башни. Несколько дней продолжалась непрерывная битва у стен, и сначала стоявшие в Пелусии греки энергично отражали осаждающих, а когда узнали, что царь удалился в Мемфис, испугавшись, завязали переговоры о капитуляции. Когда Лакрат дал им клятвенное обещание, что по сдаче Пелусия они все будут отправлены в Элладу со всем, что вынесут, они сдали крепость. Тогда Артаксеркс послал Багоя с солдатами-варварами принять Пелусий. Солдаты, войдя, отняли много из того, что выносили греки. Когда те негодовали за обиду и призывали богов в свидетели клятвы, Лакрат, приняв это к сердцу, прогнал варваров и, повергнув некоторых из них, позаботился о тех, относительно которых был нарушен договор. Когда Багой побежал к царю и пожаловался на Лакрата, Артаксеркс решил, что с солдатами Багоя поступлено правильно, и казнил персов, зачинщиков грабежа. Так Пелусий был сдан персам. Ментор, предводитель третьего отряда, овладев Бубастом и многими другими городами, подчинил их царю при помощи одной хитрости. Так как во всех городах гарнизоны состояли из двух народов — греков и египтян, то Ментор распустил слух, что царь Артаксеркс отнесется человеколюбиво к тем, которые сдадут города, а те, которые будут взяты силою, понесут такое же наказание, как Сидон. И стражам ворот он объявил, чтобы они выпускали желающих перебежать к нему. Так как пленные египтяне беспрепятственно выходили из лагеря, то скоро этот слух распространился по всему Египту, и везде тотчас наемники стали враждовать с туземцами, и города наполнились распрями. И те и другие наперерыв старались сами передать крепости и променять на благодарность за это собственные лучшие надежды. Это прежде всего случилось в Бубасте. После сдачи Бубаста прочие города в страхе сдавались персам на капитуляцию. Царь Нектанеб, находясь в Мемфисе и видя, что города стремятся к сдаче, не осмелился подвергнуться риску спасения своей власти. Отказавшись от царства и захватив большую часть денег, он убежал в Эфиопию. Артаксеркс, завоевав весь Египет и срыв стены важнейших городов, разграбил храмы и собрал множество золота и серебра и унес из храмов древние документы, которые потом Багой за большие деньги продал назад египетским жрецам. Царь затем отпустил на родину греческих союзников, наградив каждого по заслугам значительными подарками. Сатрапом Египта он назначил Ферендата и затем вернулся в Вавилон с войском, унося много денег и добычи и окруженный громкой славой за свои подвиги».

Так произошло второе покорение Египта. Другие писатели сообщают к этому еще различные подробности о зверствах Оха. Рассказывали (у Динона), что он, узнав, что египтяне называют его, как и других персидских царей, ослом (т. е. Сетхом, который теперь окончательно сделался чортом), сказал: «этот осел съест вашего быка»; приказал изжарить Аписа и съел его с приятелями, а также убил мендесского священного овна. Элиан прибавляет, что вместо Аписа он поставил осла и велел служить ему и т. п.

Нектанеб бежал. Что с ним сталось — неизвестно. Однако в развалинах Мемфиса найден его ушебти, а также давно известен его саркофаг, различные части которого находятся в Каирском музее. Неужели он потом вернулся и умер на родине? Во всяком случае, его родные продолжали жить в Египте. В Берлинском музее есть богатый саркофаг «князя Нектанеба, великого генерала его величества (вероятно Птолемея I), коменданта пограничной крепости Джара, начальника бедуинов»; бабушка его была сестрой Нектанеба и женой севеннитского номарха. Он упоминает о каких-то войнах, в которых он участвовал, борясь за Египет и подчиняя иноземные области царю, имя которого, к сожалению, не названо.

Нектанеб вел войны в самом начале и в конце своего царствования. Остальное время, довольно продолжительное, он употребил, подобно своим предшественникам, на деятельность в пользу храмов и искусства. Весь Египет полон его памятниками;

его имя встречается немногим реже знаменитых имен XVIII, XIX и XXVI дин. И цельные храмы, и наосы, и мелкие сооружения, и дарственные записи — все это дошло в значительном количестве и обнаруживает специфически нектанебовский стиль, распознаваемый с первого взгляда. Есть прямые указания на его строительную деятельность. Так, один лейденский греческий папирус передает легенду о том, что себеннитский храм украшен им вследствие сонного видения в 16-м году царствования. На восточной границе Дельты, в местности Сафт-эль-Хенне уже давно найден величественный наос в честь местного божества Сопда, считавшегося покровителем Востока, воздвигнутый, вероятно, по поводу какого-то чуда. Здесь изображены все боги, чтившиеся в этих местах; фараон молился им, намекая на свои победы над «Востоком». Это было очень удачно, так как Сопд был в то же время воинственным божеством, изображаемым в виде кобчика, вооруженного луком и стрелами, или в виде страшной крылатой человеческой фигуры с двумя ножами в руках и с оружием у ног, причем надпись говорит, что это «Сопд, владыка Востока, поразитель азиатов, повергающий супостатов». Нектанеб именуется здесь, как храбрый «разрушитель и прогонитель, премудрый и разумный, сражающийся за Египет против бунтовщиков, попирающий под ноги азиатов, освобождающий престол от их насилия, твердый сердцем, идущий вперед и не отступающий, заботящийся о храмах своим великим разумом, который подобен тому, что исходит из уст Ра». Эта забота о храмах проявилась не только в постройках, но и в увеличении доходов их. Об этом свидетельствует, между прочим, одна длинная надпись, интересная тем, что в ней впервые найдено имя Навкратиса, написанное по-египетски. Текст датирован 1-м годом, 4-м мес. лета, 13-м днем Нектанеба II, т. е. временем, непосредственно следующим после его воцарения. После обычного хвалебного вступления рассказывается, как царь, возложив на себя нижнеегипетскую корону в Саисе, решил сделать угодное «своей матери Нейт» и в этих видах издал указ, чтобы в пользу ее храма была передана десятина со всего ввозимого по «Греческому морю» в гавань Хенут-хент и десятина со всего производства Пиамро, названного «Нукрат», на берегу канала Ану... Подобные десятины упоминаются псевдо-Аристотелем в числе установленных Тахом по совету Хабрия. Нектанеб лишает свою казну той части, которая этим указом передается саисскому храму, очевидно, в видах привлечения на свою сторону духовенства. В другом указе он под страхом жестокой кары запрещает ломать камень для построек в горах, окружающих священный Абидос.

Таким образом, повидимому, и Нектанеб и его предшественники были настоящие благочестивые фараоны, находившие в виду врагов и бедствий и средства и время строить и жертвовать. Однако, если Ревилью верно читает загадочную демотическую хронику, жрецы их расценивали иначе. Чем они руководствовались, мы не знаем. По духу это любопытное произведение приближается к хронике Набонида и еврейским книгам Царств и Паралипоменон; в них история рассматривается с жреческой точки зрения. Разница здесь та, что текст служит как бы толкованием древнего пророчества. К сожалению, до сих пор этот необычайно интересный памятник не нашел более надежного исследователя. Покойный Кралль имел в виду им заняться, но не успел этого исполнить. Мы не решаемся следовать за Ревилью, приводя полностью его перевод и выводы, скажем только, что, на основании его чтения, Амиртей упоминается здесь пока единственный раз в египетском тексте, как «первый царь после варваров — мидян», при котором «явилось очищение». Нектанеб I и его династия искусственно связаны с предшествующей. Время Нектанеба II названо «временем гибели, дележа в 18-й день», когда «мидяне-языки открыли сокровища», когда «наши водовместилища, наши каналы полны слез, и в Египте нет людей, чтобы жить в домах», и ожидается спаситель из Эфиопии. К некоторым царям персидского времени автор относится отрицательно, особенно же к Нектанебу II, которого он высмеивает, заставляя чваниться царским одеянием. Иначе отнесся к нему народ, учредивший культ Нектанебов, как героев, в Фивах (жрец дома Нектанеба I и жрец статуи Некта-

неба II) и сочинивший известную и вошедшую в роман псевдо-Каллисфена легенду о нем, как об отце Александра Македонского, связавшем фараоновский Египет с эллинистическим. Таким образом, в сознании египтян он был последним фараоном, таким он и был во мнении ученых, пока проф. Шпигельберг не доказал, что и десятилетие, прошедшее от Охова погрома до Александра Великого, не обошлось без новой попытки египтян возродить свое царство. Давно был известен фараон Хабабаша, но его ошибочно относили ко времени Дария или Ксеркса. Теперь Шпигельберг разобрал один демотический брачный контракт, датированный первым годом этого царя и содержащий в себе подпись того же свидетеля, который расписался на одном документе от 324 г. Очевидно, Хабабаша относится ко времени после Нектанеба. Сам интересный памятник, на котором он засвидетельствован, — документ от времени Александра, сына Александра Великого, и Птолемея, еще сатрапа, о возвращении участка земли храму Буто:

«Когда этот великий князь (т. е. сатрап Птолемей) пожелал оказать благочестивое дело богам Верхнего и Нижнего Египта, ему рассказали его свита и вельможи Дельты: болотное место, именуемое «земля Буто», отдана была некогда царем В. и Н. Египта Сенен-Тенен-сотеп-ни-Пта, сыном Ра, Хабабашем, богам Пе и Депу после того, как его величество отправился в Пе-Депу, осмотрел кругом всю болотную область во время путешествия по Дельте, когда он осматривал каждое устье Нила, идущее в Средиземное море, чтобы не допускать азиатских кораблей в Египет. Тогда сказал его величество (Хабабаша) своей свите: «расскажите мне об этой болотной местности». Они рассказали его величеству: «болотная местность, именуемая землей Буто, принадлежит богам Пе-Депу издревле, еще раньше, чем злодей Ксеркс отнял ее. Никто не приносил после этого в ней жертвы богам Пе-Депу». Сказал его величество: «приведите жрецов и вельмож Пе-Депу». Их немедленно привели. Сказал его величество: «скажите мне, как поступили боги Пе-Депу со злодеем за его злодеяние — ведь говорят, что злодей Ксеркс преступил против Пе-Депу, отняв его достояние?» Сказали они его величеству: «государь, господин наш, Гор, сын Исиды, сын Осириса, князь князей, царь царей Верхнего и Нижнего Египта, защитник отца своего, владыка Пе, начало и конец богов, которому никакой царь несравним — он изгнал злодея Ксеркса с его старшим сыном из дворца. Еще и теперь об этом можно узнать во граде Нейт-Саисе у матери бога (может быть, матери Хабабаша)». Тогда сказал его величество: «этот могучий из богов, с которым никакой царь несравним, да будет поставлен на путь, приличествующий его величеству, я клянусь в этом». Сказали жрецы и вельможи Пе-Депу: «да повелит твое величество снова отдать землю Буто богам Пе-Депу, с хлебом, напитками, быками, гусями и всякими хорошими вещами».

Итак, несомненно, что загадочный фараон жил после Ксеркса. Дошедшая от его 2-го года надпись о посвящении им саркофага Апису напоминает по характеру памятники Нектанеба, на это же время указывает и упомянутая подпись свидетеля. Предположение Шпигельберга, что вместо Ксеркса надо разуметь Артаксеркса III, не может быть принято, так как документ официальный, а имена Ксеркса и Артаксеркса звучат по-персидски и египетски (Хшиарша и Артахшашас) совсем не сходно; придется признать, что во все время туземных династий участок, конфискованный Ксерксом, не был возвращен храму. Интересно упоминание о том, что Хабабаша объезжал приморскую страну и укреплял русла Нила против персидского флота — это напоминает постоянные сообщения Диодора о заботах Нектанебов об устьях. Тронное имя Хабабаша «Подобие Танена, избранник Пта», указывает на коронацию в Мемфисе, брачный же контракт, очевидно, фиванского происхождения. Таким образом, царь этот признавался около двух лет во всем Египте. Имя его — не египетское; самые разнообразные предположения, высказывавшиеся относительно его происхождения, все одинаково не убедительны. Остается предположить, что новая попытка восстановления царства фараонов произошла под влиянием низвержения Оха и последовавших за этим дворцовых смут.

*

Таким образом, политическая и хронологическая стороны истории последних туземных династий, при сравнительном обилии и разнообразии сведений и памятников, все еще представляют много неясного и трудного. Пред нами события и цари, засвидетельствованные греческими писателями и неизвестные из туземных памятников, и наоборот, оставившие следы в храмах и на папирусах, но не упоминаемые у авторов, противоречия в хронологии, сомнительные фактические данные и т. п. Все эти обстоятельства были причиной, между прочим, того, что в течение долгого времени не могла быть окончательно приурочена интересная надпись ираклеопольского номарха Самтауи-Тефнахта, находящаяся в Неаполитанском музее. В ней видели упоминание и о Марафонской битве (Эрман) и о восстании Инара (Краллъ) и Хабабаша (Видеман), пока, наконец, Шефер не доказал, что ее орфография указывает с несомненностью на эпоху Птолемеев и что сама она повествует о событиях конца персидского владычества и о времени македонского завоевания. Поэтому она является едва ли не последним эпиграфическим египетским памятником историко-биографического характера (на ряду с берлинским саркофагом Нектанеба), и мы сообщаем ее в переводе:

«Князь, казначей, единственный семер, жрец Гора, владыки Хебену, жрец богов 16-го верхнеегипетского нома, жрец бога Самтауи в Я-Хеху, начальник жрецов богини Сохмет во всей стране, Самтауи-Тефнахт, говорит: «О владыка богов, Хершефи, царь обеих земель, владыка всех стран, свет, освещающий землю, правое око которого солнце, а левое — месяц, душа — свет, из ноздрей которого выходит ветер, оживляющий все. Я — твой преданный раб, сердце мое по воле твоей; я наполнил тобою мое сердце, я не заботился ни о каком городе, кроме твоего города, я не упускал выставлять на вид духов его пред всеми людьми; сердце мое (дивится) множеству чудес в доме твоем день и ночь. То, что ты для меня сделал, неизмеримо выше этого. Ты расширил мой путь к царскому дому; сердце благого бога было довольно тем, что я говорил. Ты возвысил меня пред бесчисленными, когда ты повернул тыл к Египту. Ты вложил любовь ко мне в сердце властителя Азии. Друзья (царя) благодарили меня. Он дал мне сан верховного жреца Сохмет после брата моей матери, начальника жрецов Сохмет в обеих землях Хи-хе-неба. Ты защитил меня в войне греков, когда ты отразил Азию. Они убили бесчисленное количество на моей стороне, но никто не поднял руки против меня. Затем я увидел тебя во сне, причем твое величество сказало мне: «спеши в Ираклеополь — я буду с тобою». Я прошел чрез границу, будучи один. Я переплыл море без страха, помня о тебе, и не преступил твоих повелений. Я прибыл в Ираклеополь, причем ни один волос не пропал с моей головы. Так, благодаря тебе, начало было хорошо, ты устроил и радостный конец: дал мне долголетие, полное счастия. О все жрецы, служащие этому почтенному богу, Гору горизонтов, вседержителю, душе совершенной в Ираклеополе, Атуму, царю души, душе первородной Хершефи, царю обеих земель! Если вы хотите, чтобы ваше имя осталось на земле по милости Хершефи, царя обеих земель, скажите: «да будут к тебе милостивы боги и богини, пребывающие в Ираклеополе, о помилованный своим богом и почтенный своим номом Самтауи-Тефнахт». Это будет полезно для вас, и другой, спустя годы, будет произносить ваши имена».

Итак, покойный номарх был при дворе последнего туземного фараона («благого бога»). Затем, когда бог «повернул тыл к Египту», т. е. предал его снова персам, «властитель Азии», т. е. персидский ц арь, и го друзья, благодаря промыслу Хершефи, оказывали ему милость не в пример другим представителям покоренного народа; царь утвердил его в жреческом достоинстве и взял его с собой на войну «греков», т. е. в поход против Александра. И здесь, промыслом Хершефи, «отразившего Азию», т. е. персов, он уцелел (вероятно при Иссе), когда было убито «бесчисленное множество на его стороне» (в том числе, как известно, и персидский сатрап Египта). Водимый своим богом, он возвращается в родной город, где бог «дает ему хороший конец», т. е. он приспособился и к новому режиму македонян. Надпись чрезвычайно важна и инте-

ресна и является параллелью к знаменитой Ватиканской статуе: та начинает персидский период Египта, эта его заканчивает.

Приведенная надпись весьма интересна и в культурно-историческом отношении. Она является актом благодарности богу-покровителю и дает нам ценные указания на *религиозное миросозерцание* ее автора и многих подобных ему египтян. Мы видим, что благочестие и религиозность, столь заметные в саисскую эпоху, еще более прогрессируют. Человек чувствует себя под неусыпным блюстительством божества, которое является ему в сонных видениях и творит для него чудеса. Само оно наделяется такими свойствами, какие делают его еще более далеким от наивного фетишизма древности. Бог, которого особенно чтит автор надписи, — это царь не только Египта, но и всех стран, и это понятно, так как он — «свет, освещающий землю, правое око которого — солнце, а левое — месяц, душа—свет, а из ноздрей выходит ветер, чтобы оживить все». Он требует себе служения, но сам подает гораздо больше того, что может для него сделать человек... Таковы возвышенные представления, проникшие со стен храмов и из гимнов в надписи частных лиц. Храмовые тексты, если бы мы ими обладали в достаточном количестве, развернули бы пред нами и для этой эпохи интересную картину учений и высоких представлений. Единственный храм, дошедший более или менее полно, находится вне Египта — в Великом оазе, где продолжал почитаться уже сделавшийся древним бог Амон с его фиванским учением. Надписи на стенах этого храма датированы именами Дариев I и II. Они содержат гимны Амону, частью переписанные с более древних текстов. В них верховный бог отожествляется со всеми великими богами Египта, объявляется виновником жизни и промыслителем тварей. Это — космический монотеизм, близкий к пантеизму, но с этической окраской.

«Велики имена его все, сокровенны пред детьми его. Когда открываются врата неба к земле, сияет владыка престолов обеих земель в образах своих... в имени своем Ра, каждый день... Он проливает дыхание в гортани, в имени его Амон; он непоколебим во всем, душа Шу и всех богов, тело живущих жизни, творец плодоносных деревьев, виновник наводнения, нет жизни без него на окру ности земли... сияющий в горизонте, распространяющий теплоту свою по земле, в имени его Осирис, творец света. Гор духов живущих, живущий в океане Нун, жизнь богов и людей...

Подобие Амона, подобие Атума, подобие Хепры, подобие Ра, единый создавший себя в виде миллионов, Тенен, предвечный, подобие, образовавшее свое тело собственными руками в виде любого образа, согласно своему желанию. Подобие великого крылатого солнечного диска, первого на небосклоне богини Нут, которая поручила ему небо и землю во всем их окружии, с тех пор, как воссиял он (над) водами в Каи-ка Ермополя. Боги идут (?), когда он исходит... Он озаряет круг неба перьями своими.. он не гибнет во веки веков, плавая по небу, кружась по преисподней ежедневно, чтобы восстановить Осириса царем ада и обновить тело свое снова и усладить сердце матери сына его — Гора. Это — он, восходя и заходя ежедневно, пребывая на небе, чтобы освещать обе земли, руководить людей. Во веки живет овен Амона в его правом оке — в солнечном диске на небе, каждый день, во веки... Подобие Атума, подобие Осириса изначала. Левое око его — измеритель — Тот, подобие Амона ночью, сияющий на детей своих, плывущий по небу каждый день от угла горизонта, чтобы дать бытие временам года. Течение его против Ра, нет другого (подобного ему)... боги ликуют ему больше, чем Шу. Они идут к нему, как идут сыновья убогих к другу (?), как верховный глава к сыну своему, который на престоле его, во дворце его. Определяется вечность сообразно времени его, когда он восходит и заходит. Вечно жив овен Амона в его левом оке, месяц ночью, царь живущих (звезд), разграничитель времен года, месяцев, лет. Он шествует вечно, восходя и заходя, подобие, подобие Шу, подобие высокое, более всех богов, подобие прекрасное, образы у четырех ветров неба, вышедших из уст его величества сына Шу, повелевающего ветрами, плывущего по небу каждый день, живущего в облаках над Шу, объезжающего небо. Он входит в деревья —

они существуют, он оживляет цветок, проявляет (?) силу свою больше, чем у могучего льва. Нет другого над ним. Слышен его голос, но не виден он сам ни для какого дыхания. Он укрепляет беременную при родах, он оживляет вышедшее из нея. Он пробегает таинственный мир того, чье сердце не бьется, давая ему сладостное дуновение северного ветра, наполняя сердце его своим благовонием постоянно, ежедневно давая силу в тело его, когда приходит сообразно времени своему неукоснительно. Да даст (?) он имя свое Гору-тема, да защитит Шентит, да утвердит сына ее на престоле отца его во веки, Амон, душа Шу, плывущий по облакам между небом и землей... Живут от него во веки».

Что касается этической стороны египетских религиозных представлений, то в памятниках этого времени мы услышим уже знакомое нам. Так, большой манчестерский папирус из Эль-Хибе, представляющий жалобу угнетенного жреца Петиисе, обращенную к персидскому наместнику времени Дария I, приводит ряд, к сожалению, трудно переводимых гимнов Амону, в которых это божество выступает в знакомой нам роли защитника угнетенных и отмстителя злодеям. Весьма рельефно выражены нравственные представления также на некоторых саркофагах этого времени, особенно в одном тексте венского саркофага жреца Панемисе и каирском саркофаге его родственника Харемхеба:

«Откройте мне ваши врата в мире, откройте мне земли обоих истоков Нила, чтобы мне входить и выходить в преисподней, чтобы ходить по земле, согласно желанию. Не погибнет душа, не гибнет мое тело, я — достойный у Осириса. Возьмите меня в преисподнюю, вы, находящиеся на вратах, не возвращайте меня назад; стражи врат, протяните мне ваши руки, чтобы соединиться с покоящимися в мире, находящимися в Месеке, бдите над моим гробом, сохраняйте мою мумию, прогоняйте зло, находящееся вне меня. Да войду я в дом преисподней к Осирису; да прославятся мои добрые дела на его месте, мои добродетели — в великой зале правды на небе. Мое сердце ненавидит ложь, я знаю духа великого бога преисподней, я не погрешил против него, ибо избегал всего, что ненавидит его дух. Не был я склонен делать то, что ему ненавистно, не брал я ничего воровством, не вредил никому в жизни моей, не лгали мои уста со дня рождения, с младенчества до старости, не произносил никогда лжи доныне. Я величал духов, украшал духа, я следовал приличному и делал добро относительно всех людей, восхваляя богов, неустанно делая дело их каждый день и ночь. Духи превосходные, слушайте слово мое воистину. Я кормил людей в моем доме, давая пропитание нуждающимся. Я давал мои руки разбитым, чтобы доставить им питание для жизни. Добродетели мои многочисленны и сияют пред миллионами, ибо я дал изобилие неимущим. Я не лгу и не говорю неправды. Я — хвалимый, хвалимый в городе моем; нет порока в том, что я делал. Сердце человека — его бог сам. Сердце мое довольно тем, что я сделал; оно в теле моем; я — бог. Радуются боги видеть меня. Нельзя найти (во мне) ничего для пожирателя многих, не написано против меня преступления в трибунале Гора, что на весах; сердце мое на пути Испытателя сердец. Я знаю великих спутников Осириса. Откройте ваши врата, стражи дверей, отверзите мне путь чрез чертог сокровенный, да видят меня мумии и тени, да видят меня боги ради того, что я делал для них в течение лет пред живущими, да узнают меня рехит (люди); я был на земле ради добра, которое им сделал. Причислите меня к вам вместе с духами (святыми), ибо чтил я богов запада, ибо делал я добро, да соединюсь с вами в веселии... Я иду скоро ко владыке молчания; удалено от членов моих утомление; я поклонюсь духам, живущим у Ра. Да даст он моей душе соединиться с телом, да утвердит мое сердце на своем месте, да расширит мое шествие среди покойных, входящих в землю, согласно желанию сердец их, я живу во веки, в бесконечное время. Память о добре, которое я делал, остается в преисподней. Возвещает оно совершенства твои богам, говоря: ты превосходен пред чистыми, живущими на небе, подобно звездам».

Автор этих благочестивых строк, однако, всецело стоит на традиционной почве египетских мифологических представлений; на его гробе изображены те же духи,

божества и чудовища, что и везде. Точно также и владелец следующего саркофага, относящегося к тому же времени:

«Ты принят богами, находящимися в преисподней, следуя к месту, куда желаешь, с духами совершенными запада Фив, с богами, которые там. Они говорят тебе: «добро пожаловать». Ты будешь гостем, не меньшим одного из них. Ты получишь дары с жертвенника Ра, освежишься освежением Сокара. Осирис Аараи, ты выходишь чистым с цветами из храма твоего города. Дают тебе каждение, возлияние духу твоему, приносят дары тебе из божественных вещей, как ты делал для твоих отца и матери, как совершенных покойников. Возносится душа твоя на небо, чтобы созерцать солнце, тело твое в преисподнюю с Кебом, ты свидетельствуешь утварь Осириса и возлагаешь на себя корону Урт. Ты получаешь место твое в аду, место твое вечное, время твое не гибнущее, лето твое — также. Ты выходишь и ходишь с Осирисом. Ты пьешь воду на каналах Нила, ты получаешь дуновение северного ветра. Открыты тебе врата неба; ты принят среди них в мире. Выходит душа твоя, чтобы соединиться с душами превосходными; превосходно тело твое в преисподней, о Аараи покойный».

Здесь все обычно и традиционно, как во все эпохи Египта. Высокие идеи продолжали уживаться с прежними анимистическими представлениями. С этой стороны наша эпоха была прямым продолжением саисской. Внешнее наивное благочестие дошло до крайних пределов. Греческие комики Анаксандрид (сред. IV в.) и Тимокл (кон. IV в.) указывают на египетский культ животных, как на непонятный для греков; первый говорит даже, что на него и на другие различия в правах и быте указали египетским послам, мотивируя этим отказ в заключении союза.

Количество боготворимых форм росло, странным образом уживаясь с идеей единства божественной сущности. Вероятно, одним из средств примирить это было необычайное превознесение местных божеств, пример которому мы видели на Хершефи ираклеопольском, и окружение их сонмами подчиненных божеств; в состав этих сонмов входил почти весь египетский пантеон. Таким образом, все местные божества наделялись сходными эпитетами, считались божествами света и, следовательно, тожественными. Так, Нектанеб I в Бубасте называл себя «сыном Баст», вместо обычного «сын Исиды». Во всех местах культа жрецы принимают целые вереницы титулов, так как рядом с местным божеством чтились едва ли не все египетские божества. Характерным примером нагромождения божеств является уже упомянутый нами наос Нектанеба II в Сафт-эль-Хенне:

«Он пришел и умертвил Апопи и открыл благоприятный год; боги и богини ликовали и веселились в его святилище, ибо он связал врага; земля востока в радости: он убил врагов; гора Ману в веселии, когда его дух восходит и идет на горизонте: его враги изрублены. Когда он плывет по небу с благоприятным ветром, он достигает хорошего запада; обитатели запада в радости, видя, что он приближается к ним, члены их дрожат при виде его: он всегда на устах их... Когда он поднимается на гору Баху, все животные ликуют ему; его лучи и сияние на них; он приводит девятый час, когда таинственное время прошло в Нут. Неразрушимые звезды не останавливаются. Гор-тема, вооруженный копьем, поражает Апопи впереди корабля. Гор берется за руль, чтобы управлять; великая Сохмет, владычица писания, произносит заклинания кораблю бога. Он идет и умерщвляет врагов. Благой бог, храбрый, разрушитель и прогонитель премудрый и разумный, сражающийся за Египет против бунтовщиков областей, попирающий под ноги азиатов, освобождающий трон от их насилия, твердый сердцем, идущий вперед и не отступающий, заботящийся о храмах своим великим разумом, подобным тому, что исходит из уст Ра. Почтенный бог Сопд, владыка востока, да вспомянет свое благоволение над его волей, и все боги, когда его величество подходит пред них. Когда царь хотел воздать почтение этому богу в сокровенном святилище, неведомом жрецам, и где все боги области были со своими телами, боги вложили в сердце царя. После многих лет, неведомо как, они увидали его явственно, как он поднялся на этом одре. Царь явился на восток, он украсил мир своими лучами;

ты вознесся высоко, как владыка правогласия. Благой бог украшает седалище его, как «обиталище сокровенного образа» владыки востока, для тела его собственного. Боги, что позади его — на правой стороне, цикл богов — на левой от него. Когда он выходит, цикл богов пред ним подобно тому, как у Ра, когда тот сияет в горизонте и когда заходит на седалище свое каждый день».

Таков текст, начертанный на стенах наоса, воздвигнутого на восточной окраине Дельты, вблизи Гесемской земли, по поводу«чуда» явления местного бога и в воспоминание побед над персами, а может быть и для снискания помощи божества в предстоящей войне. И здесь говорится о чуде, как у Самтауи-Тефнахта о сновидении. Наос покрыт бесчисленным количеством изображений: целая вереница богов, духов и фетишей в разнообразных положениях, ритуальных и мифических, является в свете Сопда, как бога света, поражающего демонов мрака и врагов Египта.

Еще в большей степени подчеркнута эта дуалистическая идея на памятнике Нектанеба I, известном под именем стелы Меттерниха и изданном В. С. Голенищевым. Здесь вереницы изображений все проникнуты идеей зиждительной силы вечно юного божества света и его победы над темными силами. Во главе поставлено солнце, как огненная стихия, выплывающая из трех остальных стихий, и солнце в виде огненного старца, подобного Сопду на наосе в Сафт-эль-Хенне и попирающего гадов; в центре — солнце в виде младенца Гора с двумя головами, младенца и старца, попирает и давит гадов; вся масса божеств и второстепенных изображений также выражает эту идею; царь Нектанеб I, коленопреклоненный пред верхним изображением рождающегося солнца, произносит: «о владыка огня, жара и зноя, дай свое пламя всюду, но не сожигай». Все остальные многочисленные тексты содержат магические заклинания против укушения гадов, с намеками на соответствующие мифы. Был ли этот памятник, сооруженный для царя, доказательством его суеверия, или он воплощает идею победы сынов бога света над политическими гадами, отродьем Тифона — персами, и служил как бы государственным талисманом, мы не знаем, но следует отметить, что с этого времени подобия его — фигурки юного божества, попирающего крокодилов и гадов, с соответствующими текстами, входят во всеобщее употребление, являясь талисманами против укушений и яда и укрепляя в сознании народа роль божеств света, как представителей не только физического света, но и всего доброго и прекрасного. Дуалистические представления развиваются, Апопи и Сетх делаются настоящими чертями. Статуэтки Сетха уничтожаются, имя его выскабливается и избегается; вместо него начинают употреблять «бу», т. е. пустое место. Сообразно этому, Осирис и его цикл стал пользоваться еще большим почтением, чем раньше, и сравниваться с солнечными божествами. Греки познакомились с египетской религией, когда она приняла этот дуалистический характер; этим объясняется, что в их известиях он слишком подчеркнут. Египтологи старого времени, по недоразумению, распространили его и на древний период, когда Сетх вовсе не считался злым божеством. Конечно, такая эволюция египетских представлений вполне могла быть совершенно естественной, как переход от дуализма материального к нравственному, но на нее, вероятно, оказала свое влияние долгая борьба с Азией, с ненавистными персами; как известно, Сетх считался богом азиатов... Нам будет понятно известие классиков, что египтяне называли Оха ослом — осел в это время символ Сетха-Тифона. На жизнь храмов и духовенства в эту эпоху проливает много света глубоко интересный памятник, обнимающий саисское и персидское время — дело фамилии жрецов бога Амона в г. Таюджой близ Ираклеополя. Храм здесь был построен еще Шешонком в честь Амона и фиванских богов, в благодарность за победы в Палестине. Местный жреческий род происходил от верховных жрецов в Фивах и занимал выдающееся положение в государстве — он дал несколько «начальников гаваней», которым при саисской династии был подчинен весь юг «от южной башни Мемфиса до Ассуана», они заведывали всей внутренней и внешней торговлей и жили в Ираклеополе вблизи богатого Фаюма, нося титул его князей. За время смут и иноземных нашествий храм пришел в упадок.

При Псаметихе I жрец Петиисе, племянник и сотрудник одноименного с ним «начальника гаваней», на свои средства восстановил храм и культ и «сделал Таюджой столь же славным, как великие храмы юга». В память о своей деятельности он поставил две вотивных статуи с надписями из элефантинского камня; сам он получил наследственное жречество Амона и его эннеады. Внук его был отряжен сопровождать Псаметиха III в сирийском походе; в его отсутствие его место жрецы из угодливости передали сыну номарха. Хлопоты его не увенчались успехом, так как царь умер раньше, чем он успел получить к нему доступ и принести жалобу. Когда Яхмос II наложил руку на храмовые имущества, жрецы отстояли принадлежавший им остров, подкупив влиятельного царедворца Хеохонса этим самым жреческим местом, но правнук Петиисе и сын Петиисе третий не думали отказываться от своих прав на него и продолжали вести процесс. В 4-й год Камбиза Петиисе удалось получить назад свой дом, но не место, а в 9-й год Дария ему, как невольному свидетелю поведения жрецов, доведших храм до разрушения, пришлось вынести арест, пытки, побои; его дом был сожжен. Хлопоты у сатрапа имели ничтожные результаты — он не получил ни достаточного удовлетворения, ни жреческого наследственного места. Пред нами проходит яркая картина жизни египетского храма со всей ее закулисной стороны: с интригами, подкупами, насилиями; докладная записка Петиисе имеет и приложения — копии с льготных грамот, освобождающих храм от повинностей по ходатайству упомянутого нами восстановителя храма — Петиисе I. Жрецы забыли его благодеяния и изгладили одну из его надписей, не желая, чтобы его обездоленный потомок на нее мог ссылаться. После насилий, обрушившихся на несчастную семью, одним из ее членов были составлены в честь Амона молитвы и текст их поставлен на том месте, «куда овен Амона «великий блеянием» доходил и давал свой оракул». Они по тону напоминают библейские псалмы бедных людей, жалующихся на утеснения богатых и власть имущих, и, будучи в копии приложены к делу, знакомят нас с поэтико-богословским творчеством лучшей части жречества в эту эпоху.

Последние фараоны были религиозны. Они считали своею обязанностью не только «сражаться за Египет и оберегать трон его», но и «заботиться о храмах». Следы этих забот до такой степени многочисленны, что вызывают удивление и кажутся невероятными, при мысли о кратковременных царствованиях и постоянных войнах. От Фил до Гесема и Навкратиса рассеяны воздвигнутые в это время храмы, наосы, статуи, обелиски, изваяния львов и т. п. И все это, сделанное большею частью из твердого темного камня, поражает изяществом, законченностью, тщательностью отделки. Филейские пропилеи и карнакский пилон Нектанеба принадлежат к лучшим произведениям египетского *искусства*; сидящая статуя Нектанеба II в Париже и статуя Ахориса не уступают лучшим образцам Древнего царства, равно как ватиканские львы и эдфусский наос. Наосы вообще излюбленная форма религиозных памятников этой эпохи; это — каменная ниша для статуи божества, украшенная высеченными изображениями и надписями. Вероятно, последние египетские цари любили прибегать к ней особенно потому, что она давала возможность, при сравнительно небольшой затрате времени и материальных средств, выразить в изящной художественной форме усердие к тому или другому религиозному центру, а так как они хотели везде проявлять это усердие, то и выбрали наос — для сооружения храмов повсюду не было ни времени, ни средств, ни необходимости, тем более, что приходилось реставрировать старое и залечивать последствия погромов. Поражает чистота отделки, изящество изображений и иероглифических знаков, высеченных с удивительной тщательностью. Вообще искусство этого времени является продолжением саисского, но в некоторых случаях ушло еще дальше в смысле изящества и верности природе. Масперо склонен приписывать это влиянию греков, с которыми египтянам постоянно приходилось иметь дело и которые из Навкратиса распространяли по всему Египту свои мраморные изваяния и свои расписные вазы. Он сопоставляет обломки барельефов из гробниц саисской и нашей эпох с известными скуль-

птурами с мастаба Древнего царства и находит, что при кажущейся близости их, при ближайшем знакомстве обнаруживаются существенные различия. С одной стороны, поздние барельефы, лишенные надписей, идеальны и отвлеченны, — они передают не действительность (напр., дары от определенных деревень покойного), а традицию; с другой — они более реалистичны по исполнению и не лишены греческого влияния. Особенно останавливается он на фигурах женщин и музыканта в гробнице жреца и воина Джа-Нофра в Александрийском музее. Усиленная деятельность царей отразилась, между прочим, на каменоломнях Турра и Массара у Мемфиса. Подземные галлереи их заключают много памятных демотических надписей писцов, наблюдавших за работами и рабочими. Десятки этих надписей упоминают царей Ахориса и Нектанебов (напр.: «в шестой год, в мес. фармути царя Ахориса, владыки корон, вечно живущего. Место работ Петефра, сына... пред Гором» и т. п.). Совершенно непонятно, откуда у этих царей были такие средства, достаточные и для постоянных войн и для широкой строительной деятельности. До нас дошло единственное свидетельство — о совете Хабрия Таху (у Полиэна), и оно только доказывает, что к экстренным мерам и налогам на храмы до этого времени не приходилось прибегать; возможно, что эти меры и были одной из причин недовольства Тахом и его падения.

Вообще внутреннее состояние Египта в эту эпоху мало чем отличалось от саисского времени. Попрежнему в областях сидели номархи, иногда настолько крупные, что казались для греков царями; из них вышли XXIX и XXX династии. Вероятно от персидского, а может быть от раннего птолемеевского времени, до нас дошли интересные каирские статуи танисских номархов с длинными надписями, в которых они говорят о своих отличиях орденами, о земельных пожалованиях со стороны фараона, о своих жреческих и военных должностях, о работах, о родном городе (между прочим, «после его пленения»), о водных путях и земледелии. Подобным же образом и в изданной нами ватиканской надписи на статуе владетель какого-то города и почитатель богини Хатор хвалится, что он увеличил обрабатываемую площадь, принадлежащую городу, и защищал его граждан.

Вне Египта власть фараонов простиралась на ливийские оазы, которые разделяли все время судьбу Нильской долины. В Амоновом оазе (Сива) Штейндорф обследовал остатки двух храмов этой эпохи. Один из них в главном пункте оаза — Агурми, заключавший в себе знаменитый оракул, имеет на стенах надписи с именами Ахориса и князя оаза Сетхердиса, носившего титул «начальника иноземных областей» и одетого в царскую одежду; на голове у него страусовое перо, отличительная черта окрестных ливийцев. Другой храм, в Уммебеда, вероятно, относится ко времени Нектанеба; князь, изображенный здесь на коленях пред Амоном, носит имя Уну-Амон. Некоторое время, кроме того, фараонам удалось распространить свое влияние и даже власть на Сирию и хотя на минуту напомнить времена Нового царства. Странным кажется почти полное отсутствие частных демотических документов от этого времени. Все почти папирусы этого рода относятся ко времени Дария I; Гриффис высказывает предположение, что количество частных сделок находится в связи с благосостоянием страны, и в смутные и трудные времена египтяне предпочитали обходиться без документов и присутственных мест. В таком случае придется о времени самостоятельных фараонов персидского времени сделать весьма невыгодное заключение.

Военный характер также был отличительной чертой этой эпохи, равно как и продолжающееся наводнение страны иноземцами. Кроме греков, финикиян и персов, появляются в большом количестве сирийцы, а с ними арамейские и египто-арамейские стелы с посвящениями египетским богам. В сезон 1908 г. Флиндерс Петри нашел остатки мемфисского квартала иностранцев и в нем большое количество терракот, представляющих типы народов, среди которых он распознал персов, греков, сумерийцев (!), семитов, индусов, скифов. По времени они относятся главным образом к 500—300 гг. Наконец, с 1904 г. на Элефантине делаются находки, давшие возможность в настоящее время окончательно установить существование в Египте

персидского времени иудейских колоний. Благодаря сначала случаю, а затем систематическим раскопкам немецких археологов, обнаружено много прекрасно сохранившихся арамейских папирусов, датированных годами Ксеркса, Артаксеркса I, Дария II, Амиртея и представляющих документы имущественных и денежных сделок, брачные контракты, официальную переписку, исторические и литературные тексты из иудейской военной колонии в Ассуане. Иудеи переселились сюда, вероятно, при Псаметихе I, а затем, особенно после разрушения Иерусалима Навуходоносором, состояли на службе у саисских фараонов, а затем персидских владык Египта. Они делились на «знамена», отряды, подчиненные персидским офицерам, владели домами, вели денежные дела и даже служили: один из них называет себя персидским чиновником в крепости. Храмик Иеговы был выстроен на Элефантине на Царской улице. Имена, упоминаемые в папирусах, обычные еврейские: Иедония, Натан, Менахем, Анания, Азария, Захария и др., но встречаются и египетские — напр.: Петихнум, отец Осии. Религиозная обособленность уже заметна, хотя еще не выражена ярко; иудейский прозелитизм уже начинает свою пропаганду; между прочим, египетский архитектор Несугор, женившись на иудеянке, сделался Натаном. Вообще, религиозная физиономия людей в это время становится уже более определенной и религиозная атмосфера более напряженной. Так, в одном плохо сохранившемся документе уполномоченный иудейской общины при дворе наместника решение дела как будто ставит в связь с тем, что кто-то «почитатель Мазды». Однако, иудейский монотеизм еще не был безусловным — кроме Яху упоминаются прямо или косвенно четыре божества. Сами себя иудеи называют безразлично и иудеями и арамеями. У них было свое присутственное место, признанное законом, — «двор иудеев». Дела велись по общегосударственному праву, причем терминология та же, что и в современных и более древних вавилонских документах; и здесь замечательно высокое положение женщины. Имена, упоминаемые в папирусах, дают богатый материал для представления о смешении рас. Кроме еврейских, персидских и египетских имен, встречаются арамейские (Атар-или), арабские, вавилонские (Сингашид, Ададнури, Набутукульти); иногда имена разных национальностей представлены в одной семье: Багдат (перс. Бэгадата — богоданный) оказывается сыном Навуходоносора. Конечно, большинство этих имен носили иудеи, всегда склонные заимствовать имена из той среды, куда забросила их судьба.

Необычайный интерес имеют три открытые немецкими учеными папируса, изданные Захау и уже вызвавшие большую литературу. Они представляют деловую переписку по поводу разрушения храма Иеговы; два из них почти тожественны и читаются таким образом:

«К господину нашему Багою, наместнику Иудеи, твои рабы: Иедония и его товарищи, священники в крепости Иеб. Мир да подаст тебе обильно во всякое время бог наш, бог небесный, и да дарует тебе благоволение царя Дария... и да подаст тебе долголетие. Будь в радости и тверд во всякое время. Так говорят твои рабы: Иедония и его товарищи. В месяце таммузе 14-го года царя Дария, когда Аршам ушел и отправился к царю, жрецы Хнума в крепости Иеб вошли в следующее тайное соглашение с Вайдрангом, который был здесь управителем: «Храм бога Яху, что в крепости Иеб, следует оттуда удалить». Тогда этот проклятыйВайдранг послал письмо своему сыну Нефаяну, начальнику войска в крепости Сиэне, следующего содержания: «Храм в крепости Иеб следует разрушить». Нефаян привел египтян и других солдат, они явились в крепость Иеб, с орудиями вторглись в храм, разрушили его до основания и разбили каменные колонны, которые там находились, равно как и пять каменных врат, бывших в этом храме, — они их разрушили, и деревянные двери, и металлические углы этих дверей, и крышу, состоявшую целиком из кедровых бревен... и все другое, что там находилось, они сожгли огнем. И жертвенные чаши из золота и серебра, и все вещи, которые находились в этом храме, они взяли и присвоили себе. Еще во дни

египетских царей отцы наши выстроили этот храм в крепости Иеб. Когда Камбиз вступил в Египет, он уже нашел этот храм выстроенным; храмы египетских богов были все разрушены, а в этом храме никто ничего не повредил. После того, как Вайдранг и жрецы Хнума так поступили, все мы с нашими женами и детьми оделись в траурные платья, стали поститься и молиться Яху, богу небесному, который затем дал нам сведение об этом псе Вайдранге... сокровища, которые он приобрел, погибнут, и все люди, причинившие зло этому храму, будут казнены, и мы увидим их гибель. И раньше, когда нам было причинено это несчастие, мы уже написали письмо господину нашему (Багою) и первосвященнику Иехоханану и его товарищам, священникам в Иерусалиме, и Остану, брату Анании, и старейшинам иудейским. Ответа они нам не прислали. Со дней таммуза 14-го года Дария до нынешнего дня мы носим траурные платья и постимся, наши жены стали подобны вдовам, мы больше не умащаемся и не пьем вина. До нынешнего дня (17-го года царя Дария) не приносятся в этом храме жертвы каждения и всесожжения. И вот, твои рабы, Иедония и его товарищи и иудеи, все граждане Иеба, так говорят тебе: если нашему господину (тебе) будет благоугодно, позаботься об этом храме, чтобы он был снова воздвигнут, ибо нам не дают разрешения его снова отстроить. Обрати внимание на получающих твои благодеяния и милости, находящихся в Египте. Да будет послано от тебя письмо к ним относительно храма богу Яху, чтобы он был снова выстроен в крепости Иеб, как и прежде. И жертвоприношения, и каждения, и всесожжения будут на нем приноситься на алтаре бога Яху от твоего имени. И мы будем молиться за тебя постоянно, мы, и наши жены, и наши дети, и все иудеи, находящиеся здесь, если будет так устроено, что этот храм будет восстановлен. И заслуга у тебя будет пред Яху, богом небесным, большая, чем каждого, кто будет ему приносить возношения и всесожжения равные 1 000 талантов серебра. Относительно золота мы послали и известили. Равным образом обо всем мы сообщили в письме от нашего имени Делае и Шелемае, сыновьям Санаваллата, наместника Самарии. Ничего не знает о том, что нам причинено, и Аршам.

20 мархешвана в 17-й год царя Дария».

Нет надобности распространяться о высокой ценности этого документа. Он является параллельным к книгам Ездры и Неемии, проливает свет на темное время после деятельности последнего. Жрецы Хнума отомстили за донос, о котором мы имели случай говорить выше (стр. 154), и в том же году, подкупив персидского командира, в отсутствие его начальника, вероятно, отправившегося ко двору с докладом о готовящемся восстании, разрушили храм Иеговы. Этот храм для них был ненавистен и потому, что евреи приносили в жертву овец и агнцев, и на самой Элефантине богом-покровителем был Хнум, имевший символом овна, — Клермон-Ганно нашел в последние годы на острове кладбище священных овнов! Очевидно, персидское правительство сильно покровительствовало евреям даже вне Палестины и, в угоду им, заставляло египетское духовенство терпеть у самых ворот своих храмов поругание своей религии, и притом со стороны инородцев, которые к тому же служили опорой ненавистного иноземного господства. Понятно поэтому, что когда персидская власть зашаталась, жрецы не замедлили проявить свою месть. Иудеи требуют казни своих врагов и ссылаются на оракул. Однако, разрешения строить новый храм они не получили — возможно, что персидские власти, видя подготовку восстания, боялись раздражить на этот раз египтян. Обращение к первосвященнику осталось без ответа по понятной причине — в это время уже существовал второй храм, и деятельность Ездры была позади; храмов вне Иерусалима не могло быть, и египетские поселенцы отстали от развития иудейства, находясь еще на стадии Исаии, который находил возможным говорить, что будет жертвенник господень посреди земли египетской (Исаия 19, 19). Пришлось обратиться к светской, опять-таки к персидской власти — к Багою и сыновьям раскольника Санаваллата. Те откликнулись на просьбу, и небольшие

шой папирус Берлинского музея от имени Багоя и Делая уполномочивает ходатайствовать от их имени пред наместником Египта Аршамом о разрешении отстроить святилище и приносить в нем жертвы и совершать каждение, но не всесожжения и не кровавые жертвы, очевидно, чтобы не раздражать египтян. Едва ли иудеи уже могли воспользоваться этим разрешением — Египет, вероятно, в том же году сделался самостоятелен. Следует обратить внимание, что все данные папируса сходятся с известными нам из других источников. Первосвященник Иоханан, у Иосифа Флавия (Древ. XI, 7) — Иоанн, предшественник Иаддуя, при котором Александр вступил в Иерусалим. Он известен тем, что убил в самом храме своего брата Иисуса, что вызвало вмешательство Багоя. Анания, вероятно, потомок царского рода, упоминаемый в I Паралипоменон, 3, 24, может быть, брат Неемии, известный из его книги.

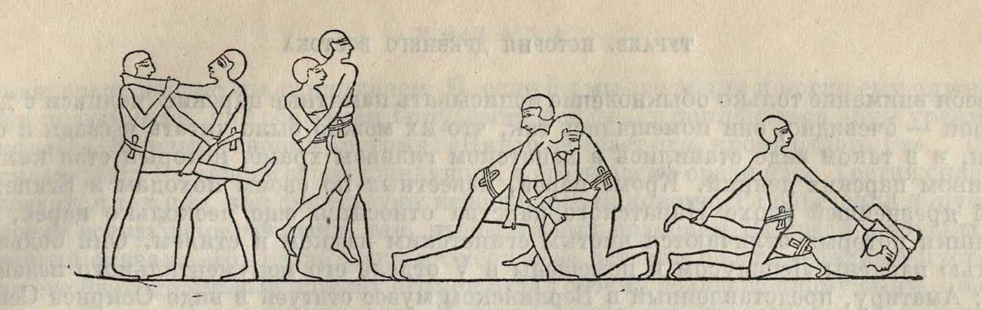
Среди остальных папирусов, кроме частных деловых бумаг, имеются отрывки литературного содержания, куски широко распространенного на Востоке (намеки уже в книге Товита) и в древней Руси романа об Ахикаре (Акпре премудром), а также арамейского извода Бехистунской надписи Дария. Среди деловых документов и писем обращает внимание небольшое послание к тому же «Иедонии и его товарищам, иудейскому войску» со стороны Анании, от 5-го года Дария, передающее царский приказ Аршаму, чтобы иудеи в Египте «от 15 по 21 нисана были чисты и благоговейны, не работали» и ели опресноки, т. е другими словами, по высочайшему повелению напоминается о празднике опресноков, потом слившемся с пасхой. Анания здесь выступает персидским уполномоченным, как Неемия (может быть, брат этого Анании!) — в Иерусалиме. Несколько документов перечисляют имена с пожертвованиями каждый раз двух сиклей серебра «для бога Яху». Другие папирусы представляют контракты, условия, долговые обязательства, документы на мену, выдачи, относятся к брачному праву, к дарению и т. п.

Надписи: E r m a n, Aus der Perserzeit. Aegypt. Zeitschr. 31. E r m a n-W i l c k e n, Die Naukratisstele. Aegypt. Z. 38. Надпись Самтауи-Тефнахта окончательно изд. в 1 вып. берлинских Hierogl. Urkunden d. Griech. Zeit. Исследование и перевод ее — S c h ä f e r в сборнике Aegyptiaca в честь Эберса. Надпись Птолемея Сатрапа изд. там же. Впервые она понята надлежащим образом W i l c k e n'ом в Aegypt. Zeitschr. 35 (Zur Inschrift. v. Philae). T u r a j e f f, Die naophore Statue № 97 im Vatikan. Aeg. Z. 46. D a r e s s y, Statues de basse époque du Musée de Gizeh. Recueil de trav. XV. D a r e s s y, Construction d'un temple d'Apis par Nectanébo I. Annales du Service des antiquités IX. (1908). Гесемский наос — N a v i l l e, Goshen and the shrine of Saft-el-Henne. Egypt. Explor. Fund IV. *Раскопки* в Севенните: N a v i l l e, Samanud. Eg. Expl. F. VI. A h m e d-b e y-K a m a l, Annales d. Serv. d. ant. XII (1906). Терракоты из Мемфиса: F l i n d e r s P e t r i e, Memphis I, Brit. School of Archeol. in Egypt. Eg. Research account XIV, 1909.

Папирусы демотические: S p i e g e l b e r g, Demotische Papyrus a. d. Königl. Bibl. zu Berlin. Lpz., 1902. (5 докум. персид. времени). Catal. géneral du Musée du Caire XI. Demot. Papyrus. Strassb., 1906. Der Papyrus Libbey. Strassburg, 1907 (Schriften der Wiss. Gesellschaft IV). Кроме значения для датировки Хабабаша, этот папирус важен как образец брачного контракта, составленного от лица жены и в ее пользу, совершенно в духе Диод. I, 27. G r i f f i t h, Catalogue of the Demotic Papyri in the Rylands library. Manchester, 1909 (между прочим история таюджойских жрецов).

Арамейские прежние изданы в Corpus Inscriptionum Semiticarum. Страссбургский E u t i n g, Notice sur un pap. égyp. araméen. Memoires Acad. Inscr. Belles-Lettres XV. См. статьи П. К. К о к о в ц е в а в Зап. Вост. отд. Арх. общ. XVI и Л. З. М с е р и а н ц а, Древности восточные. II. *Документы и уд. колонии*: S a y c e-C o w l e y, Aramaic papyri discovered at Assuan. L., 1906. S a c h a u, Aramäische Papyrus und Ostraca aus einer judischen Militär-Kolonie zu Elephantine. Lpz., 1911. 2 тома (монументальное издание). L o d s, Les découvertes d'Elephantine et l'ancien Testament, 1910. Т р о и ц к и й в Христ. чтении 1908, 2. N. P e t e r s, Die judiche Gemeinde von Elephantine-Syene. Freib. i. Br., 1910. E d. M e y e r, Der Papyrusfund von Elephantine. L., 1912 и мн. др.

Арамейские и финикийские *надписи* в Абидосском храме после S a y c e издал и обследовал L i d z b a r s k i (Ephemeris fur Semitische Epigraphic, III). Первые имеют форму «да будет благословен имя рек пред Осирисом», вторые просто: «он — такой-то». Они помещены на храмовой лестнице, вероятно. считавшейся подобием лестницы, ведшей ко гробу Осириса, у которой и египтяне, и подражавшие им инородцы хотели видеть себя представленными пред богом загробного мира.



НАПАТА

Отделившееся от Египта эфиопское царство со столицей в Напате, несмотря на полунегрское население, было сначала сколком с Египта Нового царства. Главным божеством был Амон, имевший у «Священной горы» (Баркал) в Напате храм, который назывался «Золотой Опет», т. е. «Золотой Карнак». Этот храм, воздвигнутый еще Пианхи, напоминает по расположению луксорский времен Аменхотепа III. К западу от него находилось пять других храмов, между прочим в честь Мут, перестроенный Тахаркой из древнего меньших размеров, по образцу полуспеоса Рамсеса II в Себуа, и украшенный колоннадой с колоссальными фигурами Беса, храм Хонсу и другие меньшие. К западу от горы расположены две группы небольших пирамид, служивших царскими усыпальницами. В различных провинциях царства продолжали почитаться боги, культ которых введен был еще во время египетских завоеваний или вошел впоследствии (напр., Баст в виде золотой кошки у 4-го порога). Подобно тому, как не туземный Дедун, а фиванский Амон сделался верховным богом нубийского царства, так и царь его долго выставлял себя не владыкой нубийцев и Эфиопии, а фараоном, «царем Верхнего и Нижнего Египта», даже более законным, чем сидящий в Бубасте или Саисе, и только временно, по необходимости, принужденным довольствоваться вторым и окраинным градом Амона, вместо древних священных Фив.

Само собою разумеется, что попытки осуществить эти притязания делались при каждом удобном случае, и мы знаем о завоевании Египта при Пианхи и имеем серию эфиопских фараонов: Кашта (или Кшета, может быть, манефонов Зет), Пианхи, Шабака, Шабатака, Тахарка, Тануатамон. Уже некоторые из этих имен доказывают, что этнографически даже династия перестала быть египетской; изображения Шабаки и Тахарки на египетских памятниках, особенно же последнего на зендширлийском барельефе царя Асархаддона, обнаруживают несомненно негрский тип. Таким образом, нескольких поколений было достаточно, чтобы онегрить царский дом. И войско было сплошь туземным, еще в древности нубийские солдаты служили в Египте. Только немногочисленные чиновники, художники, да некоторые жрецы напатского храма были, по возможности, египтянами или египетскими образованными нубийцами, необходимыми для поддержания связи с культурой и для придания двору, религии и управлению египетского облика.

Пока сношения с Египтом были правильны и напатские фараоны могли в изобилии получать этот культурный элемент с севера, египетский облик мог с успехом прикрывать действительный характер нубийского государства. Так, надписи Пианхи и Тануатамона написаны на хорошем египетском литературном языке и не лишены поэтических достоинств; с технической стороны они также вполне хороши. Обращает

на себя внимание только обыкновение исписывать памятные царские надписи с двух сторон — очевидно, они помещались так, что их можно было читать и сзади и спереди, и в таком виде ставились в напатском главном храме, который стал как бы архивом царских деяний. Кроме царей, известных по своим походам в Египет, к этой древнейшей эпохе Напатского царства относится еще несколько царей, памятники которых отличаются чистым египетским языком и стилем. Они большею частью найдены Лепсиусом и помещены в V отделе его монументального издания. Это: Аматиру, представленный в Берлинском музее статуей в виде Осириса Сенкамен-секен, развалины храмика которого, полупещерного типа, со святым святых, высеченным в скале, и с изображением на пилоне поражения пред Амоном пленных, находятся вблизи великого храма Амона Напатского, а жертвенник хранится в Берлинском музее, и т. п. Более точно определить их время нельзя.

Тануатамон, сделанный в год смерти Тахарки соправителем и царем Верхнего Египта, по вступлении на напатский престол совершил поход в Северный Египет, т. е. с успехом повторил Пианхи. Долго он не мог владеть Дельтой, так как ассирияне не замедлили прогнать его, но в Фивах он признавался по крайней мере восемь лет, и только около 655 г. они попали под власть саисской династии. Последняя положила предел эфиопским нашествиям. Мы больше о них не слышим, напротив, до нас дошли документальные свидетельства о попытках саисских фараонов восстановить Египет в пределах XVIII—XIX дин. и вернуть владычество над Нубией.

Для истории последней это имело чрезвычайно важные последствия. Притязания ее царей на роль фараонов сделались исключительно теоретическими, а сами они поневоле должны были более срастись со своим царством и обнубииться. Вместе с тем, связь с культурным Египтом была затруднена, и приток свежих сил значительно уменьшился. Между тем, царство все еще было воинственно; кроме того, его естественные условия требовали расширения границ: узкая нубийская долина Нила не могла прокормить население, достаточное для существования самостоятельного царства и имевшего претензию на культурное значение. Египет был закрыт, пришлось обратиться к югу. И вот, с одной стороны, мы наблюдаем постепенное одичание и удаление от египетских образцов, с другой — распространение завоеваний все дальше и дальше на юг, не только в область Мероэ, но даже в Алоа, следовательно, в область двух Нилов, Судана, и до границ Абиссинии.

Следуя этому направлению истории, цари впоследствии переносят свою резиденцию в Мероэ (Беруат, теперь Бегеравиэ), имевшую большое торговое значение, подобно нынешним Берберу или Хартуму, и расположенную среди большой плодородной и богатой естественными произведениями области. Земледелие и скотоводство здесь были главными источниками богатства, но караванные пути к морю, в Египет и во внутреннюю Африку также не мало содействовали развитию страны, равно как и богатство благородными металлами. Появилось царство чернокожих, управляемое царями полунеграми, состоявшее из подданных негров и полудиких хамитов и цеплявшееся за крохи египетской цивилизации. Совершенно своеобразное явление в истории.

О судьбах этого царства после Тануатамона нам сообщают отрывочные сведения царские надписи, поставленные в напатском храме и теперь находящиеся в различных музеях. Наиболее древними из них, принимая во внимание сравнительную чистоту египетского языка а также упоминание в более позднем памятнике, следует считать надписи царя Аспарута.

Одна из них повествует об его вступлении на престол:

«Войско его величества все находилось в городе, имя которого «Священная гора» (в Напате), где обитает Дедун, бог Куша, после того, как Кобчик (т. е. Гор — старый царь) достиг своего места (т. е. умер). Здесь было 6 офицеров, 6 мудрецов, 6 начальников книг (?) и казначеев царского дома; они сказали войску: «Коронуем нашего господина, ибо мы — овцы без пастыря». Войско было в печали и говорило: «Госпо-

дин наш среди нас, но мы его не знаем. О, если бы мы его знали и могли ему служить и быть подданными, как обе земли Гору, сыну Исиды... и поклониться двум уреям на его короне». Каждый говорил другому: «Никто не знает его, кроме одного Ра»... Другой сказал: «Но Ра ушел в страну живущих, а его диадема среди нас». Третий сказал: «Воистину, с тех пор, как существуют небо и царская корона, Ра определил поручить ее своему возлюбленному сыну, так, чтобы он был подобием Ра среди живущих»... Четвертый сказал: «Но Ра не ушел на небо и не оставил своего седалища пустым, но сан его благодетельный в руках его; он отдал своему возлюбленному сыну... издавать хорошие законы на своем троне». Войско (однако) все еще было печально и говорило: «Господин стоит среди нас, но мы его не знаем». (Наконец) говорит войско его величества, восклицая одними устами: «Есть бог Амон-Ра, владыка престолов обеих земель на Священной горе, где престол Куша. Пойдем к нему. Не будем ничего делать без его воли, ибо ничего не стоит то, что делается без него. Предоставим дело богу, который есть бог царства Куш со времен Ра, да руководит он нами. Царство Куша в его руках, и он передаст его своему возлюбленному сыну. Помолимся лицу его, припадем пред ним, падем ниц и скажем: мы пришли к тебе, Амон, чтобы ты дал нам господина, чтобы он охранял нашу жизнь, строил храмы всех богов и богинь Верхнего и Нижнего Египта, увеличивал достояние богов. Ничего не делаем мы без тебя; ты руководишь нами». Так говорило все войско. Эта речь весьма понравилась богу. Явились вельможи его величества и придворные к храму Амона и застали жрецов, хонтов и великих уэбов, сидящими вне храма. Они сказали им: «Ступайте, вынесите этого бога Амона-Ра, что на Священной горе, да покажет он нам нашего господина». Жрецы низшие и высшие вошли в храм и принесли жертву на его алтаре. Затем вошли вельможи и придворные в храм и бросились на свои животы пред богом, они представили богу царских братьев... но тот не избрал никого из них. Тогда снова представили они богу брата царя и сына Амона, вскормленного Мут, владычицей неба, сына Ра, Аспарута. Тогда сказал Амон-Ра: «это — царь, ваш господин, чтобы оживить вас. Он построит храмы в южной и северной земле и увеличит доходы богов. Его отец — мой сын, сын Ра. Его мать — сестра царя и мать царя, владычица Куша, дочь Ра... живущая вечно. Ее мать была сестрой царя и матерью царя и служительницей бога Амона-Ра, царя богов, фиванского... (перечисляется еще 5 женских предков)». Тогда вельможи его величества и придворные пали на животы свои пред этим богом, восклицали ему за власть, данную им своему возлюбленному сыну, царю Верхнего и Нижнего Египта, Аспаруту, вечно живущему. Явившись пред своего священного отца, Амона-Ра, владыку престолов обеих земель, он нашел все короны царей Куша, со всеми их скипетрами, пред этим богом. Сказал его величество этому богу: «приди ко мне, Амон-Ра, владыка престолов обеих земель на Священной горе, ты дай мне прекрасный сан, о котором не было мысли в моем сердце, ради великой любви твоей»... Бог вручает ему царские регалии. Царь возложил их, затем поклоняется богу и произносит молитву, между прочим: «дай, чтобы я был любим в земле Куш». Войско ликует, поклоняется новому царю и восклицает. В память коронации установлено ежегодное празднество.

Надпись эта, прежде всего, приводит на память слова Диодора (III, 5): «из эфиопских законов не малое представляется весьма отличным от существующих у остальных народов, особенно же относительно избрания царей. Жрецы выбирают из своей среды самых лучших, а из выбранных тот, кого бог, несомый по обычаю в торжественной процессии, коснется, того народ избирает царем и немедленно поклоняется ему, как богу, ибо божественным произволением вручена ему власть». В нашем случае избранным был не жрец, а член царской фамилии, и вероятно Диодор, вообще подчеркивающий всемогущество эфиопских жрецов, несколько сгустил краски или обобщил отдельные случаи, но сведения его о решении дела оракулом Амона находит себе полное документальное доказательство и, кроме того, переносит нас в Фивы времен XXI дин., где также оракул бога был постоянно действующей высшей госу-

дарственной инстанцией. На одном из барельефов большого напатского храма, найденном Breasted'ом, изображена процессия священной барки Амона, несомой жрецами. Изображение это, столь обычное в Фивах, отличается от египетских тем, что главным лицом представлен кадящий верховный жрец; царь изображен позади его. Духовенство было в Напате страшной силой, и едва ли не прав Диодор (III, 6), уверяющий, что оно могло даже предписать царю, в виде оракула Амона, лишить себя жизни. Уже приведенная нами надпись отчасти подтверждает, что нечто подобное могло быть: все имена Аспарута и его предков выскоблены, и что надпись имеет в виду его, можно было догадаться только по его титулатуре. Очевидно, столь богоугодно выбранный царь не ответил ожиданиям и был устранен, причем вся его династия объявлена отверженной, а память о ней — изглажена. Для нас это прискорбно, так как перечисленные семь поколений женских предков могли бы дать нам возможность определить дату Аспарута — наверное среди них нашлись бы знакомые нам фиванские царицы. Бабушка царя названа «восхвалительницей Амона фиванского»; если это так, то мы попадаем в эпоху до саисской династии, следовательно, Аспарут был потомком Пианхи, Тахарки, Тануатамона и царствовал вскоре после них, вероятно ок. 600 г.,— за это говорит хороший египетский язык. Что касается других данных надписи, то, конечно, обращает на себя внимание, с одной стороны, сохранение фикции царствования над «Верхним и Нижним Египтом», с другой стороны, наименование Напаты престолом земли Куш, а Амона — не только «владыкой престолов обеих земель», но и «богом царства Куш»; рядом с ним появляется и Дедун. Итак, начинают осваиваться и примиряться с владычеством над Нубией, об Египте вспоминают только в стереотипных формулах. Царь, несмотря на очевидную зависимость от духовенства, однако, подобно фараону, сын Амона и подобие Ра, следовательно, считается богом. Об этом упоминает Страбон (XVII, 2, 3). Диодор сообщает странный обычай, объяснимый при помощи такого представления о царе, в связи с дикостью населения (III, 7): «закон, предписанный друзьями царя, несмотря на свою странность, удержался до нашего времени. Говорят, что у эфиопов есть обычай, если у царя пострадает какой-либо член тела, по какой-либо причине, то все друзья добровольно лишаются его... Говорят также, что в обычае добровольно умирать вместе с царем его друзьям, ибо такая смерть славна и достойна истинной дружбы»... Оставив в стороне домыслы грека о дружбе и царской безопасности, нельзя не видеть в этом обычае пережитков первобытного фетишистского представления о царском достоинстве. Первобытный характер имеет и матриархальное место, отводимое в документах царицам. В надписи приводятся семь женских поколений и только одно мужское. В верхних частях памятных плит всегда изображаются с царем его мать и жена, первая всегда имеет преимущество; впоследствии влияние старых цариц развилось еще более.

Что касается диодоровых «друзей», то наша надпись и в этом отношении снабжает нас сведениями, упоминая о шести вельможах (или «князьях») и «начальниках казны царского дома»; кроме того, упоминается 6 генералов и 6 «мудрецов». До нас дошла другая надпись от Аспарута, где перечислены шесть высших придворных чинов, относящихся к первой категории. Эта надпись датирована 3-м годом царя и представляет ставленную грамоту, данную его дочери на наследственное жречество в храме «Амона-Ра, тельца нубийского», и на право пользования соединенными с этой должностью доходами. Плита была помещена в этом храме, а не в напатском Карнаке, а потому царские имена в ней избегли уничтожения. Здесь сделка представляется совершенной в присутствии 11 чиновников; из них 6 носят общий титул «начальник казны царского дома», но, кроме того, и особенные для каждого, к сожалению, непонятные, кроме последнего, который назван «председателем суда», т. е. чем-то вроде министра юстиции; первый, кроме испорченного в надписи титула, назван еще «губернатором Та-хонта», т. е. Нубии; пятый носит какой-то титул на туземном языке; очевидно, «начальник казны» было чином, и притом высшим, эфиопской табели о рангах. Далее следуют: «главный писец Куша», т. е. государственный секретарь, «цар-

ский писец и начальник хлебных амбаров», главный казначей каких-то уарер (может быть, вестников) Нубии, писец хлебных амбаров, (личный) казначей царя. Под документом подписались, в качестве свидетелей, три (второй, третий и четвертый) жреца «хонта» Амона-Ра, иерограммат храма, 7 «великих уэбов», жрецы какого-то другого ранга и «храмовой писец». Последний, а в особенности иерограммат, конечно, и были авторами надписи, и она обязана им своим сравнительно правильным египетским языком. Имя иерограммата, к сожалению, не сохранилось, имя храмового писца — Нес-Мут — египетское; в числе 26 других имен есть еще пять египетских, и они принадлежат писцу амбаров (Хонсердис), казначею царя (Пединуб), одному из «великих уэбов» (Петаменемопс) и жрецам третьего ранга. Все это доказывает, что египетский культурный элемент еще не иссяк в стране. Все высшие чиновники и даже государственный секретарь — нубийцы. Что касается доходов царевны, которые ей должны перейти от ее матери, по должности жрицы, то они крайне скудны: ежедневно 10 хлебов и 5 белых хлебов, ежемесячно 15 кружек пива, ежегодно три быка и, кроме того, особые поступления в праздники. Это слишком далеко до огромного перечня доходов фиванской «супруги бога». И тем не менее, наследственность этих доходов (ее детям и внукам должно это принадлежать навеки, без уменьшения) обусловила увековечение акта на каменной надписи в присутствии высших сановников государства, причем присоединено заклятие: «кто этот документ унесет из храма Амона-Ра, тельца нубийского, тот подпадет мечу Амона-Ра и пламени Сохмет, и его сын не будет сидеть на его седалище». Таким образом, и здесь Сохмет является грозным, карающим божеством.

От Аспарута дошла до нас с горы Баркала еще одна надпись такого же рода, с выскобленными именами и поврежденным изображением царя, подносящего Амону, Мут и Хонсу статуэтку Маат, как знак совершения правосудия. Действительно, надпись является документом расправы над какими-то преступниками в храме Амона Напатского. Вот ее перевод:

«Благой бог, подобие Ра, Атум, знающий предел жизни людей, широко ходящий, второе солнце, подающее дыхание всякому носу, оживляя людей, покоряющий, подобно своему родителю, который руководит им во всех его превосходных начинаниях... (следуют имена царя)... Во второй год его царствования, когда его величество сидел на престоле Геба, послал его величество следующий приказ в храм отца своего Амона Напатского, что на Священной горе, чтобы искоренить богоненавистное племя, называемое «Темпсипердетхи». Да не впускают их в храм Амона Напатского, что на Священной горе, за дело — отвратительно называть его, — которое они учинили в храме Амона. Они учинили то, что бог запрещает делать. Они замыслили в сердце своем умертвить человека, на котором не было зла, а это бог запретил делать.

...Бог умертвил их, сделав их огненной жертвой, чтобы вселить во всех жрецов, хонтов и уэбов, носящих сего почтенного бога, страх пред своей силой и величием своей власти. Его величество изрек: все жрецы, хонты и уэбы, которые будут творить злое в храмах... должны быть истреблены; их ноги не должны ходить по земле, и никакие наследники не должны быть после них поставлены, ибо храм не должен быть запятнан их преступлением, но должен быть свободен от него».

Таким образом, в храме Амона одна из жреческих фамилий была уличена в замыслах на чью-то жизнь. Царь вмешался в это дело, виновные были сожжены, а всем жрецам объявлено предостережение. Итак, царь является в роли как бы верховного жреца и судьи. Так, конечно, бывало и в Египте. Возможно, что Аспарут был энергичным и самовластным царем и воспользовался этим случаем, чтобы подчеркнуть свои права и дать их понять жрецам. Может быть, и свержение его и его династии стоит в связи с этими свойствами его характера и правления. Ответить на это мы не в состоянии, но несомненно, что произошел переворот, от которого пострадала даже память великого Пианхи — и его изображение было повреждено.

Дальнейшая история нубийского царства не располагает пока достаточными

*

данными для приведения в хронологическом порядке многочисленных известных нам царских имен и надписей. Обыкновенно принимают для этого, в качестве критерия, правда весьма ненадежного, тронные имена фараонов. Они стали обнаруживать все меньше самостоятельности и воспроизводить или славные имена фиванской древности или имена современных египетских фараонов. Если держаться этого критерия, то можно будет считать современником Псаметиха II эфиопа Исрен (?) -мер-Амона, имевшего тронное имя Нофер-аб-анх-Ра, близкого к имени Псаметиха II Нофер-аб-Ра, и эфиопа Иах-арк-неб-Амона — современником Амасиса (Яхмоса II), так как у них общее тронное имя Хнумабра. Первый оставил памятники у Баркала и уже в Мероэ, второй — только в Мероэ. Действительно, уже в половине саисской эпохи резиденция перешла в *Мероэ*, где от этих царей дошли погребальные пирамиды с изображениями, пока еще удовлетворительными в смысле преданий египетского искусства. Брестед нашел в одной из пирамид северной группы предметы из пасты, современные саисской эпохе, и относит начало здесь царских пирамид, самое позднее, к персидскому времени.

Более известна нам следующая династия, оставившая крупные эпиграфические памятники от царей Г а р с и и о т е ф а и Н а с т е с е н а. Последний называет город Тахехт, лежавший, кажется, на левом берегу Нила, против Напаты, родиной династии, так как говорит: «это великий лев, сад, в котором произрос царь Пианхирер». Больше об этом основателе династии мы ничего не знаем, зато сын его Гарсииотеф оставил нам в Баркале огромную иероглифическую надпись, подобно Пианхи и Аспаруту, написанную пока еще на египетском языке, но уже далеко не таком грамотном. Она датирована 33-м годом этого царя и содержит в себе нечто вроде летописи его деяний, начиная с коронации. Здесь повествуется о прибытии царя в карнакский напатский храм с молитвой о получении «короны страны Негров». Бог ответил: «я дам тебе корону земли Негров, я дам тебе четыре страны света, я дам тебе воду чистую и воду лишенную святости, я повергну всех врагов твоих под ноги тебе. Какой бы народ ни пришел к твоим рукам, он не будет иметь успеха»... Затем царь приносит жертву и совершает объезд различных священных городов царства: Гемитен, Пнубс, Тарет (богиня Баст), произнося всегда «Амон Напатский». В каком-то городе, имя которого трудно прочесть, строит он в 5 месяцев и расписывает храм, делает богатые пожертвования для потребностей культа и храмоздательства в различных местах: золото, золотые статуи, дерево акации, серебряные и бронзовые сосуды и т. п. Между прочим сообщается, что напатские святилища — «храмы тысячи лет» и Золотой Карнак, и даже царский дворец, до такой степени пришли в ветхость, что в последний, напр., «нельзя войти». Царь занимается ремонтом этих важнейших зданий своего государства и подробно описывает свои заботы по их реставрации. Итак, ясно, что резиденция давно уже в Мероэ, Напата покинута, и даже ее религиозная важность и политическое значение, как коронационного города, не в состоянии предохранить ее от упадка. Мероэ также упоминается в надписи. Так, царь жертвует Амону шесть виноградников в Мероэ и справляет праздник мероитского Осириса. Кроме того, в 18 и 23-м годах царствования на Мероэ совершило набег какое-то племя Рехрехса с вождем Аруаа. Это же племя напало и во 2-й год. В общем Гарсииотеф перечисляет восемь победоносных походов против различных народцев, которые едва ли могут быть локализованы на современной географической карте; это, кроме Рехрехса: Мадаи (5 и 6-й годы), Барга и Саменса (11-й г.), Макети (16 и 33-й гг.). Все это были, вероятно, кочевые племена хамитов, родственные нынешним беджа. Весьма интересно, что сам царь уже называет свое государство царством «короны земли Негров» — это уже дальнейший шаг по пути удаления от египетских фараоновских традиций; пред нами государство чернокожих, основанное на египетской культуре и признающее себя таковым.

Еще интереснее надпись преемника его Настесена. Он был узурпатором и основал свои права на своей матери Пераху, вероятно, сестре Гарсииотефа. Он изобразил

ее в заголовке своей стелы с надписью: «Пераху, которой дана диадема в Напате, ибо ее отец (т. е. Пианхи-рер) утвердил храм короны». Приводим надпись в переводе:

«Год 8-й, 9 тиби, при Горе, могучем тельце, любимом Эннеадой, являющемся в Напате, владыке корон, сыне Ра, Настесене, Горе, тельце, попирающем врагов своих под сандалиями своими, льве великом, пожирающем, утвердителе всех стран, сыне Амона, которого рука велика, расширяющем все страны, сыне богов, сильном... знающем все речи, как Тот, быстроходящем, строящем обе земли, как Пта, питающем всех людей, как Амон, сыне Исиды сильном (которого рождение определили боги), защитнике обеих земель, сыне Ра, Настесене, сыне Амона, благословенном на небе.

Я даю вам знать: царь В. и Н. Египта Ка-анх Ра, сын Ра, владыка обеих земель, Настесен, живущий вечно, говорит: «Когда я был добрым сыном в Мероэ (т. е. наследником, подобно Гору), воззвал меня Амон Напатский, мой благой отец, говоря: «приходи». Я позвал всех царских родных, бывших в Мероэ, и сказал им: «ступайте, идите со мной, ищите вождя (?) нашего»... Они отвечали мне: «мы не пойдем с тобой — ты его добрый сын, тебя любит Амон Напатский, твой благой отец». Я поднялся, и на другой день достиг Астабора. Я переночевал там... Я слышал, как идущие (?) из Напаты говорили: «он будет столицей (?) всех стран». Я рано встал на другой день и достиг Тахехта. Этот город — великий лев, сад, в котором произрос царь Пианхи-рер.

...Когда я достиг храма, пришли ко мне навстречу все люди из храма Амона Напатского, городов и все знатные люди. Они говорили со мной и сказали мне: «даровал тебе владычество над Нубией (Хонт) Амон Напатский, твой благой отец». Все люди говорили: «когда он причалит?» Я сказал им: «ступайте, плывите по реке, утешьте Амона Напатского, моего благого отца. Ступайте, повергнитесь пред Амоном Напатским». Я пошел к набережной реки, к храму Ра. Я сел на свежих лошадей и достиг великого храма. Предо мной повергпись все знатные люди и жрецы Амона; благословляли меня все уста. Я поднялся вверх и открыл великие врата. Мне сделали то, что следовало сделать (?)... к Золотому Опет. Сказал я Амону Напатскому, моему благому отцу, все, что было у меня на сердце; он услышал мои уста. Дал мне Амон Напатский царство над землей Нубийской, корону царя Гарсииотефа, силу царя Пианхи-рера.

В последний день атира устроил я процессию Амона Напатского; вышедши из великого храма, он дал мне царство над страной Нубийской, Алоа, девятью луками, обоими берегами, четырьмя странами света. Я держал хорошую речь пред Ра и сказал следующее Амону: «ты — создавший меня. Все страны и люди слышали, как ты воззвал меня из Мероэ. Я пришел к тебе, ты даровал мне владычество земли Нубийской. Не люди сделали меня царем в тот день 24-го, когда ты дал мне власть». И знатные и ничтожные люди находились на дороге. Я плясал пред Ра. Я достиг места заклания жертвы и взял двух быков. Я взошел и сел на золотой трон в Золотом Карнаке в тени, в день тот. Все люди говорили: «он исполнил все хорошо. Амон дал ему величие, жизнь, здравие, благополучие на земле Нубийской, сыну Ра Настесену; он взошел и сел на золотом троне в день сей. Он будет царем, сидящим в Мероэ».

12 тиби я поплыл вниз к Амону Пергемитенскому, моему благому отцу. Я устроил процессию Амона, чтобы он вышел из великого храма. Я обратился с хорошей речью к нему; он дал мне царство над Нубией, обоими берегами, Алоа, девятью луками, и свой могучий лук. Сказал он мне то же, что и Амон Напатский, мой благой отец. Я поднялся и сел на золотом троне.

Отправился я к Амону Пнубскому, моему благому отцу. Вышел Амон Пнубский из великого храма. Дал он мне владычество над Нубией и свой могучий панцырь (?). Сказал я свою хорошую речь Ра. Я поднялся и воссел на золотом троне.

Я отправился вверх к Амону Напатскому, моему благому отцу. 19 мехира я устроил процессию Амона. Он вышел из великого храма: обратился я с прекрасною речью к Ра. Я сказал ему все хорошие речи, которые сказал мне Амон Пергемитенский, Амон Пнубский и все боги. Я плясал. Я достиг места заклания жертвы, я

взял двух коров; я спустился в Pidiwt, провел там четыре ночи, и в четыре дня я сделал все. Я поднялся, я достиг места заклания жертв, взял двух коров, вошел в храм, сел на трон в золотой зале (?).

24-го числа отправился я вверх к Баст, обитающей в Тарете, моей благой матери. Дала она мне жизнь, долголетие, левую грудь. Дала она, обняв меня, и хорошую жизнь. Дала она мне свой жезл сильный.

Пришел я в Напату. 29-го я устроил процессию Амона Напатского. Дал мне все небеса, всю землю, все реки. Я поднялся и воссел на золотом троне.

Я дал тебе 4 сада, о Амон в Напате; в них было 36 людей. Посадил я тебе 6 садов и виноградник в Напате; я дал тебе прекрасные сады в Мероэ. Я дал тебе ладану три больших сосуда, меда 4 сосуда, анти 3 сосуда, одну статую Амона Пергемитенского из золота, 2 — Гора, 3 дебена, (всего) — 134 дебена серебряных сосудов — 13 чаш для... два медных сосуда для пива и т. д.

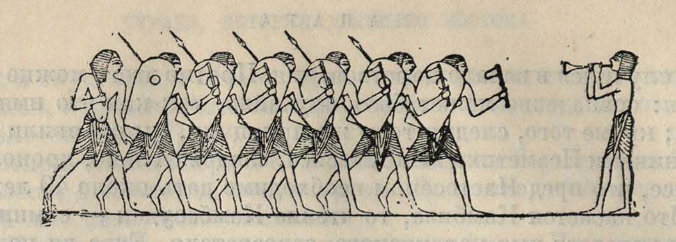
Пришел Камбесуден. Он послал пехоту из Джарт. Великое поражение. Я захватил его (войско), я пленил все транспортные суда этого царя. Я нанес ему большое поражение. Я взял все его земли, весь скот, всех быков, мелкий скот, все, чем питаются люди, от Каратеп (?) до Тарудипеха (?). Я отдал червям убитое (?), а то, от чего кормятся люди, оставил в живых. Я отдал городу Таремен двух быков из посвященных Амону Напатскому и доставленных из Напаты; 26 хояка, в день рождения сына Ра Настесена, я дал Обсаудиму шесть быков Амона Напатского, м. б. о., пришедших из Напаты. В последний день хояка, в день, когда дана корона сыну Ра Настесену, я дал тебе, Амон, 12 ожерелий и произведения земли от Каратепа до Тарерк. Я дал тебе, Амон Напатский, мой благой отец, лампаду в Тактак, дал тебе добычу: 300 быков, 300 мелкого скота, 200 людей. О Амон Напатский, твоя рука совершила это, твоя сила прекрасна».

После этой оборонительной войны Настесен перечисляет семь своих наступательных походов против диких хамитских и негрских племен, подобных тем, от которых оборонялся его предшественник, и тем, которые впоследствии под именем влеммиев набегали на Египет. Они жили между Нилом и Чермным морем от Египта до Абиссинии и занимались скотоводством и горным делом; об этом свидетельствует Страбон, и это вытекает из отчета Настесена (отчасти и Гарсииотефа) о добыче; всего он отнял у них более 3 200 фунтов золота, 673 471 голову быков, 1 252 232 — мелкого скота. Это чрезвычайно напоминает отчеты аксумских царей, которым приходилось несколько сот лет спустя иметь дело с теми же врагами, но с другой стороны. Враги Настесена носят следующие имена: Мехнадекенент, унесший из города Катардита 322 золотые статуи, которые царь отбил у них и возвратил в местный храм, Ребарт, Акаркар, Арераса, Мехшархерт, Маихек (?). Затем интересное сведение о свирепом племени ливийцев Мадаи, известном и египтянам в форме Маджаи (это племя не только воевало с египтянами, но и служило в их войсках и исполняло полицейские обязанности; отсюда в коптском языке матой — солдат). Маджаи похитили из храма Амона Пергемитенского и Баст в Тарете дары царя Аспарута. Настесен говорит о присылке с его стороны новых даров, взамен похищенных, но не рассказывает ни о победах, ни о добыче — очевидно, с этим врагом трудно было справиться, и он успел после троекратных поражений, понесенных от Гарсииотефа, стать на ноги и снова сделаться опасным.

Эта надпись принадлежит к числу наиболее ценных исторических памятников. Из нее ясно, что Напата остается только коронационным городом, а Мероэ — настоящая столица. Вместе с тем царь, после представления Амону Напатскому, объезжает города, где повторяется подобие коронации и царь получает утверждение от местных форм божества. Шефер, которому принадлежит последняя полная обработка надписи, хочет ее датировать точно и видит в Камбесудене, пришедшем с севера с войском и флотом, не кого другого, как Камбиза. Свое предположение он основывает еще на том, что тронное имя Настесена — Ка-анх-Ра тожественно с таковым же Псаметиха

III, и что поход случился в начале царствования. Против этого можно сделать следующие возражения: совпадение может быть случайно, так как это имя носили многие эфиопские цари; кроме того, следуя тому же принципу, мы объявили двух эфиопских царей современниками Псаметиха II и Амасиса, следовательно, хронологически место занято, тем более, что пред Настесеном необходимо дать около 40 лет Пианхиреру и Гарсииотефу. Что касается Камбиза, то чтение Камбесуден — сомнительно, и фонетически едва ли передает имя персидского завоевателя. Едва ли подходит к нему и выражение «я взял все его земли». Вероятно, М. Мюллер прав, видя в нем какого-либо туземного претендента и указывая на два встречающихся в надписи арамейских термина: «мединет» — судебный округ и «текар» — текель-шекель — плата. Это указывает на время, когда персидская власть уже укрепилась в Египте и ее терминология переступила его границы, т. е. не раньше V века.

Надписи изданы критически Schäfer'ом в Urkunden der älteren Aethiopenkönige 1, 2. Leipz., 1905—8 (Urkunden d. ägypt. Altertums III). *Переводы* и *исследования*, Maspero, Bibliot. Égyptol. VII. Schäfer, Die sogenannte «Stèle de l'excommunication» aus Napata. Klio. VII. Aethiop. Königsinschrift d. Louvre. Aeg. Z. XXXIII. Die äthiopische Königsinschrift der Berliner Museums, 1901. Рецензия M. Müller, Oriental. Literaturzeitung, 1903.



ИУДЕЙСТВО

Значительные последствия имел уход в вавилонский плен иудеев и разрушение ветхозаветного храма, только что торжественно объявленного единым законным местом культа единого истинного бога. Не успело пройти половины столетия с памятного 621 г., когда старания пророков достигли результата, произведена реформа в строго монотеистическом духе, в основу жизни положен закон, упорядочен культ. Все ждали обновления, милости божией и едва ли не всемирного господства Израиля. Вместо этого произошла катастрофа, и реформа была даже ее косвенной причиной. Народу, еще не окрепшему в чистом монотеизме, еще не отставшему от обычных на Востоке представлений о тесной связи местного божества с народом и его историей, о локальности божеств и их различном могуществе, грозила серьезная опасность. Но еще Амос, предвещая плен Израиля, говорил и о возвращении, а также называл Иегову богом не одних евреев: он вывел и филистимлян из Кафтора и арамеев из Кира. В том же духе говорили великие Исаия и Иеремия. Бог Иерусалима и Синая есть единый владыка вселенной: все творится по воле его; в руках его все народы и царства; если его храм разрушен, а народ уведен, то это случилось не потому, чтобы он оказался слабее Ассура и Мардука, а в виду особенных причин, вызвавших гнев его на избранный народ. И вот проповедь великих пророков до плена и во время самого пленения — это проповедь обличителей нечестия и провозвестников наказания за него. Предсказания их сбылись: Иерусалим попран, Израиль уведен в лице своих лучших представителей в центр мировой культуры.

Здесь он попал в сравнительно сносные, не только культурные, но и материальные условия, его бывший царь даже был восстановлен в своем сане, хотя и не дождался полной реабилитации на престоле. И вот, среди чуждого по вере, но близкого по расе, более высокого по культуре народа, начинает Израиль оглядываться на свое прошлое, старается дать отчет в своей истории и в своем положении. Как он решит великий вопрос о боге, забывшем свой народ? Он обращается к истории, «искушает себя», зовет себя самого на ее суд и убеждается, что против него свидетельствует закон: все, что было до 621 г., полно, конечно, отступлений от его нормы, но и что было после, также далеко не вполне безупречно. Вся история теперь была обработана в духе Второзакония: вместо «словес деяний царей» и других древних, до нас не дошедших, памятников, имевших частью случайное, частью специальное происхождение, появляются связные прагматические произведения, обнимающие всю историю Израиля от сотворения мира и представляющие ее с точки зрения верности закону, т. е. то, что мы называем священной историей ветхого завета. Так возникли, например, книги Царств. Разрушение храма заставило порвать с представлением о связи божества с определенным местом и вместо храмовой горы поставило небесную

или мировую. Никакой храм не довлеет величию божества, он только видимый знак его вездесущия. Параллельно с ним появляются синагоги, молитвенные дома, где справляется культ без жертвоприношений. Таким образом, деятельность пророков нашла здесь свое завершение. Народ, по крайней мере, в лице переселенных, проникся их идеями и даже на основании их не только перестроил свою современность, но и написал свою историю. Благодаря тому, что Навуходоносор, не следуя примеру ассирийских завоевателей, оставил Иудею незаселенной новыми иноплеменными колонистами, не была отнята возможность надеяться на возвращение и поддерживать связь со священным Сионом. Лучшие люди считали себя обязанными постоянно быть готовыми в путь; они отказывались от удобства жизни и прочных жилищ, видя в этом неверность Иерусалиму; духовные вожди начали готовить народ к возрождению и мечтали о грядущем богоправимом царстве. В этом отношении особенно замечательна деятельность пророка Иезекииля, иерусалимского священника, бывшего в числе уведенных в плен в 597 г. вместе с Иехониею.

Будучи поселен «в земле халдейской на р. Ховар» (канал Хабур у Ниппура), он был призван к пророческому служению «в пятый год пленения царя Иоакима». Таким образом, он был пророком, оторванным от священного Сиона, проповедывал изгнанникам, и только в видениях представлял себя перенесенным на родину, чтобы возвещать оставшимся волю господню или созерцать происходящее в святом граде. Живо следя за грозными событиями в последнем, он оставил нам пророческую хронику пленения и падения государственности. Выступив на служение уже в то время, когда катастрофа началась, он, хотя и был младшим современником Иеремии и, вероятно, слышал его речи (что заметно в его книге), но во многом должен был частью пойти дальше, частью стать на другой путь. Политическая катастрофа, будучи сама по себе величайшим ударом и испытанием для верующих, в то же время явилась наилучшим доказательством истинности пророков типа Иеремии: «станут просить видения у пророков, исчезнет закон у священника и закон у старцев» (7, 26). Действительно, светская власть оказалась бессильной, иерархия также не отвратила гибели и даже не оценила опасности, только пророки не умолкая твердили о грядущей беде. Таким образом, они остались единственными, и нравственно и фактически, вождями народа. «Я поставил тебя блюстителем над домом Израилевым, и когда услышишь слова из уст моих, то от меня вразумляй их» (33, 7). Слова эти, приложимые к деятельности всех пророков, особенно идут к Иезекиилю. Это настоящий духовник народа, ответственный за гибель нечестивого, не вразумленного им вовремя (8). В связи с этим стоит теория индивидуальной ответственности, обстоятельно и казуистически (33, 12—20) излагаемая пророком, в противность вере в наследственность греха и воздаяния, оказавшейся сильнее и вошедшей в закон (напр., Исх. 20, 5: «Я... бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода»...). Иезекииль, в ответ на часто раздававшийся тогда ропот несчастных пленников: «отцы ели кислый виноград, а у детей оскомина», говорит, суммируя свои рассуждения и нравственные предписания: «все души мне принадлежат, как душа отца, так и душа сына, но только душа согрешающего должна умереть» (гл. 18); только грешник казнится, да и то в том случае, если был до конца упорен в грехе, так как бог не только правосуден, но и милостив и «не хочет смерти грешника, но чтобы он обратился и жил». Это высокое учение, отвергнутое иудейством, но принятое христианством, где оно вполне понятно при вере в загробное воздаяние, для современников Иезекииля должно было служить ответом на их ропот: «неправилен путь господень» и доказать им, что они не лучше отцов своих и не менее их непокорны и преступны.

Рассматривая с этой точки зрения всю историю своего народа, пророк видит его преступником с самого начала. Еще в Египте он идолопоклонствует; завет, заключенный с богом в пустыне, нарушен: Иерусалим, ублюдок аморея и хеттеянки (16, 3), и Самария — это блудницы Огола и Оголита, поведение которых рисуется

с отталкивающим реализмом. В этом отношении Иезекииль идет дальше всех пророков, не признавая в прошлом ни одной светлой черты и клеймя всю историю Израиля тем приговором, который другие пророки изрекли только относительно отступничества после Езекии. Это и понятно в устах современника грозных событий и гибели государства. Вместе с тем индивидуальная этика Иезекииля, объясняя настоящее, давала ответ и на вопросы о будущем. Позади — сплошное преступление, в настоящем — гибель: что же дальше? «Покайтесь и обратитесь от всех преступлений своих, и нечестие не будет вам преткновением. Отвергните от себя все преступления свои, чрез которые вы отпали, сделайте себе сердце новое, и дух новый, и зачем вам умирать, дом Израилев?» (18, 30—31). Итак, покаяние и обращение может спасти, несмотря на грехи отцов. И вот Иезекииль, как духовник, набрасывает краткий катехизис (18, 5—9; 22, 7—12) нравственных требований: отказ от идолопоклонства, упорядочение супружеской жизни, уклонение от ростовщичества и лихоимства, дела милосердия. «Пастыри» народа не радели о нем и не воспитывали его в духе этих постановлений, почему Иегова сам будет пастырем. Он спасет благочестивый остаток (6, 8, 14, 22), будет для него святилищем в землях изгнания, вместо разрушенного храма (11, 16) соберет Израиля из расселения (34, 13), возвратит в землю обетованную и восстановит как нацию под властью потомка Давида (34, 23); завет будет восстановлен, и вся природа благословенна. Все окрестные народы: моав, аммон, филистимляне, финикияне, египтяне, идумеи будут уничтожены за их вражду к избранному народу: в этом отношении Иезекииль начинает собой ряд непримиримых иудеев, отрицавших всякую возможность призвания и примирения язычников; здесь он совершенно порвал со своими предшественниками. Бывший священник и свидетель погрома сказался в этом суровом проповеднике, снова вернувшемся к представлениям о «дне господнем», как дне торжества Израиля. Иегова казнит народы и возрождает Израиля для славы своей, для того, чтобы все уразумели, «что он есть Иегова»; он совершает невозможное для человека-реформатора дело, воскрешая целый народ, превратившийся в поле, «полное костей человеческих» (гл. 37), повелев своему служителю-пророку изречь на них пророческое слово. Этого мало: «В последние годы» (38, 8) уже на возвращенный и помилованный Израиль бог наведет полчища новых врагов, которых Иезекииль, при отсутствии тогда ассириян и халдеев, приурочил к северу и сопоставил с известными в его время арийскими, частью хеттскими племенами, под начальством «Гога». Они все найдут себе позорную гибель «на горах Израилевых» (39, 4) — «и увидят народы суд мой... и будет знать дом Израилев, что я бог их» (39, 21—22). Это было новым представлением о язычниках, нападающих в последние времена на мессианское царство; оно находится в связи с представлением об антихристе и последнем суде.

Что касается самого мессианского царства, то Иезекииль посвятил его подробному описанию последние девять глав своей книги (40—48). Здесь он уже не пророк, а скорее политик и социолог, и эту часть его книги, по справедливости, можно назвать одной из первых в истории политических утопий. Представляя себя перенесенным в землю Израилеву, он видит ангела, отмеривающего тростью участки для храма и его частей, города и возвращенных; «слава господня» снова наполняет святилище, пророк получает откровение о законах, которым будет следовать возвращенный народ в церковной и гражданской жизни. Здесь прежде всего замечается полное игнорирование географических и исторических условий и господство теории. Для торжества и удобства последней пророк отказывается от Заиорданья с его этнографическими и культурными особенностями и математически делит Ханаанскую землю, от Эмафа до «воды Пререкания» и Египетского потока, не считаясь с прошлым, на центральную область для храма, столицы (имя ей «Иегова там»), владения «князя» (не царя) и духовенства, на участки 12 колен: 5 к югу от центра и 7—к северу. Кроме того, каждое колено представлено участком в столице. Таким

образом, вся страна как бы однообразная равнина, среди которой выдается храмовая, видимая отовсюду гора. Из-под порога храма течет река живой воды (гл. 47), превращающая пустыню в плодородную область с деревьями, оздоровляющая местность и Мертвое море, обильное рыбами; плоды на окружающих ее деревьях будут ежемесячно созревать, а листья служить для врачевания. Сам храм должен быть тщательно отделен от окружающей местности, как святыня; описание всех его частей, утвари и размеров дается с пунктуальной точностью, равно как приводятся и самые мелочные предписания относительно культа. О первосвященнике совсем не упоминается — он вероятно считался опасным для теократии. Священствовать предоставляется только потомкам Садока, а не всем священникам левииным, как это допускало Второзаконие; левитам (это имя из пророков впервые встречается у Иезекииля) вменяется в вину их склонность к идолопоклонству, и им предоставлены лишь черные работы. Миряне не допускаются даже во внешний двор. Вблизи храма и города отдельные участки получают священники, левиты и «князь». Так как настоящий царь и владетель всей земли — Иегова, то князь сохраняет лишь тень власти. Он выселен из Сиона, чтобы не нарушать святости храма; ему дан особый участок, «чтобы впредь князья мои не притесняли народа моего и остальную землю отдали дому Израилеву по племенам его» (45, 8). Таким образом, здесь впервые на почве Востока высказывается мысль, что государь — не помещик государства. Князь получает «приношения от народа», и он употребляет их для потребностей культа, пользуясь сам некоторыми преимуществами (напр., он один из мирян может входить пред внешние восточные врата святилища, всегда запертые, и «есть здесь хлеб пред Иеговой»); вход лишь через притвор и чрез него уход (44, 1—4). Вся остальная земля делится (точно указываются пределы) между коленами, в пределах которых каждая семья получает равный надел, причем не обделяются и «пришельцы». Таким путем пророк думал устранить возможность социального неравенства, на которое жаловался, напр., Амос. Нечего и говорить, что эти идеи были совершенно невыполнимы; о них можно было мечтать только в изгнании, с повышенным национальным и религиозным чувством, с уверенностью в гибели окрестных народов.

И действительно, последующая история не могла выполнить этой утопии; развитие пошло несколько по иному пути, а существование разногласий между Иезекиилем и Торой давало даже повод иудейским богословам сомневаться в подлинности его книги. Однако, тем не менее, его схема превращала израильский народ в религиозную общину; в этом отношении пророк по справедливости называется отцом иудейства. Право на это наименование дает ему и то место, какое он отводит в своей книге вопросам культа и ритуальным предписаниям. Понятная под пером священника и изгнанника, лишенного храма, «радости очей своих и самого дорогого для души своей» (24, 21), эта сторона его писания, конечно, действует иначе, нежели высокие учения Исаии и Иеремии. Равно и представление о боге у Иезекииля иное — это одно олицетворенное величие и всемогущество, пред которым можно только падать на лицо свое, который действует чрез посредствующие существа (9, 10), который карает и милует ради славы своей, который ревнив к своему величию и требует сложного культа. Таким образом, если предшествующие пророки были ступенями к евангелию, то Иезекииль был кроме того первым камнем к талмуду, а также к богатой апокалиптической литературе, с которой сближает его литературная манера и характер его видений. Черпая обильно из запаса вавилонских образов, бывших у него всегда пред глазами, он, однако, видоизменил их под влиянием национальной и индивидуальной склонности к чрезмерному и лишил первоначальной стройности. Постоянные математические данные, а также склонность к излишним подробностям и запутанным аллегориям, несколько вредят литературной стороне его книги, несмотря на неоспоримое присутствие в ней таких величественных и возвышенных картин, как видение славы господней и видение костей, и таких поэтических мест, как песнь о Тире. Конечно, нельзя забывать, что Иезекииль, действовавший в плену,

был не столько проповедником, сколько писателем, и это не могло не отразиться на степени теплоты и непосредственности его речей.

Едва умолк Иезекииль, как занялась заря желанного дня. Весною 561 г. Евиль Меродах реабилитировал Иехонию. Почему дело пока на этом остановилось, и чем была вызвана эта милость к иудейскому народу, мы не знаем, но не может быть сомнения, что чаяния вождей иудейской общины с этого дня получили реальную поддержку и программа их перестала быть утопией. Страстное желание вернуться на родину и осуществить идею богоправимого государства все более и более овладевает ими, а политические условия только благоприятствуют поддержанию в них надежд. Вавилонское царство идет верными шагами к разложению и катастрофе. Иудеи рано узнали о Кире и рано оценили его. Великий поэт, известный в науке под именем Девтероисаии, при первом появлении мидян и персов на историческом горизонте понял, что дни Вавилона сочтены. История стала оправдывать его предчувствие; предсказания Иеремии и Иезекииля стали осуществляться. Значит бог помиловал Израиля, простил грех его, искупленный страданиями. И вот, пророк обращается к народу с книгой, в которой уже нет места для обличений и угроз: вся она проникнута утешениями и обетованиями, вся она — торжественный радостный гимн. Вся природа приглашается ликовать во славу господа, помиловавшего своего раба (гл. 55, 12: «вы войдете с веселием и будете провожаемы с миром; горы и холмы будут петь пред вами песнь, все деревья рукоплескать»... 44, 23 и др.), за которого он дал в выкуп новому мировому царству Египет, Эфиопию и Аравию. Он призвал для этой цели раба своего Кира, который, не зная его, исполнил его повеление (гл. 45, 44, 28). Он, всемогущий владыка вселенной, нарочно избрал не еврея для исполнения воли своей, «дабы узнали от восхода солнца и до запада, что нет кроме него»... (45, 6), а потому нечего сомневаться и препираться с создателем своим (ив. 9). За этим чудом последуют другие, не меньшие тех, которыми был ознаменован первый исход из Египта (гл. 43, 16—20; 48, 20—21; 51, 9—11): евреи пойдут чрез пустыню, которая для этого сделается садом. Таким образом будет обнаружено бессилие богов: Вавилона не спасли мудрецы и чародеи (47) — немедленно после полного расцвета его богатств и могуществ его боги падут в прах (46); между тем, уничтоженный и убогий Израиль возник и сделался центром вселенной (гл. 49); он будет господствовать над народами и учить их истинному богопочитанию. Чрез него прославится Иегова, чрез него до концов земли проникнет спасение. Пред глазами всех народов господь явил силу свою и все концы земли видели его спасение. Таким образом, мы присутствуем при развитии идеи мессианства. Подобные же восторженные речи дают нам 34 и 35-я главы книги пр. Исаии.

Наконец, давно желанный час пробил. Осенью 538 г. Кир в Экбатане издал указ, помещенный Ездр. 6, 3 и 5; к этому Ездра (1, 8) добавляет имя Митридата, называя его сокровищехранителем. Правителем, с титулом князя, был назначен «Шешбацар, князь Иудин», вероятно Син или Шамаш-бал-уссур, может быть, сын Иехонии; с Шенацаром, с. Иехонии (Парал. 1, 3, 17), он, вероятно, тожественен. Ездра 5, 14—16 говорит, что Шешбацар действительно положил основание храму, а до его построения, конечно, должен был совершаться культ на жертвеннике, о сооружении которого говорится в кн. Ездры, 3, причем почему-то назван вместо Шешбацара Зоровавель. Для отправления культа прибыли уже с первым караваном священники; в числе их внук первосвященника Сераии, казненного Навуходоносором (Иерем. 52, 24—27), Иисус, сын Иоседеков, в качестве главного. Таким образом руководители иудейского возрождения, казалось, добились, чего хотели: светского князя, духовного, хотя пока неполноправного (Ездр. 2, 63) главы и обетованной земли.

Но как это было далеко от их чаяний! Вместо границ «от Эмафа до Великого моря по Египетскому потоку» с наделами всех 12 колен, как того хотел Иезекииль, они получили в удел лишь Иерусалим с его окрестностями, как это видно из перечня

работ у Неемии (гл. 3). Мало того, Беторон, в двух милях к сев.-зап. от Иерусалима — местопребывание Санаваллата.

Не удалось им также увлечь весь народ: весьма многие предпочли остаться в Вавилоне; ушли большею частью энтузиасты, да и то не сразу, и в течение первых 17 лет переселилось всего 42 360 чел. с 7 000 рабов. Правда, в числе переселившихся были и такие, «которые не могли» в специально учрежденном для проверки документов бюро «показать о поколении своем и о племени своем — от Израиля ли они»; может быть, это были иноплеменники-мыслители, увлекшиеся чистым культом Иеговы, но вообще переселенцев скоро ждало самое горькое разочарование. Вместо триумфального шествия всего народа в землю, точащую мед и молоко, в среду народов, жаждавших Израиля, как светоча истинного богопознания, жалкие караваны прибыли в одичавшую, обезлюдевшую Палестину, где они застали осевшими исконных врагов — моавитян, аммонитян, идумеев и своих братьев, северных израильтян, смешавшихся с ассирийскими колонистами и, в виде так называемых самарян, осквернивших культ Иеговы языческими обрядами и служением, на ряду с ним, другим богам. Вместо верности закону и проведения в жизнь закончивших свое развитие постановлений о чистоте, пришлось соприкасаться с этими «нечистыми» и даже видеть, как возвратившиеся из плена брали себе в жены их дочерей, в силу уже того, что из Вавилона не было возможности выселить достаточное количество иудейских женщин. Наконец, и заветная мечта — храм истинного бога — получила неожиданную помеху. В его сооружении изъявили желание участвовать и самаряне, также чтившие Иегову, и с этой целью обратились к Шешбацару и Иисусу. Получив, как и следовало ожидать, отказ, они стали к переселенцам окончательно во враждебное положение. Иудеям пришлось подумать уже о простой безопасности. На ряду с этим подверглись иудеи и естественным бедствиям: неурожаи и голодовки опустошали одичавшую Палестину. При таких условиях пожертвования на постройку не могли поступать обильно. Социальная нужда и семейные узы заставили иудеев быть менее щепетильными относительно самарян, составлявших в стране громадное большинство и уважавших Иерусалим (ср. Иерем. 41, 5). Они терпели их языческие культы (аб. 66, 3, Аггей), может быть, даже и увлекались ими, как в старину, сами. У благочестивых и руководителей опускались руки. Они готовы были притти в отчаяние. Где же царство Мессии? Неужели рука господня сократилась, чтобы спасать, и ухо его отяжелело, чтобы слышать? Другие, примыкая к Девтероисаии и другим пророкам одного с ним направления, выступали с проповедью о том, что храм вообще не нужен и недостоин величия божия (Ис. 66, 1—3), особенно если сооружается грешниками.

Таким образом, пришли к сознанию, что мессианское время еще не наступило, гнев божий еще не вполне прошел, и осуществления древних пророчеств надо ждать с сокрушенным сердцем и покорностью. Храм не строился, безопасность упала до того, что жить в Иерусалиме сделалось подвигом. Дальнейшая судьба Шешбацара нам совершенно неизвестна.

Надежды Израиля скоро получили новую пищу. Дарий I в самом начале своего царствования отправил в Иудею молодого потомка Давида Зоровавеля, сына Салафииля, внука Иехонии. С ним, конечно, прибыла новая партия переселенцев.

Само по себе появление сына Давидова возбудило самые несбыточные мечты и напомнило восторженные речи Второисаии. Идеальное государство было готово: первосвященник и царь-князь из дома Давидова были налицо. Тем более сказывалось отсутствие величественного храма, необходимого для всякого самостоятельного народа и государства. И вот, выступают пророки А г г е й и З а х а р и я. Первый, во второй год Дария, в 6-м мес., в 7-й день обращается к Зоровавелю и Иисусу с увещанием не откладывать храм на неопределенное время; он говорит, что стыдно жить в украшенных домах и оставлять дом божий в запустении: за это поражают

народ естественные бедствия. Увещание подействовало: через три недели работы возобновились, а еще через месяц Аггей ободряет строителей, возвещая будущую славу и всемирное значение создаваемого храма: господь еще раз «потрясет море и сушу», т. е. попустит совершиться мировой катастрофе, подобной падению Вавилона (может быть, и Синая), явится Мессия, и в новый храм придут все народы, подобно тому, как после первой катастрофы явились к нему плененные иудеи: языческие царства будут истреблены, престолы царей ниспровергнуты, а Зоровавель будет «как перстень» в руке божией. Действительно, прежний жертвенник и культ были столь незначительны, что не могли служить для освящения страны: напротив, они сами осквернялись постоянным соприкосновением с язычниками и раскольниками; теперь же созидается новый храм, уже после закладки которого небо вернуло свое благоволение, неурожаи и естественные бедствия прекратились.

Через два месяца Захария, для укрепления строителей и народа, записал свои восемь сновидений, относившихся к судьбе израильской общины, сопровождая их пояснениями и предпослав назидательное введение об исправлении. Видения эти касались вопросов, волновавших общину в знаменательное время; они примыкали к идеям Иезекииля и имели важное значение в развитии иудейства. В ночь на 24-е число 11-го месяца 2-го года Дария пророку приснились видения: одно, указывавшее на водворение всеобщего мира, другое — на сокрушение врагов народов, рассеявших Иуду, третье — на новое заселение Иерусалима без стен, ибо сам бог будет его огненною стеною — намек на то, что правители не должны ссылаться на отсутствие стен, чтобы не строить храма. Затем он рассказывает сон, который указывал на восстановление самим богом сана первосвященника и очищение его носителя: священник Иисус, как представитель грешной общины и сам нуждавшийся в очищении, как прибывший из Вавилона, стоит пред богом на суде с двумя ангелами — защитником и обвинителем. Он оправдан, с него сняты запятнанные одежды, он облачен в торжественные ризы. Бог обещает привести в страну мужа «Отрасль», т. е. Зоровавеля, который не должен иметь пред ним преимущества власти: следующее видение указало пророку во сне семисвечник с двумя маслинами по сторонам. Ангел объяснил ему, что это «два помазанника, предстоящие господу», и этим успокоил тех, которые опасались раздоров между светской и духовной властью. Следующий сон грозил погибелью за обычно обличаемые и у других пророков еврейские пороки: клятвопреступление и грабительство; следующий — удостоверял, что все грехи Израиля удалены в Вавилон, а в Палестине собралось только очищенное и избранное общество. Наконец, последний сон предвещал собрание отовсюду рассеянного Израиля, царство Мессии действительно наступает. Но для него необходим царь; этот царь — Зоровавель. И вот Захария возвещает глас, повелевающий ему итти в дом, где пребывали наиболее восторженные энтузиасты — Иосия, Хелдаия, Товия, Иедай, составляя рода общины. Они должны пожертвовать золото и серебро для короны Иисусу, а Зоровавель «создаст храм господень, и примет славу, и воссядет, и будет царствовать на престоле своем, будет и иерей на престоле своем, и совет мира будет между ними обоими» (6, 13). Пророк идет еще дальше — раз мессианское время наступило, становятся излишними всякая печаль и покаяние. В этом смысле он отвечает посланным к нему из Вефиля относительно постов: «плакать ли и поститься в пятый месяц» по поводу разрушения Иерусалима и храма? — бог требует милости и правды, запрещает утеснения и зложелательство. Народ этому не внимал, за что и был рассеян. Ныне же бог «возревновал о Сионе ревностью великою, будет снова жить в Иерусалиме, спасет народ свой и соберет его из всех стран света, и не будет уже «таким, как в прежние дни» — неурожаи прекратились, небеса вернули росу свою, Израиль перестал быть проклятием у народов. Поэтому пусть народ будет достоин этого: оставит злобу, несправедливость и ложную клятву; пост не только 5-й, но и все остальные он может превратить в праздники и веселые торжества. Тогда и чуждые сильные народы придут «взыскать господа в Иерусалиме»,

десять язычников ухватятся за полу одного еврея; они будут говорить: «пойдем с тобою, ибо бог с вами есть».

Такие восторженные речи не могли не влиять на правителей и население, обрадованное реставрацией давидова дома и прекращением естественных бедствий. После того, как прибывший Зоровавель организовал общину утверждением первосвященника и 24 сентября 520 г. положил новый краеугольный камень храму, постройка пошла быстро вперед. Не без влияния интриг соседей, вновь назначенный Дарием Уштанни (Татнай библии; имя найдено в клинописи), сатрап Вавилона и Аḃar-Naḣara, вероятно, организуя свою сатрапию, обратил внимание на строительную деятельность в Иерусалиме (Ездр. 5), но его вмешательство только помогло делу: указ Кира был найден в Экбатане, после поисков в Вавилоне; Дарий подтвердил его, повелев чиновникам, чтобы они содействовали старейшинам иудейским в их работе, уделяя на нее суммы из подати в царскую казну Аḃar-Naḣara. Сатрап со своими чиновниками получил приказ удалиться из Иерусалима. Таким образом, дело устроилось как нельзя лучше, и в 516 г. храм уже мог быть освящен.

Итак, исполнились слова древних и новых пророков. Зоровавель, второй Соломон, совершил великое дело и восстановил Израиля. Поэтому особенно непонятно молчание об его последующей судьбе в кн. Ездры, которая затем обрывает последовательный рассказ и сразу переходит к повествованию о деятельности Ездры. Еще Киттель глухо заметил, что вероятно дальнейшие события были слишком печальны. На мысль об этом наводят и тон книги Неемии, пр. Малахии и др., нет больше прежних восторженных речей пророков, чаяний и т. п.

Мессианские чаяния энтузиастов потерпели крушение. Смуты в персидском царстве, последовавшие за смертью Камбиза, вероятно, дававшие пищу их мечтам, были прекращены, и империя Дария I восстановлена в прежнем грозном могуществе, исключавшем всякие дальнейшие поползновения. Кроме того, фискальный характер правления Дария выдвигал на первый план вопрос «о царской дани», а материальная нужда в голодной стране не прекращалась; мало того, скоро в ней снова появилось социальное неравенство (Неемия, гл. 5). Иудеи уже давно получили вкус к торговле и капитализму. Еще древние пророки и Второзаконие жалуются на аграрные притеснения, на корыстолюбие не только в торговле, но и в суде; уже у них «богатые» упоминаются с оттенком неприязни. В плену были все условия для развития этой стороны: иудеи попали в крупнейшие торговые и промышленные центры; с этих пор они начинают особенно охотно селиться в столицах и больших городах, вблизи банков и фабрик. Оторванные от земли, вовлеченные в круговорот жизни мировых центров, они оставили следы в виде имен в различных торговых документах, добытых археологическими изысканиями; они достигли благосостояния и стали до некоторой степени силой в вавилонской и персидской монархии. Конечно, они оказали влияние и денежную помощь при возвращении, но сами по большей части не вернулись. Возвратились преимущественно энтузиасты. Но у последних от несбыточных мечтаний до полного отчаяния бывает недалеко. И вот, когда, несмотря на окончание храма, их идеалы не осуществились, большинство их ушло в противоположную крайность, в то время как другие стали отдаваться и в Палестине духу наживы и корысти. Появились богачи на фоне нищеты и отчаяния. Родственные связи с преобладающим в численном отношении местным населением все более и более вовлекали подрастающее поколение переселенцев в языческие культы (Ис. 65). Люди мыслящие, бывшие энтузиасты, не находили выхода в своем отчаянии. Стали раздаваться из их среды голоса сомнения в любви Иеговы, а следовательно в истинности Девтероисаии (Малах. 1, 2), в его неизменности (ив. 3, 6), даже в его мудрости и правосудии (2, 17, 3, 14, 15). Духовенство стало не лучше мирян и обнаруживало небрежность в делах культа (1, 7—14). Те, которые старались исполнять все внешние предписания закона, недоумевали, каким образом их ревность не приносит немедленных видимых плодов (Ис. 58). Новой общине грозила катастрофа, и поглощение окружа-

ющим язычеством делалось лишь вопросом времени. Но пророки этого времени, называемые «Тритоисаия», и Малахия отмечают существование и сохранивших твердость «рабов Иеговы» (Ис. 65, 13) и «боящихся его» (Мал. 3, 16 сл.), которые терпеливо ждали наступления лучших дней, хотя бы в отдаленном будущем (Ис. 65, 17 сл.), и после явления ангела или Илии (Мал.) с неба. Являвшиеся пророки укрепляли их в этом, одухотворяя до поразительной, почти христианской высоты ритуальные требования (Ис. 58, Малах. 1, 9 сл.), представление о последнем суде (Мал. 3, 1—5) и о семье (Мал. 2, 14 сл.), заставляя умолкнуть малодушных, направляя мысли энтузиастов на надлежащий путь. Но дальнейшее движение пошло не по их пути.

История Израиля делалась уже не в Палестине или, по крайней мере, не в одной Палестине. Вавилонские иудейские колонии и их общины в персидских столицах были богаты, образованы, влиятельны. В то время они привыкли ревниво оберегать от окружающей среды свою самобытность: если для палестинского еврея брак с самарянкой-раскольницей был только неудобен, то для вавилонского супружеские связи с язычницами были уже совершенно недопустимы. Для него не было безразлично и положение дел в Иерусалиме, и притом не только потому, что он туда направлял свои молитвы и свои материальные пожертвования, но и в виду того, что правильное отправление священного культа было для него едва ли не необходимее, чем для палестинца. Последний жил всегда «пред лицом божиим» и был близок к нему уже в силу географических условий; иудей же рассеяния мог только в том случае иметь связь с ним, если эта связь будет выражаться видимым образом в ритуале и жертвах, связывающих небо с землей, в которых и он принимал посредственное участие и благодатная сила которых распространяется и на него. Пока действует в Иерусалиме правильный культ, он мог спокойно жить, где ему угодно, чувствуя, что связь между ним и небом существует. Вот почему идеи Иезекииля и его партии нашли себе среди вавилонских иудеев широкое распространение и развитие: с основанием храма они получили и реальную основу. Священнические роды, переселенные в Вавилонию, работают дальше в том же направлении; окружающая их культура является могущественным средством в их руках. Их заботой делается укрепить среди палестинского иудейства обрядовый закон, а для этого был необходим подходящий человек и царский указ. Первого нашли в лице знаменитого Ездры, потомка древнего первосвященнического рода и отца тех книжников (соферим), которые потом стяжали себе столь дурную славу. С персидским правительством также дело уладили: в 7-м году Артаксеркса I (457) Ездра получил указ от царя и его государственного совета из «7 советников» вывести в Иерусалим новую партию переселенцев и пожертвования, собранные в Вавилонии, и ввести в Палестине «премудрость бога своего и закон его», т. е. другими словами, книге иудейского закона дается сила обязательных царских постановлений (Ездра, гл. 7).

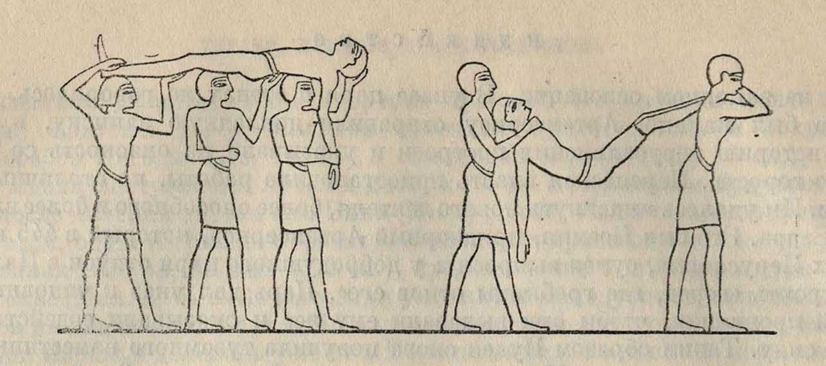
Ездра пошел не один: с ним двинулось 1 496 представителей различных иудейских родов, оставшихся в Вавилоне, в том числе один потомок Давида и двэ потомка Аарона. Все это, конечно, были его единомышленники, которые должны были значительно усилить партию «благочестивых». Но то, что они нашли в Иудее, повидимому превзошло все их самые худшие ожидания. О немедленном обнародовании книги закона не могло быть и речи: «благочестивые» вскоре по прибытии каравана своими рассказами довели Ездру до исступления (гл. 9). Приходилось еще готовить почву для реформы. И вот, Ездра заботится об уничтожении смешанных браков. Созванное им в ноябре народное собрание, громадным большинством, под влиянием его экстаза, склоняется на его предложение и постановляет развод с женами из туземного населения. Противная партия, таким образом, была изолирована и потеряла почву. Но она не успокоилась и нашла себе поддержку в тех же «самарянах», для которых деятельность книжника была и оскорбительна и опасна. Их недоброжелательство заставило Ездру повременить своей реформой и озаботиться о внешней безопасности построением стен. Это дало его недругам в руки оружие, которым они могли бороться

с ним уже на законном основании. В указе царя о стенах не говорилось, и повод для доноса был налицо. Артаксерксу отправили докладную записку, в которой изложили историю иерусалимских построек и указывали на опасность со стороны «мятежного города». Персидская власть приостановила работы, но столичные иудеи не унывали. Им удалось выдвинуть нового деятеля, более способного и более влиятельного, чем Ездра. Это был Неемия, придворный Артаксеркса, который в 445 г., узнав о бедствиях Иерусалима, сумел выпросить у добродушного царя отпуск в Палестину, чтобы отстроить «город, где гробницы отцов его». Царь дал указ к чиновникам заевфратской провинции, чтобы они выдавали ему лес и оказывали содействие, дал и военную силу. Таким образом Иудея снова получила туземного наместника. Прибыв, Неемия ночью объезжал Иерусалим с немногими людьми. Затем он распорядился постройкой, распределив части ее по родам. Начались интриги Санаваллата и его клевретов Товии и Гешама — сначала насмешки, потом насилия (Неемия организует вооруженную охрану работ), вероломные замыслы, угрозы, но это не помогло. Неемия не поддавался — он твердо и умело шел к цели. Чтобы предотвратить ропот в народе, и без того бедствовавшем, а теперь, благодаря необычайному напряжению материальных и духовных сил, пережившем тяжелый экономический кризис (гл. 5), он уговорил капиталистов простить долги и вернуть должникам их поля и виноградники. Сам он подавал в этом отношении пример: он «с братьями своими не ел хлеба наместнического», не подражая в этом отношении своим предшественникам, а напротив, сам кормил за своим столом 150 человек знатных иудеев и даже из «народов, живших вокруг». Чрез 52 дня после начала работ стены были окончены. Но тут обнаружилось, что город по населению не соответствует отмежеванному пространству: в старых стенах оказалась пустота, и пришлось прибегнуть к искусственным мерам для ее заполнения. Неемия произвел перепись, а затем было отпраздновано освящение стен: две процессии обходили навстречу друг другу стену с пением и встретились у храма; во главе одной шел Неемия, во главе другой — Ездра.

Теперь наступило время действовать последнему. В день нового года было народное собрание, и Ездре предложили читать книгу закона. С высокого помоста возглашал он текст, который отныне должен был наложить на иудеев законную тяготу. Левиты сопровождали его чтение толкованием; народ плакал от раскаяния, что он не исполнял повелений божиих. Неемия, Ездра и левиты успокаивали его, убеждая праздновать день господень. На другой день чтение продолжалось пред главами родов, между прочим, о празднике Кущей, которые и были 15 числа отпразднованы.

24 числа было новое собрание, но уже покаянного характера. Опять началось чтение закона, потом левиты прочли покаянную молитву, в которой припомнили историю евреев с точки зрения священного прагматизма. Народ «четверть дня» исповедывал грехи свои. Затем следовал торжественный заключительный акт: старейшины, священники и левиты в количестве 85 человек дали подписку держаться закона, провозглашенного Ездрой; остальной народ принес присягу «ходить по закону божию, данному рукою Моисея, раба его».

Ed. Meyer, Die Entstehung d. Judentums. Halle, 1896. Nikel, Die Wiederherstellung d. judischen Gemeinwesens. Freib. B., 1900. Sellin, Serubbabel. Lpz., 1898. Studien zur Entstehungsgeschichte der judischen Gemeinde. Lpz., 1901. Klamroth, Die judischen Exulanten in Babylonien. Leipz., 1912 (Beiträge z. Wiss. v. Alten Testam. X). В. Попов, Возвращение иудеев из плена вавилонского и первые их годы в Палестине до прибытия Ездры. Киев, 1905. Rothstein, Die Nachtgeschichte des Zacharja. Lpz., 1910. О *самарянах:* Montgomery, The Samaritans, 1907. Рыбинский, Самаряне, Киев, 1913.



ФИНИКИЯ В ПЕРСИДСКОЕ ВРЕМЯ

После расправы Асархаддона над Сидоном соперник последнего, Тир, несмотря на войны и осады, удачно воспользовался своим положением и достиг известного благосостояния. Но для крупной роли у него уже не могло остаться сил. 13-летняя осада Навуходоносора, доказавшая жизнеспособность города и патриотизм граждан и кончившаяся не вполне удачно для вавилонского царя, все же еще более истощила Тир. Повидимому, по окончании осады, начались в городе внутренние осложнения, вызванные между прочим переселением династии в Вавилон; сначала цари были заменены «судьями», потом, может быть, благодаря победе «монархической партии», царей пришлось выписывать из Вавилона. Не относится ли к этому времени старинный рассказ у Юстина (18, 3) о восстании рабов, после того, как тиряне, будучи долго и разнообразно утомляемы «в войнах с персами (очевидно, ассириянами или халдеями), остались победителями, но истощены силами»? Рабы воспользовались этим, якобы перебили господ, женились на их женах, а затем избрали царем некоего старца Стратона, которого спас его раб и который достиг престола, перехитрив всех во время избрания, благодаря своему «не рабскому уму». Кара, наложенная на Тир Александром, который пощадил якобы только потомство Стратона, ставится в связь с этим переворотом. Оставляя в стороне фантастичность рассказа и возможность приурочить его к восстанию «детей кормилицы» Абдастарта I (919—910), после которого династию действительно начал Астарт, а также возможность нередкого у авторов смешения Тира с Сидоном, нельзя не видеть здесь отражения представления о частых внутренних смутах и переворотах в Тире, которые, вместе с внешними бедствиями и постоянными осадами, препятствовали городу вполне воспользоваться отсутствием соперника. Последний вновь возник во время ассирийской катастрофы и упоминается в библии и у Геродота; вероятно, указом Кира он был реставрирован, и во все последующее время Сидон играет в Финикии первенствующую роль. Второе место занимает Тир, затем следует Арад, наконец Библ. О благосостоянии и могуществе Сидона мы уже имели случай говорить, приводя известие Диодора о восстании Тенна; равным образом, политические отношения финикийского побережья к Египту, Персии и т. п. нами были указаны. Для Персидского царства финикияне были крайне необходимы: все морские войны велись персами при помощи финикийского флота; великий царь, благодаря ему, мог иметь голос в делах Эллады и удерживать в повиновении острова. Отсюда понятна предупредительность, с какой относилось правительство к финикийским городам, которые были оставлены под управлением собственных царей, чеканивших иногда монеты и лично командовавших флотами во время общегосударственных войн. Так, Геродот называет общим командиром финикийского флота при Саламине Тетрамнеста сидонского и подчиненных

ему: Маттена, сына Сирома (т. е. Хирома) тирского и Мербала (т. е. Махарбала) арадского. Странное греческое имя сидонского царя возбуждает неразрешимые недоумения. Больше о тирских царях мы ничего не слышим, но впоследствии узнаем, что под некоторым влиянием Тира находился финикийский элемент на Кипре. Об образцовых порядках в это время на финикийском флоте см. описание Ксенофонта в его Экономике, VIII, 11.

Что касается Сидона, то наши сведения о нем довольно многочисленны и разнообразны. К сожалению, они все еще возбуждают не мало недоумений. 19 янв. 1855 г., в $^1/_2$-часовом расстоянии к юго-вост. от современной Саиды, случайно нашли знаменитый египетский саркофаг сидонского царя Эшмуназара II; в 1887 г. нашли подземные усыпальницы с многочисленными саркофагами, как такого же типа (между прочим, отца Эшмуназара Табнита), так и с великолепными греческими малоазиатского типа, причем последние были, очевидно, внесены другой династией или другим родом, узурпировавшим гробницы погребенных в египетских или египтоподобных саркофагах. В 1901 г., в саду к северу от Сидона, на берегу р. Бострена, найдены надписи и большая стена. Это дало толчок к раскопкам, в которых приняли участие: Оттоманский музей в лице Макриди-бея и немецкие ученые Винклер и Ландау. Найденная стена была обследована и оказалась остатком храма сидонского бога Эшмуна-Асклепия, стоявшим среди прекрасной зелени на вершине горы над журчащим Бостреном. Надписи оказались строительными, оставленными царем Бодастартом, внуком Эшмуназара I; кроме того найдено много мелких кусков других надписей и статуэток из глины, бронзы и т. п., большею частью в египетском и кипрском стиле, а также кусок надписи с именем фараона Ахориса. Финикийские надписи вообще редки, и чтение их по большей части возбуждает много спорных пунктов, а потому и в данном случае найденные надписи успели вызвать значительную литературу. В настоящее время чтение всех надписей «Эшмуназаровой» династии более или менее установлено, но вопрос об ее хронологии все еще возбуждает сомнения, так как трудно приурочить ее к событиям из истории Сидона, упоминаемым у древних авторов. Необходимо ознакомиться с надписями, оставленными династией. Из них самая содержательная принадлежит Эшмуназару II; она представляет вообще редкий по интересу и объему памятник семитической эпиграфики:

«В месяце буле 14-го года царствования Эшмуназара, царя сидонян, сына Табнита, царя сидонян. Говорит царь Эшмуназар, царь сидонян: «Я был похищен безвременно, будучи юношей немногих лет, болезненным, сиротой, сыном вдовы. Я лежу в этом гробе и в этой гробнице, в месте, которое я выстроил. Мое заклятие обращено ко всем владыкам и ко всем людям: не должны они открывать моей гробницы и искать в ней чего-либо, ибо в нее ничего не положено. И не должны они ни уносить гроба из моей гробницы, ни уносить меня из этой гробницы в другую. И если люди будут склонять тебя, не слушай их. Ибо всякий владыка и всякий царь, который откроет чертог этой гробницы, или удалит гроб из моей гробницы, или унесет меня из этой гробницы, не получит места упокоения у Рефаимов, не будет погребен в гробнице и не будет иметь после себя ни сына, ни потомства. Святые боги да предадут его в руки могучего царя, который будет царить над ними, да искоренят тех владык или царей, которые откроют чертог этой гробницы или унесут этот гроб, да (искоренят) и потомство этого владыки или этого человека. Да не будет им ни корня внизу, ни плода наверху, ни уважения в жизни под солнцем. Ибо я был восхищен раньше времени, малолетний юноша, болезненный, сирота, сын вдовы. Ибо я — Эшмуназар, царь сидонян, сын царя Табнита, царя сидонян, внук царя Эшмуназара, царя сидонян, и моя мать — Эмашторет, жрица Астарты, нашей владычицы, царица, дочь царя Эшмуназара, царя сидонян. Мы выстроили храм Эшмуну при источнике Идлель в горах и поселили его в нем, великолепно устроив его. Мы выстроили храмы богам сидонян в Сидоне, приморской стране, храм Ваалу Сидона и храм Астарте-шем-Ваал. И дал владыка царей Дор и Иоппию, хлебные области, великолепные, лежащие

*

в Саронских полях, из-за больших податей, которые я платил (по др.: «за великие деяния, которые я совершил»). Мы присоединили их к пределам (нашей) страны, и они будут принадлежать сидонянам навеки».

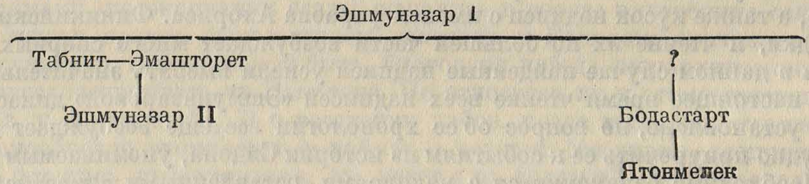
Надпись его отца Табнита заключает только первую часть — заклятие против нарушителей могильного покоя, выраженное почти теми же словами. Интерес представляют затем две надписи Бодастарта; из них первая найдена в количестве 10, а вторая — 9 экземпляров, заделанных в стену храма Эшмуна. Они представляют значительные трудности для понимания.

1. «Царь Бодастарт, царь сидонян, внук Эшмуназара, царя сидонян в Сидоне у моря; храмы (?): «Высокое небо», «Землю Решефов», «Сидон царит» — он выстроил, а также этот дом «Сидон-шар» он воздвиг своему богу, Эшмуну-шар-кодеш (или «святому защитнику»). — Здесь перечисляются святилища сидонских богов, может быть, по кварталам города; названия для нас, конечно, непонятны. Винклер и Ландау хотят в них видеть космические обозначения, делающие из Сидонской области подобие вселенной, с небом, землей и преисподней.

2. «Царь Бодастарт с наследником его Ятонмелеком, царь сидонян, внук царя Эшмуназара, царя сидонян, выстроил этот храм своему богу Эшмуну-шар-кодеш».

Наконец, вероятно, к этому же царю восходит еще одна надпись, датированная годом его вступления на престол и повествующая о построении святилища Астарты, кажется, на полях Саронских.

Соединяя все засвидетельствованные в этих надписях имена, получаем следующую генеалогию:



При этом надо иметь в виду, что Эшмуназар II царствовал недолго, так как умер юношей, процарствовав 14 лет, под опекой матери-жрицы: отсюда следует, что и его отец не достиг старости. Это подтверждается и освидетельствованием останков Табнита, произведенным Шантром и убедившим, что этот царь умер, едва достигнув зрелого возраста.

Таким образом, продолжительность династии, вероятно, была не особенно велика и едва ли превышала полстолетия. Этим объясняется отсутствие у древних авторов упоминания об Эшмуназарах, а может быть и о других ее именах. При первом знакомстве с этим эпиграфическим материалом стали отожествлять Табнита с известным нам злополучным Тенном: со стороны филологической это не возбуждает сомнений, но в настоящее время не вяжется с дальнейшей историей Сидона. Эшмуназар II называет своим патроном «владыку царей», между тем, персидский царь носил официальный титул «царя царей». В Египте Птолемей носил иногда титул κύριος βασιλειῶν; кроме того, в одной финикийской надписи, найденной в Умм-эль-Авамиде близ Тира, дата по селевкидской эре названа годом «владыки царей» (адон мелаким), а на кипрских надписях этим именем титулуются Птолемеи. Отсюда заключают, что и в надписи Эшмуназара II имеется в виду один из первых Птолемеев, владевших Финикией, если не сам Александр В. Однако, по мнению Лидзбарского, титул «владыка царей» не является препятствием к отнесению династии в персидское время: у нас ни разу не засвидетельствовано документально, чтобы «царь царей» употреблялось в Финикии и не было заменено равнозначущим, еще более сильным «владыка царей», с другой стороны, κύριος βασιλειῶν не «владыка царей», а «владыка царств». Археологические и палеографические доводы также заставляют его высказаться за персидскую эпоху. Рейнак и Дюссо убедительно доказали, что подземелье с сарко-

фагами египетского происхождения было узурпировано значительно позднее для постановки эллинистических саркофагов III в., вероятно, современных Филоклу и украденных где-нибудь в Малой Азии. Египетские саркофаги частью привезены из Египта, частью могли быть переделаны или имитированы дома; так, один мужской саркофаг приспособлен для погребения женщины, так что рельеф у изголовья получил женскую прическу; другие саркофаги приготовлены из местного материала — терракоты, известняка, лавы, и в стиле выдают переход от антропоидного саркофага к гробу-ящику саисской эпохи. Что касается типа египетских саркофагов, то он несомненно соответствует саисской эпохе и особенно напоминает два саркофага современников Амасиса в Эрмитаже. Они могли быть приготовлены в конце VII, в VI веке; в них были погребены египтяне, надписи которых частью еще сохранились; попасть в Финикию они могли во время многочисленных поездок финикийского флота на персидской службе для усмирения египетских восстаний, напр., 456—5 г. (см. Диод. XI, 75), если не во время первого покорения Египта при Камбизе. К такому же мнению склоняют палеографические соображения. Лидзбарский решительно утверждает, что ближайший характер носит письмо сидонской надписи, поставленной в Афинах Артемидору и относящейся, самое позднее, к 300 г.; надписи Эшмуназара и др. обнаруживают еще более древние формы. Таким образом, династия Эшмуназара помещается им в V век, в персидскую эпоху. Дюссо пытается дать более точное определение и отводит для нее 470—410 гг., так как до этого времени место занято Тетрамнестом и Анисом, а после начинается непрерывный ряд монет, на которых нельзя усмотреть ни одного из царей нашей династии. Впрочем, этот аргумент представляется спорным.

Итак, если Эшмуназары и Табниты — современники персидских царей, то они были весьма близки по времени к возрождению Сидона. Это можно заключить, между прочим, из того, что царям города, роскошь и богатство которого впоследствии были прославлены, пришлось быть погребенными в чужих украденных гробах и что вся династия занята лихорадочной строительной деятельностью. Очевидно, это было время начала нового развития, время восстановления разрушенного города. Лидзбарский полагает даже, что храмовое строительство шло медленно, что первоначальные планы приходилось упрощать по недостатку средств. Так, сооружения Бодастарта потом были закончены в более простом виде Ятонмелеком и т. п. Тем не менее, эта постройка пережила века и, вероятно, о ней упоминает Страбон, который говорит об Ἀσκληπίου ἄλσος между Беритом и Сидоном. Память о святилище Эшмуна-Асклепия близ Сидона сохранилась и у паломника Антония из Пьяченцы, который упоминает о реке Асклепия. Храм несомненно был знаменит; на это указывает и найденный в нем обломок с надписью фараона Ахориса. Последний, очевидно, во время своих операций против персов, заходил сюда и сделал посвящение в сидонский храм, может быть, желая привлечь финикиян на свою сторону, а может быть и считая себя их сюзереном. Во всяком случае, до этого времени сидоняне верно служили персидским царям; еще под 396 г. Диодор (XVI, 79) говорит о 80 финикийских кораблях, под начальством сидонского «династа» явившихся в Родос к Конону, который тогда был персидским адмиралом. Этого «сидонянина», новооткрытого в Оксиринхе, историк называет «Актон». И Эшмуназар II (вернее его мать) хвалится, что его заслуги щедро вознаграждены «владыкой царей», пожаловавшим ему Дор и Иоппию с Саронскими полями, плодородие и прелесть которых воспеты еврейскими поэтами. Возможно, что персидский царь тем охотнее совершил это пожалование, что сидонянам был необходим морской берег для флота, столь важного для персов. Действительно, в перипле псевдо-Скилака, памятнике географической литературы половины IV века, пользовавшемся и более древними данными, Дор называется πόλις Σιδωνίων — еще одно доказательство для помещения династии в персидский период. В этом же памятнике Орнифополь также назван городом сидонян, а города Сарепта, Ака и Аскалон названы городами тирян; таким образом, владения двух соперничествовавших горо-

дов оказываются чересполосными, может быть, не без участия персидского правительства, перетасовавшего поземельные отношения.

Что побудило сидонян изменить политику и из верных персам сделаться их врагами, неизвестно. Возможно, что развитие благосостояния и даже могущества, в связи с ослаблением Персидского царства и примером успеха египетских восстаний, побудили их к попытке отказаться от роли опоры персидского морского могущества, забыв, что этим самым они оказывают услугу общим врагам — грекам. Эвагор на Кипре боролся не только против великого царя, но и против финикийских элементов острова; мало того, он даже одно время владел Тиром, а Эвагор II после катастрофы Сидона оказался сейчас же, как старается доказать Бабелон на основании Диод. XVI, 46, налицо, чтобы воспользоваться ее плодами. Так сидоняне заплатили за филэллинство, происхождение которого для нас мало понятно, но которое быстро приобретало себе симпатии на финикийском побережье, и в настоящее время оказывающемся наиболее восприимчивым к западной культуре. В Афинах появляется сидонская колония, оставившая нам надписи на греческом и финикийском языках, начиная с конца V в.; одна из них даже заключает в себе, кроме того, греческие гекзаметры, объясняющие изображение льва на могильном памятнике — покойного хотело восхитить чудовище ἐχθρολέων, но друзья ἱερᾶς ἀπὸ νηὸς ἰόντες спасли его, соорудив ему гробницу, в которой он и почивает, Φοινίκην λιπὼν и т. п. Около 380 г. афиняне даже заключили наследственную проксению с сидонским царем Стратоном, и документ этого акта до нас дошел (С. I. А. I. 86): сидоняне, поселившиеся в Афинах, были изъяты от налога, взимавшегося с иностранцев, и от других повинностей. Дионисий Галикарнасский упоминает о речи Динарха, касавшейся тяжбы Фалера с финикийской колонией по поводу жречества Посидона и т. п. Таким образом, эллинизация Финикии началась еще до Александа и, вероятно, была обусловлена точками соприкосновения в национальных и политических чертах финикиян и греков. Феопомп дает нам следующее описание одного сидонского царя, которого он называет Стратоном: «то, что Гомер повествует о занятиях феаков, проводивших время в празднествах, попойках и за слушанием кифародов и певцов, это же делал и Стратон, постоянно в течение продолжительного времени. Но он еще в большей степени, чем они, был склонен к удовольствиям: те, как говорит Гомер, устраивали попойки с собственными женами и дочерьми, а Стратон проводил время с флейтщицами, арфистками и кифаристками. Он выписывал многочисленных гетер из Пелопоннеса, многих музыкантш из Ионии, других девиц из всей Эллады, как певиц, так и танцовщиц. С друзьями он устраивал их состязания и проводил все время с ними, ибо любил такой образ жизни и по природе был рабом наслаждений, в чем соперничал с Никоклом. Они до крайности соперничали друг с другом, и каждый из них стремился превзойти другого в умении сделать жизнь приятнее и беззаботнее. Мы слышали, что они дошли до такого соревнования, что расспрашивали у приезжих об убранстве домов, об обстановке жертвоприношений, наблюдаемых у другого, и старались превзойти в этом отношении друг друга. Они напрягали усилия казаться счастливыми и весьма блаженными, но не пользовались благополучием до самого конца жизни, а оба погибли насильственной смертью».

Таким образом, эллинизм шел и снизу — путем торговых сношений и факторий, и сверху — благодаря дворам, вкусившим прелесть другой стороны греческого влияния и подражавшим соседним кипрским греческим владетелям. «Стратон» — греческая передача финикийского Абдастарт, Бодастарт и т. п. Описанный Феопомпом был современником Никокла, вступившего на саламинский престол в 374-3 г., после убиения своего отца Эвагора. Таким образом, он, вероятно, тожественен со Стратоном филэллином, заключившим с афинянами проксению. Иероним говорит о царе Стратоне, восставшем против персов и поколебавшемся в решительную минуту; его убила жена, затем покончившая с собою. Если мы вспомним, что на это время падают походы египетских фараонов и покорение Тахом в 362 г. Финикии, то, может быть, со-

гласимся, что Стратон был предшественником Тенна и, подобно тому, союзником египетского фараона в войне с персами. Что цари, подобные ему, не могли рассчитывать на успех, понятно само собою. Заметим еще, что, вероятно, от этого же Стратона имеется финикийская надпись на Делосе, где он назван Абдастартом.

Дальнейшая участь Сидона нам известна. Каким образом он снова получил собственного царя Стратона, и какого происхождения этот царь, мы не знаем. Кажется, он не стоял в связи с династией, был ставленником персов, держался их стороны во время Александрова нашествия, в то время как граждане охотно передались македонянам. Абдалоним, поставленный Ефестионом, выставляется как потомок древней династии. Сидон и теперь остался верен себе, дав Александру помощь для осады своего соперника *Тира* — разгром последнего снова дал ему возможность оправиться. Но что заставило тирян оказывать такое безнадежное сопротивление Александру? Конечно, не верность персидской монархии, конец которой был для всех очевиден. Вероятно, тиряне были уверены в своей неприступности, о которую разбились все попытки ассирийских царей и даже Навуходоносора: они не могли позволить себе допустить завоевателя в свой островной храм и тем признать себя покоренными. На этот раз они ошиблись: несмотря на отчаянное сопротивление, Тир впервые был взят. Остальные города, как известно, еще раньше добровольно покорились Александру.

Кроме Сидона и Тира, в персидское время некоторым значением пользовался *Арад*, имевший свой квартал в городе Триполе, где представители трех городов собирались на синедрий (кроме Диодора, см. псевдо-Скилака, 104), и выставлявший свой контингент флота под начальством собственного царя. О нем часто придется слышать и в эллинистическое время, когда его значение еще более выросло, но пока мы от него имеем только интересный барельеф с надписью, найденный в его пригороде Марафе (Амрит). Здесь изображен бог в египетском царском наряде, с палицей в одной руке, со львом в другой; он стоит на льве, который, в свою очередь, помещен на двух горах; над изображением — солнце, луна и египетский крылатый диск. Трудно найти что-либо более характерное финикийское по смешению разнородных элементов: египетское одеяние, тип вавилонского Гильгамеша со львом в руке, хеттское представление о богах на животных и мировых горах. Надпись дает текст посвящения в благодарность богу Шадрапа, которого должна изображать фигура и который у греков транскрибируется, как Σατράπης.

Мало слышно о *Библе* в персидское время. Он не играл никакой политической роли, хотя и имел своих царей; так, мы знаем, что во время Александрова нашествия здесь царствовал Э н и и л. От другого царя персидского времени до нас дошла большая надпись, найденная в 1869 г. и представляющая один из наиболее крупных памятников финикийской эпиграфики. Царь Библа Я х у - м е л е к изобразил себя в персидском одеянии пред местной богиней, знаменитой Баалат-Гебал, представленной, как всегда, в виде египетской Хатор. Под этим начертано 15 строк надписи:

«Я Яху-мелек, царь Гебала (Библа), сын Яхар (?)-Ваала, внук Ор-мелека, царя Библа, поставленный владычицей Баалат -Гебал в цари Библа. Я величаю мою владычицу Баалат-Гебал, ибо она услышала глас мой. Я соорудил для нее этот жертвенник из бронзы, стоящий на этом дворе, и эту резьбу из золота, что против этого камня с надписью (?) и золотой (?)... и эту залу с колоннами, и ее колонны, и капители, и архитравы сделал я, Яху-мелек, для моей владычицы Баалат-Гебал, ибо когда я взывал к ней, она слушала мой голос и являла мне милость. Да благословит Баалат-Гебал Яху-мелека, царя Библа, и да даст ему жизнь, да продлит дни его и годы его (царствования) над Библом, ибо он — законный царь. Да даст она ему милость в глазах богов и в глазах народа этой страны и благословение пред народом до века. Если какой-либо царь или человек захочет еще что-либо соорудить для этого жертвенника... и этой колоннады, то я, Яху-мелек, царь Библа, налагаю заклятие: ты не должен помещать своего имени рядом с моим... да истребит владычица Баалат-Гебал его вместе с его потомством».

Хотя надпись имеет чисто религиозный строительный характер и была бы более полезна для истории культа и архитектуры, если бы различные термины не возбуждали сомнений, тем не менее она дает интересные сведения и для историка. Мы узнаем имена царей, видим их наряд, слышим из уст их желание найти благоволение у народа — все это ново и характерно для Финикии. Нельзя забывать, что в это время уже существовал здесь обычай собираться на синедрий, и что в Триполь царь являлся в сопровождении 100 знатнейших граждан. Кроме того и эллинская полития пробивала себе путь на восток, найдя первый этап в Финикии с ее исконным городским устройством.

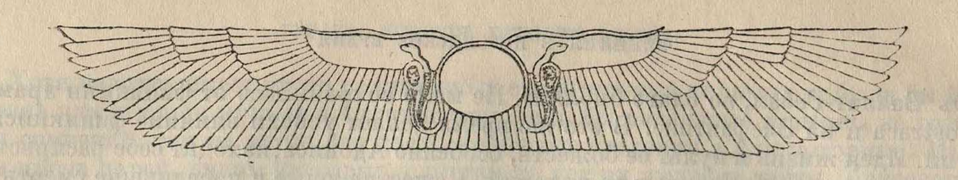
Существовала большая финикийская область, где греческий и семитический элементы уже давно существовали бок-о-бок и боролись за преобладание. Псевдо-Скилак в таком виде представляет деление *Кипра* около половины IV в.: «Саламин — греческий город с закрытым, удобным для зимовки портом, Карпасия, Кериния, Лапиф — финикийские, Солы (также с гаванью, удобной для зимовки), Марий — греческие, Амафунт — туземный... Есть еще внутри острова и другие варварские города»... Здесь не упомянут самый главный оплот финикийского элемента — Китий или кипрский Карфаген, давший нам много надписей и монет персидского времени. Надписи царей этого города в греко-персидское время — почти исключительно строительного и посвятительного характера, подобные библской. В V в. современником греко-персидских войн был Ваалмелек I; в 449 г. Кимон овладел Китием, но греки не удержались здесь, и сын этого царя Азваал даже овладел Идалием; с этих пор его преемники носят титул царей Кития и Идалия, под их властью находился Тамасс; имена почти всех царей нам известны (Ваалмелек II — 400, Ваалрам — 392, Мелекъятон — 361, Пумиатон — 312); от них имеются и многочисленные надписи. Династия тирского происхождения проникла даже в центр греческого Кипра — Саламин, где во время греко-персидских войн сидели греческие цари (Герод., V, 104). Это произошло не без влияния персов, и Диодор таким образом рассказывает о перевороте, произведенном на Кипре Эвагором: «Эвагор саламинский, из весьма знатного рода, потомок основателей города, изгнанный раньше во время смут, вернувшись с немногочисленными людьми, изгнал царствовавшего в городе тирянина Авдимона, друга персов; он сам захватил город и сперва воцарился в Саламине... а затем, достав много денег и войск, предпринял присоединение целого острова. Овладев некоторыми городами силой, а некоторыми — убеждением, он скоро захватил гегемонию над остальными. Но жители Амафунта, Соль и Кития, удерживаясь от войны, отправили послов к Артаксерксу просить помощи, и обвиняли Эвагора в том, что он убил царя Агира (?), союзника персов, и обещали помочь царю в возвращении острова»... (Диод. XIV, 98). Артаксеркс принял близко к сердцу это известие, и мы знаем дальнейший ход войны, во время которой Эвагору даже удалось на время овладеть Тиром. Мир был заключен в 379 г. Эвагор удержал один Саламин, в котором таким образом уцелела греческая династия. — Кроме Кития и Идалия, финикийские цари сидели еще в Лапифе, откуда также дошли монеты и надпись; последние относятся к более позднему времени.

Финикиян можно было встретить везде, и везде они оставили следы, напр., в Египте, куда они ездили еще в глубокой древности и где до нас дошло не мало финикийских посвящений египетским богам и надписей в храмах. Так, например, некий Абдо из Арада, подобно многим другим своим землякам, начертал в абидосском храме свое имя с прибавкой: «я видел все примечательности храма»; другой, Герцафон, сделал посвятительную надпись на бронзовой статуэтке Исиды с Гором, называя богиню Астартой, третий на подножии статуэтки Харпократа начертал свою длинную генеалогию, заключающую в себе и египетские имена и т. д. Не забывали финикияне и богов, оставленных дома. Так, община библян в Египте купила по случаю жертвенник с надписью фараона Шешонка, отправила его на родину в честь своей богини, снабдив надписью: «это воздвиг Абибал, переводчик общины библян в Египте,

в честь Баалат-Гебал, во благо библян». Не мало сохранилось от финикиян арамейских ostraca и на Элефантине. В это же время делает успехи влияние финикийской религии. Идея жизни и культ ее божеств, особенно Адониса, находит себе распространение за пределами Финикии и ее колоний. Божества юные и победившие смерть сопоставляются; их мистерии проникают в такие центры, как Афины, Александрия и т. п.

Таким образом, уже в персидское время сближение рас сделало огромные успехи. С одной стороны, распространялись иудейская диаспора и финикийская колонизация, с другой стороны, греческий элемент проник в области древне-восточной культуры, вступив во взаимообщение, не только внешнее — торговое и военное, но и во внутреннее — культурное. Но еще оба мира были политически обособлены: полное ознакомление и взаимное проникновение могло стать возможным только тогда, когда «эллины» и «варвары» вместе войдут целиком в состав единого государства. Попытки персидских царей не имели в этом отношении полного успеха, и за исполнение великой задачи взялся потомок вассалов Ахеменидов, великий македонский завоеватель.

Финикийские *надписи* изданы в Corpus inscriptionum Semiticarum I; находимые потом и в настоящее время см. у Lidzbarski, Ephemeris für Semitische Epigraphik. Его же удобное справочное пособие Altsemitische Texte, I. Landau, Beiträge zur Altertumskunde des Orients. Его же, Vorläufige Nachrichten über die im Eshmuntempel bei Sidon gefundenen phönizischen Altertümer (Mitteil. d. Vorderasiatischen Gesellschaft IX и X). Reinach — Hamdy-Bey, Une Necropol royale à Sidon. Dussaud, La chronologie des rois de Sidon (Revue archéol., 1905). Babelon, Les monnaies des rois de Sidon (Bull. de Correspond. Hellénique XV). Его же, Les monnaies de Perses Achéménides. P., 1893.



ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

ДРЕВНЕ-ВОСТОЧНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

АЛЕКСАНДР И ЭЛЛИНИЗМ

Саламин и Платея были пределом персидских завоеваний и доказали, что осуществить идею всемирной монархии персы не в силах. Им пришлось в дальнейшем удовольствоваться фикцией этого дорогого для восточных царей мировладычества, считая себя сюзеренами Карфагена и имея влиятельный голос в делах Эллады. Полного объединения не произошло, и Греция после освободительных войн пошла небывало быстрым путем к культурному величию. Выработанная новая европейская цивилизация, казалось, еще более отдалила Запад от Востока, особенно когда культурный центр последнего — Вавилон пришел в упадок и был отрезан от Средиземного моря. Но политическая жизнь вызвала новые или расширила прежние формы взаимодействий; персидская политика и греческое наемничество перетасовывали нации; Египет и Финикия, не говоря уже о Малой Азии, продолжали еще в большей мере, чем прежде, исполнять роль связующих звеньев между двумя мирами. Мы видели успехи эллинизма в Финикии, присутствовали при появлении у самых берегов ее крупного эллинистического царства Эвагора; с другой стороны, в Малой Азии подобным же эллинистическим государем хотел быть Кир Младший, и кто знает, какой бы характер получила дальнейшая персидская история, если бы ему удалось сесть на престол Ахеменидов? Однако, при всем том, мы видели, что для огромного большинства персов и для персидского правительства величие греческой культуры осталось непонятым; они смотрели на Элладу с точки зрения ее политического ничтожества; равным образом и в Греции оценивали персов, как варваров по преимуществу, как исконных врагов эллинской свободы, и долго не могли понять хороших сторон сильной центральной власти, освященной религией и историей. Иначе думали лишь немногие, напр., Ксенофонт, выставляющий в Киропедии идеалом государственного устройства монархию Кира Старшего, а в Иероне даже осмеливающийся говорить в пользу тираний. И это тем более замечательно, что Ксенофонт лучше своих соотечественников знал Восток и мог по опыту убедиться в слабости и расстройстве персидской монархии. Очевидно, даже это расстройство представлялось для него предпочтительнее греческого неустройства, препятствующего эллинам играть политическую роль, соответствующую культурной. События конца V и начала IV в., закончившиеся Анталкидовым миром, в связи с внутренними неурядицами, имели значение в смысле пропаганды в Греции объединительных и монархических идей. Персидский царь, несмотря на доказанную слабость, распоряжается греческими делами,

пользуясь соперничеством греческих городов и опираясь на греческих наемников; афиняне, бывшие освободителями Эллады, — на службе у царя содействуют порабощению своих же братьев; другие греки сражаются в Египте за новое покорение дружественного народа; в результате — новое усиление Персидского царства и подчинение ему части эллинского мира. Сколь различны были бы результаты, если бы все эти силы были объединены и затрачены на пользу и славу Греции! Общенациональная политика начинает рисоваться в воображении некоторых видных представителей греческой мысли, и особенно ярко выразилась она в деятельности Горгия леонтинского, не упускавшего случая для произнесения пламенных речей о необходимости общенациональной борьбы с варварами. Но твердая и последовательная внешняя политика едва ли возможна при крайней и выродившейся демократии; разнородность греческих конституций, борьба партий не могли дать материала для обще-эллинской политики. И вот, оратор Исократ, последователь идей Горгия, приходит к убеждению, что объединить греков для борьбы с исконным врагом может только монархия. Потерпев неудачу в надежде на Ясона ферского, Дионисия сиракузского и Архидама спартанского, он обратил взор на Македонию и в обращенном к ее царю Филиппу трактате «Филипп» изложил свою политическую программу: «объединение Греции под гегемонией македонского царя, завоевание Персидского царства, лишенного союзников в Греции, основание в Малой Азии колоний для тех, кто из нужды идет в наемники. Мы знаем, что Филипп успел осуществить первую половину этой программы, и уже начал исполнение второй части, когда насильственная смерть помешала довести ее до конца. Действительно, в то время только македонские цари могли взять на себя эту роль. Донеся до IV в. патриархальное царское достоинство, не только не умаленное республиканскими конституциями, но и усиленное вследствие постоянных войн, представляя, таким образом, сильную власть над большим государством и в ореоле божественного происхождения, они в то же время относились с величайшим почтением к греческой культуре. Притом современные представители македонской династии были незаурядными личностями; призыв патриотов всеэллинства как нельзя более соответствовал их личным склонностям. Нельзя упускать из вида и того обстоятельства, что Македония некогда входила в состав Персидской империи: для македонских почти абсолютных ираклидов был более понятен, а может быть и являлся идеалом образ восточного мировладыки, своего сюзерена. Во всяком случае, едва ли следует монархию Александра выводить из политических идей его учителя Аристотеля, который хотя и считал идеальную монархию наилучшим способом правления, но сам был уверен в ее неосуществимости, и который никак не мог освободиться от презрительного отношения в варварам. Александр перерос своего учителя; возможно, что он вообще не нуждался в его политической указке.

Древне-восточный мир, объединенный в Персидском царстве, пал под ударом объединенной Эллады и ее усовершенствованной военной тактики. Но он сумел победить своего завоевателя другим оружием. Культура тысячелетий с ее политическими и религиозными идеями немедленно стала оказывать могущественное влияние на Александра, склонного к этим воздействиям уже по династическим и личным причинам. Он еще не достиг своей конечной цели, успел пройти лишь часть Персидского царства, как уже в ливийском оазе его объявили сыном Амона, следовательно богом. Государь Египта не мог быть иным, кроме сына Амона, и даже персидские цари считались в Египте богами, как впоследствии Птолемеи и римские императоры, а потому со стороны жрецов Амонова храма это было не лесть, а простое констатирование факта, как они его представляли во все продолжение трехтысячелетней истории, несмотря на смены династий и чужеземные владычества. И рассказы Птолемея и псевдо-Каллисфена у Диодора и Страбона об этом событии своими подробностями переносят нас к столь известным храмовым египетским текстам и изображениям и не оставляют никакого сомнения как в своей подлинности, так и в чисто египетском характере фараоновского божества Александра. Мы не знаем, произошло ли это неожиданно

для него, или он был осведомлен о прерогативах, связанных с египетским престолом, во всяком случае, последствия показали, что эти прерогативы соответствовали его целям и оказались весьма полезны для насаждения нового типа монархии. С этой стороны важно, что сыном Амона, т. е. фараоном Александр был объявлен не в заброшенных, далеких и захудалых Фивах, а в святилище того же божества, но близком к эллинскому и семитическому миру и почитавшемся греками и азиатами; если для египтян сын Амона был лишь синонимом фараона, то для греков и азиатов это было освящением монархического принципа божественною санкцией и вознесением его носителя на высоту, по крайней мере, не меньшую, чем та, на которой стояли владыки Вавилона, Ассирии и Персии, не приписывавшие себе божественного происхождения, а считавшиеся лишь земными подобиями и наместниками божеств. Итак, Египет с первых же шагов Александра присвоил его себе и сообщил свой характер его монархии. Как некогда Камбиза хотели сделать истинно законным фараоном и египтянином, и через него Египет обладателем половины вселенной, так и теперь порабощенный народ постарался утешиться, объявив мирового завоевателя своим. Всем известны псевдо-каллисфеновские росказни об отношениях последнего фараона Нектанеба, известного волхва, принявшего образ Амона, к матери Александра Олимпиаде, а также пророчества Нектанеба относительно явления после него в Египте царя, владыки мира, при котором Египет снова будет «любоначальствовать». Александра, по роману псевдо-Каллисфена, египтяне, будучи побеждены, просят пощадить «свою родину» и восклицают: «снова будет властвовать Египет». Но если египтяне утешились, то и для Александра новая роль была чрезвычайно кстати. Он обращается к своему «отцу» с вопросом, даст ли он ему владычество над вселенной? Оракул дал свой обычный ответ, читаемый нами бесчисленное количество раз на стенах египетских храмов: «я покорю тебе все страны и повергну все иноземные области под ноги твои»... Итак, новая монархия обязана своим возникновением не столько греко-македонскому оружию, сколько божественному велению. Не даром македонские войска впоследствии, в обиде на Александра, предлагали ему распустить их и вести войны вместе со своим «отцом». Таким образом, ливийский храм дал Александру положение, в необходимости которого ему пришлось вскоре убедиться. Он сделал его восточным монархом, законным наследником восточных владык. Преемники его могли только переносить на себя эти прерогативы. Таким образом, первым шагом завоевательного эллинизма было превращение греко-македонской монархии в восточную. Мы знаем, что через 300 лет, опять-таки благодаря Египту, идея эллинистической восточной монархии весьма пригодилась римским императорам, а через них, еще раз на восточной почве — византийским, а затем уже и европейским.

Итак, первая победа Востока над эллинством была одержана в Египте, и победа решительная, положившая грань между Александром и его сподвижниками. Мы знаем, какую роль играло в его отношениях к грекам и македонянам требование апофеоза и поклонения при жизни. В Азии было также достаточно сил для воздействия на Александра. Подобно всем восточным завоевателям, удостоверяет он свое владычество жертвоприношениями в главных храмах, т. е. вступает в права местных царей, находящихся в непосредственных отношениях к божествам. Покорение Персии немедленно превратило его в персидского царя, в наследника вавилонских царей и Ахеменидов с их притязаниями на универсальное господство. Мы видим его покоряющим Индию, слышим о посольствах европейских скифов, карфагенян, эфиопов, этрусков и римлян и о приготовлениях Александра к фактическому их подчинению. Наконец, видим его столицей Вавилон, этот униженный культурный центр древнего мира. Таким образом, новая универсальная монархия избирает себе резиденцией страну, где родилась идея мировладычества и где она была освящена религией и культурой. Александр и здесь немедленно возобновил традиции вавилонских царей и еще до вступления в город приказал возобновить разрушенные Ксерксом знаменитые храмы Эсагилу и Эзиду; возможно, что он имел в виду короноваться вавилонским царем.

Отсюда для нас будет вполне понятно, что на него были перенесены черты Гильгамеша, как на виновника новой эры, и что он, как «двурогий» в легендах и изображениях, получил аттрибуты вавилонских божеств. Многие черты эпоса Гильгамеша легли в основу тех «Александрий», которые составляют непременную принадлежность всех литератур Востока и Запада, начиная с псевдо-Каллисфена и коптского романа об Александре и кончая русскими хронографами и западно-европейскими сказаниями. Если верить Иосифу Флавию, то и с иудеями Александр поладил, и те произвели на него впечатление, результатом которого были разного рода льготы и в Палестине, и в Египте, особенно во вновь основанной Александрии. Теперь, как и во времена Кира, иудейская нация сумела войти в доверие нового владыки Азии.

Дело Александра было грандиозно по задачам и последствиям, и сам он, соединяя в себе редко соединяемые качества великого полководца и гениального политика, вполне соответствовал роли объединителя двух миров. Мероприятия его во время самих походов и после их окончания, несмотря на краткость времени, заполненного походами и лишениями, поражают планомерностью, всесторонностью и широтою, оставившею далеко позади и персидских царей-практиков и греческих мыслителей-утопистов. Египетское божественное царское достоинство дало ему непререкаемую авторитетность для проведения его планов, персидские сокровища — материальные средства, эллинская культура и восточная наука — духовные. Опыт Персидского царства доказал ему необходимость более тесного слияния народностей, что было неизбежно и для целей управления огромным государством, для которого не могло быть достаточно македонян и греческих войск. Александр начинает с попыток сближения македонян с персами в качестве двух господствующих народностей, подобно тому, как некогда произошло слияние мидян и персов. Первым шагом было поощрение взаимных браков, брак самого Александра на Роксане и дочери Дария Сатире — это сделало его Ахеменидом; затем следовало включение персов в македонские полки, даже в агему — наиболее почетную часть конницы, и, что уже не удалось осуществить, — в фалангу. Известно, что эти неслыханные новшества вызвали открытое восстание солдат у Описа, и что Александр вышел победителем, так как дело окончилось празднеством братания между македонянами и персами и примирения царя с войском. Последнее превратилось в слепое орудие царской воли, и Александр мог спокойно проводить свои дальнейшие мероприятия. Не без внешнего давления, или, по крайне мере, страха пред могуществом царя, в той или иной, иногда даже саркастической (Спарта) форме, признавали города Эллады божественность Александра, и тем самым шли в подчинение тому же восточному монархизму, против которого славно или бесславно боролись полтора столетия; теперь, покорив Персидское царство, они сами оказались под властью нового персидского царя, да еще с прибавкой фараоновского апофеоза. Уже это было началом превращения гражданства в подданство. Александр, употребляя все усилия для распространения в своем царстве греческой культуры, в то же время неуклонно шел к стеснению греческой свободы, несовместимой с идеей мировой монархии на восточных началах. Его указы о возвращении изгнанников, стеснения деятельности Коринфского союза, покровительство тираннам и помещение гарнизонов были несомненно предвестниками еще более решительных мер, которые были намечены Александром для проведения единства в ущерб свободе. Исполнение этих мероприятий судьба отсрочила до римского владычества. Неизбежное последствие возвышения государя над подданными—нивеллировка последних, конечно, должно было наиболее невыгодно отразиться на греках. Чтобы достичь этой нивеллировки и теснее сблизить народности, Александр проектировал даже переселения, перетасовки и колонизации в больших размерах (Диод. 13, 44 — переселения из Азии в Европу и обратно); как на начало осуществления этого плана, можно указать на основание во всех странах необъятного царства греческих городов, носивших имя Александрий.

Эти мероприятия имели в виду не только большую сплоченность государства, но и культурные цели. Мировое государство должно быть культурным, и главным элементом этой общей культуры должно быть эллинство. Роль государя указывалась и древне-восточными традициями, и греческими мыслителями. Первые, с царем-богом или подобием — наместником божества, налагали на правителя обязанность быть провидением для подданных (см., напр., политическое исповедание, влагаемое в уста Рамсеса III, изречения Навуходоносора или разностороннюю культурную деятельность лучших персидских царей), последние в киническом философском космополитизме дали идеал этического монархизма, носитель которого уподобляется Ираклу и даже Зевсу в заботах о подданных, в проявлении «человеколюбия» и получает имя «распорядителя и умиротворителя вселенной». И мы действительно видим, что и те и другие идеалы были с поразительной интенсивностью осуществляемы Александром. Он заботится об экономическом благосостоянии государства и, в этих видах, об упорядочении старых и открытии новых путей сообщения. Здесь он примыкал к Ахеменидам, значительно превзойдя их. Завоевания его были в то же время географическими открытиями и вызывали их; интерес, как его лично, так и его современников, в этом направлении был чрезвычайно велик, и он в особенности здесь показал себя учеником Аристотеля. В истории землеведения началась новая эпоха; греки лично познакомились с областями, о которых до тех пор ходили легенды или случайные сведения, их представления о вселенной радикально изменились и открылись пути для дальнейшего ознакомления. Александр сам плавает по Инду до его впадения в море; по его повелению Неарх исследует берега Индийского океана для изучения морского пути из Индии в Персию, а затем начинается и продолжение этого предприятия — плаванье вокруг берегов Аравийского полуострова; в 323 г. Ираклит посылается в Ирканию для исследования Каспийского моря, для решения вопроса о соединении его с океаном; предприятие это, отложенное за смертью Александра, исполнено только при Селевке. Эти экспедиции, кроме географического и экономического интереса, имели и политический — Александр искал естественных границ своего царства. Параллельно с этим положено начало статистике в виде официальных документов относительно расстояний различных местностей, маршрутов и т. п., как в интересах военных, так и научных и торговых. На места посылались комиссии для измерений, описаний и т. п.; документы помещались в архиве царской резиденции; поощрялись и занятия чистой наукой, напр., Аристотелю была ассигнована значительная сумма на различные изыскания. Вновь открытые для греков миры давали в этом отношении неисчерпаемый материал, в связи с накопленными сведениями с глубокой древности на самом Востоке.

Необычайно ранняя смерть Александра при самых неблагоприятных для только что возникшей мировой империи условиях и последовавшие затем смуты были причиной крушения многих его планов и воспрепятствовали развитию и укреплению всемирной монархии. Она распалась, и даже римское владычество не могло вновь собрать ее в полном виде. Но греческий элемент удержался и распространялся на Восток, влияя на туземные культуры и, в свою очередь, подвергаясь их могущественному влиянию. Этот так наз. эллинизм обусловил дальнейшее развитие иудейства, как в Палестине, так и в диаспоре; он был почвой для христианства и создал Византию.

Древний Восток давно привык к смешению рас и к иноземным владычествам. Родина идеи универсальной монархии видела не раз мировых завоевателей, пережила несколько попыток осуществления этой идеи, и эллинистическое мировое государство было только ее новым проявлением. Идея равенства и братства народов, как бы она ни была противна на первый взгляд восточному миросозерцанию, не была чем-то неслыханным; стоило Египту XVIII дин. выйти из тесных границ, расширить свой географический кругозор, сделаться на короткое время завоевательной державой, а затем подняться до идеи единого бога, отца всех людей, как последние перестали делиться на враждебные Египту племена, и мы видим даже космополитические увле-

чения в долине Нила. Правда, саисская эпоха осудила этот универсализм, но она же была свидетельницей небывалого наплыва иностранцев всякого рода и истинной предшественницей эллинизма. Вавилон был местом постоянного смешения языков, пользовавшихся одинаковым юридическим правом с господствующим населением. И еврейство долго не было исключительным; даже после плена и обязательного введения закона, обособить иудеев в замкнутую общину оказалось делом нелегким и потребовало серьезных усилий. Поэтому Восток не мог принципиально отвернуться от нового порядка вещей, тем более, что он был уже к нему достаточно подготовлен в течение предшествующих 200 лет. И действительно, на первый взгляд кажется, что эллинизм принят без протеста и недовольства, равно как и носители его, казалось, скоро вошли в свою роль. Селевкиды усиленно основывают в своем царстве, заключавшем в себе не мало туземных городских общин, греческие города. Греческие царства появляются в Бактрии, у самых границ Индии; филэллинами величают себя парфянские цари и ставят у себя при дворе греческие трагедии, греками стараются быть иудейские первосвященники. Цари далекого Аксума «не чужды греческой образованности», в Армении появляются греческие надписи и находят ценителей греческие трагики. Целый ряд писателей туземцев обогащает греческую литературу интереснейшими трудами исторического и научного содержания; все народы Востока стали выставлять деятелей этого рода почти тотчас же за водворением относительного спокойствия после смут переходного времени. Берос и Манефон были первыми плодами этого сближения; за ними последовали авторы Маккавейских книг, также взявшие за исходный пункт завоевания Александра, писатели «Премудростей» и других многочисленных продуктов позднейшей библейской письменности, Филон Иудей, Иосиф Флавий, Филон библский и мн. др. А перевод библии на греческий язык и неподражаемый по простоте и силе греческий язык нового завета! Литературное общение, несомненно, наиболее плодотворно и ведет к великим культурным последствиям. Религия, провозгласившая «несть эллин, ни иудей», пользовавшаяся греческим языком, но вышедшая от иудеев, имела своими предшественниками и те своеобразные и интересные библейские писания, в которых высказываются чисто универсалистические идеи и которые представляются написанными как бы в полемику с исключительностью реформ Ездры и Неемии, — мы имеем в виду такие книги, как Иона и Руфь, происхождение которых с наибольшею вероятностью возводится к началу эллинистического периода и является лучшим доказательством благотворного воздействия новых условий на расширение этического кругозора иудеев. Влияние греческой эмпирической науки, греческой философии и греческого искусства можно проследить до крайних пределов восточного мира и найти его следы там, где можно было менее всего ожидать их. Везде эллинская культура, стоящая в колее малоазиатской, ионийской традиции, приспособляясь к местным условиям, дает толчок к новому богатому по последствиям культурному развитию, влияние которого сказывается еще и в наше время.

Но нельзя забывать и обратной стороны — могущественного воздействия Востока на Запад. Восточные политические формы уже с первых шагов, как мы видели, одержали верх над греческими. Дальнейшие завоевания принадлежат восточным религиям. И здесь это было продолжением давно начавшегося процесса, выразившегося в появлении греческих мистерий, почитании греками египетских и малоазийских божеств и т. п. Теперь египетские и семитические культы, халдейские прорицания, религия Митры распространяются по всему протяжению классического мира, заходя на Британские острова и на берега Дуная и Черного моря; следом за ними идет иудейство, приготовляя путь христианству, а затем обусловливая появление причудливых форм гностицизма. Но и у себя дома восточные религии нашли в западных пришельцах не менее ревностных почитателей, чем туземцы. Какое огромное влияние должно было это иметь на миросозерцание Запада, понятно само собою и доказано историей последних веков древнего мира. И греческая поздняя философия, особенно неоплатонизм, не осталась без влияния восточных представлений. Влияние Востока

сказалось в искусстве и в науке, черпавших из богатого запаса тысячелетних культур. Многое в искусстве поздне-античном и византийском объясняется не одним упадком художественного творчества. «Если мы захотим найти причины выступающих тогда отрицаний природы, победы символа и содержания над формой, духа над телом, рода над личностью, должны будем усмотреть в этом могущественное воздействие более древней культуры Востока и его миросозерцания, вызвавших этот кажущийся упадок искусства на Западе» (Herzfeld).

Таким образом, если говорить об эллинизации Востока, то с таким же правом можно говорить и об ориентализации Запада. Притом эллинизация могла серьезно коснуться только верхних слоев, для которых был доступен греческий язык и которые были способны сделаться людьми двух культур, на народные массы она могла оказать только временное поверхностное влияние. Кроме того, если уже стихийно Восток воздействовал, то трудно допустить, чтобы тысячелетние культуры некогда могущественных государств не обусловили и сознательной реакции. Эта реакция действительно наступила скоро и имела ближайшим результатом территориальное уменьшение области, открытой и завоеванной Александром. Уже несколько лет спустя после смерти Александра Атропат основал в Мидии царство, названное его именем; ок. 316 г. Чандрагупта (гр. Сандракотт) прогнал из Индии греческие войска, затем не только отвоевал индийскую сатрапию Александра, но и перенес свое оружие в долину Ганга и основал государство, наиболее обширное из существовавших дотоле в Индии. Селевку пришлось заключить с ним мир и союз и согласиться на перенесение границы эллинистического мира к Гиндукушу. Правда, мирные сношения продолжались и выразились, например, в посольстве Мегасфена, составившего описание Индии, а затем Дионисия (Птолемеем II) — для торговых целей, но при втором преемнике Сандракотты — Асоке появляется и культурная реакция. Этот царь был ревностным проповедником буддизма; он распространял его не только в своем царстве, но и посылал миссионеров, если верить его надписям, к Антиоху II и Птолемею II. Один из царей греко-бактрийского царства, завоевания которого распространились и на часть Индии и на весь Пенджаб и Кабул, Менандр (165—130), сам обратился к буддизму, сделался под конец жизни монахом и достиг архота — высшей степени святости. Ему приписывался даже буддийский философский эпилог «Вопрошения Милинды». Его столица Сагала описывается как богатый торговый красивый город. После его смерти большое царство его распалось; греки исчезли с индийской почвы еще до конца I в. до н. э., оставив следы в науке и литературе (особенно астрономии), искусстве.

Уже в 302 г. Митридат, возводивший свой род к одному из семи сподвижников Дария I, основывает в Малой Азии могущественное Понтийское царство, а через год Ариараф — Каппадокийское. Таким образом, государство Селевка было урезано и с севера. Хотя эллинизм в этих местностях был силен, и цари — филэллины, все же нельзя не отметить скорого обнаружения персидской реакции. Впоследствии, как мы знаем, Понтийское царство, в лице Митридата VI Великого, взяло на себя руководство реакцией Востока против римского владычества и временно подчинило своему влиянию Южную Россию. Но еще более важным по последствиям было происшедшее полвека спустя (около 207 г.) возрождение Персидского царства в виде монархии парфянских Арсакидов, могущество которых развивалось прямо пропорционально прогрессу падения и разложения государства Селевкидов. Хотя Арсакиды и называли себя филэллинами и уважали греческие города, даже впоследствии из Гектомпила переехали в соседний с Селевкией Ктесифонт, но все это ограничивалось придворными сферами, и для эллинизма по ту сторону Тигра с их появлением настал конец, особенно после того, как в Элимаиде появились туземные правители, а греко-бактрийское царство было разрушено при содействии парфян. Культурный мир снова оказался разделенным на две враждебные части. Восток нашел свое возрождение, и попытки римлян подчинить его не имели успеха: поражение Красса при Каррах

(Харране) было отплатой за Саламин и Гавгамеллу, а обширные приготовления Цезаря к завоевательному походу на парфян имели такую же судьбу, как и замыслы Александра о покорении Запада: он умер, и мир остался разделенным навсегда, так как в 226 г. н. э. Парфянское царство заменилось новоперсидским царством Сасанидов, считавшим себя продолжением ахеменидовской монархии и относившимся к Западу еще более отрицательно, чем Арсакиды. Весьма возможно, что и религия Зороастра получила свое развитие и исключительность под влиянием реакции против Запада.

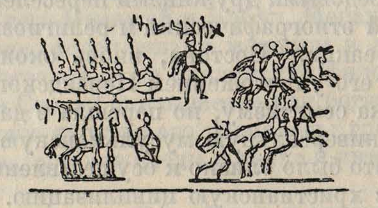
Таким образом, иранский элемент был потерян для царства, которое должно было явиться наследником Александровой монархии. Что касается семитов, то финикияне, уже и раньше вкусившие от греческой культуры, оставались верны ей и своему прошлому. У их соседей-иудеев — быстрые успехи эллинизма остановились, благодаря безумным мероприятиям Антиоха IV, желавшего предотвратить развал царства Селевкидов насильственной эллинизацией, не щадившей даже религиозной стороны. Его гонения вызвали жестокую реакцию, имевшую последствием основание царства Маккавеев, ограничение сферы эллинизма и даже выступление иудеев как самостоятельного элемента не только в Сирии, но и в Египте и Европе. В этом также нельзя не видеть реакции Востока. И семиты Вавилонии дали одно странное политическое образование — небольшое Хараксое царство в Южной Сузиане у устья Тигра и Евфрата, вероятно в конце III в. до н. э. Эллинизм, по крайней мере придворный, продолжал здесь существовать, но воскресали и старые традиции до клинообразных надписей и построек дворцов на месте древних центров включительно. Семитические царства появляются и в Месопотамии (Осроэна).

Наконец, оставалась нетронутой еще огромная прародина семитов — Аравия, которая теперь снова высылала свои орды на север. Перейдя в оседлое состояние, они дали несколько царств, в большей (Пальмира) или меньшей (Набатеи) степени эллинизованных. Был момент, когда Пальмира, правда именем Рима, сделалась империей Востока. Но за передовыми дружинами переселения последовали его главные силы, обусловившие новый этнографический и религиозный переворот под знаменем ислама. Эта последняя реакция Востока, вновь окончательно отторгшая Египет и Сирию и объединившая его уничтожением Персидского царства, не довольствовалась возвращением Востока семитизму, но перешла в дальнейшее наступление, имея в виду создать новую универсальную мусульманскую монархию, объединяющую в себе Восток и Запад. И это было близко к осуществлению, но отпор, оказанный Византией и франками, спас христианскую цивилизацию.

Классической страной эллинизма считают Египет. Действительно, здесь находился его культурный центр — Александрия, с библиотекой, музеем и всякого рода учеными учреждениями, которым так охотно покровительствовала просвещенная династия, с ее литературой и наукой, составляющими эпоху в истории цивилизации. Но Александрия собственно не считалась Египтом, даже в обычном словоупотреблении выделялась из него и противополагалась ему. Этот эллинистический, даже эллинский город по преимуществу не имел греческого самоуправления под царями македонянами, тогда как его старший брат Навкратис пользовался им при фараонах. Если мы обратимся к религии, то будем поражены как необыкновенной устойчивостью древне-египетских форм, так и тем обаянием, какое они оказывали на греков. Греческие переселенцы и колонисты фаюмских военных селений, как доказывают дошедшие от них папирусы, люди литературно образованные, также молятся египетским богам, а их потомки от смешанных браков, хотя и знают греческий язык, уже являются туземными патриотами. Реакция выразилась и в ряде восстаний против иноземного владычества и в попытках восстановить царство фараонов; они потом прекратились, может быть, отчасти потому, что и птолемеевская династия сама все более и более стала походить на фараонов, покровительствовать туземцам и иудеям. До самых последних времен демотический язык употреблялся в официальных сдел-

ках между туземцами и демотическая литература процветала еще при н. э. И при римских императорах храмы сохраняли свой египетский облик. Египет сохранил свою самобытность и в христианское время. Еще менее, конечно, поддались греческому влиянию южные страны — Эфиопия, а затем Аксум, хотя и там оно оставило следы; аксумские цари даже ставили греческие надписи, что и понятно при приморском положении их торгового государства; здесь при дворе эллинизм находил радушный прием. Новую силу греческий язык получил в Египте и Эфиопии с принятием христианства; уже самый факт этот указывал на принадлежность этих стран к западному миру, в противоположность персидскому, стоявшему под знаменем зороастризма.

Кроме Дройзена — Kaerst, Geschichte des Hellenistischen Zeitalters (1901). Maspero, Comment Alexandre devint dieu en Egypte (Annuaire de École prat. d. Haut. Études, 1907). Wiedemann в заметке, помещенной в III т. Orientalistische Literaturzeitung, указал на то, что Александр принял одно из имен Нектанеба II и тем как бы объявил себя его новым проявлением или законным преемником. Mahaffy, The progresse of Hellenism in Alexanders empire. Chicago, 1905. The silver age of Greek World. Chicago, 1906. М. И. Ростовцев, Эллинизм. Энц. словарь Брокгауза и Эфрона, т. 80. A. Weber, Die Griechen in Indien Sitzungsb. Берлинской академии. Cumont, Les religions orientales dans le paganisme Romain. Par., 1909. Kornemann, Aegyptische Einflusse im römischen Kaiserreich. Neue Jahrbücher für Klass. Altertum., 1899. М. И. Ростовцев, Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов. Научно-исторический журнал, I (1913).



ЕГИПЕТСКАЯ КУЛЬТУРА В ГРЕКО-РИМСКУЮ ЭПОХУ

Шесть с лишним веков, отделяющих последнего туземного фараона от христианских мучеников и подвижников Египта, в культурном отношении представляют некоторое единство, несмотря на различие политических судеб и экономических условий Нильской долины на протяжении этого времени. Политическая история Египта со времени Александра не может быть предметом нашего рассмотрения — ее делал не туземный элемент, она является частью общей мировой жизни Средиземноморья, объединенного культурно эллинизмом, а затем и политически Римом. Но туземная великая культура имела за это время свою поучительную историю; ее угасание, обусловленное встречей с эллинством, а также распространением новой религии, представляет глубокий интерес, равно как и последствия ее пребывания в новых условиях, бок-о-бок с эллинизмом, новой мировой культурой. В этом отношении особенной разницы между птолемеевским и римским временем не было: Египет и при римских императорах считался частью греческого мира; греческий язык продолжал в нем считаться официальным; латинский элемент всегда был весьма слаб; о культурном влиянии Рима на Египет едва ли может итти речь.

Огромное количество документов на египетском и греческом языках дает возможность представить картину внутренней политики правительства, экономических условий страны, положения ее населения несравненно более полно, чем для фараоновского Египта. Несомненно, многое может дать нам материал для суждения о последнем, так как едва ли можно сомневаться в том, что новые владыки долины Нила воспользовались формами, существовавшими до них. Но отделить египетское от македонского и греческого мы далеко не всегда в состоянии. Напр., придворные чины птолемеевскго времени, эти συγγενεῖς, πρῶτοι φίλοι и т. п., весьма напоминают древне-египетских «царских знакомых» и «семеров», василикограмматы могут быть сопоставляемы с древними «царскими писцами», но решительно отрицать македонское происхождение всего этого мы также не имеем права. — С большим правом можно говорить о воздействии древнего Египта на государственность и внутреннюю политику. Птолемеи, конечно, как владыки Египта, признавались богами, а следовательно, собственниками египетской земли и ее продуктов. Целый ряд налогов и повинностей, система обработки земли через «царских арендаторов» и т. п. также, вероятно, восходят к глубокой древности, фискальная политика Птолемеев была лишь более последовательна и меньше считалась с храмами и жрецами. Возможно, что и закон о пребывании населения в ἰδία — общине в видах исправного отправления повинностей также идет из фараоновского времени. И торговая политика Птолемеев, хотя и достигла, особенно благодаря Александрии, блестящего, может быть, небывалого дотоле развития, но в значительной мере шла по намеченным еще в древности путям,

*

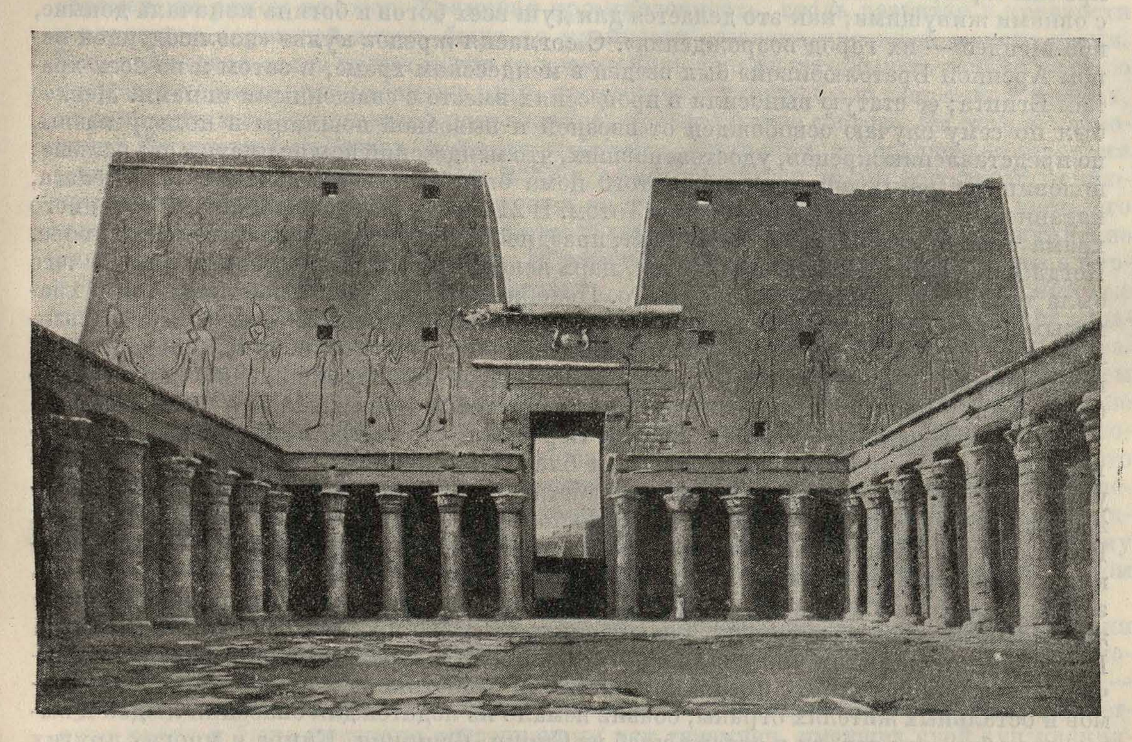
возобновив сношения с Суданом и экспедицией в Пунт. Обладание Киреной делало Египет соседом и соперником торгового Карфагена; отсюда ранние связи с Римом; азиатская политика и войны с Селевкидами также в значительной мере объясняются торговыми интересами, доходившими до Синопа на севере и до Адулиса на юге. Ряд гаваней появился на берегах Чермного моря; канал к нему от Нила соединил при Филадельфе его с Александрией.

Для Александра В., Филиппа Арридея, Александра II и первых Птолемеев египетские жрецы составили тронные имена по образцу бывших в употреблении при Рамсесе II и его преемниках: «Избранник Ра, любимец Амона» (Сотеп-ни-Ра-Миамон), «Радость сердца Ра, избранник Амона», «Могуч дух Ра, Миамон» (Усер-ка-Ра-Миамон). Уже от имени Александра производились постройки в Карнаке и Луксоре, о чем оставлены соответствующие надписи и изображения, напр., в восточном помещении у святого святых, выстроенном Тутмосом III; имя Филиппа Арридея читается в Ермополе и Карнаке, в последнем от его имени выстроена между прочим гранитная комната во втором зале летописей Тутмоса III. Она предназначена для хранения священной барки и на стенах ее неоднократно изображен Филипп в виде фараона. По годам Александра II датировали в Египте даже после смерти его, до 305 г. 7-м годом его (310) датирована интересная надпись, увековечивающая деяние Птолемея, еще «сатрапа», в пользу храма в Буто и известная под именем «стелы сатрапа». Мы уже имели случай говорить о ней, теперь приводим ее интересное начало:

«Его величество (Александр II) находился в Азии, как царь Египта и заграницы, когда муж, по имени Птолемей, сделался великим правителем Египта. Это был юноша, могучий руками, разумный советом, полководец, твердый сердцем, не поворачивающий тыла, поражающий врагов в битве... нет подобного ему ни в Египте, ни вне его. Он принес изображения богов, которые нашел в Азии, все принадлежности культа, все священные книги храмов Верхнего и Нижнего Египта, и вернул их на свои места. Резиденцию свою, именуемую «Постройка царя Верхнего и Нижнего Египта Александра», он устроил на берегу Греческого моря — прежнее имя ее «Ракот». Он собрал много греков с их конями и много кораблей с матросами, и пошел с войском в землю сирийцев. Сразились они с ним; он пленил их сразу, увел в Египет князей их, лошадей их, корабли их, драгоценности их. Затем он отправился в область Мермерийцев и пленил их в один час, увел толпы мужчин и женщин, богов их, в возмездие за то, что они сделали для Египта. Когда он достиг Египта, сердце его услаждалось тем, что он совершил»...

Далее следует уже известный нам рассказ о возвращении храму в Буто конфискованного еще Ксерксом участка земли; историческая часть служит только хвалебным введением, и она действительно не заботится об исторической точности; для египтянина было важно, что Птолемей вернул какие-то изображения и книги, похищенные персами во время погрома при Охе, и тем исполнил отчасти древние пророчества, а также что он наказал Кирену и пленил богов ее. Итак, Птолемей, еще не провозглашенный царем, уже вошел в роль фараона и стал в хорошие отношения к туземному духовенству. Эту политику продолжал и он, и его преемники, изображения которых в виде фараонов встречаются на стенах храмов и на стелах в огромном количестве. От Птолемея II дошло до нас две больших надписи весьма интересного содержания. В тексте, найденном в Пифоме, повествуется, после утверждения о божественном происхождении Филадельфа и длинных славословий в честь его, что в 6-й год своего царствования он отправился в Пифом, где в это время закончился постройкой храм Атума, заботился об его украшении, посетил затем находившийся вблизи другой храм Атума, сделал в него богатые пожертвования. Потом он отправился в «Персию» и возвратил оттуда еще остававшиеся там некогда унесенные изображения богов; они были с торжеством встречены в Пифоме; сюда же собрались жрецы различных храмов и получили их на руки. Через 6 лет царь опять посетил с Арсиноей «Братолюбивой» ироопольский ном, а в 16-м году приказал на восточной границе Египта

для его защиты копать канал и строить стену; при этом опять были не забыты боги и храмы Пифома, получившие щедрые дары. Затем он посетил город Птолемаиду на «Кемуэре», т. е. на перешейке, и распорядился, чтобы тамошний храм был освящен ироопольскими жрецами. Потом он выслал флот из 4 кораблей «с людьми в большом количестве и способными, со всякими прекрасными произведениями Египта и других стран, под начальством главного адмирала его величества. Они отчалили из Кемуэра... Достигли Хемтит, достигли гаваней негров... Они привезли все приятное для царя и возлюбленной супруги — сестры его; был основан там город великий царский, по великому имени царя Птолемея (Птолемаида Охот). Он снабдил его солдатами его величества, всякими мастеровыми из Египта и жителями Пунта. Он воз-



Внутренний двор и пилоны храма Гора в Эдфу.

делал поля его, вспахал их волами... Ловил он многих слонов для царя там. Они были доставлены на грузовых кораблях по океану»... Затем говорится, что царь поклонился со своей женой трем священным быкам, и приводится длинный список царских пожертвований храмам. Если бы не греческие имена, да не поздняя орфография, мы бы могли принять этот текст за произведение Тутмоса или Рамсеса — опять экспедиции в Пунт и списки пожертвований. Но если Пунт в настоящее время нужен царям, то не для религиозных потребностей: их цель оживить красноморскую торговлю и добывать боевых слонов; в этом отношении политика Евергета шла далеко и оставила следы в далеком Адулисе. Общий план надписи свидетельствует, что Птолемеи понимали важность для народа его религии и содействовали превращению себя в его глазах в настоящих фараонов. Божественное происхождение и достоинство уже было окончательно закреплено за Птолемеями; брак на родной сестре, давший пару «богов Филадельфов», был еще одним звеном, связавшим македонский двор с его древнеегипетскими предшественниками. Древняя культура обнаружила свою силу и жи-

вучесть и в том удивительном явлении, что создатели музея и типичные представители греческой образованности преклоняются перед священными быками. Еще рельефнее эта уступка верованьям подданных отмечена на другом эпиграфическом памятнике Филадельфа — мендесской надписи, поставленной жрецами в честь его за то, что он, вскоре по вступлении на престол, посетил мендесский храм, поклонился священному овну, проводил его храмовую барку по священным водам, как это делали «бывшие до него цари, согласно предписаниям; исправил повреждения, нанесенные храму варварами, и вернулся в Александрию, радуясь всему ,что он сделал для отцов своих, овнов великих, живущих, владык Мендеса». Когда умерла Арсиноя, бывшая между прочим жрицей овна, в Мендесе «справляли праздник ее, оживляя душу ее рядом с овнами живущими, как это делается для душ всех богов и богинь изначала доныне, ибо Мендес — их город возрождения». С согласия жрецов культ «возлюбленной овном Арсинои Братолюбивой» был введен в мендесском храме, и затем и во всех храмах Египта; ее статую выносили в процессиях вместе с священными овнами. Мендес был по сему случаю освобожден от ввозной и вывозной пошлины в пользу казны, по представлению жрецов, удостоверивших, что мендесский ном не платил его раньше; половина обычных повинностей с этого нома была также отменена, в виду указа, изданного на этот счет некогда богом Тотом. В 21-м году было освящение отстроенного храма овна в присутствии сына царя; празднества продолжались затем при дворе. Когда явился новый мендесский овен, царь велел его освидетельствовать, после чего была торжественная интронизация его. Подобные же надписи о заботах царя о храмовых нуждах дошли из Фил, Саиса и т. п. Признание жрецами этих заслуг выразилось еще более рельефным образом в знаменитой канопской надписи, начертанной иероглифами, демотическим и греческим шрифтом по постановлению жрецов, собравшихся в новый год, совпавший с днем рождения царя Птолемея III в 239 г.:

«Так как царь Птолемей и царица Вереника, его сестра и супруга, боги Евергеты, делают много великого, оказывая благодеяния храмам страны и постоянно усугубляя почести богам, и всячески заботятся об Аписе и Мневисе и других уважаемых священных животных страны, не жалея расходов, и так как царь спас для Египта путем военного похода священные изображения, унесенные персами, и вернул их храмам, из которых они раньше были похищены, даровал стране мир, сражаясь за нее против многих народов и царей, и так как они дали закономерное состояние жителям этой страны и других, подчиненных тому же правлению, и так как, когда Нил однажды недостаточно поднялся и все жители в страхе ожидали бедствия, случившегося при некоторых прежних царях, они озаботились и пеклись о людях храмов и остальных жителях страны, сбавив немало из податей для спасения людей и выписав за большие деньги в страну хлеб из Сирии, Финикии, Кипра и многих других мест»... В возмездие за эти благодеяния жрецы постановили, что все жрецы на будущие времена должны именоваться, на ряду с другими титулами, также и «жрецами богов-благодетелей»; к существующим четырем чредам (филам) жрецов присоединяется пятая из тех, которые были посвящены в царствование Евергета, с их потомками; этот род должен носить его имя; в видах постоянного совпадения нового года с днем рождения царя закрепить египетский год календарной реформой — введением високоса (это важное постановление, однако, кажется, не имело последствий — год остался блуждающим).

Таковы были взаимные услуги и любезности; казалось, противоестественный союз эллинистических государей с египетскими жрецами был заключен. Первые объявили египетскую религию государственной, наравне с греческой, и согласились кланяться быкам, баранам и кошкам, вторые — служить опорой их трона и признавать их богами, подобно древним фараонам. Высшие жрецы, особенно мемфисские, считались в числе вельмож государства, и сами цари удостоивали своим присутствием их посвящения (напр., Петубаста III). Однако все это не препятствовало проведению со стороны Птолемеев последовательной политики стеснения храмов и духовенства,

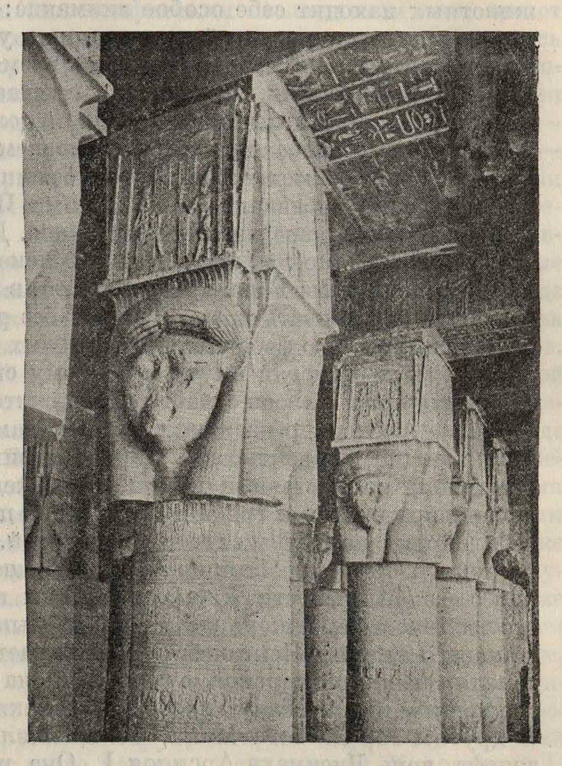
ослабления этой страшной для нового эллинистического государства туземной силы. Мало того, положение царя, как бога, необычайно облегчило им задачу уничтожения духовного государства в государстве. Прежде всего это дало им возможность, как земным представителям всех богов, объявить храмовую землю, ἱερὰ γῆ, находящейся в их распоряжении, хотя бы и служащей для поддержания благолепия храмов и культа. Жрецы — лишь служители бога и царя, подчиненные последнему, управляемые назначенным царем настоятелем-чиновником, получающие свои места путем покупки и состоящие на жаловании (σύνταξις) у правительства, собирающиеся на периодические съезды едва ли не исключительно для составления льстивых постановлений и, может быть, прошений. Храмы не были изъяты от податей, жрецы были обременены рядом налогов. Храмовая промышленность, столь развитая в древности и дававшая огромный доход, была до крайности стеснена царскими монополиями. Так, оливковое масло храмы могли со времен Филадельфа выделывать только на свою потребу в течение двух месяцев в году, производство тканей было удержано в храмах, но запрещен их сбыт; выгодой пользовалось правительство «богов». На этом же основании Филадельф произвел реформу с ἀπόμοιρα — налогом, собиравшимся жрецами в виде $^1/_6$ с виноградников и садов. В 264 г. он распорядился, чтобы этот налог, исключая земли, принадлежащие храмам, шел на культ его супруги Арсинои, и часть его выдавалась храмам по его усмотрению. Таким путем было достигнуто подчинение религии и духовенства государству. Жречество было превращено юридически в корпорацию мирян, обособленную от храмов, так как храмовые должности, которые к тому же не продавались на аукционе, были сделаны наследственными и превращались в частную собственность, как и прочие владения жрецов, изъятые теперь от храмов и подпавшие под контроль и фискальную политику государства. В древнем Египте существовала тесная связь между этими элементами, можно сказать, полное проникновение и поглощение светского элемента религиозным. И теперь глава государства был и главой религии, как бог, но государство было иным; кроме того фискальная политика Птолемеев не считалась с привилегиями храмов. Если в Птолемеях в отношении их к религии и духовенству хотят видеть предшественников византийских императоров, то упускают из вида фискальную, имущественную сторону дела. Христианская церковь пользовалась большими привилегиями именно в этом отношении.

Эта политика первых Птолемеев, которым пришелся по сердцу совет Аристотеля быть для греков вождями, а для варваров господами, проводилась и в других отношениях. Македоняне и греки были господами, египтяне — подданными. Египтяне — туземцы не имели доступа к высшим должностям и военным степеням. Хотя египетское право и было признано действующим для туземцев, имевших свой суд лаокритов и пользовавшихся египетским (демотическим) языком, но скоро при туземных документах начали требовать при предъявлении в суде греческий перевод. Это повело к тому, что нередко египтяне сразу совершали акты у греческого нотариуса. Однако, туземное право было записано и продолжало признаваться. Официальным языком и в храмах был греческий.

Значительное улучшение в судьбе египтян, оказавшихся на положении метеков в своей стране, замечается с конца III в., когда у египтян стала обнаруживаться *национальная реакция.* Поливий приписывает пробуждение у них национального чувства тому обстоятельству, что Птолемей IV Филопатор вооружил для войны с Антиохом туземные отряды, которые приписали себе влияние на его победу при Рафии и стали помышлять о собственном царе. Возможно, что начавшийся с этого царя упадок македонской династии и внешние неудачи подействовали ободряющим образом на националистов, кадры которых успели к этому времени пополниться продуктами смешанного населения, все более и более втягивавшегося в местные интересы и туземную культуру. И вот, при Филопаторе вспыхивает восстание, упорное и кровопролитное, описание которого, к сожалению, потеряно у Поливия.

Но из документов мы узнаем, что в Фивах на рубеже III и II столетий появляется туземная династия, по годам царей которой Гармахиса и Анмахиса, современников Эпифана (а может быть, частью и конца царствования Филопатора), датировано значительное количество демотических контрактов, происходящих из Фив. Ревилью, которому принадлежит несомненная заслуга открытия этих имен, пытается привести их в связь с патриотическими пророчествами, вычитанными им в так наз. «демотической хронике», которая, повидимому, представляет объяснение оракула времен Александра В. и в которой правоверная партия ждет какого-то Мессию — избавителя из Эфиопии, находившейся под властью туземных фараонов. Может быть, как предполагает Шпигельберг, эти цари были эфиопами, получившими признание в Карнакском храме Амона. Вероятно, и в других областях Египта появились номархи («династы» у Поливия), мечтавшие об изгнании греков. Смуты продолжались до конца царствования Филопатора и остались в наследство его малолетнему сыну Эпифану. О судьбе их повествуют нам сами египетские жрецы, собравшиеся в 9-й год царя (196) в Мемфис на его коронацию (ἀνακλητέρια), справлявшуюся по древне-египетскому обряду, и составившие здесь в честь его почетный декрет вроде Канопского, декрет также трехязычный (оригинал иероглифический), послуживший, как известно, ключом для разбора египетских письмен. Здесь, между прочим, говорится: «он (т. е. царь) приказал, чтобы все возвратившиеся эмигранты, воины и другие, которые заявили свои вражебные убеждения во время смут, вернувшись пребывали при своих владениях; он позаботился, чтобы войско всадников, пехота и корабли были посланы против тех, которые пошли на Египет морем и сушею; они делали большие издержки серебром и припасами для того, чтобы храмы и жители Египта были в безопасности. Отправился в Ликополь, город в поле Бусиритском, которым они овладели и который укрепили против осады большим количеством оружия, так как там издавна утвердился мятежный дух среди безбожных, которые, собравшись в этом городе, делали много зла храмам и жителям Египта; осадив это место, он окружил его укреплениями, рвами и крепкими стенами... Он взял в короткое время город и уничтожил всех нечестивых, которые там были, как Тот и Гор, сын Исиды и Осириса, покорили себе тех, которые раньше в этих местах возмутились; восставших при его отце и беспокоивших страну, не уважая храмов, отправившись в Мемфис для отомщения за своего отца и за свою корону, он наказал по заслугам»... И Поливий упоминает о взятии Ликополя, и вместе с тем прибавляет, что восставшие «династы» сдались на милость Эпифана, который «поступил с ними жестоко и тем навлек на себя большую беду». Эта беда, вероятно, заключалась в новых волнениях, но и со старыми не было кончено: Ликополь бусиритский находился вблизи столицы, в Дельте, между тем весь Египет волновался. На стенах храма в Эдфу Дюмихен прочел строительную надпись, в которой повествуется, что едва храм был закончен к 16-му году Филопатора, как «вспыхнуло восстание; толпы бунтовщиков ворвались внутрь храма... В 19-й год царя Птолемея V, царь был победителем, уничтожил бунт в стране» ... Таким образом, юг еще 10 лет не подчинялся Птолемеям, что подтверждается и документами туземных царей, дошедшими от 18 лет. Концом волнений было подчинение четырех «династов» Афина, Павсира, Хесуфа и Иробаста, отмеченное у Поливия в сохранившемся отрывке из потерянной XXII кн. Эти «единственно уцелевшие из династов» пришли в Саис и сдались на милость Эпифана. Но тот «нарушил слово» и подверг их жестокой казни. Далее говорится, что Эпифану было 25 лет; действительно, это хронологически совпадает с 19-м годом его царствования (184). Предприятие рухнуло едва ли не вследствие поведения жрецов, которые оставались верны династии, отмечали ее победы и составляли в честь царей почетные постановления, приравнивая поборников национальной свободы к врагам божества света. Их ссылка на поругание мятежниками храмов объясняется тем, что участки египетских святилищ с их солидными стенами могли служить хорошими крепостями, и восставшие широко пользовались ими для этих целей, но едва ли это одно заставило

духовенство отнестись к ним враждебно — повидимому, они уже достаточно сжились с Птолемеями и признали господство их для себя выгодным. Хотя и население все более привыкало к Птолемеям, однако старые воспоминания, вероятно подогреваемые из Эфиопии и пророческими писаниями, иногда и после выражались в виде взрывов и волнений. Особенно сильно было восстание в Фиваиде в 165 г., заставившее Птолемея VII Филомитора долго осаждать Ахмим в 87—84 гг., и усмирение которого доставило много усилий Птолемею X Лафуру. До нас дошел греческий папирус, содержащий воззвание какого-то генерала к оставшемуся верным городу Пафиру, которому грозили бунтовщики, держаться и ждать приближения царского главнокомандующего Иерона с большими силами. Лишь на третий год восстание было подавлено, Фивы были разрушены и их жителям приказано расселиться по деревням. Храмы, впрочем, сохранились, и место продолжало считаться священным. Древняя столица Египта превратилась в ряд деревень и храмов, уже не имевших прежнего значения. Сюда приезжали главным образом туристы, удивлявшиеся разбросанным на протяжении 80 стадий развалинам и слушавшие загадочные для них звуки «Мемнонова колосса». Еще Страбон (XVII, 46) сообщает здесь об обычаях, напоминающих времена «супруг бога». Имя Фив или Великого Диосполя сохранилось и в римское время.



Хаторические колонны храма Хатор в Дендера.

Хотя восстания и не привели к созданию туземной династии, хотя бы в том виде, как это было в персидскую эпоху, но они в значительной степени содействовали подъему туземного элемента. Жрецы сумели воспользоваться затруднениями правительства и извлекли из них для себя не малые льготы. Уже сличение канопского и розеттского постановлений дает знаменательные указания. «Благодеяния» Эпифана храмам и духовенству были сопряжены с значительными убытками для казны и влекли за собой ослабление авторитета правительства, тогда как Евергет ничем не поступился из своих прав. Жрецы были освобождены от ежегодного приезда в Александрию и вероятно получили право собираться где угодно, вне бдительного ока власти. Храмовая земля или освобождалась от налога или последний сокращался; получила льготы храмовая промышленность и т. п. Датировка розеттской надписи в греческой части—перевод египетского введения; уже с Филопатора в трехязычных текстах оригиналом оказывается египетский. Освободившись от правительственного надзора, жрецы ведут последовательно свою политику, встречая сочувствие со стороны Евергета II, опиравшегося на туземный элемент в борьбе с эллинофилом братом Филопатором II. При нем произошла резня греков в Александрии и были изгнаны из нее греческие ученые и художники; в армию он охотно принимал египтян и давал им бóльшие льготы, чем греческим солдатам. При нем, может быть, в 145 г. при его коронации в Мемфисе, жрецы получили в свои руки непосредственное управление храмовым имуществом; храмы начинают теперь сами скупать храмовые должности,

освобождая их от опеки государства. Дальнейшей победой жречества был декрет Евергета II и двух Клеопатр, от 118 г. Цари утверждают за храмами владение ἱερὰ γῆ и получение ими доходов, особенно ἀπόμοιρα, на которую, нуждаясь в деньгах, посягали и Эпифан и, может быть, Евергет II, распространяя взимание ее под разными предлогами и на храмовые земли; они гарантируют дальнейшие уплаты из царской казны в пользу храмов, особенно жалования жрецам. Далее, гарантируется на будущее время владение γῆ ἀνιερωμένη, представляющей угодья, пожертвованные богам; управление ею передается жрецам; правительство отказывается от взыскания недоимок за последние 50 лет со стороны жрецов различных рангов. Культ священных животных находит себе особое внимание: расходы на погребение Аписа и Мневиса принимаются на казенный счет целиком, участие казны в погребении других животных гарантируется на последующее время. Храмам предоставляется владеть купленными жреческими местами и запрещается переуступать эти должности другим. Этим жрецы из частных собственников должностей снова превращаются в служителей храмов и снова делаются сословием. Наконец, подтверждаются дарованные раньше некоторым храмам права убежищ. Эти права, к ущербу для государства, весьма щедро раздавались последними Птолемеями, и к I в. н. э. его имели даже незначительные деревенские святилища. До нас дошли и самые указы о даровании этого права. Напр., от 18-го года Птолемея XI Александра, трехязычная надпись, касающаяся храма Гора в Атрибе. Это, в связи с последовавшим в начале I в. разрешением жертвовать храмам земли без разрешения правительства, начало покрывать Египет сетью феодальных храмовых владений.

Не мало помогли смуты и подъему светской *туземной аристократии*. Правда, и раньше приходилось отчасти с ней считаться.

Уже Александр назначил своими наместниками каких-то номархов Петиисиса и Долоасписа, вероятно для двух половин Египта. Птолемеи удержали туземных номархов, но поставили над ними македоно-греческих стратегов и, кроме того, делали номархами и греков. Филадельф по поводу мендесских торжеств формирует себе гвардию из знатных туземных юношей. Мы уже упоминали о правнуке последнего туземного фараона Нектанеба, занимавшем ответственный пост номарха пограничной с Азией крепости Джара и бывшем командиром войск, «генералом генералов» его величества, покорившим для владыки обеих земель иностранные области. Какая-то «дочь» Нектанеба II называет себя «княгиней», владычицей обеих земель, «великой царской супругой»; она оставила свою надпись у Ахмима в посвященном богу Мину гроте, где также изображены картуши Птолемея II. В другом городе бога Мина, Копте жила опальная царица, первая жена Филадельфа, дочь Лисимаха Арсиноя I. Она имела здесь свой двор и штат, во главе которого был поставлен местный номарх Сену-хрот (?), оставивший нам посвященную в храм Мина статую с интересными надписями. Здесь он, в стиле древних текстов, перечисляет свои заслуги и достоинства, называет себя «князем во главе людей, великим в сане своем, высоким в знатности, главой придворных, стоящим по правую руку царя... главным начальником царского гарема (?), слугой государыни, великой милостью, госпожи обеих земель, приятной сердцем и любовью, принимающей два скипетра, наполняющей дворец своими красотами, великой царской супруги, удовлетворящей сердце царя Птолемея I (!)». Он был и жрецом местных божеств, верно служил богу Мину («я — раб твой», — обращается он к нему, — «и ходил по воле твоей, ты знаешь сердце мое от зачатия моего... не спал я ночью, не ослабевал я днем, помышляя о красотах твоих в сердце моем»), производил работы в его храме, а также соорудил по обычаю того времени наос Гору, сыну Исиды, в Кусе и поставил в храме Исиды в Копте статую Арсинои. Со II в. у нас больше сведений о вельможах из туземцев; они достигают высоких гражданских, придворных и военных степеней. В Берлинском музее находится статуя саисского жреца Харсинебефа, уже в полугреческом стиле. Он называет себя коман-

диром войск Дельты и хвалится, что он мог «возвышать из ничтожества одним словом своим», что он «стоял за своим господином и истреблял врагов его». В том же музее еще со времен Лепсиуса имеется еще более интересный памятник — надгробная плита Хахапи, сына Панеита, жившего при Филадельфе, Евергете и Филопаторе, умершего в 203 г. и погребенного в старом саркофаге V в. в аллее сфинксов мемфисского Серапея. Он называет себя жрецом в храмах Пта, Мут, Хонсу младенца — Хиркапехрота, имел обязанности при 70-дневном оплакивании Аписа и погребении Мневиса. Но вместе с тем он и его отец были «командиры матоев, охраняющие Мемфисскую цитадель, оберегающие живущих в ней, защищающие солдат ее по повелению владыки обеих земель». Таким образом, он был мемфисским комендантом или, может быть, полицмейстером в то самое время, когда его единоплеменники боролись за свободу. Впрочем, он не был чистокровным египтянином — на надписи он изобразил себя с резко выраженными семитическими чертами лица, и даже, несмотря на свое жреческое достоинство — с бородой. И тем не менее, его имя и его отца — египетские, его надпись — иероглифическо-демотическая, религия и представления — совершенно египетские; на стеле изображена, как в древности, Нут, подающая ему из дерева воду и пищу... Все это чрезвычайно характерно для Египта того времени. Наконец упомянем еще об одном вельможе — Петосорапи-Дионисии, игравшем большую роль при дворе Птолемеев VI—VII и пытавшемся поднять восстание (Диод. G. Н. 9 ч. II, IX); Mahaffy приводит в связь с этим восстание в Фиваиде и Панополе 165 г., рассказанное в том же месте у Диодора. Этот кондотьер сначала опирался на солдат, но был разбит, пытался привлечь на свою сторону туземцев. Одно время он был близок к цели. На Родосе найдена часть статуи царя египетской работы, очевидно пожертвованной в местный Серапей; на задней подставке ее оказалась демотическая надпись, содержащая посвящение Осирису-Апису и Исиде со стороны Дионисия, уроженца Ясса. Шпигельберг считает этого Дионисия тожественным с претендентом на престол и изобразившим себя в позе фараонов, в то время как демотическая надпись еще не дает ему ни царского титула, ни картуша. Таким образом и кариец из Ясса перевел свое имя на египетский лад (Дионис-Осирис) и даже вне Египта изобразил себя фараоном с демотической надписью. До нас дошел документ из этого восстания: жалоба египетского жреца храма Сокнофая в Фаюме на своих родных, присвоивших его дом, пользуясь тем, что «восставшие египтяне» заставили сжечь купчую некоего Кондила, у которого она хранилась в городе, когда последний был ими занят. Таким образом, они не пощадили и документа египетского жреца, вероятно, вследствие греческого имени хранителя документа. Восстание, очевидно, захватило и Фаюм. Другой папирус, от времени (130 г.) Птолемея IX (Евергета II), переносит нас в войну этого царя с своей сестрой Клеопатрой II и говорит об отправлении туземца-египтянина Паоя, в качестве главнокомандующего Фиваиды, против Ермонта, бывшего на стороне царицы. Такое отношение к туземному элементу, характерное для этого времени, возымело свое действие, и Ермонт перешел на сторону царя. Однако, через несколько лет (123 г.) у этого города возникла своеобразная «война» с соседним Крокодилополем, причем последний выставил 500 солдат и 20 всадников и были открыты плотины. Ермонтцы были отражены и послали просить мира. Явились 9 юношей и глава из Крокодилополя и пили с ермонтцами питье мира, насыпав между собою соли...

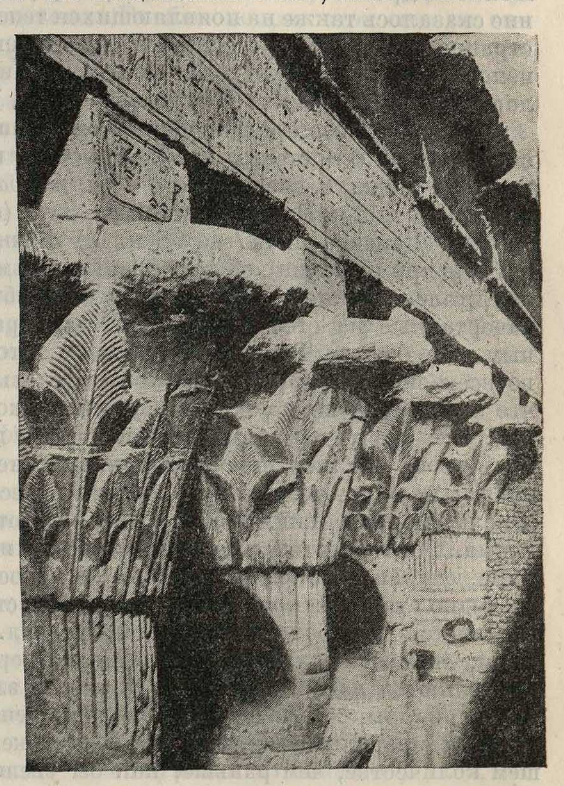
Упомянутый Паой носил титул συγγενὴς καὶ στρατηγὸς τῆς Θηβαίδος, и он не был единственным из туземцев, достигшим столь высокого положения, в отступление от практики первых Птолемеев. В 130 г. мы слышим о Φομμοῦς'е, имевшем тот же титул при Сотире II. На рубеже птолемеевской и римской эпох жил Птолемей, сын Пана, жрец и казначей храма Хатор в Дендера, носивший еще при Августе полученный им раньше титул συγγενὴς, стратега, «брата фараона» и т. п. От него остались демотические надписи в Дендера, повествующие о работах при храме, возобновлении храмовым братством Горсамтау и преддверия в храме Гора в Эдфу. Он же упо-

мянут в указе Птолемея XI как исполнитель воли царя о даровании храмам больших благодеяний и некоторым из них права убежища.

Уже на примере Хахапи и Петосарапи-Дионисия мы могли видеть характерную сторону этой эпохи — *смешение культур и национальностей*. Многочисленные памятники, по мере удаления от фараоновского времени, все более и более обнаруживают двойные имена, а также греков и затем римлян, молящихся египетским богам и исповедующих туземную религию: египетские культы всегда были почтенны в глазах греков и семитов, а потом стали распространяться и за пределы Нильской долины. И египтяне не чуждались греческих богов, они сочувствовали сопоставлению их со своими — даже в официальном розеттском декрете имена богов в греческой версии приводятся то в египетской, то в греческой форме (Гефест вместо Пта, Гермес вместо Тот). Если на это шли жрецы, то народ, уже и раньше склонный к синкретизмам, освоился с этими сопоставлениями, так что для нас весьма трудно при упоминаниях греческих имен божеств решить, какой бог имеется в виду, если, конечно, дело не идет о таких городах, как Александрия и Навкратис. Получилась объединенная греко-египетская религия, для поощрения которой еще при Птолемее I был введен культ Сараписа, первоначально имевший целью дать бога-покровителя новой столице — Александрии и вместе с тем, согласно египетским представлениям, для династии Птолемеев и вообще их государства. Этот интересный факт рассказан различными древними авторами с многочисленными вариантами, главным же образом Плутархом и Тацитом. Введение культа окутано в покров таинственности. Птолемею явился во сне прекрасный юноша огромного роста и повелел доставить себя с Понта. Египетские жрецы не знают ничего об этой стране, и Птолемей забывает свой сон. Вторичное явление заставляет его вопросить дельфийский оракул, и по указаниям он посылает в Синоп, царь которого не отдает идола. Птолемей увеличивает подарки, различные знамения склоняют синопского царя, но подданные его остаются непреклонны и окружают храм. Тогда колоссальный идол идет сам на корабль и в три дня достигает Александрии (по Плутарху его похищают). В Ракоте, где был храмик Осораписа и Исиды, строят в честь его новый большой храм. Одни считают вновь прибывшего бога Асклепием, другие Осирисом или Зевсом, но Эмволпид, составивший потом «священное сказание», переданное Тацитом и Плутархом, и Тимофей, выписанный из Элевсиса, и историк Манефон Севеннитский объявляют, что это Плутон, и убеждают Птолемея, «что это изображение не иного какого бога, а Сараписа». Сарапис не что иное, как египетское Осирис-Апис (Усар-Хапи), т. е. умерший и сопричисленный Осирису священный бык Апис; в поздние времена египетской культуры его почитание было, как мы знаем, особенно популярным. Почему два наиболее авторитетных представителя двух религий — элевсинец и египетский первосвященник объявили тожественным с ним прибывшее азиатское божество — для нас не совсем ясно; может быть, в качестве синопского Плутона он, как бог смерти, ближе всего подходил к Осирису и притом в форме наиболее хтонической и связанной с загробным миром; обычная форма Осириса в это время уже получила более общее значение и даже приблизилась к солнечным типам. К тому же большая популярность культа Осораписа гарантировала новому божеству хороший прием среди населения. Расчет действительно удался, и Сарапис сделался одним из главнейших божеств Египта, почитавшимся и за его пределами: уже в надписи от 308—6 г. он, в триаде с Исидой и Птолемеем, упоминается в Галикарнассе. Особенностью его было то, что он имел греческую форму (статуя работы Бриаксиса) при египетском имени; другие божества могли называться как угодно, но облик их оставался египетским; даже впоследствии, когда влияние греческого искусства проникло глубоко, до домашних идольчиков, последние все-таки с первого же взгляда выдают свое происхождение: терракоты Исиды, Осириса, Гарпократа, сработанные в греческом стиле, всегда сохраняют что-нибудь египетское: или позу, или аттрибут, или одеяние и т. п. Культ Сараписа имел большое значение: в Египте

и за пределами появляются «Сарапеи»; мемфисский Сарапей был храмом и усыпальницей Аписов.

Влияние египетской религии на пришлое население оставило нам множество следов. Не говоря уже о большом количестве надписей в честь туземных богов, оставленных греками и на греческом языке, нельзя не обратить внимания, напр., на такой предмет, как надгробный камень убитой змее богини Хатор с греческой (не совсем грамотной) надписью в стихах: «Путник, остановись на перепутьи у большого камня, покрытого надписью. Громко плачь обо мне, священной долговечной змее, отошедшей в преисподнюю из-за злодейской руки. Что тебе пользы в том, злейший из людей, что ты лишил меня этой жизни? Ведь тебе и твоим детям мой труп будет гибелью; ты убил во мне существо, живущее только на земле. Ибо подобен песку морскому род животных на земле»... Итак, какой-то грек не только счел своею обязанностью похоронить убитую змею, но и соорудил ей стелу с изображением и метрическим надгробием. Так овладел странный египетский культ, развившийся именно в последнее время, не только туземцами, но и пришельцами. Другой греко-египтянин — Мосхион, страдая ногой, обратился за помощью к Осирису и старался умилостивить его следующим оригинальным способом. На каменной плите он поместил длинную молитву на греческом и демотическом языках, распределив буквы ее в 1521 квадратиках и присоединив под нею ключ к чтению этой шифрованной грамоты, в виде 19 ямбических строк на греческом языке с параллельным демотическим переводом. Тут же и объяснение, что заставило его избрать такой необычный путь умилостивления: он не знает иероглифов, и поэтому должен прибегать к другому способу затруднить чтение своей надписи. Это понятно в виду того, что иероглифы в это время сделались действительно ребусами, но характерно то обстоятельство, что для достижения милости божества считалась необходимой таинственность. Эта-то таинственность и привлекала изверившихся в своих богах греков.



Фасад ипостильного зала храма Хнума в Эсне.

Чрезвычайно много находится в музеях покойников с греческими именами, погребенных по египетскому обряду. Так, в Берлинском музее есть крышка саркофага некоего Птолемея, сына Птолемея и Дионисии, с демотической надписью заупокойного характера и египетским изображением Осириса, саркофаг и мумии девочек Сенсаи и Ткаути, дочерей Клеопатры и Сотира, погребальные пелены Диона, на которых покойный представлен между египетскими богами, и др. Не мало подобных же погребений в Британском музее; из них особенно следует упомянуть семейство Корнелия Поллиона, «архонта» в Фивах ок. 100 г. н. э. Семья, судя по именам — Клеопатра, Сотир, Корнелий — греко-римская, но погребение совершенно египетское, даже имена написаны иероглифами. Вероятно и здесь пред нами смешанная семья — мать Сотира называлась Пи-Мут — уже египетским именем; как и во многих случаях, национальность и культура обусловливается матерью. На погребальных расписных

холстах римского времени, а также на знаменитых поздних портретах римского времени, приделывавшихся к изголовьям покойных вместо прежних позолоченных или выкрашенных масок (в Фаюме), и на гипсовых головах саркофагов с портретными чертами также можно распознать совершенно не египетские типы — новое доказательство силы египетской религии, втягивавшей пришельцев. Но последние все-таки действовали со своей стороны на внешнюю форму: саркофаги принимают иной вид, часто с несомненным греческим влиянием, причем покойники с чисто египетскими именами оказываются погребенными в гробах антропоидной формы, весьма удалившейся от древне-египетских схем (напр., Тете-хар-си-исе в Берлине). Греческое влияние сказалось также на появляющихся теперь носилках для мумий. Они представляют странное смешение греческого и египетского стиля, но в религиозном отношении всецело египетские; между прочим, в Берлинском музее есть принадлежавшие Аполлонию и Сисою, детям Хоруджа — итак, опять в семье различные имена.

Таким образом делает успехи смешение национальных и религиозных элементов с перевесом египетских идей. Конечно, последние безраздельно господствуют, по крайней мере, с внешней стороны, в *храмах* этого времени. Великие святилища, создавшиеся при Птолемеях: Филы, Эдфу (строился с 237 по 57 г.), Эсне (с 165 до имп. Декия), Дендера (с 117 до 98 н. э.) и даже при римлянах (напр., храм Эль-Кала в Копте при Клавдии), обнаруживают весьма мало греческого влияния, даже знаменитые птолемеевские колонны могут быть объяснены из саисского искусства. Надписи, начертанные на стенах, уверяют, что храмы сооружались по планам, утвержденным еще богами Тотом и Имхотепом, что все храмовые принадлежности и статуи во всех своих подробностях приготовлены по точным предписаниям древних книг, что они помещены в сокровенное место, которого не может найти никто, кроме жрецов. Эти новые храмы, большей частью прекрасно сохранившиеся до нашего времени, сооружались по определенному, не нарушаемому историческими событиями плану; царское усердие не изменяло здесь, как в Карнаке и Луксоре, стройности и целости постройки, поэтому они являются характерным выражением египетского храма. Особенностью их является также известная обособленность от окружающего мира, старание сокрыть таинства от непосвященного взора. Они окружаются часто свободно стоящей (кроме места у пилона) стеной; первый двор, доступный для мирян, отделяется преградой от дальнейших зал. Преграда эта состоит из плит с барельефами, помещенных между колоннами первого ряда ипостиля. Мистерии Осириса справляются на крыше, недоступно для взора; в толще стен проделываются потайные коридоры, большей частью для хранения сокровищ, а также и царских нарядов, теперь сделавшихся ненужными. Изображения нагромождаются в несравненно большем количестве, чем раньше, как бы увеличивая магические средства храма. Даже в тайниках, доступных для немногих, изображения, если они помещались, не уступали по работе находящимся на видных местах. Особенною тщательностью и изящностью отличаются приготовленные из мягкого известняка барельефы храма в Атрибе, начатого при Птолемее Авлете (80—52 до н. э.), украшавшегося при Тиверии и Клавдии и оконченного при Адриане. Среди них особенного внимания заслуживают изображение Авлета, подносящего богине Сохмет деревья страны Пунт, и изображения этих деревьев; если это свидетельствует о продолжавшихся сношениях с южными странами, то колоннада, окружавшая внутри изолирующей стены храм, указывает на греческое влияние и выделяет этот храм из ряда современных. И надписи в огромном количестве покрывали тесными строчками стены храмов; они дают целую библиотеку: здесь и ритуал празднеств, подробно и мелочно расписанный в календарном порядке, и рецепты благовонных мазей и курений, и каталог храмовой библиотеки, и опись храмовой ризницы, и гимны богам, и мифы, и богословские умозрения. Все это до крайности интересно и неоднократно подвергалось изучению. Например, уже достаточно известен длинный текст в храме Эдфу о Горе, крылатом солнечном диске, покоряющем Египет и поражающем врагов, или календари храма

Эдфу. Трудно сказать, насколько эти тексты древни; едва ли большинство их характерно для данного периода. Вопрос этот особенно затруднителен для текстов богословского содержания; он весьма важен, так как именно здесь приходится говорить о возможности влияния греческой философии. Действительно, даже сквозь искусственно запутанное различными орфографическими фокусами и ребусами энигматическое иероглифическое письмо этого позднего «декадентского периода» можно усмотреть глубокие идеи; из них любят указывать на учение о Логосе, на олицетворение четырех стихий и т. п., как на плоды знакомства с греками. Но нельзя забывать, что и в древнем Египте были известны аналогичные представления, благодаря чему возможно предполагать самостоятельное развитие. Вообще вопрос этот еще не созрел для популяризации — еще предстоит много работы над трудными и плохо читаемыми, и притом весьма многочисленными текстами. После первых опытов Дюмихена и Бругша, теперь эту задачу взял на себя и исполняет ее более тщательно и надежно египтолог Юнкер. Ему уже удалось установить, что не все, помещенное на стенах храмов, всецело принадлежит жрецам данного храма, но что многое является общим, лишь приспособленным к местному божеству, следовательно идущим от древних образцов или заимствованным. По характеру эти тексты не отличаются в литературном и, кажется, богословском отношении от тех, которые известны из классической поры Египта: такое же превознесение местного божества, такие же мифологические намеки на его борьбу с врагами, такие же перечисления его эпитетов и т. п. Вот, например, одно из обращений к Гору эдфусскому: «жив Гор-Ра, озаряющий обе земли, блистающий, светящийся, владыка корон, родивший царей, заселивший обе земли, бог среди богов, Хепру, создатель всего существующего, царь юга и севера, Пта могучий, отец князей, которого имя истинно, Ра-Гор, появляющийся на троне великом, сугубо совершенный в Мемфисе, пославший свою мать и своего отца, чтобы создать людей и образовать богов, чтобы дать бытие всем тварям, по своему желанию, с тех пор, как чашечка лотоса распустилась в цветок на поверхности воды небесного Океана, чтобы поднять все существующее... Он — могучий и юный... в цветке лотоса, Ра в виде юноши, окруженный двумя коронами; его члены идут от Хепру, Пта начертал его создание, разъяснив то, что в нем находилось — инертное существо одним ударом. Он является в виде юноши, освещающего своими лучами все, что находится против него в Яаат-несерсер. Да даст он победу царю Верхнего и Нижнего Египта Птолемею». Здесь божество света в виде крылатого солнечного диска отожествляется не только с аналогичными божествами — Гором, Ра, Хепру, но и с Пта мемфисским, воспоминается известный миф о появлении солнца из первобытных вод и т. д. Следующий текст дошел до нас из Мединет-Абу и обращен к Осирису: «О царь обеих земель, бог Египта, властвующий до области Духов, во имя которого населены номы и изображениями которого полны храмы, члены которого защищает сестра его Исида, а тело охраняет Нефтида, сын которого Гор пребывает на престоле его, как царь богов и людей. О царь Осирис Онуфрий, царь богов, находящийся в доме золота, царь неба, властитель земли, великий обладатель преисподней.. царь нома Крокодилов, владыка Мемфиса, обрати с миром прекрасное лицо твое к царю обеих земель, возлюбленному миром Тиверию!» (Берл. муз.). Многочисленны и не лишены поэтических достоинств тексты в честь богини Хатор в Дендера. Юнкер находит в них не только параллелизм членов, но и размер, не говоря уже о припевах. Напр., следующий гимн, влагаемый в уста семи Хатор, величающих великую Хатор дендераскую:

«Мы бьем в бубны пред твоим Ка, мы пляшем пред твоим величеством, мы возносим тебя до небес, ибо ты владычица музыкальных инструментов и систра, госпожа музыки, пред духом которой подобает играть. Мы величаем твое величество ежедневно, с вечера до тех пор, когда земля снова осветится, мы бьем в тимпан пред лицом твоим, владычица Дендера, мы хвалим тебя величественными песнопениями. Ибо ты — владычица ликования, царица пляски, музыки и игры на арфе, владычица

танцев, царица венков, владычица благовоний, царица пляски. Мы величаем твое величество, мы хвалим пред лицом твоим, мы возносим славу твою превыше всех богов и богинь, ибо ты — владычица песен, княгиня библиотеки, великая Сешат во главе палаты писцов. Мы веселим твое величество ежедневно, и сердце твое ликует, когда ты слышишь наши песни. Мы радуемся, когда видим тебя, все дни, все дни и сердца наши веселятся при виде твоего величества. Ибо ты — владычица венков, владычица пляски, владычица бесконечного опьянения. Мы ликуем пред лицом твоим, мы играем твоему духу и твое сердце радуется тому, что мы делаем».

Приведем, наконец, песнь, которая пелась во время торжественных процессий на крышу храма:

«Как прекрасно и благополучно, когда Златая сияет и здравствует! Тебе ликует небо со своими богами, тебя величают солнце и луна, тебе кланяются боги, тебя приветствуют богини. О, как прекрасно и благополучно!.. Тебе ликует земля в своем окружии, пред тобою скачут звери в радости, тебя хвалит Египет и все страны до четырех углов неба»...

Богиня радости, музыки и любви, отожествленная с греческой Афродитой, в это время пользовалась большим почитанием; храм ее в Дендера был как бы соответствием эдфусского храма, где чтился ее супруг — лучезарный Гор. Из одного храма в другой отправлялись по Нилу торжественные процессии, описания которых даны в длинных ритуальных текстах календарного характера, начертанных на стенах храма в Эдфу. Многочисленные тексты сообщают нам также о мистериях, совершавшихся в храмах. Конечно, большинство их имело содержанием миф Осириса и драматически представляло его жизнь, смерть, оживление. Целые полчища божеств и духов из всех номов Египта окружали его тело, защищая его своими страшными именами, угрожая видом и острыми ножами, от его врагов; плакальщицы пели над его телом жалостные песни, добрые боги доставляли ему питание и одежду. И днем и ночью не переставали эти существа нести свою службу у бога, олицетворявшего живительную силу природы и благое начало в жизни. «Они бодрствуют; их отвращение засыпать; они охраняют тебя, о Осирис, с наступлением ночи; они находятся при тебе ранним утром». Кроме того, для каждого из 24 часов суток существует особое божество, являющееся созерцать и охранять Осириса; в каждый из часов произносятся особые изречения, большей частью заимствованные из текстов пирамид и Книги Мертвых или составленные под их влиянием, поются гимны, совершаются богами и жрецами возлияния, каждения и помазания, возглашаются Исидой, Нефтидой, Нейт и другими богинями жалобные песни. При этом оживляются изображения на стенах храмовых помещений, в которых справляется ритуал: «Осирис является, как дух, чтобы соединиться со своим образом во святилище. Он прилетает с неба, как кобчик, и души богов с ним. Он парит по своему покою, он осматривает свое святилище, несравненное по своей работе. Он отверзает уста и говорит к богам и богиням, находящимся при нем: идите за мной, соединитесь со мной. Они слетаются к нему в своих таинственных образах. И он вступает в свой дом и возлегает на своем мертвенном теле, а все души богов находятся вблизи его. Он видит свое таинственное изображение, написанное на подобающем месте, свой образ, изваянный на стене, он входит в свое таинственное подобие, он вселяется в свое изображение. Души богов занимают места рядом с ним и не отлучаются от него во век, охраняя его днем и продолжая свою защиту ночью».

Начиная с 12 числа месяца хойака, при введении юлианского года, совпавшего с декабрем, в 16 священных центрах Египта, между прочим в Дендера, Эдфу, Саисе, справлялись Осирисовы мистерии, подробно описанные в храмовых текстах святилища Осириса, находящегося на крыше храма в Дендера. Конечно, они были чем-то новым: они примыкали к подобным же церемониям, справлявшимся и раньше и засвидетельствованным еще в храмах Нового царства (напр., Мединет-Абу), но от этой эпохи мы впервые имеем их полное описание, и из него мы можем видеть, что харак-

тер их был несколько иной, чем, напр., в Абидосе. Из теста, зерен, земли, благовоний, елея, драгоценных камней и т. п. приготовлялись в особых формах фигуры Осириса, которые возились в процессии по воде в барках, богато освещенных и сопровождаемых 34 барками с изображениями в каждой особого божества. 24-го хойака бальзамировали статуи; это был день «радости и веселия богов и людей, земли и неба», ибо «бог почил в прекрасном гробе», чтобы затем «пробудиться от сна и взлететь на небо в виде птицы феникса». 25-го две жрицы пели над телом известную нам призывную песнь. Возвращение Осириса к жизни праздновалось или 26-го, в «святое утро» после «священной ночи», или 30-го, соединяясь с праздником «пахания земли». Символизировалось оно между прочим фигурой Осириса, сделанной, как было сказано, из земли с зернами хлебных злаков и т. п. и положенной под священную смоковницу. Прорастающий злак был образом оживающего бога растительности. Изображения на стенах иллюстрируют эти обряды и между прочим представляют пробуждение Осириса как следствие магических действий.

Фаюмский портрет.

В высокой степени были важны мистерии в храмах Фил, которые теперь являются наиболее почитаемыми и, как справедливо заметил Масперо, занимают в эти эпохи такое же центральное место, как в фиванский период Карнак. Это — музей поздних эпох египетской истории. Сами боги освятили это место и составили об этом следующий указ:

«Слава тебе, священная душа Осириса Онуфрия, феникс божественный самосущий, единый, единственный, создавший существующее, превечный из духов преисподней!

«Священная Душа» — имя твое на святом месте (Ἄβατον); «божественный феникс» — имя твое на Биггэ; «могучая Душа» — имя твое в храме Сохмет; «Душа участка Образов» — имя твое в Филах; «Душа оплакиваемая»—имя твое в храме Исиды; «Душа живущая» — имя твое в Хепете; ты — душа над всеми душами богов.

Ты шествуешь в мире к этому дому, к твоему священному святилищу, которое украшает тебе Гор; Исида плачет по тебе; враги твои (уничтожены) навеки.

Тебя провожают к дому Осириса; твой образ ликует до неба; ты беседуешь с Ра; Амон прославляет тебя; Тот сообщает тебе благополучие во имя твое. Сияй из океана, сияющий! Освятил Тот место следующим писанием:

«Святое место (ἄβατον) — область священная, золотая Осириса и его сестры Исиды. Относительно ее определено изначала для Осириса в Фивах:

Да не оскудеет молоко на этом месте, где находится роща Мента и святилище погребения Осириса.

Да будет устроено вокруг этой местности 365 жертвенников; на них должны лежать пальмовые листья. Да не прекратятся на них ежедневные возлияния, да не оскудеет вокруг нее вода.

Да совершаются здесь ежедневно обряды великим жрецом в его месячную чреду. Возлияние Исиде, владычице Фил, да совершается здесь ежедневно.

Да не ударяют здесь в бубны, не играют на арфе и флейте.

Да не вступает сюда никогда никто; да не вступает сюда (ни великий) ни малый.

И да не охотятся здесь на птиц и не ловят рыбы на расстоянии 40 локтей на юг, север, запад и восток.

И да никто из находящихся здесь не говорит громко в святые дни, которые проводит Исида, владычица Фил, здесь на троне, чтобы каждый десятый день совершить возлияния.

Исида, владычица Фил, да переезжает в святое место во дни праздников на священной барке.

Подписал это писание Ра. Подписал это писание Шу, сын Ра. Подписал это писание Геб, сын Шу. Написано оно самим Тотом».

Другая рецензия того же декрета содержит почти те же предписания, но другое вступление:

«Указ о доставлении Души Осириса на Святое Место. Идет Душа Осириса к его телу на Святое Место. Она пребывает на древесах рощи Мента. Исида и Нефтида пред нею. Амон и Тот величают ее.

Тот издал указ ко всем землям, чтобы освятить это место, названное Святым.

Чтобы Исида, владычица Фил, была перевозима на Святое Место всегда в 12-й день третьего летнего месяца, с ее сыном Гором, защитником отца на священной барке... Да приносит она заупокойную жертву своему брату»...

Эти тексты имеют в виду обряды, справлявшиеся в филэйском культе, частью подобно аналогичным обрядам в других храмах и святынях Осириса, частью своеобразно. Плутарх сообщает (гл. 20), что и близ Мемфиса был остров, недоступный ни для людей, ни для птиц и рыб, к которому только в определенное время приставали жрецы для совершения церемоний, и на котором находилась гробница Осириса, осененная деревом μηθίς; Страбон передает, что и на Святом Месте в Абидосе была запрещена светская музыка, а один папирус говорит о 365 жертвенниках и возлияниях на этом месте, столь известном из текстов под именем У-Пекер. Особенностью филэйского культа Осириса следует считать, что здесь Осирис отожествлялся с Нилом. Остров Биггэ, древн. Сенмут, лежавший к западу от храма, в своей «Высокой таинственной горе» скрывал пещеру, расположенную настолько низко, что вода Нила иногда заливала ее. Здесь покоилась местная реликвия Осириса, его правая нога; изображение указывало, «что из нее вышли два источника Великой Реки». Другое изображение давало Осириса, как молодой Нил, в виде «владыки молчания» — младенца с перстом у рта; внизу, согласно легенде, Гор, в виде крокодила, нес на себе мумию своего отца, собранную им в разных местах Нила. Исида переезжала сюда еженедельно питать возрождающегося и возрастающего младенца молоком, и возлияния молоком являются характерными для культа Фил и для зависящей от них в религиозном отношении Нубии до далекого Мероэ. «Пока небо покоится непоколебимо на своих столбах и земля на своих основаниях, будет жизнодавица Исида каждые 10 дней неуклонно выезжать из своего дома. Пока Ра будет сиять днем, а луна светить ночью, будет она совершать возлияние своему брату и жертву его Душе». Найдя священную реликвию, она поспешила в Илиополь возвестить верховному Ра, и тот послал богов совершить торжественное погребение. Она открыла ему свое сердце, и он исполнил все, чего она желала. И он издал указ всем городам и областям юга и севера: «Соберитесь, сотворим, чтобы Осирис был снова жив, чтобы он излил Нил; будем вечно ездить к его Святому Месту». Боги заняли свои корабли, с Амоном во главе, и сам остров Филы превратился в корабль всех богов, чтобы ежегодно доставлять их в Святое Место. Эта торжественная процессия также ежегодно совершалась из Фил на Биггэ. Но кроме нее справлялись еще своеобразные обряды в честь «Души» Осириса. В виде человекоголового сокола сидела Душа на ветвях в священ-

ной роще, где было расставлено 365 жертвенников. Пред временем возвращения Осириса к жизни она торжественно переносилась сюда, якобы из Илиополя, где пребывала на небе у Ра. Исида и Нефтида предстояли ей, приносили возлияния и возглашали ритуальный плач, дававший ей живительное дыхание, и она соединялась с телом Осириса, представленного в трех видах, как небесного, земного и бога преисподней. Этот специальный и, вероятно, сравнительно новый культ Фил и Биггэ и был объектом декрета, изданного Ра и опубликованного Тотом. Этот культ имел влияние и на Нубию. В Калабше культ местного бога Мандулия (Меруль) представляет копию и сколок с филэйского, причем ритуал Души также был включен в него. Культ Фил— новый и развился особенно в последние времена египетской культуры, когда он был в Египте пограничным и привлекал многочисленных паломников из Нубии, вербуя их даже среди диких племен. Локализация здесь истоков Нила дала ему и богословское обоснование и наложила на него своеобразную печать, подчеркнув нильский характер бога. Обряды имели целью устроить, чтобы «Осирис оживал каждый год, изливал Нил». Он сокровенен и «никто не может его ни видеть, ни слышать». «Его ноги зеленеют, и он посылает Нил в свой град Фивы».

Один из изданных Гриффисом демотических папирусов (pap. Dodgson) представляет интересную иллюстрацию к этим сведениям. Дело идет о нечестивце, которому выставляется на вид, что он «пил вино в роще, посвященной царю Осирису Онуфрию, делал то, что мерзость для Исиды, пил ночью вино, когда богини облекаются в траур», громко разговаривал со своей женой, восхваляя (в пьяном виде) Тефнут, когда плакальщицы отправляли свои обязанности, заставлял петь певцов и нарушил сон Души бога. Очевидно, нечестивец умышленно оказал непочтение к святому месту, о котором текст говорит: «эта местность — чертог плача. Здесь Исида и Нефтида плачут... Ненавистна здесь громкая речь»... Он забрел сюда с праздника Тефнут, которая имела храм на этом же острове и в честь которой справлялись оргии, прославлявшие ее прибытие, с музыкой и пьянством. Кощунство совершено к тому же во время самих мистерий, и дни плача и траура, печального обряда 21 хойака, когда слагалась мумия Осириса, были нарушены пьяными криками... Все это является интересной страницей из религиозной жизни этого времени и переносит нас в среду современников заката египетской культуры, столь близких к эпохе христианства. Достойна внимания и хорошая осведомленность классических писателей о филэйском храме и его культе. И Диодор (22, 3), и Страбон, и Сервий, и Сенека сообщают сведения весьма близкие к тому, что мы видим в приведенной надписи. Особенно характерны в этом отношении сообщения у Диодора: у него дается и имя острова ἱερὸν πεδίον, говорится и о гробнице Осириса, и о 360 жертвенниках, и о ежедневном возлиянии молока, и о плачах, и о недоступности острова. Прибавляется, что во всей Фиваиде считается самой священной клятва Осирисом, лежащим в Филах. Эта популярность святилища в поздние времена лучше всего объясняет и осведомленность классических писателей.

Сведения об упомянутом в папирусе Dodgson празднике в честь Тефнут мы также имеем из храмовых текстов, изданных и изученных Юнкером. В Дендера, Эдфу, Эсне, Филах и находившихся под влиянием последних храмах Нубии имеются надписи, повествующие о прибытии Тефнут-Хатор из Пунта в Египет и установлении ей культа. Этот миф, в своей основе восходящий к глубокой древности, теперь получил свою окончательную форму и представляется в следующем виде. Ра еще царствует в Египте. Его дщерь Тефнут обитает в Бугеме, в пустыне к востоку от верхне-нубийского Нила. Это — львица, живущая кровью врагов, сверкающая огненными глазами, дышащая пламенем, пылающая яростью. Верховный Ра затосковал по дочери, которая может быть ему полезна для защиты от врагов, и он поручил Шу и Тоту заманить ее в Египет. Первый — брат дикой богини, давно ушедший от нее в Египет и помогающий Ра в его борьбе с непокорными людьми; второй был необходим, как маг. Боги превратились в павианов. При встрече с Тефнут Тот стал на задние лапы и рассказал ей в «красивых умиротворительных словах» о красоте Египта и Нила

*

и всех чудесах ее отца, где ей выстроят храмы и где ей будут приносить жертвы, благодаря которым ей не будет необходимости жить грабежом и охотой. Музыка, песни и пляска прогонят печаль с ее сердца. Шу говорил в том же духе. Богиня была убеждена, успокоилась, обняла брата и двинулась в путь, сопровождаемая веселым шествием нубийских певцов, Бесов и павианов. Шу берет лютню и пляшет перед сестрой, Тот произносит магические успокоительные слова. У Фил дикая львица делается кроткой газелью и с удивлением созерцает красоты Египта. Быстро распространяется весть о ее прибытии. Стекаются навстречу женщины с систрами и тимпанами, жрецы приветствуют ее с арфами и флейтами; богине подносятся букеты и гирлянды, ее умащают благовониями. Сам Ра встречает и обнимает свою дочь. В Филах на месте встречи воздвигается ей святилище рядом с посвященным ее сестре Исиде, чтобы она охраняла остров и не допускала на него врагов Осириса, мистерии которого здесь справлялись. Затем богиня продолжает путь вверх по Нилу, останавливаясь на девяти местах, где происходят торжественные встречи: в Омбе, где Шу дважды спас Ра от его врагов, ей, по словам Тота, будет хорошо у ее брата Шу. В Эдфу ее приветствует Гор, ее сосед по Пунту, в Эсне городские боги выезжают навстречу и «вся вселенная празднует веселый день». Подобное же произошло и в других местах. Богиня выручила затем своего брата из затруднения: «она сокрыла его от супостатов, повергла его врагов и попалила их пламенем очей своих». Ра постановил на все времена, чтобы день прибытия ее был праздником, почему ежегодно ее шествие представлялось драматически в храмах. В Филах шла процессия навстречу ей к киоску, куда прибывала ее барка; здесь проделывалось все, согласно мифу, и веселая процессия из обезьян, игравших на лютне, Бесов, ударявших в бубны, жрецов с арфами и флейтами. «Ликование во святилище; Филы в радости, Хатор является в свой дом; как сладостно ее приближение!» В Дендера, Эдфу и Эсне эти обряды начинались 19 тиби (январь юлианского года). Филэйские веселые празднества — именно те, о которых говорит папирус Dodgson и участники которых возглашали: «Тефнут несравнима!»

Римский император, приносящий жертвы различным египетским богам. Рельеф из Филэ.

В Филах, как доказал также Юнкер, справлялись еще обряды в честь священного сокола, «Души» бога Солнца, доставлявшегося из Нубии и потому именовавшегося «священным соколом, явившимся из Пунта, перелетев в радости небесное пространство. Он — душа священного существа, с прекрасным ликом и головой цвета ляпис-лазури». К нему обращаются другие божества: «приди в твой дворец малахитовидный, твой престол готов принять тебя, твое величество в радости. Эннеада ликует, твой дух могуч в жизни и здравии». Тот подносит ему, как царю, ветвь долголетия, и все обряды имеют характер царской коронации. Страбон видел этого сокола и сообщил нам, что он действительно эфиопской породы. И в данном случае класси-

ческий писатель оказался хорошо осведомленным об одном, и притом сравнительно мало известном культе Фил, и тем еще раз доказал большую популярность этого святого места.

В народе суеверие продолжало господствовать и прогрессировать. Магические тексты, заговоры против болезней и т. п. пережили язычество и остались в наследство коптскому христианскому Египту; еще в VIII в. н. э. были в ходу тексты, в которых на ряду с именем Иисуса Христа встречаются Исида и Нефтида и языческие мифологические намеки. И гностицизм не малым обязан египетским суевериям. В это время под влиянием греков входит в обычай инкубация и особенно прививается при серапеях, но и в других культах находит себе радушный прием; само собою разумеется, что древнее туземное суеверие — зоолатрия процветает больше прежнего, и мы уже видели на примере погребателя змеи, до каких пределов она дошла. Рассказы классических писателей также сообщают нам поразительные факты из этой области. Интересно привести еще один официальный текст, относящийся сюда и повествующий о смерти священной коровы богини Исиды. «В год 13-й, 27-го паофи при царе Птолемее I, возлюбленном Исиды, священной коровой, божественной звездой Сотиса, царицей планеты. В сей день, когда приближался траур по величеству коровы Исиды, сообщили об этом жрецу «мехи», жрецу «семенхат», жрецам, отцам и часовым служителям. Писец храма озаботился коровой согласно предписаниям книг и сообщил: «в третий час сегодня душа величества Исиды, священной коровы Исиды вошла на небо. Ее душа поднялась на небо и соединилась с Ра...» Тогда жрец стойла вышел так, чтобы никто его не видел, и вошел в зал, чтобы сообщить о несчастии жрецу «мехи» и великим хонтам: «небо сегодня сошло на землю, душа Исиды отлетела в небо». Жрец «ари» и жрец «семенхат» и заведующий тайнами и владыка Афродитополя (тоже жреч. титул), и хонты, божеские отцы, великие уэбы... бальзамировщики, чтецы, писцы священной книги, херихебы и анмутеф поспешили к дому коровы Исиды»...

До нас дошло собрание греческих и демотических черепков из Омба, представляющих документы о погребении священных кобчиков и ибисов, происходившем обыкновенно однажды в год в присутствии властей, но повидимому без участия жрецов. Приводятся цифры в сотни и тысячи погребавшихся священных птиц, очевидно не только кормившихся на храмовых участках, но и случайно находимых.

Погребальные обряды и *культ мертвых* продолжали развиваться, распространяясь и среди пришлого населения. Заупокойные тексты рядом с Книгой Мертвых дают несколько новых типов большей частью фиванского происхождения, характер и содержание которых однако представляет мало нового, вращаясь в кругу прежних представлений и ритуальных предписаний. Таковы многочисленные «Книги Дыхания», начертанные перстами Тота и полагавшиеся под голову покойнику, «Книги Прохождения Вечности», перечислявшие множество местностей загробной топографии, книга «Да процветает имя мое» и т. п. Они писались и иератическим, и демотическим шрифтом, иногда даже странными крупными курсивными иероглифами, и в значительной мере оттесняли на задний план древнюю Книгу Мертвых, которая, получив в саисскую эпоху канонический состав в 165 глав, не для всех стала доступна. Из числа этих новых произведений обратили внимание на два папируса Rhind Британского музея, написанные иератическим и демотическим шрифтом для фиванской жреческой семьи. Начало следующее:

«В год 13-й, в третий месяц первого времени года, 27-й день фараона Птолемея, бога, любящего своего отца, родился прекрасный сын в доме своего отца; он назван именем Хему-Сауф. Отец его — вельможа в своем городе (голова?) Ермонте, жрец Монту-Ра, владыка Ермонта, названный именем Менкара. Он воспитан был в довольстве, при наличности всего, чего хотело его сердце. Велика была похвала его в сердце его братьев; их любовь вошла в их тело; он поступал во благо, согласно тому, что (о нем говорили). У него родились сын и дочь, чтобы пережить его. Он достиг 59 лет и вошел в 60-й семью месяцами и 14 днями. Он жил в обилии, делал добро, обонял

мирру Пунта каждый день, не беспокоился из-за дурного в сердце своем; праздник всякого бога был пред ним, как и в первый день жизни, до конца жизни. Начертал ему Тот на кирпиче места его рождения злой день великий его отшествия в Некрополь и преклонения головы, чтобы войти в преисподнюю.

В год 21-й Кесаря, владеющего властью (автопратора), в месяц 3-й лета, в 16-й день первого юбилея, указ, данный Некрополю Игерт, чтобы довести до сведения находящихся в преисподней, со стороны небесного писца, водителя Ра главе эннеады великой, Тота, главы Ермополя: «состоится бальзамирование брата фамилии царя Хему-Сауфи, сына царского чиновника, жреца Монту, Менкара, рожденного от Ташринемонту».

10-го эпифи — великое бальзамирование во всей земле. Взошел его величество к небу (демот.: случилось несчастье шествия его величества к небу); наступил этот час, установленный на родильном кирпиче, чтобы доставить его к бальзамированию, но чтобы он не был лишен погребения, согласно всем предписаниям во время свое.

Чтобы он покоился на подстилке из свежих трав и были проделаны церемонии херихебом некрополя («Места Правды»; демот. живым), который осилил врага священного Ока (т. е. жертвенное животное)...

Глас Анубиса: «ты идешь к нам, как утомленный, к некрополю, сердце которого устало более всего (на свете). Ты шествуешь вместе с народами в Арк-хех. Восходит твоя душа в виде птицы феникса, сердце (?) твое — кобчик и ибис, внутренности твои — ястреб и коршун, Апис и Мневис. О прекрасный, ты преставился во благо, как достигший врат горизонта. Возлагаю я руки мои на тело твое, как сделал я отцу моему Осирису. Я делаю здравыми твои члены, как «находящийся на своей горе», в моем первом образе, как бальзамирователя. Я устраиваю путь твоим излияниям к морю, чтобы соединить его с божественными излияниями».

Затем описывается процедура бальзамирования, после которой Анубис ведет покойного пред Осириса. Бог обращается к нему с ласковой речью, а свита его оказывает ему почтение. Гор и Тот произносят очистительную формулу.

Далее следует интересное утешительное обращение:

«О ты, опустивший голову на землю, чтобы отправиться в преисподнюю, и получивший на земле в удел долголетие и счастливую жизнь, не дай развиться в твоем сердце печали. Ведь на кладбище уходят малые дети, а ты достиг на земле старости... Ты ел и пил и делал все, что у тебя было на сердце. Все было к твоим услугам и никогда тебе не говорили: «нет»... И священные животные великих богов живут и умирают до века, пока существуют боги. Пусть твое сердце радуется с духами прославленных, с которыми ты соединен, чтобы служить Осирису... Боги, находящиеся в твоем теле (вар.— «твои внутренности»), видели твои хорошие качества. Пристань к свите Осириса и возгласи возможно громче: «Владыка мой, отец мой Осирис, я был изрядным человеком, ходившим по пути правды, не преступившим праведной меры, не сотворившим греха, ненавидимого твоим духом, во всей моей жизни. Правда была в моем сердце, я давал хлеб нищему; многие люди питались у меня. Я стою пред Тотом и падаю ниц пред владыкой весов. Приставленные к весам свидетельствуют в мою пользу... Я служу тебе подобно тем достойным, которые пребывают в прекрасной преисподней».

Для магической защиты покойного назначается известная «Книга Дыхания». Затем в его пользу свидетельствуют чада Гора, что он «не сотворил зла в своей жизни» и был щедр на жертвы им. Тогда Осирис «отверзает уста свои, к удовольствию Эннеады, произносит свой приговор: сей человек, сердце которого превосходно, да будет причислен к бла́женным; да идет душа его к небу с их душами, а тело остается в преисподней. Пусть ежедневно дают ему хлеб на жертвенник». Текст заканчивается длинным рядом обращений к божествам в пользу покойного и подобных же пожеланий, напр.:

«Да сияет свет солнца над его телом, да взойдет душа его на небо и соединится с солнцем, да пристанет он к свите Осириса, причем сын и дочь переживут его, и не

будет на земле промежутка до века»... Следуют обращения ко всем богам Эннеады, к звездам, к Ориону, Медведице, Сотису и т. п. с просьбой снабдить его амулетами и содействовать оправданию. Наконец, приводятся приветственные слова богине Нут, находящейся в саркофаге.

Эти папирусы представляют совершенно особую заупокойную композицию, не имеющую ничего общего с Книгой Мертвых, обнаруживающую новые явления. Так, они начинаются панегирической биографией, влагают в уста Тота указ о бальзамировании покойного, который приравнивается к царям и именуется «величеством». Психостасии нет — ее заменяют представление Осирису, рекомендация богов и краткое исповедание покойного, вызывающие оправдательный приговор. Однако, весы упоминаются, и в этом характерные для египетских писаний противоречия, которые сказываются еще и в том, что после оправдательных слов Осириса, вызванных уверенностью в нравственных достоинствах покойного, следует просьба о снабжении его амулетами. Вообще же текст отличается в общем цельностью, возможной для египетского произведения; он уже не представляет бессвязного собрания магических формул, подобно Книге Мертвых, и с этой стороны указывает на некоторый литературный прогресс, произошедший, может быть, и не без некоторого греческого влияния.

Надгробных стел дошло до нас от поздних эпох огромное количество, не только иероглифических, но и демотических. Особенно часты стелы из Ахмима, они отличаются тщательностью исполнения, хорошей сохранностью, большей частью принадлежат греческим фамилиям и содержат длинные тексты. Ряд местных божеств изображен в верхней части; пред ними молящийся покойный, и иногда уже в греческом одеянии. Сами тексты представляют распространенную заупокойную формулу и обращение к проходящим с просьбой помянуть; иногда проскальзывают нравственные нотки (напр., на одной плите московского собрания: «я поместила волю бога в сердце мое; с младенчества до конца жизни была праведна сердцем пред богами и богинями»...), иногда литературные мотивы или заимствования (напр., на одной каирской — из книги Синухета или на московской из Афродитополя — обращения в стиле песни арфиста: «да не скорбит сердце твое о том, что случилось... О живущие... отложите печаль, празднуйте с вином и благовониями, проводите время ваше в радости: счастлив устроивший свою жизнь следуя своему сердцу, не забывающий о нем; блажен слушающийся своего сердца во век... не падайте же духом...»); нередки и здесь фразы из ходячих заупокойных текстов (особенно на демотических стелах). Изредка текст расширяется, принимая характер автобиографии. Так, на одной венской стеле мемфисская жрица Хатхор повествует о своих семейных добродетелях, благотворительности, о благосостоянии семьи, как о награде за благочестие, об уважении всего города и участии всего Мемфиса в ее погребении, обращается к мимоходящим с наставлением чтить Хатхор и т. д. Современник последнего Птолемея и Клеопатры, первый вельможа, верховный жрец мемфисский Пшерниптах между прочим говорит нам: «я родился в 25-й год, 2-го мес., 11-го числа при величестве царя Птолемея Сотира II и провел 13 лет на глазах отца. Повелел царь Птолемей Филопатор-Филадельф юный Осирис передать мне великий сан верховного жреца, когда мне было 14 лет. Я возлагал диадему царя на его главу... Я ходил в столицу царей-греков на берегу моря, которой имя Ракоте... Когда царь... направил свой путь к храму Исиды, принес ей великие жертвы... остановил свою колесницу и увенчал главу мою прекрасным венцом из золота и всякого рода дорогих камней; изображение царя было посередине... Я был князем богатый всем... Не было у меня сына. Величество бога Имхотепа, сына Птаха, обратило ко мне лицо свое, и я был награжден сыном, названным Имхотепом»... Жена этого жреца Тиимхотеп рассказывает подробно о своей молитве о даровании сына, о явлении Имхотепа во сне и т. п., затем говорит о своей кончине и погребении «позади Ракоте», т. е. Александрии. Надпись свою она заканчивает совершенно необычно: «о брат, супруг, друг, не уставай пить и есть, напивайся, наслаждайся любовью, празднуй, следуй желанию сердца день и ночь.

Весь Запад — страна сна, тягостного мрака; это место спящих в своих мумиях, не пробуждающихся, чтобы видеть своих братьев, своих отцов и матерей, забыло сердце и жен и детей. Вода жизни, что на земле для живущих, для меня гниль. Я не знаю, где я, с тех пор, как прибыла в эту юдоль... «Смерть всецелая, иди» имя того, кто всех связывает вместе, и идут к нему, трепеща от страха, — нет никого, на кого бы он не взирал, будь то бог или человек; он исторгает сына у матери... все боится и молится ему, но он не слушает молитв, не взирает ни на какие дары».

Как объяснить появление таких неправоверных мыслей среди самых высших представителей египетской религии? Была ли это просто литературная форма, в других местах однако незамеченная, или перед нами влияние греческого общества, или прорвавшееся наружу проявление каких-то внутренних процессов в самой египетской мысли, подобных тем, которые привели, например, некогда к папирусу «Беседа разочарованного со своим духом»? Несомненно, мировая эпоха эллинизма с ее широким кругозором, обусловленным обменом между странами и культурами, и в Египте будила мысль и давала новые вдохновения. Греческое влияние на надгробных плитах, кроме платья, можно, пожалуй, видеть в том, что иногда обозначается число лет, прожитых покойным. Попадаются иногда надписи с греческими переводами или с обозначением имени, отчества и возраста по-гречески. Большое количество демотических стел найдено Петри в Дендера, в массовых погребениях, причем одна бывала общей для нескольких покойников. Заменой стел Шпигельберг считает деревянные пластинки — этикетки с именами и адресом покойных на демотическом, греческом, иногда на обоих языках, изредка с изображением богов и портрета покойного. Но это скорее сопроводительные документы, привешивающиеся к телу для направления к месту бальзамирования.

Бальзамировали тела теперь все, и египтяне, и инородцы, и даже впоследствии сначала — христиане.

Не всегда, конечно, и не все прибегали к лучшему способу бальзамирования, отчего сохранность тел нередко плохая. Вошло в обычай (I в. н. э.), между прочим, держать мумии некоторое время дома, для чего употреблялись или деревянные носилки или деревянные саркофаги, поставленные на подножие и имеющие вверху дверцы, чрез которые виден картонаж-маска покойного. В связи с этим замечается стремление придать этой маске портретные черты и одеть мумию в костюм соответственно моде. До нас дошло несколько погребений, но уже в половине I в. входит, особенно в Фаюме, в обычай класть на место головы на тело, обернутое в погребальные пелены, плоский, написанный темперой, или восковыми красками портрет, нередко весьма художественного достоинства. Параллельно с этим хоронят, поместив в изголовье рельефную расписанную гипсовую голову, также передающую портретные черты и несколько приподнятую, как бы пробуждающуюся. Иногда вместо саркофага умерший обертывается в расписные пелены, на которых он представляется с портретным лицом, стоящим на загробной ладье, среди Осириса, в которого он превратился, и Анубиса, который его принимает. Вся пелена, кроме лица, приготовлялась заранее ремесленным способом египетскими рисовальщиками, портрет же писался на холсте греческими художниками и частью вклеивался в пелену, частью пририсовывался к ней.

В Москве имеется три пелены этого рода, лучшие из известных; на них, между прочим, можно проследить постепенный переход нимба от солнечного диска на головах египетских божеств до той формы, какую он имеет в настоящее время, — на одной из пелен покойница имеет вокруг лица нимбы последнего типа. На пеленах, заменявших саркофаги, изображалось in effigie то, что обыкновенно давалось покойнику in natura — канопы, силуэты слуг (ушебти), амулеты. Здесь же иногда находятся и некоторые сцены из Книги Мертвых, которые обыкновенно занимают много места на подобных пеленах чисто египетского стиля. Судя по портретам, покойники, хоронившиеся с портретами и в расписных пеленах смешанного стиля, принад-

Деревянный саркофаг в виде богини Хатор.

лежали к смешанной греческой расе или даже были настоящими инородцами, усвоившими египетский ритуал.

Любопытным памятником греко-египетского художественного стиля и греко-египетских погребальных обычаев являются александрийские катакомбы с росписями и барельефами, частью довольно близкими к древним образцам, частью представляющими курьезный продукт смешения, в котором не выиграл ни один из сопоставленных стилей. Такова роскошная усыпальница половины I в. н. э. богатой александрийской семьи, называемая теперь Ком-Эш-Шукафа. Здесь и египетские боги, и сцена бальзамирования Анубисом и Тотом, и жрецы, совершающие заупокойную службу, и покойный, облеченный в погребальные пелены и украшенный на голове солнечным диском, как прославленный, здесь и священный бык, которому царь подносит ожерелье. Но саркофаг уже с гирляндами, эллинистического типа, колонны, хотя и с египетскими перехватами вверху и листьями внизу, имеют базы и капители, уже неегипетские. Греческому искусству принадлежат и потолок в виде раковины, и орнаментальные полосы из так наз. яйцевидных фигур и т. п. Анубисы имеют вид или римских воинов, или вместо ног имеют тело змея; жрец птерофор изображен с перьями на голове, сами покойные имеют статуи, идущие по прямой линии от древнего обычая ставить в гробнице портретные изображения, но стиль их уже почти совершенно греческий. Равным образом александрийскому искусству принадлежат и те предметы, которые помещались в гробнице для загробных нужд покойного. Наконец, имеются места для иероглифов, но не было иерограммата, почему они или не заполнены, или заполнены фантастическими знаками. Таким образом, в погребальных сооружениях и обрядах господствуют египетские идеи, но греческие формы.

Многочисленные памятники искусств, дошедшие от греческого и римского времени, свидетельствуют, подобно описанным гробницам, о проникновении греческих художественных форм, а также о стойкости египетских представлений и навыков, техники и мотивов. Одно время казалось, что из соединения двух стилей может выработаться нечто ценное и здоровое. Если не относить сюда знаменитых берлинских и др. зеленых базальтовых голов, то лучшими образцами этого направления могут служить статуи так наз. Александра II (IV), отчасти Харсинебефа, некоторых Птолемеев, барельефы из гробниц, напр., Псаметихноферсашма Джанофера и др., где мы находим возвращение к образцам Древнего царства, но с несомненными признаками греческого влияния, не только в одеяниях и музыкальных инструментах. Хуже известные статуи из Диме и Мемфиса, совершенно уродливы — колоссы, представляющие римских императоров, иногда переделанные из древних статуй, барельефы, подделанные под XVIII или XX дин.; стелы позднего времени, уже частью с греческими надписями и т. п. Скульптура не держалась столь же долго, как архитектура, и попытки комбинации ее с греческой не удались. М. И. Ростовцев указывает на связи африканских мозаик с композициями и мотивами старого египетского искусства и видит в декоративной живописи эпохи римской империи «сознательное подражание старо-египетским принципам декорации плафонов, стен, полов, дворцов и гробниц, которые связаны с именем Аменхотепа IV. Принципом этой декорировки было покрывать большой нейтральный фон в беспорядке разбросанными цветами, ветками, бабочками».

Дошло до нас несколько *магических текстов*, предназначенных и для живых. Кроме заклинаний, заговоров и т. п., повторяющих с бесчисленными вариациями историю Гора и Сетха и сообщающих все новые и новые формулы, известно несколько отрывков, подобных которым, кажется, не было в древнем Египте и которые явились, может быть, не без влияния халдейской или греческой магии. Например, в Берлинском музее есть составленная для астрологических целей большая планетная таблица в календарном порядке (10 г. н. э.), кроме того кусок астрологического руководства (римск. врем.), где предсказывается судьба по рождению под тем или другим созвездием. Например: «кто родится под Венерой, когда она

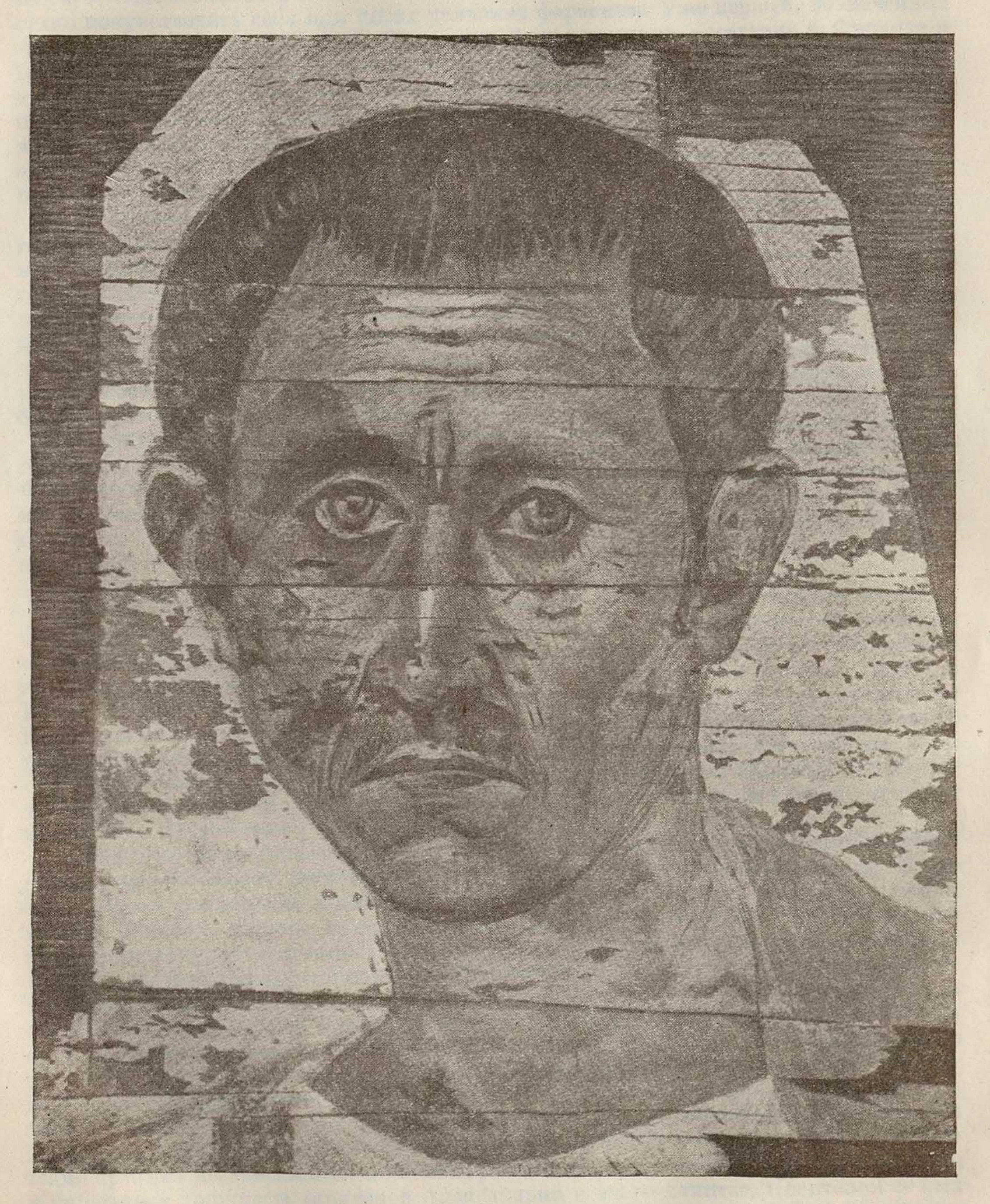
находится в доме Шаит («дома» — вероятно знаки Зодиака), будет счастлив и владеть многим имуществом. В своем городе он будет пользоваться добрым именем и получит большие отличия». Два гороскопа найдены нарисованными на потолке гробницы богатого египтянина Меригора в Атрибе. По определению М. Вильеви, они относятся к 6 янв. 179 и 1 мая 186 г. до н. э. и представляют, как знаменитый Зодиак в храме в Дендера, соединение вавилоно-греческих созвездий с египетскими фигурами Сотиса и Ориона; последний изображен как бы обителью душ. От римского времени сохранился также отрывок составленного для магических целей списка минералов и растений. Один камень обеспечивает своему владельцу рождение детей, другой хорошее поручение от «фараона», третий — внезапную смерть, эбеновое дерево — богатство и счастье, смоковница — богатство и знание сокровенного, пальма — радость и т. п.

Магического содержания также два крупных литературных произведения этого времени — сказки, в которых действующим лицом является героизированный древний мудрец, сын Рамсеса II Хаэмусет. В одной из них описываются приключения его за поисками в древних гробницах магической книги Тота, которая делает ее обладателя выше богов. Из двух формул ее, первая очаровывает небо, землю, преисподнюю, горы, воды, дает возможность понимать язык птиц и пресмыкающихся, видеть рыб бездны; вторая — находясь под землей, видеть себя на земле, бога солнца при его восходе, его цикл богов, месяц в его лучезарном образе. Другой рассказ, весьма интересный и сложный, заключает в себе кроме того и нравственный элемент. У Сатни-Хаэмусета рождается сын Сеносир, который впоследствии оказывается не кем другим, как возродившимся великим магом древности, явившимся снова в мир, ибо в Египте оскудели мудрецы, и пришло предсказанное время спасать отечество от козней эфиопского мага. Еще в младенчестве он обнаруживает необыкновенную мудрость и чудеса. Отец его однажды видит богатые похороны, а затем убогое погребение нищего; он захотел избавиться от участи последнего. Сын, напротив, пожелал ему этой участи и, для доказательства своих слов, повел его в преисподнюю и показал семь мытарств, в которых мучатся грешники, в числе их погребенный с пышностью богач, тогда как нищий облечен в тонкое полотно и находится вблизи Осириса. Здесь же происходит страшный суд. Затем мальчик спасает Египет от эфиопских козней и исчезает. Этот текст между прочим доказывает, несмотря на анахронизмы, что египтяне в это время интересовались своим фараоновским прошлым, а также, что, несмотря на магию, они не потеряли способности к высоким представлениям. Можно даже усматривать известный прогресс последних в том, что на суде Осириса взвешивается не сердце с магической формулой, обеспечивавшей ему благополучный результат, а добрые дела и преступления; перевес тех и других обусловливает участь, и для магии нет места. Рейценштейн в своей увлекательной книге об эллинистических чудесных рассказах придает большое значение в истории литературы и религиозных представлений подобным египетским рассказам; в увлечении чудесным, охватившем эллинистический мир во второй половине римского времени и отразившемся, между прочим, на христианских апокрифических сказаниях, египетские влияния занимали не последнее место. Интересно для нас отметить любовь египтян к своему прошлому, к своим героям древности, к излюбленным именам. Кроме Сатни-Хаэмусета они чтили, как известно, Имхотепа и Аменофиса, сына Паапия, сделавшихся теперь совершенно богами. Их чтили и египетские греки: первого под именем Асклепия, а второго — под собственным именем (есть у Манефона), даже списывали его гномические изречения (остракон из Дейр-эль-Бахри). Четвертым историческим божеством такого же порядка был фараон Аменемхет III, в честь которого и греки ставили в Фаюме посвящения в чисто египетском стиле, но на греческом языке. Он почитался вместе с местным крокодиловым богом Сухом под именем Прамарра (Перро-Марес — Царь Мар-Нимаатра). Из египетского прошлого берут свое содержание еще два демотических исторических романа, разработанные Краллем: один повествует о войне эпохи «Додекархии», передавая довольно верно историческую ситуацию, другой —

о пророчестве агнца при царе Бакхорисе (есть у Манефона). Оба эти романа более древнего происхождения, но они переписывались, ими интересовались в нашу эпоху; рассказ о Бакхорисе относится ко времени Августа и переписан очевидно потому, что в ожидавшейся войне римлян с парфянами думали увидать исполнение пророчества «агнца» о возвращении из Азии чрез 900 лет после Бакхориса изображений египетских богов. Все это доказывает, что египтяне не только интересовались своим прошлым, но и могли иногда следить за хронологией. До нас дошло еще несколько текстов сказочного или морального содержания, к сожалению, демотических. Шпигельберг недавно издал и перевел несколько демотических текстов, написанных на негодных сосудах. Они оказались новым видом литературных произведений — сборником рассказов в форме писем и, вероятно, представляют упражнения в этом жанре. Так, некто излагает в письме к фараону историю волхва Хигора, посаженного в тюрьму в Элефантине; по совету двух птиц он написал о себе на двух папирусах и переслал через птиц это писание ко двору. Арабский князь пишет фараону басню о птице, выпившей море в возмездие за то, что оно не уберегло порученных его охране во время отсутствия птенцов. Эта басня принадлежит к числу распространенных — подобная ей встречается в Панчатантре, в Агаде палестинских амореев и т. п. Третье письмо черпает свое содержание из истории волхва Сеносира, уже известного нам, четвертое написано от имени сирийца и рассказывает о его приключениях на празднике Исиды и т. п.

В одном из лейденских демотических папирусов приводится спор кошки с шакалом: первая доказывает силу добра, второй — торжество силы и безучастность богов и т. п. Автор как будто на стороне шакала. Во время спора обе стороны приводят басни из животного мира, имеющие ту же форму, что и соответствующие греческие, но выводить отсюда заключение о греческом влиянии нет оснований. Вообще греческое влияние не отразилось особенно осязательно на египетской литературе; заимствованных слов даже в демотических текстах весьма немного. Больше оказывали влияние греки на скульптуру и одежду. На жизнь туземного интеллигента римского времени проливает свет, между прочим, находка 1884 г. Фл. Петри в Танисе, у восточной стороны главного храма жилого квартала, в котором был открыт между прочим дом адвоката Адриана, по имени Бекиеху. К сожалению, квартал сгорел, вероятно, во время восстания Буколов 174 г. и дом со всем имуществом поврежден. Тем не менее, интересные остатки сохранились и дают обильный материал. Под домом находился большой подвал, в котором оказался архив или библиотека с 150 папирусами, иероглифическими, демотическими, иератическими, греческими унциальными и др., большею частью делового характера, согласно профессии владельца. Здесь же оказалась хорошо сохранившаяся каменная статуя хозяина с демотической подписью и с греко-римским влиянием, которое сказалось уже в самой идее приготовить для дома портретную статую живого человека. Но только в этом, да в нескольких греческих папирусах и выразился «эллинизм»; во всем остальном Бекиеху верен своей туземной культуре. Фигурки божеств — египетские, равно как и другие вещи; только барельеф сфинкса обнаруживает азиатское влияние. Бекиеху был и художник — найдены принадлежности для живописи. Вообще он был человек образованный и состоятельный, и с большим вкусом. Интересно познакомиться с этим представителем «либеральной профессии» в римском Египте. Из числа папирусов его библиотеки обращает на себя внимание иероглифический силлабар и географический словарь — книги справочные, которые теперь входят в моду; ощущается потребность подвести итог и создать пособия. К числу таких относятся различные списки должностей, богов, звезд и т. п., находящиеся в различных музеях.

Римское владычество принесло в Египте некоторые изменения. Царь, как и в персидское время, отсутствовал — он управлял из далекого Рима; поэтому мало-по-малу его стали называть просто «фараон», не интересуясь именем; он должен был иметь своим заместителем префекта Египта, который фактически и был прави-



Фаюмский портрет. Собрание Гос. Музея Изобразит. искусств в Москве.

телем страны и главой религии. Но опыт очень скоро доказал, что в Египте можно легко почувствовать себя при таких условиях фараоном. Уже первый, назначенный Августом, наместник Египта Г. Корнелий Галл, усмирив восстание в Фиваиде и победив эфиопского царя, по свидетельству Диона Кассия, «много совершил незаконных поступков — поставил свои изображения по всему Египту и написал на пирамидах о своих деяниях». Действительно, в 1895 г. на Филах нашли разбитый и употребляемый для постройки большой камень с надписью на трех языках: латинском, греческом и египетском-иероглифическом. Первые два текста тожественны по содержанию:

«Г. Корнелий Галл, сын Гнея, римский всадник, первый назначенный Кесарем после победы над царями префект Александрии и всего Египта, победитель восстания в Фиваиде в 15 дней двукратным поражением неприятеля, завоеватель пяти городов: Боресея, Копта, Керамика, великого Диосполя, Офиэя, убивший вождей восстаний в них. Перевел он войско за порог Нила в место, куда раньше не заходили воюя ни римский народ, ни египетские цари, покорив всю Фиваиду, не подчинявшуюся царям, приняв послов эфиопов в Филах и взяв их царя под свой патронат, поставив в Эфиопии тиранна Триаконтосхенской области, принес это в дар богам отеческим и Нилу-помощнику».

Вверху должны были быть изображены эти боги, но этого не успели сделать и вместо них стоят одни надписи: Осирис, Исида, Гор, Хнум, Сатет, Анукет — боги Фил и Элафантины. Между ними — необычное в египетском официальном искусстве изображение римского всадника, поражающего поверженного врага, и надпись иероглифами: «Князь Тамери (Александр?) и обоих Египтов, (избранник) Кесаря», а затем под изображениями иероглифический текст, являющийся едва ли не самой поздней иероглифической надписью исторического содержания:

«В год 1-й, в 4-й мес. зимы, 20-й день при его величестве, прекрасном юноше... владыке владык... Кесаре, вечно живущем. Был могучий князь, владыка обеих земель, сильный рукою... он благодетельствует Египет, наполняет Александрию своими красотами... Он напал на иноземные области... и разрушил их ужасом... подобно Гору... Он побеждает Пунт, его чествуют негры и Хену (?), его власть доходит до востока солнца и до гор Ману на запад и до народа Машаваша. Он воздвиг храмы, поощрял жертвы, делал угодное для изображений богов, приносил прекрасные дары отверстиям Элефантинским и воздвиг памятник великому духу (Хнуму). Он умиротворил князя Эфиопии .. вельмож народа Менту; почтил Исиду ренускую... и чистое место бога сокровенного образа (Осириса)»...

Несмотря на печальное состояние и ужасный поздний язык текста и всего памятника, ясно, что жрецы острова Фил, приготовившие эту надпись, еще жили древнеегипетскими традициями и накануне начала н. э. употребляли дошедшие до них от времен Древнего царства географические термины. Характерно, что они обошли молчанием усмирение туземных мятежей и новый погром Фив. Вероятно, они имели в виду дать нечто вроде «плиты Сатрапа Птолемея», изобразив среди богов Августа в костюме фараона, но Галл потребовал, чтобы было помещено его изображение на коне. Этим он преступил предел дозволенного для простого наместника, навлек на себя подозрение и гибель. Камень его был разбит и употреблен на постройку храма от имени Августа. Последний особенно дорожил Египтом — здесь он был царем, не будучи официально таковым в остальной империи, и он отнесся к выходкам Галла, может быть, с большей подозрительностью, чем они того заслуживали. С этих пор для египетского префекта был закрыт путь для сношений с жрецами и для приобретения чрез них независимого положения; религиозные дела были изъяты из его ведения и учреждена должность «архиерея Александрии и всего Египта». Носителем ее был не жрец, а светский чиновник, функции которого были соединены с функциями идиолога, сановника с финансовым оттенком. Вместе с тем прекращают, кажется, свое существование общие и даже провинциальные съезды жрецов, столь обычные

при Птолемеях и неизменно сопровождавшие всякое выдающееся событие в жизни царя или культа (напр., интронизация Аписа).

Вообще, положение египетского жречества и народа стало при *римлянах* значительно хуже, чем при последних Птолемеях, хотя религия продолжала пользоваться терпимостью и, пожалуй, несмотря на антипатию римлян, покровительством, хотя императоры изображались и на стенах храмов, и на плитах, как фараоны, боги и главы религии (что не мешало некоторым из них в Риме стеснять египетские культы), но храмовая политика их была еще более последовательно направлена к лишению жречества всякого политического и даже экономического значения; оно должно было стать одним из звеньев в цепи фискального высасывания страны. Γῆ ἱερᾶ теперь окончательно слилась с γῆ βασιλική или δημοσία; она была конфискована, и лишь часть ее возвращена храмам, частью как замена уничтоженного σύνταξις, частью с обязательством платить за нее арендную плату. Ἀπόμοιρα была окончательно отнята, права убежищ ограничены, если не совершенно уничтожены, что лишило храмы дешевых рабочих; запрещение обрезания при Адриане рапространилось и на египтян, поэтому со времен Адриана требовался для необходимого при посвящении в жрецы обрезания разрешительный документ от «архиерея Александрии» и утверждение царя. Из числа жрецов лишь определенное количество освобождалось от поголовной подати, а последняя (λαογραφία) делала невозможным получение римского гражданства. Вообще для жителей Египта последнее было затруднено уже тем, что необходимою ступенью к нему было поставлено гражданство александрийское, и вне военного элемента оно встречается редко до самого 212 г., когда Constitutio Antoniana сразу создала множество новых Аврелиев. Но и здесь египтяне-туземцы оказались в самом невыгодном положении. Они, за сопротивление, оказанное Октавиану, и за повторные восстания (уже при Галле — восстание в Фиваиде, при Тиверии — см. Эдикт Флакка; в 153 г.; в 172 г. и др.), были приравнены к didificii, на которых не распространялось действие эдикта Каракаллы. Под него подошли граждане Александрии, Навкратиса, Птолемаиды и нового города — Антинополя, затем фамилии, платившие льготную подать в 12 драхм, катэки, сидевшие на жалованной земле (среди них бывали и египтяне-туземцы), наконец жрецы, принадлежавшие к установленному числу освобожденных от поголовной подати. Таким образом высшее египетское туземное сословие, каковым было жречество, все-таки своей значительной частью вошло в состав римского гражданства. Египетское право попрежнему признавалось и демотические документы продолжали составляться; знание иероглифического письма все более и более приходило в упадок. От римской эпохи неизвестно ни одной крупной туземной личности, хотя бы вроде современников последних Птолемеев, но зато известны случаи, когда носившие египетские имена официально просили о замене их греческими...

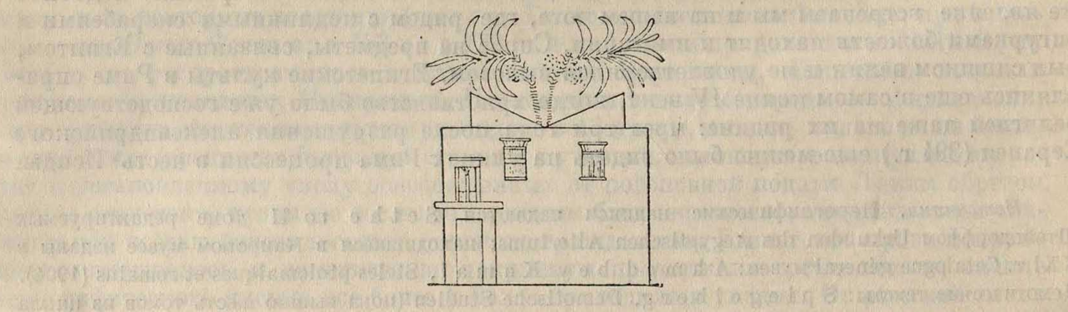
Было мгновение, когда Египет мог в последний раз помышлять о господстве над вселенной. Антоний был настоящим наследником Птолемеев; он стал владыкой Востока и готовился нанести решительный удар Западу. Но Египту не было суждено покорить Рим; напротив, он подпал под руку римского Кесаря, и эта рука оказалась теперь тем более тяжелой, чем легче было последнее время птолемеевского периода. Но и Кесарь, создавая на Западе новые формы, нашел чему поучиться у страны тысячелетней культуры и государственности. Он был фараоном, правившим римской республикой. Он воспринял фараоновское божественное достоинство; имя Кесаря делается таким же полунарицательным, как имя Птолемея; постепенно республиканские формы заменяются бюрократическими. Самый Рим теряет свой характер и превращается в управляемую бюрократически Александрию на Тибре; даже его должностные лица находят себе соответствие в александрийских. Если у Августа бюрократия покоится еще на военном начале, то при Адриане она делается гражданской, основанной на юридическом специальном образовании. Финансовая система древнего Рима, наиболее слабая сторона римской государственности, даже при

Августе упорядочивается по египетскому образцу. Эта провинция, тщательно сокрытая от взоров носителя римских исторических традиций — сената, была все время вдохновительницей кесарей на пути реформ, завершившихся Диоклетианом и Византией. Но не менее глубоко было влияние ее религии. Если при Птолемеях она подчинила себе новых владык и новых обитателей своей страны и даже вышла за пределы, то в римскую эпоху она победоносно шествовала по всему культурному миру, покоряя умы от Сахары до Британии, от Испании до Босфорского царства. Насмешки римлян над культом животных и другими суевериями не мешали таким благочестивым мыслителям, как Плутарх, посвящать специальные трактаты египетскому богословию; национальная политика первых кесарей не могла надолго закрыть пред египетскими богами ворота Рима. Идеи бессмертия, очищения и загробного бытия, выраженные в египетской религии с такой наглядностью и подробностью, как ни в какой другой, делали ее особенно привлекательной для эпохи исканий и чаяний измученного человечества, ежедневный культ, справлявшийся неукоснительно в Риме, как и в Египте, таинственные мистерии Осириса, убитого и ожившего бога, философские идеи, соединенные теперь с ним и Исидой, превратившейся в пантеистическое божество, — все это наполняло храмы божеств долины Нила, возникавшие повсюду. Уже Домициан воздвигает на Марсовом поле и в Беневенте храмы Исиды и переносит в них из Египта обелиски, сфинксы и т. п. На других обелисках, воздвигнутых вновь, красуются его подписи египетскими иероглифами. О египетском Канопе в вилле Адриана в Тибуре достаточно известно. В настоящее время то и дело в римской почве находят египетские памятники; целая зала в Ватиканском музее наполнена предметами такого происхождения; среди них есть как подлинные египетские памятники, так и подделки под них, сделанные в Риме. Совершенно подобное же явление встречаем мы и на нашем юге, где рядом с подлинными скарабеями и фигурками божеств находят и имитации. Спрос на предметы, связанные с Египтом, был слишком велик и не удовлетворялся вывозом. Египетские культы в Риме справлялись еще в самом конце IV века, когда христианство было уже господствующей религией даже на их родине: чрез три года после разрушения александрийского Серапея (394 г.) еще можно было видеть на улицах Рима процессии в честь Исиды.

Источники. Иероглифические надписи издаются S e t h e во II томе редактируемых Штейндорффом Urkunden des Aegyptischen Altertums; находящиеся в Каирском музее изданы в XXI т. Catalogue géneral музея: A h m e d b e y K a m a l, Steles ptolemaiques et romains (1904). Демотические тексты: S p i e g e l b e r g, Demotische Studien (пока вышло шесть томов из цикла сказаний о Петубасте, отрывки литературного характера и басен, Книга Мертвых изд. L e x a, папирус Rhind изд. M ö l l e r и т. д.). Die demotische Papyrus aus d. Museum zu Berlin, 1903. D. Demot. Papyr. d. Musée Cinqantenaire Bruss., 1909. Demot. Papyr. im Museum zu Kairo (Catalogue géneral 1908). H e s s, Der demotische Roman von Stne, 1888. G r i f f i t h, Stories of the High Priests of Memphis. The demotic Tales of Khamuas, 1900. Греческие папирусы важнейшие подобраны по содержанию в прекрасном и весьма удобном издании M i t t e i s - W i l k e n, Grundzüge und Chrestomatie der Papyrusforschung в 4 томах (1912). Первые два тома составляют историческую часть, вторые — юридическую; два тома дают выводы и служат пособием для уяснения исторических, религиозных, этнографических и бытовых условий Египта при Птолемеях, римлянах, в византийское и арабское время; два других — хрестоматию из папирусов. *Общие труды:* L u m b r o s o, L'Egitto al tempo dei Greci e dei Romani, 1882 (устарело). Recherches sur l'economie politique sous les Lagides (1870—тоже). H o h l w e i n, d'Égypte Romaine, 1912. *Монографии и исследования. По религии:* W. O t t o, Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten. 2 т., 1905 (рецензия М. И. Ростовцева в Götting. Anzeiger, 1909). J u n k e r, Die Stundenwachen in den Osirismysterien. Denkschriften Венской акад., 1910. D. Götterdecret über d. Abaton. Ibid., 1913. B r u g s c h, Drei Festkalender, 1877. L a f a y e, Histoire du culte des divinités d'Alexandre hors de l'Égypte, 1883. D r e x l e r, Cultus d. Aegypt. Gotheiten i. d. Donnauländern. S e t h e, Sarapis. Götting., 1913. Т у р а е в, Поздние заупокойные папирусы. Барельефы с изображением

божества Туту. Надпись римской эпохи, о священном быке. (Памятники Музея изобразит. искусств в Москве). F. Preisigke — W. Spiegelberg, Die Prinz — Jackim — Ostraca griechische und demotische Beisetzungs — Urkunden für Ibis und Falkenmumien aus Ombos. Schriften d. Wiss. Ges. in Strassburg (1919). По *искусству:* Dümichen, Baugeschichte d. Denderatempels, 1877. Sieglin—Schreiber—Bissing, Die Nekropole v. Kôm-esch-Schukâfa, 1908. Fl. Petrie, Roman portraits, 1911. (Eg. Research Account XVIII). Portofolio of Hawara Portraits (ibid.). Athribis (ibid., 1908). Б. В. Фармаковский, Портрет из Фаюма. Пам. Музея изобр. искусств. М. И. Ростовцев, Расписная стела из Александрии. Там же. В. Ф. Гринейзен, Погребальные пелены египто-эллинистической композиции. Там же. В. К. Мальмберг, Женская статуэтка поздней эпохи. Там же. М. И. Ростовцев, Стеклянная расписная ваза поздне-эллинистического времени и история декоративной живописи. Изв. Арх. ком., 1914.

По *праву*, *торговле* и др.: Фрезе, Очерки греко-египетского права. Ярославль, 1912. Хвостов, История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907 (рец. М. И. Ростовцева в Журн. мин. нар. просв., 1908). Сингалевич, О составе населения Оксиринха 30 до н. э.— 284 н. э. В. В. Струве, К истории ἀπόμοιρα. Журн. мин. нар. просв. Право владения землями пахотной и виноградной в птолемеевском Египте. Там же, 1915. Развитие храмового иммунитета в птолемеевском Египте. Там же, 1917.



МЕРОЭ

История Эфиопского царства в позднее персидское и раннее птолемеевское время для нас неясна. Диодор говорит о царе Ергамене (III, 6, 3), что этот современник Филадельфа, получивший греческое образование, положил конец преобладанию жречества над царями, явившись с войском в Золотой Карнак и перебив жрецов. Таким образом и здесь влияние эллинизма сказалось прежде всего в усилении царской власти. Затем он территориально расширил пределы своего владычества; имя его (Ирк-Амон) встречается в храмах от Фил до Дакке; вероятно, впрочем, здесь он считался с суверенитетом Филопатора, при котором он еще жил, так как в этом самом храме строили и Филопатор, и Фискон, затем Август. Римское влияние оставило следы до Макарраки и Ибрима. Столкновения с эфиопами отмечены на надписи Галла. В 24 г. до н. э. был, как известно, поход Петрония против «Кандаки» и разгром Напаты; чрез 80 лет, при Нероне, по словам Плиния, Кандака царствовала только над областью Мероэ, и рядом с ней правило 45 других царьков. Страна находилась в полном упадке.

Если мы обратимся к многочисленным памятникам в Мероэ и его области, мы, напротив, увидим подъем политический и культурный, который переживала страна I в. до н. э.—III в. н. э. Большое количество развалин храмов и гробницы-пирамиды указывают на богатство, мощь, интенсивное строительство; целый ряд царских имен, начертанных египетскими и туземными иероглифами, и изображений победоносных царей помещен на стенах этих сооружений.

В Бен-Нагаа стояло до 16 храмов, из которых в настоящее время возможно распознать планы всего шести. В двух из них, самых интересных, строили царь Нетекамон и царица Аменарит. Первый принял тронное имя Хеперкара, которое носили Нектанеб II и Сенусерт I, отодвинувший, как известно, египетскую границу до Вади-Хальфа и начавший формальное включение Нубии в пределы Египта. Вместе с тем, в Нагаа, в главном храме, посвященном Амону, имя царя сопровождается эпитетом «бог благодетель», заимствованном у (поздних?) Птолемеев; на титул жены его, повидимому, повлияла титулатура Клеопатры. На пилоне малого храма в Нагаа царь и царица изобразили себя поражающими коленопреклоненную толпу врагов, которых они держат за волосы. Это изображение обычно на египетских памятниках еще чуть ли не с первого дня существования египетского царства, но подробности его изменились, и данное непосредственно примыкает к помещенному на пилоне храма в Филах в самом конце птолемеевской эпохи. Но есть здесь интересное добавление — лев, изрыгающий пламя и терзающий врага, на одной стороне, лев, бросающийся на врагов — на другой. Не имел ли пред глазами художник аналогичного изображения, дошедшего от Рамсеса II в Дерре, следовательно тоже в Нубии? — там

также изображен лев весьма художественно. Может быть, впрочем, этот лев — бог Апеджмак, имевший особый храм в Мероэ и вытеснивший потом Осириса. Другие мероитские боги — Маш, соответствующий Амону, и Акезис — Тоту. Внизу помещено в ряд по семи представителей покоренных народов разных типов; традиционные в египетском искусстве зубчатые овалы здесь заменены какими-то щитами или сосудами. На стенах храма весьма странные изображения царя, царицы и каких-то двух царей пред богами необычного вида, в необычных нарядах и со странными скипетрами. Чрезвычайно обилие и разнообразие украшений и драгоценностей—ожерелий, колец, запястий, нарукавников, головных уборов, кистей (между прочим, у одного царя вся одежда усеяна крестами, вышедшими из египетских иероглифов жизни, а у фигуры, стоящей против — полумесяцами!). Один из богов изображен с тремя (может быть, четырьмя) львиными головами и четырьмя руками (М. Мюллер видит индийское влияние!), с какими-то букетами (?) в руках, другой — сидя en face, с лицом, испускающим свет, и рукой, как бы благословляющей, третий — в виде длинной змеи с головой льва и хвостом, выходящим из пальметки греческого стиля; наконец, еще один, в виде льва, увенчивает царское знамя, пронзающее поверженного врага. Все эти изображения выдают руку художника, который много видел и многому научился. Большой храм в Нагаа напоминает по плану Дендера и Эдфу и, подобно им, имел колоннаду с капителями в виде голов Беса и Хатор. Здесь имена тех же царей, а также какого-то Арк-тенена с тронным именем Каах-Ра. Есть в Нагаа еще один храм с именем царя Шанказахта (?), а также интересный и изящный храмик в египто-римском стиле, довольно хорошо сохранившийся и указывающий на то, что и в поздние времена, может быть, в III в. н. э., это место было предметом внимания туземных царей, имевших вкус и возможность сооружать монументальные здания. Следы царя Нетекамона в последнее время обнаружены ливерпульской экспедицией и в Мероэ, где он строил и возобновлял храмы, разрушенные при каких-то неизвестных условиях в предшествующий период. Надпись его найдена в храме Амона и в храме Солнца, где еще некогда строил Аспарут. Здесь сохранились его картуши и изображения; может быть, к нему восходят и списки покоренных племен и изображения шествия пленных. Обилие памятников царской четы Нетекамона и Аменарит, доходящих до Напаты включительно, указывает на могущество; близкими к ним по времени можно считать в Мероэ царей северных пирамид 5 и 16 (по Беджу), может быть, 17—19. Один из них, И р к н е х е р у называет себя вторым жрецом Осириса, владыки юга, и помещает на стенах своей гробницы тщательные изображения из Книги Мертвых; другой изображает побиение пленных в обычном стиле, но в необычном наряде; царь А м е н-Ш а х и т а также побивает пленных; один царь принял тронное имя Аменхотепа III— Неб-маат-Ра, чем доказал популярность в Нубии этого имени царя-строителя, и т. п. Целый ряд пирамид других царей относится уже к более позднему времени; они также пытаются давать изображения в египетском стиле, или заимствуя их из Книги Мертвых, или представляя погребальные и заупокойные церемонии, но уже с значительными уклонениями от египетских образцов, а главное, без иероглифических надписей. Возможно, что они относятся ко времени, когда уже в Египте знание древней грамоты приходило в забвение и трудно было найти иерограмматa. Сначала имена царей пишутся туземными иероглифами, иногда с параллельными картушами, начертанными по-египетски. Имена цариц также заключаются в овалы, иногда и для них присоединяется египетский картуш. В надписях Нетекамона и Аменарит обыкновенно приводится три картуша; третий, кажется, принадлежит наследнику. Царицы обыкновенно изображаются необычайно толстыми, с массой украшений, соответственно африканскому вкусу. Потом царские овалы и места у изображений остаются незаполненными (как нередко и в Египте) и только курсивные мероитские надписи указывают, что в стране еще существовала письменность. Такова большая часть пирамид у Баркала: найденный на глубине 60 ф. черепок с надписью

οἶνος Ρόδιος дает право датировать их II в. н. э. Сношения с Римом засвидетельствованы встречающимся в надписях титулом «главный посол в Риме».

Лишены надписи интересные развалины в Муссаварате (Вади-Ассуфра), представляющие остатки дворца, самого красивого и оригинального сооружения на этом крайнем юге культурного мира. Они дают возможность восстановить план сложного комплекса неправильно расположенных построек, среди которых заключалось несколько небольших храмов с интересными колоннами; остатки их сохранились до сих пор и поражают своими скульптурами. Форма колонн подражает египетским образцам. Над орнаментом, там, где в Египте помещались расписные изображения, здесь находятся горельефы, представляющие богов, воинов, а также фантастических животных, попирающих врагов, слона, везущего бога в двойной египетской короне, Беса, играющего на струнном инструменте, и т. п. Позы, движение и т. п. указывают на хорошего художника-египтянина, знакомого с греко-римским искусством. За греко-римское влияние говорят и некоторые изображения в Нагаа, напр., бог, напоминающий Сараписа, фигуры Нила и т. п. Вообще, рассмотрение памятников мероитской архитектуры и скульптуры приводит к выводам, благоприятным для художников, находившихся на службе у туземных царей, будь они египтяне, или нубийцы. Вместе с тем мы видим, что в далекую Нубию влияние греко-римского искусства проникало в большей степени, чем в Египет, и создавало здесь, в сочетании с египетским, удивительные формы. Кроме упомянутых нами произведений, нельзя не сказать о прекрасных тонкой работы барельефах, найденных в храме Льва в Мероэ и изображающих царя и бога-Льва, а также о недурной царской статуэтке из базальта, найденной ливерпульской экспедицией в том же храме. Весьма характерны произведения мероитской керамики с орнаментом из гирлянд, с изображениями животных, с египетскими мотивами, но с несомненным александрийским влиянием. Найдена также бронзовая чаша туземной работы, но эллинистического стиля; на ней изображена туземная тучная царица, занятая счетом своих стад. Равным образом производят весьма выгодное впечатление золотые и ювелирные вещи эфиопской царицы, находящиеся в Берлине и Мюнхене, найденные Ферлини в 1834 г. в одной из мероитских пирамид. Это — браслеты, кольца, ожерелья, сосуды и т. п. тонкой резной работы египто-эллинистического стиля. Если они туземного производства, то искусство в царстве Мероэ придется признать стоявшим высоко. Бедж во время своих экспедиций также пытался найти содержимое мероитских и напатских пирамид, и для этой цели производил раскопки под ними и проникал внутрь их. Но удалось найти весьма мало. Прежде всего оказалось, что тела погребались не внутри пирамид, а под ними, иногда на значительной глубине. Так, Бедж в Баркале на глубине 60 футов нашел только заупокойное помещение, а до самой гробницы не мог добраться, так как, прокопав еще на 40 ф. вниз, он попал в область инфильтрации нильской воды. Тела не бальзамировались, и иногда даже сожигались; никаких украшений при них не найдено, только остатки погребального жертвоприношения — бронзовые и глиняные сосуды, кости животных и т. п. составляют инвентарь гробниц. Вероятно, недостаток искусных писцов заставил перенести Книгу Мертвых с папируса, полагаемого в гроб, на стены заупокойного храмика; кроме сцены страшного суда встречаются здесь главы 1, 43, 45, 47, 57, 107, представленные почти исключительно своими виньетками. На стенах изображаются также погребальные процессии, заупокойные церемонии, причем представляются вереницы родных, воинов, жрецов, ведущих жертвенных животных, несущих пальмовые ветви. Последние играли важную роль в эфиопском культе — без них редко обходится религиозное изображение: они находятся и в руках жрецов, и у покойника, и у царя, стоящих перед божествами.

Кроме упомянутых нами странных фигур в Нагаа и Эс-суфре, заслуживают внимания найденные недавно в Шаблулском и др. некрополях характерные статуи покойников и каменные фигуры их душ («ба») — существ с головой и ногами человека

и крыльями птицы. Последние — специальная особенность эфиопских гробниц и совершенно оригинальные продукты туземного искусства.

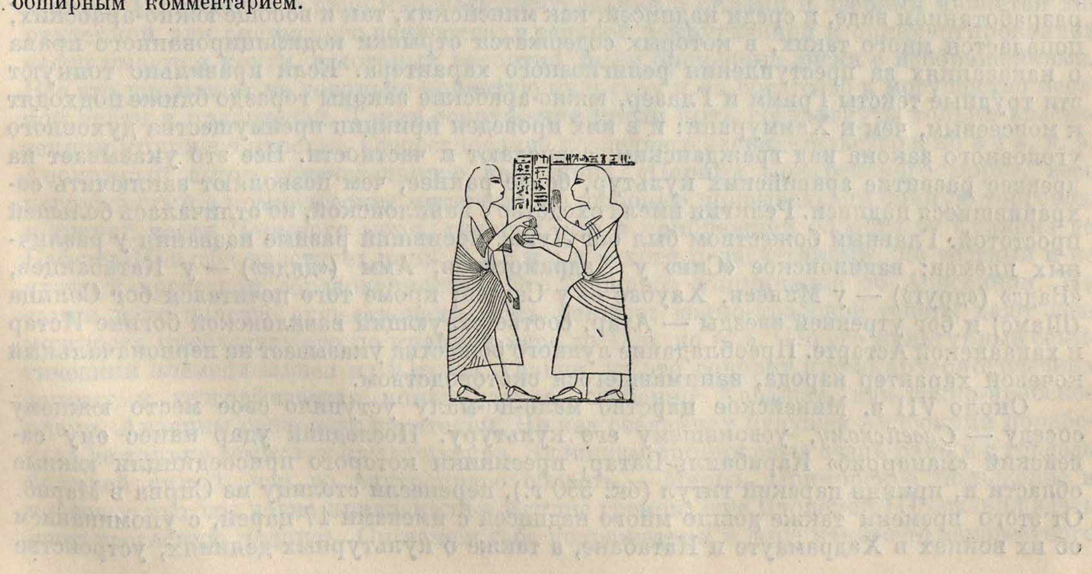
Мероитское царство, этот выродившийся наследник фараоновского Египта, засвидетельствовано еще в III в. до н. э. демотическими надписями из Фил, куда ежегодно являлись его послы приносить жертву Исиде. От времени императора Вибия Требониана Галла (251—254) дошла длинная надпись, оставленная посольством Трремена, царя Эфиопии, отправившего Исиде богатые дары. Есть еще надписи от 453 г. н. э.

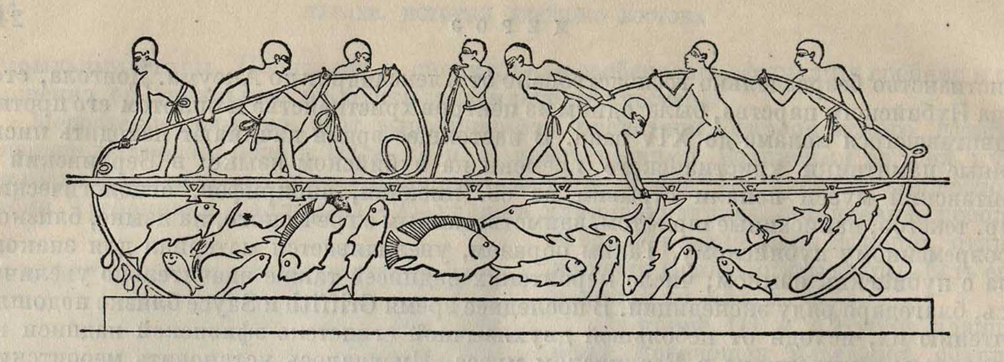
Царские пирамиды в Мероэ.

В конце III в. в Нубии, повидимому, произошел переворот, обусловленный, с одной стороны, развитием Аксумского царства, с другой — появлением дикого народа влеммиев, кочевавших между Нилом и морем, делавших набеги не только на Мероэ, но и на Египет. В половине IV века Мероэ было покорено и город разрушен аксумским царем Эзаной, греческая надпись которого найдена в 1909 г. ливерпульской экспедицией. Теперь мы слышим о нобадах, влеммиях и аксумитах. Еще в 452 г., по миру, заключенному полководцем императора Маркиана Максимином с влеммиями, последним было дозволено, по примеру прежних лет, ходить на богомолье в Филы и брать на время к себе идол Исиды. Таким образом, христианский император идет на эту уступку, а нубийские племена оказываются последними почитателями египетской богини. Почти для них одних существует ее культ в Египте, уже сделавшемся христианским. Наконец, 100 лет спустя, около 563 г., Юстиниан приказал Нарсесу Персармену уничтожить культ Исиды. Храм был закрыт, жрецы посажены в тюрьмы, идолы отосланы в Константинополь. Так был положен официальный конец египетскому язычеству, которого держались в это время одни влеммии: не только египтяне, но и бывшие мероиты сделались теперь ревностными христианами. Мероитское царство в это время заменяется Нобадским; христианство сблизило его с Византией и сообщило ему греческий язык и культуру, что в меньшей степени применимо даже к влеммиям. Цари его официально считали себя вассалами византийского императора и скромно титуловали себя василисками, царьками. От одного из них, С и л к о, дошла до нас интересная греческая надпись, повествующая о войнах с влеммиями; он называет себя «василиском Нубадов и всех Эфиоплян». Надпись помещена еще в языческом египетском храме, в Тальмисе, хотя царь и говорит, что в победах помог ему бог, а враги присягали на верность миру «пред своими идолами». Но уже преемник его, И р п а н о м, был ревностный христианин, обративший в церкви вековые египетские храмы в Тафе, Калабше, Даккэ, Амаде и Абусимбеле, равно как и в знаменитом храме в Филах, под руководством епископа Феодора, была выстроена церковь в честь св. первомученика Стефана. Стены были заштукатурены, чтобы закрыть изображения египетских богов (557). К концу VI в.

христианство безраздельно господствовало от Александрии до Аксума. Донгола, столица Нубийского царства, была одним из центров христианства и оплотом его против надвигавшегося ислама до XIV века. В настоящее время начинают находить письменные памятники христианского времени на нубийском языке: в Берлинский и Британский музеи попали отрывки из св. писания, апокрифов, агиологических и др. текстов, написанные шрифтом, заимствованным с греческого, на языке, близком к современному нубийскому. Таким образом, увеличивается материал для знакомства с нубийским языком; число мероитских надписей также значительно увеличилось, благодаря ряду экспедиций. В последнее время Griffith и Sayce близко подошли к чтению их, исходя от небольшой двухязычной египетско-эфиопской надписи на мероитском жертвеннике в Берлинском музее. Им удалось установить мероитский алфавит в 23 курсивных знака, подыскать соответствующие им иероглифические, как мероитские, так и египетские. Но вопрос об языке еще не решен; Griffith высказывается за то, что он не был нубийским.

Издания памятников и экспедиций: L e p s i u s, Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Abt. V и VI. H o s k i n s, Travels in Ethiopia. Lond., 1835. C a i l l i a u d, Voyage à Méroe, P., 1896. B r e a s t e d, Second report of the Egyptian Expedition. Amer. Journal of Semitic languages XXV. В 1907 г. Пенсильванский университет снарядил на средства Coxe на пять лет экспедицию в Нубию; богатые результаты ее уже частью опубликованы M a c-I v e r и W o o l e y в трудах: Areika, 1909 (здесь же статья G r i f f i t h о разборе мероитских надписей), Karanog,1910. Зимой 1909-10 г. работала экспедиция археологического института при Ливерпульском университете при участии S a y c e, G a r s t a n g, G r i f f i t h. Вышло два тома трудов экспедиции— Meroe. Oxf., 1911-12. Это Corpus мероитских надписей, в который вошли и находящиеся в Москве. Наконец, сам Griffith стал во главе рассчитанных на много лет Oxford Excavations in Nubia, и в сезоне 1910—12 гг. раскопал у Фараса около 2 000 гробниц, а 1912—13 — напатский некрополь. Работы будут продолжаться из года в год, и к участию в субсидировании предприятия, на условиях приобретения его находок, были приглашены все музеи. *Общие обзоры:* B u d g e, The Egyptian Sudan. L., 1907. M a x M ü l l e r, Aethiopien (Der Alte Orient. VI. 2). A. R e i n a c h, La Civilisation méroïtique. L'Anthropologie. XXIV. 1913. Р о з о в, Христианская Нубия. Киев, 1890. *Рукописи:* K r a l l, Beitr. z. Gesch. d. Blemmier und Nubier. Wien, 1898. G r i f f i t h, The Nubian Texts of the christian period. Abhandl. K. Preuss. Akad., 1913. Полное издание всех известных пока литературных и эпиграфических текстов с переводом, словарем, обзором грамматики и обширным комментарием.





АКСУМ

Уже в незапамятные времена Саргона, Нарамсина, Гудеи, Аравия вошла в сферу передне-азиатской культуры. Экспедиции фараонов в Пунт также не могли пройти бесследно для ее южной оконечности, равно как сношения египтян с Синаем — для северной. Огромное количество найденных и находимых надписей на своеобразном шрифте свидетельствует, что здесь во II тысячелетии до н. э. развилась культура и существовали могущественные политические образования, обусловленные выгодным торговым положением на пути индо-средиземноморской торговли. Сокровища Южной Аравии вошли в пословицу: они воспеты в псалмах и у пророков, о них повествуют древние классики. Вероятно, около XIV в. образовалось большое *Минейское* царство (Маин, в библии Маон). Надписи, находимые у Джофа, дают имена до 25 царей, укладывающихся почти сполна в династическую генеалогию. Колонии этого царства находились в Сев. Аравии в Эль-Эла; торговля его шла на Газу и захватывала Египет. Библейские мадианитяне входили в состав этого царства, и через них арабская культура оказала влияние на евреев. Указывают на ряд богослужебных терминов, общих библии и надписям, находимым в Эль-Эле и Джофе, на существование у минеев левитов и левиток. Сакральное право существовало здесь уже в детально разработанном виде, и среди надписей, как минейских, так и вообще южно-арабских, попадается много таких, в которых содержатся отрывки кодифицированного права о наказаниях за преступления религиозного характера. Если правильно толкуют эти трудные тексты Гримм и Глазер, южно-арабские законы гораздо ближе подходят к моисеевым, чем к Хаммурапи: и в них проведен принцип преимущества духовного уголовного закона над гражданским, совпадают и частности. Все это указывает на древнее развитие аравийских культур, более раннее, чем позволяют заключить сохранившиеся надписи. Религия имела сходство с вавилонской, но отличалась большей простотой. Главным божеством был бог Луны, носивший разные названия у различных племен: вавилонское «Син» у Хадрамотитов, Амм («дядя») — у Катабанцев, «Вадд» («друг») — у Минеев, Хаубас — у Савеев; кроме того почитался бог Солнца (Шамс) и бог утренней звезды — Атар, соответствующий вавилонской богине Истар и ханаанской Астарте. Преобладание лунного божества указывает на первоначальный кочевой характер народа, занимавшегося скотоводством.

Около VII в. Минейское царство мало-по-малу уступило свое место южному соседу — *Савейскому*, усвоившему его культуру. Последний удар нанес ему савейский «макарриб» Карибаиль-Ватар, преемники которого присоединили южные области и, приняв царский титул (ок. 550 г.), перенесли столицу из Сирва в Мариб. От этого времени также дошло много надписей с именами 17 царей, с упоминанием об их войнах в Хадрамауте и Катабане, а также о культурных деяниях, устройстве

искусственного орошения, покровительстве земледелию, постройке огромных плотин (особ. около Мариба) и т. п.

К концу II в. в Савейском царстве обостряются отношения царя к феодалам; ок. 115 г. оно превращается в Савейско-Химьярское со столицей в Зафаре; цари приняли титул «царей Савы и Райдана». Власть их продолжалась до 300 г. н. э. Государство продолжало сохранять феодальный характер, и развалины замков до сих пор обращают внимание исследователей. По времени оно, как отчасти и предшествовавшее ему Савейское, соответствует эпохе эллинизма, но походы Александра и его преемников не коснулись этих царств и лишь в малой степени затронули северных арабов (Набатеи). Не имела удачи и попытка римлян подчинить себе Южную Аравию с ее богатствами (поход Элия Галла, 26 г. до н. э.). Тем не менее, соседство царства Птолемеев, с его далеко заходящими торговыми планами и широкой политикой, не могло не оказать влияния на Савеев и Химьяритов, и без того издавна занимавшихся торговлей и мореплаванием. Цари Савы и Райдана участвуют в торговых предприятиях, устраивают монополии; оживление торговли на Чермном море и сношения с Индией делали из них участников этих широких международных сношений. Древние Офир и Пунт продолжали оставаться обетованными землями богатств и товаров; греческие географы сообщают о деятельном обмене в этих водах. Индия была приближена к Средиземному морю. Парфяне также интересовались Аравией и в средине I в. н. э. даже утвердились на ее юго-восточной стороне.

Южная Аравия, сделавшаяся давно областью культуры и государственности, не могла вместить многочисленного населения. Мы знаем, что Аравийский полуостров вообще был исходным местом семитических расселений. Большая часть их шла на север, но были и выселения на запад и юг. Мы знаем, что в незапамятные времена Аравия путем инфильтрации дала Египту историческое население. Вероятно за 1 000 лет до н. э. началось проникновение южно-арабских элементов на противоположный берег Африки. На пути от Адулиса до Аксума на абиссинском побережьи находят надписи, начертанные южно-арабским алфавитом на савейском языке, находят остатки сооружений в виде дворцов и зал с колоннами, напоминающих персидские ападаны, в виде посвященных богам тронов, высоких стел надгробного характера и различного устройства, представляющих своеобразную форму общесемитических «непешей», убежищ духа. Эти стелы иногда достигают огромной вышины до 33 м и превосходят самые высокие египетские обелиски, являясь самыми колоссальными монолитами в мире. Их отделка в виде многоэтажного здания с окнами и дверями является характерной для аксумского искусства; в верхней закругленной и орнаментированной части имеются круги, в которых вероятно были бронзовые диски с изображениями. Все это указывает на довольно развитую культуру и на богатство и могущество местной знати и правителей. Такие сооружения могли быть воздвигнуты только властителями крупного царства. Существование последнего засвидетельствовано в I в. н. э. Анонимный автор замечательного памятника «Перипл Эритрейского моря», весь погруженный в коммерческие интересы и с любовью описывающий бойкую торговлю в южной части Чермного моря, говорит, что в прибрежной области от Суакина до Баб-эль-Мандеба властвует царь З о с к а л, «хотя и расчетливый, но честный и не чуждый греческой образованности». Это — первое упоминание об Абиссинии. На самом деле царство существовало здесь раньше; южно-арабские тексты дают возможность проследить его по крайней мере до II в. до н. э. Что его культурный семитический элемент вышел из Южной Аравии, за это говорит кроме археологических данных и географическая номенклатура, особенно Хабашат, как южно-арабское племя, Авасины греческих писателей. Но над созданием будущей Абиссинии поработала не только семитическая культура. Эллинизм проник сюда очень рано и с гораздо большей силой, чем во внутреннюю область — Мероэ. Приморское положение и торговые выгоды давно привлекали в Адулис греков; еще Птолемей III оставил здесь свою греческую надпись. Он нашел себе подражателя в лице какого-то неизвестного

нам туземного завоевателя, увеличившего свое царство внутрь, на счет Мероэ, а также заморскими походами. Составленная им на хорошем греческом языке надпись сохранена для нас Космой Индоплавателем; она была начертана на троне, посвященном «Арею», с упоминанием кроме него еще «Зевса и Посидона»:

«Я покорил народы Ραύσων, варваров, живущих далеко от берега, на обширных безводных равнинах и торгующих ладаном, подчинил народ Σωλατὲ и повелел им охранять морской пролив. Победив в битвах сам лично и подчинив все эти народы, защищенные крепкими горами, я даровал им все их земли за подать. Но большинство народов добровольно подчинилось мне и принесло дань. Послав военный флот, я покорил царей, живущих по ту сторону Чермного моря, Аррабитов и Кинедоколпитов, повелел им платить дань за их землю и мирно путешествовать по суше и морю; я воевал от Левки-коми до земли Савеев. Все эти народы я покорил, как первый и единственный царь из бывших до меня, по милости ко мне величайшего моего бога Арея, который и родил меня, чрез которого я подчинил себе все соседние народы от востока до земли ладана и от запада до земли эфиопов и Σάσου. Из них одних я победил сам лично, других — послав (войско). Водворив в подчиненном мне мире мир, я спустился в Адулис принести жертву Дию, Арею и Посидону за плавающих. Собрав войско и соединив его, воздвиг на этом месте этот трон и посвятил его Арею на 27-м году моего царствования.

... Повелев ближайшим к моему царству народам быть в мире, я храбро повел войну и покорил в битвах нижеперечисленные племена. Я завоевал народ Γάζη, затем 'Αγάμη и Σιγύην, и 'Αγγαβὲ, и Τιαμὰ, и 'Αθαγαούς, и Κολαὰ, и Σεμῆνη, народ по ту сторону Нила, живущий в недоступных снежных горах, где постоянно туман, мороз и снега, так что люди проваливаются до колен; их покорил я, перейдя реку; затем — Λασινὲ и Ζαὰ и Γαβαλὰ, живущих в горах, обильных и окруженных горячими источниками, затем 'Αταλμῶ и Βεγὰ и все племена, которые с ними. Покорив из Тангаитов тех, которые живут до границ Египта, я повелел устроить дорогу от местностей моего царства до Египта. Затем (покорил я) Αννινὲ и Μετινὲ, живущих на крутых горах, завоевал народ Σεσέα; они взошли на весьма высокую и неприступную гору; я окружил их, свел и выбрал для себя из них юношей, женщин, мальчиков, девиц и (взял) все их достояние».

К сожалению, имени царя не сохранилось и мы лишены возможности судить о его национальности. Имена царей, дошедшие до нас на монетах, надписях и в сфабрикованных впоследствии списках, по большей части не семитические и, может быть, имеют связь с языком мероитского царства, если вообще об этом позволительно говорить при современном состоянии наших сведений. Во всяком случае, облик их так называемый кушитский и они принадлежат приобщившимся семитической и эллинистической культуре туземцам Африки. Автор адульской надписи покорил все племена вокруг Аксума и прежде всего народ Гази, несомненно семитическое племя Геез, впоследствии достигшее господства и сделавшее свой язык официальным и литературным. Он довел свои завоевания до границ Египта и до Сомалийского берега, затем распространил свои владения по ту сторону моря, желая, вероятно, обезопасить свою морскую торговлю. Получилась огромная держава, третья в тогдашнем мире, на ряду с римской и парфянской (или персидской). Вероятно, и царство Мероэ уже ей подчинилось, во всяком случае сюда проникли цари Аксума еще в языческий период; на найденном Сэйсом в Мероэ обломке греческой надписи неизвестный нам царь Аксумитов и Омиритов говорит о своих завоеваниях и, повидимому, о посвящении, в благодарность за победу, медной статуи своему династическому богу Арею-Махрему. Указывают на связь Аксумского царства с Мероитским, выразившуюся между прочим в форме царской повязки и т. п.

Адулис в языческую эпоху был блестящим богатым портом, средоточием красноморской, индийской и парфянской торговли; здесь шведская и итальянская экспедиции обнаружили остатки больших сооружений. Письменные памятники аксумской

истории дошли до нас главным образом уже от царя Эзаны, повидимому, современника Константина В. Это был один из самых крупных африканских государей. От него мы имеем семь надписей: одну греческую, две савейских, остальные уже на древне-абиссинском языке, даже частью с вокализацией, введенной, равно как и направление шрифта слева, не без греческого влияния. Таким образом, царствование Эзаны было эпохой в истории туземной культуры — она делается национальной; оно, вероятно, как увидим, соответствовало поворотному моменту и в религиозном отношении. Надписи повествуют о многочисленных победоносных войнах. Приводим греческую:

«Эзана, царь Аксума и Химьяра, и Райдана, и Эфиопии, и Савы, и Сальхена, и Циамо, и Бега, и Касу, царь царей, сын непобедимого бога Арея (= Махрема).

Когда возмутился народ Бега, послали мы нашего брата Саиазану и Хадефаху воевать с ними. Начав бой, они покорили их нашему господству и привели их к нам вместе с их имуществом — 3 112 быков, 6 224 овец и вьючного скота, давая им есть быков и зерно и пить пиво; вино и ключевую воду в достаточном количестве, сообразно их числу — 6 царьков с их подданными в количестве 4 400. Они получали ежедневно 22 000 хлебов из пшеницы и вино в течение 4 месяцев, пока они не привели их к нам.

Снабдив этих людей всякими съестными припасами и одев, мы позволили им выселиться и поселили их на месте нашей страны, называемой Матлия. И мы снова распорядились выдать им припасы, отправив шести царям 25 140 быков.

Ради милости моего родителя, непобедимого Арея (= Махрема), воздвиг я ему золотую статую, серебряную и три медных».

Другие надписи сообщают о покорении восставшего племени Геез на востоке царства, о карательной экспедиции на племена Царане и Афан, ограбившие торговые караваны. В благодарность за победу, окончившуюся пленением царька с сыновьями, Эзана воздвиг у Аксума трон Астару, Бахру и Медру; Махрему принесено в жертву 100 быков и 50 пленников.

Следующая надпись повествует о большой войне с Ноба и Касу, т. е. с нубийцами, жившими за Таккацой, и Кушем Мероэ. Нубийцы жили в городах из кирпича и соломы, т. е. у них существовала некоторая культура; это не номады-скотоводы, — подобно Бега и др. Нубийцы, надеясь на безнаказанность, напали на соседние племена, состоявшие под покровительством Эзаны. Когда угрозы не подействовали, он двинулся сам и разбил их на берегу Таккацы и преследовал на 23 дня пути до их государства на Ниле. Здесь были разрушены их селения, потоплены суда, два вождя пленены, пять вождей и один жрец убиты. Затем Эзана пошел на Касу, которых разбил у соединения Нила с Атбарой, и послал войска вверх и вниз по Нилу. Были разрушены Алоа, Даро (у Мероэ) и др. У соединения Нила с Атбарой и у Аксума были воздвигнуты троны.

Троны эти были посвящены уже не Арею и не космической триаде, а «Владыке небес». Надпись свою Эзана начинает: «силою господа небес, победоносного на небесах и на земле»... и заканчивает: «Господь небес да укрепит мое царство. Как он ныне поборол для меня врагов моих, так да благословит он меня на всех путях моих (и я буду править) право и справедливо, не делая народам неправды»... Итак, царь в более ранних своих надписях является поклонником языческих богов: космической триады неба (Астар, южно-арабский Аттар), земли (Медр, слово зн. «земля») и моря (Бахр—«море») и бога войны Махрема (может быть, из персидского Веретрагны); в последней он уже забыл о них и молится «господу небес». В этом видят доказательство его обращения в христианство. В связи с этим приводят адресованное к нему и его брату Сазане письмо императора Констанция с предупреждением против Афанасия В. и поставленного им в Аксум епископом св. Фрументия, известного, как просветителя Эфиопии, и грекам и абиссинскому преданию. Констанций называет абиссинских царей «братьями почтеннейшими» и переписывается с ними по церковным

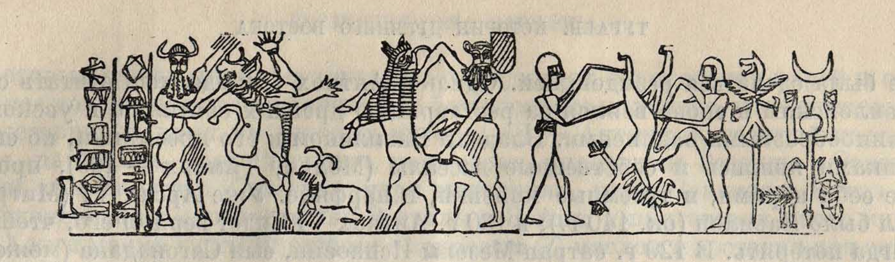
делам. Все это довольно убедительно, но все-таки нам представляется странным, что Эзана не призвал имени св. троицы, а удовольствовался менее определенным призыванием «господа небес», которому нашел приличным посвящать трон. Во всяком случае тон надписи в связи с призыванием указывает на перелом в религиозном миросозерцании ее автора.

Следует иметь в виду, что проповедь христианства в Абиссинии шла одновременно с иудейской пропагандой из Южной Аравии, где иудействующие были весьма многочисленны и впоследствии образовали особое царство. В Абиссинии до сих пор иудейства держатся целые племена в Самиене и др., так называемые фалаши, вероятно хамитского происхождения. Все государство не могло сделаться иудейским — оно было слишком связано с эллинистическим миром и Римской империей, где как раз в это время восторжествовало христианство. Дальнейшая его история, изложение которой уже не входит в нашу задачу, определилась его религией — оно принадлежало к римскому миру, вопреки иудействующей или языческой Аравии, вошедшей в ктесифонтскую сферу. Но аксумский «царь царей» — все-таки могущественный владыка великой державы, равноправный римскому императору и персидскому царю; он сносится с ними на равных правах, он чеканит монету, хотя и римского образца, но золотую и с двумя собственными изображениями, причем одно из них — в короне, указывает на владычество над многими землями.

Своды сведений по истории *Аравии:* Otto Weber, Arabien vor dem Islam, 1901. (Der alte Orient, III). Hommel, Arabien vor dem Islam, 1910.

А. Е. Крымский, Старинная история Южной Аравии от древне-вавилонских времен до подчинения Мохаммеду. Древности восточные, IV (1913). Минейское сакральное *право.* Grimme, Südarabische Tempelstrafgesetze. Orient. Literaturzeit. IX. Glaser, Altiemenische Nachrichten. Münch., 1906.

История *Аксума* впервые научно разработана Dillmann'ом: Ueber die Anfänge des Axumitischen Reiches. Berl., 1879. (Abh. Берл. акад., 1878). Zur Geschichte des Axumitischen Reiches. Berl., 1880. (Abh. Берл. акад., 1878). В недавнее время экспедиции предпринимались итальянцами и немцами; результаты изложены в трудах: Conti Rossini, Ricerche e studi sull' Etiopia. R., 1900. Documenti per l'archeologia Eritrea. R., 1903. (R. Accad. Lincei). Paribeni, Ricerche nel luogo dell'antica Adulis. R., 1908. Deutsche Aksum-Expedition. 5 томов, изданных берлинскими музеями под ред. Littmann'a, Krencker'a, Lüpke и обнимающих архитектурный, эпиграфический, нумизматический материалы, а также топографию и историю Аксума.



ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ВАВИЛОНА

Персидское владычество после Дария и Ксеркса было для Вавилона временем постепенного упадка и разрушения. Для Вавилонии это время было порой наводнения иностранцами. Большое количество документов, найденных в Ниппуре, начиная от царствования Артаксеркса I, обнаруживает, насколько позволяют судить имена, самый пестрый состав населения. Персидские и арамейские имена чередуются с еврейскими, указывая на огромную примесь иранского и западно-семитического элементов. Персидские слова, особенно термины, попадаются в вавилонских текстах; в одной и той же семье нередки самые разнородные имена: у родителей — иранцев и арамеев дети носят вавилонские имена и наоборот. Однако, древней славы и величия хватало еще настолько, что персидские цари, начиная с Артаксеркса I, после пожара дворца в Сузах, имели здесь весьма часто резиденцию; у дворца Навуходоносора обнаружены остатки ападаны Артаксеркса II. И Александр решил сделать древний мировой город столицей новой мировой империи. С этой целью он предпринял ряд работ по приведению в порядок храмов и устройству в городе военной и торговой пристани. Смерть положила предел этим начинаниям, и вся дальнейшая история Вавилона была его продолжительной агонией. Здесь мы видим совершенно иные условия, чем в Египте. Там сначала Птолемеи, потом Кесари, безраздельно господствуя над страной, почти не подвергшейся внешним нашествиям и защищенной извне, предоставили туземную культуру ее естественной судьбе и даже оказывали религии и древней образованности известное почтение и покровительство; здесь, на перекрестном пути, продолжается смешение языков и идут беспрерывные войны, сначала Диадохов, потом парфян, римлян, Сасанидов, возникают новые политические образования, гибнут или преобразуются древние центры. Влияние эллинизма здесь было сильнее. Под холмом Хомера у внутренней стены обнаружены остатки греческого театра и палестры; в почве Вавилона найдено много греческих и греко-парфянских терракот, фигурок из алебастра и т. п. Но если греки, а затем отчасти Арсакиды относились терпимо, а то и с уважением к Вавилону, то Сасаниды были более исключительны, и вообще иранские и эллинистические элементы все более и более растворяли древнюю культуру.

В 321 г., по второму разделу, Вавилон достался Селевку, который приобрел здесь популярность, но в 318 г. был выгнан Антигоном. Через 6 лет ему удалось опять взять город штурмом, и это событие (312 г.) было началом «эры Селевкидов». Во время этих войн, а также кратковременного (311 г.) занятия Димитрием Полиоркетом, город и страна чрезвычайно пострадали, солдатам были отданы для квартир дворцы, а город — на разграбление. Еще более подорвало Вавилон основание Селевкии на Тигре, в которую даже была переселена часть его жителей и которая вместо него

должна была сделаться резиденцией. Однако, Антиох I продолжал считать себя царем вавилонским и снова взялся за реставрацию древних святилищ и увековечение себя клинообразными надписями. Владели Вавилоном и его преемники, но скоро их соперниками явились и собственные вассалы (Молон, Тимарх — 160), провозгласившие себя царями, и туземные князьки, и парфяне. Уже Арсак VI (Митридат I) покорил было Вавилон (ок. 140 г.); в 130 г. Антиох VI Сидет вернул его, чтобы снова и навсегда потерять. В 129 г. сатрап Мезены Испаосин, сын Сагонадака (может быть, Ададнадинаха, основавшего свой дворец на месте древнейшего царства в Телло; кирпичи этого дворца носят отпечаток имени его по-гречески и арамейски), отложился, овладев всей Харакеной и Месеном (Майсан), и основал новое царство со столицей в Антиохии, которую перестроил под именем Спасину-Харак. Его преемники владели здесь приблизительно до 225 г. н. э. и были последними представителями вавилонской культуры. Испаосина признавали вавилонские жрецы; от него дошла клинообразная надпись. Среди его одиннадцати преемников многие носили, как и он, вавилонские имена (Аттамвилы, Авинергл, Аддинергл — от бога Нергала; может быть, Аподак), другие — парфянские (?) и греческие. Последняя туземная династия, продолжавшая традиции вавилонской культуры, была причастна эллинистическому миру, но не осталась в стороне и от парфянского влияния.

Парфяне не выпустили города из рук. В 126 г. назначенный сюда ими сатрапом Имер жестоко расправился с городом за эллинистические симпатии: большая часть города погибла в пламени. Таким образом, Вавилон снова вернулся в Персидское царство, и иногда служил резиденцией парфянским царевичам, сохраняя характер эллинистического, хотя и подвергшегося сильному парфянскому влиянию города. Только во время победоносных походов Траяна (115 г.) и Александра Севера (199 г.) Вавилон короткое время входил в состав римской империи, но он почти стал пустыней, и в литературе того времени является синонимом былого величия. Траяну могли показать только развалины, равно как и Александру Северу. Помнили места, где умер Александр Великий, где стоял дворец Навуходоносора; долго существовал мост чрез Евфрат; поселившиеся в городе иудеи и христиане могли указать и ров львиный, и пещь халдейскую, и башню смешения языков, пока наконец основание в XI в. арабского города Хилла не указало на то, что древняя столица окончательно погребена под песком холмов, из которых один до сих пор сохраняет ее имя. Область древней Ассирии также ушла из империи; дворцы парфянских царей были воздвигнуты в древнем Ассуре и вблизи его — в нынешней Хатре; развалины их до сих пор производят впечатление монументальностью и обнаруживают влияние греческого искусства.

Итак, хотя и в полном упадке, Вавилон существовал и был известен еще в позднее римское время и дожил до Сасанидов. Соседство Селевкии и Ктесифона придало ему сильную эллинистическую и иранскую окраску, но древняя культура долго не только не была уничтожена, но и продолжала оказывать влияние на соседнее население. Ближайшим образом ее существование доказывается литературой. Еще до открытия чтения клинописи, такое явление, как Берос, свидетельствовало, что в половине III в. до н. э. находились вавилоняне, пользовавшиеся туземной литературой, причастные греческой образованности, и в то же время не чуждые умеренного рационализма. Так, рассказав миф о Мардуке и Тиамат, хронограф прибавляет: «он (Берос) объясняет это аллегорически. Когда вселенная была влажной, и животные в ней родились, Бел, которого (греки) переводят Зевсом, рассеявши пополам мрак, отделил небо от земли и привел в порядок мир». В настоящее время сравнение сохранившихся фрагментов Бероса с данными клинописи доказывает его полную осведомленность в последней и полное господство в его время древних традиций. И он делил вавилонскую историю на грани: потоп, Набунасар, Кир, Александр; и он сообщал в связи с историей мифы и астрономически-астрологические сведения, подтверждаемые клинописью. Труд свой он посвятил Антиоху I Сотиру (281—262 гг.), тому са-

мому, который в последний раз вспомнил о традициях вавилонских царей и от которого до нас дошла следующая надпись на бочковидном цилиндре, положенном в основание реставрированных им вековых храмов: «Я — Антиукус, великий царь, могучий царь, царь мира, царь Вавилона, царь стран, управитель Эсагилы и Эзиды, первородный сын Силукку (Селевка), царя макадунян, царя Вавилона. Когда сердце мое побудило меня к строительству Эсагилы и Эзиды, я приготовил много кирпичей в земле Хатти моими чистыми руками с кедровым (?) маслом и доставил для закладки Эсагилы и Эзиды. 20 числа месяца адара, в 43-й год (селевкид. эры — 28 марта 268 г.) заложил я основание Эзиды, вечного дома, храма богу Набу в Борсиппе. О Набу, возвышенный сын, премудрейший из богов, могучий, преславный, первородный сын Мардука, отрасль богини Аруа, царицы, создавшей рождение, воззри на меня милостиво, и твоим неотменимым повелением сокруши землю врагов моих. Победа над моими супостатами, непоколебимость в силе, годы в правосудии в царствовании, сильная династия, веселие сердца, полнота силы да будут дарами царства Антиукуса и Силукку, царя, его сына, во веки! О властный сын, бог Набу, сын храма Эсагилы, первороднейший Мардука, отрасль Аруа царицы! Когда ты войдешь в храм Эзиды, вечное жилище, дом божества твоего, место веселия сердца твоего, в радости и ликовании, да будут по твоему неотменимому повелению продолжены дни мои, приложены мне лета, укреплен престол мой, мой царский род сделан давним. Твоим возвышенным жезлом, устанавливающим пределы неба и земли, да будет в твоих устах милость ко мне, мои руки да покорят земли от востока солнца до запада, да соберу я с них дань и да принесу ее на обновление Эсагилы и Эзиды. О Набу, сын первородный, при твоем входе в храм Эзиды, вечный дом, да будет на устах твоих благоволение к Антиукусу, царю Стран, к Силукку, царю, его сыну, и к Астартанике, его супруге, царице»!

Эта, пока последняя известная официальная царская вавилонская надпись, своею фразеологией, терминологией и стилем переносит нас всецело в эпоху Навуходоносора и Кира, и только греческие имена указывают на эллинистическое время. Возможно, что автором ее был тот же Берос, и что она прошла чрез его руки. Обращает на себя внимание имя царицы Стратоники, приведенное в связь автором надписи с богиней Астартой. Возможно, как склонен полагать Винклер, что это сопоставление обязано не одним созвучием, а и ее ролью при реставрации храма Астарты в Иераполе.

Интересными памятниками клинописных штудий эллинистической эпохи и греко-вавилонских культурных отношений являются куски глиняных плиток Берлинского и Британского музеев с клинописными силлабарами, сопровождаемыми греческой транскрипцией, или с греческими письменами, передающими клинописные сумерийские и семитические вавилонские слова. По палеографическим особенностям они могут быть отнесены к II в. до н. э., подтверждают правильность нашего чтения клинописи, и вместе с тем примыкают к Бер̊осу в его способе греческих транскрипций вавилонских слов. Очевидно, была потребность не только в переводах, но и в транскрипциях, и древний язык едва ли был мертвым, но происхождение и назначение этих неполных продуктов для нас неясно — учился ли грек священному языку, или вавилонские жрецы делали попытки перейти к греческому алфавиту? Последнее менее вероятно — к их услугам давно мог быть арамейский алфавитный шрифт, приспособленный к семитическому языку и в конце концов вытеснивший клинопись. Что потребность в подобного рода пособиях могла ощущаться среди населения, на это указывают, между прочим, документы этого времени. В них не раз встречаются контрагенты с греческими именами, напр.: Ан-ти-п-а-тру-су, отец Ану-ахе-иддина (в Эрехе), Дукулу (Диокл), сын Ану-убаллит-су; следовательно, в одной и той же семье и вавилонские, и греческие имена — совершенно то же явление, что и в птолемеевском Египте. Среди лиц, которые, следуя моде этого времени, носят два имени, встречаются принявшие вторым именем греческое, напр., «Нанаиддин, другое имя которого Димитрий» (в Эрехе). В развалинах Южной Вавилонии найдено не мало

терракот и алебастровых фигурок греческой работы или сработанных местными мастерами под греческим влиянием, напр., находящиеся в Берлинском музее фигуры лежащих женщин, лежащей богини, нагой богини, коленопреклоненного мужчины с длинными локонами и т. п.

Документы частного права на клинописных табличках, контрактах и т. п. идут во все время персидского, селевкидского и отчасти даже арсакидского господства, сохраняя древние формы, свидетельствуя о живучести древнего языка. Они датируются по селевкидовской, а потом по селевкидовской и арсакидской эрам, наконец и по одной арсакидской эре (248 г.). Последний известный нам клинописный документ датирован пятым годом «Пиха-ри-шу, царя Персии», как думают, Пакора, царя парфян, следовательно, относится к 81 году н. э. Среди этих документов обращают на себя внимание два, выделяющиеся своими контрагентами и датами. Леман сообщил перевод одного из них, находящегося в Нью-Иорке, в частной коллекции:

«8 адара 75 г. (237 до н. э.) при царе Силуксу (Селевке III). Нергал... шатам (эконом) Эсагилы, сын Бельбани вавилонянина... сказал: «царь Антиох издал милостивый указ. Все, что... его отец Антиох и Селевк, его дед, поля его собственного дворца... и все, что драгоценно, отдал он Лаодике, своей супруге, и Селевку и Антиоху, своим сыновьям. Лаодика, его супруга, и Селевк и Антиох, его сыновья, отдали и отказали это вавилонянам, борсиппянам и кутеям».

Итак, новое доказательство благоволения царей к туземцам; явление это аналогично замечаемому в Египте во вторую половину птолемеевского господства. Второй документ еще интереснее. Он заключает в себе почетное постановление «совета храма Эсагилы» в пользу своего заслуженного сочлена, халдея Итти-Мардук-балату, занимавшего какой-то выгодный пост на службе у царя Аспасина. Текст датирован этим царем и 185-м годом селевкид. эры, т. е. 127 г. до н. э., что дает право отожествить этого царя с основателем Харака Испаосином и заключить о временном господстве его в Вавилоне.

Итак, вавилонское право продолжало существовать при греках и парфянах; документы, хотя и не в таком количестве, как демотические папирусы, не оставляют в этом сомнения. Конечно, в это же время вавилонская письменность не покидала области религии и науки. До нас дошли между прочим комментарии к древним текстам, гимны и ритуалы (между прочим Таммуза), датированные по арсакидской эре. В Берлинском музее с 1886 г. имеется большое собрание клинописных плиток с гимнами в честь Бела-Мардука, Белит-Истар-Зарпанит. Они датированы по царям— Селевкидам и Арсакидам 187—89 гг. до н. э. и переписаны вавилонскими писцами, большею частью происходящими из одной фамилии, в пяти поколениях. Не являясь продуктом эпохи по составлению и будучи копиями древних оригиналов, они, тем не менее, своим существованием указывают на непрекращавшуюся потребность в религиозных текстах, написанных на сумерийском языке и снабженных подстрочным семитическим переводом, на культивирование при храмах клинописи, на существование целых династий хранителей литературы. И они переписывали и хранили гимны, певшиеся еще в древнем Вавилоне и в Ассирии и дошедшие до нас, между прочим, в библиотеке Ассурбанипала. Конечно, при таких условиях, они характерны для данного времени, как любимые песнопения, напоминавшие классическое прошлое и вдохновлявшие к сохранению его традиций. Вот, напр., один из этих гимнов:

«Ты — свет небесный, сияющий над землей, о богиня, когда ты ступаешь по земле. Ты прекрасна, подобно земле. Правильный путь да приносит тебе хвалу. Ты — шакал, выходящий на добычу, ты — лев, ходящий у порога. Грозная дева, дева Истар, облеченная блеском драгоценных камней, сестра Шамаша, красота небес. — Я иду давать предзнаменования, я выступаю с моим отцом Сином, чтобы давать обильные предсказания, я выступаю с моим братом Шамашем. Меня поставил Син; на сияющем небе выступаю я, чтобы давать обильные знамения, я выступаю, я выступаю в совершенстве. При ликовании в моей славе, при ликовании иду я, богиня... Я —

Истар, богиня вечера, я — Истар, богиня утра, я — Истар, отверзающая засов сияющего неба в моем великолепии. Небеса сокрушаю я, землю поражаю, горы низвергаю; я великая мать гор, их предел. — Сердце твое да утешится, гнев да успокоится, великий владыка Ану да успокоит твое сердце. Великий владыка Бел да утишит твой гнев. Владычица, царица небес, да успокоится твое сердце; царица Эреха, Харсакаламы, Этуркаламы, Вавилона, да утишится твое сердце; царица храма, царица богов, да успокоится твой гнев».

Это — гимн, воспевающий Истар, как богиню утренней и вечерней звезды и как грозную царицу воинств небесных. Интересна его литературная и ритуальная сторона: он состоит из частей, в которых то говорит сама богиня, то молящийся. Возможно, что эти части произносились различными жрецами, или жрецом и хором и т. п. Как и в других гимнах, стихи сопровождались припевами. Вероятно, конец гимна, призывающий богиню к милости, указывает на общественный характер этой молитвы и свидетельствует о существовании в эллинистическую эпоху таких общественных молений против бедствий. Райзнер указал, что все гимны берлинской коллекции обращены к Белу и Истар, и что все остальные боги представляются как будто только «могучими именами» этих божеств, объединивших в себе пантеон.

Вавилонская наука продолжала развиваться. Страбон и Плиний говорят, что в их время существовали астрономы — жрецы, разделявшиеся на школы (αἵρεσεις, doctrinae). Страбон говорит об орхеях, борсиппянах и др. халдейских астрономах. Плиний — о хиппаренах (Сиппар), орхеях и вавилонянах. До нас дошло большое количество астрономических выкладок — результатов наблюдений, совершенных при персах и Селевкидах; этот огромный доброкачественный материал дал возможность Штрассмайеру, Эппингу и Куглеру написать несколько исследований по вавилонской астрономии и, вместе с тем, внести поправки в принятую хронологию Селевкидов. Куглер и Бецольд доказывают, что только теперь вавилонские звездоблюстители перешли от наблюдений к вычислениям, от служившей астрологическим целям лже-науки перешли к настоящей астрономии. Сравнение дошедших до нас выкладок от 523 до 8 г. до н. э. с сохранившимися в библиотеке Ассурбанипала, не говоря уже о более ранних, доказывает необычайно большой прогресс вавилонской науки, происшедший вероятно не без греческого влияния, именно в эту позднюю эпоху. До нас дошли и имена некоторых астрономов этого времени, напр., Белабусур и Кидинну. Последний известен Страбону, Плинию и Веттию Валенту под именем Киденас, Кидинас и т. п. Греческие астрономы строили дальше на этом фундаменте, как с несомненностью доказал Бецольд, сопоставив клинописные выкладки с текстами греческих — нигде нет противоречий, а нередки буквальные совпадения. И в Египте только теперь появляются демотические тексты астрологического содержания. Выкладки жрецов-астрономов идут за пределы наблюдения светил; в них отмечаются и метеорологические явления, и уровень воды, и цены на съестные припасы, и политические события.

Таким образом, звездные эфемериды иногда обращаются в летописи. Напр., в конце одной из них, датированной 37 г. селевкидовской эры, стоит следующее:

«В этом году царь со своими телохранителями, супругой и чиновниками пошел в Сапарду. Вечером оставил он стражу и перешел чрез Евфрат к египетским гарнизонам в Перее. Египетский гарнизон выступил против него. 24 адара наместник Аккада внес деньги вместо материй и рабынь, как дань Вавилона и царствующего града Селевкии; 20 слонов, посланных наместником Бактрии царю, были отправлены к нему по ту сторону Евфрата. В адаре покинул царь военачальников, бывших в Аккаде. В нисане двинулся он на тот берег Евфрата. В этом году тариф в Вавилоне и городах установлен по греческой валюте. В этом году свирепствовала в стране тяжелая болезнь. В 37-м году Антиоха и Селевка в мес. адаре, 9-го числа, прибыл наместник Аккада и адмирал (?) царя, уходивший в 36-м году в Сапарду к царю, назад в Селевкию, царский город, расположенный на Тигре. Мирно настроенные явились они туда к вави-

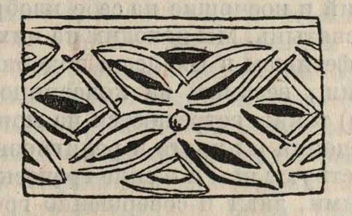
лонянам; 22-го числа явились вавилоняне в Селевкию. В этом же месяце наместник Аккада выдал с 32-го года хлеб для продовольствия жителей Вавилона, Борсиппы и Куты, быков, овец и все необходимое для жилища царя под наблюдением дворцовых чиновников. В этом году были приготовлены кирпичи и асфальт для реставрации храма Эсагила, выше и ниже Вавилона. В этом году был голод в земле Аккада, люди продавали своих детей на золото. В этом году свирепствовала жестокая болезнь в стране».

Итак, пред нами интересная хроника, в стиле древних вавилонских, важная как дополнение и освещение сообщений греческих историков. Существование птолемеевского царского канона, также восходящего к астрономическим источникам и доведенного от Набунасара до Александра В., оказалось возможным только благодаря этим наблюдениям и эфемеридам.

Поздний клинописный текст, написанный не раньше персидского времени и представляющий песни об освобождении от Элама в эпоху Хаммурапи, дает, кажется, те же имена, что и 14 гл. книги Бытия, и указывает на интерес к отдаленному прошлому. Еще в VI в. н. э. «последний язычник», философ Дамаский, принужденный удалиться с афинской кафедры в Персию, мог по каким-то источникам сообщить удивительно верные и восходящие к правильному пониманию клинописных данных сведения о вавилонской космогонии. Но в это время халдейская премудрость уже угасла, по крайней мере в своем классическом виде. Все изложенное нами выше имеет в виду Вавилон и его ближайшие священные пригороды, отчасти Сиппар. Многие другие священные города уже в раннюю эллинистическую эпоху потеряли свое значение. Так, раскопки американцев в Ниппуре обнаружили, что знаменитый древнейший храм Энлиля уже в начале II в. перестал быть святилищем и хранилищем древней культуры; его место наполнено греческими изделиями, не имеющими никакого религиозного значения. В арсакидское время на месте храма были устроены крепость и дворцы, один, вероятно, восходящий к селевкидскому времени, кругом раскинулось кладбище парфян с их своеобразными глиняными эмалированными саркофагами-башмаками и глиняными фигурками лошадей и всадников. Эта же судьба выпала на долю, вероятно, и других храмов. Только Харран уцелел со своим культом Сина до XIII века, приспособив старую религию к новым потребностям и открыв дверь внешним — эллинским и персидским влияниям. На юге аналогичное явление представляет своеобразная религия *Мандеев*, подобно харранцам известных под именем сабиев и с этим именем упоминаемых в коране в числе одной из трех, сравнительно терпимых и имеющих священное писание религий (иудейство, христианство, сабизм). Мандейство, теперь имеющее характер монотеистической религии и насчитывающее в Хузистане около 4 000 последователей, как показывает самое имя («Мандеи» этимологически — «гностики») — гносис, сделавшийся народной религией и составившийся из элементов главным образом древне-вавилонских, подвергшихся влиянию парсизма, иудейства и христианства. Вавилонская космогония и теогония все еще в нем заметна под прикрытием библейских имен, несмотря на то, что многие древние вавилонские боги (Син, Истар, Дильбат, Нергал, Набу, Бел) помещены в ад, как темные силы. Мандеи имеют священное писание — книгу «Гинза» и обширную богословскую и магическую литературу. «Царь света», с описания величия которого начинается Гинза, — древний Ану. Христос мандеев — Хибиль Зива, спаситель и возвышенный, напоминает Мардука; он — возлюбленный сын, пастырь, слово жизни, творец мира, сходивший в ад. Мифы, рассказываемые о нем, напоминают эпос о Тиамат и о Гильгамеше. Он тожественен и с Иоанном Крестителем, единым истинным пророком мандеев, почитание которого является одним из плодов влияния христианства и представление о котором отвечало древней вере вавилонян в очистительную силу воды. Крещение — главное таинство мандеев, но оно имеет в виду не веру и покаяние, а представляет теургико-магическое действие с целью проникновения в тайны царства света посредством воды, элемента царя света. Последний опять-таки

не кто иной, как древний Эа, бог глубины, воды и премудрости... 7 планет у мандеев существуют со своими вавилонскими именами и 7 отделений ада («Матарта» — «Тюрьмы») также соответствуют семи вратам его у вавилонян. Прохождение по ним необходимо для души, страждущей под господством «семи» и жаждущей взойти к «первой Жизни». Причащение у мандеев — также древне-вавилонского происхождения, стоящее вероятно в связи с богом Эа и учением о его «хлебе жизни». Вавилон и Мардук вообще играли видную роль в гностицизме. Манихейство, обошедшее весь свет, и в виде богомольства зашедшее в славянские земли, коренится не только в парсизме, но и в халдействе. Еврейская каббала также едва ли идет не отсюда, во всяком случае в талмуде и мидраше постоянно находят все новые и новые доказательства вавилонского влияния. И суеверия, воплотившиеся в находимых на вавилонской почве чашах с магическими еврейскими и арамейско-мандейскими надписями, выдают влияние халдейской демонологии.

Gusword, Ueber d. warscheinlichen Lebensdauer d. Assyr-Babyl. Sprache. Zeitschrift f. Assyriologie VI. Epping-Strassmaier, Babylonische Mondbeobachtungen, там же, VII и VIII. Virolleaud, L'astrologie Chaldéenne. Par., 1903—10. C. Bezold, Astronomie, Himmelsschau und Astrallehre bei den Babyloniern. Heidelb., 1911. Bezold und F. Boll, Reflexe astrologischer Keilinschriften bei griechischen Schriftstellern. Heidelb., 1911. Thureau-Dangin, Distances entre étoiles fixes. Revue d'Assyriologie, X, 1913 — табличка из Эреха эпохи Селевкидов, дающая расстояние между звездами, проходящими у центра Вавилона. Lehmann, Kassu. Там же, VII, 328. Pinches и Lacouperier, A babyl. tablet of Aspasine-Hispasines, Kharacenian Babylonian Record. IV. Pinches, Greek transcriptions of Babylonian tablets. Sayce, Greek in Babylonia. Proceed. Soc. Bibl. Arch. XXIV. Reisner, Sumerich-Babyl. Hymnen griech. Zeit. Mitteil. a. d. orient. Sammlungen. X. Banks, Sumer. Bab. Hymnen. Lpz., 1897. A. Clay, Babylonian Records in the library of J. Pierpont Morgan, N. Y., 1913. Документы из эрехского храмового архива, касающиеся имущественных отношений храма, датированные по эре Селевкидов и снабженные многочисленными печатями. В собрании Н. П. Лихачева имеются документы с печатями, изображающими царей из династии Селевкидов (?). О *Мандеях:* Bishoff, Im Reiche der Gnosis. Lpz.. 1906. Anz, Zur Frage u. d. Gnostizmus. Lpz., 1897. Kessler, Mandäische Probleme nach. ihrer religionsgeschichtlichen Bedeutung. Verhandl. d. II internat. Kongresses f. Allgem. Religionsgeschichte. Basel, 1905. Mandäer. Real-Enzyklop. Hauch. XII. Гинва издана Petermann'ом, Berl., 1867. Brandt, Mandäische Schriften. Göttingen, 1893. Заклинания: Pognon, Inscriptions mandaïtes des coupes de Khouabir. Par., 1898-9. Lidzbarski, Mandaïsche Zaubertexte. Ephemeris für semit. Epigraphik, I, 1900.



СИРИЯ

На ряду с Малой Азией, Сирия, особенно береговая, уже давно находилась под сильным влиянием эллинства и была эллинистической еще до Александра. Хеттский элемент уже растворился под напором эллинства, иранства и арамейского семитства, но хеттские культы не только были восприняты и продолжали в Каппадокии и в Северной Сирии (Иераполь) привлекать поклонников, но и вышли за пределы своих областей — уже в 225 г. Великая Мать спасла Рим от Аннибала, а со времени Клавдия «фригийские» культы получили широкое распространение на западе, пользуясь покровительством государства и привлекая своим оргиастическим характером в Риме, в Галлии, Африке и т. п. Мистерии Аттиса были распространены по всему миру, конечно, в форме уже отошедшей от хеттской основы и прошедшей чрез семитические и персидские влияния. Даже имя народа, создавшего эти культы, было забыто: вместо хеттов, говоря о древнем населении Малой Азии, называли то скифов, то амазонок.

Семитическое население Сирии состояло из хананеев, арамеев и арабов. Кроме Финикии культурное главенство, поскольку оно не принадлежало грекам, было на стороне арамейского элемента: на арамейском языке говорили и писали и в Иудее, и в арабских царствах. *Финикийские* города и их колонии держались своего языка, памятники которого дошли до нас от этой эпохи в виде надписей, находимых по всем берегам Средиземного моря. Другим важным нашим источником являются теперь монеты. Это были не только орудия обмена, но и памятные медали, служившие для увековечивания событий и носившие на себе изображения дорогих для города и государства памятников и святынь. Мы находим на них и «Амросиевы» скалы в Тире, и храм с конусообразным фетишем в Библе, и подобный же храм в Пафе, и сидонский круглый камень-фетиш, везомый на колеснице; изображения богов (напр., шестикрылого Эла в Библе) также встречаются на монетах, которые теперь впервые дают нам такие ценные сведения о культе и религиозной архитектуре финикийских городов. Они же свидетельствуют нам и о силе греческого влияния, так как, на ряду с указанными изображениями, дают и совершенно греческие, напр., Иракла-Мелькарта в Тире, морских божеств, иппокамов, храмов греческого стиля и т. п. Современным этим монетам памятником письменности следует считать творение Филона библского, выданное автором за произведение древнего мудреца Санхуниафона. Писатель-эллинист II в. н. э. задумал написать на греческом языке, которым он владел мастерски, историю Финикии с точки зрения уроженца Библа и с евгемеристической тенденцией. До нас дошла, благодаря Евсевию, часть, повествующая о космогонии и теогонии и происхождении культуры. Несмотря на философскую и национальную тенденциозность, делающую Финикию родиной религии и цивилизации, памятник

этот свидетельствует и о силе древней культуры, еще в это позднее время снабдившей автора сведениями, подтверждаемыми археологическими данными; многие известия Филона могут быть с успехом иллюстрированы монетами. В то же время нельзя не заметить на его труде сильного влияния не только греческой философии, но и библейских повествований. Финикийские мифы, правда, сильно эллинизованные, сообщает еще и Нонн, и даже Дамаский, а Менандр и Дий находят возможным делиться важными историческими сведениями, почерпнутыми из тирских городских летописей, которые они перевели на греческий язык так же, как некий Лэт перевел древнего финикийского философа-атомиста — Моха. Таким образом, взаимный интерес друг к другу финикиян и греков и, пожалуй, взаимные симпатии продолжались. Одним из доказательств этого может служить следующая надпись, найденная в Афинах:

«4-го числа месяца мерзеха, в 15-й год народа сидонян состоялось постановление сидонян об увенчании в собрании Шама-Ваала, сына Магона, которого народ поставил над храмом и постройкой притвора, золотым венком, весом в 20 дариков, за то, что он обстроил храмовой притвор и исполнил все, что ему следовало по службе. Это постановление должны начертать люди, поставленные над храмом, на высеченной плите и выставить ее в ипостиле храма пред глазами людей, чтобы народ был свидетелем. Для этого они должны выдать из казны бога Ваала Сидонского 20 драхм полновесных, чтобы знали сидоняне, как умеет народ награждать людей, оказавших ему услуги».

Этот текст — один из самых поздних памятников финикийской письменности. Он составлен сидонской колонией в Афинах в честь своего члена — старосты храма, которым обладала колония. Надпись датирована по сидонской городской эре 111 г. до н. э. — год освобождения от владычества Селевкидов; таким образом, 15-й год «народа сидонян» соответствует 96 г. до н. э.

Городские эры в Финикии обязаны происхождением смутам при последних Селевкидах. Во время этих междоусобиц города, успевшие к тому времени вполне уподобиться греческим политиям и большей частью уже не имевшие царей, выходят из повиновения. Арад принял автономную эру еще в 259 г.; монеты его и его берегового пригорода Марафа дополнили сведения классиков о продолжительных войнах этих двух городов, начавшихся с этого года и окончившихся только к римскому времени разрушением Марафа. Арад держался Селевкидов, Мараф — Птолемеев, и это отразилось между прочим на типе монет. Автономные монеты Берита начинаются с Антиоха Эпифана и идут до 140 г., когда город был разрушен Трифоном. Эра Тира — 126 г.; эра Сидона и Триполя — 126. Городские автономии признали и римляне, истребившие на Ливане разбойников и уничтожившие появившихся в городах (Библе, Триполе) «тираннов». Антоний даже не согласился отдать Клеопатре Тир и Сидон, за что эти города были ему преданы в его борьбе с Августом и наказаны последним (временным?) лишением автономии. Города при римлянах сохранили юрисдикцию и управление финансами: они были организованы на аристократических началах ценза; налоги взимались по римским провинциальным установлениям. Стоянки легионов и колонии ветеранов еще более содействовали смешению культуры. При Адриане появляется какой-то религиозный глава «Финикарх», религиозной метрополией делается Тир, который и в эпоху Селевкидов, едва оправившись от погрома при Александре, величал себя «матерью Сидонян», в то время как Сидон именовал себя «матерью Каккабы (Карфагена), Иппона, Кития и Тира», а вновь основанная Лаодикея Ливанская — «метрополией Ханаана».

Хотя ханаанский язык не уступал долго арамейскому и даже греческому, и следы его употребления в Финикии имеются еще от III в. н. э., но знакомство с греческим языком и литературой было весьма распространено, и скоро Финикия стала выставлять и деятелей на этом поприще из числа эллинизированных туземцев. Неоплатоник Порфирий был тирянин Малх, географ Марин Тирский, вероятно, тоже был туземец, Страбон и Свида называют нам целый ряд философов и историков, происходивших

*

из финикийских городов, но национальность их нам неизвестна. Влияние греческого искусства особенно заметно на интересных найденных в Умм-эль-Авамиде близ Тира и хранящихся в Лувре и Копенгагенской глиптотеке надгробных памятниках «рабов», вероятно, членов тирского совета. Они относятся ко II в. до н. э. и дают портретные, во весь рост, изображения вельмож в молитвенной позе, исполненные художественно. Египетский крылатый диск вверху и некоторые другие египетские мотивы указывают на жизненность старых традиций. В этом отношении интересны также финикийские антропоидные саркофаги, найденные и в собственной Финикии, особенно около Сидона (экспедиция Ренана, затем Хамди-бея 1887 г.), и по берегам Средиземного моря, до Кадикса включительно. Привыкши обращаться к египетской религии, особенно в вопросах, касающихся загробного бытия, финикияне и в эпоху эллинизма продолжали хорониться в саркофагах египетского образца, частью приготовляя их дома, частью заказывая греческим мастерам, причем египетские формы мало-по-малу забывались, и вместо шаблонного типа каменного антропоида поздних времен, появляется саркофаг с портретным изголовьем греческой работы. Вкус к греческому искусству проявился и в том, что в Финикии были перехвачены замечательные саркофаги греческих мастеров, украшающие ныне Константинопольский музей; один из них изображает подвиги Александра и был назначен для одного из его сподвижников, но послужил для погребения сидонского вельможи.

Конец последнего тысячелетия перед н. э. был временем сильного движения в Сирию *арабов*, передовых дружин последнего крупного семитического переселения, окончившегося превращением Ближнего Востока в мусульманский. Повторяется картина, знакомая нам из Телль-Амарны. Кочевые племена при Помпее — итуреи напирают на оседлое население и богатые города (напр., Библ и Берит), затем сами приобщаются к арамейской, а потом и к греческой культуре. Появляются арабско-арамейские эллинистические царства. Уже около 132 г. до н. э. образовалось *Осроэнское* царство Авгарей в *Эдессе* (сущ. до 244 г. н. э.); около того же времени на месте древнего Эдома *Набатеи* сорганизовались в сильное царство, владения которого в 85 г. до н. э. при Арефе III включали Дамаск. Их положение у Аравийского залива делало их хозяевами гаваней и караванных стоянок, а их столицу Петру — важным складочным пунктом для торговли южно-арабскими благовониями; здесь скрещивались пути в Египет, Сирию, Южную Аравию, Вавилон и к Персидскому заливу. Грандиозные развалины Петры до сих пор дают археологу и исследователю семитических религий обильный материал. Большое количество набатейских надписей и в Петре, и на Синайских утесах, и в Хиджре и т. п. начертаны курсивным шрифтом, прототипом куфического, на арамейском языке, но с большим количеством арабизмов. При Траяне Набатейское царство, дотоле вассальное, прекращает свое существование; вместо него появляется provincia Arabia, но это не отразилось на богатстве и благосостоянии Петры.

Поздно, уже в эпоху Сасанидов, появляются новые царства арабско-набатейского происхождения (так наз. Сафаитов), оставившие надписи и памятники архитектуры. Упомянем Лахмидов в Хире у Евфрата, Гассанидов, их соперников, в Сирии. Близ Эн-Намара в Сирии найдена гробница и надпись Имрулкаиса, царя Хиры, который именует себя царем всех арабов, распространившим свою власть до Наджрана в Южной Аравии и возложившим на себя «тадж» — диадему персидского образца, может быть, не без утверждения царя-Сасанида. Надпись относится к 328 г. н. э. От этой же эпохи дошли сооружения, выдающие персидское влияние на сирийскую технику, напр., в Наср-эль-Абде, или дворец в Мшатте, теперь перенесенный в Берлинский музей и относимый некоторыми археологами к IV—V в. Некоторые художественные элементы уже предсказывают будущее мусульманское искусство.

Но наиболее крупную и культурную, и политическую роль из арабских царств в Сирии сыграла *Пальмира*. Возвышение этого города, происхождение которого для нас неясно и, вероятно, восходит к вавилонским временам, относится

уже всецело к римской эпохе, когда он сделался важным пунктом торговли. Находясь на узле путей, соединявших Месопотамию и Персидский залив с берегом Средиземного моря, и на границе Римской империи и пустыни, он монополизировал снаряжение караванов и был складочным пунктом персидских и индийских товаров для запада и западных — финикийских, греческих и римских — для востока. Это положение обеспечило Пальмире не только благосостояние и богатство, но и внимание римских императоров, которые, начиная с Адриана, лично посетившего город, с этих пор получивший наименование ’Α ριανὰ Πάλμυρα, оказывали ей внимание и предоставили и административную, и военную самостоятельность.

После эдикта Каракаллы, Пальмира получила право juris italici и имела совершенно греческое устройство, хотя официальным языком продолжал быть, на ряду с греческим, и арамейский. Благоволение Рима и, в то же время, враждебность к Персии были причиной того, что Пальмира всегда была на стороне первого, особенно в несчастное для него время императора Валериана и его войны с Сапором I. Вассальный правитель Пальмиры Оденат II был верным союзником Галлиена и разгромил парфян, дойдя в 265 г. до самого Ктесифонта. Всем известны последствия этого — Оденат, его преемник и сын Вахбаллат и правительница, вдова Зиновия (арабск. Зайнаб, арам. Бат Заббай) не только правили Пальмирой, но и властвовали именем Рима над всем Востоком. Зиновия, эллинистически образованная, энергичная царица, была одной из крупных личностей в истории. Она покорила Египет и владела Малой Азией до Геллеспонта. Это было первым проявлением реакции Востока и первым распадением империи на западную и восточную. Однако, время для него еще не наступило — «Restitutor imperii» Аврелиан вернул империи единство, и доблестная благородная царица в 273 г. должна была следовать за его триумфальной колесницей. С Пальмирой было покончено — восстание города, не хотевшего забыть своего кратковременного величия, было причиной его разрушения, а перемена направления торгового пути (через Алеппо на Евфрат) сделала невозможным его возрождение. Но величественные памятники культуры до сих пор привлекают археологов и туристов. Свидетельствуя о величии и богатстве города, они являются ценным показателем силы эллинизма и характера той смешанной культуры, которая возникла в различных пунктах бывшей монархии Селевкидов. По всем музеям рассеяны многочисленные пальмирские надгробные камни с художественно исполненными портретными бюстами богатых пальмирцев, с арамейскими надписями, начертанными шрифтом, близким к еврейскому квадратному, иногда отчасти переходящим в будущий сирийский estrangelo. Греческое искусство здесь также господствует, как и в пальмирской архитектуре, и в пальмирской живописи. Образцы последней, исследованные экспедицией Русского археологического института в Константинополе в 1900 г. и изученные проф. Б. В. Фармаковским, представляют фрески фамильной погребальной пещеры Мегарет-Абу-Схейль. Росписи этой катакомбы, кроме орнаментальных, дают изображения крылатых Ник, держащих портреты покойников, семитические черты которых переданы весьма реалистично, но искусство здесь общегреческое, давшее помпеянские росписи в Италии, керченские на юге России, фаюмские портреты в Египте. С последними пальмирские портреты имеют несомненную близость и, вместе с ними, дают важный материал для исследователей происхождения и развития христианской иконографии.

Влияние греческой культуры можно видеть и в том явлении, которое замечается и в других странах, особенно в Египте, — сопоставлении туземных божеств с греко-римскими. Богиня Аллат (развалины храма ее в Ледже) сопоставлена с Афиной (отсюда Вахбаллат называл себя Афинодором), Азиз и другие небесные божества — с Зевсом и Юпитером и т. п. Но дома у себя, да отчасти и в общественной жизни, пальмирцы всегда пользовались арамейским языком — среди надписей погребальной пещеры Мегарет-Абу-Схейль нет ни одной ни греческой, ни двуязычной. И самый крупный эпиграфический памятник не только Пальмиры, но и всего семитического

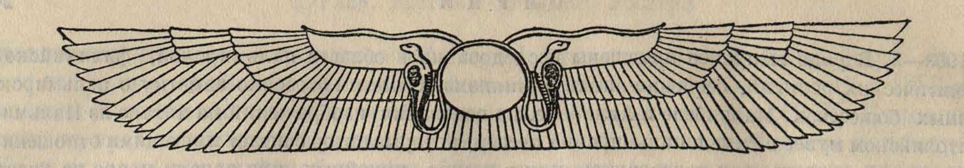
алфавитного письма — пальмирский тариф, редактированный на двух языках, имеет впереди арамейский оригинал. Этот огромный камень, открытый в 1882 г. кн. Абамелек-Лазаревым и помещенный, благодаря стараниям акад. П. К. Коковцова, в Эрмитаж, представляет датированное 18 апр. 137 г. н. э. постановление пальмирского Βουλή и народа (в арамейской версии «булэ» и «демос» и прочие термины просто транскрибированы семитическими буквами!), имеющее целью регулировать весь финансовый строй Пальмиры и согласовать финансовый закон νόμος τελωνικός с обычаем. Всякий ввоз и вывоз были обложены постоянной пошлиной в два динария с верблюжьего груза и в один динарий с ослиного. Кроме того, и при ввозе и при вывозе товары оплачивались по стоимости, и специальными пошлинами; платили отдельно и за верблюда, платили особые пошлины коммерческие ассоциации за контракты и акции. Все пререкания и злоупотребления, связанные с применением тарифа, были подсудны особой юрисдикции. В числе товаров заграничной торговли упоминаются: рыба из Малой Азии и Египта, шерсть, окрашенная в пурпур, и оливковое масло из Финикии, кожа и сало из пустыни, орехи, пряности и благовония из Аравии, бронзовые статуи — из Греции и Кипра.

Сирия, вместе с Египтом и Персией, сыграла в римское время видную роль в религиозном миросозерцании общества. Сирийские рабы, сирийские купцы, особенно же набираемые среди воинственных сирийских народов солдаты, распространяли свои культы по империи. В Риме оплакивали Адониса, плясали в честь Балмаркоды, в Остии справляли морской маюмский праздник Марны; Адад из Баальбека-Илиополя чтился под именем Juppiter Heliopolitanus, Малахбель пальмирский встречается и в Риме, и в Нумидии, и в Дакии. Распространению содействовали и характер семитических религий, с одной стороны, выработавших теперь высшие представления эсхатологического и этического порядка, с другой стороны, имевших известный уклон к солнечному или небесному монотеизму. Ваал небесный, бог высочайший, бог вечный — эпитеты, чередующиеся для верховного семитического божества с такими, как «всемогущий», владыка вселенной, непобедимый и т. п. Отсюда вышел культ Solis invicti, который пытались сначала насадить в Риме императоры сирийского происхождения. При Элагабале сирийский культ короткое время был официальным и господствующим в империи, едва ли случайно. При Аврелиане повторилась попытка религиозной реформы, испробованная в Египте более полутора тысяч лет пред тем — культ Солнца был объявлен общеимперским после того, как опыт Пальмиры доказал необходимость мер для сплочения шатающейся империи. Этот культ также, хотя и не столь определенно, стоял на сирийской основе. Но универсальная религия, вышедшая из другой области Сирии, уже была накануне своего торжества.

Финикия: E. Babelon, Catalogue des Monnaies Greques de la Bibl. Nationale. Les Perses Achémenides. Par., 1893. Hamdy Bey — Th. Reinach, Une Nécropole royale à Sidon. Par., 1892. Гр. П. С. Уварова, Саркофаги Оттоманского музея. Древности. XXI (1907). Тураев, Отрывки финикийской космогонии. Сообщения прав. Палест. общества, 1902. Предметы финикийского происхождения коллекции В. С. Голенищева. Памятники Музея изящных искусств в Москве, 1913. *Набатеи* и пр. R. Dussaud, Les Arabes en Syrie avant l'Islam. P., 1907. Quatremére, Memoire sur les Nabatéens. P., 1835. Хвостов, История восточной торговли. Каз., 1907. Schürer, Geschichte d. Judischen Volkes. I (полная библиография). Пр. Порфирий, Письмена Кенея Манафы. Спб., 1857. Euting, Sinaïtische Inschriften, 1890. Nabatäische Inschriften, 1885. Littmann, Semitic Inscriptions (изд. Америк. экспедиции в Сирию 1889 г.) N. Y., 1905. Прозоровский, Набатеи и их монеты. A. v. Gutschmid, Untersuchungen ü. d. Geschichte des Königreichs Osroene. S. Petersburg, 1887 (Мем. Акад. наук, т. 25).

Пальмира: Кн. Абамелек-Лазарев, Пальмира (со статьей м. де-Вогюэ о тарифе). Спб., 1884. Б. В. Фармаковский, Живопись в Пальмире. Изд. Р. арх. инст. в Константинополе, VIII (1903). П. К. Коковцов, К пальмирской археологии и эпиграфике. Там же, XIII (1908). Новые надписи из Пальмиры. Там же. K. Dussaud, Notes de Mythologie syrienne.

Par., 1903—5. В ряде выпусков помещены исследования в области пальмирской, финикийской и др. семитических религий, особенно эпохи эллинизма. Отметим особенно заметку о пальмирских солнечных божествах Малакбеле и Аглиболе, на основании изображений на алтаре из Пальмиры в капитолийском музее в Риме и пальмирских тессер, которые автор считает имеющими отношение к погребальному культу; они раздавались или в память покойных, или давали право на участие в заупокойной трапезе. Статья о Juppiter Heliopolitanus разбирает изображение этого божества, имевшего египтизированный облик и символы божеств на своем одеянии, а также посвящаемые ему бронзовые благословляющие руки. Впервые идол этого божества найден в Цихе Н. К. Кондаковым, Археологическое путешествие по Сирии, 1904. О пальмирских тессерах см. еще M. de Vogüé в Comtes rendus Acad. Inscr., 1903. Ad. Reinach нашел в Египте, в Копте, в 1910—11 гг. стелы египто-пальмирского стиля, может быть, происходящие из пальмирской колонии. См. Catalogue d. antiquités égyptiennes recueillies dans les fouilles de Koptos, 1903. Богатое Копенгагенское пальмирское собрание издано D. Simonsen, Sculptures et Inscriptions de Palmyre. Copenhague, 1889.



ПУНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Северо-западный выступ Африканского материка от Сиртов до океана, иначе называемый «Малой Африкой», составляющий одно географическое целое с противоположным берегом Европы и островами, был областью, в которой достиг большого политического развития и мирового значения перекинувшийся сюда с востока семитический финикийский элемент, у себя на родине игравший лишь второстепенную роль, по сравнению с великими державами и культурами. Ни время, ни условия насаждения на Дальнем Западе колоний семитического востока нам неизвестны. Когда и кем основаны Утика (Ат ика — «Старая»?), Гады (Гадир — «Крепость»), великий африканский «Новгород» (Карт-хадашт) — Карфаген и другие города «Ливиофиникиян», об этом существуют переданные древними авторами легенды, сомнительные синхронизмы и недоступные проверке комбинации. Теории, высказываемые новыми учеными, также не для всех убедительны, а данные археологии и недостаточны и относятся ко времени, уже далеко отстоящему от первобытных времен.

Возможно, что развитие финикийских выселений в западную часть Средиземного моря относится к большой древности. Если мы верно, вместе с Гутшмидом, толкуем Менандра и Дия, то Утика упоминается уже в X в., а город Авза основан Итобаалом тирским. Ассирийские походы могли содействовать дальнейшим массовым переселениям в Африку. Греки в VIII в. нашли уже здесь места занятыми. Соперничество двух колониальных наций обусловило появление сведений о западных финикиянах в греческой литературе; они делаются доступными истории с конца VII в. Греческому посредству обязан и латинский язык общим наименованием западных семитов Poeni и Puni; для восточных финикиян появляется впоследствии Phoenices.

Греческая опасность сплотила западных финикиян вокруг Карфагена и привлекла к союзу с ними этрусков. Сицилийские финикияне, близкие к вытеснению, удержавшиеся лишь в Панорме, Мотии и Солунте, воспрянули и перешли в наступление; Сардиния вошла в карфагенскую сферу: битва при Алалии в 540 г. отдала Корсику карфагено-этрурскому союзу. Образовалось огромное финикийское морское государство семитического племени, объединившее «Малую Африку», южный берег Испании и значительную часть островов. По договору с римлянами 509 (?) г. была «признана карфагенская монополия по ту сторону «Прекрасного Мыса» и неприкосновенность римского владычества в Лации. Урегулированы были отношения с Киреной: границей были признаны «Филеновы жертвенники».

VI и V века были временем большого развития карфагенского богатства и могущества. Во главе государства стояли выдающиеся деятели, отличавшиеся большими государственными дарованиями и энергией, каковы Малх, завоеватель Сардинии, и фамилия Магонидов, сознававшая необходимость великодержавной политики и

для этой цели преобразовавшая войско из гражданского в наемническое, что было неизбежно при незначительности финикийского гражданского элемента. Магониды более полутора веков стояли во главе государства и имена их связаны со всеми выдающимися событиями его истории. При внуке Магона, Амилькаре I, Карфаген вел мировую политику и выступил энергично против греков с запада, в то время как персы пытались покорить их с востока, но на этот раз потерпел неудачу при Имере, одновременно (480) с Ксерксом, разбитым при Саламине. Тем не менее широкие предприятия Магонидов продолжаются, хотя и получают иное направление. Сын павшего при Имере Амилькара, Аннон I «превращает карфагенян в ливийцев», т. е. покоряет туземные племена внутренней части страны, образует африканскую провинцию, защищенную от набегов кочевников рядами укреплений, и отдает ее пунической знати, которая, сев на землю, обрабатывает свои латифундии при помощи рабов. Таким образом, на ряду с торговым классом и с ремесленниками, появляются в государстве крупные собственники-плантаторы, привязанные к земле и к благам мира. Этим Карфаген существенно отличается от Финикии, где владения прибрежных городов не могли распространяться вглубь страны. Благосостояние и богатство поместий картинно представлено у Диодора (XX, 8). Так как одновременно с этим политическим и экономическим переворотом замечается и другой — переход к крупной фабричной промышленности, то во избежание нежелательных для государства последствий появления обездоленных пролетариев, Аннон и Имилькон привели в исполнение мероприятие, грандиозное по замыслу и результатам — экспедицию на берега Атлантического океана для основания новых колоний, в которых могли бы найти себе приют обездоленные элементы гражданского населения. Аннон направился к югу, вдоль африканского берега и, доехав, кажется, до мыса Пальма в Гвинее или даже до Камеруна и экватора, основал шесть факторий. Имилькон прошел вдоль европейского берега до Эстримния, т. е. до Оловянных островов Scylly.

Конец V в. и весь IV в. были полны почти непрерывными войнами Карфагена с греками. Магониды стремились обратить Сицилию в провинцию, подобную Ливии, и натолкнулись на сопротивление Сиракуз. Война шла с переменным счастьем и, в конце концов, привела к расширению финикийской сферы. Однако, покорение востока Александром скоро отразилось и на западе. Агафокла и Пирра нельзя не признать типичными продуктами бурной героической эпохи Диадохов и Эпигонов, мечтавших о продолжении александрова дела в западной части культурного мира. Известно, что, несмотря на неоднократные поражения, Карфаген, одно время близкий к гибели, вышел из этой борьбы победителем — он не вошел политически в состав эллинистического мира и несколько лет был владыкой запада. Но это не могло продолжаться долго — борьба с прежним союзником Римом была лишь вопросом времени, и действительно началась всего через восемь лет после удаления Пирра.

В борьбу с Римом Карфаген вступил в расцвете своего могущества, как первая великая держава древности. Но это могущество было уже только кажущимся — время финикийской расы уже прошло, ее творческие силы иссякли, внутренние условия огромной республики были не таковы, чтобы побороть молодую энергичную и таящую в себе неистощимый запас свежих сил нацию. Первая Пуническая война, несмотря на неоднократные поражения римлян, окончилась для Карфагена потерей Сицилии, затем Сардинии и уничтожением флота. Карфаген перестал быть морской державой, и это еще более связало его с Ливией, и голоса аристократов-аграриев, стоявших за мир во что бы то ни стало и за отказ от мировой политики, стали раздаваться все громче, в то время как городское население, особенно ремесленники и купцы, лишившись рынков, находились в оппозиции. Гениальные Баркиды, ставшие во главе государства, могли опереться на эту часть граждан, и им удалось убедить народ в необходимости, отказавшись от создавания флота, создать большую державу на суше и возместить потерю островов присоединением новых областей в Ливии, а затем Испании, которая явилась бы и рынком для сбыта, и источником

доходов (серебряные рудники). Предприятие Баркидов увенчалось успехом, но возбудило беспокойство римлян и повело к новой войне, в которой семитический мир выдвинул одного из гениальнейших людей — Аннибала, полководца и политика едва ли не более великого, чем Александр. Его планы были необычайно широки и поэтому не могли быть оценены современниками. Он один мог понять, что для победы над Римом необходим союз всех угрожаемых им народов, что настало время оказать всеобщую реакцию против всепоглощающего города, что разгромить его можно только в Италии, а не в Испании или Сицилии. Аннибала сокрушили и непонимание соотечественников, и энергия Рима, и усовершенствованная военная техника Сципиона. Карфаген сошел на степень обессиленного вассального города, унизившегося до изгнания великого Баркида и до содействия исконному врагу в разгроме естественного союзника — Антиоха.

Между тем назрели крупные события. Хотя карфагеняне, как и прочие финикияне, выжимая соки из туземного населения, не думали о распространении среди них своей культуры, но последняя сама проникала к ливийским племенам, сначала затрагивая, конечно, правящие сферы. Разрозненные племена соединяются под начальством предприимчивых вождей, вкусивших пунической культуры, ослабление верховного приморского города повлияло на образование более крупных царств внутри страны. Появляется в Сиге царство Сифака, для которого обаяние Карфагена было еще настолько велико, что он перешел на сторону этой республики, получив в жены дочь карфагенского вельможи (еще в 204 г.). Но его царство было недолговечным; более успешным конкурентом на объединение Нумидии оказался знаменитый Масинисса, приучивший, по Страбону, ливийцев к гражданскому общежитию и к войне, вместо разбоя. Опираясь на римлян, он мечтал создать в Малой Африке крупное государство типа эллинистических монархий, но основанное на пунической культуре, в его планы входили даже включение Карфагена и замена семитической республики ливийской семитизованной монархией. Многие карфагеняне, отчаявшись в возможности вернуть былое могущество, сочувствовали ему и предпочитали владычество единокультурного царя, получившего воспитание в их городе, подчинению ненавистному коварному Риму. Но последний не мог этого допустить — он спокойно смотрел, как Масинисса отбирал у Карфагена одну область за другою, но когда оставалось сделать последний шаг, час великого города пробил и страшное дело 146 г. совершилось.

Масинисса не пережил крушения своих планов, но предвидел его, и под разными предлогами оттягивал появление своих войск в лагере Сципиона. В 148 г. его не стало; его царство было поделено между его сыновьями. Оно перестало быть опасным для римлян, но продолжало быть хранителем пунической культуры. Под римским владычеством и в покоренной провинции последняя не только не угасала, но получала новую жизнь и распространение. Утика была сделана главным городом; остальные пунические города сохранили в эпоху империи самоуправление с суффетами, частью финикийскими, частью уже латинскими монетами и т. п. Нумидийские цари получили от римлян уцелевшие от погрома пунические книги, которые способствовали большому проникновению в их среду семитической культуры и появлению литературных интересов (Гиемпсал); они принимают пунические имена, пользуются охотно пуническим языком для надписей (особенно много у их столицы Цирты; между прочим, в честь Микипсы), призывают семитических мастеров.

Внук Масиниссы и племянник Микипсы Югурта решился даже на отчаянную, последнюю попытку оказать реакцию Риму и образовать великую северо-африканскую державу пунической культуры. Неудачное вмешательство Юбы I в войну помпеянцев с Цезарем имело последствием обращение Нумидии в провинцию, но, с другой стороны, постоянные сношения с Римом содействовали проникновению эллинистическо-римской культуры. Карфаген принципиально относился к эллинизму отрицательно, в этом отношении он не шел по стопам своей метрополии; его постоян-

ные политические и торговые столкновения с греками, вызвавшие и самое образование западно-финикийского государства, не могли благоприятствовать развитию симпатий к греческой культуре. Правительство даже принимало меры для парализования ее соблазнов, в виде, напр., запрещения заниматься греческим языком. Нам известно, напр., что великий Аннибал, живший уже в то время, когда греческая опасность миновала и даже была необходима дружба с греками для отпора Риму, научился греческому языку в зрелом возрасте, да и то плохо владел им. Известный философ Асдрубал, ученик Карнеада, переживший падение Карфагена и написавший из Афин утешительное послание своим плененным согражданам, повидимому был греком, а не пунийцем. Конечно, без произведений греческой промышленности и искусства Карфаген обойтись не мог уже потому, что торговал ими в своей колониальной сфере; не обладая сам художественными произведениями, он получал их главным образом из Сицилии, и римляне нашли в 146 г. много награбленных с этого острова произведений греческого искусства. Точно также и в пунических гробницах всех эпох находят не мало греческих изделий; греческая марка была рекомендацией. Но переходили ли вместе с вещами идеи, для нас весьма сомнительно. Можно указать, пожалуй, на два явления, которые позволительно приписать влиянию греческого мира, — обычай сожигать трупы (с IV в.) на ряду с обще-семитическим погребением, и даже взамен его, и прекращение (с III в.) массовых, а может быть и вообще всяких человеческих жертвоприношений; влияние греческого искусства замечается и на туземных произведениях, особенно на монетах, тип которых заимствован из Сицилии и самая потребность в которых родилась благодаря внешним сношениям. Сношения с Сицилией имели последствием, между прочим, введение в Карфагене культа Димитры и Коры. По Диодору (XIV, 63) оно было обязано желанию умилостивить богинь, храм которых был разграблен в предместье Сиракуз во время несчастной войны с Дионисием I. Но культ этот был поручен грекам и оставался чисто греческим, не влияя на туземную религию; в этом отношении он не может итти в сравнение с ролью египетских культов в финикийской религии. Несмотря на непосредственное соседство с греками и на многолюдную греческую колонию и многочисленные памятники греческого искусства в своих стенах, Карфаген оставался восточным городом, и по облику, и по нравам своих обитателей.

И по падении Карфагена пуническая культура не без успеха конкурировала с греческой, хотя нумидийские цари относились к последней иначе, чем карфагенское правительство. Надписи их составлены не на греческом языке, а нэ пуническом и ливийском; цари носят также ливийские и пунические (Адгербал, Мастанабал и др.) имена, и между ними нет ни одного греческого. Пунические имена носят и те мелкие «цари» ливийских племен, надписи которых в честь финикийских богов найдены близ Цирты и, вероятно, один из потомков которых погребен в мавзолее в Тугге, еще относящемся к области туземного зодчества. Но замечаются уже признаки новых веяний. Масинисса поручает воспитание своих детей грекам, вступает в сношения с Родосом и Делосом; за его пожертвования в храм Аполлона на Делосе ему ставят статую; Тугга, правда, на ливийском и пуническом языках, ставит ему посвящение, как «богу» — совершенно подобно эллинистическим общинам монархии Селевкидов. Еще более ревностными покровителями эллинизма были Юба I и, особенно, знаменитый Юба II (25 г. до н. э. и 23 г. н. э.), воспитанный в Риме и женатый на дочери Антония и Клеопатры — Селене. Вместо обращенной в провинцию Нумидии он получил престол Мавритании, где также при прежних царях успешно привилась пуническая культура. И сам Юба был проникнут первоначально этой культурой, но двор у него был греческий; его столица Иол, переименованная в Кесарию, сделалась центром северо-африканского эллинизма с египетской окраской. Последняя представительница Лагидов, Клеопатра Селена унаследовала от своей матери и предков уважение к египетской религии и культуре; благодаря ей на монетах появляются Апис, систр и эмблема Исиды, воздвигается в Кесарии Исей, представлявший не только

храм, но и богатое собрание памятников египетского искусства, часть которых в настоящее время хранится в музее г. Шершеля на месте древней Кесарии. Между прочим здесь найдена статуя последнего верховного жреца Мемфиса, юного Петубаста IV, умершего, вероятно насильственно, 1 августа 30 г. в день вступления Октавиана в Александрию. Возможно, что юной царице дорога была память последнего потомка вековой фамилии первосвященников, тесно связанных с эллинистической династией и одновременно с ней угасшей. Эта трогательная подробность привносит еще одну черту в картину этой интересной эпохи и этой великой культуры, принявшей в противоположном углу Африки такие сложные формы. Пунизм, эллинизм, египетские воспоминания, царство милостью Рима и служение верой и правдой Кесарю — все это слилось при дворе африканской Кесарии и сделало из Юбы II одно из наиболее интересных явлений истории. Это был едва ли не единственный представитель ливийской расы, оставивший по себе почетное имя в литературе и науке. Прекрасно научно образованный, имея возможность черпать и из греко-римских и из пунических источников, он проявил необычайно разностороннюю и широкую литературно-научную деятельность, главным образом в области истории, географии, естествознания, притом в совершенно александрийском духе. Казалось, что в Кесарии сочетался пунический Карфаген с эллинистической столицей Лагидов и Музеем. По латыни он писал в области естествознания и об арабском походе младшего Гая Цезаря, по-гречески — ассирийскую, ливийскую и римскую истории, труды по истории греческой живописи и театра, философские трактаты и эпиграммы. За его заслуги по изучению греческого искусства и аттических трагиков афиняне поставили ему статую. Плиний передает о его заслугах по исследованию области Атласа и островов, вероятно, Мадейры и Порто-Санто, и изучению их естественных произведений, причем были открыты новые виды растений и указаны новые пути и средства торговли. Несмотря на его иноземное происхождение из враждебного рода, мавританцы уживались с ним, а в Гадах и в Новом Карфагене выбрали его дуумвиром и патроном. Рим почтил его Sella curulis, венцом и скипетром. Сын и преемник его носил славное имя Птолемея и был последним отпрыском Лагидов и последним царем пунического мира. В союзе с римлянами он одолел новую ливийскую национальную реакцию в лице Такфарины, но и это не спасло его от корыстолюбия и самодурства Калигулы. С его смертью (40) или изгнанием прекратило свое существование последнее царство пунической культуры. Эллинизм, а за ним и романизм продолжают делать успехи; к III в. латинский язык берет верх, но и пунический, хотя и лишенный официальных прав еще в половине I в., не сразу сдается. Бл. Августин засвидетельствовал существование пунического языка для V в., т. е. он держался здесь гораздо дольше, чем в метрополии. В течение всего первого столетия, а местами до эпохи Антонинов, существовало в городах финикийское городское устройство, да и сам Карфаген был восстановлен Цезарем, кажется, как финикийский город, имевший значительный процент туземного населения и управлявшийся первоначально суффетами.

Переходя теперь к рассмотрению пунического *государственного устройства*, заметим, что единодушный голос древности оставил нам более или менее одобрительные свидетельства о карфагенской конституции. Поливий сравнивает ее с лакедемонской и римской и говорит, что первоначально она была превосходна и лишь ко времени II Пунической войны обнаружился упадок, объясняемый естественным ходом жизни государственного организма. Неудача карфагенян обусловлена тем, что их государство отцветало, в то время как Рим переживал лучшую пору своей жизни; в последнем высшим авторитетом пользовался сенат, в Карфагене — уже чернь. Эратосфен выделяет карфагенян и римлян в особую группу, как варваров, имеющих достойные удивления государственные формы. Аристотель, помещая обозрение карфагенского строя в свою Политику, как бы не различает его от греческих политий. Его изложение — наш главный источник, к сожалению, слишком недо-

статочный, так как он дает лишь самые общие сведения, в весьма незначительной степени восполняемые литературными и археологическими данными.

Аристотель помещает карфагенский строй в одну рубрику с лакедемонским и критским, указывая на устойчивость его, на отсутствие крупных междоусобий, на невозможность появления тираннов. Эфорату он уподобляет коллегию 104, которые, однако, выбираются из лиц благородного происхождения, царям и герусии — карфагенских «царей» и «геронтов», причем первые принадлежат не к определенному, а к выдающемуся роду. Цари и геронты, в случае разногласия, выносят дело на решение народа, который может обсуждать его по существу, и слово предоставляется каждому. Важная коллегия из пяти — «пентархия» — избирает совет 104. Магистраты не получают жалования, избираются не по жребию, не только по происхождению, но и по имущественному цензу (особенно цари и полководцы), причем имеют место и покупка, и взятка. Наконец, дозволяется совместительство. Итак, Карфагенское государство представляется аристократической республикой с олигархическим и плутократическим оттенком. Возможность народных волнений предотвращается тем, что народу дают возможность разбогатеть, высылая периодически известную часть его в подвластные города.

Таким образом, карфагенская конституция привлекается Аристотелем на ряду с другими для сравнительного обозрения; изложение имеет в виду читателя, знакомого с ней более близко, может быть, по другому труду автора, специально ей посвященному, до нас не дошедшему. Кроме того, греческий философ говорит о современном ему Карфагене IV века; несомненно, что устройство этого государства имело свою историю, и мы из неоднократных упоминаний у авторов действительно знаем о переменах в его строе. Поэтому вопрос о карфагенской конституции принадлежит к темным, и до сих пор еще нельзя считать вполне выясненными даже основные его пункты. Напр., вопрос о царской власти. Некоторые ученые (напр., Белох) настаивают, что до конца IV в. в Карфагене цари были пожизненны; они даже реконструируют две династии их — Магона I и Аннона Великого, а начало избрания двух годичных царей-суффетов ставят в связь с попыткой (в 308 г.) Бомилькара произвести государственный переворот и ввести тираннию. Другие, особенно Винклер, отрицают, на основании обще-семитических представлений, самую возможность существования когда-либо царской власти у карфагенян, которые не нашли в Африке богов и не могли получить от них царя, почему все время считали себя зависимыми от богов азиатской Финикии. Это остроумное объяснение нам представляется искусственным: ведь надо доказать, что тиряне и сидоняне нашли готовые культы, а не пришли к ним путем развития древне-семитической религии. Конечно, нас умиляет трогательная pietas Карфагена к Тиру. Великая держава как будто во все время своего существования признает сыновнюю связь и зависимость от города, который сам, хотя и доблестно, но не всегда счастливо отстаивал свою собственную самостоятельность. Карфаген не находил, повидимому, неосновательными притязания владык Тира, будь они персы или Александр, на верховенство и в пуническом мире, поскольку, конечно, эти притязания были теоретическими. Но едва ли все это влияло на государственный строй Карфагена; дело шло, вероятно, не дальше заимствования из Тира терминов: шофет — судья в широком смысле (и в Тире одно время правили «судьи», как и в Израиле), раб — сб. «вельможа», «геронт» — для членов сената и т. п. Во всяком случае, для римлян III в. карфагенские «цари» или suffetes являются аналогичными консулам или преторам (Liv. 30,7, 5, Just. 31,2, 6, Fest., s. v. и др.). Возможно, что греки и отчасти римляне называли их царями по аналогии с финикийскими, а также потому, что в Карфагене широко практиковалось переизбрание, благодаря чему нередко годичность была фиктивной, а монополии славных фамилий (напр., Магонидов для V в., Баркидов для III в.) сообщали даже некоторую видимость наследственности.

Как и в городах азиатской Финикии, в Карфагене высшим правительственным учреждением был совет старейшин (ра̊бов), который греки называют герусией, син-

клитом, βουλή, синедрием, а римляне — сенатом. Возможно, что первоначально он состоял из 100 пожизненных членов, а затем (в IV—III в.) — из 300, среди которых сначала 10, а потом 30, вероятно, выбиравшихся ежегодно, ближайшим образом заправляли делами. Вероятно, эта коллегия имеется в виду в Марсельской и др. надписях, в которых после имен и генеалогий двух суффетов сказано: «и их товарищей». В некрополе «у св. Моники» Делятр нашел кладбище рàбов с надгробными надписями и оссуариями; на одном оссуарии изображен «раб» Баалсиллек, лежащим на подушках под головами. Другая сенатская коллегия — ста четырех, ordo iudicum римских писателей, сравнивается Аристотелем с эфоратом, а новыми учеными с советом десяти в Венеции. Подобно эфорату, эта коллегия возникла уже путем развития конституции, в половине V в., в противовес всесильной магоновой «familia imperatorum», сделавшейся gravis liberae civitati (Just. XIX, 2). Как контролирующий орган, она, подобно эфорату, получала все большее и большее значение, и уже ко времени Аристотеля дошла до положения μεγίστη ἀρχή в государстве. К концу III в., по Ливию (со слов Поливия), члены этой коллегии были уже несменяемы; «в их руках находились имущество, честь, жизнь всех граждан». Едва ли кто превзошел этих судей в жестокости по отношению к суффетам, и особенно полководцам. Выборы их были совершенно изъяты из компетенции народа и переданы особым «пентархиям». Чем объясняется многочисленность и число 104 — сказать трудно; первая, может быть, являлась гарантией неподкупности и безопасности от влияний отдельных лиц и родов, а также обусловливала равновесие партий и открывала простор избирательной борьбе. Конец полновластию коллегии этих «эфоров» положил, как известно, великий Аннибал, подобно своему старшему современнику Клеомену III. Путем обращения к народу, охотно оказывавшему ему поддержку для сокрушения оплота олигархии, он в свое суффетство (195) провел закон, «чтобы судьи избирались на один год и никто не был судьей два года под ряд». Среди многочисленных пунических посвятительных надписей более тридцати дошло до нас от имени различных «суффетов», вероятно не «царей», а членов коллегии 104 «судей». Обращают на себя внимание генеалогии посвятителей — иногда пред нами до 4 поколений лиц, носивших титул «шофет» — должность была близка к тому, чтобы сделаться наследственной. — Об упоминаемых у Аристотеля пентархиях, как важных коллегиях с правом кооптации, бывших носителями олигархических начал, мы ничего не знаем. Предположение, высказанное еще Геереном, что это были комиссии герусии для специальных поручений, род приказов или министерств, не может быть ни доказано, ни опровергнуто. — О роли народа (δῆμος, plebs, «народ Карфагена» в пунических надписях) мы также осведомлены недостаточно. Повидимому, первоначально она была довольно умеренной. В законодательстве она была обязательна только в случае несогласия обоих суффетов с большинством сената; судебных функций народ не имел совсем, что касается внешней политики, то известны случаи, когда решение исходило от народа, и случаи, когда дело ограничивалось одним сенатом. В выборах магистратов, назначении полководцев народ имел участие, но в какой форме, неизвестно. Во всяком случае, усиление влияния народа и даже черни, усиление системы подкупов и другие явления вырождения государства особенно стали заметны после первой Пунической войны. Это объясняется и борьбой партий, опиравшихся на чернь, и гибелью в войне с Римом многих представителей знати. Кроме граждан, в Карфагене всегда было достаточное количество пришельцев из собственной Финикии (напр., найдены гробы жителей Акки, Арада), с островов, греков, особенно сицилийских, для многих из которых Карфаген был тем же, чем Сузы для их восточных единоплеменников. Число жителей в Карфагене древние определяли в 700 тыс. даже пред последней его войной, в настоящее время Карштедт, на основании измерения площади города, полагает, что оно не могло превышать 130 тыс. и все население республики принимает в 4 133 000, в числе которых могло быть только 365 тыс. пунийцев.

Финикийские города запада и собственные карфагенские колонии были на

положении союзников, имели с Карфагеном connubium и commercium, пользовались самоуправлением, были большею частью укреплены. Привилегированное положение занимала древняя Утика, сохранившая его даже несмотря на отпадение во время наемнической войны, как это видно из договора Аннибала с Филиппом, где перечисляются «владычествующие Карфагеняне» и подвластные им, пользующиеся общими с ними законами, жители Утики, все города и племена, подвластные карфагенянам, и союзники.

Повинности городов заключались в ежегодной высокой дани и поставлении сухопутных войск. Флот им держать было запрещено, равно как и вести с кем-либо торговлю, кроме Карфагена. Вообще, характер пунической симмахии определяется мрачными красками, как гнет, но в этом отношении он разделяет участь и афинского, и спартанского союзов. Диодор говорит, что за союзниками следовали в порядке подчинения древнейшие обитатели Африки, ливийцы, ненавидевшие карфагенян за тяжесть управления. Первоначально финикийские города даже платили им нечто вроде арендной платы за землю, пока Магон великий не покорил их и не обратил в крепостное состояние, а Ливию — в первую пуническую провинцию. За Ливией вскоре последовала Сардиния, а затем Сицилия, составившая особую ἡ τῶν Καρχηδονίων ἐπικράτεια. Испанская провинция организована была только Амилькаром Баркой. Везде карфагеняне ревниво оберегали свою торговую монополию, отовсюду требовали войск, везде заботились исключительно об обогащении и выгоде, а не о благосостоянии населения. Их военный губернатор Сицилии у греков назывался πάραλος, ливийский — βοητάρχης. Внутри государство было мало сплочено — разбойничьи племена могли делать набеги и хозяйничать вблизи столицы.

Несмотря на то, что подавляющее большинство археологических находок на почве Карфагена так или иначе связано с культом богов или мертвых, наши сведения о пунической *религии* все еще недостаточны. Договор Аннибала с Филиппом приводит в свидетели «божество Карфагенян (δαίμων Καρχηδονίων), Иракла и Иолая; затем Арея, Тритона и Посидона, богов соратствующих, богов солнца, луны, земли, рек, вод, всех богов, властвующих в Карфагене». «Божество Карфагенян», по единогласному признанию всех ученых — богиня Танит (вокализация условная), посвятительные надписи в честь которой на каменных стелах дошли до нас и доходят в тысячах. Ее эпитеты: раббат «великая», «Лик Ваала». Она соответствовала девственной, строгой форме Астарты, была сопоставлена с греческой Артемидой (имя Аб-Танит переведено «Артемидор»), в римское время названа Juno Caelestis, чему соответствует более редкий ее эпитет «Великая Мать». Она имела лунный характер; символом ее был полумесяц, аттрибутом — голубь, фетишем (?) — египетский иероглиф жизни, слегка антропоморфизированный. Храм ее находился между Бирсой и восточной гаванью на месте первого поселения. Когда, под влиянием египтян и греков, карфагеняне начали изображать своих богов в человеческом образе, Танит представлялась в виде крылатой женской фигуры с полумесяцем в руках, скрещенных на груди. Возможно, что ее имеют в виду терракотовые женские фигурки с покрывалом вокруг головы и ожерельями на груди, напоминающие малоазийскую Великую Мать. «Иракл» договора, конечно, тирский Мелькарт, Иолай — Эшмун, названный здесь именем аналогичного ливийского бога, обыкновенно у греков именуемый Асклепием и имевший храм в Бирсе. Арей — может быть, Решеп; Тритон и Посидон — какие-либо пунические морские божества; известно, что Аннон во время своего путешествия воздвиг на мысе Солоенте жертвенник божеству, которое греческий переводчик назвал Посидоном. Вотивные надписи рядом с Танит постоянно упоминают еще «Владыку Ваал-Хамона». Это имя или толкуют как «Ваал местности Хаммон», сближая с Ваал-Хаммоном тирских надписей, или объясняют богословски из этимологии слова Хамон, как божество палящего солнца. Греки сопоставили его с Кроном; сами карфагеняне, благодаря созвучию, сопоставили его (вероятно, через культ Ливийского оаза) с египетским Амоном и стали изображать не только в виде

фетишей — столбов «хамманим», а и в образе сидящего старца с рогами овна, что, в свою очередь, в римское время, превратило его в Saturnus Balcarnensis. Упоминается еще бог Пигмалион. Какому божеству соответствуют находимые часто фигурки бородатого мужчины в конической тиаре, с топором египетского образца в руке, неизвестно, равно как и трудно дать объяснение сидящим женским фигуркам, иногда в высоких цилиндрических головных уборах, и стоящим женским фигурам с распростертыми руками. Последние, может быть, изображают ритуальных танцовщиц (?). Как и в других финикийских городах, божества, с одной стороны, соединялись в системы (триады), с другой — распадались сами, соответственно местам культа, функциям и т. п. Так, Танит различалась от Астарты (в римское время Virgo Caelestis) и в свою очередь выделила особую форму Танит Ливанской, по имени горы вблизи Карфагена; кроме Ваал-Хамона чтился еще Ваал небесный, Ваал Цафон и т. п. Сам Ваал-Хамон, вероятно, мыслился как единое с Танит, составляя с нею вместе δαίμων Карфагена, почему и не упомянут в договоре.

От храмов не осталось ничего, и мы не имеем возможности судить, походили ли они на дворы Финикии и Кипра, или на художественные сооружения греков. Вероятно греческое влияние и здесь сказалось. Известно, что храмы служили в то же время хранилищами народной славы. Отчет о путешествии Ганнона был начертан в храме «Крона»; шкуры убитых горилл помещены в храме «Юноны» (по Плинию), где оставались до падения города; Аннибал в храме Юноны лакинской начертал надпись о своих подвигах, и т. п. В лагере во время похода, по Диодору, был жертвенник и близ него «священная скиния». Храмовой культ был конечно такой же, как в Финикии; об его ужасах достаточно сообщают классические писатели. Фетиши и здесь играли большую роль; кроме упомянутых, на стелах изображаются часто жезлы-кадуцеи, может быть, эмблемы Мелькарта или Эшмуна, который имел символом змея на шесте, и т. п. До нас дошло четыре надписи, представляющие части храмовых тарифов (одна попала в Марсель), узаконивающих платы за требы, а также часть надписи — списка приношений на каждый день пятидневного праздника, затем посвятительная надпись, повествующая о построении храма Танит Ливанской, и уже новопунические надписи в Мактаре, представляющие документы о постройке храма общиной, имена членов которой (в том числе латинские) приводятся. Некрополь у св. Моники обнаружил саркофаги жрецов и жриц IV — III в. На крышках изображены в рельефе и во весь рост погребенные в облачении в ритуальной позе. Среди них есть верховные жрецы и верховные жрицы. И в этот мир проникло влияние греческого искусства; изображение жрицы (с сохранившейся раскраской) обнаруживает и египетские влияния, особенно в облачении в виде крыльев Исиды. — Народное благочестие выражалось, между прочим, в посвящении богам стел с надписями и изображениями. Последние, кроме символов или фигур божеств, давали воздетые кверху руки, а также инструменты и орудия специальности посвящающего, рисунки кораблей и т. п., как бы символически приносимых в дар божеству. Иногда (напр., в Хадрумете) стелы не имеют надписей, а только изображения символов божеств (три столба-фетиша — символ триады, наос египетского стиля с двумя финикийскими колонками, верхние части которых изображают Танит в стиле египетской Хатор, и т. п.). И в римское время пуническим божествам ставили стелы с изображениями; эмблема Танит все более и более антропоморфизуется.

Культ усопших нам стал известен благодаря неутомимым раскопкам французских археологов в опоясывавших город некрополях. Самый древний из них возле Бирсы — Duimes восходит к VII — VI в., далее следует Dermech, далее Bordj Djedid и у «св. Моники», бывшие в употреблении от IV в. до пунических войн; наконец к III и II векам относятся могилы на холме театра и Одеона. Первоначально хоронили в гробах из кедрового дерева или в соединенных больших глиняных сосудах; иногда просто обкладывали тело черепками сосудов; с V в. начали хоронить в гробах из туфа; с IV в. входит в широкое употребление обычай сожигать тела, а также хоронить

в дорогих саркофагах из известняка и мрамора с портретными рельефными изображениями погребенных, стоящими в связи с египетскими и финикийскими антропоидными саркофагами, но выдающими влияние греческого искусства, может быть, даже и руку греческих мастеров. Вообще, содержимое гробниц дает возможность проследить внешние влияния на пуническую религию и искусство и составить некоторое представление о туземном мастерстве. Как и в Египте, могилы нам дают главный археологический, довольно богатый и разнообразный материал. До IV века безраздельно господствует Египет, заупокойный культ которого и здесь нашел подражание. Покойный окружен амулетами египетского происхождения или имитациями египетских предметов. Скарабеи в огромном количестве, подлинные египетские, навкратийские, местные подражания им, фигурки Беса, Птаха-Эмбриона, Исиды, Нофертума, амулеты в виде глаз, в виде статуэток, напоминающих египетские ушебти или канопы, встречаются вместе с туземным инвентарем, также обнаруживающим египетское влияние. Сюда относятся, напр., маски, как бы заменяющие египетские портретные статуи; некоторые из них изготовлены в египетском стиле; особенно распространены и даже являются характерными для Карфагена бронзовые бритвы с ручками в виде лебединых голов и с вырезанными изображениями в египетском стиле; находимая в древних некрополях игрушечная мебель также указывает на египетское идейное и ремесленное влияние. Нередки тонкие свернутые и заключенные в футляры пластинки из золота, серебра или (позднее) свинца с огромным (иногда до 250) количеством изображений божеств и духов египетского стиля, напоминающих изображения на поздних магических египетских памятниках. Эти чудовищные фигуры магически охраняли погребенного, сообразно чему иногда сопровождаются пуническими надписями, например: «защити и охрани имя-рек». В Duimes найден терракотовый семисвечник с египтизированной женской головкой посредине. Греческий импорт сначала проявляется в вазах; произведения киренской керамики встречаются уже в могилах некрополя Duimes; сицилийские терракоты и коринфские вазы — в Дермеше; с IV века начинается борьба греческого элемента с египетским, пока последний не оттесняется в область религии в тесном смысле. Египетские изображения на бритвах постепенно заменяются греческими, давая курьезные смешанные формы, светильники греческой работы заменяют примитивные туземные, сосуды греческой марки делаются даже туземными мастерами. Влияние греческого искусства заметно на туземных, вообще довольно грубых терракотах и курильницах, украшенных женскими головками, и на стелах, где появляются не только акротерии и пальметки, но и рельефные стоящие фигуры. Карштедт из рассмотрения результатов, полученных при раскопках некрополей, извлек данные, весьма ценные для историка. Он указывает, что некрополь Дермеш, особенно его более новая половина, дал особенно много вещей из благородных металлов; украшения из массивного золота здесь нередки и дают представление о богатстве современников этого некрополя, между тем как могилы у св. Моники, где была погребена знать, бедны золотом и серебром, а еще более новые кладбища, относящиеся к последнему веку республики, совершенно скудны. Это, в связи с общим характером предметов, возвращенных нам пунической почвой, дает повод для объяснения судьбы Карфагена и исхода его героической борьбы с Римом. Финикийский характер и перекрестные влияния были причиной отсутствия оригинальности; пунийцы отучились самостоятельно мыслить и развиваться; они цеплялись за старое и не могли обойтись без иностранцев и инородцев; даже в своей области — торговле они пользовались, как это позволяют заключить найденные весовые гири, такими неточными весами, которые едва ли были возможны в бойкий эллинистический период. И в военном и морском деле они не шли вперед и остались на ступени, высокой для V в., но далеко превзойденной в эпоху эллинизма. Археологические находки вызывают вопрос: чем торговал этот торговый город? Его произведения не могли конкурировать с более изящными и дешевыми греческими изделиями Сицилии и Массилии, и он мог только играть роль посредника, сбывая в менее культурные страны свои и гре-

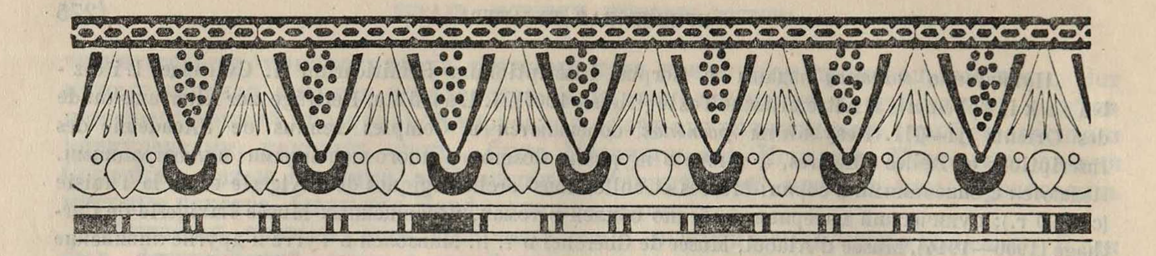
ческие товары, монополизируя торговые пути и назначая произвольные цены. Вот почему главная энергия государства была направлена на преграждение доступа непосредственной иностранной торговле в сферу его влияния и на борьбу с опасными конкурентами, каковым, напр., была Массилия для Испании. Поэтому и потеря Сардинии, затем Испании и Нумидии с Мавританией, когда в них образовались крупные царства, были для Карфагена роковыми.

Остается сказать еще несколько слов о пунической *письменности*. Язык был финикийский, лишь в самой незначительной степени подвергшийся местным влияниям, как это видно из монолога и нескольких фраз в Poenulus Плавта, дающих нам образцы разговорной речи в латинской транскрипции. Конечно, он имел свою историю, и после падения Карфагена особенно быстро пошел по пути порчи, благодаря особенно выступлению провинции и пунизированных царств. Надписи, дошедшие от этого времени, называются ново-пуническими; они уже по внешнему виду выдают свое происхождение, и для понимания, в виду грамматических неправильностей и словарных особенностей, крайне затруднительны. Естественный ход развития, как и в других семитических, отчасти египетском, языках, привел к обозначению гласных близкими по природе слабыми согласными. На пуническом языке существовала, несомненно, значительная литература; римляне отдали уцелевшие пунические книги своим нумидийским союзникам, и еще Саллюстий ссылается на пунические книги Гиемпсала, говоря об истории и падении Африки. Несомненно, как в Тире и других городах, в Карфагене были городские летописи. До нас дошел в греческом переводе только отчет о путешествии Ганнона, и в заимствовании из третьих рук у Феста Авиена — кое-что в латинском пересказе из отчета Имилькона. Римляне распорядились перевести для себя трактат Магона о земледелии, до нас не дошедший, но частью известный по цитатам у римских агрономов, из которых Колумелла упоминает также пунийца Асдрубала. Переведенный до четырех раз, труд Магона несомненно оказал влияние на италийское сельское хозяйство. Дошедшие до нас в подлинном виде памятники пунической письменности относятся к области эпиграфики и крайне незначительны по объему и содержанию. Кроме бесчисленных и однообразных посвятительных или надгробных надписей, до нас дошло несколько более крупных и интересных текстов. Сюда относятся те выражения из сакральных кодексов, которые найдены в Марселе и Карфагене, а также связанные с культом мертвых заклинания, написанные на свинцовых свитках. Появление этих tabellae devotionum, которыми враг написавшего их отдается во власть богам ада и которые через особое отверстие, предназначенное для возлияния, направляются в могилы, также обязано греческому влиянию. До нас дошло только два таких текста на пуническом языке довольно позднего времени, и довольно много на греческом и латинском. Возможно также, что имя Пигмалиона, найденное в надписи-амулете на золотом медальоне («Астарте и Пигмалиону... Спасен тот, кого спас Пигмалион»), переписано с греческой транскрипции, хотя предмет найден в древнем некрополе Duimes. В эпоху после падения Карфагена появляются двуязычные и даже трехязычные ново-пунически-греко-латинские надписи, подобно тому, как в более раннее время встречались пунико-ливийские надписи, напр., найденная еще в XVII в. на знаменитом мавзолее в Тугге, она дает имена соорудителей и указывает на влияние пунической культуры на туземное население. Высокий мавзолей (21 м выс.) выстроен не пунийцами, а туземцами, повидимому в III или даже в IV в. Он представляет стройное сооружение в три этажа, увенчанное пирамидой, и соединяет в себе греческие формы с восточными мотивами, давая редкий образец тех изменений, какие получило греческое искусство на западно-африканской почве. Найдены и другие произведения туземного ливийского мастерства — камни с грубыми изображениями вооруженных всадников и краткими надписями; при всей своей грубости, эти памятники свидетельствуют, что местные племена, под влиянием пунической культуры, вышли из первобытного состояния и даже выработали свое письмо.

Пунические *надписи* изданы в Corpus Inscriptionum Semiticarum I. См. еще Lidzbarski, Ephemeris и Altsemitische Texte (Giess., 1907). I. Landau, Beiträge zur Altertumskunde des Orients II—III. Результаты *раскопок* сообщаются в Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles - Lettres, а также в журнале Cosmos с многочисленными иллюстрациями. Издаются с описаниями в серии: Musées et collections archéologiques de l'Algerie et de la Tunisie (с 1890 г.); пунический материал особенно обилен в томах, посвященных Musée Lavigerie de Carthage (1900—1914), Musée d'Alaoui, Musée de Cherchel и т. п. Мавзолей в Тугге и другие ливийские памятники: Poinssot, La restauration du Mausolée de Dougga. Basset, Sur les stéles libyques. Comptes rendus Ac. Inscr., 1910. *Общие труды*: Meltzer, Geschichte der Karthager. I т., 1879; II, 1896; III, написанный U. Kahrstedt'ом, 1913. Gsell, Histoire ancienne de l'Afrique du Nord; дается перевод его и указывается вся литература. Русский перевод пунических памятников см. в моей ст.: Что уцелело от литературы финикиян? Вестник самообразования, 1902. *Религия:* P. Berger, заметки в Gazette Archéologique 1897—80—84. (Между прочим издание и объяснение головной серебряной повязки жреца с изображениями божеств и символов. Temple de Maktar, Memoires Acad. Inscr., 1899. Les ex-voto de Tanit, 1877. Les pierres sacrés. Journ. As., 1877. Tanit. Pene-Baal. Ibid. Baudissin, Adonis und Esmun, 1911.

Эллинизм и *римское время:* Моммсен, Римская история, V. Thieling, Der Hellenismus in Kleinafrica, 1911. Audollent, Carthage Romain, 1904. Toutain, De Saturni Dei in Africa Romana cultu, 1894. Les Cités romaines de la Tunisie, 1896. В. И. Модестов, Африканские надписи и культ Сатурна. Журн. мин. нар. просв., 1893.

*



ИУДЕЙСТВО

В интересующую нас эпоху Иудейство выполнило свою мировую миссию: «из Сиона вышел закон» для всего человечества.

История Палестины в последние века перед и в начале н. э. имеет всемирно-историческое значение и достаточно известна. С 198 г., перейдя в руки Селевкидов, иудеи стали лицом к лицу с вопросом о национальной и религиозной самобытности. Если и раньше принадлежность к державе Птолемеев, промежуточное положение и развитие диаспоры обусловливали обильное проникновение греческих влияний, то последние шли стихийным, естественным путем, и поэтому не вызывали отпора. Теперь эллинизация вводится насильственно. Антиох IV Эпифан, видя прогрессирующий и неминуемый развал своего государства, решается прибегнуть к крайним мерам для сплочения его разнородных частей. Мы знаем, как были встречены его мероприятия в Иудее и какие они имели последствия. Сравнительно спокойное состояние и естественное проникновение иноземной культуры в III в. ослабило исключительность иудеев; мы меньше слышим о мессианских чаяниях и находим в Иерусалиме целую партию, готовую итти навстречу эллинизации. Даже высшее духовенство оказывается в этом отношении податливым. Достойный первосвященник Ония III был свергнут своим братом Иисусом, принявшим имя Ясона (174) и вступившим с Эпифаном в сделку. Чрез три года царю предложил лучшие условия Менелай, который умертвил Онию и явился самым деятельным проводником эллинизации и паганизации. Когда Ясон выгнал его из Иерусалима, Антиох явился и жестоко наказал город; стены были разрушены, поставлен сирийский гарнизон, отправление религии запрещено, суббота и обрезание отменены под угрозой казни, в храме поставлен жертвенник Зевсу олимпийскому.

Этого было достаточно для пробуждения. Выдвигаются Маккавеи, к ним пристает законническая партия хасидеев, т. е. праведных, и мы знаем, что благодаря их стараниям удается отстоять национальную религию и самобытность. Затем создается известное политическое могущество. В Симоне (142—135) иудеи получили наследственного первосвященника и этнарха из нового асмонейского рода и признание со стороны римлян, а при его сыне Иоанне Гиркане (135—104) покорили старых врагов — самарян и идумеев, заставив последних принять обрезание. Аристовул I принимает царский титул и воюет успешно в Галилее; брат Аристовула, Александр Яннай покоряет и юдаизирует Итурею; он разрушил ряд греческих городов в Галааде, подчинил моавитян, и на западе почти весь берег к югу от Птолемаиды. Таким образом было восстановлено Иудейское царство в пределах, оставивших позади себя давидовы. С этих пор сплошное иудейское население из ничтожного пространства у окрестностей Иерусалима распространяется до моря, озера Мерома и по ту сторону Иордана.

Образуются три иудейские провинции: Иудея, Галилея, Перея. Истребляются языческие культы и вводится насильственно иудейство. Казалось, наступили мессианские времена. Но хасидеи ждали иного порядка вещей, да и обстоятельства были гораздо более сложны. Представители после-пленного законничества стояли на стороне Маккавеев только до тех пор, пока те боролись за веру и закон; они не могли сочувствовать возрождению царской власти, да еще усиленной узурпированным у законного рода Садокидов первосвященством и идущей не из дома Давидова. К тому же династия скоро стала преследовать мирские цели, а это было несовместимо с мелочностью и точностью в исполнении закона. Хасидеи разорвали с правителями; их обособленность стяжала им кличку «перушим» («сепаратисты»), греч. фарисеи, которую они приняли и под которой известны в истории. Народ пошел за ними, и победоносный во внешних войнах Александр Яннай едва мог с ними справиться у себя дома, а умирая завещал, как говорят, своей жене и преемнице — Александре (76—67) примириться с ними. При ней фарисеи снова получили преимущественное влияние, а царица имела только призрачную власть.

Противниками фарисеев были представители высшего духовенства и аристократии, называвшиеся по оттесненному первосвященническому роду Садокидами или саддукеями и имевшие около себя свою партию приверженцев. Если фарисеи были носителями идеи Израиля, как богоправимой религиозной общины, основанной на неуклонном исполнении всех мелочных предписаний закона и отчужденности от остального мира, то саддукеи, стоявшие долго во главе этой общины, поняли неосуществимость этих утопий и невозможность соединения политики с законничеством. Высокое положение иерархическо-политическое (первосвященники были и этнархами, а потом царями), в связи с материальным и социальным благосостоянием, делали их наиболее доступными культурным влияниям, и соблазн эллинизации рано покорил их. Вместе с тем политические интересы заслонили религиозные, и они не уследили за движением богословской мысли среди руководителей народа — книжников и фарисеев. Они отстали от них и остались на почве писанного закона, игнорируя накопившиеся толкования и развития, так наз. фарисейское предание старцев. Равным образом они стояли на почве более древнего миросозерцания, еще не говорившего определенно о воскресении мертвых и о воздаянии за гробом, не имевшего развитой ангелологии и демонологии. Земные интересы и политика не могли способствовать в них развитию интереса к эсхатологии, кроме того, своего рода эллинистическое «просвещение» заставляло их относиться отрицательно к развитию законнической тяготы и мессианско-политических фантасмагорий. Этот же дух обусловил их взгляд на свободу человеческой воли — они предоставляли человека самому себе, отстраняя фарисейское учение о вмешательстве промысла и ессейский фатализм. Само собою разумеется, что такая партия не могла быть многочисленной в век напряженных чаяний; она не имела корней в народе, и даже стоя во главе, саддукеи должны были из чувства самосохранения считаться с фарисейским миросозерцанием: «если они у власти, то неохотно и по необходимости следуют мнениям фарисеев, так как в противном случае их бы не вынес народ» (Иос. Фл. XVIII, 1, 4).

Но фарисеи с их упорством не могли надолго удержать господствующее положение. Утопичность законнического государства сказалась немедленно после смерти Александры-Соломии. За девять лет господства фарисеи доказали полную неспособность и даже оттолкнули от себя народ, который стал переходить на сторону сына Александры, энергичного, склонного к саддукейству Аристовула II, устраненного в пользу своего брата Гиркана II, который в виду слабоумия более подходил к идеалу теократического государства фарисеев. Опять начались смуты. Аристовулу было нетрудно овладеть Иерусалимом, но на этот раз политические комбинации были более сложны. На Иудею оказались другие, более сильные претенденты: Антипатр, по происхождению идумей, назначенный Яннаем наместником Идумеи, а за ним римляне. Мы знаем, как вмешательство римлян и Помпея повело сначала к отмене Иудейского

царства, к отторжению от него завоеванных областей и к восстановлению эллинистических городов, а затем к восстановлению его под властью идумейской династии Иродов. Фарисеи и законники сначала были довольны, предпочитая отсутствие государства существованию саддукейского государства на общих светских политических началах, но они скоро убедились, что проиграли, получив новое издание Иудейского царства, на этот раз уже не туземное и не суверенное. Ироды опирались на Рим и сочувствовали эллинизму, а поэтому, хотя и старались угождать фарисеям, не заслужили их симпатий. Династия их не удержалась по интригам самих же законников: по просьбе самих иудеев, как палестинских, так и римских, Август упразднил царскую власть. Иудеи добивались автономной Палестины с римским наместником, но их желания шли слишком далеко, и, конечно, их не могла удовлетворить никакая уважающая себя империя. На первых порах они как будто были довольны. Иерусалимский синедрион (так наз. герусия), о котором впервые упоминается еще при Антиохе III, первоначально саддукейский, но при Александре и Ироде, казнившем прежний состав, значительно разбавленный фарисейскими элементами и, во всяком случае, ходивший по фарисейской указке, получил теперь большее значение, чем при царях. За ним была признана юрисдикция и гражданская, и уголовная по иудейскому праву, он ведал местную полицию; в одном случае даже римский гражданин мог быть приговорен им к смерти — если переступал за храмовую ограду во внутреннее преддверие святилища, о чем предупреждали поставленные там надписи на греческом и латинском языках. Однако, до полной автономии и теократии было далеко. Прокуратор мог во всякое время принять на себя инициативу и подчинить дело своей собственной юрисдикции; без согласия и в отсутствии прокуратора первосвященник не мог созывать герусии для верховного суда; кроме того, не только прокуратор, но даже трибун иерусалимского гарнизона мог по своему усмотрению созывать синедрион и предлагать ему высказываться по известным вопросам. Таким образом, «автономия» существовала лишь при деликатности властей и до тех пор, пока они не выступали с собственной программой. Кроме того и необходимость платить дань считалась позором для народа, считавшего себя призванным к господству над народами и царями. Поэтому уже перепись 6—7 г. н. э. вызвала бунт Иуды Галилеянина, и то обстоятельство, что синедрион и фарисеи в массе не примкнули к нему, вызвало появление новой партии отколовшихся от фарисеев зилотов, решившихся отстаивать свободу и теократию, не гнушаясь разбоем. Влияние их было значительно; благодаря им все более и более входило в жизнь убеждение, что иудеи по закону, с которым обязаны считаться все, не могут нести никаких повинностей, а должны пользоваться всеми выгодами нахождения в сильной культурной империи, иметь везде синагоги, но не допускать в Иерусалиме языческих храмов, статуй и орлов, вести всюду пропаганду и в то же время яростно преследовать христианство не только у себя дома, но путем связей и интриг — во всей империи. Все это было причиной нерасположения к иудеям со стороны правительства и населения, отсюда и литературный антисемитизм (напр., Манефон, Апион), и дикие сцены вроде разразившихся в Александрии в 38 г. н. э. Иудеи, конечно, не остались в долгу, несмотря на римское верховенство, ибо зилоты всегда находили поддержку в народе, фанатизируемом лжепророками и легко поддающемся призыву не платить податей. Римская же власть парализовалась иудейскими интригами, сеть которых была раскинута по всей империи и захватывала императорский дворец; власть была и слишком добросовестна, чтобы сразу принимать крутые меры там, где встречала непонятные и необычные условия; здесь она впервые встала лицом к лицу с острой формой вопроса об отношении церкви к государству. Римляне испробовали различные средства, отстаивая идею государства, то учреждая царство, то вводя прокуратуру (Клавдий пошел даже на назначение прокуратором туземца, но тем только дискредитировал его пред его же земляками), но зилоты были причиной того, что настало время действовать решительно. Храм и город были сознательно разрушены, как центр противогосударственного союза. Уничтожив государ-

ство в государстве, римская власть не имела уже основания беспокоиться, и иудеи, попрежнему, не были стеснены в религиозном отношении; они были освобождены и от воинской повинности, и от должностей, несовместимых с их верой. Даже синедрион возродился в Ямнии в виде судебного учреждения, которое, опираясь на влияние среди многочисленного иудейского населения империи, успело приобрести себе некоторые права. С III в. встречаются этнархи или патриархи Палестины. Но в это время мировая роль иудейства уже кончилась — она перешла к христианству, которое давало миру все блага иудейства, заключающиеся в монотеизме, чистом культе и высокой морали, не принуждая к его узко-национальным чертам, законной тяготе и исключительности. Конечно, проповедь апостолов имела быстрый успех в империи, в значительной мере благодаря тому, что почва была подготовлена эллинистическим иудейством, его богатой литературой, особенно знаменитым переводом XX и прозелитизмом. Литературные произведения, написанные иудеями на греческом языке, от Фокилида, Сивилл и Аристовула до Филона, несомненно оказали влияние на греко-римский мир, но и само иудейство не было лишь дающим в эту эпоху оживленного культурного и идейного взаимодействия.

Итак законничество было причиной гибели иудеев как политической единицы, но оно в то же время обусловило сохранение иудейства, спасло его от поглощения язычеством и сделало его невосприимчивым к христианству. Мы уже говорили о его зарождении и развитии, мы знаем его в современной форме. Евангельские времена стоят посредине этих двух крайних пунктов, но в них уже господствует тот дух, который впоследствии создал писанный талмуд. И евангелия, и послания ап. Павла, и Иосиф Флавий достаточно рисуют нам образ мелочности и казуистики. Все старания семьи, школы и синагоги были направлены к тому, чтобы весь народ сделать носителем и исполнителем закона, и это вполне удалось. Закон дан от бога, который, требуя его исполнения, в то же время чисто юридически награждает его исполнителя, как лично, здесь на земле и в мире грядущем, так и весь народ — посланием Мессии, не говоря уже о других благах; наоборот, небрежение к закону неминуемо влечет несчастия и общественные бедствия. Отсюда понятен энтузиазм к закону, но вместе с тем вполне объясняется и чрезмерное преобладание внешности в области права и юриспруденции в религиозной и нравственной жизни, причем внимание обращается не столько на внутреннее настроение, сколько на внешнюю корректность; формально-юридическая точка зрения нередко приводит к тому, что стремятся удовлетворить букве закона, даже обходя его прямой смысл. Апостол Павел наилучшим образом говорит об этом законничестве: «ревность божию имуть, но не по разуму» (Рим. 10 г.); евангелие говорит о бременах тяжких и неудобоносимых. Действительно, для свободной личности не было места, все было отдано под иго буквы. С другой стороны, достигший в знании и применении закона мастерства впадал в гордыню и самомнение, смотрел с презрением на «малых сих», кичился своими «добродетелями» и говорил о своих простецах-единоплеменниках: «народ сей, иже не весть закона, прокляти суть». Освобождение от тяготы закона преисполнило радости ап. Павла и заставило его преклониться перед тем, кто из хаоса противоречий и разнородных элементов извлек вечное содержание, религиозные и нравственные идеи, легшие в основания новой религии, обнимающей все человечество и претворившей в себе все великое и прекрасное из того, чем оно дотоле жило.

Эта религия не могла быть принята иудеями, так как она была универсальна, и так как ее основатель не соответствовал тому образу Мессии, который был к этому времени почти догматизирован руководящими кругами иудейства. Миросозерцанию язычников оказалось доступнее идея страждущего божества и религия богочеловечества. В позднейших, уже после-канонических книгах, мессианское царство представляется материально, и хотя называется «величайшим царством царя бессмертного», но помещается в Палестине, владеет всем миром, язычники покоряются, всюду господствует радость и мир, храмовой культ и законная тягота не прекращаются,

умершие иудеи воскресают и также участвуют в царствии, и т. п. Эти мессианские чаяния были особенно сильны во время гонения Антиоха Эпифана, а затем пробудились с новой силой под влиянием зверств Ирода и римского владычества; мы знаем также, до какой болезненной интенсивности они доходили в 44—66 гг.

Представления о Мессии и его царстве, излагавшиеся некогда пророками в форме поэтических речей, теперь делаются предметом нового рода литературы, еще намеченного Иезекиилем и Захарией. Пророческое служение при законничестве не могло иметь места. Выступали или анонимно, или псевдонимно, влагая свои слова в уста прославленных имен древности: Эноха, Моисея, Авраама, Ездры, Варуха. Писания составлялись таким образом: от времени того или другого патриарха или пророка древности излагалась в пророческой форме история Израиля; пророчество прерывалось на времени действительного составителя; далее следовал или суд, или начало спасения; исполнение пророчества гарантировало и осуществление эсхатологических чаяний. Эта литературная форма и есть так наз. апокалиптика, сообщавшая пророчества не в ясной форме, а в таинственных образах и в притчах, черпаемых большею частью из традиционных представлений, а также из древнего запаса народных сказаний. Эти писания являлись особенно в минуты бед, в пору противоречий идеалов с действительностью, обетований божьих с порабощением язычникам, назначения избранного народа с его действительным положением. Автор не мирился с печальной действительностью и был уверен, что новый напор бедствий только знаменует скорое исполнение древних обетований. Он хочет и в других пробудить ту же уверенность, утешить их и избавить от отчаяния, а вместе с тем понудить грешников, в виду близкого наступления дня господня и суда, обратиться, чтобы принять участие в царстве Мессии и не оттягивать своими грехами его появления. Эти произведения религиозного и национального энтузиазма, менее проникнутые мертвящей буквой, были особенно любимы и имели огромное влияние. Время их процветания начинается с 167—5 г., когда под впечатлением неслыханных гонений Антиоха Эпифана и восстания Маккавеев получила свой окончательный вид книга пр. Даниила. Последние апокалипсисы относятся уже ко времени после разрушения Иерусалима Титом — это так наз. III книга Ездры и откровение Варуха. Апокалиптика укрепила в религиозном миросозерцании идею воскресения мертвых, страшного суда, ада и рая (сначала земного, потом небесного на третьем небе), развила идею антихриста (а вместе с тем усилила дуалистическое течение), особенно же идею сына человеческого, предсуществующего Мессии, небесного судии живых и мертвых. Религиозная мысль этого времени охотно останавливалась на посредствующих существах — ангелах, а также на полуабстрактных ипостасях божественных свойств. Здесь первое место занимает ипостасированная премудрость божия. Она — помощница творения, водительница и наставница человечества, она существует изначала: «Господь создал меня, как начало путей своих, от века, изначала, с основания земли я существую. Я родилась, когда еще не было потоков, когда не было источников водных, когда еще горы не были поставлены и не существовало холмов... Когда он простирал небо, я присутствовала, когда утверждал небесный свод над океаном... когда полагал морю предел его, чтобы воды не преступали его повеления, когда он устанавливал основания земли, я присутствовала, как художница, рядом с ним, веселясь ежедневно, ликуя пред ним непрестанно» (Притч. VIII. 22—31).

Историческая литература в эту эпоху оскудела. Единственный достойный внимания дошедший до нас памятник — Первая Маккавейская книга, первоначально написанная на еврейском (или арамейском) языке, но сохранившаяся в греческой библии, представляет замечательное явление и принадлежит к источникам первостепенной важности. Несомненно влияние подъема духа при Маккавеях, а может быть и греческой историографии. Автор начинает весьма разумно с Александра В., как с виновника проникновения в Иудею эллинизма, и доводит свое повествование до 135 г. Интересно миросозерцание автора: он, конечно, верующий иудей, но далек

от религиозного прагматизма прежних историков; он объясняет события земными причинами; при этом является поборником маккавейской династии. И к закону он относится без фанатизма и энтузиазма, что, на ряду с человеческой точкой зрения, заставляет видеть в нем умеренного саддукея. Совершенно другой характер носит так наз. 2-я Маккавейская книга с ее увесистым стилем, реторикой, склонностью к чудесному. Это скорее церковная и храмовая история, которая так относится к первой книге, как Паралипоменон к Царствам. Здесь и фарисейское законничество, и религиозный прагматизм. Книга написана на греческом языке и выдается за извлечение из Ясона Киренского. Так наз. 3-я Маккавейская книга — тенденциозное писание, составленное мстительным египетским иудеем, вероятно, по поводу еврейского погрома при Калигуле (38 г.) в Александрии. В этом же роде, хотя и выше и по тону и по содержанию, книга Иудифь, в которой за историческими странностями, вероятно, скрывается все то же гонение Антиоха.

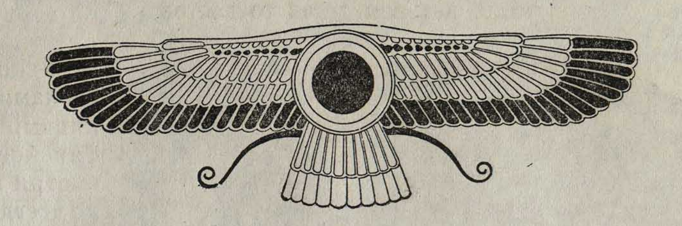
В совершенно другую, мирную и уютную сферу переносит нас прекрасная книга Товита. Это — повесть, в которой дела милосердия, брак и семейные добродетели возводятся на должную высоту, причем указывается на необходимость чистоты крови. Это заставляет нас видеть в книге руку иудея, жившего среди иноверцев и написавшего ее в поучение своим единоверцам, подвергавшимся опасности смешения с окрестным населением.

Книга Товита примыкает к так наз. учительной литературе, которая у семитов была всегда в почете и от которой в библии мы имеем несколько чрезвычайно интересных образцов. Мы не будем говорить о всемирном произведении неизвестного гениального поэта — книге Иова — рассмотрение ее не может ограничиться несколькими словами, — а укажем на другое замечательное явление библейской литературы — Екклезиаст, книгу позднего происхождения, вероятно III в. до н. э. Ее безысходный пессимизм отражает время, когда многие стали разочаровываться в необычайных ожиданиях и обетованиях, когда противоположность ожидавшегося величия и действительного унижения становилась нестерпимой, и единственным утешением, кроме обычных утех жизни (3, 22, 5, 17, 8, 15, 9, 7, 9, 11, 9 сл.), оставалось полагать, что жалкое состояние своего народа — удел всего человечества. Совершенно другого типа возникшая в начале II в. книга Иисуса, с. Сирахова. По характеру она примыкает к тому более древнему собранию изречений, которое составлено из самых разнообразных частей и помещено в библии под именем Притчей. По содержанию она соответствует своему девизу — «начало премудрости — страх божий». Для автора страх божий и исполнение закона — понятия тожественные; они обнимают все стороны жизни. Поэтому он неистощим в житейских правилах и советах, и с этой стороны является важным источником для знакомства с культурным состоянием его времени. Советы его исходят из его житейского опыта и большею частью покоятся на серьезной нравственной основе, лишь изредка сбиваясь на внешнюю житейскую мудрость. Он преисполнен великого благоговения к прошлому своего народа (гл. 44—50, так наз. гимн предкам), но мало говорит о будущем; это — трезвая натура, несклонная к апокалиптике. Книга первоначально написана на еврейском языке, в Египте переведена внуком автора еще в 130 г. на греческий. Несколько моложе и выше по изложению книга Премудрости, влагаемая в уста Соломону и представляющая не собрание изречений, а связный, написанный прекрасным греческим языком и не чуждый греческих влияний трактат против безбожия и идолопоклонства. Тема книги: истинная премудрость (сильно ипостасируется в книге) — истинная религия, т. е. религия Израиля. Отсюда идет полемика против единоплеменников, увлекающихся материалистическим эпикуреизмом. При этом автор посвящает экскурс обличению идолопоклонства — можно назвать это место первой попыткой философского объяснения его происхождения и последствий.

К этому же времени относится и окончательная редакция сборника еврейской лирики — Псалтири, так как целый ряд псалмов (44, 74, 79, 83, 109, 118 и мн. др.)

несомненно маккавейского происхождения, и самая книга вероятно заключена после Симона. Значительная часть псалмов обнаруживает несомненные признаки (по богословскому миросозерцанию, историческим намекам и т. п.) происхождения во время второго храма, и книга может быть названа молитвословом общины верующих времени этого храма. Поэты говорят большею частью от лица общины, но личность их не заслоняется; мы слышим и скорбь грешника, и вопль обездоленного бедняка, оскорбляемого гордыми, и восторженный гимн закону (118), и радостную победную песнь патриота. Вошли сюда и богослужебные песнопения и, до известной степени, народные — целое собрание (119—133) песен, певшихся богомольцами на пути в Иерусалим. Редко человечество производило что-либо более совершенное, и редкая книга имела в его истории больше значения и большее распространение. Сотни поколений всех времен и народов до сих пор видят в ней неисчерпаемый источник наслаждения, умиления, утешения, поучения. Ни одна религия древности не поднялась так высоко в своем богопонимании, и отчасти и этике, как большинство псалмопевцев, стоящих главным образом не на законнической и ритуалистической, а на древней пророческой духовной почве. Это миросозерцание они пронесли через века фарисейства и составили звено, связующее Исаию и Иеремию с евангелием.

Общие труды: Schürer, Geschichte d. Judischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. 3 т. 3 изд. 1898—1902. Holtzmann, Neutestamentliche Zeitgeschichte, 1906. Его же, Падение Иудейского государства. М., 1899 (перевод). Staerk, Neutestamentliche Zeitgeschichte. 2 ч. 1907 (Sammlung Göschen). *Монографии:* Busset, Die Religion des Judentums in neutestamentlichen Zeitalter, 1906. Зенгер, Еврейский вопрос в древнем Риме. Варшава, 1889. Родников, Первая книга Маккавеев. Киев, 1907. Sellin, Die Spuren griechischer Philosophie in Alten Testament, 1905. Многочисленные труды по ветхозаветной литературе, исагогике, богословию.



ИРАН

Фирдауси в своем эпосе делает из Александра национального персидского героя — он сын Дария, победителя Филиппа, завоевавший по праву принадлежавшее ему царство у присвоившего его себе брата, тоже Дария. Он и покровитель туземной религии, и образец мудрости. Справедливо указывается на эллинистическое происхождение этой иранской «Александрии», тем более, что национальная традиция персов, передаваемая в устных преданиях до сих пор, и засвидетельствованная в туземных литературных памятниках, восходящих к эпохе Сасанидов, видит в Александре одно из самых ненавистных порождений Аримана, явившегося по его повелению из Египта, неся в Иран войну, насилие и убийство; оно превратило столицу царства в пустыню, перебило князей, ученых, жрецов, сожгло священные книги, написанные на пергаменте золотом, за что оно мучится в аду, как злодей и, впоследствии прибавили — гебр — Мухаммед, виновник второго разгрома Персии: прервавший течение государственной жизни Персии, погубивший в пламени памятники Персеполя и открывший туземную культуру и религию могущественному влиянию эллинизма, конечно, не мог у ярких и сознательных носителей этой культуры заслужить иного отношения к своей памяти, и эта благородная тоска по родном величии объясняет нам и быстрое возрождение Персидского царства сначала под властью парфянских Арсакидов, а затем, особенно, успех первого Сасанида Ардашира, который выступает как настоящий восстановитель царства Кира и Дария.

Сасанидский скальный рельеф в Так-и-Бустан.

Сасанидский царь на охоте. Серебряное блюдо из собрания Гос. Эрмитажа.

Вековая борьба с греками, а потом с римлянами возвела Парфянское царство, несмотря на то, что успех не всегда был на его стороне, на степень великой державы, единственно равноправной Риму даже в сознании граждан и подданных последнего, что, напр., можно видеть при грандиозной картине в Апокалипсисе. И было время (63—107), когда обе империи мирно делили между собою владычество над культурным миром, пока новая вековая война при Траяне, окончившаяся после многих унижений торжеством Ирана, не обеспечила, вследствие ослабления царства Парфянского, внутреннего кризиса, начавшего новый период строго национального исторического бытия. Но это направление было давно уже подготовлено. Борьба с западом и не могла не содействовать развитию национального духа, которое должно было захватить и филэллинскую династию. Мы теперь впервые встречаем (у Эратосфена в III в. до н. э.) общее имя Ирана (в форме Ариана) для обозначения страны, находившейся под властью Арсакидов. Со времени Артабана III (10—40), ясно обнаружившего стремление к восстановлению наследства Кира в полном объеме, замечается реакция против эллинизма и пр. в том, что надписи на монетах делаются на туземном языке, хотя еще греческими буквами. При Вологасе I (51—78) последние заменяются парфянскими, по позднему произношению пахльвийскими или пехлевийскими — название это пережило Парфянское царство и даже сасанидское. Вологас озаботился тем, чтобы были разысканы и собраны уцелевшие отрывки и передаваемые устно части Авесты и составлен ее свод. Он же, основав на правой стороне Евфрата город Волагасокер (Беляшкярд), стремился сделать его столицей вместо слишком эллинизированного Ктесифонта. Брат его, армянский царь Тиридат, прославился как особенно правоверный зороастриец, если даже не маг; Маркварт полагает, что эти два брата дали черты для эпического Гистаспа, поборника веры, и его сына Исфендиара.

Замена Арсакидов Сасанидами напоминает события VI в. до н. э. И тогда и теперь династия, происходящая из Персиды, свергает западно-иранскую, ослабевшую от войн с западом. Но здесь было выдвинуто и религиозное знамя — зороастризм был впервые объявлен государственной религией, «престол — опора алтаря и алтарь — опора престола», и это дало повод впоследствии считать Ардешира первым из царей, принявших эту веру, и рассматривать весь парфянский период как неправо-

верный, несмотря на то, что новая династия продолжала его дело и даже главной святыней оставался храм, находившийся в мидийском городе Ганзаке к востоку от озера Урмии. Правда, характер религиозной политики был теперь иной. Духовенство стало пользоваться огромным влиянием и проявляло нетерпимость по отношению к сектантам и иноверцам. При Шапуре II (310—379) Авеста получила каноническую редакцию, при Хосрове I, около 560 г., она была переведена на пехлевийский язык и снабжена комментариями. И внешняя политика, будучи продолжением отношений Арсакидов и римлян, нередко была обусловлена религиозными мотивами. По-прежнему войны с западом велись с переменным успехом и большей частью за те же Армению и Месопотамию. Когда в римской империи христианство восторжествовало, в Персии началась эпоха гонений на христианство, пока оно не сорганизовалось (410 г.) в несторианскую церковь, имевшую в истории всей Азии до Китая и Индии включительно исключительное значение. Памятниками несторианской культуры полна Средняя Азия; христианская литература на сирийском языке процветала во всех пределах царства Сасанидов, ее наследием является между прочим монгольский алфавит, происходящий из арамейского. Религиозные причины теперь нередко вызывали те или иные явления внутри и влияли на внешнюю политику. Так, между прочим, за добрые отношения к христианам пострадали и Иездегерд I (399—420) и Хормузд IV (579—590); вмешательство в дела Южной Аравии при Коваде и даже мудром Хосрове I (531—589) вызвано соперничеством с Византией и Аксумским царством на религиозной почве. Конечным результатом этого вмешательства было признание верховенства Персии в Иемене. Достаточно известно, насколько приняла религиозный характер война Хосрова II с Византией, война, на несколько лет восстановившая царство Ахеменидов почти в полном объеме, но окончившаяся плачевно и подготовившая арабское завоевание. И в этом случае повторились события эпохи конца первой персидской монархии, когда за несколько лет до александрова погрома Артаксеркс III вновь собрал царство в его полном объеме.

Сасанидское серебряное блюдо из собрания Гос. Эрмитажа.

Религиозное начало занимало в империи Сасанидов господствующее положение и религиозная жизнь была в ней весьма интенсивной. Цари постоянно изображали себя получающими наставление от Аурамазды и Анахиты, помещая эти барельефы большей частью на освященных ахеменидовской древностью скалах Накши-Рустама. Здесь царь и бог изображались ими на конях в геральдических группах, или пешком;

бог вручал царю перстень и корону; некоторое влияние эллинистического возведения царей в равное достоинство с богами можно усмотреть в том, что на этих изображениях и бог и царь представлены одинаково, тогда как на последующем здесь же барельефе Дария божество парит над всей сценой. Иран дважды оказал могущественное религиозное воздействие на весь запад. Культ древнего иранского бога света — Митры, хотя и подвергшийся влиянию вавилонского богословия и малоазийских представлений, победоносно шествовал на запад еще с эпохи усиленного синкретизма в начале эллинистической поры, особенно в римское время, начиная с Каппадокии и Понта, распространяясь сначала среди военной аристократии персидского происхождения, потом особенно среди солдат во всей западной половине римской империи, привлекая к себе сердца тем характером деятельности благочестия и энергичного служения правде, верности и культуре, которые были обусловлены иранским дуализмом. В лице Митры Иран был близок к духовному господству над человечеством: Коммод велел посвятить себя в мистерии этого бога, а в 307 г. Диоклетиан, Галерий и Лициний провозгласили в Корнунте Митру покровителем империи. Но это было всего за шесть лет до Миланского эдикта... Однако побежденный парсизм нашел себе новый путь на запад — в манихействе, этой сложной религии, продукте религиозного месопотамского искательства III в., где иранский дуализм, но уже непреоборимый и безысходный, сочетался с вавилонскими и иными элементами. Распространяясь и во времени и в пространстве в своих многочисленных формах, в течение многих веков манихейство находило себе последователей, искавших в нем ответа на жгучий, особенно с III в., вопрос о происхождении зла. В конце V в. Иран пережил еще одно движение, может быть, стоящее в связи и с манихейством, и с буддизмом, но имевшее религиозно-политический характер — учение Маздака. Сектантам удалось даже временно склонить на свою сторону царя Ковада (489—531), желавшего, опираясь на них, освободиться от опеки знати и духовенства.

На ряду с созданием государственной религии Сасаниды проводили, хотя не столь последовательно, централизацию государства и ограничение феодального строя вассальных владений. Последние были большей частью обращены в провинции и удержались только на окраинах (Армения, арабское Хирское царство в Средней Азии). Государство делилось на 18 сатрапий, объединенных в четыре наместничества. Феодальная аристократия продолжала быть силой, с которой приходилось считаться царю, но которая теперь должна была делить свое влияние с духовенством. Государственная организация отличалась стройностью и прочностью; администрация и финансовая система были образцовы и впоследствии вошли в пословицу у арабов; мусульманские правители Персии пытались подражать тому, что, начиная с Ардашира I, особенно же при мудром Хосрове I Анушırване, дало Ирану благоустройство, но им никогда не удавалось довести порядок и доходность провинций до такой высокой степени, как при Сасанидах. И для падающей римской империи соседнее царство представлялось образцом благоустройства; многие придворные обычаи давно уже были заимствованы из него Кесарями (напр., преднесение им священного огня), двор Диоклетиана, по признанию современников — сколок с сасанидского, а Галерий открыто говорит, что персидский абсолютизм должен заменить в его империи древний принципат. Если Иран оказал такое воздействие на Рим, то можно себе представить, насколько сильна была зависимость от него восточных царств, часто принадлежавших к тому же племени. «Скифские царства... стремились организоваться на тех же устоях и на той же религиозной базе, на которой выросли и царства Каппадокийское, Коммагенское, Армянское, Иберийское, Албанское и наконец Парфянское. Эта база была завещана старой Персией: ее традиция была настолько сильна и живуча, что победить ее не могли ни эллинистическая монархия, ни впоследствии римская республика и империя» (М. П. Ростовцев). И мы действительно находим в этих царствах большую зависимость от Ирана и в области религии, и в области быта и материальной культуры. На серебряном ритоне из кургана

Карагодеушах на Кубани М. И. Ростовцев определил изображения стоящих друг против друга всадников с поверженными под их конями врагами, как имеющие то же значение, что и упоминавшиеся нами сасанидские барельефы, представляющие наставление царя богом. Скифское изображение на пять веков старше древнейшего сасанидского, и это указывает на глубокую древность иранской идеи, воплотившейся в данную форму, очевидно, уже в начале парфянского периода. На другом памятнике из того же кургана — треугольной пластинке — изображен царь или маг, приобщенный богиней нитью бессмертия; богиня эта ирано-семитическая Анахита-Астарта. Подобного рода изображения встречаются неоднократно в курганных находках на протяжении веков, равно как и памятники, связанные с культом Митры.

И в области искусства царство Сасанидов дало достойное изучения и художественного интереса. Если немногочисленные памятники парфян обнаруживают римское влияние, сасанидские рельефы с самых первых шагов свидетельствуют о сознательном возвращении к древне-восточной основе и, несмотря на быстрое художественное развитие, никогда не могли отрешиться от особенностей и недостатков своего древне-восточного наследства. Мало того, сасанидское искусство иногда облегчает понимание поздне-иранского и византийского, современных ориентализации Запада. «При взгляде, напр., на изображения сасанидских великих царей, не дающие впечатления личности, но воплощающие только идею величия, мы можем понять *в* их настоящем значении головы поздне-римских и византийских императоров и распознать там и здесь только отвлеченный символ царского достоинства» (Герцфельд). Памятники сасанидской скульптуры помещены в древней Персиде, в окрестностях Персеполя (Истахра), частью вблизи Бехистуна. Уже в этом видят стремление связать себя с Ахеменидами. Но если на памятниках последних скульптуры были иллюстрациями и надписями или украшениями гробниц, то теперь они имеют самостоятельное значение и должны увековечивать получение царем власти от бога, большие победы, напр., скульптуры Шапура I, изображающие пленение императора Валериана, или победы Варахрана II над бедуинами, или победа Хосрова II. Потом вошло в обычай изображать и царские охоты, бывшие по словам Аммиана Марцеллина, вместе с батальными сценами, предметами изображения на стенах царских дворцов. Охота и вообще сцены со зверями были излюбленными на знаменитых серебряных сасанидских блюдах, расходившихся далеко по торговым путям и нередко находимых у нас в [бывших] Пермской и Вятской губерниях. Особенно удачны были, как вообще на Востоке, изображения животных и детали, но и человеческие фигуры и общие композиции с течением времени обнаруживают несомненный прогресс. Полагают, что многие из барельефов являются копиями с произведений живописи, которая была, вероятно, также распространена и преследовала такие же политические цели, как и в римской империи. Указывают на значение живописи в буддийских монастырях Средней Азии, находящейся под несомненным сасанидским влиянием, на роль искусства Гандары, как на художественный узел между Западом и Дальним Востоком.

И в области архитектуры эпоха Сасанидов была возвращением к Древнему Востоку. Арсакидское зодчество, насколько оно нам известно по дворцу в Хатре, по постройкам на месте древнего Ассура, остаткам дворцов в Теллуке, Ниппуре и храма в Варке, носит эллинистический характер, причем бросающееся в глаза возрождение всех форм объясняется работой туземных мастеров, для которых дух греческих форм был чуждым. Сасаниды, как Арсакиды, по большей части строили из кирпичей, весьма редко употребляли плиты, заменяя их плохим битым камнем и конгломератами. Удивительно, что Восток забыл грандиозные технические достижения своей древности и не воспринял при этом солидной техники Запада. Однако Персида, родина сасанидской культуры, развиваясь в стороне от остальной части царства, сохранила многое из древнего наследства и влила в Иран и далее в Месопотамию

Сасанидское серебряное блюдо из собрания Гос. Эрмитажа.

новый поток древне-восточных элементов. «Поэтому сасанидское искусство, и особенно архитектура, которая нам достаточно известна по многочисленным дворцам, замкам, укреплениям, стенам, городским воротам, плотинам, мостам, водопроводам, имеет существенно отличный характер от арсакидского» (Герцфельд). На ряду с употреблением упадочных эллинистических форм, встречаются и в сасанидскую эпоху оригинальные остатки украшений из орнаментального мира Востока, а в Персиде, Сузиане и Месопотамии постройки, обнаруживающие аналогии с ахеменидовскими развалинами в Фирузабаде. Исламское завоевание не было заметной гранью в архитектурных традициях Ирана, а в отдаленных областях, напр., в Луристане, сасанидская манера держалась до позднего средневековья.

Необходимо упомянуть о высоком совершенстве внешней культуры в сасанидском царстве, о богатом развитии художественной промышленности, напр., резных камнях, печатях, коврах, узорчатых тканях, достойных соперниках египетских, наконец об иллюстрациях в рукописях. Еще в X веке в одном из замков древней Персиды хранились рукописи, содержащие рассказы из персидской истории и иллюстрированные в стиле сасанидских барельефов на скалах Шапура. Вероятно, особые персидские краски, неизвестные уже по словам Масуди в его время, с золотым, серебряным и медным порошком, употреблялись также манихеями, каллиграфией которых восхищались мусульманские писатели. Может быть, из сасанидской древности идет обычай писать на цветных пергаменте или бумаге.

Письменность сасанидской Персии была богата, несмотря на крайне неудобное арамейское пехлевийское письмо, приспособленное весьма неудачно к персидскому языку. За несколько лет владычества Хосрова II в Египте сохранилось столько пехлевийских деловых документов на папирусе (пока еще почти не поддающихся чтению), что мы можем составить себе представление, какое огромное количество памятников письменности должно было остаться от обширной монархии Сасанидов, если бы климат, материал и исторические условия были для этого благоприятны. Но мы имеем возможность получить некоторые сведения о литературе эпохи Сасанидов благодаря тому, что персидское литературное предание пережило арабское завоевание, найдя себе убежище у парсийского духовенства. Еще в X веке в Фарсе, древней Персиде, не было деревни или села, где бы не имелось храма огня; здесь же находились укрепленные замки туземной аристократии, хранительницы сасанидских преданий. Арабские писатели говорят, что в замке Доилес имеются свитки, излагающие деяния царей, вельмож и мудрецов. Не дошла до нас в пехлевийском оригинале составленная по поручению Хосрова I Ануширвана и впоследствии продолженная «Книга Владык», «Худай-намэ», содержавшая предания о древних царях и историю царей сасанидских, но мы знаем «Худай-намэ» и в ново-персидской стихотворной обработке Фирдауси «Шах-намэ», и в арабских изложениях Ибн-Кутейбы

и Табари, восходящих к переводу ее на арабский язык, сделанному обращенным в ислам персом Ибн-аль-Мукаффа, известным проводником персидской исторической традиции в арабскую литературу. Он перевел еще «Аин-намэ» — официальную «Книгу об установлениях», весьма важную для внутренней истории царства, также книгу «Тадж», содержавшую, кажется, предвещания персидских царей. Существовали и отдельные книги эпического и исторического содержания. «Существует предположение, что официальная хроника сасанидского времени оказала влияние на развитие мусульманской историографии; с другой стороны, эпос перерождается в героические романы и сказки. В связи с историческим преданием и эпосом стоит романтическая поэзия, которая восходит в мусульманских литературах в значительной степени к иранской традиции... К этому же роду литературных памятников примыкает обширная область сказочной литературы. Хотя значительная часть ее входит в состав странствующих сюжетов и Персии принадлежит часто лишь роль передаточная, тем не менее составление подобного рода сказочных сборников бесспорно имело место в сасанидскую эпоху, и зависимость основного содержания «Тысячи и одной ночи» от персидского сказочного сборника Хезар-Эфсан несомненна. ...В связи с персидской литературой сасанидского времени стоит также и ряд повестей сказочно-эпического характера, восходящих к древнему историческому периоду западных пределов Персии и образующих своеобразный цикл сказаний о Вавилонском царстве... Наконец, персидская традиция переживает в мусульманскую эпоху и в литературе этико-дидактической. Известно значение пехлевийского перевода «Калилы и Димны» для перехода этого сборника на запад»... (К. А. Иностранцев).

Сасанидские воины. Серебряное блюдо из собрания Гос. Эрмитажа.

В Фихрист-он-Надим, где перечисляются главнейшие персидские, греческие, индийские и арабские книги этико-дидактического характера, упомянуто до 14 названий, восходящих непосредственно к персидским источникам. Это различные наставления отца сыну (напр., некоего Заданфарруха или царя Хосрова I, названная «Книгой Завета», как и подобная же книга, приписанная Ардаширу I), сборники изречений, наставлений, вопросов, писем, между прочим, переписки Ануширвана с «царем Рума» и т. п. В аббасидскую эпоху упоминаются, как произведения персидского происхождения, сочинения специального характера о военном деле, о гаданиях, лечении животных, об охотничьих птицах. Частью это восходит к той же упомянутой нами «Книге установлений» — «Аин-намэ», о которой Масуди говорит, что в ней значатся «чины персидского государства в числе шестисот», и что сама книга «в несколько тысяч листов и полный экземпляр ее (еще в X в.!) можно найти лишь у мо-

бедов и других пользующихся властью лиц». Ибн-Кутейба приводит цитаты из этой книги, напр., изречения царя и правила судебных постановлений; отрывок теории военного дела, стрельба из лука и игры в мяч, поверья и приметы и т. п. Военное дело обнаруживает много аналогий с византийским. «Сасанидское войско выступает в поход, руководствуясь правилами, типичными для эллинистического периода. Преимущественно конное, хорошо снабженное наступательным и оборонительным оружием, знакомое с полиоркетикой и имеющее для нее необходимые средства, оно начинает бой, о котором поет воинственный гимн Авесты: «Да помогут нам великие боги Митра и Ахура, когда громко поднимает свой голос канонал, когда дрожат лошадиные ноздри... когда тетивы луков свистят и пускают острые стрелы» (К. А. Иностранцев). Сохранившийся из «Аин-намэ» в арабском переводе сборник примет и поверий весьма сложного содержания и состава. Здесь и календарные приметы, восходящие к церемониальному придворному сасанидскому календарю, и приметы по животным, ветру, огню. Один из арабских писателей IX в., сообщивший также восходящие к «Аин-намэ» персидские поверья, Джахиз, говорит, что персы позаимствовали их, как и многое другое, из Индии так же, как византийцы все время от греков. «Персы все время от индийцев. У них физиономика, политика, поверия, предчувствия, знания бурных признаков, домыслы, мнения, суждения, соображения, аргументы воспитания духа, исправление всего худого, рытье колодцев, каналов, водопроводов... разного рода вещи, полезные для царей и государственных людей, и тому подобное. Индийцы доставили им разного рода вещи. Хосров, Аубад, Шапур, Хосров, Ануширван, Бахрам, Джур, Шаханашах, царь царей... добыли из Индии разного рода предметы, роздали обширные средства и оказали обильные милости индийским ученым и мудрецам. И приходило ежегодно, по очереди, большое количество разного рода мудрецов, ученых, математиков, астрологов, заговаривателей, заклинателей, переводчиков, дающих решения, познающих будущее, физиономистов. Они предсказывали им и сообщали о том, что случится в этом году и что постигнет их»... Так вся сасанидская культура Джахизом ориентируется на Восток. Из того, что мы рассмотрели, можно убедиться, сколько в этом утверждении преувеличения, доходящего до полного непризнания и того влияния, какое оказывал на Персию Запад, и той роли, какую она играла в передаче этого влияния на Восток. Персия была посредствующим звеном между эллинистическим миром, Дальним Востоком и Индией, сама будучи открыта в обе стороны, и лишь впоследствии, когда условия существования парсийских общин под мусульманским игом значительно ухудшились, произошло выселение оставшихся верными древней религии в Индию. Это случилось, в связи с эсхатологическими гонениями и политическими событиями, сто лет спустя после смерти Иездегерда III, т. е. в 751 г.; окончательное поселение их на Гуджератском полуострове произошло в 785 г.; До этого времени в Мазандаране местные правители «испехбеды» продолжали держаться веры Зороастра; в половине VIII в., в связи с пророчеством о прекращении власти ислама, возникают

Парфянская серебряная чаша из собрания Гос. Эрмитажа.

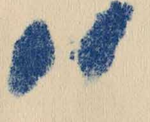
движения в сторону зороастризма, ожидалось даже появление самого Зороастра, а в Хорасане Сумбад поднимает восстание и объявляет себя «испехбедом Фирузом» по имени сына Иездегерда. Но все эти попытки, хотя и свидетельствовали о живучести древней традиции, успеха не имели, и в 766 г. войска халифа Мансура положили конец и царству испехбедов. Однако «Иранскому элементу принадлежит очень крупная роль как во внешней, так и во внутренней истории ислама. Его влияние сказывается на протяжении всей многовековой истории мусульманских народов... Сасанидская традиция переживает династию и как при изучении торговли и промышленности, так и искусства мусульманской эпохи, необходимо обращаться к предшествующему времени персидской истории» (К. А. Иностранцев).

Darmstetter, La légende d'Alexandre chez les Perses. Essais orientaux, 1883. Christensen, L'empire des Sassanides, le peuple, l'état, la cour. Copenhague, 1907. К. А. Иностранцев, Сасанидские этюды. Спб., 1909. Nöldecke, Aufsätze zur Persischen Geschichte, 1887. Justi, Geschichte des Alten Persiens. (Сборник Онкена, 1879); Herrschaft der Sasaniden (Grundriss d. iranischen Philologie II, 1896). Ed. Browne, A litterary history of Persia. Z., 1902. Крымский, История Сасанидов... с приложением отдела о Парфянском царстве. М., 1905. (Труды по востоковедению, изд. Лазар. инст. XXI). К. Иностранцев, Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии. Зап. Вост. отд. Арх. общ. XVIII. Переселение Парсов в Индию. Там же, XXIII. В. В. Бартольд, К истории персидского эпоса. Там же, XXII. М. И. Ростовцев, Эллинство и Иранство на юге России. П., 1915. (Изд. «Огни»). Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре. Изв. Арх. ком. 49. Sarre und Herzfeld, Iranische Felsenreliefs. B., 1910. Я. И. Смирнов, Восточное серебро. Спб., 1909. О сасанидских блюдах. Казань, 1904. (Изв. Общ. арх., ист., этногр., XII).

УКАЗАТЕЛЬ К I ТОМУ

*

УКАЗАТЕЛЬ К II ТОМУ



*

КРАСОЧНЫЕ ТАБЛИЦЫ

В первом томе: египетская полихромная скульптура эпохи Эль-Амарны, изображающая Нефертити — жену фараона Эхнатона.

Во втором томе: вавилонские полихромные изразцы с изображением льва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТДЕЛ III. ПРЕОБЛАДАНИЕ АССИРИИ

ОТДЕЛ IV. МИДО-ХАЛДЕЙСКОЕ ПРЕОБЛАДАНИЕ

ОТДЕЛ V. ПЕРСИДСКАЯ ЭПОХА

ОТДЕЛ VI. ДРЕВНЕ-ВОСТОЧНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

К I ТОМУ

Страницы	*Строки*	*Напечатано*	*Следует читать*
51	11 сверху	Yirku	Jirku
72	1 снизу	Hadschra Maktuba	Hádschra Maktuba
73	22 сверху	La Gaône	la Saône
150	7 снизу	Balylonian	Babylonian
151	21 сверху	Иштари	Иштарь
157	9 сверху	Mond. rechnung	Mondrechnung
158	16 сверху	Pinchesa	Pinches a.
174	10 снизу	Kultur-morphologie	Kulturmorphologie
175	10 сверху	Kien	Wien
213	2 снизу	Davise	Davies
214	4 сверху	Голенишев	Голенищев
299	3 сверху	*Telle-el-Amarna*	*Tell-el-Amarna*

К II ТОМУ

Страницы	*Строки*	*Напечатано*	*Следует читать*
19	2 сниву	Böthgen	Bäthgen
51	7 сверху	Ашур-аха-Иддин	Ассур-аха-Иддин
123	24 сниву	Асушунамир	Адушунамир
151	9 сниву	Шантепи-де-ля-Соссай	Шантепи-де-ля-Соссей
173	2 сниву	judiche	judische

Ответств. редактор И. Снегирев. Технич. редактор Л. Вакуленко. Сдано в набор 29 июня 1935 г. Подписано к печати 20 сентября 1935 г. Инд. С-43. Огиз № 1607. Тираж 15250. Ленгорлит № 25114. Заказ № 2812. Формат бум. 82×110$^1/_{16}$. Авт. л. 35$^1/_2$. Печ. л. 43$^1/_2$+6 вклеек. Печатных знаков в 1 л. 31680. Бум. л. 21$^1/_2$. Цена книги 7 руб. Переплет 1 руб. 2-я тип. «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига», Ленинград, Гатчинская, 26.

КАРТА
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
100 0 100 200 300 км
25° 30° 35° 40° 45° 50° 55° 60°
40° 35° 30° 25° 20° 15°
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
КРАСНОЕ (ЧЕРМНОЕ) МОРЕ
ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН
АРАВИЯ
Фригия
Муски
Сарды
Смирна
Эфес
Милет
Ликия
Киликия
Кнос
Кефтиу
(О-в Крит)
Аляшия
(О-в Кипр)
Солы
Хитры
Саламин
Паф
Китий
Идалий
Амофунт
Эйюк
Хатти (Богазкеой)
р. Галис
Комана
Тиана
Тарс
Адана
Исс
Ханигальбат
Малатия
Мараш
Зенджирли
Самал
Эдесса
Харран
Арпад
Кархемиш
Селевкия
Антиохия
Алеппо
Каркар
Рацаппа
Хамат
Арад
Антарад
Мараф
Кадеш
Арамеи
Пальмира
Берит
Библ
Нахр-эль Кельб
Тунип Баальбек
Сидон
Тир
Экдиппа
Акко
Дан
Дамаск
Итурея
Сарепта
Дор
Мегиддо
Хауран
Иоппия
Самария
Азот
Аскалон
Газа
Иерихон
Иерусалим
Медаба
Моав
Рафия
Кир
Ароир
Эдом
Кадеш
Петра
Набатеи
Синайский п-ов
Эцион-гебер
Арменияр
Армавир
Оз. Гокча
Эривань
Арарат
УРАРТУ
Мелазгерд
Оз. Ван
Тушпа (Ван)
Оз. Урмия
Маннеи
Парсуа
Нисибия
(Хорсабад) Дур-Шаррукин
Ниневия
Балават
Калах
Арбела
Ассур
Намри
Мидия
Арпах
р. Тигр
Месопотамия
р. Евфрат
Анзан
Экбатаны
Эльвенд
Бехистун
Опис
Дурилу
Мадакту?
Селевкия
Ктесифонт
Сиппар
Кута
Вавилон
Киш
Борсиппа
Ниппур
Элам
Суза
Ширпурла
Эрех
Ларса
Ур
Эриду
Малмир
Иран
Парсагады
Персеполь
О-в Дильмун
Джоф
Канол
Буто
Александрия
Мендес
Саис
Танис
Пелусий
Навкратис
Пифом
Атриб
Дафны
Гелиополь
Ливийцы
Ут-тауи
Мемфис
Крокодилополь
Фаюм
Дешаше
Ираклеополь
Малый Оаз
Оксиринх
Бенихассан
Антинополь
Эль Берше
В. Ермополь
Яхтатон
(Тель Амарна)
Хатнуб
Сиут
Арсиноя
Абидос
Дендера
Фивы
Копт
Хаммамат
Ермонт
Латополь
(Эсне)
Великий Оаз
Западный Оаз
Нехеб
(Эль-Каб)
Иераконполь
(Нехен)
Эдфу
Редезие
Сильсиле
Ассуан
Элефантина
Филы
I порог
Береника
Кубан
Нубия
Абусимбел
Вади Хальфа
Семнэ
II порог
Куммэ
Солеб
III порог
Керма
Куш Кароц
р. Нил
IV порог
Напата
Донгола
V порог
Птолемаида
Охот
Мерой
Мусаувара
Нага
р. Атбара
VI порог
Хиртум
Алоа
Белый Нил
Голубой Нил
Аксум
Пунт (?)
Саба
Адулис
Минеи
Неджран
Савеи
Мареб
Химьяриты

2015170269